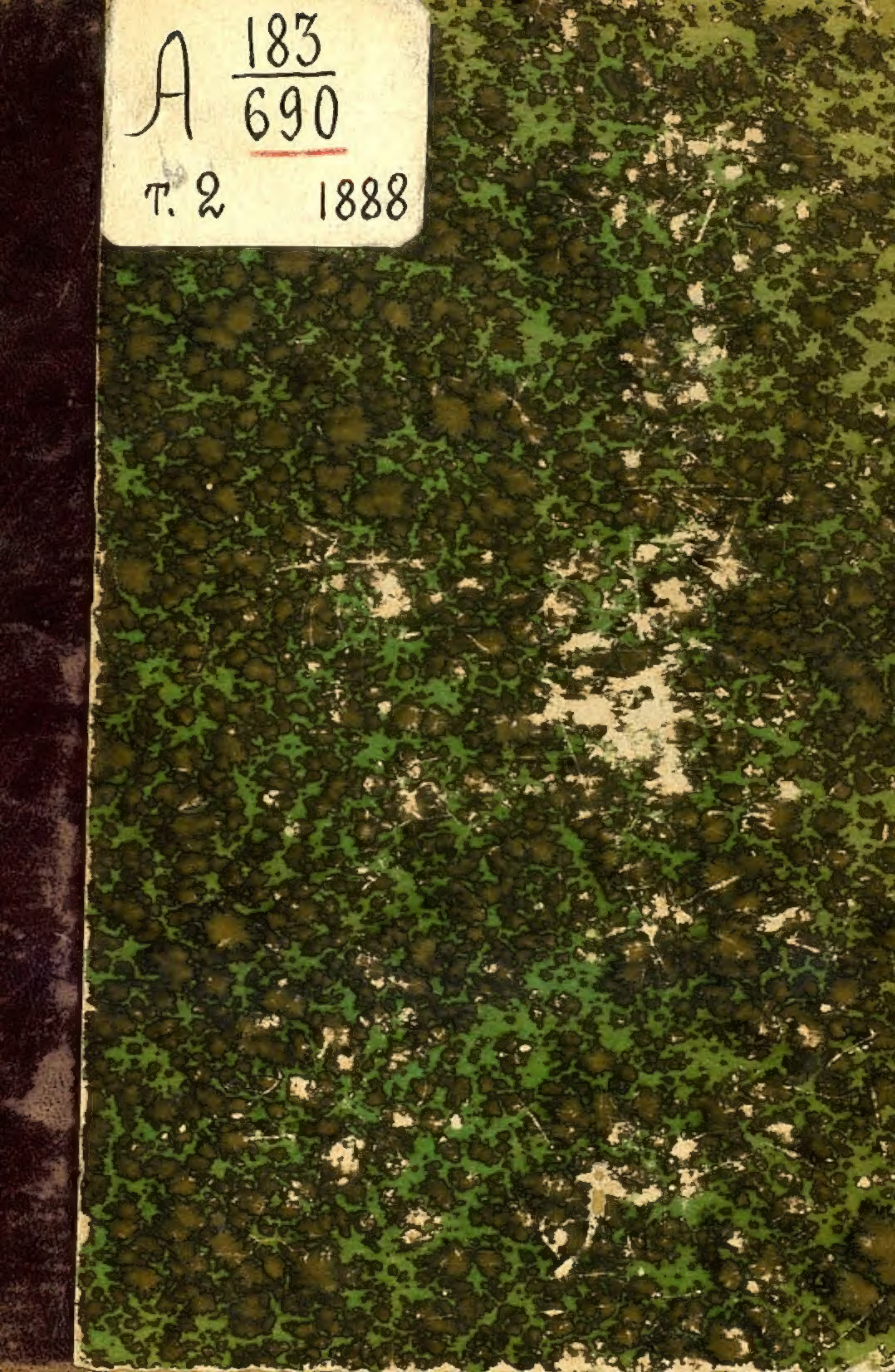

А 183/690
т. 2 1888

СЛАВЯНЕ
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ II.

Славянская идея въ литературѣ до XVIII вѣка.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, Королевская 29.

1888.

Указатель къ I и II томамъ выйдетъ позже.

СЛАВЯНЕ
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. професора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ II.

Славянская идея въ литературѣ до XVIII вѣка.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, Королевская 29.

1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

Второй томъ нашего сочиненія посвященъ славянской идеѣ въ литературѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. Разбираемъ литературу историческую и филологическую, попытки славянскихъ книжниковъ изучать вообще славянскій міръ, его исторію, литературу, языкъ; указываемъ на славянскую идею, воодушевлявшую многихъ польскихъ и хорватскихъ поэтовъ. Отъ такихъ занятій по славянской исторіи и филологіи, предпринимаемыхъ, конечно, безъ научнаго метода, отъ такихъ мудрствованій, залетающихъ часто въ область вопросовъ, которыхъ знать нельзя и не стоитъ,—наука собственно выигрывала очень мало. Но съ другой стороны такія разсужденія о разныхъ вопросахъ, касающихся славянскаго міра, поддерживали среди книжниковъ и читателей живой интересъ къ Славянству, славянское сознаніе, славянскую идею, приготовляли путь научной *славистикѣ*, которую сталъ въ концѣ XVIII в. созидать Іосифъ Добровскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы здѣсь слѣдили, въ общихъ чертахъ, за славянскою идеею, какъ она проявлялась въ публичной, политической и общественной жизни, предоставляя себѣ болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса для третьяго тома, въ которомъ будемъ говорить о сношеніяхъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ въ ихъ жизни политической и культурной.

Матеріалъ для своего труда собирали мы въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ славянскихъ и неславянскихъ, стараясь вообще изложить предметъ въ возможной полнотѣ; недостатки и пробѣлы въ такомъ трудѣ неизбѣжны и понятны. Надѣемся что этотъ томъ нашего труда поможетъ разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся славянскаго міра въ прошломъ, и что славянскіе читатели съ интересомъ прочитаютъ о томъ, какъ уже въ давно минувшія времена наши предки разсуждали о „славянской идеѣ", какъ они—тѣснимые на западѣ и на югѣ врагами славянскаго племени — все болѣе обращали свои взоры на славянскій востокъ, на ту „сильную и мудрую Сѣверницу", приносящую Славянамъ помощь и примиреніе, и выражали глубоко прочувствованное пожеланіе: Русское солнце сіяй на ясномъ небѣ востока!

Rusko sunce sini, sini,
U vedrinah od istoka!

Варшава 16 марта 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

ДО XVIII ВѢКА.

„Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣне иже сѣдяху по Дунаеви, гдѣ есть ныне угорска земля и болгарска, Хровате, Серебь и Хорутане, Морава, Чеси, Ляхове и Русь.“

Русская лѣтопись.

Славянскіе народы, хотя они рано разошлись и развивались каждый особо, сохранили себѣ и въ послѣдствіи больше или меньше ясное сознаніе, что они одного происхожденія, народы родственные, одного языка славянскаго. Это сознаніе проявляется въ публичной, политической жизни, особенно въ сношеніяхъ съ иноплеменниками; нерѣдко славянскіе государи и государственные люди, представители славянскихъ народовъ собравшіеся на сеймахъ, съ гордостью указываютъ на свое уже не чешское, польское, русское происхожденіе, но на общее славянское; они съ гордостью причисляютъ себя къ великому славянскому племени, части котораго ихъ народы: чешскій, польскій, сербскій, русскій. Слабые народы славянскіе, во имя общаго происхожденія, обращаются за помощью къ сильнымъ своимъ соплеменникамъ, сначала къ Польшѣ, потомъ, убѣдившись въ ея слабости и неспособности исполнить ихъ надежды, къ Руси; и въ половинѣ XVII-го в. Хорватъ Крижаничъ проповѣдываетъ на Руси политическій панславизмъ, необыкновенно смѣлыя мысли о политическомъ соединеніи Славянства подъ предводительствомъ Руси. Но не только въ публичной жизни проповѣдывается славянская идея; къ ней обращаются всѣ тѣ, которые занимались исторіею того или другого славянскаго народа и его языкомъ. Ограничены были научныя познанія и средства тѣхъ временъ; славянскіе лѣтописцы и слависты довольствовались нѣкоторыми отрывочными, случайными,

и обыкновенно некритическими замѣчаніями и разсужденіями, а не могли и думать о рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Но не смотря на все это, не безъ интереса читаются тѣ разсказы славянскихъ простыхъ лѣтописцевъ о великомъ племени славянскомъ, отъ котораго происходитъ тотъ или другой славянскій народъ, и которое де уже отъ Александра Великаго получило право господства въ Европѣ средней, юговосточной и восточной. Не безъ интереса читаются всѣ тѣ разсужденія объ обширности народа и языка славянскаго, съ которымъ не можетъ помѣриться ни одинъ народъ и языкъ въ мірѣ. Являются даже попытки составить общеславянскую исторію, и Крижаничъ, этотъ патріархъ панславизма и славистики, задумываетъ одинъ литературный общеславянскій языкъ и называетъ его русскимъ.

Славянскіе лѣтописцы, начиная писать исторію своихъ народовъ, располагали немногими источниками, народными преданіями, нѣсколькими легендами, нѣкоторыми памятниками римской, греческой и византійской письменности, библіею, книгою Іосифа Флавія о жидовскихъ древностяхъ, историко-филологическими сочиненіями Исидора Севильскаго, и пр.

Славянскіе лѣтописцы считали свои народы автохтонами въ заселяемыхъ ими странахъ, и воображали, что Славяне, одно изъ племенъ поколѣнія Іафета, занимаютъ свои земли съ раздѣленія языковъ во время вавилонскаго столпотворенія [1]). При томъ лѣтописцы русскіе, польскіе и чешскіе XII-XIV вв., съ

---

[1]) Форма *Славяне* встрѣчается не раньше XVI-аго вѣка и возникла по примѣру латинско-греческой Slavi, Slavoni, Slavini (Sclavi etc.), при чемъ славянскіе книжники сопоставляли это названіе съ „славными.“ Сами Славяне называли себя *Словѣне*, *Словене*, *Словине*, *Словяне*, *Словенцы*, *Словинцы*, *Словаки* (прилаг. словѣнскій, словенскій, словинскій, словянскій), не дѣлая между этими формами одного названія никакой разницы; только въ послѣдствіи установилось болѣе опредѣленное значеніе названій: Словене и Словенцы (альпійскіе), Словине и Словинцы (хорватско-далматинскіе), Словѣне (въ Панонiи, Дакіи, Болгаріи), Словаки (угорскіе), Словенцы и Словинцы (балтійскіе). Для избѣжанія разныхъ недоразумѣній, мы, зная, что всѣ эти названія первоначально означаютъ одно и тоже самое, все таки отличаемъ ихъ,

замѣчательнымъ единогласіемъ, указываютъ на подунайскія страны какъ на прародину Славянъ. Только югославянская лѣтопись, составленная въ Далмаціи въ XII в., разсказываетъ о прибытіи Славянъ на балканскій полуостровъ не изъ Азіи послѣ вавилонскаго столпотворенія, а съ сѣвера въ болѣе позднія времена, въ V вѣкѣ послѣ Р. X. Но это не мѣшало югославянскимъ лѣтописцамъ считать Славянъ балканскаго полустрова тоже автохтонами въ ихъ странахъ. Въ такихъ предположеніяхъ утверждали славянскихъ лѣтописцевъ и иноплеменные лѣтописцы, византійскіе и итальянскіе, нѣмецкіе и датскіе, которые тоже считали Славянъ древними жителями занимаемыхъ ими въ средніе вѣка странъ, и называли ихъ старинными именами Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Мизовъ, Трибаловъ, Илировъ, Свевовъ, Вандаловъ. Нѣкоторыя изъ этихъ и другихъ древнихъ названій разныхъ народовъ сдѣлались извѣстными и у Славянъ, и попали тоже въ славянскія лѣтописи; такъ на пр. русскій лѣтописецъ соединяетъ Славянъ съ Илюрикомъ, считая послѣдній прародиною Славянъ, и называетъ славянскія земли около Днѣстра и Чернаго моря Великою Скиѳіею; польскій лѣтописецъ, желая показать свое знакомство съ нѣкоторыми римскими писателями, разсказываетъ о войнахъ Ляховъ съ Галами, Гетами, Александромъ македонскимъ, Юліемъ Цесаремъ; далматинскій лѣтописецъ считаетъ Готовъ, прибывшихъ съ сѣвера на югъ въ Далмацію и пребывавшихъ и въ землѣ Гетовъ или Даковъ, Славянами; сербскій лѣтописецъ называетъ древнихъ Даковъ Сербами, и пр.

Генеалогію славянскихъ народовъ облегчали лѣтописцамъ разные „праотцы,“ которые перешли въ лѣтописи либо изъ народ-

---

и называемъ „Славянами“ всѣ славянскіе народы, а Словѣнами, Словенцами, Словинцами, Словаками и пр. извѣстные народы славянскіе; „словѣнскій языкъ“—это языкъ подунайскихъ Словѣнъ (церковный „славянскій“ языкъ), какъ его называютъ всѣ древніе писатели, въ томъ числѣ и русскій лѣтописецъ: грамота словѣньская (Кирилла и Меѳодія), словѣньскыи языкъ (т. е. народъ) и русьскыи единъ есть, и пр. О названіи Славяне и его формахъ см. Шафарика Славянскія Древности § 25, и наши замѣчанія въ Archiv für slav. Philologie VIII. 24.

ныхъ преданій, либо изъ библіи и другихъ сочиненій. Праотецъ русскаго народа, Росъ, является уже въ X—XI вѣкахъ; тогда разсказывали тоже о хорватскомъ князѣ Хорватѣ, о праотцахъ русскихъ племенъ Радимичей и Вятичей, Радимѣ и Вяткѣ, о праотцѣ Чеховъ Чехѣ, къ которому позже, въ XIII—XIV вв., присоединились и другіе два брата его, Лѣхъ и Русъ (независимо отъ Роса упоминаемаго у Византійцевъ), праотцы Ляховъ и Русовъ; польскіе лѣтописцы XIII—XIV вв. придумали Слава (Славяне), Вандала (Вандалы), Пана (Паннонія), Серба (Сербы); Вандалъ же сдѣланъ Іафетовичемъ, на равнѣ съ другими Іафетовичами, Гомеромъ, Магогомъ, Іаваномъ, Мосохомъ, Асармотомъ, Елисою (Helisa) и др. праотцами разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и Славянъ (Мосохъ-Москва, Асармотъ-Сарматы, Росъ у пророка Іезекіиля-Рось, Русь). Позже, въ XV—XVI вв., знакомство съ нѣкоторыми изъ древнихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, Страбона Плинія, Тацита, Птолемея, и др., повліяло и на изложеніе древней славянской исторіи у писателей славянскихъ и неславянскихъ: къ разнымъ Мосохамъ, Асармотамъ и пр. присоединились и другіе праотцы Нѣмцевъ и Славянъ (по Тациту), Твиско, Маннъ Ингевонъ, Вандалъ (вновь), Севъ, и др.

Съ легкой руки этихъ писателей, географическое понятіе Germania, Germani, римскихъ и греческихъ авторовъ (т. е. средняя Европа), перемѣнилось въ Нѣмечину и Нѣмцевъ, въ которымъ причислены и Севы-Швабы, Гутоны-Готы, Вандалы, Виндилы, и пр.; только относительно послѣднихъ не всѣ историки соглашались, а нѣкоторые считали ихъ Славянами. Въ слѣдствіе знакомства историковъ съ сочиненіями Грековъ и Римлянъ, позже и Византійцевъ, поколеблено и брошено мнѣніе древнихъ славянскихъ лѣтописцевъ о прародинѣ Славянъ въ подунайскихъ странахъ, о заселеніи Славянами странъ полабско-балтійскихъ и поодрянскихъ еще въ доисторическое время и пр.; прародиною Славянъ стали считать восточную Европу, Сарматію, или даже болѣе отдаленныя страны поволжскія и кавказскія, а появленіе „Славянъ“ (извѣстныхъ подъ этимъ именемъ не раньше VI вѣка послѣ Р. X.) въ средней и юговосточной Европѣ стали относить къ V—VI

вѣкамъ. Это мнѣніе утверждалось все больше, по мѣрѣ возрастающаго развитія исторической литературы, тѣмъ болѣе, что тогдашній міръ привыкъ jurare in verba magistri, преклоняться передъ мнѣніемъ-часто голословнымъ-того или другого „ученаго авторитета“ XV—XVI вв., Энея Сильвія, Псевдо-Бероса, Блонда, Сабелина и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало существовать и впредь мнѣніе, что подунайско - балканскія страны были исконни славянскія, что древніе Иллиры и Өракійцы, Даки или Геты, Готы и Вандалы, были Славяне. Ученые авторитеты, отрицая то или другое мнѣніе, высказывали нерѣдко нелѣпыя мнѣнія; такъ напр. еще въ XVIII в. было популярно мнѣніе о происхожденіи Чеховъ и Ляховъ отъ кавказскихъ Зеховъ (Черкесовъ) и Лазовъ (Лезговъ). Такимъ образомъ прародина Славянъ то расширялась то съуживалась; одни историки видѣли Славянъ въ Скиөахъ, Сарматахъ, Венедахъ, Вандалахъ, Свевахъ, Гетахъ-Готахъ, Иллирахъ, другіе только въ Сарматахъ и Венедахъ, третьи предполагали, что Славяне прибыли изъ Азіи въ Европу только съ Гунами, и пр.

Славянскіе лѣтописцы и историки, филологи и другіе писатели, не имѣя понятія о сравнительномъ языкознаніи, не могли имъ и воспользоваться для научныхъ цѣлей; имѣя крайне недостаточныя познанія въ славянскихъ языкахъ, они въ своихъ объясненіяхъ руководились внѣшнимъ созвучіемъ разныхъ словъ въ разныхъ языкахъ, и прибѣгали не только къ языкамъ латинскому и греческому, но и жидовскому. По этому встрѣчаются потѣшныя объясненія и этимологіи: Мосохъ и Росъ (Москва, Русь), кавказскіе Лазы и Зехи (Ляхи, Чехи), Болгары (Волгары), Вандалы (изъ нѣмецкаго wandeln или славянскаго „вонъ далѣе“), Готы (готовые къ бою), Скиөы (Скиты-скитающіеся), Сарматы (царь-меты), Хорваты (Куреты), Далмація (дала мать), и пр. [1]. Научные резуль-

---

[1]) За послѣдніе сто лѣтъ, съ развитіемъ исторической критики и сравнительнаго языкознанія, въ славянской наукѣ многое измѣнилось къ лучшему, хотя все еще встрѣчаются подобныя выше упомянутымъ явленія. Относительно древней исторіи Славянъ, ученые сла-

таты такихъ занятій по исторіи и филологіи славянской не могли быть, конечно, велики; но „славяновѣдѣніе,“ интересъ къ Сла-

---

вянскіе и неславянскіе придерживаются по большей части мнѣній П. Шафарика, изложенныхъ имъ полъ столѣтія тому назадъ въ его „Славянскихъ Древностяхъ.“ Шафарикъ полагаетъ, что всѣ западные и южные Славяне происходятъ отъ однихъ закарпатскихъ Венедовъ, и что они разлились, какъ цѣлое наводненіе, на западъ и югъ въ теченіи двухъ столѣтій (V—VI послѣ Р. Х.). Мы по многимъ важнымъ причинамъ не соглашаемся съ этою невѣроятною теоріею, а считаемъ, съ многими другими учеными, Славянъ западныхъ (Свевовъ) и южныхъ (въ Норикѣ, Панонiи, подунайской Сарматіи, Дакіи), автохтонами въ тѣхъ странахъ; равнымъ образомъ считаемъ значительную часть Скиѳовъ и Сарматовъ Славянами. Въ такомъ смыслѣ мы изложили вкратцѣ древнюю исторію Славянъ въ I томѣ этого сочиненія (стр. 1 — 7), и развили свое мнѣніе съ статьѣ Slavische Völkernamen (Archiv für slavische Philologie. VII, VIII). Противникамъ этой нашей *теоріи*, въ томъ числѣ и нашему критику г. Петрову (Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія 1886 май), предлагаемъ быть поскромнѣе, не присвоивать себѣ привилегіи „метода удовлетворяющаго требованіямъ строгой науки,“ не относиться съ высока къ „мнимо - славянскимъ названіямъ въ родѣ пресловутыхъ Pelso и Tsierna,“ и вообще считать запутанную этнографію древняго міра не *математикою*, а довольствоваться только *гипотезами*, *теоріями*, высказываться такимъ образомъ, какъ на пр. Ягичъ въ Archiv für slav. Philologie IX. 161.—Мы говоримъ о Славянахъ не какъ объ одномъ „народѣ“ съ однимъ славянскимъ языкомъ, съ одною славянскою культурою и пр., а какъ о нѣсколькихъ „народахъ славянскаго происхожденія“ съ разными „языками“ (а не „нарѣчіями“ несуществующаго „славянскаго“ языка), съ разнымъ историческимъ развитіемъ, съ разною культурою и пр. „Славянскій народъ, славянскій языкъ, славянская литература, славянская культура“—все это понятія и вопросы не вѣковъ минувшихъ, а можетъ быть, будущихъ, т. е. если Россіи удастся повернуть западныхъ и южныхъ Славянъ въ свою сторону, въ отношеніяхъ политическомъ и культурномъ. Мы же говоря объ *исторіи* Славянъ, находимъ въ славянскихъ народахъ много общихъ племенныхъ чертъ, но тоже много національныхъ особенностей чешскихъ, польскихъ, русскихъ, сербскихъ и пр. О *будущемъ* Славянъ пока не загадываемъ, предоставляя себѣ высказать объ этомъ нѣкоторыя соображенія въ самомъ концѣ этого сочиненія (т. IV).

вянству, желаніе обнять и изучать все Славянство, существовало среди всѣхъ славянскихъ ученыхъ, хотя бы исполненіе этихъ желаній и задачъ не было удовлетворительно.

Не одни ученые славянскіе интересовались славянскимъ міромъ, и трудились, на сколько это было возможно, надъ его изученіемъ: славянская идея блеснула тоже въ умахъ нѣкоторыхъ славянскихъ поэтовъ, именно польскихъ и хорватско-далматинскихъ. Они воодушевляются величіемъ своего племени, поселеннаго между морями адріатическимъ и ледовитымъ, балтійскимъ и Чернымъ; польскіе поэты мечтаютъ о первенствѣ своего народа въ Славянствѣ, о полетѣ польскаго орла на славянскій западъ, югъ и востокъ; хорватско-далматинскіе поэты ждутъ освобожденія южныхъ Славянъ отъ польскаго орла, но убѣдившись въ недостаткѣ его силъ для такой задачи, взираютъ къ сильной и мудрой русской Сѣверницѣ, ожидая отъ нея спасенія. Да сами польскіе поэты обращаютъ туда свои взоры, и „славянскій соловей," Кохановскій, какъ-бы предчувствуетъ будущее величіе славянскаго сѣвера:

Za laty miał wstać lud z pólnocy,
Którego kraj południ nie miał zdolać mocy.

Такимъ образомъ сознаніе общаго происхожденія Славянъ хранилось въ ихъ литературѣ. Въ этомъ сознаніи родства всѣхъ Славянъ, въ этой *славянской идеѣ*, многіе Славяне искали—въ печальные дни своей тяжелой борьбы съ иноплеменниками—и находили нравственную и матеріальную поддержку и опору; въ славянской идеѣ они черпали новыя силы и надежды на великое будущее Славянства. Славянская идея рисовалась на знаменахъ моравскаго Ростислава, польскаго Болеслава, русскаго Петра; подъ славянскимъ знаменемъ бились чешскіе гуситы за освобожденіе славянскаго народа; славянское знамя развѣвалось надъ польскими и русскими войсками, спѣшившими на помощь Славянамъ западнымъ и южнымъ. А этого славянскаго знамени не выпускали изъ рукъ главные апостолы и пророки славянской идеи, славянскіе писатели. Они ее, часто отовсюду изгнанную, преслѣдуемую, осмѣянную, поруганную и попранную, берегли въ своихъ книгахъ, передавая ее, какъ священное достояніе, отъ

поколѣнія къ поколѣнію, то въ формѣ научной, то пламенными стихами и рѣчами. Не взирая ни на какія препятствія, эти воодушевленные апостолы и борцы, пророки и мученики славянской идеи не переставали взывать къ своимъ часто изнемогающимъ народамъ: „Не унывайте! Этимъ знаменіемъ побѣдите!“ Ихъ гласъ не остался гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ: они дѣйствовали какъ тотъ великій ветхозавѣтный пророкъ Іезекіиль, который призывалъ свой народъ къ новой жизни, совокупилъ, съ помощію божіею, разбросанныя на полѣ кости, обвелъ ихъ жилами, плотью и кожею, и наконецъ сказалъ: Отъ четырехъ вѣтровъ пріиди душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживутъ. И вниде въ ня духъ жизни, и ожиша и сташа на ногахъ своихъ, *соборъ многъ зѣло.*

СЛАВЯНЕ БАЛТІЙСКІЕ И ПОЛАБСКІЕ.

Славяне балтійскіе сдѣлались первыми жертвами наступающихъ Нѣмцевъ: Нѣмцы добивались и добились славы и сильной державы, а Славяне защищали свою свободу для избѣжанія крайняго рабства, но не отстояли своей свободы и погибли [1]). Въ чешскомъ и польскомъ государствахъ эти Славяне не могли или не хотѣли найти опоры для дальнѣйшаго своего существованія; Лютичи тяготѣли къ Чехамъ, но ненавидѣли Поляковъ, и вмѣстѣ съ Чехами, помогали Нѣмцамъ разрушать планы польскаго князя Болеслава Храбраго, которому сочувствовали полабскіе Сербы. Разрозненные и разссоренные Славяне балтійскіе и полабскіе, защищавшіе свой политическій и національный бытъ вмѣстѣ съ религіею отцовъ, преслѣдуемые какъ язычники даже своими христіанскими соплеменниками, Чехами и Поляками, рано сошли съ историческаго поприща и скоро исчезли въ масѣ своихъ нѣмецкихъ побѣдителей.

Полабско-балтійскіе Ободричи, Лютичи и Поморяне изъ давна назывались общимъ именемъ цѣлаго племени, *Словене, Словине*; Нѣмцы называли ихъ древнѣйшимъ именемъ *Венды*, *Винды*, *Виниды*, тоже *Вандалы*, ихъ землю *Вендландъ*, *Виндландъ*, а если

---

[1]) Transeunt sane dies plurimi, Saxonibus pro gloria et pro magno latoque imperio, Sclavis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus—пишетъ нѣмецко саксксій лѣтописецъ X-аго в. Видукиндъ. Срв. I томъ этого сочиненія стр. 13 и 75.

писали на латинскомъ языкѣ, тоже Slavi, Sclavi, Slavia, Sclavania. Сами эти Славяне называли себя всегда Славянами (Slavi, gens slavica), свой языкъ славянскимъ (lingua slavica; quod slavice dicitur: biskopovnica, vojvodnica, mogyła etc.), свои учрежденія славянскими (jus slavicum, census Slavorum, expeditio gentis slavicae etc.), все это въ противуположность Нѣмцамъ (Teutonici), ихъ языку и учрежденіямъ. Это славянское имя сохранили за собою и позднѣйшіе потомки балтійскихъ Славянъ до самой своей кончины, да отъ части и до сихъ поръ; исчезающіе остатки залабскихъ Древянъ и другихъ племенъ въ люнебургскомъ Вендландѣ называли еще въ XVIII в. свой языкъ *словенскимъ*, а онѣмеченные ихъ потомки до сихъ поръ называютъ себя *Вендами*. Также и незначительные остатки древнихъ Поморянъ - Кашубовъ называютъ себя кое-гдѣ еще *Словинцами*, свой языкъ *словинскимъ*, *словенскимъ*. Въ этомъ восточномъ, кашубскомъ Поморьѣ находится древній городъ *Словно* (нѣм. Schlawe), уже въ XII в. столица особой земли или княжества (Slauna, terra Slaunensis). Названія Slavia, нѣм. Wendland (дат. Vindland), остались этимъ балтійскимъ землямъ и въ послѣдствіи, когда онѣ давно уже онѣмечились; „славянскими“ назывались мекленбургскіе и поморскіе князья, города, монеты, право и пр., хотя они давно уже не имѣли въ себѣ ничего славянскаго [1]).

---

[1]) Срв. нашу книгу Германизація балтійскихъ Славянъ, стр. 31—33. 254 и др. Этотъ „славянскій“ языкъ подразумѣваетъ и чешскій лѣтописецъ Косьма, если онъ говоритъ о первыхъ епископахъ пражскихъ, по происхожденію Саксахъ, но знающихъ по-славянски (sclavonicam linguam perfecte sciebat, lingua perfecte imbutus sclavonica). Балтійскіе Славяне подразумѣваются и въ надгробной надписи Болеслава Храбраго: Tu possedisti regnum Sclavorum, Gothorum (т. е. Getarum-Литовцевъ, Прусовъ), Polonorum (Monum. Polon. histor. I. 320, Biblioteka Warszaw. 1857. II). Для поморскихъ Славянъ издалъ Понтанъ свой Mały katechizm z niemieckiego języka w słowiński wystawiony (1643, 1758). — Русскіе, пребывавшіе въ XI. в. въ балтійскомъ Волынѣ, назывались, по греческому своему вѣроисповѣданію, Греками (Graeci, у Адама Бременскаго); срав. т. I. стр. 194.

Трагическую судьбу этихъ Славянъ, ихъ безпрестанную борьбу съ наступающими Нѣмцами и Датчанами и ихъ исчезновеніе, описали не свои славянскіе историки, а ихъ заклятые враги, Нѣмцы и Датчане. Отъ ихъ языка сохранилось нѣсколько случайныхъ записокъ, сдѣланныхъ—побужденіемъ славнаго Лейбница-нѣкоторыми нѣмецкими учеными, проживавшими ок. 1700-го г. среди послѣднихъ умирающихъ Славянъ на нижней Лабѣ. Одинъ изъ этихъ нѣмецкихъ ученыхъ собирателей, Геннигъ, священникъ въ Востровѣ въ люнебургскомъ Вендландѣ, замѣтилъ, что языкъ этихъ Вендовъ происходитъ отъ общаго славянскаго (von der allgemeinen slavonischen), и сравниваетъ его съ лужицко-сербскимъ, польскимъ и чешскимъ. Эти записки нѣмецкихъ ученыхъ умножены потомъ однимъ простымъ поселяниномъ славянскимъ, Парумомъ Шульцомъ, который записалъ на своемъ родномъ языкѣ нѣсколько словъ и фразъ (1725 г.). „Когда я и три особы въ моей деревнѣ умремъ, то никто не будетъ въ точности знать, какъ назвать по-славянски собаку,“ восклицаетъ Парумъ Шульцъ. Такъ и вышло [1].

Нѣмецкіе лѣтописцы среднихъ вѣковъ, Эгингардъ, Видукиндъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ, Арнольдъ и др., разсказывая о борьбѣ полабско-балтійскихъ Славянъ съ Нѣмцами, хорошо знали о ихъ племенномъ родствѣ съ остальными Славянами. Гельмольдъ и Арнольдъ назвали свое повѣствованіе о судьбахъ балтійскихъ Славянъ и странъ (до начала XIII в.) „хрониками Славянъ“ (Chronica Slavorum). Многочисленность Славянъ поражаетъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ. Адамъ Бременскій (ок. 1070 г.) представляетъ себѣ землю Славянъ (Slavania) въ десять разъ больше Саксоніи; въ ней живутъ разныя племена Винуловъ или, какъ они прежде назывались, Вандаловъ, и Чехи и Поляки, которые ни языкомъ ни правами не отличаются отъ тѣхъ Славянъ. Сто лѣтъ спустя удивляется Гельмольдъ огромному пространству Славянъ, которыхъ еле можно сосчитать: къ нимъ принадлежатъ

---

[1]) См. Германизація балтійскихъ Славянъ, 49, 61.

Русскіе, Поляки, Чехи, Моравяне, Хорутане, Винулы или Винниты, прежде называемые Вандалы, Сербы, Славяне въ Угріи [1]).

Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. сѣверонѣмецкій ученый Альбертъ *Кранцъ*, проживавшій въ Ростокѣ и Гамбургѣ, занимался исторіею балтійскихъ и другихъ Славянъ-Вандаловъ, изучая ее по разнымъ древнимъ и средневѣковымъ памятникамъ. Его Wandalia (1519 и часто) представляетъ родъ первой общеславянской исторіи, и авторъ, хотя Нѣмецъ, относится къ Славянамъ дружелюбно. Кранцъ считаетъ древнихъ балтійскихъ Вандаловъ Славянами и общимъ названіемъ послѣднихъ. Онъ ссылаясь на свидѣтельства Псевдо-Бероса и итальянскаго историка Блонда [2]), приводитъ обыкновенную тогда генеалогію народовъ

---

[1]) *Adami* Historia ecclesiastica lib. II. c. 10: Slavania amplissima Germaniae provincia, a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali... praesertim si Boemiam et Polanos, quia nec habitu nec lingua discrepant, in partem adjeceris Slavaniae... Slavania porrigitur ab Albia fluvio usque ad mare scythicum... in orientem, infinitis aucta spatiis, usque in Bulgariam, Ungriam, et Graeciam. *Helmoldi* Chronica Slavorum lib. I. c. 1: Slavorum populi multi sunt, Ruzi, Poloni, Bojemi, Morahi, Carinthi, Sorabi, Winithi sive Winuli antiquitus Vandali (Pomerani, Wilzi sive Lutici, Obotriti etc.). Quodsi adjeceris Ungariam in partem Slavoniae, quia nec habitu nec lingua discrepat, eousque latitudo slavicae linguae succrescit, ut paene careat aestimatione Еще въ концѣ IX в. баварскій географъ, перечисливши множество славянскихъ племенъ, замѣчаетъ, что Sucvi non sunt nati, sed seminati. См.между прочимъ приложенія въ Славянскихъ Древностяхъ Шафарика.

[2]) Berosus (въ передѣлкѣ Аннія - Nanni): Antiquitates (1498); Blondus (Biondo + 1463): Historiarum ab inclinatione romani imperii decades (1483). Обѣ книги были извѣстны тоже славянскимъ историкамъ, и мнѣніе Блонда о прибытіи Славянъ на югъ съ сѣвера только въ концѣ VI в. дало поводъ къ ученой полемикѣ среди югославянскихъ историковъ XVI—XVII вѣковъ; см. ниже о хорватскихъ ученыхъ Вранчичѣ и Леваковичѣ. Тацитъ въ своей Germania (которая стала вновь извѣстна только въ XV в.) говоритъ о происхожденіи Нѣмцевъ отъ бога Твиста (Tuisto, Tuisco), и его сына Манна; отъ трехъ сыновей послѣдняго происходятъ Ingaevones, Herminones, Istaevones; quidam ut in licentia vetustatis, plures deo ortos pluresque gentis appellationes, Marsos, Gambrivios, Suebos, Vandalios adfirmant (cap. II.)

изъ библіи, Тацита и др., считая Твиска, сына Ноя, и его потомковъ Манна, Ингевона, Истевона, Герміона, Свева, Вандала и пр. праотцемъ Нѣмцевъ (и Швабовъ-Свевовъ) и Славянъ-Вандаловъ; балтійскіе Вандалы (Венды) сдѣлались извѣстными въ западной Европѣ и Африкѣ, и завоевали, до конца VI вѣка, тоже балканскій полуостровъ (Югославяне); по этому Чехи не могли выйти съ юга на сѣверъ, какъ тогда утверждали историки, а на оборотъ Вандалы прибыли съ сѣвера на югъ. Имя Вандаловъ распространилось и на Сарматовъ (Польша, Русь) и стало означать всѣхъ Славянъ вообще. Wandalia у Кранца—всѣ славянскія земли, не только балтійская Вандалія-Вендія отъ Лабы до Вислы, а тоже Чехія, Польша и Литва, Русь, Болгарія, Далмація, Истрія и другія югославянскія страны, въ томъ числѣ и Угрія; здѣсь повсюду живетъ одинъ народъ, раздается одинъ языкъ, хотя его нарѣчія отличаются, какъ на пр. нарѣчія итальянскія или нѣмецкія. Въ такомъ смыслѣ Кранцъ разсказываетъ объ исторіи Вандаловъ-Славянъ, преимущественно Славянъ балтійскихъ и ихъ онѣмеченныхъ или нѣмецкихъ преемниковъ. Упоминая о жалкихъ остаткахъ балтійскихъ Вандаловъ (Вендовъ) въ сѣверной Германіи, Кранцъ съ соболѣзнованіемъ и негодованіемъ говоритъ о тяжеломъ рабствѣ этихъ презрѣнныхъ „славовъ"; Саксы побѣдители довели ихъ до крайней неволи, преслѣдовали и ненавидятъ и презираютъ ихъ до сихъ поръ, причиняя имъ большую несправедливость. Многіе Вандалы исчезли, многіе онѣмечились (князья, дворянство). Не зачѣмъ—замѣчаетъ Кранцъ—стыдиться своего вандальскаго происхожденія, вѣдь предки этого народа совершили столь славныя дѣла въ Галіи, Испаніи, Африкѣ, и совершаютъ ихъ ежедневно на Руси, въ Польшѣ, Чехіи, Далмаціи, Истріи, Болгаріи; все это одинъ народъ.

Въ подобномъ смыслѣ отзываются о жалкихъ остаткахъ поморско-балтійскихъ Слявавъ тоже оба поморскіе историки тѣхъ временъ, *Бугенгагенъ* и *Канцовъ*, современники Кранца. Они сожалѣютъ о гибели бѣдныхъ Славянъ; Нѣмцы ихъ истребили, и презираютъ и остатки этихъ Славянъ (Вендовъ и Кашубовъ), такъ что имя Славянинъ сдѣлалось браннымъ словомъ. Но не слѣдуетъ стыдиться своего происхожденія отъ Славянъ, которые

основали столько государствъ, Чехію, Польшу, Русь, Сербію и др.; скорѣе надо этихъ Славянъ уважать какъ остатки своего народа [1]).

Славяне въ южной и средней Германіи, въ Баваріи, Франконіи, Тюрингіи и др., равнымъ образомъ и по средней Лабѣ въ земляхъ мишенской, мильской (Мильчане около Будышина) и лужицкой (Лужичане около Хотѣбузя), назывались вообще Славянами (Slavi, Sclavi, Wenedi, Winidi, Wenden); Славяне на правомъ берегу Салы до Лабы, въ епископіяхъ жичской, мезиборской, мишенской и дальше на востокѣ, въ земляхъ Мильчанъ и Лужичанъ, назывались потомъ Сербами, Sorabi, Surbi, по нѣ-

---

[1]) Печатная Wandalia Кранца, часто издаваемая, сдѣлалась важнымъ источникомъ славянской исторіи тоже для славянскихъ историковъ XVI—XVII вѣковъ. Поморскія хроники Бугенгагена (латин.) и Канцова (на нижне-нѣмецкомъ и верхне-нѣмецкомъ языкахъ) изданы позже, первая въ 1728, вторая въ 1816 и 1835 годахъ. Срв. нашу книгу Германизація балтійскихъ Славянъ, стр. 254, и срв. 179, 207. Приводимъ здѣсь изъ хроники Канцова, по нижне-нѣмецкому тексту, разсказъ о древнѣйшей исторіи Славянъ: Wandalus is ein vader aller Wende, und syn geslechte heft jn der erste merglike khonigrike gestiftet, also der Russen, Polen, Behmen, Wende und andern lande, darunder Pomern, Cassuben, Rugen. Folglich hebben de Wende gantz dudische land dorchstreift, sint darnha in Welsche land getagen, darsulfest gantz Illiricum jngenhamen, welcks jtzt Slauonie het, dat se noch besitten. Что касается полабско-балтійскихъ Виндиловъ, Вандиловъ, Вандаловъ, упоминаемыхъ въ тѣхъ странахъ римскими и греческими писателями I—V вѣковъ (срв. Шафарика Славянскія Древности § 18, N. 5), то, по нашему мнѣнію, нельзя ихъ смѣшивать съ соплеменниками нѣмецкихъ Готовъ, Вандалами, которые въ III в. являются въ Дакіи и Панопіи, позже въ Галіи, Испаніи и Африкѣ. Эти Вандалы могли быть совершенно другой народъ, чѣмъ балтійскіе Вандалы (Венды); равнымъ образомъ нельзя еще, на основаніи похожихъ названій, балтійскихъ Свевовъ, Готоновъ (Гутоновъ, Гитоновъ), Бургундіоновъ (Бугунтовъ), Вариновъ и др. смѣшивать съ нѣмецкими Швабами, Готами, Бургундами, Варинами, и пр. Срв. нашу статью Slavische Völkernamen (Archiv. f. slav. Philologie VII, 606 sqq.).

мецки Wenden), и такъ ихъ называли тоже сосѣдніе Чехи [1]). До XIV—XV вѣковъ вся Сербія между Салою и Лабою онѣмечилась, и остались только Сербы въ обѣихъ Лужицахъ (Мильчане въ верхней, Лужичане въ нижней Лужицѣ). Полабскіе Сербы часто сносились съ сосѣдними Чехами и Поляками. Въ IX в. господство моравскаго князя Святополка распространялось и до полабской Сербіи до самой Салы; вмѣстѣ съ тѣмъ доходила туда вѣроятно и дѣятельность моравскаго архіепископа Меѳодія. Западная Сербія, земли Мильчанъ и Лужичанъ, очутились въ началѣ XI в. подъ господствомъ польскаго Болеслава, этого „грознаго Славянина", какъ его называетъ епископъ Титмаръ; но польское господство продержалось здѣсь не долго. Въ XI и XII вѣкахъ земли Нишанъ и Мильчанъ, а въ XIV в. остальная Лужица присоединены къ Чехіи. Но чешское господство въ Лужицахъ, принявши ихъ уже значительно онѣмеченными, особенно въ высшихъ властвующихъ слояхъ, не могло имъ возвратить славянскаго характера; славянскимъ остался только простой народъ, да и тотъ мало по малу исчезалъ въ окружавшемъ его со всѣхъ сторонъ нѣмецкомъ морѣ.

Литературная дѣятельность на народномъ языкѣ среди лужицкихъ Сербовъ началась только со временъ нѣмецкой реформаціи Лютера, къ которой примкнуло большинство Сер-

---

[1]) Мезиборскій епископъ Титмаръ называетъ своихъ Славянъ не иначе какъ Славянами; на пр. онъ пишетъ о продажѣ въ рабство славянской семьи (sclavonica familia venumdando dispergitur), о славянскихъ запискахъ своего предшественника Бозо (Boso sclavonica scripserat verba), о славянскихъ воинахъ въ сербскихъ городахъ (satellites dicti sclavonice vethenici) и пр. Титмаръ вообще зналъ „славянскій" языкъ (т. е. языкъ Сербовъ своей епископіи), и съ его помощью объяснялъ и чешскія и польскія слова. Сербы по Салѣ и Лабѣ въ Мишніи, Лужицахъ и др., называются, въ грамотахъ и др. обыкновенно Славяне (Slavi, Sclavi); такъ еще въ половинѣ XV в. мишенскій епископъ Іоаннъ завѣщаетъ книги въ Хотѣбузь propter pauperes sacerdotes Sclavos; ок. 1500 г. Лужичанинъ Эмзеръ (Vita s. Bennonis episcopi Misnensis) объясняетъ имя Свантовитъ: *swanthe* sclavica lingua sanctum, *witz* lumen, и пр.

бовъ [1]). Сербскіе священники, лютеранскіе и оставшіеся католическіе, желая дѣйствовать на простой народъ, единственное сословіе говорившее еще на языкѣ отцовъ, не могли этого дѣлать иначе какъ посредствомъ сербскаго языка. Но такъ какъ этотъ языкъ не былъ еще обработанъ, то сербскіе священники, переводя разныя церковныя книги на сербскій языкъ, часто должны были пользоваться чешскими книгами, для нихъ болѣе всѣхъ доступными. Такъ поступалъ уже первый сербскій переводчикъ *Якубицъ* (1548 г.); а *Тицинъ* (1679 г.) ввелъ въ сербскій языкъ чешское правописаніе того времени, что однако не удержалось [2]).

Знаніе славянскихъ языковъ, особенно чешскаго и польскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ живое сознаніе славянское, является у сербскаго священника Михаила *Френцеля* (1628—1706). Переводя библію и разныя церковныя книги на сербскій языкъ, онъ пользовался тоже библіями чешскою и польскою, считая эти славянскія рѣчи „сестрами нашей рѣчи"; по чешскому правописанію поправилъ немножко и сербское. Въ одной нѣмецко-сербской проповѣди (1688 г.) Френцель много говоритъ о распространеніи Сербовъ или Славянъ, и думаетъ, что и въ Китаѣ говорится по-сербски (in China redet man wendisch). Славянское сознаніе Френцеля является особенно въ его замѣчательномъ привѣтствіи русскому царю Петру, когда этотъ послѣдній путешествовалъ черезъ Саксонію и Лужицу (1697 г.). Въ Дрезденѣ вручены Петру отъ имени Френцеля его сербскіе переводы евангелій св. Матѳія и Марка, посланій св. Павла Галатамъ и Римлянамъ, выше упомянутая проповѣдь, и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытная записка на языкахъ латинскомъ и сербскомъ. Френцель восторженно привѣтствуетъ „наияснѣйшаго и наисильнѣйшаго царя, непобѣдимаго императора и великаго князя, наимилостивѣйшаго господина царя казанскаго и астраханскаго, премогучаго князя очень

---

[1]) Тѣмъ не менѣе Лютеръ, въ своей глуповатой нѣмецкой спѣси, бранилъ бѣдныхъ Сербовъ, называя ихъ злѣйшимъ и мерзѣйшимъ народомъ. Срв. наше соч. Германизація балт. Славянъ, 46—47.

[2]) Срв. въ III томѣ отдѣлъ: Чехи и Сербы.

многихъ странъ и многихъ миліоновъ подданныхъ говорящихъ на нашей сербской или сарматской рѣчи", который своимъ пріѣздомъ осчастливилъ Саксонію и Дрезденъ (Драждяны), построенный Сербами. „Намъ извѣстно изъ книгъ историческихъ", продолжаетъ Френцель, „что Чехъ, Лѣхъ, Русъ, три брата происходящіе изъ Илиріи или Славоніи, около 500-го г. послѣ Рожд. Хр. съ большимъ и безчисленнымъ войскомъ прибыли въ страны сарматскія, въ то время пустыя, невоздѣланныя и не населенныя, и что они здѣсь основали три царства, чешское, польское и русское. Чехъ съ своими людьми занялъ Чехію вмѣстѣ съ Лужицами, Лѣхъ польскую землю по Вислѣ, жители которой нынѣ называются, по плодороднымъ и равнымъ полямъ, Поляки, Русъ Москву. Русская или московская земля есть великое и обширное царство, такъ что великій царь могущественно господствуетъ отъ литовскихъ границъ и отъ моря каспійскаго до самаго Ледовитаго океана и до границъ царства татарскаго, да нынѣ побѣдоносно далеко и широко въ Татаріи. Въ самой Руси или въ московскомъ государствѣ царь почитается какъ какой-нибудь земной богъ, и Русскіе считаютъ своимъ долгомъ слушаться его не меньше, чѣмъ безсмертнаго бога, вѣрятъ, что онъ все знаетъ, все можетъ и что отъ него проистекаетъ ихъ спасеніе, ихъ богатства, ихъ здоровье; воля и слова царя—наивысшій законъ. Намъ также извѣстно изъ исторіи, что ваше царское величество со всѣми своими подданными принадлежите къ греческой религіи, именно съ 989-го года. Ибо въ этомъ десятомъ вѣкѣ Владиміръ, ставъ самодержцемъ русскимъ, женился на Аннѣ, дочери константинопольскаго императора Василія, и ввелъ христіанскую религію греческой вѣры и обрядовъ на Руси или Москвѣ. Въ этомъ обширномъ царствѣ нѣтъ никакихъ религіозныхъ сектъ; всѣ думаютъ, вѣруютъ, исповѣдуютъ одно и тоже, у нихъ совершенное единогласіе въ религіи. Царь есть цесарь и сильнѣйшій и непобѣдимый князь, у него безчисленная пѣхота и изъ дворянства огромное количество конницы, такъ что онъ легко можетъ повести на войну 150,000 всадниковъ. Ваше царское и императорское величество почитаю и уважаю я, вендскій или сербскій проповѣдникъ и теологъ въ Лу-

жицѣ этого курфюрства саксонскаго; и такъ какъ Русскіе или Москвитяне говорятъ на нашемъ языкѣ сербскомъ или славянскомъ т. е. славномъ, то я представляю съ наибольшею покорностью наимилостивѣйшему и наиласковѣйшему нашему царю переведенныя и изданныя мною въ пользу сербскаго народа вендскія или сербскія священныя книги, и покорнѣйше прошу и желаю, чтобъ онѣ принесены были въ вашу Русь или Москву, такъ чтобъ и Москвитяне изъ этихъ моихъ книгъ узнали, что истинная и апостольско-лютеранская религія процвѣтаетъ въ Саксоніи. Да здравствуетъ непобѣдимый и могущественнѣйшій царь и императоръ" [1]). Эта записка несомнѣнно очень любопытное явленіе; протестантскій лужицко-сербскій священникъ привѣтствуетъ здѣсь соплеменнаго православнаго русскаго государя, ни въ чемъ не касаясь его вѣры и не пропагандируя своего вѣроисповѣданія; онъ только желаетъ, чтобъ Русскіе знали изъ его книгъ вѣроисповѣданіе лютеранское. „Славянство", уваженіе къ „славянскому *нашему* царю" — сглаживаютъ всякіе религіозные контрасты. Какимъ образомъ царь Петръ принялъ это привѣтствіе и представленныя книги, неизвѣстно; но когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ (1712 г.) былъ опять въ Саксоніи, и въ Виттенбергѣ осматривалъ тамошнія достопамятности, то провожали его сербскіе студенты и объясняли ему все по-сербски [2]).

Оба сына Френцеля, *Авраамъ* и *Михаилъ*, занимались тоже славяновѣдѣніемъ. Авраамъ, въ книгѣ De originibus linguae sorabicae (1693—1696) и въ другихъ рукописныхъ сочиненіяхъ, производитъ славянскій языкъ, на основаніи случайнаго созвучія словъ, изъ жидовскаго; онъ сравниваетъ сербскій языкъ съ чешскимъ и съ польскимъ, и замѣчаетъ, что сербскій языкъ можетъ справедливо брать утраченныя слова изъ родственнаго славянска-

---

[1]) Knauthe: Derer Oberlausitzer Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte (Görlitz 1767, p. 427), Дубровскій: Денница (Варшава 1842, стр. 104), Срезневскій въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1844, N. 7. О Френцелѣ см. статьи Горника и Енча въ журн. Časopis Maćicy Serb. 1870 и 1871.

[2]) *Andree*: Wendische Wanderstudien (1874, p. 45).

го, польскаго и чешскаго. Френцель довольно хорошо знаетъ тогдашнюю ученую литературу о Славянахъ, и нерѣдко гордится величіемъ и распространеніемъ славянскаго, „славнаго“ племени; онъ знаетъ о существованіи священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ со временъ свв. Іеронима и Меѳодія, и о переводахъ словенскихъ протестантовъ Трубера и Далматина; онъ приводитъ разныя свидѣтельства ученыхъ XVI—XVII вв., нѣмецкихъ (Хитрея, Клюверія, Геспера, Моллера, Шурцфлейша и др.) и славянскихъ (Тицина, Судетскаго), о Славянахъ и ихъ языкѣ, который распространенъ на востокъ до Татаріи и на югъ до Царьграда. Френцель говоря на пр. о словѣ *гродъ*, указываетъ на разные славянскіе гарды, грады, гроды, городы (Бѣлгороды, Вышегороды, Новгороды, Царьградъ, Старгардъ и пр.). Въ книгѣ Френцеля помѣщены, по обычаю того времени, разные стихи въ честь писателя и Славянъ; одинъ поэтъ говоритъ, что слава Френцеля распространится въ цѣломъ Славянствѣ, другой, что еслибъ доблести Славянъ соотвѣтствовало счастье, то свѣтъ трепеща кланялся бы славянскимъ скипетрамъ:

Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret slavica sceptra tremens [1]).

Братъ Авраама, *Михаилъ*, занимался славянскою миѳологіею (De idolis Slavorum, 1691), конечно въ духѣ тогдашнихъ некритическихъ временъ.

Сто лѣтъ спустя послѣ Френцелей, ученый лужицкій Сербъ Карлъ *Антонъ* сдѣлалъ попытку представить историческій очеркъ внутренняго быта Славянъ (Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse, 1783—1789). Антонъ знаетъ хорошо литературу предмета, и пользуется не только лѣтописными и др. источниками и пособіями, но тоже славянскими языками, которые онъ считаетъ важнымъ свидѣтелемъ древней исторіи и культуры Славянъ. Славянъ производитъ Антонъ изъ Арменіи, усматривая нѣкото-

---

[1]) О Френцелѣ см. Časopis Maćicy Serb. 1881.

рое родство славянскаго и др. европейскихъ языковъ съ армянскимъ. Славяне жили потомъ въ восточной Европѣ, называемой Скиѳіею и Сарматіею, Сербы, Языги, Роксоланы, Будины и др.; Сербы-земледѣльцы (серпъ) и Языги говорящіе (языкъ)—праотцы позднѣйшихъ Антовъ (Венедовъ) и Словянъ (слово), которые потомъ назвались по мѣстопребыванію, качествамъ, и пр. Антонъ говоритъ обширно о характерѣ Славянъ, о ихъ религіи и богослуженіи, о военномъ и государственномъ устройствѣ, о домашнемъ бытѣ, занятіяхъ, увеселеніяхъ, ремеслахъ, торговлѣ, искусствахъ, языкѣ, письмѣ (глаголицу считаетъ болѣе древнимъ славянскимъ письмомъ, а не изобрѣтеніемъ св. Іеронима), и пр.

Тяжело было положеніе лужицкихъ Сербовъ; но они не унывали, и, находя нравственную опору въ славянской идеѣ, дѣйствовали въ духѣ выше упомянутыхъ словъ І. Добровскаго, которыя онъ написалъ лужицкому Сербу Фрицу [1]).

---

[1]) См. I томъ, стр. V.

II.

ЧЕХИ.

1. *Славянская идея въ публичной жизни.*

Послѣ паденія независимости полабскихъ Славянъ, послѣ водруженія нѣмецкаго знамени на берегахъ Лабы и Одры, на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ, послѣ всѣхъ неудавшихся попытокъ князей моравскихъ Ростислава и Святополка, чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго и чешскаго Брячислава, соединить силы разбросанныхъ западныхъ Славянъ противъ наступающихъ Нѣмцевъ: послѣ всѣхъ этихъ для Славянства столь печальныхъ событій остались одни чешскіе Славяне на своемъ среднеевропейскомъ бастіонѣ, о который еще разбивался разливающійся по славянскимъ могиламъ нѣмецкій океанъ. На западѣ, сѣверѣ и югѣ около чешско-славянскаго бастіона—повсюду жили и господствовали заклятые враги Славянства, Нѣмцы; они наступали все дальше на востокъ за Одру и за нижнюю Вислу въ побалтійскія страны, угрожая и Польшѣ, Литвѣ и Руси. Только на сѣверовостокѣ и на востокѣ Чехи примыкали къ Славянству, посредствомъ онѣмечивающейся Силезіи къ Полякамъ, а посредствомъ угорскихъ Словаковъ къ Руси.

Чехи понимали свое опасное положеніе, и глядя на погибающихъ своихъ соплеменниковъ и на наступательное движеніе Нѣмцевъ на востокъ, они, единственные остатки славянскаго міра въ средней Европѣ, по неволѣ оглядывались на своихъ славянскихъ соплеменниковъ на востокѣ, преимущественно на

Польшу, которая, какъ казалось, обѣщала сдѣлаться центромъ славянскаго міра. Совмѣстное пребываніе славянскихъ Чеховъ и Нѣмцевъ, такъ сказать, въ сердцѣ Германіи не могло входить въ планы Нѣмцевъ: они сознательно и безсознательно стремясь все дальше на востокъ, готовили и Чехамъ такую же участь, какая выпала на долю жалкихъ остатковъ Славянъ въ Германіи, по Лабѣ, въ Лужицахъ и въ Поморьѣ. Давно знали Чехи, что Нѣмцы по какой-то врожденной гордости и надменному высокомѣрію презираютъ Славянъ и ихъ языкъ [1]).

Чехи, вмѣстѣ съ Лютичами, совершили въ началѣ XI-го в. роковую ошибку, послѣдствія которой отзывались во всей исторіи чешской и славянской вообще. Они не хотѣли принять политическихъ плановъ польскаго князя Болеслава Храбраго, который стремился собрать силы всѣхъ западныхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ. Чехи, прогнавши, по внушенію Нѣмцевъ и съ ихъ помощью, Болеслава изъ Праги, и помогая, вмѣстѣ съ Лютичами, Нѣмцамъ разрушать планы этого великаго славянскаго государя, закабалили себя на всегда Нѣмцамъ. Въ послѣдствіи же Чехи, не смотря на все желаніе и на всѣ усилія, не были уже въ состояніи вырваться изъ объятій душившей ихъ со всѣхъ сторонъ могущественной Германіи, которая ни за что не хотѣла ихъ выпустить изъ своихъ объятій, и, въ концѣ концовъ, уничтожала всѣ попытки Чеховъ къ ихъ освобожденію изъ-подъ нѣмецкой власти и опеки. Эти попытки Чеховъ не могли увѣнчаться успѣхомъ и потому, что въ слѣдствіе водворенія Угровъ на среднемъ Дунаѣ Славянство разрублено, что на югѣ отъ Чеховъ, по Дунаю и въ альпійскихъ славянскихъ областяхъ, и на сѣверѣ по Лабѣ до балтійскаго моря, на славянскихъ могилахъ и шеяхъ, образовались три сильныхъ тарана разрушающихъ все славянское, Австрія, Бранденбургъ и Тевтонскій орденъ. Всѣ эти неблагопріят-

---

[1]) Bracizlaus perpendit innatam Teutonicis superbiam, et quod semper tumido fastu habeant despectui Sclavos et eorum linguam— говоритъ уже въ началѣ XII в. чешскій лѣтописецъ Косьма. (Fontes rerum bohemicarum II. 61.)

ныя для успѣшнаго развитія западнаго Славянства обстоятельства тѣснили и Польшу на востокъ, и отнимали у нея возможность защищать на западѣ интересы Славянства. Кромѣ того Польша XII—XIV вв., теряя на западѣ свои области, раздираемая внутренними междоусобицами, не была великою державою, и не могла, если бы и хотѣла, остановить стремленіе Нѣмцевъ на востокъ. Когда же Польша, въ слѣдствіе соединенія съ Литвою, сдѣлалась сильною державою, то дѣла восточнаго Славянства поглощали главное ея вниманіе и силы, а дѣла западнаго Славянства не могли уже быть на первомъ планѣ польской политики.

Чехи понимали свое безвыходное, трагическое положеніе. Они, отстаивая свою политическую и національную самобытность въ Германіи, на сколько это было возможно, не переставали видѣть въ сосѣдней соплеменной Польшѣ свою естественную защитницу противъ Нѣмцевъ. Самъ чешскій король Премыслъ Отакаръ II, который столько благопріятствовалъ Нѣмцамъ и способствовалъ ихъ распространенію въ своемъ государствѣ, но всегда остававшійся Славяниномъ, оцѣнилъ надлежащимъ образомъ, уже на канунѣ своей гибели (1278), всю опасность положенія своего народа. Чешскій король, какъ истая славянская Кассандра, предвидитъ все будущее несчастіе западнаго Славянства, и его просьба къ соплеменной Польшѣ о помощи противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“ (insatiabiles hiatus Teutonicorum), которые готовятся проглотить Чеховъ и Поляковъ, производитъ по истинѣ потрясающее впечатлѣніе. „Вы должны намъ помочь“, пишетъ чешскій король польскимъ князьямъ, „не только по поводу сосѣдства и общаго съ нами языка и народа, но тоже потому, что въ случаѣ нашей гибели, ненасытная пасть Нѣмцевъ свободнѣе растянется и ихъ зловредная жадность распространится и на Польшу. Мы служимъ для васъ крѣпкимъ оплотомъ и вѣрною защитою; если онъ не можетъ устоять противъ бушующей грозы, — отъ чего избави боже, — то угрожаетъ и вамъ великая опасность, такъ какъ дерзкая алчность не довольствовалась бы только нашимъ покореніемъ, но расхитила бы тоже ваше имущество, тѣснила бы васъ и свирѣпствовала бы противъ васъ. Сколько бѣдствій налегло бы на вашъ многочисленный Нѣмцамъ

ненавистный народъ, какому игу страшнаго рабства подверглась бы свободная Польша, подъ какими ударами погибалъ бы тогда весь вашъ народъ! По этому спѣшите намъ на помощь, отражайте пламя далекаго еще пожара, соображая, что полезнѣе противиться зачаткамъ, чѣмъ когда все пожирающій огонь пересилитъ уже отпоръ неустрашимаго, и что тотъ, кто защищаетъ сосѣдній домъ отъ сожженія, предохраняетъ свое собственное жилище. Вооружайтесь на помощь намъ, происходящимъ отъ вашего народа“! [1]).

Въ подобномъ смыслѣ постоянно говорили чешскіе гуситы, стараясь разорвать узы, связывающія Чехію съ Германіею, и стремясь примкнуть къ славянскому востоку, къ Польшѣ и Литвѣ; великій борецъ новыхъ идей Іоаннъ Жижка былъ воодушевленъ тоже славянскою идеею, и брался за оружіе за освобожденіе правды закона божія, и языка (народа) чешскаго и славянскаго. Чехи, какъ всегда, такъ и тогда хорошо понимали, что Нѣмцы стремятся къ истребленію славянскаго народа и языка чешскаго, и готовятъ и имъ участь полабско-балтійскихъ Славянъ; они не хотѣли имѣть королемъ Нѣмца, а все требовали Славянина, Поляка [2]). Чехи все указывали Полякамъ на необходимость соединенія Чехіи, Польши и Литвы, посредствомъ одного короля или по крайней мѣрѣ одной династіи,

---

[1]) Regesta Bohemiae et Moraviae, ed. Emler, II, 466. Срв. Палацкаго Dějiny národu českého II, 1, p. 145, 163.

[2]) Němci, nepřátelé naši přirozeni, by žádné příčiny neměli, avšak na náš jazyk vždy se złostnie; a jako sú našemu jazyku učinili v Rýnu, v Míšni, v Prusech, a jej vyhnali, takéž nám mienie učiniti a obsesti miesta vyhnancóv—жалуются Пражане въ 1420 г. (Archiv český III, 212). Čechové měli by se pilně... vystřiehati, aby ve správu cizieho jazyka a zvláště německého neupadli; nebo jakož kroniky české svědčie, ten jazyk jest najlitější ku poražení jazyka českého a slovanského... Moc německá, v słovanský neb v český jazyk uvedena, neb zkaženie toho jazyka, neb umenšenie, neb jinú vadu konečně přinese... Čechové, nemohú-li z svého jazyka pána mieti, měli by na jiný słovanský jazyk pomysliti—говоритъ авторъ статьи Sebránie z kronik českých k výstraze věrných Čechóv въ 1437 г.

и видѣли въ этомъ не только свое спасеніе противъ притязаній Нѣмцевъ, но тоже славу и возвышеніе славянскаго народа. Польско-славянскіе Ягайловичи заняли чешскій престолъ, но не съумѣли его удержать за собою; чешская корона очутилась на головѣ нѣмецкихъ Габсбурговъ, въ тоже самое время, когда нѣмецкіе Гогенцоллерны присоединили къ своему Бранденбургу и Пруссію.

Чехи, взявшись, въ началѣ XVII в., за оружіе противъ Габсбурговъ, обратились опять къ Польшѣ. Они просили Польшу о помощи во имя одного славянскаго происхожденія Чеховъ и Поляковъ, и указывали на то, что ихъ борьба не религіозная, не борьба „еретиковъ“ противъ „католическаго“ императора, а что причины ея лежатъ глубже въ политическо-національномъ положеніи Чеховъ среди Германіи: враги Чеховъ призываютъ весь христіанскій міръ противъ нихъ и на гибель дорогаго ихъ отечества, хотятъ совсѣмъ уничтожить чешское королевство, чтобъ потомъ въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить, поглотить имущество Чеховъ и возрасти изъ ихъ гибели [1]). Польша не поняла всего значенія этого чешско-славянскаго голоса, и не вняла ему. Вскорѣ среднеевропейскій славянскій бастіонъ валялся, покрытый трупами, растоптанный и разграбленный, у ногъ нѣмецкаго побѣдителя; а уцѣлѣвшіе чешскіе патріоты тревожились тяжелымъ предчувствіемъ, что ихъ ослабленный и изнемогающій народъ пойдетъ по слѣдамъ остальныхъ полабскихъ Славянъ.

Чехи считали себя всегда народомъ великаго славянскаго племени, съ гордостью называли себя Славянами, свой языкъ славянскимъ, не смотря на то, что у нихъ и у Поляковъ народныя ихъ названія пересилили общее племенное названіе Славянъ, и выраженіе „языкъ чешскій“ чаще употреблялось, чѣмъ „языкъ славянскій“. Ближайшіе соплеменники Чеховъ, Словаки, населяющіе верхнюю Угрію и юговосточный уголъ Моравіи, про-

---

[1]) Письмо Чеховъ польскому королю 1618 г. 3 октября. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1882 г., стр. 76.

должали однако употреблять это общее племенное названіе и въ тѣсномъ смыслѣ своего народа. Такимъ образомъ у Чеховъ и у Словаковъ Słovené, Słované, Słováci, słovenský, słovanský jazyk, означало то всѣхъ Славянъ вообще (въ томъ числѣ и Чеховъ и ихъ языкъ), то угорскихъ Славянъ (Словаковъ), то южныхъ Славянъ хорватско-далматинскихъ, которые отъ части отправляли богослуженіе на церковномъ славянскомъ языкѣ. Въ такомъ различномъ смыслѣ употребляютъ названіе Славяне (латин. Slavi) чешскіе писцы грамотъ, лѣтописей, легендъ и др. памятниковъ. Если чешскіе лѣтописцы говорятъ о распространеніи Славянъ (Slavi, Sclavi, Słovené, Słované, Słováci) изъ Азіи въ Европу, о „79 земляхъ въ которыхъ раздается языкъ нашего наиславнѣйшаго народа славянскаго": то все это относится къ огромному племени славянскому, часть котораго составляютъ тоже Чехи. Если въ сношеніяхъ папской куріи съ моравскими князьями IX в. и чешскими X—XIV вв. говорится о „славянскомъ языкѣ" въ богослуженіи (lingua sclavina, sclavonica, Slavorum, Sclavorum, litterae sclaviniscae, sclavonicae), то это значитъ церковный языкъ славянскій, „словѣнскій", тотъ языкъ, на которомъ говорили и писали Константинъ и Меѳодій и ихъ ученики, который изучалъ чешскій князь Вячеславъ, на которомъ отправляли богослуженіе въ XI в. въ сазавскомъ монастырѣ въ Чехіи Прокопій и другіе монахи Славяне (Sclavi, Slovene—słovenským hłahołem), и позже въ XIV в. въ пражскомъ монастырѣ „славянскомъ" (Slavi, Slovani, Słované, Słovené, Słováci, słovanský klášter, na Słovanech), по примѣру „Славянъ" хорватско-далматинскихъ.

Если чешскіе лѣтописцы говорятъ о побѣдѣ Славянъ (Sclavorum) надъ Нѣмцами въ 1040 и 1126 гг., если авторы легендъ называютъ Чеховъ Войтѣха и Прокопія Славянами (Slavus, Słovenín, dědic słovenský), если чешскіе писцы латинскихъ грамотъ XII—XIII вв. приводятъ въ нихъ нѣкоторыя славянскія слова (quod sclavice dicitur): то все это относится уже къ Славянамъ Чехамъ и ихъ языку. Угорскіе Словаки, конечно, всегда называли свой языкъ „словенскимъ". „Славянскимъ народомъ и языкомъ" часто называютъ чешскій и польскій народъ и языкъ король Премыслъ Отакаръ II и его супруга, русская княжна Куни-

гунда. Особенно любилъ благородный „славянскій“ языкъ, чешскій и другіе, императоръ римскій и король чешскій Карлъ IV. Онъ еще какъ королевичъ ходатайствуя передъ папскою куріею о возведеніи пражской епископіи въ архіепископію (1344), торжественно засвидѣтельствовалъ, что жители Чехіи говорятъ на языкѣ совсѣмъ отличающемся отъ нѣмецкаго, на „языкѣ славянскомъ“. Такъ и въ составленномъ при Карлѣ проектѣ новаго чешскаго уложенія (Majestas Carolina 1348 г.) постановляется, чтобъ ни одинъ чиновникъ не назначался, который бы не зналъ общаго языка чешскаго называемаго „славянскимъ“. Карлъ заботясь о любимомъ своемъ дѣтищѣ, о „славянскомъ“ монастырѣ въ Прагѣ, часто указывалъ на то, что и Чехи Славяне, и говорятъ на славянскомъ языкѣ, какъ и Славяне южные; въ такомъ смыслѣ писалъ Карлъ также сербскому царю Стефану Душану. Въ такъ назыв. золотой булѣ, изданной для римско-нѣмецкой имперіи, онъ предписалъ нѣмецкимъ курфюрстамъ учиться тоже „славянскому“ языку, т. е. чешскому, такъ какъ на этомъ языкѣ трактовались важныя дѣла имперіи; это относится къ королевскому совѣту чешскому, въ которомъ тогда трактовались тоже дѣла Германіи. Справедливо могъ тогда лѣтописецъ Мариньола назвать Карла „славою славянскаго народа“ (gloria slavicae gentis). Когда въ началѣ XV в. въ чешскихъ земляхъ начались смуты по поводу заточенія и сожженія магистра I. Гуса и обвиненія чешскаго народа въ ереси, то моравскіе паны на сеймѣ въ Бернѣ (1415 г.) заявили, что этимъ обезчещены вся чешская корона (государство) и языкъ славянскій; тогда и пражскій университетъ выразился въ подобномъ смыслѣ, что все это дѣлается въ позоръ и обиду нашего народа чешскаго и моравскаго и всего языка славянскаго. Въ такомъ смыслѣ говорили часто гуситы, и выставляли нѣмецкій языкъ (народъ) самымъ лютымъ врагомъ языка чешскаго и славянскаго. Еще на канунѣ паденія чешскаго государства (1620 г.) чешскіе чины подробно доказывая, что Чехія государство избирательное а не наслѣдственное, замѣтили въ началѣ этой своей *Дедукціи*, что славянскій народъ вообще и чешскій въ особенности, родился свободнымъ, что онъ никогда не былъ подвластенъ наслѣдственному

государю, но что онъ какъ народъ свободный, въ рукахъ котораго находится вся власть, всегда имѣлъ и пользовался правомъ выбирать себѣ государя; объ этомъ свидѣтельствуетъ уже византійскій историкъ Прокопій, который говоритъ, что Славяне живутъ въ народномъ правленіи, и что они не подчинены одному повелителю [1]).

2. *Историческая литература, лѣтописи, легенды и пр. Жалованная грамота Александра Великаго Славянамъ. Споръ о происхожденіи Чеховъ въ пражскомъ университетѣ въ началѣ XVII вѣка.*

Сознаніе родства съ остальными Славянами является въ чешской литературѣ особенно въ сочиненіяхъ историческихъ и филологическихъ. Изъ своихъ лѣтописей и легендъ Чехи знали, что они Славяне, которые-де послѣ вавилонскаго столпотворенія прибыли въ Европу; знали, что для нихъ изобрѣтено словѣнское письмо и переведены богослужебныя книги на словѣнскій языкъ св. Константиномъ и Меѳодіемъ и ихъ помощниками, призванными славянскимъ княземъ Ростиславомъ на Мораву, въ славянскія земли, что словѣнскій языкъ въ моравской церкви одобренъ самою папскою куріею. Хотя позже, послѣ паденія моравскаго государства и послѣ учрежденія латинской епископіи пражской, словѣнское богослуженіе въ Чехіи и въ Моравіи должно было по большей части уступить мѣсто латинскому, оно всетаки не исчезло тамъ совсѣмъ, и сохранилось до конца XI в. въ монастырѣ сазавскомъ. Князь Вячеславъ св. учился не только книгамъ латинскимъ, но и словѣнскимъ. Другой чешскій святитель Прокопій „дѣдичъ словенскій" учился въ школѣ вышеградской (въ Чехіи или въ Угріи?) на словѣнскомъ языкѣ. Также и другіе чешскіе святители называются Славянами; такъ св. Людмила называется дочерью князя Славибора изъ славянской земли, т. е. изъ Пшова (Мельника); св. Войтѣхъ, сынъ зличскаго князя Славни-

---

[1]) Deductio darumb Ferdinand II des Regiments im Königreiche Böheimb verlustiget etc. (p. 6); тоже самое и по-французски.

ка и Стрезиславы „знатнаго рода славянскаго", называлъ себя „Словениномъ", и такъ называется также у другихъ. О бывшемъ словѣнскомъ богослуженіи въ Моравіи и въ Чехіи читали Чехи и Моравяне въ разныхъ легендахъ, латинскихъ и чешскихъ, о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ (которыхъ назвали Цръга и Страхота), о св. Людмилѣ, о св. Прокопіѣ, въ лѣтописяхъ Далимила и Пулкавы и др. Читали въ нихъ, что въ Моравіи и въ Чехіи было когда-то богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, устроенное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ тогда оно существовало въ Болгаріи, Хорватіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и какъ оно въ половинѣ XIV в. возобновлено и въ Чехіи, хотя только въ одномъ мѣстѣ, въ пражскомъ монастырѣ „славянскомъ" [1]).

Изъ чешскихъ лѣтописцевъ *Косьма* ничего не записалъ о великомъ племени славянскомъ, изъ котораго произошелъ чешскій народъ, хотя онъ конечно зналъ о славянскомъ происхожденіи своего народа, и называетъ Чеховъ изрѣдка Славянами; Чехи же прибыли, подъ предводительствомъ „отца Чеха" (pater Boemus), въ Германію послѣ вавилонскаго столпотворенія, и по Чеху названа ихъ земля Чехіею (Boemia). Авторъ риѳмованной лѣтописи чешской начала XIV вѣка, извѣстный подъ именемъ *Далимила*, зналъ уже больше, именно, что послѣ вавилонскаго столпотворенія и раздѣленія языковъ, Сербы или Словене поселились на югѣ возлѣ Грековъ по морю, и расплодились потомъ до Рима или до Рейна; изъ сербской же земли Хорватіи вышелъ на сѣверъ праотецъ чешскаго народа, староста Чехъ. Ученый Итальянецъ Іоаннъ *Мариньола*, которому Карлъ IV поручилъ написать чешскую хронику (ок. 1355—1362), зналъ, что Славяне происходятъ отъ внука Ноя, Іафетовича Helisa—Elisa (греч. helios—солнце), по которому назвались Славяне „солнечные, свѣтлые, славные" (Elisani hodie Slavi mutata litera, corrupto vocabulo Sclavi, quasi solares vel luminosi vel magis gloriosi); часть ихъ Чехія, назвавшаяся по Бо-

[1]) Обширно въ послѣднемъ отдѣлѣ: Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ.

яму (a Boyam dicta est Boemia). Древнюю исторію Славянъ значительно разукрасилъ чешскій лѣтописецъ *Прибикъ Пулкава изъ Раденина* (1374—1375). Въ своей чешской хроникѣ, написанной по-латыни и по-чешски, Пулкава выводитъ „Словянъ" (такъ пишетъ по-чешски—Słované, Słovené, и по-латыни Slovani) тоже изъ равнины сенаарской, гдѣ, во время вавилонскаго столпотворенія, въ числѣ другихъ языковъ началась тоже словянская рѣчь (idioma slovanicum), которая неправильно называется славянская (slavonicum); ибо Словяне названы отъ слова. Эти Словяне шли черезъ халдейскую землю въ Грецію, и черезъ Византію или Константинополь вступили въ Болгарію, Расію и Сербію, Далмацію, Хорватію, Боснію, Хорутанію, Штирію и Краину; въ этихъ земляхъ они живутъ до сихъ поръ. Изъ Хорватіи вышелъ Чехъ, и перешедши черезъ Дунай прибылъ въ нынѣшнюю Чехію; его братъ Лѣхъ отправился дальше на сѣверъ и поселился въ польскихъ равнинахъ, въ Польшѣ. Въ послѣдствіи изъ его поколѣнія нѣкоторые отправились на „Русь", въ Поморье, въ Кашубію до самой Даніи и до предѣловъ морскихъ на сѣверѣ, и наполнили всю Русь. Другіе отправились изъ Чехіи въ Моравію, Мишнію, Лужицу, Бранденбургъ. Во всѣхъ этихъ странахъ живутъ Словяне [1]).

Во время гуситскаго движенія, во время той тяжелой борьбы Чеховъ со всею западной Европою, особенно съ Нѣмцами, распространялись разныя новыя мнѣнія о происхожденіи Славянъ и Нѣмцевъ, мнѣнія, въ которыхъ ясно являются тогдашнія отношенія обоихъ искони враждующихъ другъ съ другомъ наро-

---

[1]) *Pulkavy* Kronika česká, vyd. Procházka (1786, стр. 13), на латинскомъ языкѣ Dobner: Monumenta histor. III, 72; теперь печатается новое изданіе въ Fontes rerum bohemicarum; въ этомъ сборникѣ помѣщены всѣ выше упомянутыя легенды и лѣтописи. Слово „Русь" рядомъ съ Поморьемъ и Кашубіею (quidem de genere Lech transiverunt Rusiam, Pomeraniam, Cassubiam usque ad regnum Dacie) означаетъ здѣсь скорѣе Ругію (Rugia—Rusia), которая смѣшана съ Русью (et confinia maritima septemtrionis totamque terram Rusie impleverunt, et eandem similiter coluerunt).

довъ. Въ замѣчательномъ историко-политическомъ сочиненіи *Краткое собраніе изъ чешскихъ лѣтописей для предостереженія вѣрныхъ Чеховъ* (1437 г.), на чешскомъ языкѣ, разсказываетъ неизвѣстный авторъ, что послѣ раздѣленія языковъ около вавилонскаго столпа „Нѣмцамъ данъ въ предводители Тевкадъ, по которому они называются Тевкадиты, а по-славянски Нѣмцы. Этотъ народъ—бродяга, и служилъ всѣмъ другимъ народамъ, особенно же славянскому, и по этому называется „маннымъ (нѣм. маннъ = васалъ); а маннами они должны быть и называться вѣчно, какъ свидѣтельствуетъ грамота данная великимъ царемъ Александромъ славянскому народу. Но къ сожалѣнію, Нѣмцы поселившись около славянскаго народа, истребляли его и заселяли своимъ; такъ всю землю лужицкую и сербскую занялъ нѣмецкій сбродъ; ибо въ этихъ земляхъ было первоначально населеніе чешское и славянское. Также и въ Чехіи Нѣмцы ужасно расплодились, и очень Чехамъ вредили; ибо нѣмецкая власть, водворившаяся въ славянскомъ или въ чешскомъ народѣ, приноситъ съ собою истребленіе или ослабленіе этого народа или другой вредъ".

Въ заключеніе этой лѣтописи приводится *Маестатъ* (жалованная грамота) Александра Великаго славянскому народу, изданный въ Александріи. Македонскій герой даритъ „свѣтлому поколѣнію славянскому за великія его службы на вѣчныя времена всю часть земли съ сѣвера до самой Италіи, и земли на югѣ, чтобъ въ нихъ никто другой кромѣ вашего народа не посмѣлъ пребывать и селиться; а если бы кто нибудь другой нашелся живущимъ въ тѣхъ странахъ, то онъ долженъ быть вашимъ слугою, и его потомки должны быть слугами вашихъ потомковъ" [1]). Кто былъ авторомъ этой странной грамоты, неизвѣстно; можетъ быть, историкъ гуситскаго движенія, магистръ Лаврентій изъ Брезовой, который (по Гайку) написалъ неизвѣстную нынѣ статью

---

[1]) Собраніе изъ чешскихъ лѣтописей и маестатъ издалъ, по рукописи Черони 1443-го г. (срв. Dudik: Ceroni's Handschriftensammlung p. 413), Ганка при Хроникѣ Далимила (1851, стр. 228). Русскій переводъ въ московскихъ *Чтеніяхъ* 1862, I. Срв. выше, стр. 26.

„о славѣ Чеховъ, Боемовъ и Словаковъ". Маестатъ Александра Великаго находилъ вѣрующихъ не только у Чеховъ, но и у остальныхъ Славянъ до XVII даже и до XVIII вѣка. Приводятъ его у Чеховъ Гаекъ и Папроцкій, Словакъ Рева, у Поляковъ Бѣльскій, Стрыйковскій, Сарницкій, у южныхъ Славянъ Орбини, Главиничъ, Раткай, у Русскихъ авторы разныхъ хронографовъ, Гизель, Манкіевъ, да еще Щербатовъ (1794). Стрыйковскій и Сарницкій разсказываютъ, что жалованная грамота Александра найдена въ государственномъ архивѣ чешскомъ, и хранилась потомъ въ монастырѣ недалеко отъ Кракова; одинъ экземпляръ находится въ очень древней книгѣ чешскихъ лѣтописей (вѣроятно въ упомянутомъ собраніи изъ чешскихъ лѣтописей); южные Славяне утверждаютъ, что подлинная грамота Александра, писанная въ Александріи на пергаминѣ, находится въ государственной ризницѣ турецкой, куда она попала послѣ завоеванія Царьграда. Но уже рано раздавались тоже голоса противъ подлинности этой грамоты; Велеславинъ полагаетъ, что многимъ ученымъ эта грамота кажется подозрительною больше всего потому, что имя Славянъ при Александрѣ не было еще извѣстно, а является только при императорѣ Юстиніанѣ; также и Бальбинъ сомнѣвается въ подлинности грамоты, и современный ему Крижаничъ называетъ ее просто смѣшною баснею. Замѣтимъ еще, что у западныхъ Славянъ—у которыхъ, какъ вообще у всѣхъ народовъ, Александръ македонскій былъ любимымъ героемъ романовъ и поэмъ—очутился Александръ уже рано въ ихъ лѣтописяхъ. Въ Польшѣ лѣтописецъ Викентій Кадлубекъ (въ началѣ XIII в.) разсказываетъ всякую всячину о войнахъ Александра македонскаго съ Ляхами, о завоеваніи Кракова и Серадзя, и о его бѣгствѣ изъ Польши; о войнахъ съ Ляхами переписывался-де Александръ съ своимъ учителемъ Аристотелемъ, какъ видно изъ сборника его писемъ, числомъ ок. 200. Эти сказки польскаго лѣтописца могли тоже дать поводъ выдумкѣ „маестата" Александра Славянамъ [1]).

---

[1]) Chronicon Polonorum, lib. I, cap. 9, 10. (Bielowski Monumenta Polon. II, 259). „Cronica Polonorum cum epistola Alexandri",

Когда въ Чехіи больше распространились свѣдѣнія о славянскомъ востокѣ и югѣ, о земляхъ южныхъ, балтійскихъ, польскихъ и русскихъ, по книгамъ Энея Сильвія (географіи), Кранца, Мѣховскаго, Кромера, Гвагнина, Іовія, Герберштейна и др., когда русско-московскія посольства побывали нѣсколько разъ въ Прагѣ у императора, и длинный титулъ русскаго царя сталъ и здѣсь болѣе извѣстнымъ, то какой-то чешскій писатель, вѣроятно второй половины XVI в., прибавилъ къ маестату Александра длинный но довольно небрежно составленный перечень земель, въ которыхъ употребляется „языкъ нашего наиславнѣйшаго, наизнаменитѣйшаго и наихрабрѣйшаго народа славянскаго". Приводится здѣсь 79 языковъ или земель, гдѣ живутъ Славяне, именно: въ чешской, въ моравской, въ силезской, въ лужицкой нижней, въ лужицкой верхней, въ польской большей, въ польской меньшей, въ русской бѣлой, въ русской черной, въ подольской, въ волынской, въ мазовской, въ хелменской, въ белзенской, въ мулдавской, въ „самоѣдской" (самогитской, жмудской), въ поморской, въ кашубской, въ „ругенской" (Рюгенъ-Рана), въ „бартицкой" (Бартъ), въ староградской, въ володимерской, въ новоградской нижней, въ „резанской" (Рязань), въ „боротицкой" (воротынской), въ „седорской" (сѣверской?), въ смоленской, въ бѣльской, въ „рассовской" (Руса?), въ тверской, въ „пшовской" (Псковъ), въ новоградской великой, въ вотской, въ „корнельской" (Корела), въ двинской, въ устюжской, въ „володской" (Вологда),

---

которая ок. 1300-го г. находилась въ библіотекѣ краковскаго капитула, не что иное какъ лѣтопись Викентія. (Bielowski Monum. I, 378). Добровскій считалъ „маестатъ" Александра Славянамъ выдумкою Хорватовъ XIV в. (Письма Добровскаго и Копитара, изд. И. Ягичъ, стр. 432). Гаекъ (Kronika česká 319) разсказываетъ, что монахамъ вновь основаннаго славянскаго монастыря въ Прагѣ дана (императоромъ Карломъ?) эта грамота Александра. Можетъ быть, что на автора этой грамоты повліялъ тоже разсказъ Курція (De rebus gestis Alexandri Magni, lib. VII, cap. 8) о войнѣ Александра съ Скиѳами, и рѣчь скиѳскихъ пословъ, упрекающихъ Александра, что онъ хочетъ дотрогиваться altera manu orientem, altera occidentem.

въ бѣлозерской, въ „заславской" (Ярославль?), въ ростовской, въ суздальской, въ вятской, въ пермской, въ сибирской, въ печорской, въ „зугрытской" (Югра), въ обдорской, въ лукоморской, въ „лабской" (Лаппы?), въ мордоводской (?), въ мамалутской (!), въ мордовской, въ холмогорской, въ скиоской, въ будынской, въ гелонской, (Будины и Гелоны Геродота), въ цырской (?), въ дедопской (Додопа?), въ агатырской (Агаѳирсы Геродота), въ дерской (?), въ илирской, въ хорватской, въ далматской, въ Карпитіи, въ Карніи, въ „мавской" (Мачва?), въ словской (т. е. словинской, Славонія), въ босняцкой, въ кватской (?), въ либурнской, въ сербской, въ рацкой, въ штирской, въ болгарской, въ дратской (Ѳракія), въ самодрацкой (Самоѳраке), въ корытанской (хорутанской). Въ концѣ Саксоніи на востокъ находится пустый городъ а нынѣ село Ста̀рый Градъ. Оттуда до Пруссіи все занималъ народъ сербскій. Нѣмецкій языкъ укралъ у насъ тоже земли брауншвейгскую, люнебургскую, магдебургскую, гальберштадтскую, бранденбургскую, мекленбургскую, бѣлградскую. Этой таблицы не хватило бы для описанія многихъ другихъ значительныхъ земель, въ которыхъ находится языкъ могущественнаго народа славянскаго [1]). Обширность славянскихъ земель наполняла, стало быть, уже Чеховъ XVI в. гордостью. Тогда тоже извѣстный чешскій математикъ и астрономъ Петръ *Кодициллъ* (Книжка) *изъ Тулехова*, побуждая (въ календарѣ 1588 г.) Чеховъ къ большему рвенію къ языку и отечеству, обращается противъ иноплеменниковъ: „Пусть насъ называютъ Вандалами, Скиѳами, варварами, какъ хотятъ; а славянскій народъ превосходитъ многіе".

---

[1]) Ганка издалъ этотъ списокъ какъ будто онъ принадлежитъ къ собранію лѣтописей и къ маестату (стр. 241); но это невозможно: Чехи первой половины XV в. не могли знать всѣхъ здѣсь приведенныхъ земель. Кажется, что Ганка прибавилъ этотъ списокъ изъ рукописи Чешскаго Музея (1623-го г.), гдѣ онъ слѣдуетъ за маестатомъ. Нельзя-ли считать авторомъ этого списка Бенешовскаго, который имѣлъ довольно хорошія свѣдѣнія о Славянахъ? (Срв. ниже).

Славянъ знаютъ больше или меньше чешскіе лѣтописцы и географы XV—XVII вв., чужой Эней Сильвій, свои Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Пуховскій, Велеславинъ, Папроцкій и др. [1]). Всѣ эти лѣтописцы разсказываютъ, по своимъ предшественникамъ и по собственному усмотрѣнію, разныя вещи о Славянахъ, изъ которыхъ произошли Чехи. *Эней Сильвій*, соглашаясь съ предыдущими лѣтописцами, говоритъ, что Чехи производятъ себя отъ Славянъ („Словаковъ“—перевелъ Коначъ 1510 г.), которые вышли-де изъ равнины сенаарской и заселили въ Европѣ земли, занятыя нынѣ Болгарами, Сербами, Далматинцами, Хорватами и Босняками. По производство Чеховъ и Славянъ отъ Вавилона столько же смѣшно, какъ если бы они производили себя изъ Ноева ковчега и изъ живота Евы; все это бабьи басни. По свидѣтельству же Страбона первые жители Чехіи были Нѣмцы Свевы („Швабы“—перевелъ Коначъ), а Чехи прибыли въ свою родину позже [2]). Изъ Хорватіи вышли братья Чехъ и Лѣхъ, праотцы народовъ чешскаго и польскаго; потомки Лѣха заняли

---

[1]) Aeneas Sylvius: Historia bohemica (1458, напечат. въ Римѣ 1475), чешскіе переводы Гуски (1487, рукоп.), Конача (1510), вновь изданный Велеславиномъ (1585); Martin Kuten: Kronika o založeni země české (1539, 1585); Václav Hájek z Libočan: Kronika česká (1541); Jan Dúbravský: Historia bohemica (1552); Sigmund z Púchova: Kosmografia česká (1554); Daniel Adam z Veleslavina: Kroniky dvě o založeni země české (1585), и предисловіе къ Московской хроникѣ М. Госія (1590); Bartołoměj Paprocký: Zrcadło slavného markrabstvi moravského (1593), Diadochos-posłaupnost knížat i králův českých (1602), Štambuch slezský (1609), Ogród królewski, w którem o początku cesarzów rzymskich, arcyksiążąt rakuskich, królów polskich, czeskich, książąt śląskich, ruskich, litewskich, pruskich rozrodzienia ich krótko opisane (1599, всѣ въ Прагѣ).

[2]) Любопытно, что эти насмѣшливыя слова Энея Сильвія (папы Пія), повторенныя тоже его чешскими переводчиками, не понравились Дубровчанину абату Мавру Орбини, который въ своей славянской исторіи (Il regno degli Slavi 1601, по-русски 1722) ссылается на другія хроники производившія народы, въ томъ числѣ и Сарматовъ, отъ сыновей Ноя. Эти слова Орбини приводитъ еще Раичъ (1794 г.).

балтійскія земли и Русь. Эней Сильвій замѣчаетъ тоже, что у Чеховъ и у Далматинцевъ одинъ языкъ, и по-этому—что Чехи въ гуситское время провозглашали императора Сигизмунда врагомъ языка „далматинскаго“ (т. е. чешскаго, славянскаго).

Мало извѣстій о Славянахъ сообщаютъ *Кутенъ* и *Гаекъ*. Кутенъ зная нѣсколько древнихъ писателей римскихъ и греческихъ, считаетъ первобытныхъ жителей Чехіи и Моравіи Нѣмцами; только въ VII в. (639) прибылъ въ Чехію Чехъ изъ Иллиріи т. е. Хорватіи: такимъ образомъ смѣшались тогда два народа, одинъ народъ Чеха прибывшій изъ Хорватіи, а другой нѣмецкій, потомки Вандала, внука Твиска (Твишка), внука Ноя; этотъ Твиско занялъ Германію уже послѣ потопа, а отъ Вандала произошли Вандалы-Сербы, народъ нѣмецкій. Чехи же не происходятъ отъ Вандаловъ т. е. Сербовъ; это противурѣчитъ всѣмъ писавшимъ о началѣ чешскаго народа, и качествамъ нашего языка: ибо не мы говоримъ рѣчью сербскою, а Сербы нашу рѣчь съ своею т. е. нѣмецкою смѣшавши употребляютъ ее [1]). Подобно Кутену и *Гаекъ* первыхъ жителей Чехіи считаетъ Нѣмцами, которые-де послѣ вавилонскаго столпотворенія прибыли, подъ предводительствомъ Тевтона внука Тевкада, въ Баварію; изъ этой земли Баварцевъ, Боіевъ, Боемовъ, вышелъ Бемъ въ Боемію. Отъ Вавилона распространились въ Европу тоже потомки Гелисы, сына Іавана Іафетовича, „Словаки“ (т. е. Славяне), которые поселились возлѣ Грековъ въ Иллирикѣ и въ другихъ странахъ, славянской („слованской“) и хорватско-далматинской, рацкой (сербской), босенской, болгарской, волошской, русской и московской. Изъ Хорватіи же въ 644-омъ г. вышли братья Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ въ землю Боемовъ, и стали праотцами славянскихъ народовъ Чеховъ и Лѣховъ.

---

[1]) Vandalus перешелъ въ хронику Кутена вѣроятно изъ сочиненія Кранца Wandalia, только что чешскій лѣтописецъ считалъ всѣхъ потомковъ Твиска и Манна, въ томъ числѣ и Вандала, Нѣмцами. Вандала, потомка Ноя, праотца Вандаловъ—Славянъ знаютъ польскіе лѣтописцы уже въ XIII вѣкѣ; срв. ниже.

Дубравскій пользуясь нѣсколькими писателями древняго міра и среднихъ вѣковъ, считаетъ мнѣніе о происхожденіи Славянъ отъ Вавилона вздоромъ, и полагаетъ, что прародина всѣхъ народовъ называемыхъ нынѣ Славянами была Сарматія, ограниченная, по Птолемею, Дономъ, Вислою, Карпатами и сарматскимъ моремъ. Изъ Сарматіи вышли до VI в. Сербы и Венеды на западъ (а Вандалы были Нѣмцы), другіе на югъ въ Иллирію. Такъ какъ всѣ сарматскіе народы, распространенные широко и далеко по государствамъ и землямъ, говорили одною рѣчью и одними словами, то они назывались однимъ именемъ Словяне, по тоже отъ славы—славные. Изъ Иллиріи, Хорватіи, вышли на сѣверъ Чехъ и Лѣхъ; Чехи заняли свою землю называемую по гальскимъ Боіямъ Boiohemum. Славяне жили, по Прокопію, прежде въ народномъ правленіи, а потомъ въ монархіи. Изъ этого народа происходилъ св. Іеронимъ, который перевелъ св. писаніе на славянскій языкъ, и этотъ переводъ употребляютъ до тѣхъ поръ Иллиры въ своемъ богослуженіи. Изъ славянской миѳологіи Дубравскій знаетъ, что Славяне, по свидѣтельству Прокопія, обожали нимфъ, и подробно описываетъ обряды совершаемые на Ранѣ въ честь Святовита. *Велеславинъ*, въ обширномъ предисловіи къ изданнымъ имъ хроникамъ Энея Сильвія и Кутена, считаетъ первобытными жителями Чехіи, Моравіи и полабско-балтійскихъ странъ нѣмецкихъ (по другимъ гальскихъ), Боіевъ, Маркомановъ, Швабовъ (т. е. Свевовъ), Вандаловъ, Гермундуровъ. Только во второй половинѣ V вѣка послѣ Р Х. двинулись Славы, Словаки или Винды отъ Вислы въ земли полабскія и балтійскія; здѣсь они отняли у Гермундуровъ соляныя родники въ Галле, которую назвали Добрый боръ или Добрая соль; равнымъ образомъ назвали и многіе другіе города и села на своемъ языкѣ. Остатки этихъ Славовъ въ Саксоніи, Маркахъ, Лужицѣ и въ другихъ странахъ презираются до такой степени, что Нѣмцы не позволяютъ имъ селиться нигдѣ въ городахъ, изъ которыхъ вытѣснили ихъ предковъ; они должны какъ рабы работать по селамъ. Славы, Славины называются такъ или отъ славы какъ бы славные, или Словаки отъ слова. Въ тѣ земли прибыли позже и славянскіе князья Чехъ и Лѣхъ съ своимъ народомъ, и за-

няли здѣсь новыя земли; тамъ гдѣ прежде жили Винды, Венеды, Славы, Славины, т. е. Славные или Словаки, потомъ жили Чехи. Древніе Славяне имѣли кромѣ другихъ боговъ и Вита, котораго называли Святовитомъ и особенно почитали. Христіанство распространяли у Славянъ апостолы славянскіе, св. Кириллъ и Меѳодій; Кириллъ выдумалъ особыя буквы, можетъ быть тѣ, которыя нынѣ употребляютъ Русскіе или Хорваты и „Словаки" (южные Славяне) [1]). Москвитяне и Русскіе произошли изъ того же самаго народа сарматскаго, какъ и Чехи, и употребляютъ тотъ же самый языкъ, какъ и Поляки, Хорваты, Словаки, Сербы. Чехамъ полезно знать, какъ далеко распространенъ ихъ народъ; онъ живетъ не только въ странахъ между Черными лѣсами, Угріею и Польшею, но и гораздо дальше на востокѣ и на сѣверѣ, отъ Ледовитаго моря за Москвою до средиземнаго и адріатическаго, такъ что онъ занимаетъ почти половину двухъ частей свѣта, Азіи и Европы; славянскій языкъ раздается тоже при дворѣ турецкаго императора, да онъ, по свидѣтельству Павла Іовія, прежде употреблялся и египетскимъ султаномъ и его мамелюками. Сигизмундъ изъ *Пухова* производитъ Славянъ отъ великаго народа Вандаловъ; Вандалы же, Моравяне или Маркомане, Далматинцы, Хорваты, „Словаки" (южные), Чехи, Поляки, Русскіе, Ляхи, и другіе происшедшіе отъ нихъ, все одинъ народъ, только что у нихъ разныя имена по ихъ вождямъ; чешскій народъ называется по своему вождю Чеху, который вышелъ изъ хорватской земли съ своимъ братомъ Ляхомъ; оба они возвысили народы чешскій и народъ Лѣховъ, и такимъ образомъ отъ Чеха произошли два народа, чешскій и польскій. Латинское же названіе Bohemia происходитъ отъ гальскаго народа Боіевъ, который занималъ ту землю до Вандаловъ и Чеховъ.

---

[1]) Велеславинъ смѣшалъ здѣсь кириллицу и глаголицу. Такъ и Петръ Кодициллъ въ посвященіи чешской молодежи (въ Dictionarium linguae latinae Велеславина 1579) говоритъ, „что наши предки сносясь съ римскими императорами и привыкши латыни, не радѣли о своемъ письмѣ, которое употребляютъ Илиры и Русскіе".

Больше всѣхъ разсказываетъ о Славянахъ Полякъ *Папроцкій*, который писалъ по-польски и по-чешски, и пользовался въ своихъ сочиненіяхъ разными историческими сочиненіями своихъ предшественниковъ (на пр. Кромера), но также своею фантазіею. Онъ разсказываетъ, что Александръ Великій далъ Словакамъ (т. е. Славянамъ), какъ своимъ отличнѣйшимъ рыцарямъ и вѣрнѣйшимъ помощникамъ, всѣ земли съ юга на востокъ и на западъ, гдѣ нынѣ Хорватія, Сербія, Болгарія, Чехія, Моравія, Силезія, Польша, Поморье, Кашубія, Мишнія, Москва, Русь, Подолье, Волынь и др., и гдѣ повсюду живетъ старинный, знатный, великій, славный народъ словенскій или славенскій, Словаки или Славаки. Они назвались или отъ славы, или отъ слова: данное слово они всякому охотно исполняли, и до сихъ поръ Чехи и Поляки считаютъ большимъ оскорбленіемъ, если кто-нибудь скажетъ честному человѣку, что онъ не говоритъ правды, и такъ по поводу такого слова бываютъ драки и убійства. Впрочемъ слава и слово не отличаются другъ отъ друга; слава тому, кто слово исполняетъ. Именно Чехи исполняли разъ обѣщанное слово, и о нихъ есть пословица у „Словаковъ" (Славянъ), которые, увѣряя кого-нибудь въ чемъ-нибудь, говорятъ: развѣ я Чехъ, чтобъ держать слово [1]). Славные предки славянскихъ народовъ соблюдали такой обычай, что задерживали другъ друга въ своихъ странахъ, заключали браки между собою, какъ братья и потомки одного предка; такъ было именно между Чехами и Поляками. Но наши предки больше заботились о рыцарскихъ подвигахъ, и считали первымъ своимъ дѣломъ распространять свои державы и границы, но ничего объ этомъ не записывали и не отмѣчали, а другіе народы изъ зависти въ своихъ лѣтописяхъ о нихъ упоминать не только не хотѣли, но и другимъ запрещали записывать. Южные Славаки или Словаки суть отцы народовъ чешскаго и польскаго, которые происходятъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха, вышедшихъ изъ Хорватіи.

---

[1]) Aza ja Czech słowo dzierżeć (trzymać)—встрѣчается часто у тогдашнихъ польскихъ писателей, Рея, Стрыйковскаго, Сарницкаго, Рысинскаго и др.

Вотъ вкратцѣ мнѣнія древнихъ чешскихъ лѣтописцевъ о славянскихъ ихъ предкахъ. Что касается происхожденія Чеховъ, то древнѣйшія преданія связываютъ ихъ съ праотцемъ Чехомъ, который занялъ верхнее Полабье около горы Рипа, и по которому-де названы земля и народъ Чехи. Откуда прибылъ этотъ Чехъ, съ начала не знали. Косьма производитъ Чеха прямо изъ сенаарской равнины. Такъ наз. Далимилъ полагалъ, что Чехъ вышелъ изъ сербскаго народа, изъ хорватской земли; тѣхъ Сербовъ или Словенъ онъ помѣщаетъ возлѣ Грековъ по морю на югѣ на балканскомъ полуостровѣ, гдѣ адріатическое приморье (Далмація) и Панонія изъ давна назывались также у Чеховъ землею „славянскою" (словенскою, слованскою). Далимилъ выводитъ, стало быть, Чеховъ съ юга, какъ и древнія преданія польскія и русскія, по которымъ сѣверные и восточные Славяне вышли изъ подунайскихъ странъ, изъ Панопіи или Угріи и Болгаріи [1]). Это мнѣніе о выходѣ Чеховъ и Славянъ вообще изъ южныхъ странъ, которое развилъ особенно Пулкава, стало потомъ у Чеховъ и у Поляковъ господствующимъ. Позднѣйшіе чешскіе и польскіе лѣтописцы украсили это преданіе о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи разными выдумками; такъ на пр. они опредѣляютъ точно время этого выселенія (278—644 гг.), знаютъ число ихъ дружины, ихъ „гербы", знаютъ происхожденіе моравскаго герба, пестрой орлицы, соединеніемъ-де герба Чеха (орлицы) и Хорватіи (шахматной доски), и пр. Такія сказки можно читать у Гайка, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго

---

[1]) Шафарикъ, Палацкій и др. объясняютъ Далимилову „землю хорватскую въ сербскомъ языкѣ" карпатскою Бѣлою Хорватіею и Бѣлою Сербіею, о которыхъ говоритъ Константинъ Багрянородный и откуда онъ выводитъ южныхъ Хорватовъ и Сербовъ. Но самъ чешскій лѣтописецъ не думалъ ни о какихъ другихъ странахъ, какъ только о югославянскихъ по морю адріатическому и возлѣ Грековъ. По нашему мнѣнію и слова баварскаго географа IX в. о сербской прародинѣ всѣхъ Славянъ (Zerivani quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducant) относятся къ подунайской Сербіи-Сарматіи.

и др. Но постепенное развитіе историческихъ наукъ, знакомство съ древними памятниками греческими и римскими, имѣли вліяніе и на это мнѣніе о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи. Лѣтописцы, познакомившись съ нѣкоторыми писателями древняго и средняго вѣковъ, не находили въ нихъ Славянъ какъ автохтоновъ югославянскихъ странъ, Хорватіи; польскіе ученые Григорій Сапоцкій, Вацовскій и Кромеръ, и чешскій Дубравскій, выводятъ всѣхъ Славянъ уже прямо изъ Сарматіи или изъ московской Руси отъ озера Словна. Чешскіе лѣтописцы съумѣли однако примирить эти двѣ теоріи о происхожденіи Чеховъ съ востока и съ юга, утверждая, что Славяне двинулись до VI вѣка изъ Сарматіи на западъ въ Германію и на югъ въ Иллирію, и оттуда, изъ Хорватіи, прибыли потомъ въ VII в. Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ въ Чехію и Польшу. Такимъ образомъ вавилонское столпотвореніе въ чешской исторіи исчезло, мнѣніе объ автохтонахъ Славянахъ въ Чехіи и др. брошено, но прародина Чеховъ, Хорватія, спасена. И такъ какъ авторитетъ Гайка остался непоколебимымъ до самаго XVIII в., то Чехи твердо вѣрили въ свое происхожденіе изъ южныхъ Славянъ, изъ Хорватіи, откуда Чехъ вышелъ-де въ 644-омъ году.

Большого шуму надѣлалъ въ началѣ XVII в. (1614—1616) професоръ пражскаго университета Іоаннъ *Судетскій*, утверждая, что Чехи происходятъ не изъ южныхъ Славянъ, а изъ Руси. Судетскій, человѣкъ для своего времени довольно ученый и начитанный, зналъ хорошо, кромѣ чешской исторіографіи, многихъ авторовъ греческихъ, римскихъ, Гельмольда, Длугоша, Герберштейна, Кромера и др. Славянскій языкъ—разсуждалъ Судетскій—раздѣляясь на нѣсколько нарѣчій, распространенъ не только въ древней своей родинѣ Руси, у Русскихъ, но тоже у Поляковъ и Чеховъ, у немногихъ Славянъ въ Германіи, дальше у Лужичанъ, Слензанъ, Моравянъ и у жителей по рѣкѣ Вагу въ Угріи (Словаковъ); у Далматинцевъ, Босняковъ, Хорватовъ, Истріянъ по адріатическому морю до Фріаула, у Краньцевъ, Хорутанъ и Штирійцевъ, столица которыхъ носитъ тоже славянское имя Градецъ; у Сербовъ и Болгаръ до самаго Царьграда, гдѣ при дворѣ турецкомъ славянскій языкъ почти вытѣснилъ турецкій. Судетскій

разсуждая о происхожденіи своего народа, утверждалъ, что Чехи и Поляки или Ляхи (такъ ихъ называютъ до сихъ поръ Русскіе и Москвитяне) несомнѣнно происходятъ отъ двухъ братьевъ, принадлежатъ къ славянскимъ народамъ; но откуда именно они вышли, въ этомъ наши писатели очень ошибаются. Восточную Германію, разоренную послѣ переселенія народовъ, заняли ок. 457 г. Сарматы, поселившись въ Польшѣ, Чехіи и въ полабскихъ и балтійскихъ земляхъ (Бременъ=бремя); они назвались по славнымъ своимъ дѣламъ Славяне, а не отъ слова. Вмѣстѣ съ Русскими, отъ которыхъ вышли, они наполнили всѣ земли отъ моря варяжскаго („варецкое"—отъ Вагровъ-де) до Чернаго и до Волги. На другой сторонѣ Славяне заняли всю восточно-римскую имперію, такъ что по свидѣтельствамъ самихъ Грековъ и Греція ославянилась; до сихъ поръ вездѣ въ Турціи живутъ Славяне. Чехи и Поляки не могли выйти изъ южной Хорватіи, Иллиріи и Панноніи, такъ какъ эти земли заняты Славянами позже, чѣмъ сѣверныя и восточныя, населенныя Сарматами и Венетами; слѣдовательно они вышли съ сѣвера и востока, изъ Сарматіи. Судетскій возбудилъ въ пражскомъ университетѣ оживленный споръ. Противники Судетскаго, твердо придерживаясь господствовавшей тогда теоріи о выходѣ Чеха изъ южной Хорватіи, горячо возстали противъ новой теоріи; по ихъ мнѣнію она даже вредила народной чести Чеховъ, производя ихъ отъ Русскихъ.

Во главѣ противниковъ Судетскаго былъ Николай *Троилъ Святопольскій* (Hagiochoranus), деканъ философскаго факультета; онъ не равняясь своему противнику въ познаніяхъ, старался замѣнить этотъ недостатокъ лишнимъ рвеніемъ. Въ публичной своей рѣчи „О патріотической Чехіи противъ Русскихъ" Троилъ защищалъ старую теорію о прибытіи Чеха изъ Хорватіи въ нынѣшнюю Чехію, послѣ Боіевъ, Маркомановъ и Гермундуровъ, и наконецъ воскликнулъ: „Пусть останется Русскимъ, кто не хочетъ быть Чехомъ; пусть останется Скиѳомъ и варваромъ, кто своихъ предковъ считаетъ варварами—Maneat Roxolanus, qui Czechus aut Bohemus esse non vult. Maneat Scytha et barbarus, qui suos veteres pro barbaris agnoscit"! Эту свою рѣчь Троилъ посвятилъ всѣмъ Чехамъ любящимъ отечество, замѣчая, что и онъ

любитъ свое дорогое отечество и свой народъ, который вовсе не происходитъ изъ Руси, отъ Русскихъ. Споръ становился все болѣе упорнымъ; Судетскій отвѣтилъ Троилу, и этотъ Судетскому. Только 9 февраля 1616 прекратился этотъ безплодный споръ повелѣніемъ академическаго сената, который сдѣлалъ Судетскому выговоръ за то, что онъ послѣдній свой отвѣтъ напечаталъ безъ разрѣшенія ректора [1]). И такъ, еще на канунѣ паденія чешскаго государства происходилъ оживленный споръ о происхожденіи Чеховъ, вышелъ-ли Чехъ изъ южныхъ или восточныхъ Славянъ, изъ Хорватіи или изъ Руси; первое мнѣніе отстояло себѣ господство еще на полтора вѣка.

Что касается исторіи другихъ славянскихъ народовъ, то Чехи обращали вниманіе прежде всего на исторію сосѣдней Польши, съ которою они позже знакомились по печатнымъ латинскимъ хроникамъ Мѣховскаго и Кромера, отъ части и по хроникѣ свѣта М. Бѣльскаго на польскомъ языкѣ [2]). Событія въ сосѣдней Польшѣ отмѣчаются часто и въ чешскихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ сочиненіяхъ; одно обширное сочиненіе Папроцкаго на польскомъ языкѣ (Ogród królewski) издано въ Прагѣ. Съ Югославянами Чехи знакомились по разнымъ латинскимъ сочиненіямъ о Турціи (Іовія, Георгіевича, Левенклея), переведеннымъ на чешскій языкъ, и по любопытнымъ запискамъ Серба Михаила Константиновича, переведеннымъ съ языка польскаго. О Москвѣ Чехи читали на своемъ языкѣ извѣстія Гербер-

---

[1]) Ioann. Math. a Sudetis: Bohemorum nationem non e Slavis, sed ex Russia seu Roxolania originem habere etc. (1614), De origine Bohemorum et Slavorum subseciva (1615); Nicol. Troilus: De Bojemia pia contra Roxolanos (1615). Срв. Kalina von Jätenstein: Nachrichten über böhmische Schriftsteller und Gelehrte, I, 54. Ко второй статьѣ Судетскаго приложено нѣсколько панегирическихъ стихотвореній; въ одномъ восхваляется Судетскій, что онъ прекратилъ заблужденіе, будто три народа, чешскій, хорватскій и славянскій (т. е. югославянскій), родились въ одинъ и тотъ же самый день.

[2]) Въ экземплярѣ этой хроники 1550 г., хранящемся въ варшавской универс. библіотекѣ, есть нѣсколько чешскихъ записокъ на поляхъ.

штейна и Гвагнина (Kronika moskevská 1590). Наконецъ и въ чешскихъ переводахъ всеобщихъ исторій тѣхъ временъ (Каріона, Аубана) можно было найти разныя данныя по славянской исторіи; такъ на пр. чешскій переводчикъ всеобщей исторіи и этнографіи Аубана, Іоаннъ Миротицкій (1579), прибавилъ къ ней статьи о Чехіи и Моравіи, переведенныя изъ чешской исторіи Дубравскаго, и разсказываетъ здѣсь между прочимъ тоже о войнахъ Византійцевъ съ Болгарами и Словаками (т. е. Югославянами); послѣдніе-де (семь словенскихъ народовъ) заняли, послѣ Гуновъ и Аваровъ, Угрію и Моравію [1]).

3. *Филологическая литература. Зачатки славистики. Голешовскій, Гусъ, Грубый, Благославъ, Бенешовскій, Лодерекеръ. Чешскія книги у другихъ Славянъ.*

Вмѣстѣ съ историческими изслѣдованіями о происхожденіи Чеховъ встрѣчаются первыя попытки по славянской филологіи. Чехи, сносясь съ славянскимъ востокомъ и отъ части тоже съ югомъ, знакомились болѣе или менѣе съ тамошними славянскими языками. Часто сносились Чехи и Поляки, часто бывали чешскіе воины на Вислѣ и дальше, а на югѣ на Дунаѣ и на Балканѣ. Также бывали въ Чехіи и въ Моравіи воины польскіе, русскіе и югославянскіе, либо какъ враги либо какъ союзники. Чешская торговля шла не только въ земли дунайскія и въ Польшу, но тоже и на Русь. Въ пражскій университетъ, съ начала единственное высшее училище для всей средней и восточной Европы, прибывали многіе Поляки, тоже Русскіе и Югославяне.

Изъ числа славянскихъ языковъ Чехи знали особенно языкъ ближайшихъ имъ положеніемъ и культурою соплеменниковъ, Поляковъ, съ которыми жили всегда въ близкихъ и короткихъ сношеніяхъ. Но и другіе славянскіе народы были Чехамъ болѣе или

---

[1]) Миротицкій въ своей книгѣ объясняетъ названіе рѣки *Одры* по будкамъ (одрамъ) моравскихъ птицелововъ около источниковъ Одры.

менѣе извѣстны. Церковный языкъ словѣнскій (словенскій, слованскій) былъ въ Чехіи извѣстенъ, съ промежутками, до гуситскихъ смутъ, сначала какъ наслѣдство славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, хранимое до конца XI в. по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ, въ сазавскомъ монастырѣ, и въ послѣдствіи какъ подарокъ, принесенный изъ Хорватіи и употребляемый въ пражскомъ монастырѣ „славянскомъ“ (слованскомъ), сначала пришлецами „Славянами“ (Слованами), т. е. Югославянами, а потомъ и Чехами; въ этомъ монастырѣ были извѣстны оба славянскія письма, „словенское“ т. е. глаголица, и „русское“ т. е. кирилица.

Посредствомъ этого словѣнскаго монастыря познакомились нѣкоторые Чехи съ тѣмъ словѣнскимъ языкомъ хорватской рецензіи, и пользовались имъ для научныхъ трудовъ. Въ концѣ XIV в. (1397 г.) Іоаннъ изъ *Голешова*, монахъ бревновскій, объясняя древнюю пѣснь „Господи помилуй ны“, которая относится къ временамъ св. Меѳодія, но которая приписывалась св. Войтѣху, пустился, если можно такъ выразиться, тоже въ область славянской филологіи. Приводя слова „Ты спасе всего мира“, Голешовскій замѣчаетъ, что „мы Чехи родомъ и языкомъ произошли отъ Хорватовъ, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, и по этому наше чешское нарѣчіе родомъ своимъ нарѣчіе хорватское, ибо собственно хорватское нарѣчіе вошло съ нами въ эти лѣса. По этому сначала всѣ Чехи въ этой землѣ говорили собственно такъ, какъ говорятъ нынѣ Хорваты; но то первобытное хорватское нарѣчіе этой отдаленной земли, уходя сюда изъ своей хорватской земли, съ теченіемъ времени измѣнилось такъ, что на немъ уже иначе говорятъ, чѣмъ Хорваты, и чѣмъ передъ нами говорили Чехи въ этой землѣ. Но при такихъ перемѣнахъ нашего нарѣчія св. Войтѣхъ въ свое время нашелъ еще кое-что изъ хорватскаго говора, и сочиняя эту пѣснь, сочинилъ ее на томъ языкѣ, который тогда засталъ. Въ этой пѣснѣ есть два слова хорватскія, именно spase и mira, которыя по поводу упомянутой перемѣны нашего нарѣчія намъ нынѣшнимъ Чехамъ уже неизвѣстны; ихъ не употребляютъ и ихъ не понимаютъ, и по этому надо ихъ объяснить. Древнее spas—нынѣшнее spa-

sitel, *миръ*—слово чешское и хорватское, имѣетъ въ хорватскомъ двойное значеніе, чешскій svět (mundus) и mir (pax), какъ въ церкви молятся: aganczze bozy wzemley grechi mira (mundi), day nam mir (pacem). Кто хочетъ, можетъ это въ Прагѣ у Словѣнъ услышать" [1]).

Посредствомъ „славянскаго" монастыря познакомился съ словѣнскимъ языкомъ и съ азбукою тоже реформаторъ чешскаго правописанія, Іоаннъ *Гусъ*. Исправляя неуклюжее правописаніе, употребляемое Чехами до тѣхъ поръ, Гусъ часто сравниваетъ чешскіе звуки съ словѣнскими, какъ онъ ихъ слышалъ отъ хорватскихъ монаховъ глаголитовъ или „Словanъ" (Slavi, Slovani), какъ ихъ называетъ Гусъ и вообще Чехи. Такъ на пр. знаетъ, что чешское ch и š называются въ словѣнскомъ chir и ša, что h нѣтъ въ словѣнскомъ, и если бъ Чехи хотѣли приблизиться къ своимъ словѣнскимъ отцамъ, то они должны бы говорить gus, gubí, gúby, то есть чеш. hus, hubí, húby; онъ знаетъ, что у Словѣнъ нѣтъ ł (твердаго) и ď (дь), и что они произносятъ milí вмѣсто milý, deva вм. děva; замѣчаетъ, что въ чешскомъ языкѣ суфиксъ—ňa встрѣчается рѣдко, на пр. въ словѣ maňa, развѣ если говорить на польскій ладъ. Нельзя сомнѣваться, что Гусъ по примѣру именъ словѣнскихъ буквъ (азъ, буки, вѣди) ввелъ такія же имена и въ чешскую азбуку (a bude celé čeledi dán); въ числѣ этихъ именъ встрѣчается тоже нечешское ili, и ch (chtě) стоитъ въ концѣ азбуки, какъ въ словѣнской азбукѣ [2]).

Славянскимъ языкознаніемъ занимался въ началѣ XVI в. ученый Чехъ Сигизмундъ *Грубый изъ Еленья*. Пребывая въ Базелѣ, онъ собиралъ вокругъ себя разныхъ Славянъ, учился ихъ языкамъ, пѣснямъ и пр., и такимъ образомъ, сравнивая разные славянскіе языки, вникнулъ глубже и въ свой чешскій языкъ. Благославъ, посѣтившій Грубаго въ Базелѣ, хвалитъ его, что

---

[1]) Изъ рукописи клементинской колегіи (нынѣ университ. библіотеки праж. III. D. 17) издалъ Boleluckỳ: Rosa Boëmica sive vita S. Adalberti (1668, II, 37). Слово *жизнь* пишется въ рукописи повсюду zyzzn, zyezn, а не zyczy.

[2]) M. J. Husi Ortografie česká, vyd. Šembera (1857).

онъ говорилъ очень хорошо по-чешски, понималъ и другія нарѣчія славянскія, и могъ сравнивать ихъ и съ другими языками; у Грубаго слышалъ онъ пѣснь отъ Хорватовъ: Prýliko andelsko koia me prychyny т. е. (объясняетъ Благославъ) образъ ангельскій ты красива какъ ангелъ. Грубый издалъ въ Базелѣ Λέξικον σύμφωνον (1537, потомъ 1544), словарь четырехъ языковъ, греческаго и латинскаго, и двухъ „варварскаго" происхожденія, нѣмецкаго и славянскаго (sclavinica), которые нынѣ занимаютъ всю Европу вдоль и поперегъ. Подъ названіемъ „славянскаго" языка, Грубый подразумѣваетъ преимущественно свой чешскій языкъ, и его онъ сравниваетъ съ тремя остальными; но зная тоже другіе славянскіе языки, онъ приводитъ тоже нѣкоторыя югославянскія и польскія слова, gensy (anseres), gospod (herus), grabiti (rapere), svanty (sanctus), desna (dextra), mršav (macer), и пр.; чешское h замѣнилъ вездѣ g (glava, augorz). Замѣчательно, что чешскія слова пишетъ письмомъ латинскимъ, а не обыкновеннымъ тогда нѣмецкимъ. Общее названіе въ этомъ словарѣ: языкъ „славянскій" было причиною, что другъ Грубаго, Caelius Secundus Curio, назвалъ – въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ Appiani Romanae Historiae (Basileae 1554)—родной языкъ Грубаго „далматинскимъ", тоже илирскимъ, вообще славянскимъ, который-де одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ. Грубый вообще распространялъ свѣдѣнія о Славянахъ среди нѣмецкихъ ученыхъ; такъ на пр. Конрадъ Гесперъ, въ своей книгѣ Mithridates, de differentia linguarum (Tiguri 1555), перечисляя народы говорящіе на языкѣ „илирскомъ" (т. е. Славянъ), замѣчаетъ, что воспользовался для этой цѣли однимъ письмомъ Сигизмунда Грубаго [1]). Кромѣ Грубаго славянскими языками занимались тогда и два другіе чешскіе филологи, Благославъ и Бенешовскій.

Іоаннъ *Благославъ*, знаменитый ученый единства чешскихъ братьевъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ чешскаго языка,

---

[1]) Срв. статью Труглара о Грубомъ въ журналѣ Časopis Česk. Musea 1886.

написалъ первую обширную граматику чешскую (1571) [1]), въ которой попробовалъ и сравнивать чешскій языкъ съ остальными славянскими. Благославъ знаетъ не только нарѣчія моравское, слезское и словенское, но и польскій языкъ, немножко тоже хорватско-сербскій и русскій. Чаще всего приводитъ фразы польскія, рѣже хорватскія, и сравниваетъ ихъ съ чешскими; такъ на пр. приводя древнечешскую форму *бѣше*, замѣчаетъ, что ее употребляютъ до сихъ поръ Хорваты, Босняки и Сербы. О русскихъ нарѣчіяхъ знаетъ лишь то, что въ нихъ нѣтъ чешско-польскаго ř, а только чистое г; разсуждая о чешскихъ словахъ kněz (князь) и kníež (княжа), замѣчаетъ, что оба слова первоначально означали одно и тоже самое; у древнихъ Чеховъ kníže назывался kněz, и нынѣ на Руси князь называется такъ: kněz ruský, moskevský. Любопытны разсужденія Благослава „о діалектахъ нашего языка". Первый и можетъ быть первостепенный діалектъ—это рѣчь чешская, къ которой принадлежатъ Моравяне и отъ части и Слезаки. Второй діалектъ—словенскій, къ которому принадлежатъ разные Хорваты съ Угріи до Константинополя и до Венеціи, тоже въ Африкѣ; они имѣютъ разныя названія по областямъ, Хорваты, Босняки, Илирики или Slavi. Третій діалектъ—польская рѣчь, къ которой можно причислить и слезскую, хотя тѣ, которые живутъ ближе къ Чехамъ или Моравянамъ, говорятъ болѣе похоже на Чеховъ чѣмъ на Поляковъ. Дальше—рѣчь русская, мазовецкая, московская и часть Татаръ. Что касается общаго названія этихъ всѣхъ частей, то нѣкоторые считаютъ такимъ названіе *словянскій языкъ*, который раздѣляется на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русскихъ и пр., другіе—*болгарская* рѣчь. Благославъ не хочетъ рѣшать, есть-ли рѣчь *словянская* (słovanská т. е. югославянская) гнѣздо и источникъ другихъ діалектовъ нашего обширнаго языка, и замѣчаетъ, что у насъ нѣтъ такого слова, въ которомъ заключались бы всѣ діалекты и части нашего языка; у Нѣмцевъ оно есть, ибо саксонская, австрійская,

---

[1]) Gramatika česká, vyd. Hradil a J. Jireček 1857. Срв. Časopis Česk. Mus. 1858, 134, 290. Біографія Благослава въ томъ же журналѣ 1856.

баварская, швабская, швейцарская, нидерландская, маркская (т. е. въ маркахъ бранденбургскихъ) и пр. рѣчи—это все части одного языка нѣмецкаго, и всѣ они по этому называются Нѣмцы или народъ нѣмецкій; и такъ Нѣмцы, будь они въ какихъ бы то ни было странахъ, всетаки повсюду Нѣмцы. Но съ людьми нашего языка иначе; ибо Словаки находятся въ словенской землѣ, Хорваты въ хорватской, Чехи въ чешской, Поляки въ польской, и пр. И кто изъ нихъ перейдетъ въ другія страны, тѣ имѣютъ свое собственное названіе—особое а не общее, какъ Нѣмцы, будь они въ Италіи, въ Угріи, въ Германіи, всетаки остаются и называются Чехи, Поляки, Словаки; между тѣмъ Нѣмецъ, будь онъ изъ какой бы то ни было страны, называется не иначе какъ Нѣмецъ, хотя бы онъ съ другимъ Нѣмцемъ прибывшимъ изъ другой страны не очень то хорошо могъ объясняться.

Которая изъ этихъ рѣчей или діалектовъ древнѣе, объ этомъ не нужно много спорить, не нужно этото слишкомъ старательно отыскивать; ибо все это исполнено разныхъ невѣрностей и заблужденій. Также и которая изъ этихъ рѣчей самая благородная, изящная, красивая, богатая, кто же объ этомъ произнесетъ истинное сужденіе, которое приняли бы всѣ [1])? Хотя Благославъ предоставляетъ въ этомъ дѣлѣ всякому полную свободу сужденія, то всетаки ему кажется, что чешская рѣчь самая изящная и пріятная, что она красивѣе другихъ частей этого языка; она удобна для произношенія, не нуждается въ некрасивомъ произношеніи черезъ носъ, какъ у Поляковъ, которые своею непріятною манерою гнусить очень искажаютъ свой говоръ; въ ней не мѣшаетъ слишкомъ частое повтореніе одной буквы, какъ у Русскихъ, которые не имѣя *ш* (!) замѣняютъ его повсюду черезъ *с*, а ř (чешско-польское) черезъ *р*, или какъ у Мазуровъ, которые частымъ употребленіемъ *з* вмѣсто *ж* искажаютъ свою рѣчь; въ чешской рѣчи нѣтъ того протягиванья въ концѣ словъ, какъ у Хорватовъ, которые говорятъ какъ-то на

[1]) Этимъ вопросомъ занимались уже тогда разные Славяне; срв. ниже о Полякѣ Горницкомъ.

жидовскій ладъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Благославъ замѣчаетъ, что нѣкоторые славянскіе народы не считаютъ чешской рѣчи болѣе красивою и правильною, чѣмъ свою собственную; такъ Хорваты, Босняки, и даже тѣ Сербы, надъ простымъ говоромъ которыхъ Чехи насмѣхаются. О польской рѣчи нечего распространяться; ибо Поляки близко, и ихъ въ Чехіи и Моравіи видно много, особенно теперь въ монастыряхъ, гдѣ можно услышать скорѣе Поляка, чѣмъ Чеха или Моравянина читающаго проповѣди или литургію, такъ какъ Чехи по поводу другихъ важныхъ занятій немного занимаются религіею. Поляки въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ на столько образовали свою рѣчь и издали столько книгъ, что надо удивляться, а Чехамъ постыдиться. Діалектъ словенскій (т. е. югославянскій, хорватско-сербскій) трудно понимать и Чехамъ и Полякамъ; онъ не во всемъ похожъ на діалектъ тѣхъ Словаковъ (Благославъ смѣшиваетъ здѣсь Югославянъ и Словаковъ), которые живутъ въ Угріи на моравской границѣ, и тоже довольно обработанъ. У нихъ много метафоръ и другихъ разныхъ фигуръ, и много пѣсенъ. Благославъ приводитъ пѣснь—какъ онъ думаетъ – словенскую отъ Венеціи, гдѣ живетъ много Словаковъ или Хорватовъ, которую принесъ съ собой братъ Никодимъ [1]), и начало хорватской пѣсни, которую онъ, какъ уже сказано, слыхалъ въ Базелѣ у Сиг. Грубаго; онъ знаетъ, что въ Боснѣ, въ которой говорятъ на нашемъ языкѣ но на другомъ діалектѣ, есть пѣсни (carmina) похожія на латинскія. О лужицкихъ Сербахъ онъ знаетъ, что ихъ рѣчь искажена нѣмецкою; ратуя противъ подобнаго искаженія чешской рѣчи, Благославъ замѣчаетъ, что и съ Чехами случится то, что съ Сербами прежнихъ вѣковъ, такъ что они не говорятъ ни по-чешски, ни по-нѣмецки, ни по-латыни.

Свои соображенія о славянскихъ нарѣчіяхъ Благославъ оканчиваетъ нѣкоторыми мыслями о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ; онъ считаетъ ненужнымъ, изучать два или три діалекта; ибо оказа-

---

[1]) Но здѣсь Благославъ ошибся; эта пѣснь малорусская (Дунаю, Дунаю, чему смутенъ теченіь, и пр.). Срв. статью Потебни въ Филолог. Запискахъ 1877, II.

лось, что и довольно осторожные и ученые люди не могли хорошо говорить ни такъ ни сякъ, ни по-польски, ни по-чешски, ни по-словенски ни по-моравски. Ибо если говоритъ по-чешски, въ голову приходитъ иногда польское слово, и такимъ образомъ онъ вмѣсто болѣе простаго чешскаго слова скажетъ красивое, по мнѣнію Поляковъ, слово раньше, чѣмъ это замѣтитъ. Такъ на пр. нѣкоторые ополяченные Чехи употребляютъ польское слово pravdivé, хотя его можетъ всякій Чехъ сейчасъ понять, и по этому не очень слѣдуетъ порицать тѣхъ, которые по привычкѣ его употребляютъ. Благославъ считаетъ полезнымъ изучать другіе славянскіе діалекты, но не говорить много на нихъ. Примѣромъ можетъ служить Сигизмундъ Грубый изъ Еленья. Чехъ знающій хорошо свой діалекты пойметъ и другіе, узнаетъ лучше происхожденіе многихъ словъ, ихъ значеніе и перемѣны, и будетъ лучшимъ и болѣе знающимъ Чехомъ, чѣмъ былъ бы безъ такихъ свѣдѣній.

Благославъ заговорилъ о славянскихъ нарѣчіяхъ еще раньше, въ спорѣ съ Мартыномъ Жатецкимъ изъ Домажлицъ (1564 г.) по поводу осуждаемаго канціонала (собранія духовныхъ пѣсенъ) чешскихъ братьевъ, изданнаго въ польскихъ Шамотулахъ (1561 г.). Жатецкій между прочимъ назвалъ слово *боже́іе* словенскимъ (югославянскимъ). Благославъ упрекаетъ его, впрочемъ совершенно лишне, за то, что онъ-де не знаетъ разницы между словами словенскими, чешскими и польскими. Многіе Чехи будутъ смѣяться и удивляться, что Жатецкій называетъ чешскій языкъ словенскимъ; можетъ быть Словаки (т. е. Югославяне) кажутся ему болѣе достойными чѣмъ Чехи, можетъ быть ему стыдно за чешскую рѣчь и кажется словенское болѣе благороднымъ; но онъ могъ употребить и слово польское, такъ какъ Поляки ближе Чехамъ, чѣмъ Словаки; если же ему нравится это слово своей древностью, то лучше было сказать „русское", такъ какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ хронографовъ Русскіе древнѣе Словаковъ, да это послѣднее имя очень общее. Лѣтописцы очень спорятъ о происхожденіи того или другого народа. По однимъ Чехи и Поляки происходятъ отъ Илировъ, по другимъ отъ Русскихъ, другіе примѣшиваютъ сюда Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ и др., а другіе отрицаютъ

это. Который же настоящій словенскій (т. е. славянскій) языкъ, лучше-ли языкъ словенскій или хорватскій, чѣмъ польскій или чешскій, когда и который изъ другого произошелъ, которая рѣчь самая образованная: кто это можетъ сказать и знать навѣрное, такъ какъ всякій, кромѣ обезьянъ, восхваляетъ свое. По Кромеру Славы т. е. Словаки (южные Славяне) прибыли къ древнимъ Сербамъ, и перемѣшали рѣчи такъ, что изъ обѣихъ сдѣлали третью, которая потомъ назвалась отъ части чешскою отъ части польскою. По этому самый близкій чешскому къ языку былъ польскій; зачѣмъ же причислять Чеховъ къ Словакамъ или къ Болгарамъ [1])? Мы привели здѣсь обширно мысли одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ Чеховъ того времени о славянскихъ рѣчахъ, о разныхъ „діалектахъ нашего языка". Нѣкоторыя его мысли и мнѣнія имѣютъ цѣну до сихъ поръ, другія конечно ошибочны. Но любопытно, что знаменитый старшина чешскихъ братьевъ высказалъ уже тогда много такихъ мнѣній, которыя его соотечественники черезъ два столѣтія стали развивать болѣе научнымъ образомъ.

Славянскіе языки изучалъ тоже современникъ Благослава, Матѳей *Филономъ Бенешовскій*, послѣдній утраквистскій приходскій священникъ и титулярный опатъ (абатъ) въ пражскомъ монастырѣ „славянскомъ" (1582—1592), прекратившемъ свое существованіе во время гуситскихъ смутъ. Бенешовскій посвящая свою *Граматику чешскую* (1577) императору и королю Рудольфу, замѣчаетъ между прочимъ: „Народъ илирскій, откуда происходитъ наше начало и наша рѣчь, широко въ мірѣ распространенъ, и въ немъ нашъ языкъ какъ цвѣтокъ по поводу своей особенной изящности самый красивый; его всѣ наши народы охотнѣйше слушаютъ и имъ наслаждаются: по этому безъ сомнѣнія могло бы когда-нибудь ваше величество или ваши любезнѣйшіе братья при помощи благосклонности тѣхъ народовъ владѣть ими и черезъ нихъ и другими". Читателя же Бенешовскій вызыва-

---

[1]) Изъ рукописи гернгутской сообщаетъ Goll въ Časopis Česk. Mus. 1876, стр. 747.

етъ пользоваться этою граматикою; ибо „этотъ языкъ своею обширностью чрезмѣрно превосходитъ нѣмецкій народъ, который хотя въ сравненіи съ другими языками больше, но въ сравненіи съ нашимъ малъ“. Болѣе любопытно другое филологическое сочиненіе Бенешовскаго: Knížka słov českých vyłożených, odkud svůj počátek mají, totiž jaký jejich jest rozum (1587), которую онъ издалъ „изъ любви къ славянскому языку“. Бенешовскій ратуетъ противъ порчи чешскаго языка лишнимъ употребленіемъ многихъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ, которыя можно легко замѣнить чешскими, на пр. hejtman вмѣсто vojvoda, patuch (badtuch) вм. čechlík, pronostika вм. přezvědění, и пр. Другая причина изданія этой книги была та, „чтобъ всѣ Нѣмцы знали, что, какъ языкъ мишенскій (мейссенскій) одинъ не составляетъ языка нѣмецкаго, а что есть и другія области этого нѣмецкаго языка, баварская, швабская, нидерландская и др.: такъ и чешскій языкъ заключается не въ одной чешской землѣ, а есть больше чѣмъ сто земель, въ которыхъ говорятъ на нашемъ славянскомъ языкѣ: чешская, моравская, слезская, лужицкая, первая польская, вторая польская, мазурская, подлеская, первая русская, Бѣлая Русь, волынская, кіевская, северская, кашубская и многія въ королевствѣ польскомъ; дальше въ московскомъ княжествѣ многія земли; въ народѣ сербскомъ подъ Туркомъ тоже много земель; въ турецкой державѣ хорватскій языкъ чрезмѣрно распространялся, и языки греческій и латинскій погибли, ибо во всѣхъ этихъ греческихъ земляхъ говорятъ уже по-славянски; въ королевствахъ угорскомъ, далматскомъ, хорватскомъ, болгарскомъ, славонскомъ, босенскомъ. Всѣ эти народы употребляютъ одинъ славянскій языкъ, и по этому наша рѣчь не можетъ быть узка; нашъ языкъ занялъ большую часть свѣта вполнѣ, такъ что съ нимъ нельзя сравнивать ни одного на свѣтѣ“. Бенешовскій являетъ необыкновенное для этого времени знаніе славянскихъ языковъ, словѣнскаго, польскаго, хорватско-сербскаго, русскаго (малорусскаго и великорусскаго); онъ знаетъ словѣнскую библію, знаетъ тоже пѣсни и пословицы разныхъ славянскихъ народовъ, какъ на пр. польскую: Parobečku čemuž na mne patřáš, русскую: Kde se mołodik vzał, русскія пословицы: bisi (čerti) v tvoji materi.

Чешскія слова онъ сравниваетъ съ другими славянскими, конечно часто неудачно, какъ это не могло иначе быть въ XVI вѣкѣ. Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ [1]). Plémě т. е. plné jmen, ибо Поляки говорятъ imě, а Славяне (южные) jimě—jimene. Národ, по тому что ихъ много народилось, gentis henetae, народа славянскаго. Němci отъ нѣмоты, такъ какъ они не охотно изучаютъ чужой языкъ; многіе живутъ въ Чехіи тридцать лѣтъ и не научатся по-чешски. Изъ польскихъ словъ приводитъ ręka, что сравниваетъ съ чеш. rek (витязь) и это отъ храброй руки; vojvoda – чеш. vévoda, řeč – skutek, ličba—počet, šum—zvuk, kłopota—bída, starost, и пр. Изъ словѣнскихъ un, что у Чеховъ вышло изъ употребленія, čado, mładenec—malé dítě, závět—zákon, jazyk—v ustech i národ, какъ въ псалмѣ: Chvalite Hospoda vsi jazyci, čas—hodina, časoslovec—horologium, ispolin—obr, и пр. Изъ хорватско-сербскихъ: vrutje—horko (оттуда названіе чешскаго селенія Врутице), vremě—čas, bukva—очень древнее слово славянское, отъ дерева букъ, и это слово употребляетъ до сихъ поръ нашъ далматинскій народъ въ смыслѣ-де biblia, и пр. Русскихъ словъ приводитъ Бенешовскій довольно много, отъ части какъ „русскія имена", отъ части какъ „славянскія (słovanská) слова древнія русскія московскія"; на пр. kněz od kněh (книгъ), съ чѣмъ сравниваетъ русское княгиня, vládyka od vládnouti (владѣть), у Русскихъ епископъ, choroší—pěkný, doroha—dráha, cesta, sobaka—pes, bis (бѣсъ)—čert, batěk, bat'ko—otec, mužík—sedlák, koš—polní położení vojska, věd—daemon, Чехи говорятъ: vědi leti—daemones volant, vrstva (въ Бѣлой Руси)—míle (Б. думаетъ здѣсь о словѣ *верста*), spodár (въ Бѣлой Руси)—pán; русскія фразы: što chočeš, chodi suda, chodi do mene, hoduj se hospodáru, и пр. Наконецъ Бенешовссій приводитъ семь псалмовъ на языкѣ словѣнскомъ по глаголическимъ книгамъ, впрочемъ довольно ошибочно и часто на чешскій ладъ. „Изъ этихъ псалмовъ всякій можетъ узнать, какъ нашъ народъ чешскій когда-то

---

[1]) Приводимъ все такъ, какъ самъ Бенешовскій пишетъ, не исправляя его языка.

говорилъ, и какъ мы удалились отъ своихъ предковъ; изъ этихъ же псалмовъ можно узнать, откуда у меня взялись объясненія чешскихъ словъ". Приводимъ начало перваго псалма въ подлинномъ правописаніи Бенешовскаго: „Blażen muž gižie negiede na sasově (!) nečestivých y na púti hryšných nesta, y na sedališti hubitel nesedě, ano v zákoně hospodiny volá gcho, y v zákoně geho poučí se den y nošt, y budet' gako dřevo sazeno pry gischodištých vod, gieže płod svogi dast v vrema svoge, y list geho neotpadet'" [1]).

Было бы любопытно узнать, откуда Бенешовскій почерпнулъ свои свѣдѣнія о славянскихъ языкахъ; церковный словѣнскій языкъ и глаголическо-словѣнскія церковныя книги онъ зналъ какъ приходскій священникъ въ „славянскомъ" монастырѣ, гдѣ тогда были еще разныя словѣнскія книги. Бенешовскій не довольствовался уже своею чешскою народностью, а сознавалъ себя Славяниномъ; онъ съ гордостью говоритъ Нѣмцамъ, что языкъ чешскій или славянскій раздается въ сотнѣ земель, что ни одного въ мірѣ нельзя съ нимъ сравнивать, и что именно языкъ нѣмецкій въ сравненіи съ славянскимъ малъ [2]).

Основаніе Карломъ IV „славянскаго" монастыря въ Прагѣ не осталось, стало быть, безъ послѣдствій, вліяя и на славянское сознаніе Чеховъ. Еще въ началѣ XVII в., когда этотъ монастырь былъ уже въ рукахъ католическихъ латинскихъ бенедиктинцевъ, „славянскій" опатъ, конечно уже латинскій, Петръ *Лодерекеръ изъ Прошовицъ*, издалъ словарь семи языковъ Dictionarium septem diversarum linguarum (1605), въ томъ числѣ и язы-

---

[1]) Срв. тотъ же самый псалмъ, по глаголическому отрывку хорватско-словѣнскому найденному въ Чехіи, у Ганки: Остатки славянскаго богослуженія въ Чехіи, стр. 5. Книга Бенешовскаго находилась въ рукахъ Поляка Горницкаго, который оттуда выписалъ три псалма; см. ниже.

[2]) Псалмы напечаталъ вновь Ганка въ своей книгѣ Остатки славянскаго богослуженія, гдѣ онъ помѣстилъ также выдержки изъ Бенешовскаго „Книжки словъ чешскихъ", книги очень рѣдкой, которую мы тщетно искали въ библіотекахъ Праги, Вѣны, Варшавы, Кракова, Львова, Петербурга, и др.

ковъ чешскаго, польскаго, славянскаго или далматинскаго (т. е. хорватскаго); изъ этого послѣдняго-де „многіе другіе языки какъ изъ колодца и обильнаго источника истекаютъ и происходятъ, и онъ занялъ почти первое мѣсто послѣ латинскаго". Лодерекеръ издалъ этотъ словарь по примѣру подобнаго словаря Хорвата Ф. Вранчича (1595), который въ словарѣ Лодерекера помѣстилъ любопытное предисловіе къ далматинской его части [1]).

Чехи, имѣя такія понятія о славянскомъ языкѣ, самымъ красивымъ цвѣткомъ котораго они считали свой чешскій языкъ, разсчитывали при изданіи *чешскихъ книгъ* также на болѣе широкіе кружки читателей въ остальныхъ славянскихъ земляхъ, и не безъ причины. Знаніе чешскаго языка распространилось въ сосѣднюю Польшу, чешскія рукописи и книги нашли себѣ путь также въ Польшу и на Русь, и позже и въ югославянскія земли. По этому не удивительно, что чешскіе писатели и издатели писали и издавали чешскія книги не только для Чеховъ, но, какъ они предполагали, и для другихъ Славянъ. Такъ Николай *Коначъ изъ Годиштькова*, издавая чешскій переводъ хроники Энея Сильвія (1510), думаетъ, что это его сочиненіе принесетъ пользу читателямъ, Чеху, Словаку, Моравянину и Поляку. Тотъ же самый Коначъ посвятилъ свой переводъ изъ латинскаго Pravidło lidského života (1528) польскому пану Христофору Шидловецкому, воеводѣ краковскому, и рекомендуетъ это сочиненіе „Чеху

---

[1]) См. ниже. Въ филологическихъ трудахъ по чешскому языку участвовали тоже Словаки, которые употребляли литературный языкъ чешскій. Словакъ Лаврентій Бенедиктъ изъ Нудожеръ посвятилъ свою Grammatica Bohemica (Pragae 1603) тоже молодежи bohemicae, moravicae, slavonicae, coeterarumque gentium bohemicae linguae studiosae. О Словакахъ того времени замѣчаетъ Нудожерскій: Verum enim vero hic mihi praecipue mei gentiles Slavi videntur cohortandi, apud quos excolendae eorum linguae maxima est negligentia: adeo ut nonnulli (expertus de quibusdam loquor) si non tantum non legant bohemicos libros, sed ne in suis bibliothecis ullum habeant, gloriosum id sibi ducant. Hinc fit, ut cum de rebus illis domestica lingua est disserendum, semilatine eos loqui oporteat.

любящему свой родной славянскій языкъ и свое отечество". А свою комедію Judita (1547) Коначъ посвятилъ Іоанну Годѣевскому, „любителю общаго добра и славянскаго языка". Братья *Пуховскіе*, Іоаннъ и Сигизмундъ, издали обширную *Космографію* Мюнстера (1554) на чешскомъ языкѣ „для поученія славнаго чешскаго народа и всѣхъ остальныхъ одинаковаго съ нимъ языка"; а Сигизмундъ взялся за работу, „обращая вниманіе на добро и пользу своей родины и другихъ народовъ, особенно одинаковаго съ чешскимъ языка." Юрій *Мелантрихъ* издалъ чешскій переводъ гербарія Матіоли (Herbář 1562) въ пользу „чешскаго народа и славнаго чешскаго королевства, а также всѣхъ Чеховъ, Моравянъ, и Поляковъ, и тѣхъ народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный славянскій языкъ". Для продажи этой книги въ Польшѣ Мелантрихъ пріобрѣлъ отъ польскаго короля Сигизмунда Августа особую привилегію, которую и напечаталъ въ своемъ гербаріи. Чешскій гербарій былъ дѣйствительно извѣстенъ и въ Польшѣ, и на него ссылается Мартынъ Сенникъ въ польскомъ гербаріи краковскомъ (1568). Адамъ *Велеславинъ* издалъ свое чешское сочиненіе Politia historica (1584) въ честь всѣхъ начальниковъ и сановниковъ „славнаго и далеко распространившагося народа славянскаго". Также и латинско-чешскій поэтъ *Митисъ* издалъ свои гимны въ честь Мессіи (1581) въ пользу литературнаго общества въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Славиніи (вѣроятно южной Славянщинѣ), стало быть, не для всѣхъ народовъ читающихъ по-латыни.

Еще въ концѣ XVII в. въ Чехіи думали о распространеніи чешскихъ книгъ въ югославянскихъ земляхъ. Тогда основано въ Прагѣ такъ наз. „наслѣдство (dědictví) св. Вячеслава", фондъ для изданія чешскихъ религіозныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывали на то, что тѣ книги найдутъ себѣ читателей и у другихъ Славянъ; такимъ образомъ, замѣчаетъ іезуитскій провинціалъ Крупскій въ основной грамотѣ этого наслѣдства (1670), это способствуетъ сохраненію и распространенію католицизма въ королевствѣ чешскомъ и въ другихъ земляхъ чешскаго языка. Архіепископъ пражскій Вальдштейнъ, подтверждая въ послѣдствіи (1692) это „дѣдицтво", замѣчаетъ, что уже

до тогдашней турецкой войны требовали чешскихъ католическихъ религіозныхъ книгъ не только въ чешскихъ земляхъ, но и въ другихъ, гдѣ употребляется языкъ чешскій или немного отъ него отличающійся, не только въ Моравіи и въ Угріи, но тоже въ Далмаціи, Боснѣ и въ другихъ Туркамъ подданныхъ земляхъ. Тоже самое повторилось и нынѣ, когда императоръ Леопольдъ отнялъ у Турокъ Славонію, Сербію и другія обширныя земли; для укрѣпленія католицизма послано въ эти земли наслѣдствомъ св. Вячеслава много чешскихъ религіозныхъ книгъ, библій, катихизисовъ, молитвенниковъ, и пр., даромъ или за умѣренную цѣну [1]).

4. *Славяновѣдѣніе въ чешской литературѣ XVII—XVIII вѣковъ.*

Несчастная бѣлогорская битва и всѣ ея страшныя послѣдствія, бѣдствія тридцатилѣтней войны, нанесли чешскому народу ударъ, какъ казалось, смертельный. Его политическая самостоятельность такъ сказать погибла, толпы иноплеменниковъ, преимущественно Нѣмцевъ, поселялись въ опустошенной землѣ, и наполняли порѣдѣвшіе ряды высшихъ сословій. Чешскій языкъ, который прежде раздавался широко и далеко въ славянскихъ земляхъ, падалъ, исчезалъ мало по малу изъ публичной жизни, изъ дворцовъ императорскихъ и панскихъ, изъ литературы, и покоился лишь подъ соломенными крышами подавляемаго сельскаго народа. „Не дай погибнуть намъ и будущимъ, будь намъ Вратиславомъ, возврати намъ славу!“ взываетъ тогда

---

[1]) Riegger: Materialien zur alten und neuen Statistik von Böhmen (1787, IV, p. 769). Срв. тоже Rozpravy z oboru historie filologie a literatury братьевъ Иречковъ (1860, стр. 22). Замѣтимъ, что въ концѣ XVII в. въ Тернавѣ (въ верхней, словенской Угріи) іезуиты печатали „славинскія“ католическія книги на хорватско-сербскомъ языкѣ кириллицею (буквицею) для Русскихъ и для Сербовъ; на пр. „славинскій“ катихизисъ Канизія (1695, 1696, 1697, вмѣстѣ съ азбукою и съ абецедою), букварь „язика славенска“ (1699). См. Šafařík: Geschichte der südslav. Literatur II, 100, 215, III, 295.

(въ 1672-омъ г.) изъ глубины своей опечаленной души благородный чешскій патріотъ, іезуитъ Богуславъ *Бальбинъ*, къ св. Вячеславу, горячо защищая языкъ славянскій, особенно чешскій [1]). Онъ защищаетъ этотъ старинный и обширный языкъ, чтобъ тѣ, которые, не зная его или не вышедши изъ своей Нѣмечины нападаютъ на него, поняли, что они своею бранью очень отъ правды удалились, и чтобъ крайнее невѣжество и несправедливость не унижали передъ другими славянщины, которую они ни во что не ставятъ. Славянскій языкъ—одинъ изъ первобытныхъ языковъ, который послѣ вавилонскаго столпотворенія распространился изъ Азіи въ Европу во многія земли, и простирается нынѣ дальше всѣхъ; ибо онъ, какъ замѣчаетъ уже Словакъ Петръ Рева [2]), простирается отъ моря адріатическаго до ледовитаго; его употребляютъ Истріяне, Далматинцы, Хорваты, Славяне угорскіе, Босняки, Чехи, Моравяне, Слезаки, Лужичане, Венды, Поляки, Литовцы, часть Прусовъ, Русскіе, Москвитяне властвующіе далеко и широко, Болгаре, и многіе другіе до Царьграда, такъ что во всемъ мірѣ нѣтъ другого языка, на которомъ можно бы было поговорить съ большимъ числомъ народовъ, измѣнивши только нарѣчія. И такъ, кто говоритъ по-славянски, и подумаетъ о распространеніи этого языка извѣстнаго въ значительной части Европы и Азіи, не долженъ стыдиться и презирать свой народъ. Славянскій языкъ раздается въ христіанской церкви уже съ древнѣйшихъ временъ, со временъ св. Іеронима, между Иллирами, Болгарами и Русскими, и употреблялся тоже въ славянскомъ монастырѣ въ Прагѣ, да прежде въ Чехіи вообще; по этому славянскій языкъ пріобрѣлъ въ богослуженіи такую важность, какой, кромѣ трехъ священныхъ языковъ, не имѣетъ ни одинъ другой. Много людей ученыхъ и добродѣтельныхъ родилось посреди Славянъ, а краснорѣчія и учености никто у Славянъ отрицать не будетъ, развѣ только завистникъ; въ лириче-

---

[1]) Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohemica (изд. 1775, по-чешски 1869).

[2]) De sacrae coronae regni Hungariae commentarius (1613, тоже у Швандтнера Scriptores rerum hungar. II).

ской поэзіи въ наши времена досталось господство народу намъ дружескому и братскому, Полякамъ: ибо къ Горацію никто болѣе не приблизился какъ Сарбевскій. Славянское племя произвело самые воинственные народы; относительно храбрости Чеховъ и другихъ Славянъ, особенно же Поляковъ, пусть справятся въ лѣтописяхъ; славянскіе народы всегда стояли и стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ и считаютъ это какъ бы своею работою, особенно Поляки, самый храбрый народъ, который справедливо называется первостепеннымъ оплотомъ христіанства, Хорваты, Илиры, Босняки, казаки, Москвитяне и др. Славянскій языкъ богатъ, и не мѣшаетъ здѣсь, что онъ принялъ нѣкоторыя слова изъ нѣмецкаго языка, только бы это не дѣлалось уже слишкомъ, какъ пр. у Словенцевъ и у лужицкихъ Сербовъ. Когда-то во всемъ приморьѣ адріатическомъ говорили по-славянски; потомъ прибыли новые гости, какъ обыкновенно, Нѣмцы, и когда они не были въ состояніи, преодолѣть множество сельскаго народа и весь народъ передѣлать на свой ладъ, то они по крайней мѣрѣ испортили все; такимъ образомъ возникъ языкъ краньскій, который склоняетъ нѣмецкія слова по славянскому способу, а славянскія по нѣмецкому, для потѣхи знатоковъ обоихъ языковъ. Подобно тому испорченно говорятъ также Венды (Сербы) въ Саксоніи и въ Лужицахъ. Съ этими полабскими Славянами между Лабою и балтійскимъ моремъ Нѣмцы обращались жестоко и безчеловѣчно. Пришлецы Нѣмцы Саксонцы, по природѣ враги Славянъ, стали коварно притѣснять этотъ простой народъ, на сколько могли; прежде всего они разъединили начальниковъ Славянъ и потомъ въ своей ненависти противъ всего народа бросились на несогласныхъ. Сила Славянъ въ Саксоніи, Лужицахъ, Бранденбургѣ, Поморьѣ и въ другихъ странахъ упала совсѣмъ, и Славяне, подавленные коварствомъ нѣмецкимъ, уже никогда не могли подняться и пріобрѣсти прежнюю свободу. Эти примѣры — замѣчаетъ Бальбинъ—близкіе и ясные, могутъ обратить вниманіе Чеховъ и народовъ славянскихъ на общую опасность и дать самое полезное наставленіе для избѣжанія угрожающаго намъ зла.

Событіями въ славянскомъ мірѣ интересовались тогда и нѣкоторые другіе чешскіе патріоты, которые о нихъ могли выска-

зываться уже не въ публичной жизни, въ сеймахъ и въ международныхъ сношеніяхъ—какъ это было въ XV и въ XVI вв., а только болѣе скромнымъ образомъ, въ литературѣ. Другъ Бальбина, Іоаннъ *Пешина изъ Чехорода*, обратилъ вниманіе на несломанную до тѣхъ поръ силу Турокъ, которые держали подъ своимъ игомъ почти все южное Славянство, и изъ Угріи угрожали чешскимъ землямъ, пользуясь тогдашнимъ смутнымъ временемъ на славянскомъ востокѣ. Въ своей книжкѣ Ucalegon Germaniae, Italiae et Poloniae, Hungaria, flamma belli turcici ardens (1663), Пешина призываетъ къ оружію противъ Турокъ все христіанство, и умоляетъ Поляковъ, прекратить на всегда или на время раздоры съ Русскими и помогать въ этомъ общемъ дѣлѣ; такимъ образомъ возможно будетъ царю московскому отправиться въ походъ и ударить на Турокъ и завоевать земли на Дону и по азовскому морю; да соединеннымъ Полякамъ и Русскимъ не было бы трудно пробраться до самого Царьграда. „Не волнуетъ-ли и не безпокоитъ-ли васъ печальный взглядъ на сосѣдніе народы, на вашихъ братьевъ и родныхъ одного языка, Славянъ, Хорватовъ, Моравянъ, Слезаковъ, Чеховъ и др.? Не вызываетъ-ли въ васъ стыда столько ежедневно совершаемыхъ убійствъ, столько кандаловъ и дымящихся широко пожаровъ, которые требуютъ мстителя? Вы жестоки, если не поможете, вы безбожны, если насъ бросите врагу какъ жертвы на разтерзаніе. Угрожаетъ намъ та неминуемая судьба, что, по словамъ Господнимъ у Іезекіиля, Турокъ Магогъ будетъ княземъ головы Мосоха, т. е. княземъ всего славянскаго племени, изъ котораго онъ уже прежде поработилъ около сорока народовъ!"

Чехи думали, что въ Турціи „нашъ чешскій языкъ больше распространенъ чѣмъ латинскій" [1]), и чешскій граматикъ, В. *Роса* (1672) упоминая о томъ, что при турецкомъ дворѣ говорится по-славянски, замѣчаетъ, что одному члену цесарскаго посоль-

---

[1]) Такъ разсуждаетъ на пр. издатель чешскаго перевода книги: Legací císařská k Portě Otomanské hraběte z Leslie (v Litomyšli 1669), I. Арнольтъ изъ Доброславина.

ства и недостаточное знаніе чешскаго языка принесло большую пользу, да спасло ему жизнь, въ слѣдствіе чего онъ велѣлъ своимъ сыновьямъ учиться чешскому языку. „Развѣ всегда—спрашиваетъ Роса—безбожный турецкій народъ будетъ владѣть нашими землями, развѣ всегда безбожный воинъ будетъ владѣть такими прекрасными полями? Что-то другое обѣщаетъ нашему Льву и Леопольду св. Вячеславъ." Въ слѣдствіе этого мнѣнія, что между турецкими Славянами употребляется „языкъ чешскій или немного отличающійся", посылались потомъ, какъ выше сказано, и чешскія книги въ страны югославянскія.

Въ тогдашней литературѣ научной, исторической и филологической, разрабатываемой на языкахъ латинскомъ или чешскомъ (позже тоже нѣмецкомъ), Чехами, Моравянами и Словаками, все разсказывается о происхожденіи и распространеніи Славянъ, о ихъ древней исторіи, о ихъ родствѣ и братствѣ, и пр.; такъ пишутъ *Странскій*, *Бальбинъ*, *Пешина*, *Бецковскій*, *Стредовскій* и др. Бальбинъ, зная хорошо литературу предмета, обширно пишетъ о Славянахъ, которые первоначально жили въ Сарматіи европейской и азіатской: оттуда они въ теченіи многихъ столѣтій (до V—VI вв.) выселились на западъ въ Германію (Венеды, Винды, различные отъ нѣмецкихъ Вандаловъ) и на югъ въ Иллирикъ, Мизію и пр.; съ юга, изъ Иллирика или Хорватіи вышли потомъ (въ V в.) Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ. Пешина упоминая о родствѣ Славянъ и ихъ нарѣчій, замѣчаетъ, что славянскіе народы считаютъ себя взаимно братьями и какъ люди одного языка любятъ другъ друга больше, чѣмъ людей другого языка. Стредовскій занимаясь славянскою миоологіею, отыскалъ Перуна и Сиву (Дѣву) въ Бернѣ, Свантовита-Витислава въ Белеградѣ, Радигостя на Радгощѣ, и пр. I. *Іорданъ* написалъ особое сочиненіе о происхожденіи Славянъ (De originibus slavicis, 1745), гдѣ трактуетъ о древнихъ Славянахъ, т. е. Сарматахъ, Венедахъ (Антахъ) и Сарматахъ Лимигантахъ (Славинахъ),

---

[1]) Balbin: Miscellanea hist. regni Bohemiae (lib. II, decas I, 1680); Pešina: Mars Moravicus (1677); Středovský: Sacra Moraviae historia sive vita ss. Cyrilli et Methudii (1710).

которые жили въ черноморскихъ странахъ между Дономъ и Волгою; оттуда распространились на западъ въ Германію, и заняли ся восточную половину послѣ нѣмецкихъ-де Маркомановъ, Вандаловъ и др.; изъ черноморскихъ странъ распространились Сарматы и въ подунайскія страны въ Дакію, Панонію и Иллирикъ, и дальше на югъ; оттуда, изъ Панонія—Хорватіи, выселились на сѣверъ Чехъ и Лѣхъ въ IV в. а Сербы въ VI вѣкѣ. Іорданъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи много выписокъ изъ разныхъ авторовъ древняго и средняго вѣковъ о Славянахъ, и сравниваетъ между прочимъ тоже языки чешско-словенскій съ польскимъ, хорватскимъ (кайкавскимъ) и церковнымъ словѣнскимъ.

О расширеніи и пользѣ славянскаго языка, нарѣчіе котораго чешскій языкъ, говорятъ тоже чешскіе и словенскіе филологи, граматики *Роса* (1672), *Яндитъ* (1704), *Долежалъ* (1746), лексикографъ *Горчичка* (1678), и др. Въ первой половинѣ XVIII в. въ іезуитскихъ гимназіяхъ въ Чехіи учили въ учебникѣ Rudimenta historica (1729), что сходство языка и обычаевъ у Поляковъ, Чеховъ и Русскихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они происходятъ отъ трехъ братьевъ изъ Славянъ, Лѣха, Чеха и Руса. Объ этомъ родствѣ Славянъ знали и въ болѣе широкихъ кружкахъ тогдашняго забитаго чешскаго народа. Простой мѣщанинъ Антонъ *Фрозинъ* (1701), рьяный чешскій патріотъ, гордо указываетъ на то, что далеко на востокъ господствуетъ славянская мать Чеха, рѣчь „мозухевская (московская!) черезъ страны Татаръ и Арабаковъ (!) къ Синанамъ и Хинамъ и къ отдаленнымъ Индамъ“. Тогда же, въ началѣ XVIII в., Словакъ Даніилъ *Керманъ*, въ одной пѣснѣ, утѣшался, что не упалъ еще старинный языкъ славянскій (словенскій), плодородная мать другихъ языковъ славянскихъ:

Chváła budiž tobě, náš předobrý bože, z tak velikého dobrodiní,
Že neklesł náš i dokonce jazyk!
Náš jazyk obzvłáštní, starodávný dosti, słovenský,
Jenž jazykû płodná je v světě máti jiných.
Český, charvátský, ruský, polský a moravský,
Bulgarský, srbský jsau z něho, jsau i jiné.

И въ рядахъ чешской шляхты попадались лица, не забывшія еще о своемъ славянскомъ происхожденіи. Графъ Францъ *Кинскій* (Вхинскій), въ замѣчательномъ своемъ сочиненіи Erinnerung über einen wichtigen Gegenstand, von einem Böhmen (1773), ратовалъ какъ „добрый потомокъ Славянъ" въ пользу родного языка, указывалъ на его богатство и благозвучіе, и на много другихъ качествъ общихъ съ языками латинскимъ и греческимъ, рекомендовалъ изученіе отечественной исторіи; при чемъ замѣтилъ, что всѣ эти его „славянскіе предразсудки" относительно воспитанія дѣтей вѣроятно многимъ не понравятся.

Въ чешской литературѣ явились тогда первые зачатки руководствъ и пособій къ изученію другихъ славянскихъ языковъ. І. *Іорданъ*, въ выше упомянутомъ своемъ сочиненіи De originibus slavicis (1745), говоря о выходѣ Чеховъ изъ Хорватіи, помѣстилъ здѣсь малую граматику языковъ чешско-словенскаго и хорватскаго (кайкавскаго), и сравнивалъ ихъ отъ части и съ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ (извода русскаго). Макс. *Шимекъ*, учитель чешскаго языка въ вѣнскомъ Терезіанѣ, въ своемъ сочиненіи Krátký výtah všeobecné historie přirozených věcí (1778), приводитъ примѣры изъ языковъ польскаго, хорватскаго, „илирско-словенскаго" и русскаго, въ доказательство родства чешскаго языка съ ними. Словакъ Юрій *Папанекъ*, въ сочиненіи De regno regibusque Slavorum (1780), сравниваетъ нарѣчія словенское, чешское, польское, хорватское, илирское, и помѣстилъ здѣсь тоже краткую ихъ граматику. Славянскою филологіею и древнею исторіею Славянъ занимался особенно Фортунатъ *Дурихъ*, изучавшій важную въ славянской исторіи эпоху апостоловъ Кирилла и Меѳодія; отъ его сочиненія Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis (1795) изданъ только первый томъ, въ которомъ авторъ говоритъ о происхожденіи Славянъ, о языкѣ и его памятникахъ, о нравахъ и обычаяхъ, устройствѣ и религіи древнихъ Славянъ [1]).

---

[1]) О планѣ труда Дуриха см. Dobrovský: Slovanka II, 140.

Критическая разработка чешской исторіи началась только со второй половины XVIII в., когда ученый Гелазій *Добнеръ* подорвалъ наконецъ признаваемый до тѣхъ поръ авторитетъ Гайка [1]. Въ своемъ критическомъ разборѣ хроники Гайка Добнеръ, трактуя о происхожденіи чешскаго народа, обширно говоритъ о древней исторіи Славянъ, которыхъ онъ помѣщаетъ въ Сарматіи европейской и азіатской; оттуда они во время переселенія народовъ двинулись на западъ и на югъ; въ ихъ числѣ были тоже сарматско-кавказскіе Зехи, переселившіеся въ позднѣйшую Чехію, которая, стало быть, не назвалась по миѳическому Чеху; изъ Чехіи (Boiki) или Бѣлой Хорватіи и Бѣлой Сербіи вышли потомъ славянскіе народы на югъ. Но Добнеръ, производя, по примѣру Кохановскаго, Пасторія, Абеля и Ленгниха, Чеховъ отъ кавказскихъ Зеховъ, а не отъ Чеха, возбудилъ рѣзкую полемику въ ученыхъ кружкахъ чешскихъ и польскихъ, и сопротивленіе со стороны Духовскаго, Пубички, Аоанасія, Поляковъ Мощенскаго, Клечевскаго, князя Яблоновскаго, который считалъ себя дѣйствительнымъ потомкомъ Лѣха, и особенно ратовалъ въ пользу своего праотца (Vindiciae Lechi et Czechi, 1770 и 1775). Въ этомъ спорѣ, иначе скучномъ и безплодномъ, подобно спору о происхожденіи Чеховъ въ началѣ XVII в., любопытно лишь то, что проявляется здѣсь часто довольно живое сознаніе славянское, именно Чеховъ и Поляковъ; Яблоновскій называется великимъ украшеніемъ славянскаго народа, въ книгѣ Духовскаго Lucifer Чехія обращается къ славному, счастливому, великому и непобѣдимому народу славянскому, и призываетъ свою кровь, знаменитыхъ Славянъ, участвовать въ ихъ печали, и пр. [2]. Мнѣніе Добнера о Чехахъ—Зехахъ въ наукѣ не привилось, хотя оно встрѣчается тогда еще нѣсколько разъ у нѣкоторыхъ польскихъ

---

[1] Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum e bohemica editione latine redditi et notis illustrati a P. Victorino a S. Cruce, nunc plurimis animadversionibus etc. aucti a Gelasio Dobner (Pragae 1762—1782).

[2] Нѣмецкій ученый Шлецеръ тоже отрицалъ существованіе Лѣха, который возникъ, по примѣру Чеха, не раньше XIV вѣка.

историковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ брошено тоже мнѣніе о выходѣ Чеха и Лѣха изъ южной Хорватіи, и чешскіе историки стали считать земли по верхней Вислѣ прародиною Чеховъ, откуда они ок. 500 г. переселились на верхнюю Лабу въ Чехію. Такъ разсуждаетъ историкъ М. *Пельцель* въ своей исторіи Чехіи (1784, 1791); а Добровскій предполагалъ (1782), что Чехи назвались такъ, что они „зачали“ (чну, чати) переселеніе Славянъ на западъ, и Слезаки, что они были „послѣдніе“ (po-sléze) Славяне въ этомъ переселеніи [1]).

Чешскіе историки второй половины XVIII в., освобожденные отъ узъ авторитета Гайка, и изучая болѣе критически исторію своего народа, изучали вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію другихъ славянскихъ народовъ. *Пубичка*, въ своей чешской исторіи (1770) и въ особой статьѣ о Славянахъ, Венедахъ, Антахъ, Велетахъ, Сербахъ (1773), обширно трактуетъ о древней исторіи Славянъ; Добнеръ затронулъ вопросъ о славянскомъ богослуженіи въ Чехіи, и о славянскомъ письмѣ, считая глаголицу болѣе древнимъ письмомъ, чѣмъ кириллицу; *Фойгтъ*, разсуждая о духѣ чешскихъ законовъ, возстаетъ противъ мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ, будто древніе Славяне были народъ варварскій, и пр. Въ актахъ общества Яблоновскаго издаваемыхъ въ Липскѣ и въ актахъ пражскаго ученаго общества помѣщалось тогда много статей славянскихъ (чешскихъ и польскихъ) и нѣмецкихъ историковъ по древней исторіи Славянъ. Словакъ Юрій *Папанекъ* сдѣлалъ попытку написать общеславянскую исторію; въ своей книгѣ De regno regibusque Slavorum atque cum prisci civilis et ecclesiastici, tum hujus aevi statu gentis slavae (Quinque-Ecclesiis 1780), посвященной преимущественно исторіи Великой Моравы, онъ говоритъ много

---

[1]) Эту гипотезу о выселеніи Чеховъ изъ повислянской и карпатской Бѣлой Хорватіи (Константина Порфирогенита) въ половинѣ V вѣка, развили въ послѣдствіи особенно Шафарикъ и Палацкій. Эта гипотеза, основываясь на шаткихъ и невѣрныхъ предположеніяхъ, еще не историческій фактъ, какъ нѣкоторымъ кажется. Мы его не признаемъ, считая Чеховъ и другихъ западныхъ Славянъ автохтонами въ ихъ странахъ.

объ огромномъ племени славянскомъ, о государяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, о славянскихъ нарѣчіяхъ, и пр.

Въ рядахъ чешскихъ ученыхъ второй половины XVIII в. появился молодой Іосифъ *Добровскій*, который съ необыкновенною до тѣхъ поръ обширностью и основательностью знаній началъ изучать весь славянскій міръ, его языкъ, исторію и литературу, и сталъ основателемъ научнаго славяновѣдѣнія, патріархомъ славистики, распространившейся ко всѣмъ славянскимъ народамъ. Основаніе и развитіе славистики по почину Добровскаго имѣло, кромѣ научной, и другую важную сторону; совершаясь рядомъ съ возрожденіемъ чешской народности, оно придавало возрождающемуся чешскому народу сильную нравственную поддержку. Чехи находили въ славянской идеѣ опять ободреніе въ своей тяжелой борьбѣ съ усилившимся при Іосифѣ II и его преемникахъ германизмомъ. „Нашъ языкъ чешскій распространенъ не только въ Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Силезіи, а тоже въ Угріи, Славоніи, Хорватіи, Сербіи, Босніи, Болгаріи, Валахіи, Украинѣ, Руси, Татаріи, Молдавіи, и въ Турціи до Анатоліи, Арменіи и Персіи!" Такъ восклицаетъ тогда рьяный чешскій патріотъ Карлъ *Тамъ* (1783), защищая чешскій языкъ противъ злыхъ его клеветниковъ и безпечныхъ патріотовъ. А въ такомъ духѣ говорили и дѣйствовали и другіе чешскіе писатели и патріоты того времени [1]).

---

[1]) Tham: Obrana jazyka českého (1783), Hanke: Empfehlung der böhmischen Sprache u. Literatur (1783), Rulík: Sláva a výbornost jazyka českého (1792), Pelzel: Ueber den Nutzen u. die Wichtigkeit der böhmischen Sprache (1793), и др.

III.

ПОЛЯКИ.

1. Славянское сознаніе Поляковъ въ публичной жизни. Выгодное положеніе Польши среди Славянства, и ея политика относительно Славянъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ. Неудача славянской политики Польши.

Если у Чеховъ славянское сознаніе живо проявлялось особенно въ слѣдствіе ихъ опаснаго положенія среди „пасти Нѣмцевъ", то географическое положеніе Поляковъ было такое, что они уже въ слѣдствіе этого своего положенія должны были приходить къ сознанію родства съ своими единоплеменниками, окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ. Ни одно изъ славянскихъ государствъ не имѣло столь выгоднаго положенія, чтобъ сдѣлаться средоточіемъ почти всего Славянства, какъ Польша. На западѣ примыкали къ Польшѣ Славяне балтійскіе и полабскіе, Чехи и Моравяне, на востокѣ огромная Русь, которую уже въ XII в. Поляки считали другимъ міромъ; на югѣ Польша, посредствомъ Словаковъ и угорскаго королевства вообще, могла завязывать сношенія также съ южными Славянами. И дѣйствительно, славянское сознаніе у Поляковъ проявлялось сильно въ литературѣ и въ жизни публичной, государственной, въ сношеніяхъ Польши съ сосѣдними славянскими государствами, чешскимъ и русско-московскимъ. Поляки съ гордостью указывали на то, что они первый народъ великаго славянскаго племени, что они доблестные рыцари, истые Славяне къ славѣ охотные —

какъ выражается Скарга, что они суть или должны быть щитомъ и опорою остальныхъ Славянъ, которые не находились въ столь благопріятномъ положеніи: „Поляки должны быть главными защитниками славянскаго союза“ (praecipui tutores slavonicae confoederationis)—вотъ какъ опредѣлилъ Сарницкій (1587) роль Польши въ Славянствѣ. Такія мысли были справедливы. Польское государство, въ слѣдствіе соединенія съ Литвою и югозападною Русью, сдѣлалось великою державою, распространилось далеко на востокъ за Днѣпръ и до Чернаго моря. Въ этой Польшѣ процвѣтала въ XVI в. богатая литература, на языкахъ латинскомъ и польскомъ, какой не было ни у одного славянскаго народа тѣхъ временъ. Ядро будущаго великаго русскаго государства, Москва, находилась въ печальномъ политическомъ и духовномъ положеніи, и не была въ состояніи, не смотря на всѣ усилія, отнять у Польши поднѣпровскую Русь, эту свою отчину; всѣ Югославяне давно лишились политической самостоятельности и упали подъ чужое владычество, по большей части подъ иго турецкое; Чехи, избравъ въ свои короли нѣмецкихъ Габсбурговъ, вращались уже въ кругѣ ихъ нѣмецкой политики, а ихъ литературная дѣятельность была слабѣе, чѣмъ у Поляковъ. Такія мысли о первенствѣ польскаго государства и народа въ тогдашнемъ славянскомъ мірѣ, высказываютъ нерѣдко польскіе государственные люди въ сеймахъ, въ разговорахъ и при другихъ случаяхъ, и сами другіе Славяне.

Поляки всегда называли свой народъ и свой языкъ славянскимъ (Slavi, Słowacy, Słowienie, Słowianie, słowieński, słowiański, Sławianie, Slawini, Sławacy), хотя у нихъ, равнымъ образомъ какъ и у Чеховъ, это племенное названіе рано замѣнилось народнымъ названіемъ Поляки, польскій. Славяне—это и у Поляковъ прежде всего всѣ славянскіе народы вообще, въ томъ числѣ и народъ польскій, первый, по ихъ мнѣнію, народъ славянскій. Славяне (Słowacy) въ тѣсномъ смыслѣ— Славяне югозападные въ Далмаціи и Хорватіи, въ землѣ славянской (słowieńska ziemia), Славоніи, откуда польскіе лѣтописцы производили и свой народъ. Съ этими южными Славянами Поляки соединяли тоже церковный языкъ словѣнскій (słowieński), который имъ былъ хо-

рошо извѣстенъ какъ литургическій языкъ сосѣдней Руси, и который въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ раздавался тоже въ одномъ „славянскомъ“ монастырѣ Кракова. По этому у польскихъ лѣтописцевъ, М. Бѣльскаго, Стрыйковскаго и др., Słowak Czuriło—Словѣнинъ Кириллъ, отправлявшій богослуженіе słowieńskim językiem; Słowacy занимающіе słowieńskie ziemie на югѣ — Югославяне вообще, откуда вышли князья słowiańskie Lech i Czech; Słowacy, słowieńscy ludzie pomorscy воевавшіе съ Датчанами—балтійскіе Славяне; Słowacy, Słowianie, słowieński (słowiański) język—вообще всѣ Славяне: Słowacy (Sławacy) albo Słowianie, naszy przodkowie, są nazwani od jeziora Słowionego, które jest w moskiewskich stronach, od słowa, sławy и пр.

На сеймѣ 1593-го г. архіепископъ-примасъ Станиславъ Карнковскій съ гордостью указывалъ королю Сигизмунду на то, что онъ по великой милости божіей сталъ повелителемъ народа воинственнаго и славнаго, назвавшагося по славѣ Славянами, распространеннаго по всему міру. Ибо Поляки или Сарматы, Болгаре, Босняки, Сербы, Хорваты—народы славянскаго языка; эти народы наполняютъ-де Азію, Европу и Африку [1]). Около этого времени Іоаннъ Замойскій, который отразилъ Габсбурговъ отъ Польши и доставилъ корону Ягайловичей Сигизмунду, трактуя съ чешскимъ паномъ Вильгельмомъ изъ Розенберга объ освобожденіи плѣннаго кандидата польской короны, эрцгерцога Максимиліана (1589), выставлялъ народы польскій и чешскій первыми въ Славянствѣ. Славянское племя — замѣтилъ Замойскій Розенбергу — было прежде огромно, оно даже нынѣ еще далеко и широко распространено; но одни не достаточно образованы, а другіе находятся въ рабствѣ; Москвитяне, государство которыхъ далеко и широко раскинуто, совершенные варвары; Сербы, Босняки и другіе южные Славяне подпали подъ чужую власть, и лишились свободы и почти всего значенія, и многіе по-

---

[1]) Sentencya albo zdanie o odjeździe króla J. M. do Szwecyi na sejmie warszaw. r. 1593.

гружены тоже въ варварство; одни только Чехи и Поляки оберегаютъ-де достоинство и свободу славянскаго племени [1]).

Поляки, выставляя свой народъ и свое государство первымъ въ числѣ остальныхъ Славянъ, желая удержать свое первенство и быть щитомъ Славянства, не вели себя однако такъ, чтобъ оправдать такія свои притязанія и надежды Славянъ. Польша, не смотря на громадные свои размѣры и средства, не развила у себя сильной государственной власти, необходимой для неуклоннаго преслѣдованія извѣстной завѣтной мысли; государственная идея въ Польшѣ не крѣпла, а слабѣла; ни короли ни паны не съумѣли и не хотѣли ее поддержать и развивать, и такимъ образомъ дѣлали и свое государство и свою политику безсильными и нерѣдко просто жалкими. „Славянская политика" Польши кончилась плачевно для нея самой и для западнаго Славянства; а на славянскомъ востокѣ явилась другая болѣе сильная представительница славянской политики, Москва, которая со временемъ вытѣснила изъ всей югозападной Руси вторгнувшуюся туда Польшу и переняла отъ нея и знамя освобожденія южныхъ Славянъ. Польша не сдѣлалась средоточіемъ Славянства, и этимъ виновата отъ части она сама, а отъ части независѣвшія отъ нея причины. Все западное Славянство, которое Болеславъ Храбрый хотѣлъ собрать въ одно государственное цѣлое какъ противовѣсъ Германіи, которое старался по крайней мѣрѣ отъ части защитить еще Болеславъ III Кривоустый—всѣхъ этихъ Славянъ отняли у Польши Нѣмцы. Съ Нѣмцами же Польша помѣриться не могла, тѣмъ болѣе, что тѣ Славяне, Лютичи и Чехи, не хотѣли, къ сожалѣнію, принять политической комбинаціи Болеслава Храбраго; да вскорѣ Нѣмцы явились врагами и похитителями Польши не только съ запада, а тоже съ сѣвера изъ земель прусско-поморскихъ. Опасное для Славянъ стремленіе Нѣмцевъ на славянскій востокъ понимали Поляки очень хорошо, имѣя постоян-

---

[1]) Vita Joannis Zamoyscii, написанная его секретаремъ Гейденштейномъ 1606 г. (Collectanea vitam resque gestas J. Zamoyscii illustrantia, ed. J. Działyński, Poznań 1861, p. 105).

ныя сношенія и столкновенія съ представителями этой нѣмецкой идеи, съ императорами римско-нѣмецкими, маркграфами бранденбургскими и рыцарями тевтонскаго ордена. Народная ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ, раздуваемая безпрерывными столкновеніями обоихъ народовъ, породила польскую пословицу „пока стоитъ свѣтъ, Полякъ Нѣмцу не братъ (póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem“ которая всегда играла извѣстную роль въ сношеніяхъ обоихъ народовъ. Эта ненависть Поляковъ къ „нѣмецкой саранчѣ“, поѣдающей чужое имущество, отражалась въ публичной жизни, въ литературѣ, и пр. [1]); это отвращеніе Поляковъ ко всему нѣмецкому нашло себѣ выраженіе и въ польской исторіографіи, и еще въ XVII в. перемышльскій епископъ Павелъ *Пясецкій* замѣтилъ въ своей хроникѣ, что Поляки и всѣ Славяне гнушаются стремленіями и козпями Нѣмцевъ и считаютъ все, что бы ни выходило оттуда, подозрительнымъ и вреднымъ; по этому они не хотѣли познакомиться съ христіанствомъ посредствомъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ Кирилла и Меѳодія, и потомъ черезъ болѣе далекихъ Французовъ и Итальянцевъ [2]). Длугошъ въ своей польской исторіи часто

---

[1]) Лѣтописецъ Викентій (нач. XIII в.) разсказываетъ, что въ 1108 г. угорскій король Коломанъ просилъ у польскаго князя Болеслава помощи противъ Нѣмцевъ (Lemanni), ut communi convenienter occuratur incendio: Nam tua res agitur, paries quum proximus ardet, et neglecta solent incendia sumere vires. Nec enim ob aliud Lemannorum locustae ad nos usque irrepsere, quam ut nostris, quod absit, depastis vineis vestris facilius insiliant olivetis. (Monum. Poloniae hostorica II. 332). Позже на такое нашествіе Нѣмцевъ на Польшу, на распространеніе въ ней нѣмецкихъ колонистовъ и монаховъ, горько жалуется папѣ самъ польскій архіепископъ Яковъ (1285): Per Theutonicorum ingressum multiplicata sunt mala in terra, dum gens polonica per eos opprimitur, despicitur, guerris concutitur, juribus et consuetudinibus patrie laudabilibus privatur, noctis intempeste in propriis commodis capitur. . грозитъ evidens periculum in gentis exterminium. (Kodeks Wielkopolski I. 574, cf. 511, II. 396). Срав. выше (стр. 25) слова чешскаго короля Премысла Отакара II.

[2]) Polonia et Slavonia tota abhorret a studiis et artibus Germanorum, et quidquid venit inde et qualequale illud sit, praeter ope-

говоритъ о похищеніи Нѣмцами разныхъ польскихъ и вообще западославянскихъ земель; онъ и его преемники съ горечью разсказываютъ, какъ Нѣмцы завоевали полабско-балтійскія славянскія страны, и истребили здѣсь славянское населеніе кромѣ жалкихъ остатковъ по деревнямъ, которые говорятъ еще на испорченномъ языкѣ польскомъ или славянскомъ; всѣ эти славянскія земли составляли-де нѣкогда часть польской державы Лестька; но потомъ расхищены Нѣмцами, и не могли уже никогда Польшѣ быть возвращены, кромѣ восточнаго Поморья, которое уже со времени праотца Поляковъ, Лѣха, составляло часть Польши. Современникъ Длугоша, Іоаннъ *Остророгъ*, рѣзко нападаетъ на Нѣмцевъ, которые разъѣлись въ Польшѣ въ церкви, монастыряхъ, въ ущербъ Полякамъ; а другой, Іоаннъ *Чижевскій*, кастелянъ краковскій, упрекаетъ, въ присутствіи короля и пановъ, Польшу за небрежную и безпечную политику, которая позволила Нѣмцамъ похитить у Польши много земель, именно епископію любушскую и Лужицы [1]).

Ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ обнаружилась и въ послѣдствіи, когда, послѣ прекращенія Ягайловичей, нѣмецкіе Габсбурги добивались упраздненнаго польскаго престола. Хотя Габсбурги выставляли Чеховъ своими приманными птицами, хотя имъ и удавалось пріобрѣсти въ Польшѣ своихъ приверженцевъ, но въ концѣ концовъ всѣ эти планы Габсбурговъ относительно польской короны разбивались о ненависть польскаго народа противъ Нѣмцевъ, о неизмѣнное póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem. Эта борьба партій отозвалась и въ политической литературѣ тѣхъ временъ. Напрасно Габсбурги, ихъ чешскіе

---

ras mechanicas, sibi noxium reputat et rejicit suspectum. Unde et fidem christianam noluit discere a Germanis, sed per orientales Graecos, Cyrillum et Methodium, et postmodum per Gallos Italosque, licet remotiores, traditam agnoscere maluit. (Chronica gestorum in Europa singularium, Cracoviae 1645, p. 41).

[1]) Длугоша Historia Polonica (ed. Cracov. I. 84); Wegner: Jan Ostroróg (Poznań 1859); A. Pawiński: J. Ostroroga żywot i pismo o naprawie rzeczypospolitéj (Warszawa 1884).

и польскіе приверженцы, рисовали всѣ выгоды соединенія Польши съ владѣніями императора, короля чешскаго и угорскаго; напрасно они затрогивали даже славянскую струну племеннаго родства Чеховъ и Поляковъ, которые соединятся-де подъ Габсбургами въ одно политическое цѣлое. Противники рѣзко нападали на Нѣмцевъ, народъ спѣсивый, ненавистный людямъ и богамъ, поносящій всѣ народы подъ солнцемъ, народъ пьяницу; съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ кромѣ Нѣмца; и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими, а нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ черному. Пока стоитъ свѣтъ, Полякъ Нѣмцу не братъ. Избраніе Габсбурговъ значитъ вѣчныя войны съ Москвою, Турками и Татарами, внутри же угнетеніе, насиліе, давленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать, правда-ли это, взгляните на Чеховъ. Долго-ли устояли ихъ права при австрійскомъ господствѣ? Забывъ бога, стыдъ и свой долгъ, австрійскій домъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привилегіи, налагать на нихъ несносное иго, давать имъ новые законы по своей прихоти, казнить коронный совѣтъ, такъ что бѣдняжки очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана, и едва сохранили кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достояніе несносными позорными податями [1]).

Во всѣхъ сношеніяхъ Поляковъ и Нѣмцевъ какъ-то постоянно звучатъ тѣ слова, которыя, во время междуцарствія 1587 г., сказали литовско-русскіе паны Радивилъ и Глѣбовичъ московскимъ посламъ: „У насъ писанное дѣло, что нѣмецкій языкъ сла-

---

[1]) Разныя брошюры того времени напечаталъ Broel-Plater: Zbiór pamiętników do dziejów polskich II. III. (см. здѣсь особенно памфлетъ калишскаго шляхтича III. 55); срав. Трачевскаго Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ (Москва 1869, стр. 242). Памфлетъ Варшевицкаго 1587 г. Lechitae et Bohemi colloquium напечаталъ Ѳ. Вержбовскій: Varsevicii Opuscula inedita (срав. здѣсь стр. 80).

вянскому языку никакъ добра не смыслитъ; и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государя“? [1])

Польша сдѣлалась великою державою только въ XIV — XV вѣкахъ, когда она присоединила къ себѣ Литву и югозападную Русь. Съ тѣхъ поръ стремленіе Польши на русскій востокъ, бывшее уже раньше одною изъ задачъ ея политической программы, приняло громадные размѣры и стало ея главною цѣлью. Если бы Польшѣ, польскому народу и польской культурѣ, удалось ассимилировать себѣ всю югозападную Русь, а не только ея высшіе слои, если бы вся эта Русь сдѣлалась Ляхами, то роль Польши въ Славянствѣ опредѣлилась бы вполнѣ, и Поляки стали бы первымъ славянскимъ народомъ. Но это-то именно не состоялось, и борьба Польши съ Москвою изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ поглощала все вниманіе и всѣ силы Польши, и отвлекала ихъ отъ славянскаго запада и юга, и дала поводъ къ постепенному разростанію Нѣмцевъ по Лабѣ и Дунаю. Собранію славянскихъ народовъ, прежде всего русскаго, вокругъ Польши помѣшало раздѣленіе христіанской церкви на двѣ половины, западную и восточную, со всѣми послѣдствіями коснувшимися преимущественно Славянства. Поляки примкнули къ римскому католицизму, и стали считать себя его защитниками повсюду, въ сношеніяхъ съ славянскимъ востокомъ, западомъ и югомъ. Польскіе короли, наступавшіе на Галичъ, Володимеръ, Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ и Москву, являлись православнымъ Русскимъ не только какъ простые завоеватели, Поляки-Ляхи, но тоже какъ латиняне, католики, враги православія; и, дѣйствительно, ихъ поступки оправдывали такое мнѣніе восточныхъ Славянъ.

Поляки часто мечтали о соединеніи всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы и Москвы; это должно было состояться либо присоединеніемъ къ Польшѣ московскаго государства вооруженною рукою, либо добровольнымъ соединеніемъ коронъ польской и русской на головѣ польскаго короля, который могъ быть тоже изъ русскихъ царей Рюриковичей и Романовыхъ.

---

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи VII. 296.

Поляки нерѣдко провозглашали, что народы польскій и весь русскій въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ, должны, какъ Славяне, имѣть одного государя, что оба славянскіе народа въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ, должны, какъ Славяне, жить въ мирѣ и любви, что соединеніе силъ всего восточнаго Славянства принесетъ громадную пользу всему Славянству въ его борьбѣ противъ Нѣмцевъ и Турокъ [1]). Въ числѣ кандидатовъ польской короны, послѣ прекращенія Ягайловичей, всегда былъ также русскій царь, и, какъ Славянинъ и сильный государь, находилъ всегда много приверженцевъ среди пановъ и шляхты польско-литовско-русской Рѣчи посполитой. Въ пользу русскаго царя высказываются часто и польскіе публицисты изъ шляхты. Уже въ 1572-омъ г., вскорѣ послѣ кончины короля Сигизмунда Августа, неизвѣстный шляхтичъ калишской земли въ особой брошюрѣ разсуждалъ о выгодахъ въ случаѣ избранія великаго князя московскаго, который пользовался особенно симпатіями мелкой шляхты. Самъ покойный король Сигизмундъ Августъ — говоритъ калишскій шляхтичъ—завѣщалъ намъ свое желаніе, взять себѣ короля только съ полуночи т. е. московскаго; не даромъ же и вѣщая Любуша, чешская княжна, искала мужа и князя въ сѣверныхъ странахъ. Видно, такъ ужъ богъ судилъ, что Сарматы не могутъ пріобрѣсти бо́льшаго размноженія, какъ только изъ сѣверныхъ странъ, тѣ Сарматы, которые одни съ успѣхомъ боролись съ Римлянами и уничтожили римскую имперію. Московскій великій князь, языкъ котораго понимаемъ, царствуетъ одинъ, безъ совѣта придворныхъ льстецовъ; онъ можетъ шляхтѣ дать земли въ своей державѣ, и съ соединенными силами всей восточной Европы можетъ пріобрѣсти опять утраченную Силезію, Волоховъ, прогнать Татаръ за Дунай, и вообще поднять значеніе Польши и утвердить миръ между Польшею и Москвою. Между тѣмъ всѣ западные искатели польской короны, иноплеменники Нѣмцы

---

[1]) Такъ говорятъ на пр. польскіе архіепископы-примасы Уханскій и Карнковскій, польскіе послы въ 1600 и 1634 гг., польскій король Іоаннъ Казиміръ въ 1658 г., и пр. Обширно объ этомъ см. въ III т. въ отдѣлѣ: Поляки и Русскіе.

и Французы, враги Поляковъ [1]). Подобно тому и сто лѣтъ спустя нѣкоторые Поляки думали объ избраніи русскаго царя Алексѣя Михайловича въ свои короли. Одинъ неизвѣстный польскій публицистъ 1658-го г. сознавалъ, вмѣстѣ съ королемъ Іоанномъ Казиміромъ и многими Поляками, выгоды такого избранія русскаго царя въ польскіе короли, и невыгоды исканія короля Нѣмца, Итальянца, Испанца, Француза, и предпочиталъ „ополяченнаго Москаля“ или Пяста, съ которымъ не нужно было бы говорить черезъ толмача. А въ 1669-мъ г. другой польскій публицистъ, разбирая кандидатовъ польской короны, указываетъ на кандидата изъ болѣе на насъ похожихъ народовъ, Москаля; его боятся Швеція, Бранденбургъ и цесарь; послѣдній-де видитъ, что черезъ усиленіе сѣвера ослабѣетъ его монархія, и боится сношеній подвластныхъ ему народовъ въ Чехіи, Силезіи, Саксоніи съ нашимъ народомъ и языкомъ; препятствуетъ тоже Турокъ съ Татарами, опасаясь соединенія Польши и Москвы на свою гибель [2]).

Поляки, говоря въ пользу избранія русскаго царя въ польскіе короли, требовали однако непремѣнно, чтобъ они, Поляки, играли первенствующую роль въ такомъ славянскомъ союзѣ, чтобъ русская царская шапка Мономаха скрылась подъ польскою королевскою короною, чтобъ польскій народъ занялъ повсюду на славянскомъ востокѣ господствующее, руководящее положеніе, какъ это ему удалось во всей югозападной, поднѣпровской и кар-

---

[1]) Pokazanie pożytków, które by przyjść mogły z wzięcia Moskiewskiego, niekorzyści z przyjęcia za króla którego z panów zachodnich (Brool-Plater: Zbiór pamiętników do dziejów polskich III. 40—57). Въ подобномъ смыслѣ говорили тогда Andreas *Ciesielski*: Ad equites legatos, ad conventionem Varsov. publice designatos et declaratos, de regni defensione et justitiae administratione (1572), и Piotr *Mycielski*: Przestroga z pokazaniem niepożytków z wzięcia pana z pośrzodka siebie (1573).

[2]) Первая статья въ рукописи Императ. Публичной Библіотеки, разноязычныя F. IV, 5., стр. 246; о второй (Konkurenci do sceptrum polskiego z cudzój ziemi) см. Археограф. Сборникъ документовъ относ. къ исторіи сѣверозападной Руси VII. стр. VIII.

латской Руси. Такого подчиненія русскихъ интересовъ польскимъ русскій царь никакъ не могъ принять: напротивъ, онъ все стремился къ осуществленію своего законнаго титула „царь всея Руси“, къ присоединенію своей поднѣпровской русской отчины (позднѣйшей Руси Малой и Бѣлой) къ русскому царству (Великой Руси); онъ былъ готовъ, стать польскимъ королемъ, но непремѣнно съ условіемъ, чтобъ польская корона скрылась подъ шапкою Мономаха, чтобъ польскіе интересы подчинились русскимъ. Такимъ образомъ восточное Славянство очутилось передъ неразрѣшимою задачею, т. е. если оно ставило вопросъ о своемъ соединеніи на почву добровольнаго соглашенія. Нельзя сказать, чтобъ Поляки иногда не понимали этого безвыходнаго положенія. Такъ уже въ 1574 г. неизвѣстный авторъ одного политическаго памфлета, имѣя въ виду тоже избраніе русскаго царя въ польскіе короли, прибавляетъ, что едвали это возможно, такъ какъ гордый Москвитянинъ захочетъ присоединить не Москву къ польскому королевству, а королевство къ русскому царству (ku carstwu ruskiemu), захочетъ столицу избрать въ Кіевѣ и вѣнчаться не посредствомъ польскихъ епископовъ, а своего митрополита [1]).

Эта непримиримая противуположность интересовъ польскихъ и русскихъ на славянскомъ востокѣ сопровождалась и обусловливалась другимъ важнымъ препятствіемъ, помѣшавшимъ добровольному соединенію обоихъ славянскихъ народовъ въ одно политическое цѣлое: противуположностью польскаго католицизма и русскаго православія. Поляки, желая имѣть русскаго царя своимъ королемъ какъ „Славянина“, требуя отъ него, чтобъ онъ былъ прежде всего польскимъ королемъ, а потомъ русскимъ царемъ, требовали вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ онъ отрекся отъ „схизмы“ и сталъ католикомъ. Этого, конечно, ни одинъ царь русскій сдѣлать не могъ и не смѣлъ, если не хотѣлъ измѣнить своему

---

[1]) Komornik i burmistrz, въ рукописи краковской Ягеллонской библіотеки Nro 82 (стр. 405). Срав. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ 1882 г., стр. 15.

народу, у котораго православіе, русская вѣра, и русская народность сдѣлались синонимами. Русскій царь долженъ былъ быть православный, и по этому и польскій королевичъ Владиславъ, не желая принять православія, не могъ сдѣлаться русскимъ царемъ. Польша предполагала, что, изображая изъ себя защитницу интересовъ римскаго католицизма, поддерживая унію одной части русской церкви съ Римомъ, привлекая къ католицизму и полонизму свою русскую шляхту, пріобрѣтетъ больше силъ, отниметъ у Москвы первенствующее положеніе на Руси, и сдѣлается первымъ восточно-славянскимъ государствомъ. Но въ сущности, эти предположенія и разсчеты оказались невѣрными, тѣмъ болѣе, что Польша, съ постепеннымъ расшатываніемъ государственнаго строя, лишалась все больше необходимаго для такихъ широкихъ плановъ могущества. И такъ, всѣ эти политическіе и культурно-религіозные планы Польши, это ея стремленіе на востокъ, эта тяжелая, непосильная и въ концѣ концовъ неудачная борьба польскаго народа съ болѣе сильнымъ и многочисленнымъ русскимъ народомъ, съ Москвою, изъ-за политическаго и культурно-національнаго первенства на славянскомъ востокѣ: все это не могло ни къ чему другому повести, какъ только къ ослабленію Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта борьба и соперничество Польши съ восточнымъ, русскимъ Славянствомъ поглощали большую часть ея силъ, и были причиною, что Польша не могла надлежащимъ образомъ выступать въ оборонѣ Славянъ западныхъ и южныхъ.

Оставшіеся въ живыхъ среднеевропейскіе Славяне, Чехи, находясь въ угрожавшей имъ постоянно „ненасытной пасти Нѣмцевъ“, не переставали оглядываться на славянскій востокъ и видѣть въ Польшѣ свою естественную защитницу противъ Нѣмцевъ. Но и здѣсь вѣроисповѣданіе мѣшало защитѣ славянскихъ интересовъ. Гуситскіе Чехи, взявшись за оружіе ради освобожденія „правды закона божія и народа чешскаго и славянскаго“ изъ-подъ гнетущаго ихъ господства Нѣмцевъ, предлагали нѣсколько разъ чешскую корону польскому королю какъ своему соплеменнику Славянину, умоляя его о помощи противъ Нѣмцевъ; но преемникъ Болеслава Храбраго, задумавшаго когда-то изъ Праги

сдѣлать столицу великаго западно-славянскаго государства, Владиславъ Ягайло, не принимаетъ короны св. Вячеслава изъ рукъ чешскихъ „еретиковъ". Онъ и его преемники сознавали, правда, важность славянскаго государства чешскаго въ срединѣ Европы, но не поддерживали его на столько, на сколько этого требовали интересы Славянства и Польши. Польскіе короли относились къ чешскимъ дѣламъ довольно небрежно, и, что́ особенно удивительно, безъ борьбы уступили только что пріобрѣтенную Ягайловичами чешскую и угорскую короны—нѣмецкой династіи Габсбурговъ. Когда-же въ послѣдствіи Чехи протестанты возстали противъ Габсбурговъ, они опять тщетно обращались къ польскому королю о помощи во имя общаго славянскаго происхожденія обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго, тщетно указывали на то, что ихъ борьба не религіозная, а національная, борьба Чеховъ—Славянъ противъ наступающихъ Нѣмцевъ. Были, правда, Поляки, которые поняли характеръ этой борьбы въ средней Европѣ, и предостерегали своихъ земляковъ не способствовать гибели соплеменнаго народа чешскаго; но голосъ этихъ польскихъ патріотовъ былъ голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Польскій король и Польша какъ государство не помогли Чехамъ, да позволили польскому воинству участвовать въ уничтоженіи государства славянскихъ „еретиковъ" въ средней Европѣ; а ревностные католики польскіе радовались, что, съ помощью польско-русскихъ Лисовчиковъ, Чехи еретики легли костьми, и что ихъ не спасли ни Гусъ ни Жижка ни Кальвинъ изъ ада: радость неумѣстная со стороны Славянъ, радующихся собственно гибели Славянъ-же, побѣдѣ Нѣмцевъ въ средней Европѣ и наступленію ихъ дальше на востокъ къ воротамъ самой Польши, раскрытію „ненасытной нѣмецкой пасти" на польскій народъ [1]).

Ошибку польскихъ Ягайловичей и Вазовъ можно было еще разъ исправить, и нанести тяжелый ударъ господству Нѣмцевъ въ средней Европѣ и на среднемъ Дунаѣ, когда во второй половинѣ XVII в. этому господству серьезно угрожали Французы

---

[1]) Обширно объ отношеніяхъ Поляковъ къ Чехамъ въ III томѣ

и Турки. Но и тутъ Польша не съумѣла воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ: невѣрное понимание истинныхъ польскихъ и славянскихъ интересовъ повело короля Іоанна Собескаго подъ Вѣну (1683). Не говоря о личной храбрости Собескаго и его сподвижниковъ, христіанскихъ витязей воодушевленныхъ идеею борьбы христіанскаго міра противъ ислама, этотъ шагъ польскаго короля имѣлъ для Славянства роковыя послѣдствія. Вмѣсто того, чтобъ соединиться съ Турціею и Франціею, и съ многочисленными недовольными въ Угріи и Хорватіи, вмѣстѣ съ этими союзниками нанести нѣмецкому господству на Дунаѣ и въ средней Европѣ смертельный ударъ, вырвать подавленныхъ Чеховъ изъ душившаго ихъ объятія Нѣмцевъ, освободить чешское государство отъ разваливающейся подъ ударами турецкими и французскими Германіи и повернуть его на востокъ къ Польшѣ, или передать его Франціи, какъ этого желалъ Людовикъ XIV: польскій король проливалъ кровь славянскаго воинства для спасенія и поддержанія господства Нѣмцевъ на этомъ Дунаѣ и въ средней Европѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что безъ помощи Собескаго и его польско-русскаго войска нѣмецкіе полководцы бѣжавшаго изъ Вѣны цесаря Леопольда не могли бы спасти столицу, и что она, не смотря на храбрость ея защитниковъ, Чеха Каплиря изъ Сулевицъ, Штаремберга и Колонича, сдѣлалась бы на время городомъ турецкимъ. Польскій король на вѣрное очень хорошо зналъ ненависть многихъ Поляковъ къ Нѣмцамъ, которая проявилась еще недавно во время междуцарствія [1]). Онъ не могъ не знать всей ненависти Угровъ и Хорва-

---

[1]) Тогда, въ 1669 г., подканцлеръ епископъ Ольшевскій, въ своей книгѣ Censura candidatorum, сказалъ между прочимъ и слѣдующее: Hungari, Bohemi, conterminae nobis fraternaeque nationes, inclamabant olim: Cave tibi ab Austria vicina Polonia. Libera illa regna et pari nobiscum eligendi regis libertate inclyta, semel electo potentiore vicino in unius familiae haereditatem et servitium, sensim sine sensu prolapsi. Замѣчательный примѣръ ненависти Поляковъ къ Нѣмцамъ и цесарю сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пасекъ (къ 1664 г., стр. 220); шляхта смотрѣла на цесаря съ ненавистью и въ театральномъ представленіи, разразилась бранью, стрѣляла по несчастнымъ артистамъ, и убила „цесаря“.

товъ къ Нѣмцамъ, которая повела Хорватовъ бана Петра Зринскаго и Франца Франкопана и Угрина Надажди на плаху (1671), а Текели въ лагерь Кара Мустафы подъ Вѣною [1]). Нельзя тоже сказать, чтобъ всѣ Поляки сочувствовали рыцарско-христіанской политикѣ своего короля и сейма, желавшихъ „священной войны.“ Не смотря на общія военныя дѣйствія Поляковъ и Нѣмцевъ противъ Турокъ, ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ не улеглась и Поляки второй половины XVII-го вѣка ненавидѣли Нѣмцевъ столько, сколько ихъ предки XV—XVI вѣковъ. Противъ похода Іоанна Собескаго, для спасенія Вѣны и Нѣмцевъ, раздавались тогда въ Польшѣ, въ сеймѣ и въ печати, громкіе голоса: „Мы никогда не хотѣли государей изъ австрійскаго дома, а теперь мы должны взяться за оружіе, чтобъ удержать подъ ихъ игомъ нашихъ братьевъ въ Угріи и Хорватіи, въ Чехіи и Моравіи. Не Турки, а Бранденбургъ и Австрія, вотъ наши вѣковые враги“ [2]).

---

[1]) Зринскій и Франкопанъ разсчитывали въ своемъ планѣ объ освобожденіи Хорватіи и Угріи отъ Нѣмцевъ на помощь Турокъ; они предполагали, что главная сила турецкаго войска направится къ Вѣнѣ, другое турецко-хорватское войско нападетъ на альпійскія области, а третье, состоящее изъ Турокъ, Угровъ, Семиградянъ, Румуновъ и Татаръ, вторгнется въ Моравію, Чехію и Силезію, и возбудитъ здѣсь тоже возстаніе (incolae facile extumescent et sublevabuntur). Хорваты тоже надѣялись, что польскій король сдѣлается тогда и королемъ угорскимъ, и уже потомъ начнетъ борьбу противъ Турокъ. См. Izprave o uroti bana P. Zrinskoga i kneza F. Frankopana (Zagreb 1873, p. 237, 296). Чехи въ 1620 омъ г. думали о союзѣ съ Турками, и „самые христіанскіе“ короли французскіе не стѣснялись такимъ союзомъ, когда этого требовали французскіе интересы противъ Нѣмцевъ.

[2]) Rogalski: Dzieje Jana III Sobieskiego, p. 130. Срв. тоже ниже слова польскаго поэта В. Потоцкаго (1673) о Нѣмцахъ. Еще до заключенія союза Польши съ цесаремъ французскій посланникъ въ Польшѣ, Витри, пишетъ (8 января 1683) своему королю: Il se trouvera sans doute beaucoup de gens de bon sens, qui suivant les anciennes maximes de la Pologne s'opposeront au dessein que l'ont pourroit avoir de s'engager dans une alliance avec la cour de Vienne qui ne pourroit estre que prejudiciable au royaume ici etc. (Akta do dziejów króla Jana III, sprawy r. 1683 wyjaśniające, wydal Fr. Kluczycki, w Krakowie 1883, p. 25).

Самъ храбрый и симпатичный король Іоаннъ скоро убѣдился, что Нѣмцы не оцѣнили надлежащимъ образомъ его христіанско-рыцарскаго подвига; онъ, стоя еще недалеко отъ освобожденной Вѣны, плачетъ надъ никогда неслыханною неблагодарностью освобожденныхъ, и долженъ былъ слышать даже среди цесарскаго войска упреки, что онъ спасъ цесаря: лучше-де еслибъ эта гордость совсѣмъ погибла и съ корнемъ; какъ только стало Нѣмцамъ легче, они польскаго короля и знать не хотѣли, не отвѣчали ему и не благодарили его: никто не хочетъ говорить по французски, всѣ они теперь guter Dajczer, съ юморомъ замѣчаетъ Собескій [1]). Польскій король могъ прикрыться тѣмъ, что польскіе интересы требовали воевать съ врагами Польши и за границею королевства, такъ какъ Турки продолжали бы войну въ Польшѣ; но спрашивается, не стоило-ли уничтоженіе господства Нѣмцевъ на Дунаѣ и въ средней Европѣ, временнаго распространенія турецкаго господства въ нѣкоторыхъ славянскихъ странахъ, о чемъ можно было Турціи думать только въ согласіи съ Польшею, Россіею и Франціею.

Съ тѣхъ поръ, какъ угорскій престолъ занялъ польскій король Владиславъ III Владиславовичъ (1440), взоры порабощенныхъ и погибающихъ Югославянъ не переставали обращаться

---

[1]) Все по словамъ писемъ короля въ сборникѣ Ключицкаго, стр. 402, 417, 538. Если нѣкоторые польскіе историки восхищаются подвигомъ Собескаго, „священною войною" (какъ это называетъ Ключицкій), то они, собственно говоря, восхищаются торжествомъ нѣмецкаго стремленія на востокъ въ ущербъ Славянству. Ѳ. Вержбовскій (Królewicza Jakóba Sobieskiego Dyaryusz wyprawy wiedeńskiéj 1683, Warszawa 1883, p. 4) справедливо замѣчаетъ, что „turecko-austryacka polityka Jana III była błędną, zużyte na nią siły i środki zostały dla Polski stracone; zamiast tracić je i krew przelewać w obronie cudzych interesów lepiéj było użyć je na korzyść własną, skierować ku innym zadaniom i celom, bardziéj odpowiednim zasadniczym ideom narodowego bytu i powołania, celom przez Bolesława Chrobrego wskazanym i przez najznakomitszych z jego następców urzeczywistnianym." Подвигъ Собескаго характеризовалъ очень мѣтко Императоръ Николай Павловичъ.

на сѣверъ въ соплеменную Польшу. Югославяне привѣтствовали уже Владислава III какъ своего соплеменника и будущаго освободителя отъ Турокъ, они и позже ожидали своего спасенія отъ Польши и каждый ея успѣхъ въ борьбѣ съ Турками возбуждалъ въ нихъ новыя надежды, вдохновлялъ ихъ поэтовъ, прославлявшихъ польскихъ своихъ соплеменниковъ, королевича Владислава, побѣдителя хотинскаго, и короля Іоанна Собескаго, освободителя Вѣны. Владиславъ III погибъ преждевременно подъ Варною (1444) [1]. Но его планы и дѣятельность въ дѣлѣ освобожденія Югославянъ отъ Турокъ остались въ памяти этихъ Славянъ; они не теряли надежды, что по слѣдамъ юнаго Ягайловича пойдутъ его преемники. Изъ среды Югославянъ раздался въ концѣ XV в. голосъ одного Серба, который помнилъ еще подвиги Владислава, и призывалъ силы его племянниковъ Ягайловичей польско-литовско-русскихъ и угорско-хорватско-чешскихъ, къ войнѣ съ Турками и къ освобожденію христіанскихъ народовъ Турціи. Боснякъ Михаилъ *Константиновичъ*, который около половины XV в. долго былъ турецкимъ янычаромъ и потомъ пребывалъ въ Польшѣ, и составилъ здѣсь любопытныя записки о Турціи (ок. 1492—1497 гг.), обращается къ обоимъ королямъ братьямъ одной крови, къ польскому Іоанну Альбрехту и угорско-чешскому Владиславу, и взываетъ къ нимъ, соединиться съ другими христіанскими народами и ударить на Турокъ; пусть оба короля слѣдуютъ примѣру своего предка Владислава, который погибъ подъ Варною, а не примѣру угорскаго короля Матвѣя, который не обращалъ вниманія на поганыхъ и воевалъ съ христіанами, именно по настоянію римскаго папы Павла, отъ котораго рѣдко вышло что-нибудь хорошаго, и римскаго императора Фридриха; оба они внушали королю Матвѣю воевать съ Чехами, и провозгласили ихъ еретиками; Матвѣй же Чеховъ не покорилъ, а обратился потомъ противъ императора. Такимъ образомъ въ слѣдствіе несогласія христіанъ усилилось могущество Турокъ, и память короля Матвѣя миновала какъ звукъ колокола. Польскій король

---

1) См. въ III томѣ: Поляки и Югославяне.

съ шляхтою пусть серіозно подумаетъ о войнѣ съ Турками; пусть оба короля, польскій и угорско-чешскій, выступятъ въ походъ противъ Турокъ; этимъ они пріобрѣтутъ себѣ великое имя, большее чѣмъ имя Александра Великаго, печаль христіанъ перемѣнится въ радость, а гордость поганыхъ въ горе [1]).

Полъ вѣка спустя раздался въ Польшѣ голосъ другого Югославянина, взывающаго къ Полякамъ о помощи порабощеннымъ ихъ южнымъ соплеменникамъ. Около половины XVI в. Транквиллъ Андроникъ *Андрашевичъ* (Tranquillus Parthenius Andronicus de Andreis), Далматинецъ изъ Трогира, ревностный поборникъ мысли о союзѣ христіанскихъ народовъ противъ Турокъ, обратился съ такою цѣлью и къ Полякамъ [2]). Онъ взываетъ къ Полякамъ двинуться противъ Турокъ, завладѣвшихъ чуть ли не цѣлымъ угорскимъ королевствомъ, и раскрываетъ передъ своими польскими соплеменниками печальную картину Славянства. Славянскій народъ и языкъ—разсуждаетъ Андрашевичъ—превосходитъ всѣ остальные народы, занимая отъ морей Ледовитаго до адріатическаго, отъ рѣки Лабы до Чернаго моря безчисленныя земли, за исключеніемъ Панонін и Дакіи, которыми завладѣли чудскіе Угры и отъ Римлянъ происходящіе Волохи. Славянскій

[1]) Pamiętniki jańczara сохранились въ польской рукописи ок. 1500 г. (изданы только въ 1828 г. въ Варшавѣ); но польскій текстъ вѣроятно переводъ съ сербскаго; чешскій переводъ напечатанъ два раза, въ 1565 и 1581 гг., новый сербскій въ бѣлградскомъ Гласникѣ кн. 18. Срв. I.睡 Иречка Rozpravy z oboru historie, filologie i literatury (1860). Въ польской рукописи недостаетъ конца, который оторванъ; вѣроятно не понравились какому-нибудь ревностному католику слова Серба Константиновича о папѣ и о его анти-чешской политикѣ.

[2]) Tranquilli Andronici Dalmatae ad optimates polonos admonitio (Cracoviae 1545, посвящено Андрею Горкѣ, 2 изд. 1584). Андрашевичъ былъ долго професоромъ въ Липскѣ въ Германіи, и потомъ, какъ секретарь и посолъ угорскаго короля Іоанна Запольскаго, бывалъ въ Польшѣ, Англіи, Франціи, Италіи, Турціи. Онъ издалъ нѣсколько рѣчей о необходимости войны христіанъ противъ Турокъ (Ad Deum contra Turcas oratio 1518, Oratio ad Germanos de bello suscipiendo contra Turcas 1518, 1541).

народъ считалъ прежде множество государей, совершалъ славные подвиги, былъ грозою сосѣднихъ народовъ; а теперь онъ живетъ въ жалкомъ разъединеніи и подъ властью разныхъ чужихъ государей. Не говоря о Чехахъ и Москвитянахъ, только народъ польскій управляется мирно и покойно своими королями, и пользуется свободою своихъ дѣдовъ; отъ части свободны и Хорваты и угорскіе Славяне подъ властью римскаго короля; Краньцы же и приморскіе Хорваты подвластны австрійскимъ герцогамъ. Многочисленные приморскіе города Далмаціи, во время послѣдней войны дурно защищаемые, остались подъ властью Венеціанцевъ. Дубровчане не пользуются полною свободою, но тоже не служатъ. Всѣ остальныя земли нашего народа на югѣ, Сербовъ и Болгаръ, покорилъ себѣ Турокъ, и господствуетъ надъ ними надменно, жадно, жестоко. Югозападнымъ Русскимъ удалось соединиться съ Поляками; они живутъ, подъ справедливымъ и законнымъ правительствомъ, и въ слѣдствіе соединенія своихъ силъ съ Поляками, болѣе безопасны отъ грозы варваровъ. Всѣ Славяне, связанные съ Поляками общимъ языкомъ, должны молиться богу о ниспосланіи Польшѣ всевозможныхъ успѣховъ и пожелать ей счастья: одна Польша остается украшеніемъ славянскаго народа, который въ значительной своей части находится въ самомъ бѣдственномъ и плачевномъ рабствѣ.

Краснорѣчивый Хорватъ Андрашевичъ, обращаясь къ Полякамъ, вѣроятно зналъ и мысли польскаго публициста Станислава *Орѣховскаго,* который тогда въ своихъ печатныхъ рѣчахъ Turcica (1543—1544) взывалъ къ своимъ соотечественникамъ, взяться за оружіе и помочь южнымъ Славянамъ, своей крови, своимъ братьямъ, которые ожидаютъ отъ Поляковъ своего освобожденія [1]).

---

[1]) De bello adversus Turcas suscipiendo ad equites polonos Turcica prima (1543), Ad Sigismundum Poloniae regem Turcica secunda (1544), въ польскомъ переводѣ Янушовскаго (1590). Первая рѣчь вышла по-польски уже въ 1543 г. Książka o ruszeniu ziemie polskiéj przeciw Turkowi. Приводимъ изъ нея нѣсколько словъ: Karwaci, Słowacy i insze narody, które pod mocą jego są, co inszego

Польскіе политики, публицисты и поэты, откликались вообще сочувственно на ожиданія и надежды южныхъ Славянъ, особенно во второй половинѣ XVI в., когда сила и могущество Турокъ сдѣлались особенно страшны. Стрыйковскій, Клёновичъ, Варшевицкій, Папроцкій, Грабовскій, Верещинскій и др. заговорили о неволѣ южныхъ соплеменниковъ славянскихъ и о необходимости оказать имъ помощь и со стороны Польши [1]). Христофоръ *Варшевицкій* указываетъ на невыносимое положеніе южныхъ Славянъ, которые, по неволѣ, должны поддерживать турецкое могущество, именно доставленіемъ Туркамъ своей молодежи въ янычары; такимъ образомъ Турки берутъ свою силу изъ благороднѣйшаго и могущественнѣйшаго славянскаго народа (ex nobilissima ac longe lateque potentissima slavonica gente), подъ которымъ подразумѣвается и польскій народъ; Поляки же должны помочь южнымъ своимъ соплеменникамъ и ради самого славянскаго народа, который всегда былъ такъ распространенъ и языкъ котораго императоръ и чешскій король Карлъ IV предлагалъ изучать всѣмъ государямъ; Поляки должны вспомнить о храбрости своихъ предковъ, которые всегда защищали славу народа славянскаго [2]).

В. *Папроцкій* въ польской и чешской брошюрѣ Gwałt na pogany ku wszem chrześciańskim panom (1595) упрекаетъ Поляковъ въ недостаткѣ энергіи, въ равнодушіи къ ихъ христіанскимъ собратьямъ, которыхъ Турки немилосердно мучатъ. Поляки

---

w téj niewoli swéj myślić mają, jedno aby mogli jaką pociechę mieć a nadzieję w retunku waszym, aby kiedy mogli wynić z téj niewoli. Panowie Polacy, niemacie się czemu bać tych Turczynów, którzy Turkowi albo baszam służą. Krew ci wasza i bracia waszy są, tegoż krstu i tegoż boga co i wy ludzie, którzy na was z wielkiéj swéj niewolej wzglądają.

[1]) О стихотворныхъ политическихъ сочиненіяхъ Папроцкаго, Стрыйковскаго, Клёновича и др. см. ниже въ отдѣлѣ о польскихъ поэтахъ.

[1]) Turcicae quatuordecim (Cracoviae 1595). Срв. О. Вержбовскаго Хр. Варшевицкій и его сочиненія (Варшава 1886, стр. 165, тоже по-польски 1887).

должны собраться по примѣру доблестныхъ своихъ предковъ славянскихъ, прославившихся уже при Александрѣ Великомъ, остановить ужасныя избіенія и опустошенія русскихъ земель, и поддержать и Чеховъ, которымъ угрожаетъ опасность со стороны Турокъ; Поляки и Чехи должны какъ люди одного народа и какъ братья сообща дѣйствовать противъ Турокъ, и такимъ образомъ доказать всему міру, что въ нихъ существуетъ еще славянское имя; вѣдь Турки не страшнѣе Татаръ, которыхъ Чехи три столѣтія тому назадъ побѣдили подъ Оломуцемъ. На поддержку христіанъ въ Турціи можно разсчитывать, и можно занять Константинополь, освободить Угровъ, Грековъ, Сербовъ, Хорватовъ, которые давно вздыхаютъ о помощи. А въ изданной около этого времени (1593) моравской исторіи (Zrcadło) Папроцкій говоритъ, что Славяне изъ давна были и суть до сихъ поръ Туркамъ страшны; Турки ожидаютъ отъ нихъ своей гибели и поэтому всегда всевозможно стремятся къ тому, чтобъ помѣшать избранію Габсбурга или великаго князя московскаго въ польскіе короли; если бы это состоялось, то въ слѣдствіе соединенія этихъ государствъ Славяне стали бы для Турокъ слишкомъ сильны. Со временемъ же—надѣется Папроцкій—это и сбудется.

На симпатіи южныхъ Славянъ къ Польшѣ, на ихъ надежды на освобожденіе отъ турецкаго рабства посредствомъ Польши, нѣкоторые Поляки основывали и разныя свои политическіе планы. Въ концѣ XVI в. польскій священникъ Петръ *Грабовскій* предлагалъ королю Сигизмунду и польскимъ чинамъ устроить военную границу на Низу (на нижнемъ Днѣпрѣ) противъ Татаръ, и совѣтовалъ здѣсь основать польскую колонію; сюда стекались бы не только жители польскихъ, литовскихъ и русскихъ земель, а тоже изъ многочисленныхъ и къ Полякамъ расположенныхъ странъ славянскихъ, особенно же изъ Турціи. Укрѣпившись въ Молдавіи и Валахіи, Поляки, съ помощью казаковъ, должны пойти за Дунай, гдѣ христіанскіе славянскіе народы въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, да и славянскіе янычары присоединились бы къ Полякамъ скорѣе, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ государямъ, такъ какъ они больше расположены къ Полякамъ, благодаря одному языку и польскимъ вольностямъ. Въ числѣ союзни-

ковъ Польши была бы тоже Москва, главный врагъ Турціи изъ-за столицы Царьграда и греческой религіи. Такимъ образомъ Польша могла бы присоединить задунайскія славянскія земли, и имѣла бы открытый путь къ Царьграду. Славяне обратились бы къ Польшѣ, и польская слава была бы и ихъ славою. Всѣ народы распространяются, восклицаетъ Грабовскій, а только нашъ польскій народъ, стоящій во главѣ многочисленнаго славянскаго народа, мало или совсѣмъ не распространяетъ своихъ границъ. Вотъ на пр. Москва сократила зловредныхъ Татаръ, такъ что она отъ нихъ больше не страдаетъ, а даже покорила ихъ своей власти и распространяетъ свое господство въ Азіи и въ Европѣ, дѣлаясь такимъ образомъ опаснымъ для Польши сосѣдомъ. Мысль объ укрѣпленіи нижняго Днѣпра и объ основаніи тамъ военной колоніи, рыцарскаго ордена мальтійскаго, защищалъ и развивалъ тогда и католическій епископъ кіевскій, Іосифъ *Верещинскій*, изъ ополяченнаго рода холмской Руси [1]).

Польша, на сколько могла, боролась съ Турками и Татарами, хотя главная доля этой борьбы легла не на Поляковъ, а на присоединенныхъ къ Польшѣ югозападныхъ Русскихъ. Но въ слѣдствіе борьбы Польши съ Русью изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ, и въ слѣдствіе невозможности примирить интере-

---

[1]) Grabowski: Zdanie syna koronnego o pięciu rzeczach Rzeczypospolitéj polskiéj należących (1595), Polska niżna albo osada polska (1596); Wereszczyński въ нѣсколькихъ брошюрахъ 1592—1598 (Pisma polityczne, wyd. Turowskiego). Графъ Станиславъ Тарновскій (Pisarze polityczni XVI wieku, Kraków 1886, II. 167), говоря о планахъ Грабовскаго, замѣчаетъ: Ce malheureux Slave n'ayant aucune force d'action, mówi w jednem miejscu Mickiewicz do swoich francuzkich słuchaczy, jak żeby brak energii i przedsiebiorczego ducha uważał za wrodzoną właściwość słowiańskiego plemienia; a te jego słowa przypominają się zawsze, kiedy się myśli o tem, co Polska zrobić mogła, a czego nie zrobiła przez opieszałość, przez miękkość, przez to że nie miała nigdy la force d'action. Że Grabowski marzył dla Polski o takiéj potędze na wschodzie, jaką dziś ma Rosya, tego mu za złe brać nie można, a że rola taka była istotnie do wzięcia, dowodzi tego najlepiéj, że znalazł się ten, który ją wziął i odgrywa.

сы Польши и Руси и соединить силы всего славянскаго востока противъ магометанскаго міра, Польша не могла бороться съ Турками и Татарами съ большими успѣхами, и побѣды ея въ родѣ хотинской составляютъ рѣдкость въ исторіи этой борьбы. Походъ Іоанна Собескаго противъ Турокъ подъ Вѣну былъ политическою ошибкою, такъ какъ онъ собственно спасъ грознаго врага Славянства, Германію, и поддержалъ и приготовилъ господство Нѣмцевъ надъ западными и южными Славянами. Предпринимая этотъ походъ, Поляки, правда, думали о спасеніи христіанскихъ душъ, которыя подъ магометанскимъ игомъ плачутъ и погибаютъ [1]), и отъ части и достигли этой цѣли. Походъ Собескаго къ Вѣнѣ и пораженіе Турокъ составляютъ дѣйствительно переворотъ въ отношеніяхъ Турокъ къ европейскимъ христіанскимъ народамъ; только съ тѣхъ поръ могущество Турокъ ослабѣваетъ, Турки вытѣсняются изъ Угріи и Хорватіи, приготовляется освобожденіе южныхъ Славянъ изъ-подъ ига магометанскихъ Турокъ. Польскій король далъ толчекъ такой перемѣнѣ положенія дѣлъ въ юговосточной Европѣ, но уже не Польша пожинала дальнѣйшіе плоды своей побѣды, не участвовала въ дальнѣйшемъ ослабленіи Турокъ, а освобожденный славянскою кровью guter Deutscher. Поляки стали родителями Германіи (Poloni sunt genitores Germaniae) — сказалъ тогда одинъ Французъ [2]). Нѣмецкій цесарь, вмѣстѣ съ своимъ господствомъ, съ господствомъ нѣмецкаго элемента на юговостокѣ Европы, несъ туда къ народамъ славянскимъ тоже нѣмецкую культуру, и вырвалъ въ Угріи и на славянскомъ югѣ жезлъ у польскаго короля. Напрасно радовались южные Славяне побѣдѣ Собескаго, ожидая еще разъ отъ соплеменнаго польскаго короля своего освобожденія; вмѣсто славянскихъ войскъ польскаго короля прибывали къ нимъ, правда, тоже славянскія войска, но вмѣстѣ съ нѣмецкими и угорскими, подъ командою нѣмецкихъ генераловъ, представителей не славянской а нѣмецкой политики римско-нѣмецкаго

---

[1]) Kluczyki: Akta do dziejów króla Jana III. r. 1683, p. 81.

[2]) Воспоминанія Паска, стр. 333.

императора. Вскорѣ однако турецкіе Славяне увидали у себя, рядомъ съ нѣмецкими и итальянско-венеціанскими войсками, другія славянскія войска, войска преемника польскаго короля и его славянской политики, русскаго царя.

Польша, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, не сдѣлалась центромъ Славянства; не осуществилась мысль великаго славянскаго государства по почину и старанію Польши. Не разъ упрекали сами Поляки свое отечество за такую безпечность, за такое нерадѣніе о собственныхъ интересахъ. „Если бъ мы имѣли постоянно на глазахъ славу своего имени, какъ наши святые предки", жалуется Симонъ *Старовольскій*, „не отложилось бы отъ насъ никогда Поморье, не отдѣлились бы отъ насъ наши братья Слензаки; мы бы удержали Чеховъ и Моравянъ, которые такъ часто находились подъ нашею властью; мы бы не выпустили Москвы, Швеціи, Валахіи и Молдавіи, которыя мы такъ счастливо пріобрѣли" [1]). Андрей *Фредро* упрекаетъ Польшу за политическую ошибку, которую она совершила послѣ прекращенія Ягайловичей въ Чехіи и въ Угріи, позволивъ тамъ утвердиться „австрійскому дому, нѣмецкому племени, врагу славянскаго племени"; для Польши было бы полезнѣе, чтобъ оба народа управлялись своими собственными государями; а такъ Угры пропитались нѣмецкимъ духомъ, а еще больше Чехи, которые принявъ нѣмецкія колоніи, нравы и языкъ, сняли съ себя совершенно свое славянское происхожденіе [2]).

Нѣкоторые Поляки затрогивали тоже превратность польской политики въ религіозныхъ вопросахъ Славянъ, и не предвѣщали своему отечеству ничего добраго отъ исключительныхъ и узкихъ

---

[1]) Pobudka abo rada na zniesienie Tatarów perekopskich (1618, введеніе).

[2]) Gesta populi poloni sub Henrico Valesio (1652, p. 202). Епископъ Пясецкій (Chronica 1645, p. 41) касаясь воцаренія Габсбурговъ въ Чехіи, замѣчаетъ, что король Сигизмундъ не хотѣлъ поссориться съ сильными Габсбургами, которые могли бы выступить враждебно противъ Польши, contra principes gente slavonos, natura Germanis exosos.

римско-католическихъ взглядовъ польскаго правительства. „Насъ разныхъ славянскихъ народовъ восемнадцать“ — восклицаютъ панъ *Гербуртъ* изъ Фульштына, польскій землянинъ Червоной Руси, и ополяченный русскій князь Христофоръ *Збаражскій* — „всѣ они полагались на польскихъ королей и надѣялись, что польскій народъ освободитъ ихъ изъ-подъ тяжелаго ига поганыхъ; всѣ они были готовы отдать свою жизнь, когда это понадобится польскому королю и народу. А теперь, когда стали несправедливо поступать съ русскимъ народомъ, они сдѣлались нашими главными врагами“. Братъ Христофора *Збаражскаго* Юрій предостерегалъ Польшу отъ вмѣшательства въ чешское возстаніе 1618—1620 гг., называя его справедливою самозащитою Чеховъ противъ Габсбурговъ; Чехи одного происхожденія съ Поляками, оба народа потомки двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха; силезскіе князья истые наслѣдники польскихъ королей; итти же безъ справедливой причины на ихъ истребленіе не что иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутренностяхъ [1]).

Уже на рубежѣ вѣковъ XVI—XVII почуялъ польскій іезуитъ Петръ Скарга, что стѣны Рѣчи-посполитой трескаются безпрестанно и что Польша держится анархіею (nierządem stoi Polska), нечаянно упадетъ и всѣхъ раздавитъ. Если же Поляки не будутъ жить въ согласіи, то „наступитъ на васъ врагъ внѣшній, воспользуется вашими распрями и скажетъ: раздѣлилось сердце ихъ, теперь они погибнутъ. Эти раздоры заведутъ васъ

---

[1]) Zdanie o narodzie ruskim spisane podczas konfederacyi moskiewskiéj (1613), od nieboszczyka pana Szczęsnego Herburta dobromilskiego starosty (напечат. въ сборникѣ Документы объясняющіе исторію западнорусскаго края, стр. 228); переведено уже тогда и на русскій языкъ въ соч. З. Копыстенскаго Палинодія (1621, стр. 956 по изд. Русской истор. библіотеки т. IV). Эти слова Гербурта повторилъ князь Хр. Збаражскій на сеймѣ 1627-го г. (Łukaszewicz: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie I. 172). Князь Юрій Збаражскій въ анонимной брошюрѣ Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae, nec non senatores et nobilitatem regni defensioni in Hungaria, Bohemia et alibi locorum inevitabili necessitate susceptae non adversari decet (Posonii т. е. Позпань, 1619).

въ плѣнъ, въ которомъ всѣ ваши вольности утонутъ и въ смѣхъ обратятся. Великія земли и княжества, которыя соединились и въ одно тѣло срослись съ короною, отпадутъ и разорвутся; вы, управлявшіе нѣкогда другими народами, будете, на подобіе осиротѣлой вдовицы, посмѣшищемъ и игрушкою своихъ враговъ. Вы погубите свой народъ и языкъ, единственный свободный между всѣми славянскими народами; вы растеряете остатки этого народа, столь древняго и столь широко разросшагося, и поглощены будете другими народами, которые васъ ненавидятъ. Вы лишитесь не только государя изъ своей крови и права избирать его, но и королевства и отечества; вы станете нищими изгнанниками, презрѣнными бродягами, которые будутъ попираемы ногами тамъ, гдѣ ихъ прежде превозносили и славили" [1]). Все это сбылось, но не только въ слѣдствіе анархіи и несогласія Поляковъ, а тоже въ слѣдствіе разныхъ другихъ причинъ, о которыхъ краснорѣчивый польскій іезуитъ умолчалъ, а въ которыхъ онъ и его товарищи играли столь выдающуюся роль: всѣ они всевозможно заботились именно о томъ, чтобъ „внутреннее согласіе" (zgoda domowa) между Славянами въ Польшѣ и на Руси не упрочилось, а чтобъ Польша стала защитницею не Славянства, а римскихъ интересовъ, бичемъ славянскихъ „еретиковъ и схизматиковъ". Скарга и его товарищи — вотъ главные виновники тѣхъ дикихъ споровъ и войнъ между славянскими „папистами", „схизматиками", „еретиками", тѣхъ войнъ, отъ которыхъ столь страшно пострадали интересы Славянства отъ Кракова до Кіева, Праги, Будина, Загреба и Бѣлграда. Польскіе Скарги, на равнѣ съ австрійскими Ламормейнами, изрядно поработали—ad majorem sui Dei et Germaniae gloriam. А между тѣмъ, какъ продолжалось это ужасное зрѣлище, Нѣмцы „написты" и „еретики" двигались все больше на славянскій востокъ, и ловили рыбу въ мутной славянской водѣ. Предстоящую гибель Польши предвидѣлъ тоже самъ польскій король Іоаннъ Казиміръ, когда онъ, на

---

[1]) Skargi Kazania (Kraków 1600, p. 290). См. Пыпина и Спасовича Ист. слав. литер. стр. 513.

сеймѣ 1661-го г., настаивалъ на избранія преемника еще при своей жизни; онъ высказалъ опасеніе, что Русь и Москва возьмутъ земли своего языка и великое княжество литовское, Бранденбургъ—Великую Польшу и можетъ быть и Пруссію, Австрія—Краковъ [1]).

Славянская политика Польши потерпѣла полную неудачу. Она, къ сожалѣнію, нерѣдко стремилась, сознательно и безсознательно, къ цѣли, которая отнюдь не соотвѣтствовала ожидаемой многими Славянами исторической роли Польши въ Славянствѣ. Вмѣсто того, чтобъ стать защитницею славянскихъ интересовъ на западѣ и на югѣ - на востокѣ усиливался другой защитникъ Славянства—, Польша, какъ государство, часто видѣла въ остальныхъ Славянахъ не соплеменниковъ, нуждавшихся въ ея помощи, а смотрѣла на нихъ съ точки зрѣнія римско-католическихъ интересовъ, съ точки зрѣнія римскаго папы и императора, что конечно не было тождественно съ интересами Польши и Славянства. По этому Польша, какъ ни страннымъ это можетъ показаться, нерѣдко какъ бы стремилась къ тому, чтобъ поддержать „добрыхъ Нѣмцевъ“, и ихъ господство надъ Славянами (какъ на пр. въ 1526, 1620 и 1683 гг.), и въ концѣ концовъ—travailler pour le roi de Prusse. Въ Польшѣ не было великихъ государственныхъ людей, которые—по примѣру французскихъ Ришелье — ставили бы интересы своего народа и государства и Славянства выше всѣхъ остальныхъ; а въ концѣ XVII вѣка сошли въ могилу и послѣдніе польскіе полководцы. Съ Іоанномъ

---

[1]) Utinam sim falsus vates! Ale to pewna, że bez takiéj elekcyi przyjdzie Rzecz pospolita in direptionem gentium. Moskal i Ruś przy swego języka krajach opowiedzą się, i wielkie księstwo litewskie distinebunt. Brandeburczykowi patebit po granice Wielka Polska, i o Prusy z Szwedami albo się zgodzi, albo na swojem theatrum digladiabitur. Dom rakuski choćby miał najświętsze intencye, przy takiéj szarpaninie od Krakowa sobie non deerit. Bo każdy będzie wolał mieć część Polski armis quaesitam, niż całą dawnemi wolnościami contra principes tutam. (Mówca polski, Kalisz 1676, II. Wybór mów staropolskich, zebrał Ant. Małecki, Kraków 1860).

Собескимъ и съ его храбрыми сподвижниками уложилась въ могилу и воинственная Польша. Во время своихъ напудренныхъ королей изъ нѣмецко-саксонской крови Поляки—по словамъ народной пословицы — только кутили (za króla Sasa jedli, pili i popuszczali pasa), тягались и бились между собою, и разстраивали государство, утѣшаясь все тѣмъ, что вѣдь Польша держится анархіею. Но Польша не стояла, а падала все глубже. Вмѣсто Польши, не понявшей своей славянской задачи и не могшей ее осуществить, выступаетъ другое славянское государство, царство русское.

Польша XVIII вѣка, погрязнувъ въ бездѣйствіи и апатіи, ни чѣмъ не участвовала въ важныхъ перемѣнахъ состоявшихся тогда въ средней и юговосточной Европѣ. Она не воспользовалась войнами Нѣмцевъ съ Нѣмцами, чтобъ помочь раздавить усиливающуюся Пруссію, возвратить себѣ прусское княжество, и вообще, по мѣрѣ своихъ силъ, способствовать „сокращенію силъ“ Пруссіи, какъ выражались тогда русскіе государственные люди. Польша спокойно смотрѣла, какъ Прусаки похитили Силезію, и должна была тоже смотрѣть на то, какъ тѣ же Прусаки похитили потомъ польское Поморье, Великую Польшу, Мазовію. Польшу могло спасти отъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“ одно героическое средство: полное, безусловное соединеніе, да сліяніе съ соплеменною Россіею, прикрытіе польской королевской короны русскою императорскою шапкою Мономаха. Такъ думалъ самъ король Станиславъ Августъ, такъ думали многіе Поляки, политики, депутаты, публицисты, поэты и др. [1]). Но и здѣсь

---

[1]) См. Костомарова: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, стр. 157. Тогда написалъ знаменитый въ послѣдствіи Станиславъ Сташицъ слѣдующія замѣчательныя слова о Пруссіи: Polacy! Nikt z sąsiadów, tylko dom brandenburski z potrzeby na waszą zgubę czatuje. Jest to od was założone i od was wychowane straszydło, które ma wielką głowę. Jego ciało w pomiarze do niéj rozrastać się usiłuje. Ze wszech innych stron ma przeszkody mocne, sama tylko Polska wolne mu miejsce zostawia. Więc to straszydło pilnie czuwać będzie na tę okoliczność, w któréj mu się rozciągnąć do Polski łatwo przyjdzie. (Uwa-

Польша не пошла дальше однихъ словъ; вмѣсто того, чтобъ заключить съ Россіею тѣснѣйшій союзъ, поддерживать съ оружіемъ въ рукахъ ея восточную и западную политику, Польша только смотрѣла спокойно на побѣды Россіи надъ Турціею, за которыя, по наущенію Нѣмцевъ, должна была и поплатиться. Угрожавшая Полякамъ со стороны Нѣмцевъ опасность затронула тогда даже славянскую струну въ публичной жизни Польши. Король Станиславъ Августъ, который очень хорошо понималъ ужасное положеніе своего народа и видѣлъ его спасеніе только въ тѣсномъ сближеніи съ Россіею, всячески стремился къ соединенію этихъ двухъ народовъ „безъ того уже близкихъ между собою по языку и происхожденію"; Малаховскій, Хребтовичъ, Феликсъ Потоцкій и др. понимали всю пользу соединенія обоихъ славянскихъ народовъ, и Потоцкій умолялъ короля держаться Россіи ради обезпеченія своего народа отъ нѣмецкихъ державъ— końcem zabezpieczenia narodu swego od niemieckich potencyj. Славянская идея нашла себѣ тогда мѣсто и въ польской поэзіи въ стихахъ Трембецкаго, и въ тайныхъ обществахъ; въ обществѣ Prawdziwa masonerya Rzeczypospolitéj (1782) является первая степень „вольный Славянинъ." Съ другой стороны и Россія заявляла готовность поддержать соединенную съ нею Польшу.

Между тѣмъ Поляки въ концѣ концовъ, чтобъ спасти не свой народъ, а свое господство въ земляхъ литовско-русскихъ, обратились противъ Россіи и бросились въ объятія потомковъ бранденбургскихъ маркграфовъ и курфюрстовъ и прусскихъ крестоносцевъ, той Пруссіи, которую такъ вѣрно характеризовалъ тогда Сташицъ, и которая могла принести Полякамъ, конечно, только смерть. Поляки конца XVIII вѣка, предавшіеся Нѣмцамъ,

---

gi nad życiem Jana Zamojskiego 1785, p. 110). Сташицъ однако тогда еще не высказался, что для спасенія Польши отъ этого straszydła (пугала) необходимо самое тѣсное соединеніе съ славянскою Русью; онъ проповѣдывалъ панславизмъ, славянскій союзъ подъ предводительствомъ Россіи, только тридцать лѣтъ спустя, послѣ паденія Наполеона. Срав. статью В. Ламанскаго: Жиды и Нѣмцы въ Польшѣ (Русскій Вѣстникъ 1879. Ш).

чтобъ выступить противъ единственнаго своего возможнаго щита, противъ славянской Россіи, сыграли печальную роль своихъ братьевъ Лютичей, которые въ началѣ XI-аго вѣка помогали Нѣмцамъ противъ соплеменнаго польскаго князя Болеслава, и такимъ образомъ копали себѣ собственными руками могилу.

Послѣ такого шага всѣ нарекапія разочарованныхъ Поляковъ были уже неумѣстны, тщетны. Правъ былъ депутатъ Краснодэмбскій, когда онъ на городенскомъ сеймѣ (1793) сказалъ: „Москва, какъ происходящая изъ одного съ нами славянскаго народа и мало отличающаяся отъ насъ по правамъ, образу мыслей, и обычаямъ, можетъ когда-нибудь сойтись съ нами на пользу обоихъ народовъ. Но съ Прусакомъ мы никогда такъ не соединимся, по пословицѣ нашихъ прадѣдовъ: Пока стоитъ свѣтъ, Нѣмецъ Поляку не братъ!“ [1]) Это такъ, но во смыслѣ этихъ словъ надо было дѣйствовать раньше, до городенскаго сейма. Вспомнили тогда и о пророчествѣ Скарги о предстоящей гибели Польши и о разсѣяніи ея сыновъ по всему міру; неизвѣстный публицистъ плачетъ надъ погибающею матерью Польшею, и надъ ея выродившимися сынами: Поляки, эта зѣница ока славянскихъ народовъ, любившіе нѣкогда добрую славу, называвшіеся Богуславами, Владиславами, Стрежиславами, Станиславами, Вячеславами, нынѣ, называлсь чужими именами, Карлами, сдѣлались карликами, измельчали, и гордятся уже не своими заслугами, а подвигами отцовъ, считаютъ себя людьми достойными и великими [2]).

Поправить дѣла Польши въ благопріятномъ для Славянства смыслѣ было уже поздно. Грозное предсказаніе погибающаго отъ Нѣмцевъ чешскаго короля сбылось вполнѣ. „Ненасытная пасть Нѣмцевъ“ раскрылась на западное Славянство въ третій разъ, и проглотила—послѣ Сербовъ, Ободричей, Лютичей, Поморянъ, Чеховъ—ближайшихъ соплеменниковъ Поморянъ и Лютичей, Поляковъ. Почтенный чешскій патріотъ, про-

---

[1]) Zbiór mów sejmu r. 1793 w Grodnie (Warszawa II, 474).

[2]) Lament utrapionéj matki korony polskiéj już już konającéj na syny wyrodne (ok. 1793—1794 гг.).

стой мѣщанинъ пражскій, Іоаннъ Руликъ, отмѣчая въ своемъ историческомъ календарѣ паденіе Польши, „нѣкогда славнаго и великаго королевства славянскаго народа", жалѣетъ о его исчезновеніи и растерзаніи: это произошло отъ несчастнаго несогласія и междоусобицъ, которыя приносятъ народамъ всякое зло и даже смерть [1]).

2. *Историческая литература. Польскіе лѣтописцы, историки, географы. Длугошъ, Мѣховскій, Ваповскій, Бѣльскій, Кромеръ, Кохановскій, Стрыйковскій, Сарницкій, Папроцкій, Гвагнинъ, Пасторій, Ленгнихъ, Клечевскій, Нарушевичъ и др.*

Ни одинъ славянскій народъ не имѣлъ столько случаевъ, познакомиться со всѣмъ Славянствомъ, побывать между разными славянскими народами, сколько Поляки. Они бывали на Лабѣ и Салѣ между Сербами, въ балтійскомъ поморьѣ между Лютичами и Поморянами, на Волтавѣ и Моравѣ между Чехами и Моравянами, на Дунаѣ между Словаками, а дальше на югѣ между Хорватами, Сербами и Болгарами; на востокѣ они постоянно сносились съ Русью подъ Галичемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ и Москвою. Со всѣми этими народами Поляки больше или меньше сносились и сталкивались. Исторія Польши, стало быть, тѣсно связана также съ судьбами всѣхъ этихъ сосѣднихъ народовъ и государствъ, преимущественно славянскихъ. Объемъ польской исторіи расширяется все больше, вмѣстѣ съ расширеніемъ Польши на востокъ въ русскія

---

[1]) Kalendář historický (1797, I). Князь Александръ Сапега въ своемъ сочиненіи Podróże w krajach sławiańskich (Warszawa 1811) говоритъ о какой-то прокламаціи временъ Косцюшка, изданной къ славянскимъ народамъ. „Wiedziałem, że w momencie skończenia tego cieniu życia, które nam powstanie Kościuszki nadało, odezwę zrobiono do narodów sławiańskich, oznajmując im, że sławne jedno z ich pokoleń pada ofiarą obcéj przemocy. Chciałem zobaczyć, czy to zrobiło na nich jakie wrażenie." Было бы любопытно узнать, издана-ли дѣйствительно такая польская прокламація къ Славянамъ; мы ничего подобнаго найти не могли.

земли и съ усиленіемъ ея вліянія на всѣ смежныя государства. И дѣйствительно, ни у одного другого славянскаго народа не находимъ, въ его исторіографіи, столько извѣстій о другихъ славянскихъ народахъ, сколько въ исторической литературѣ польской: въ ней, начиная съ первыхъ лѣтописцевъ до Длугоша, Мѣховскаго, Ваповскаго, Кромера, Бѣльскаго, Папроцкаго, Сарницкаго, Стрыйковскаго, Пясецкаго и др., заключается множество извѣстій по исторіи чешской, русской, угорской и югославянской. Эти извѣстія они черпали отъ части изъ устныхъ разсказовъ очевидцевъ побывавшихъ въ тѣхъ земляхъ, отъ части изъ разныхъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ народовъ; для этой цѣли они часто изучали другіе славянскіе языки, особенно чешскій и русскій.

Эту связь исторіи Польши съ судьбами сосѣднихъ народовъ, особенно славянскихъ, сознаютъ многіе польскіе историки, и часто сами высказываютъ мысль, что описывая судьбы своего собственнаго народа, не смѣютъ упускать изъ виду тоже исторіи остальныхъ Славянъ. „Если я описалъ исторію не только Поляковъ", говоритъ польскій историкъ *Длугошъ*, „но тоже Чеховъ, Угровъ, Русскихъ, Прусовъ, Саксовъ, Литовцевъ и римскихъ папъ и императоровъ, то я такъ сдѣлалъ умышленно, такъ какъ тѣ народы часто сносились и сталкивались съ Поляками, по поводу сходства языка или сосѣдства и близости, такъ что часто управлялись однимъ государемъ. По этому и я, имѣя уже сѣдую голову, сталъ учиться русскому письму, чтобъ наша исторія была болѣе вѣрною". Первый же издатель исторіи Длугоша, Гербуртъ изъ Фульштына, называетъ его не безъ основанія „начальникомъ славянской исторіи": Длугошъ собралъ въ своей польской исторіи, которая до извѣстной степени представляетъ опытъ всеславянской исторіи, столько извѣстій также объ исторіи остальныхъ славянскихъ народовъ, Чеховъ, Русскихъ и отъ части и южныхъ Славянъ, какъ ни одинъ другой лѣтописецъ или историкъ до него [1]).

---

[1]) Historia Polonica (a. 1480, посвященіе Збыгнѣву Олешницкому). Гербуртъ посвятилъ свое изданіе Длугоша (въ г. Добромилѣ

Преемники Длугоша, Мѣховскій и Сарницкій, еще яснѣе указывают на необходимость связать польскую исторію съ славянскою исторіею вообще. *Матвѣй изъ Мѣхова*, авторъ первой обширной печатной исторіи польской (Chronica Polonorum, 1519 и 1521), издалъ ее, между прочимъ, и потому, чтобъ послѣ него кто-нибудь описалъ для потомковъ „весь родъ и земли Славянъ, чтобъ остатки Славянъ не портились проклятыми заблужденіями. Кто же не знаетъ, что Панонія, прародина Славянъ, раззорена и занята скиескими Гунами (т. е. Уграми), которые ее держатъ и донынѣ? Кто же не видитъ, что Сербы, Босняки и Болгаре преданы греческому вѣроисповѣданію и подвластны магометанскимъ Туркамъ? Кто же не видитъ, что Далматинцы, Хорваты и Краньцы Турками и другими иноплеменниками разграблены и почти совсѣмъ раззорены? Кто же не знаетъ, что Чехи осрамлены и запятнаны разными ересями? Кто же не знаетъ, что Русскіе и Москвитяне, живущіе въ обширныхъ странахъ сѣверныхъ, греческаго вѣроисповѣданія отщепились отъ святой церкви, схизматики, и что ихъ ежегодно Татары и Турки мучатъ, полонятъ и продаютъ въ рабство? Кто же не читалъ, что князья Славянъ, называемыхъ Ляхами или Виндами и поселенныхъ по морю балтійскому, покорены римскими императорами, что на ихъ мѣсто вводились Нѣмцы, и что отъ Славянъ почти ничего не осталось кромѣ очень незначительныхъ остатковъ по деревнямъ, которые живутъ въ своей первобытной родинѣ посреди Нѣмцевъ, особенно около Любека и Розтокъ. Одна только Польша остается вѣрною римской церкви [1]).“ Если Матвѣй Мѣховскій желаетъ какой-то всеславянской исторіи, то Станиславъ *Сарницкій* (Annales de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum, 1587) порицаетъ небрежность поль-

---

1615) венеціанскому дожу и сенату: Principem historiae slavicae Dlugossum vobis Veneti, adferro. Et quod ejusdem inclytae gentis et generis estis. Nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timavum illyricum amnem nostro slavico sanguini permixti, unam ex duabus gentibus fecere.

[1]) Одновременно съ хроникою Мѣховскаго появилась въ печати и Wandalia Кранца (см. выше стр. 15).

скихъ историковъ, которые начинаютъ свой разсказъ съ Лѣха, „будто передъ этимъ не было народовъ славянскаго языка, распространеннаго отъ моря Чернаго къ западному (балтійскому), отъ адріатическаго до Ледовитаго, и будто они только восемь столѣтій тому назадъ вылупились изъ яйца и вышли на свѣтъ. По этому нельзя отрицать, что у насъ исторія была до сихъ поръ безголова и несовершенна.“ Сарницкій же старается восполнить этотъ недостатокъ и положить болѣе вѣрное-де основаніе для польской исторіи, и начинаетъ разсказывать о славянской исторіи уже со временъ потомковъ Ноя Мосоха и Асармота.

Такой болѣе или менѣе общеславянскій характеръ имѣетъ вообще вся польская исторіографія, и о Славянахъ много говорится въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, и въ историческихъ трудахъ Длугоша, Мѣховскаго, Бѣльскаго, Кромера, Стрыйковскаго, Сарницкаго, Папроцкаго и др. Въ первыхъ польскихъ лѣтописяхъ сохранились нѣкоторыя преданія изъ древнѣйшей славянской исторіи; такъ на пр. преданіе о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ подунайскихъ странахъ, о первоначальномъ народномъ единствѣ всѣхъ Ляховъ по балтійскому морю, Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ, и др. Первый польскій лѣтописецъ, *Мартынъ* съ прозвищемъ Gallus (1110 — 1135), хорошо знаетъ, что Поляки говорятъ по-славянски, что Польша — сѣверная часть славянской земли, окруженная Русью, Угріею, Моравіею, Чехіею, Даніею и Саксоніею; съ другой стороны славянская земля тянется отъ Ѳракіи черезъ Угрію и Хорутанію до Баваріи, и отъ Эпира по морю черезъ Далмацію, Хорватію и Истрію до границъ Италіи къ Аквилегіи и Венеціи. Въ этой славянской землѣ, въ землѣ Славянъ, замѣчаетъ краковскій епископъ *Матвѣй* (1150 г.), находится много славянскихъ странъ, Польша, Чехія и Русь, другой міръ, гдѣ живетъ огромный русскій народъ равняющійся въ безчисленномъ множествѣ звѣздамъ [1]). Лѣтописецъ *Викентій* такъ назыв. *Кадлубекъ* (ок. 1206 г.) припуталъ

---

[1]) Ruthenia, quae quasi est alter orbis, gens ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata, Polonia, Boemia, vel communi appellatione Slavonia, quae plures provincias continet.

къ своему разсказу о польской исторіи разныя заплаты латинской учености о римской исторіи, объ Александрѣ Великомъ и Юліѣ Цесарѣ и Галахъ, съ которыми воевали Поляки; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ себѣ древнюю Польшу какъ сильную славянскую державу (Slaviae monarchia), которая счастливо воевала съ разными сосѣдями. Связь Поляковъ съ южными Славянами отзывается въ разсказѣ о войнахъ Крака съ Галами въ Хорутаніи (Carinthia) и Болгаріи; связь Ляховъ балтійскихъ и повислянскихъ замѣтна въ разсказѣ о войнахъ Поляковъ-Ляховъ съ Датчанами, о названіи рѣки Вислы Вандалъ, которая называлась такъ по Вандѣ Краковнѣ и по которой названы и всѣ ея подданные Вандалами, и въ разсказѣ о присоединеніи къ Польшѣ Сербіи (Surbiensis provinciae). Викентій ввелъ въ польскую и вообще славянскую исторію тоже Александра Великаго, и разсказываетъ о его войнахъ съ Ляхами или Поляками, чѣмъ объясняется отъ части и возникновеніе грамоты Александра Великаго пожалованной Славянамъ [1]). Одинъ изъ позднѣйшихъ польскихъ книжниковъ переработавшій хронику Викентія, *Дзержва* (ок. 1300 г.), воспользовался и другими лѣтописными произведеніями среднихъ вѣковъ, сочиненіями Исидора Севильскаго, британскою хроникою Неннія, и внесъ въ свое сочиненіе жидовско-римскую генеалогію Славянъ и Поляковъ, которые происходятъ-де отъ Іафета, именно отъ его сына Іавана, котораго Поляки называютъ Иванъ; съ этимъ Иваномъ связаны „праотцы" Эней, Асканій, Аланъ, Негно и пр. Однимъ изъ четырехъ сыновей Негна былъ Вандалъ, по которому названа княжна Ванда, и рѣка Висла Вандаломъ и его народъ Вандалы, Вандалиты, нынѣ Поляки или Ляхи (Lechitae). Вандалъ жилъ во время патріарха Іосифа, сына Іакова; у него было много сыновей, которые своимъ потомствомъ наполнили больше чѣмъ четвертую часть Европы, Русь, Польшу, Поморье, Силезію, Кашубію, Сербію называемую нынѣ Саксоніею, Чехію, Моравію, Штирію, Хорутанію, Славонію, называемую нынѣ Далмаціею, Хорватію, Панонію называемую нынѣ Угріею, Болгарію и другія.

---

[1]) См. выше стр. 33.

Всѣ эти учености превзошли великопольскіе лѣтописцы *Богухвалъ* и *Башко* или *Башекъ* (1250—1300), и ихъ пополнители XIV вѣка: у нихъ, кромѣ польскихъ лѣтописей, были подъ руками вѣроятно и нѣкоторыя лѣтописи другихъ Славянъ, именно чешская и, можетъ быть, тоже нѣкоторыя смутныя свѣдѣнія изъ русской лѣтописи. Славяне-де говорятъ на многихъ разныхъ языкахъ, понимая другъ друга, хотя они, кажется, въ нѣкоторыхъ словахъ и въ произношеніи немножко отличаются; они происходятъ отъ одного отца Слава, имя котораго они употребляютъ до сихъ поръ, на пр. Томиславъ, Яниславъ, Станиславъ, Вячеславъ. Кромѣ этого Слава праотцами Славянъ и Нѣмцевъ были-де внуки Іафета, Янъ и Русъ. По древнѣйшимъ извѣстіямъ первобытная родина всѣхъ славянскихъ народовъ—Панонія [1]). Это названіе-де славянское, и происходитъ отъ слова *панъ*, который въ разныхъ славянскихъ языкахъ называется тоже gospodzin, xandz (т. е. ksiądz, князь). Панъ былъ основателемъ государства Панповъ происходящихъ отъ Яна внука Іафета, и его три сына, *Лѣхъ*, *Русъ* и *Чехъ*—основатели государствъ Ляховъ, Русовъ и Чеховъ, которыя Ляхи, Чехи и Русскіе держатъ до сихъ поръ и всегда по волѣ божіей держать будутъ. Потомъ основаны и другія государства славянскаго народа, Булгарія названная по рѣкѣ Булгѣ—Волгѣ; Рація (т. е. Сербія) по слову рацъ (рать)-войско; Далмація, названная потому, что королева Панопіи Сава временъ Соломона (по которой названа рѣка Сава), дала своему сыну приморскую часть своей державы: дала мать; Хорутане (Corin-

---

[1]) Scribitur in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium slavonicarum nationum. „Панонія"—это вообще Угрія, подунайскія земли. W Panoniej to jest w słowieńskiéj ziemi, пишетъ еще въ XVI в. авторъ книги Powieść o założeniu klasztora na Łysėj górze. Тѣ vetustissimi codices—вѣроятно русская лѣтопись, съ которою согласенъ разсказъ польскаго лѣтописца о выселеніи Славянъ изъ подунайскихъ странъ. Въ началѣ XIII в. у Ярослава, каноника плоцкаго, находилась какая-то русская хроника. (Wiszniewski: Historya liter. pol. II. 108).—„Славъ" не хуже „Свева (Свеба)" и „Вандала", праотцевъ Свевовъ и Вандаловъ (у Тацита).

thani—корыто). О сѣверныхъ балтійскихъ ляшско-славянскихъ странахъ польскіе лѣтописцы XIII—XIV вв. имѣютъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій. Раны, Рана, назвались по своему боевому крику: рани!; Сербы, названные или по латинскому servi—слуги, покоренные Немродомъ (Славяниномъ, Nemroth—Nyemerza—non pax!), или по праотцу Сербу; Кашубы назвались по длинному и широкому платью, которое надо было подвязывать (huba in slavonico plica seu ruga vestium dicitur, unde Casshubii, id est plica rugas, interpretantur). Въ сѣверозападной Германіи живутъ Славяне Древняне, у Нѣмцевъ называемые Halczstae; они назвались по дремучимъ лѣсамъ или древамъ — Древняне, другіе —по рѣкѣ Травнѣ Травняне [1]). Въ этихъ полабско балтійскихъ странахъ по Лабѣ, Одрѣ, Пѣнѣ, Доленцѣ, Укрѣ, Рекницѣ, Варнѣ, Гаволѣ, Спрѣвѣ, Травнѣ и др., а также и въ Моравіи и у Словаковъ, княжили сыновья ляшскаго Лестька, Болеславъ, Казиміръ, Барнимъ, Прибыславъ, Вишиміръ, Собѣславъ и др., въ разныхъ городахъ, названныхъ по ихъ именамъ или иначе по-славянски; на пр. Вишиміръ (Висмаръ), Бреме (бремя), Луна (Люнебургъ, слав. луна—splendor lunae), Бардвикъ (викъ славянское-де слово [2]), Шлезвикъ (śledź — селедка!), Буковецъ — Любекъ, Ратиборъ, Звѣринъ (Swerin), Любовъ-Mykelborg (нѣм. Mykelborg, Magnopolis отъ славянскаго поле!), Иловъ, Розтоки, Званово, Островъ, Вологость, Волынь, Згорѣлецъ (Sgorzelcia—Brandeborg) и др. Во всѣ эти славянскія земли ворвались потомъ Нѣмцы [3]). Угры-де тоже Славяне, названные по рѣкѣ Укрѣ, на

---

[1]) Польскій лѣтописецъ смѣшалъ здѣсь землю Гользатовъ (Holsaten, Holstein) съ славянскими Древянами (нѣмецкое holz-слав. древо).

[2]) О (неславянскомъ) словѣ викъ срв. нашу книгу Германизація балтійскихъ Славянъ стр. 161.

[3]) Этотъ разсказъ великопольской лѣтописи о балтійскихъ Ляхахъ—Славянахъ перешелъ и въ позднѣйшія сочиненія по польской исторіи, Длугоша, Мѣховскаго, Кромера, Бѣльскаго, Стрыйковскаго, Сарницкаго и др. Длугошъ разсказываетъ объ этихъ владѣніяхъ

которой стоитъ городъ Премыславь; они уступили передъ вторгнувшимися изъ Скандинавіи въ ихъ область Готами въ свою прародину Панонію подъ царемъ Атилою; съ ними прибыло туда много славянскихъ народовъ, и всѣ они назвались уже не „Укряне" а Вандалы, а позже, смѣшавшись съ Гунами изъ Сициліи, назвались „Hungari" (ab Hunnis et Weranis). Вандалъ (Wandalus) — названіе рѣки Вислы, получившей его по Вандѣ Краковнѣ; по той рѣкѣ названы и Поляки-Ляхи и остальные славянскіе народы Вандалитами. Славяне и Нѣмцы (Theutonici, Germani) происходятъ отъ двухъ братьевъ (germani) Іафетовичей, Яна и Руса; оба народа, потомки Слава и Дуча, соединены какъ братья и сосѣди, какъ бы два вола однимъ „ярмомъ" (gerzmo—germani), и нѣтъ въ мірѣ такихъ народовъ, которые жили бы въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ, какъ Славяне и Нѣмцы — nec aliqua gens in mundo est sibi tam communis et familiaris, velut Slavi et Theutonici [1]).

Вотъ вкратцѣ мнѣнія польскихъ книжниковъ о происхожденіи Славянъ, распространенныя въ Польшѣ до XIV вѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній почерпнуты изъ народныхъ преданій, между прочимъ разсказъ польской лѣтописи о прибытіи Поля-

---

Лестьковичей и потому, quatenus Polonorum posteritas intelligat, quantum sit Polonorum regionibus per nationem almannicam detractum, cum omnes illas oras atque provincias Almanni sui juris fecerint, licet adhuc in villis et rure slavonicum genus et lingua vigeat. (ed. Cracov. I. 84).

[1]) Здѣсь польскій книжникъ уже слишкомъ увлекся своею удивительною ученостью, хватилъ черезъ край, и написалъ завѣдомо историческую ложь. Сношенія Нѣмцевъ и Славянъ западныхъ, въ томъ числѣ Поляковъ, свидѣтельствуютъ о совсѣмъ другомъ „ярмѣ", которое потомки „Дуча" налагали на потомковъ „Слава". Эти сношенія Нѣмцевъ и Поляковъ дали же поводъ къ польской пословицѣ: Póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem. См. тоже выше стр. 74. Всѣ эти польскія лѣтописи изданы въ Monumenta Poloniae historica I, II, о нихъ см. Zeissberg: Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters (1873, тоже по-польски 1877).

ковъ, Чеховъ и Русскихъ въ ихъ сѣверныя страны съ юга изъ подунайскихъ странъ, что согласуется съ разсказомъ русской и чешской лѣтописей. Другія мнѣнія взяты изъ разныхъ лѣтописей, славянскихъ и неславянскихъ, изъ библіи, изъ римскихъ авторовъ и пр., при чемъ всѣ эти книжныя премудрости пришивались къ польской исторіи безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Польскіе лѣтописцы знали тоже кое-что изъ исторіи и тогдашняго положенія другихъ славянскихъ народовъ, и наконецъ дали полную волю своей удивительной фантазіи. Вся эта историко-генеалогическая и филологическая путаница не имѣетъ, разумѣется, никакой научной цѣны; но она все таки любопытна какъ стремленіе польскихъ книжниковъ, разсуждать о славянскомъ мірѣ, частью котораго былъ и ихъ польскій народъ. Сказаніе о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, вышедшихъ-де изъ Панопіи на сѣверъ, внесено въ польскую хронику Богухвала и Башка позже, въ XIV в.; въ древнѣйшей рукописи этой хроники (рук. Годѣёвскаго), извѣстной еще въ XVIII в. Добнеру, по нынѣ неотысканной, нѣтъ этого сказанія; его нѣтъ и въ лѣтописи Дзержвы. Пополнители лѣтописи Богухвала и Башка внесли въ нее вѣроятно многія „этимологіи“ и разныхъ другихъ праотцевъ славянскихъ народовъ. Чеха, праотца Чеховъ и „лѣха“ (землянина, князя) въ хорватской землѣ сербскаго народа, откуда онъ вышелъ на сѣверъ, польскіе лѣтописцы могли знать изъ чешскаго Далимила (въ началѣ XIV в.) и Пулкавы (во второй половинѣ XIV в., который знаетъ уже брата Чеха, Лѣха, но еще не Руса); по такимъ образцамъ могъ возникнуть и Лѣхъ, тѣмъ болѣе, что польскіе лѣтописцы XIII—XIV вв., Викентій, Богухвалъ-Башко, Дзержва и др. любили называть свой народъ не только Poloni, но тоже по старинному слову Ляхи—Lechitae (a Lech Lechitae) [1]. Первоначальнаго Руса

---

[1]) О князьяхъ „Лешкахъ, Лѣшкахъ“ (Лешекъ, Лѣшекъ, какъ бы уменьшительное отъ Лѣхъ) въ Польшѣ до XVI в. никто ничего не знаетъ; въ польскихъ и русскихъ лѣтописяхъ, въ грамотахъ, всѣ тѣ мнимые „Лешки“ называются Lestko, Лестько, и поль-

нашли польскіе лѣтописцы (Богухвалъ-Башко или ихъ пополнители), какъ полагали, въ числѣ разныхъ Іафетовичей въ книгѣ Исидора Севильскаго: Славяне и Нѣмцы происходятъ-де отъ двухъ братьевъ, внуковъ Іафета Яна и Руса [1]). Такимъ образомъ въ великопольской лѣтописи является этотъ „Русъ", внукъ Іафета, рядомъ съ „Русомъ" Пановичемъ, братомъ Чеха и Лѣха; по всей вѣроятности послѣдній Русъ возникъ позже, уже по примѣру перваго. Руса, внука или брата Лѣха и Чеха, заселившаго

скій лѣтописецъ Викентій прямо указываетъ на связь этого имени съ *лесть* — dictus est Lestco id est astutus (Monum. Polon. histor. II. 262). Lestko пишутъ Длугошъ, Мѣховскій и Хвальчевскій, Кромеръ, Стрыйковскій (Lesko); М. Бѣльскій пишетъ въ своей хроникѣ свѣта Lestko и Leszko, а въ польской хроникѣ, изданной его сыномъ Іоахимомъ, уже Leszek. Подобно тому и имя Mieczysław новаго происхожденія (у Длугоша); старые лѣтописцы польскіе, чешскіе, русскіе и др. пишутъ Мѣшко (Mesco, Miseco, Misaco, Mezka, Межька и пр.), и польскіе лѣтописцы сближаютъ это имя съ *мѣшать* (turbatio, confusio). О „Ляхахъ" см. нашу статью въ Archiv für slav. Philologie IV. 63, при чемъ исправляемъ прежнее свое мнѣніе о происхожденіи имени Лестько, Лестикъ, якобы отъ Лехъ. Замѣтимъ здѣсь, что древнепольское названіе Хорватіи — Karwaty, Karwaci; срв. Archiv f. slav. Philologie VII. 626.

[1]) Slavi et Theutonici a duobus germanis, Iaphet nepotibus, Jano et Russz, dicuntur habuise originem, prout Isidorus in primo libro Etymologiarum et Martinus in Cronica romana videntur declarasse. Въ хроникѣ Мартына (Martinus Polonus) нѣтъ ничего подобнаго; въ сочиненіи Исидора (Isidorus Hispalensis a. 570—636) Liber etymologiarum (въ книгѣ IX, а не I) говорится много о праотцахъ разныхъ народовъ, о Іафетовичахъ Гомерѣ, Магогѣ, *Іаванѣ*, Тубалѣ, Мосохѣ, Тирасѣ и др., о ихъ народахъ въ Азіи и въ Европѣ, Кападокахъ, Скиѳахъ, Сарматахъ, Гетахъ или Готахъ, Грекахъ и др., но *Русъ* не встрѣчается въ ихъ числѣ (Isidori Hispalensis Opera omnia, Parisiis 1602, p. 116 sqq.). Можетъ быть, что польскій лѣтописецъ читалъ нехорошо, и прочиталъ Russz вмѣсто Rifan (a quo Paphlagones) или Tyras (a quo Thraces) и пр.; можетъ быть, что зналъ тоже Ros изъ пророка Іезекіиля. Польскій лѣтописецъ не могъ, конечно, знать богатыря *Роса*, любимца боговъ, отъ котораго—по свидѣтельству Византійца Симеона X—XI в. (Stritter: Memoriae populorum II, 966)—производила себя Русь (*Рось*); срв. *Русичи* внуки Дажбога

съ своимъ народомъ огромную Русь, знаетъ еще Мѣховскій, но потомъ Русъ исчезаетъ, а остаются только два брата Чехъ и Лѣхъ. Чешскіе и польскіе лѣтописцы относятъ выселеніе Чеха, Лѣха и Руса на сѣверъ, къ отдаленнымъ временамъ послѣ вавилонскаго столпотворенія; еще Длугошъ и Мѣховскій называютъ ихъ сыновьями или внуками Іавана, сына или внука Іафета. Но позже въ XVI в., выселеніе ихъ изъ Хорватіи чешскіе лѣтописцы относили къ 278, 639 и 644 гг., а польскіе къ 550 г. послѣ Р. Х. О всѣхъ этихъ вопросахъ еще въ XVIII в. могъ происходить серіозный научный споръ, и Іорданъ могъ доказывать, что Чехъ вышелъ изъ Хорватіи точно въ 374-омъ году.

Сказочный элементъ древнихъ польскихъ лѣтописей, разныя сказанія о древнѣйшей исторіи Славянъ переходили въ историческія сочиненія польскія позднѣйшихъ временъ. Эти сказанія повторилъ Іоаннъ *Длугошъ* (1480) въ своей польской исторіи (Historia polonica), сочиненіи для своего времени замѣчательномъ, которая въ послѣдствіи служила основою для его преемниковъ, пріобрѣла авторитетъ и сохранила его себѣ до недавна. Длугошъ, воспользовавшись тоже лѣтописями русскими и чешскими (Пулкавы, Энея Сильвія), начинаетъ свой разсказъ съ любимыхъ тогда библейскихъ и другихъ разныхъ „праотцевъ“ изъ рода Іафета и приводитъ ихъ цѣлую вереницу (Іаванъ, Мосохъ, Аланъ, Негно, Вандалъ, Саксо и др.). Славянъ производитъ изъ сеннаарской равнины, откуда они вышли-де послѣ смѣшенія языковъ, и заняли Панонію, первобытную свою родину, потомъ и Болгарію, Сербію, Расцію, Боснію, Хорватію, Далмацію, Илирію, Хорутанію и другія земли по морямъ адріатическому, іоническому и эгейскому: всѣ эти прекрасныя и плодородныя земли достались счастливому народу славянскому, хотя потомъ часть ихъ отнята

въ Словѣ о полку Игоревѣ. Но этотъ Росъ не попалъ въ русскую лѣтопись, и тѣмъ менѣе могъ быть извѣстенъ польскимъ лѣтописцамъ. Сказанія о трехъ братьяхъ-праотцахъ трехъ славянскихъ народовъ распространилось потомъ и въ Хорватію, гдѣ изъ „Русъ“ сдѣлали „Мехъ.“ Срв. Maciejowski: Polska pod względem obyczajów i zwyczajów IV, 245, Nehring in Archiv für slav. Philologie III, 469.

у Славянъ Гунами (Уграми) и Турками. Изъ этихъ южныхъ странъ, отъ Исаръ въ Хорватіи и Славоніи, вышли сыновья Іана-Іавана, внука Іафета, братья Чехъ и Лехъ, и въ послѣдствіи ихъ братъ или внукъ Русъ на сѣверъ, и заняли всѣ земли отъ Лабы на востокъ на Русь. Польша, по словамъ Длугоша, сѣверная часть славянской земли, окруженная Русью, Литвою (ихъ племена отличаются какъ Поляки, Чехи и Русскіе), Угріею или Панноніею, Моравіею и Чехіею; дальше тянутся Ѳракія, Далмація, Истрія, Хорутанія и др. Балтійско-полабскихъ Славянъ поселившихся въ сѣверовосточной Германіи, Длугошъ называетъ тоже Поляками, и приводитъ тамъ, по Богухвалу и др., племена Древнянъ, Травнянъ, Поморянъ, Кашубянъ, Сербянъ (по вождю Сербу) и др.; всѣ они подпали подъ власть Нѣмцевъ, по кое-гдѣ по деревнямъ говорятъ еще на языкѣ славянскомъ, ляшскомъ или польскомъ, хотя онъ, въ слѣдствіе нѣмецкаго господства и смѣшенія съ Нѣмцами, испортился. Всѣ эти нѣкогда польскія страны отняли у Поляковъ Нѣмцы. Длугошъ зная русскую лѣтопись, разсказываетъ тоже о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, о Радимѣ и Вяткѣ (къ нимъ присоединяетъ и Дулѣбу), и отличаетъ старинную славянскую Русь отъ Варяговъ (Varasi, Varahi), изъ которыхъ Русскіе (Rutheni) взяли своихъ князей Рюриковичей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Длугошъ, упоминая о Русѣ, братѣ или внукѣ Лѣха и Чеха, основателѣ Руси отъ Кіева до Новгорода, замѣчаетъ, что о началѣ Руси есть разныя мнѣнія, которыя то начало скорѣе затемняютъ, чѣмъ объясняютъ. Польская исторія излагается Длугошемъ въ связи съ исторіею русскою, чешскою, угорскою и пр., и, какъ уже замѣчено, представляетъ до извѣстной степени родъ общеславянской исторіи, какъ и труды преемниковъ Длугоша. Трудъ Длугоша долго оставался въ рукописи; по немъ пользовались всѣ его преемники [1]).

---

[1]) Начало исторіи Длугоша издалъ Гербуртъ въ Добромилѣ только въ 1615 гг., цѣлую исторію Huyssen въ Липскѣ 1711, наконецъ Przezdziecki въ Краковѣ 1873—1878 (вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ).

Между тѣмъ, съ распространеніемъ гуманизма въ Польшѣ, польскіе ученые знакомились съ нѣкоторыми, до тѣхъ поръ неизвѣстными, греческими и римскими авторами, и ихъ итальянскими, нѣмецкими и др. толкователями. При посредствѣ этихъ новыхъ источниковъ и пособій по исторіи древняго міра, польскіе историки, равнымъ образомъ какъ и чешскіе, увидали въ древнихъ Германцахъ, Панонахъ, Дакахъ, Илирахъ и пр., уже не Славянъ, а другіе народы, а древнихъ Славянъ искали только въ Сарматіи, откуда они распространились на западъ и на югъ уже послѣ паденія западно-римской имперіи. Такое мнѣніе высказалъ уже въ половинѣ XV в. ученый архіепископъ львовскій, *Григорій изъ Санока* († 1479), который сопровождалъ короля Владислава III въ Угрію, дѣйствовалъ въ его пользу между Хорватами, участвовалъ въ его походахъ въ Сербіи и Болгаріи, былъ и подъ Варною, и познакомился такимъ образомъ и лично съ южными Славянами. Разсуждая о баснословныхъ разсказахъ Викентія Кадлубка о происхожденіи Поляковъ и насмѣхаясь надъ его заплатами изъ греческой и римской исторіи, Григорій Саноцкій производилъ Поляковъ отъ сѣверныхъ Венетовъ Сарматіи, которые черезъ Сарматію распространились къ Днѣстру и къ Вислѣ, и потомъ выселились черезъ Дакію въ Мизію, Илирію, Далмацію къ адріатическому морю; это мнѣніе поддерживаетъ тоже языкъ, который у всѣхъ жителей этого огромнаго пространства одинъ [1]). Это мнѣніе Григорія Саноцкаго повторили и развили потомъ Ваповскій и преимущественно Кромеръ.

Бернардъ *Ваповскій* (1450 - 1535) воспользовался нѣкоторыми историческими трудами своего времени (Блонда, Сабеллика, Кранца), и въ своей польской хроникѣ—на сколько она намъ извѣстна по польскому ея изложенію въ хроникѣ свѣта Мартына Бѣльскаго (1550) [2])—производитъ Славянъ изъ сѣверной,

---

[1]) Phil. Callimachi Vita Gregorii Sanocensis (Wiszniewski: Pomniki historyi i literatury polskiéj IV, 51—53, Historya liter. polskiéj IV, 10).

[2]) Первая часть хроники Ваповскаго утрачена; часть относящаяся къ 1480—1535 гг. (продолженіе исторіи Длугоша) издана

московской Руси, отъ озера „Словѣнаго“ (Słowionego) въ новгородской землѣ; ихъ праотецъ былъ-де Мосохъ или Москва, сынъ Іафета. Изъ этихъ сѣверныхъ странъ, между Днѣпромъ, Дономъ и Волгою, вышли, уже послѣ разрушенія западно-римской имперіи Готами, Вандалами и другими Нѣмцами, Роксоланы (Русскіе) или Славяне (Бѣльскій пишетъ: Słowacy, Słowanie) или Болгаре, народъ до тѣхъ поръ никому неизвѣстный, и перешли за Днѣпръ и дальше за Дунай въ южныя страны, въ Панонію, Мизію, Өракію, Либурнію, Илирію, Далмацію и въ другія земли между морями адріатическимъ и Чернымъ; эти земли назвались Угрія, Болгарія, Сербія, Боснія, Хорватія и Славонія („Słowacy“). Изъ славянской Илиріи вышли потомъ въ 550 г. Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ, и заняли нѣмецкія прежде земли на сѣверо-западѣ между Везеромъ, Лабою и Вислою. Мнѣніе Ваповскаго о древнѣйшей исторіи Славянъ принято нѣкоторыми его современниками; оно встрѣчается тоже въ сборникѣ разныхъ панегириковъ на побѣду короля Сигизмунда надъ Русскими подъ Оршею (1514 г.), изданномъ гнѣзенскимъ архіепископомъ Іоанномъ *Ласкимъ* [1]). Въ помѣщенномъ здѣсь письмѣ Ласкаго королю излагается происхожденіе Поляковъ; они, народъ славянскій, заняли-де прежнія земли Вандаловъ, тысячелѣтіе тому назадъ при императорѣ Юстиніанѣ. Они прибыли изъ Азіи отъ гиперборейскихъ горъ вмѣстѣ съ Чехами, Русскими, Болгарами, Хорватами, Сербами и Босняками, народами одного языка и одной крови и названными Славяне; изъ Сарматіи они завладѣли землями

въ Scriptores rerum polonicarum (Kraków 1874, II); часть съ 1380-го года издалъ, въ польскомъ переводѣ, Малиновскій (Вильна 1847—1848 3. т.). Хронику Ваповскаго знали Кромеръ и Стрыйковскій. Озеро Słowione Ваповскій могъ себѣ придумать на основаніи Словенскаго озера въ губ. минской (здѣсь и рѣки Словечна, Словешинка, срв. озеро Словино въ Поморьѣ), или Славна (Славно, Славенскій конецъ), части Новгорода, на ильменскомъ озерѣ; съ названіемъ этого озера связано Słowacy, Słowianie, какъ и Волгаре (Болгаре) съ Волгою.

[1]) Carmina de memorabili cede scismaticorum Moscoviorum per Sigismundum regem etc. apud aras Alexandri Magni (т. е. Орша) peracta (Romae 1515).

по Дунаю и за Дунаемъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ языкъ о народъ славянскій.

Но это мнѣніе Ваповскаго о происхожденіи Славянъ изъ Руси и о ихъ появленіи въ Европѣ только въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. не понравилось всѣмъ его современникамъ. Матвѣй изъ Мѣхова, въ своей польской хроникѣ (Chronica Polonorum 1519 и 1521), усердно защищалъ прежнее мнѣніе о происхожденіи Поляковъ съ юга, изъ Хорватіи и Далмаціи, опровергая мнѣніе о ихъ выходѣ съ Дона, изъ Роксоланіи или Руси. Славяне—потомки Іавана и Гелисы Іафетовичей, поселились, послѣ вавилонскаго столпотворенія, на югѣ около Грековъ; они автохтоны въ своихъ земляхъ, и съ древнѣйшихъ временъ живутъ въ южныхъ странахъ, въ Македоніи, Далмаціи, Албаніи, Истріи, Хорватіи и пр.; въ городахъ Македоніи, въ Филиппополѣ, Скопьѣ, Софіи, Дубровникѣ, во всѣхъ селеніяхъ до самой Өессаліи славянскій языкъ всегда былъ и есть въ употребленіи. Для этихъ адріатическихъ Славянъ св. Іеронимъ изобрѣлъ письмо „буквицу" и ввелъ у нихъ богослуженіе на ихъ языкѣ. Изъ южныхъ же Славянъ отъ города Псаръ вышли въ древнее время внуки Іавана поколѣнія Гелисы братья Чехъ и Лѣхъ и позже Русъ, и заняли всѣ земли на сѣверѣ и на востокѣ до тѣхъ поръ пустынныя; ихъ народы назвались Чехи, Лѣхи, Русы; Поляки назвались по рѣкѣ Вислѣ-Вандалу тоже Вандалы. Еслибъ всѣ эти южные и западные Славяне происходили отъ Русскихъ, то ихъ языкъ былъ бы на русскій языкъ болѣе похожъ, чѣмъ онъ на дѣлѣ есть. Чехи и Поляки, хотя они лежатъ ближе къ Русскимъ, отличаются отъ нихъ значительно языкомъ и обычаями, и меньше понимаютъ по-русски, чѣмъ по-далматинско-славянски, хотя они уже нѣсколько тысячелѣтій назадъ вышли изъ тѣхъ югославянскихъ земель. Языкъ Далматинцевъ, Сербовъ и ихъ сосѣдей не одинъ и тотъ же самый что русскій, и хотя Русскіе, Москвитяне и Болгаре отправляютъ богослуженіе на сербскомъ языкѣ, то все таки народъ его не понимаетъ, и онъ представляетъ много затрудненій и для ихъ духовенства, владыкъ и батьковъ (какъ Мѣховскій пишетъ и по-латыни). Мѣховскій зная однако, кромѣ своего руководителя Длугоша, и нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ и латинскихъ кла-

сиковъ и историковъ своего времени (на пр. Блонда), старается примирить ихъ показанія съ своими положеніями; по этому онъ считаетъ древнихъ Сарматовъ и Алановъ Русскими, Вандаловъ Поляками, Маркомановъ Моравянами, Свевовъ Славянами Германіи, и пр. [1]).

Любопытныя извѣстія о единствѣ Славянъ сообщаетъ Мартынъ *Бѣльскій* въ своей хроникѣ всего свѣта (1550), которую онъ—не въ примѣръ своимъ предшественникамъ и современникамъ—написалъ на польскомъ языкѣ. Бѣльскій въ введеніи къ помѣщенной въ его книгѣ хроникѣ Ваповскаго, разсуждаетъ о разныхъ названіяхъ Славянъ въ древнее время, и говоритъ, что они на вѣрное и тогда жили въ единствѣ. „И нынѣ разбросанные въ мірѣ, всѣ они имѣютъ одну рѣчь, хотя иные, живя между иноплеменниками, употребляютъ свою рѣчь немножко измѣненную. Думаю, что между нами нѣтъ такого дурака, который считалъ бы рѣчь русскую, московскую, сербскую, чешскую другою, чѣмъ нашу польскую; она одна, и послѣ общаго раздѣленія недавно измѣнились въ ней кое-гдѣ слова. Я видѣлъ нынѣ польскую библію древняго письма, которая по большей половинѣ состоитъ изъ сербскихъ словъ; а эта Сербія лежитъ около Болгаріи, и Босніи, въ которыхъ деспотъ господствовалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ Турками истребленъ. Еще и нынѣ люди употребляютъ много славянскихъ словъ (Бѣльскій подразумѣваетъ церковный славянскій языкъ): *господе*, по-славянски *господине* т. е. *пане*; также говоримъ мы на славянскій ладъ *иже прави*; дѣти называютъ отца по-славянски *тата*. Естественно, что мы перестаемъ употреблять одни славянскія слова, а за другія хватаемся; одни только Русскіе и Чехи мало или

---

[1]) Срв. тоже Мѣховскаго Tractatus de duabus Sarmatiis (1517 и 1521). Хронику Мѣховскаго перевелъ на польскій языкъ Станиславъ Хвальчевскій ок. 1540 г.; сохранившаяся часть издана въ Варшавѣ 1829 г. Мысли Мѣховскаго повторилъ и пополнилъ его современникъ Decius (De vetustatibus Polonorum, 1521), Нѣмецъ поселившійся въ Польшѣ; онъ воспользовался именно нѣкоторыми древними и новыми авторами, и разсказываетъ о Сарматахъ, Готахъ, Вандалахъ и пр.

совсѣмъ не измѣнили рѣчи въ нашемъ языкѣ" [1]). Бѣльскій приводитъ жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ, и продолжаетъ: „Также и нынѣ въ этихъ странахъ находится повсюду славянскій языкъ, начиная отъ Ледовитаго моря, которое лежитъ далеко за Москвою, до венетскаго моря, которое называемъ адріатическимъ; между ними находятся эти народы нашего языка. Во-первыхъ Москва, потомъ Русскіе (Русаки), Поляки названные по полямъ, Болгаре, Босняки или Сербы или Русаки (Бѣльскій здѣсь смѣшалъ Русь съ Расція, „Rusacy" съ „Racy"), это все одно; Далматинцы, Иллиры, Хорваты, Штыры, Бургунды (!), Истры, которые говорятъ по деревнямъ по-славянски, а въ городахъ по-итальянски и по-славянски. Хотя изъ нихъ многіе приняли чужой нравъ, какъ Болгаре, Босняки, Рацы, Хорваты — турецкій, Бургунды, Поморяне, Слензаки—нѣмецкій, Истры и Далматинцы—итальянскій; но всѣ они употребляютъ свой природный языкъ, живя между чужимъ народомъ." Кромѣ польской хроники Ваповскаго, Бѣльскій помѣстилъ въ своей книгѣ и краткую чешскую хронику, для которой онъ почерпнулъ свои данныя изъ чешскихъ хроникъ, именно изъ хроники Гайка. Бѣльскій, конечно, не замѣчаетъ разногласій своихъ источниковъ, и говоритъ о жалованной грамотѣ Александра Славянамъ, хотя они—по Ваповскому—явились въ Европѣ только въ VI в. послѣ Р. Х., о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи въ 550 г. (по Ваповскому) и въ 644 г. (по Гайку), и пр. [2]).

---

[1]) Jeszcze i dziś ludzie wiele słowieńskich słow mowią: *gosponie* po słowieńsku *hospodinie* to jest *panie*; też to nam w rzeczach przychodzi mowić s słowieńska *iże prawi* to jest *mowi*, dzieci zową po słowieńsku ojca *tata*; iż przyrodzona rzecz jednych słow przestawamy mowić słowieńskich a drugich się chwytamy; tylko sami Rusacy i Czechowie mało albo nic odmienili rzeczy w naszym języku. Древнепольская библія съ множествомъ „сербскихъ" словъ существовала, конечно, только въ воображеніи Бѣльскаго.

[2]) Kronika wszytkiego świata (1. изд. 1550 г., 2. изд. 1554 г.); 3. изд. 1564 г. передѣлано по Кромеру, и здѣсь прибавлена статья „о народѣ московскомъ или русскомъ" по Герберштейну. Книга М. Бѣльскаго переведена по-русски уже въ 1584 г. и позже; его раз-

Подробно говоритъ о происхожденіи Славянъ *Мартынъ Кромеръ* въ своей польской исторіи: De origine et rebus gestis Polonorum (1555 и чаще, въ польскомъ переводѣ М. Блажовскаго 1611). Кромеръ вооруженъ всею ученостью своего времени, и знаетъ древнихъ авторовъ греческихъ и римскихъ (Страбона, Плинія, Тацита, Птолемея, Аппіана), византійскихъ и другихъ (Прокопія, Іордана, Павла діакона, Эгингарда, Видукинда, Гельмольда, Саксона), и новую европейскую исторіографію неславянскую (Бероса, Блонда, Сабеллика, Кранца, Герберштейна), и славянскую (своихъ польскихъ, чешскихъ—Энея, Гайка, Дубравскаго). Названіе Славянъ (Slavi seu Slavini, въ польскомъ переводѣ Słowacy, Słowianie abo Sławinowie) — новое, встрѣчающееся только въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., когда они стали извѣстны западной Европѣ и Византійцамъ. Съ тѣхъ поръ Славянами называются всѣ тѣ народы, которые живутъ въ Далмаціи, Иллирикѣ и подъ горами Бещадами въ Угріи, а тоже другіе, Болгаре, Сербы, Рацы, Босняки, Хорваты, Хорутане, Русь, Москва, Поляки, Чехи, Лужичане, Кашубы, Славяне-Венды въ Германіи и др. Кромеръ касается разныхъ до тѣхъ поръ распространенныхъ мнѣній о происхожденіи Славянъ, баснословнаго производства отъ Іафетовичей, отъ „Славянъ" автохтоновъ Иллирика и Далмаціи, отъ Вандаловъ восточной Германіи, но не одобряетъ ни одного изъ этихъ мнѣній. Древніе Иллиры не были Славяне, и ихъ языкъ, на сколько онъ извѣстенъ по географическимъ названіямъ, не напоминаетъ ни въ чемъ славянскаго; и по положительнымъ извѣстіямъ Славяне являются въ Иллирикѣ и Далмаціи не раньше VI вѣка, прибывши туда какъ завоеватели изъ странъ на сѣверъ отъ Дуная. По этому и такъ назыв. грамота Александра Великаго пожалованная будто бы Славянамъ, сказка и подлогъ; по этому и мнѣніе о переводѣ библіи на далматинско-славянскій языкъ св. Іеронимомъ не доказано. Древніе Вандалы были Нѣмцы, соплеменники Готовъ, а не Славяне, и ихъ названіе происходитъ не отъ Ванды, не отъ

сказы о Славянахъ перешли тоже въ хронографы русскіе и сербскіе, о чемъ срв. ниже.

wen daléj и пр.; Славяне заняли полабско-балтійскія страны только позже послѣ оставленія ихъ Вандалами. Славяне жили первоначально въ Сарматіи между Вислою, Волгою, моремъ венедскимъ и Чернымъ и Карпатами. Въ Сарматіи жили и живутъ изъ давна и Роксоланы, Роксаны, Росы, нынѣшніе Русь и Москва [1]). Болгаре, которые потомъ выселились отъ рѣки Волги на югъ къ Черному морю и за Дунай; Сербы (у Плинія), выселившіеся потомъ на югъ, въ сосѣдствѣ Рацовъ, Хорватовъ, и на западъ къ рѣкѣ Лабѣ, гдѣ и нынѣ живутъ; Венеды по венедскому (балтійскому) морю и дальше на югъ, которые не то что нѣмецкіе Вандалы, а заняли только позже земли послѣднихъ; Сарматы, позже названные Славянами, сосѣди и соплеменники Антовъ, заняли потомъ въ VI в. подунайскія страны. Славяне назвались или отъ военной славы или отъ слова, всегда исполняющіе данное слово, какъ и Поляки и Чехи до сихъ поръ строго исполняютъ такое данное слово; и такъ какъ Славяне на своемъ языкѣ называютъ себя „Словаками" (Slovaci non Slavaci), то производство отъ слова болѣе вѣроятно. Что касается Чеха и Лѣха и Руса, которые, по разнымъ лѣтописцамъ, вышли-де съ своими народами изъ Панонія или хорватско-славянской земли, либо скоро послѣ вавилонскаго столпотворенія, либо позже, въ VI—VII вѣкахъ, то Кромеръ считаетъ всѣ разсказы лѣтописцевъ о томъ сказками;

---

[1]) Приводимъ слова Кромера о Руси (въ польскомъ переводѣ Блажовскаго): Moskwa, sąsiedzi ruscy albo raczéj ich że plemię i częsc ruskiego i słowiańskiego języka używają; (московскіе князья соединили много русскихъ княжествъ и всѣ эти) ludzie ruscy zaraz się w imię moskiewskie przewierzgnęli; wszakże tak, że wszyscy jednostajnie i teraz imię ruskie na sobie noszą, i chętnie się do niego samiż przyznawają. Kniaziowie moskiewscy państwo wszystkiéj Rusi bardzie sobie przywłaszczają, i tytuł wszystkiéj Rusi króla abo cesarza przydają. Zkąd się znaczy, iż Moskwa z wielu Rusiej jedną Moskwą stanęła, nie bardzo dawno od zamku i miasteczka Moskwy nazwisko zamieniając (p. 12). При этомъ Кромеръ не исключаетъ возможности, что названіе Москвы (Mosci, Moschi) можетъ быть и древнѣе, и что оно могло быть позже возобновлено одною частью Руси.

Чехъ и Лѣхъ (Ляхъ) могли быть князьями Славянъ вышедшихъ на западъ изъ Сарматіи, и по нимъ могли назваться и тѣ народы Чехи и По-ляхи (Ляхи у русскихъ, Ленгелы у Угровъ какъ бы Лехелы). Вспоминая о господствѣ Лестька и его сыновей въ балтійскихъ странахъ Славянъ Ободричей, Велетовъ, Сербовъ, Кромеръ замѣчаетъ, что всѣ эти земли потеряны для Польши вслѣдствіе лѣни, неосторожности и небрежности польскихъ князей, которые не хотѣли ихъ защищать; остатки тѣхъ Славянъ сохранились до сихъ поръ, и говорятъ на одномъ съ Поляками языкѣ, но смѣшанномъ съ нѣмецкимъ. Разсказъ Длугоша и Мѣховскаго о русской исторіи Кромеръ пополнилъ изъ Герберштейна и тоже изъ нѣкоторыхъ византійскихъ и др. лѣтописей (Зонары, Люитпранда) [1]. Трудъ Кромера отличается отъ всѣхъ предыдущихъ замѣчательными для своего времени критическими пріемами и большою смѣлостью въ обличеніи нѣкоторыхъ баснословныхъ сказаній, считаемыхъ историческими фактами. Трудъ Кромера, часто издаваемый въ Польшѣ и за границею, служилъ долго, до XVIII в., главнымъ пособіемъ для изученія польской исторіи, не только у Поляковъ, но и у другихъ Славянъ.

Мнѣніе Кромера о древнѣйшей исторіи Славянъ не нравилось однако всѣмъ его современникамъ, которые не могли разстаться съ разными праотцами. Всѣ прежнія баснословныя генеалогіи встрѣчаются опять въ первой обширной польской хроникѣ (Kronika polska) М. *Бѣльскаго*, написанной на отечественномъ языкѣ и изданной сыномъ Мартына Іоахимомъ (1597). Въ ней повторяются старыя басни о началѣ славянскаго народа, о Іафетѣ, Мосохѣ, Іаванѣ, Гелисѣ, Асармотѣ, Вандалѣ и пр. Предки

---

[1]) Переводчикъ Блажовскій прибавилъ кое-что къ разсказу Кромера (Длугоша, Кранца, Герберштейна) о славянской „миѳологіи,“ и присоединилъ къ богамъ Jessa, Lado-Ladon, Nya, Marzana, Zezylia, Ziewonia, Żywia, Pogoda, Pochwist, Lel, Polel, Piorun, Stryba, Hors, Mokosz, Radogost, Swantowit, Prowe, и пр. кое-что о „русской“ миѳологіи, czego z pism i obyczajów ruskich, w tėj ziemi urodziwszy się, dosiągnął, именно разсказъ о московскомъ-де Перконосѣ (Перунѣ).

Славянъ Сарматы, поселившіеся въ восточной Европѣ, раздѣлялись на разныя племена, Венеды или Венеты и Вандалы, Языги, Роксоланы (Русь, Аланы, разсѣянные), Амадоки или Моски (Москва), Геты и др. Генеты-Венеты вышли изъ Пафлагоніи къ адріатическому морю и заселили Венецію и Иллирикъ, Далмацію, Мизію, Дакію, и здѣсь воевали съ Александромъ македонскимъ, который далъ имъ жаловапную грамоту, и съ Римлянами; многія имена тѣхъ древнихъ временъ указываютъ на славянское происхожденіе древнихъ Иллировъ, Далмація (дала мать), Щодра (Skodra), Тевка (Teuta) — Дѣвка, и пр.; другіе Венеты—Вандалы (wen daléj) перешли въ Сарматію, и часть ихъ потомъ опять на югъ до самой Африки. Сосѣди пафлагонскихъ Генетовъ были кападокійскіе Мосхины, которые тоже переселились потомъ въ Сарматію. Въ послѣдствіи многіе Сарматы, Венеды-Вандалы, Болгаре-Волгаре (отъ Волги), стали нападать на римскую имперію, и назвались отъ славы Славянами, но тоже Словаками, и заняли опять весь балканскій полуостровъ, гдѣ жили остатки ихъ соплеменниковъ Иллировъ: здѣсь поселились Болгаре, Сербы, Босняки, Хорваты, Словаки (т. е. далматинскіе). На славянскомъ югѣ придумано и славянское письмо, которое называется русскимъ; одни его приписываютъ св. Іерониму, другіе св. Кириллу. Съ славянскаго юга, изъ Хорватіи, вышли въ 550 г. послѣ Р. Х. два брата, князья Чехъ и Лехъ, на сѣверъ и заняли западнославянскія страны, гдѣ жили тогда отъ части Нѣмцы, отъ части Вандалы-Венеды. Чехи и Поляки (Ляхи), какъ потомки двухъ братьевъ, очень любили другъ друга. Русь, существовавшая уже давно, не могла назваться по брату или внуку Леха, Русу; скорѣе назвалась она отъ „разсѣянія". Такимъ образомъ Славяне заняли большую часть Европы и Азіи, и — хотя раздѣленные на нѣсколько народовъ—говорятъ на одномъ славянскомъ языкѣ, Поляки, Поморяне, Кашубы, Чехи, Болгаре, Сербы, Рацы, Босняки, Хорваты, Далматинцы, Штирійцы, Русь, Москва, Пятигорцы, Черкесы и др. Что касается Поляковъ и Русскихъ-Москвы, то, по словамъ Бѣльскаго, единство ихъ языка ясно указываетъ на то, что они произошли отъ одного народа, и по этому должны быть дѣти общаго отца: sama jedność mowy nas

i Moskwę jawnie wydaje, żeśmy z jednego narodu z sobą poszli i przetoż spólnego musim być ojca dzieci.

Обѣ польскія хроники, Кромера и Бѣльскаго, сдѣлались источниками всѣхъ послѣдующихъ затѣмъ повѣствованій о судьбахъ польскаго народа и о древнѣйшей исторіи Славянъ вообще. Такъ Александръ *Ободзинскій*, въ стихотворной хроникѣ польской Pandora starożytna monarchów polskich (1641), касается тоже разныхъ мнѣній о происхожденіи доблестнаго народа славянскаго, говоритъ о выходѣ Чеха и Лѣха изъ Хорватіи на сѣверъ, гдѣ знаменитые Славяне въ Польшѣ пріобрѣли себѣ славу, могущество и вольности, и пр. Извѣстный поэтъ Іеронимъ Веспасіанъ *Коховскій* (Psalmodya polska, 1693), представляя въ одномъ псалмѣ очеркъ польской исторіи, вспоминаетъ о началѣ гнѣзда Поляковъ, о ихъ происхожденіи отъ южныхъ Славянъ въ Далмаціи; Славяне распространились по всей Европѣ, воевали на Дунаѣ съ Римлянами, и основали Чехію и Польшу, и пр.

Всѣ эти древніе польскіе лѣтописцы и историки, Длугошъ, Мѣховскій, Вановскій, Кромеръ, Бѣльскій и др., разсказываютъ исторію польскаго народа, а исторію другихъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ, русскаго и чешскаго, тоже Литвы и Угріи, въ связи съ польскою исторіею. Но польскіе историки стали обработывать исторію другихъ Славянъ тоже отдѣльно. Такъ Матвѣй *Стрыйковскій* изучалъ исторію польскую и русскую, чешскую и отъ части и югославянскую, по всѣмъ тогдашнимъ печатнымъ книгамъ и по рукописнымъ русскимъ лѣтописямъ и по какимъ-то двумъ хроникамъ „болгарской“ и „славянской“, можетъ быть по какому-то югославянскому хронографу Зонары и турецкой хроникѣ Серба Михаила Константиновича; кромѣ того онъ побывалъ не только въ земляхъ польскихъ, русскихъ и литовскихъ, а тоже между Югославянами и въ самомъ Царьградѣ. Обладая большою начитанностью и любознательностью, и въ то же время живою фантазіею, Стрыйковскій усердно взялся за перо и, руководимый искреннею пріязнію къ народамъ славянскимъ, сталъ трудиться надъ разъясненіемъ начала славянскихъ русскихъ наро-

довъ [1]). Онъ уже въ своей стихотворной исторіи польской, литовской и русской, помѣщенной въ книгѣ Goniec cnoty (1574), вспоминаетъ о распространеніи Славянъ между морями адріатическимъ и балтійскимъ, Чернымъ и ледовитымъ.

Tak że od morza począwszy włoskiego
Aż za Moskwą do morza lodowatego,
Od Pontu wszytko do Pomorza tacy
Trwają Słowacy.

Въ своей хроникѣ польской, литовской, жмудской и всей Руси кіевской, московской, сѣверской, волынской, подольской, подгорской, подляшской, и пр. (1582) [2]), Стрыйковскій обширно разсказываетъ преимущественно исторію Литвы и всей Руси, но касается тоже исторіи польской, чешской, прусской, угорской, отъ части и югославянской, такъ что эта хроника представляетъ до извѣстной степени тоже родъ общеславянской исторіи. Стрыйковскій, зная разныя мнѣнія о началѣ Славянъ, предпочитаетъ библейскія сказанія, и производитъ Славянъ отъ Іафетовича Мосоха или Мезеха, отца и патріарха всѣхъ народовъ московскихъ, русскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, мазовскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, хорватскихъ, и всѣхъ вообще народовъ славянскаго языка. Мосохъ и его народъ вышли изъ Азіи и поселилися въ

---

[1]) A iż duch panski, gdzie kiedy i kogo raczy, darem swoim świętym natchnie, tedy ja też tegom się naprzód ważył z uprzejméj szczerości ku naszym narodom sławańskim, iżem prawie od potopu z wielką pracą porządnie opisał wywody sławańskich ruskich narodów. (Kronika, p. 89).

[2]) Kronika polska, litewska, żmodzka, i wszystkiéj Rusi kijowskiéj, moskiewskiéj, siewierskiéj, wołhińskiéj, podolskiéj, podgórskiéj, podlaskiéj etc. (W Królewcu 1582, новое изданіе въ Варшавѣ 1846). Хроника Стрыйковскаго стала потомъ и для Русскихъ важнымъ пособіемъ въ изученіи ихъ исторіи. Стрыйковскій, подъ вліяніемъ латинской учености, пишетъ въ хроникѣ обыкновенно Sławacy, Sławianie, sławański, sławiański, sławioński, изрѣдка Słowacy, słowieński.

Черноморьѣ и по Волгѣ, и распространились потомъ дальше на западъ до моря балтійскаго; они назывались Мосхи-Москва, Сарматы (по внуку Мосоха Асармоту), которые заняли всю восточную Европу, и позже и другія страны, Роксоланы (Русь), Венеты (Heneti, оставшіеся тоже въ Пафлагоніи) или Венеды-Вандалы и пр. Москва-Русь—древняя родина всѣхъ народовъ русскихъ-славянскихъ, которые оттуда двинулись на западъ и на югъ и назвались по положенію занятыхъ земель, по князьямъ и пр. На западъ двинулись Поляки (отъ: поля) или Ляхи (по князю Лѣху), Чехи (по кн. Чеху), Поморяне, Кашубы, Моравяне и др. На югъ вышли Русскіе и назвались, по рѣкѣ Волгѣ, Волгаре или Болгаре, заняли подунайскія и балканскія страны между морями Чернымъ и адріатическимъ. Всѣ нынѣшніе южные Славяне, Болгаре, Сербы-Рацы, Босняки, Хорваты, Далматинцы („Славяне“), Истры, Краньцы, всѣ они потомки московскихъ, русскихъ Волгаръ; они помнили-де и о своей давнишней землѣ Пафлагоніи, о чемъ Стрыйковскій, пребывая въ болгарскихъ странахъ (1574), часто съ ними говорилъ [1]). Всѣ эти потомки Мосоха назвались Славянами отъ славы; это названіе-де правильнѣе, чѣмъ Словяне (Słowacy) отъ слова, хотя употребляется и эта форма: ибо данное слово было у нихъ свято, какъ это водится до сихъ поръ у Хорватовъ, Поляковъ и особенно у Чеховъ, такъ что и въ Польшѣ говорится: развѣ я Чехъ, чтобъ слово держать? Сербы клянутся na me sławo witeskie, произнося-де, какъ и Болгаре, „славо“ вмѣсто „слово“. И такъ славный народъ славянскій занимаетъ огромныя пространства отъ морей ледовитаго и балтійскаго до адріатическаго и Чернаго; всѣ эти земли утвердилъ за Славянами еще Александръ македонскій особою жаловапною грамотою, о которой говорятъ Чехи, Хорваты и Болгаре. Славянскій языкъ, со временемъ и въ слѣдствіе сношеній съ иноплеменниками, измѣнился въ разныхъ своихъ нарѣ-

---

[1]) Эти разговоры Поляка Стрыйковскаго съ болгарскими и сербскими монахами о „Пафлагоніи“, родинѣ Генетовъ-Венетовъ, были вѣроятно очень интересны.

чіяхъ, такъ что нынѣ славянскіе народы съ трудомъ понимаютъ другъ друга; настоящій, древній языкъ славянскій вѣроятно русскій, московскій (własny język sławiański zda się być ruski, moskiewski), потому что тѣ Русскіе, которыхъ называемъ Москвою, живутъ въ своей землѣ съ древнѣйшихъ временъ [1]). Русь, Русскіе (Rusacy), древніе Сарматы Роксоланы-Роксаны, назвались, можетъ быть отъ князя Роса (у пророка Іезекіиля), какъ и по Мосоху-Москва, по Асармоту-Сарматы, а Греки называютъ Русь до сихъ поръ не Russia а Rossia; этотъ Росъ можетъ быть упоминаемый въ польскихъ лѣтописяхъ праотецъ Русскихъ, Русь, потомокъ Мосоха, братъ Чеха и Лѣха. Но сама Москва не признаетъ этого производства, а производитъ свое названіе отъ „разсѣянія" (о чемъ говоритъ Герберштейнъ)—Россія, какъ и Греки называли Сарматовъ Номадами и Спорами, кочующими и разсѣянно живущими; и дѣйствительно, народы русскіе или россійскіе (ruskie albo rossiejskie), съ своими племенами славянскаго языка, разсѣялись по Европѣ и Азіи, гдѣ повсюду есть народы употребляющіе языкъ славянскій русскій. Русскія племена на востокѣ долго жили подъ своими князьями, Кіемъ, Щекомъ, Хоривомъ, Радимомъ, Вяткомъ и др.; потомъ у нихъ господствовали Варяги (Waregowie, Waragi), вѣроятно изъ балтійскихъ Славянъ Вагровъ. Изъ Славянъ первые стали писать Болгаре, которые въ концѣ VIII в. получили-де отъ Грековъ недавно изобрѣтенныя „глагольскія" буквы (азъ, буки, вѣди); эта греческо-славянская азбука перешла и къ Сербамъ, Далматинцамъ, Хорватамъ, Русскимъ, и ею писали и св. Кириллъ и Меѳодій, устроившіе богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Стрыйковскій разсказываетъ все это запутанно, съ противорѣчіями, проистекающими изъ некритическаго пользованія разными источниками, и съ зна-

---

[1]) Стрыйковскій любитъ иногда пошутить: производя названіе древнихъ „Славаковъ" отъ славы, онъ замѣчаетъ, что ихъ потомковъ можно бы было назвать Słabaki od słabości, bośmy bardzo osłabieli; говоря о томъ, что Поляки приняли много чужихъ обычаевъ, прибавляетъ, что можно ихъ назвать simias, protheos et chameleones.

чительною примѣсью баснословнаго элемента (Литовцы — Готы и Гепиды, и потомки итальянскихъ колонистовъ); но тѣмъ не менѣе его хронику надо считать однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ и литературныхъ трудовъ того времени.

Кромѣ русской исторіи, польскіе историки много занимались и чешскою исторіею. Уже въ древнѣйшихъ польскихъ лѣтописяхъ встрѣчается много данныхъ по чешской исторіи; хроники Пулкавы, Энея Сильвія, Гайка, Дубравскаго и др. распространились въ Польшу, гдѣ ими пользовались и польскіе историки; Копачъ разсчитывалъ, что его чешскій переводъ хроники Энея Сильвія будутъ читать и Поляки. Длугошъ приводитъ много фактовъ тоже изъ чешской исторіи, и такъ и его преемники. Въ первой половинѣ XVI в. занимался чешскою исторіею поселившійся въ Польшѣ Итальянецъ Валентинъ *Полидамъ* (Polidamus); но онъ не кончилъ своего сочиненія, и издалъ только введеніе въ чешскую исторію Historia de rebus gestis Bohemorum (1535), посвященную чешскому королю Фердинанду. Авторъ очень восхваляетъ воинственность и другія качества славныхъ Чеховъ, ихъ столицу, великій, знаменитый и очень пріятный городъ Прагу; онъ знаетъ чешскую исторію Энея Сильвія, пользуется ею, но тоже часто нападаетъ на этого самаго большаго клеветника Чеховъ (obtrectator Bohemorum maximus). У Чеховъ и у Далматинцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ одинъ общій языкъ. Славяне вышли-де изъ сенаарской равнины, отъ вавилонскаго столпа, что́ однако смѣшная сказка; совершенно такимъ образомъ они могли выйти тоже изъ Ноева ковчега, изъ рая и изъ лона Евы; а названіе Sclavi выдумали себѣ Итальянцы, Чехи и Поляки—потомки двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха; эти послѣдніе, въ книгѣ Полидама, много разговариваютъ—до своего выхода изъ Хорватіи на сѣверъ—о братствѣ и о будущемъ величіи обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго. Мартынъ *Бѣльскій* въ своей хроникѣ свѣта (1550, 1554, 1564) помѣстилъ тоже хронику чешскую, составленную по чешской хроникѣ Гайка, по которому опредѣляется и прибытіе Чеха въ Чехію 644-ымъ годомъ; Любуша (Libusa) говоритъ здѣсь о Чехахъ, какъ о народѣ благороднаго языка славянскаго, Боривой и Людмила принимаютъ кре-

щеніе изъ рукъ св. Кирилла въ присутствіи крестныхъ отцовъ, короля Святополка и русскаго боярина, и въ Чехіи начинается богослуженіе на славянскомъ языкѣ, и пр. [1]).

Не меньшее вниманіе польскіе историки обращали на исторію сосѣдней Угріи, заселенной по большей части Славянами и имѣющей постоянныя сношенія съ Польшею и съ южными Славянами; въ XIV в. при угорскомъ королѣ Людовикѣ, въ XV в. при польскомъ королѣ Владиславѣ соединены Польша и Угрія въ рукахъ одного короля, а въ концѣ XV вѣка чешскіе Ягайловичи соединили короны чешскую и угорскую и хорватскую. Польскіе лѣтописцы и историки считали Панонію или Угрію гнѣздомъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и своего польскаго [2]); и еще въ концѣ XVI в. М. Бѣльскій замѣчаетъ, что Панонія заселена была по большей части славянскимъ народомъ, и что въ Угріи говорятъ по большой части нашимъ славянскимъ языкомъ. Исторія Угріи возбуждала интересъ и среди польскихъ лѣтописцевъ и историковъ; уже въ XIII в. одна угорская хроника читалась въ Польшѣ и пополнялась разными вставками относящимися къ польской исторіи; позже въ XVI в., М. Бѣльскій помѣстилъ въ своей хроникѣ свѣта тоже хронику угорскую. Сарницкій говоря о соединеніи Польши и Угріи при Людовикѣ, не преминулъ отмѣтить, что такимъ образомъ и южные Славяне соединены съ своими польскими соплеменниками въ одинъ славянскій союзъ; Кромеръ, Стрыйковскій, Бѣльскій, и др. разсказывая, по Каллимаху и Бонфини, о походѣ короля Владислава въ Болгарію (1443), замѣчаютъ, что Болгаре Славяне добровольно поддавались королю ради одного языка съ Поляками. Стрыйковскій, который путешествовалъ въ югославянскихъ странахъ и часто сносился съ Болгарами и Сербами, отмѣтилъ въ своей хроникѣ и въ другихъ сочиненіяхъ [3]) тоже разные факты изъ югославянской исторіи, от-

---

[1]) Посредствомъ русскаго перевода хроники Бѣльскаго распространилась эта чешская хроника не только на Русь, но и къ Сербамъ. См. ниже.

[2]) См. выше стр. 105.

[3]) См. ниже о его стихотвореніи Wolność korony polskiéj.

носясь вообще къ южнымъ соплеменникамъ съ живѣйшею симпатіею. О югославянской, именно болгарской, сербской и босенской исторіи XIV—XV вѣковъ, часто говоритъ Сербъ Михаилъ *Константиновичъ*, бывшій турецкій янычаръ, который въ концѣ XV в. прибылъ въ Польшу и здѣсь послѣ 1492-го г. составилъ любопытныя записки о турецкой исторіи; онъ разсказываетъ на пр. о косовскомъ сраженіи, о паденіи Сербіи и Босніи, и пр. [1]).

Польскіе историки, изучая и излагая исторію своего народа въ связи съ исторіею русскою и литовскою, чешскою, угорскою и югославянскою, подумали, первые между славянскими историками, о составленіи *общеславянской исторіи*, объ исторіи всѣхъ Славянъ. Такой планъ общеславянской исторіи возымѣли и, на сколько это было возможно, тоже исполнили Сарницкій, Папроцкій и Венгерскій. Станиславъ *Сарницкій*, земянинъ холмской Руси, протестантъ, смотрѣлъ, въ своихъ выше упомянутыхъ Annales (1587), на исторію польскаго народа какъ на часть исторіи всѣхъ Славянъ, между которыми Поляки занимаютъ первенствующее мѣсто. Сарницкій считаетъ Славянъ однимъ изъ древнѣйшихъ народовъ міра, который происходитъ отъ Мосоха, Асармота, Вандала, потомковъ Ноя. Изъ Пафлагоніи (Генеты) и Кападокіи (Мосхины) и вообще изъ Азіи Славяне переселились въ Европу восточную, южную и среднюю, гдѣ стали извѣстны подъ названіями Сарматовъ, Мосховъ (Москвы), Роксолановъ (Руси), Масагетовъ, Гетовъ (Готовъ), Илировъ, Венетовъ-Вендовъ-Вандаловъ, и др.; всѣ эти названія означаютъ племена одного народа, какъ на пр. названія Саксовъ, Швабовъ, Франковъ и др. племенъ нѣмецкаго народа. Славяне воевали съ Персами, Македонцами, Римлянами; Александръ Великій далъ Илирамъ-Славянамъ жалованную грамоту, о которой говорятъ Чехи, Хор-

---

[1]) О запискахъ Константиновича см. выше, стр. 86. Въ польскомъ текстѣ встрѣчаются слабые слѣды сербскаго языка: bugarski подлѣ bulgarski, Stewan, zraditi (сдѣлать), wojnik (воинъ), swem (всѣмъ). и нѣкоторые чехизмы, на пр. Wajce (такъ называется босенскій городъ Яйце), Uhrzy, uherski подлѣ польскаго Węgrzy, węgierski. Сочиненіе Константиновича зналъ Стрыйковскій.

ваты и Болгаре. Евангеліе проповѣдывали Славянамъ св. Андрей на Руси и св. Павелъ въ Илиріи. Славянскіе Вандалы и Готы, угрожавшіе Риму да уничтожившіе римскую имперію, погибли, и въ то время гибели этихъ славянскихъ государствъ на югѣ въ VI в. оставшіеся ихъ средневропейскіе соплеменники пригласили къ себѣ князей Лѣха и Чеха изъ Илиріи или Хорватіи. Всѣ эти народы составили тогда союзъ и назвались, какъ люди одного языка и слова, Словане (не отъ славы, не отъ озера или города Славна, Словна на Руси, не какъ sclavi-servi), по примѣру Германцевъ, что означаетъ братъ, побратимъ (pobratym-germanus). Это неутральное и всѣмъ пріятное названіе Словяне прекращаетъ всякія пререканія и завистъ отдѣльныхъ племенъ, Поляковъ, Чеховъ, Болгаръ, Босняковъ, Хорватовъ, Русскихъ, и всегда напоминаетъ, всѣмъ имъ о заключенномъ союзѣ. Поляки и ихъ князья были или хотѣли быть главными защитниками этого славянскаго союза (praecipui tutores confoederationis slavonicae); такъ какъ они на западѣ не исполняли надлежащимъ образомъ такой задачи, то здѣсь усилились Нѣмцы въ ущербъ Славянамъ. Но эти потери на западѣ вознаграждены потомъ пріобрѣтеніями на востокѣ на Руси; одно время, именно при Людовикѣ угорскомъ, въ слѣдствіе соединенія въ его рукахъ коронъ угорской и польской, южные Славяне, Болгаре, Сербы, Босняки, Хорваты и Славяне (далматинскіе), которые когда-то входили въ славянскій союзъ, опять соединились съ Польшею, срослись съ нею въ одно тѣло, и вошли какъ овцы въ одну овчарню; да они и по смерти Людовика не хотѣли признать иноплеменника Сигизмунда и обратились къ польской Ядвигѣ, которая—думаетъ Сарницкій—вѣроятно ради этихъ Славянъ устроила въ Краковѣ, въ одномъ монастырѣ, богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Съ такой общеславянской точки Сарницкій излагаетъ исторію не только польскую, а вообще славянскую (historia slavonica, historia rei publicae Slavorum, confoederationis slavonicae), разсказываетъ о войнахъ западныхъ Славянъ съ Нѣмцами, южныхъ и восточныхъ съ Греками, говоритъ о славянской миѳологіи (по тогдашнимъ пособіямъ), о распространеніи христіанства у всѣхъ Славянъ, о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ и пр. О спорахъ по пово-

ду различія вѣроисповѣданій, которые отзывались особенно на славянскомъ мірѣ, Сарницкій высказывается необыкновеннымъ для тѣхъ временъ образомъ: къ стыду и горю раздѣленные и разъяренные христіанскіе народы борятся изъ-за вѣроисповѣданія такъ враждебно, что кажется, будто воюютъ христіане съ Турками. Сарницкій, какъ протестантъ, радуется, что реформація, сопротивленіе суевѣріямъ Рима, началась не въ нѣмецкомъ, а еще раньше въ славянскомъ народѣ, и что защитниками старинной вѣры христіанской явились чешскіе гуситы и ихъ послѣдователи въ Польшѣ, какъ на пр. Остророгъ [1]).

Варѳоломей *Папроцкій*, Мазовшанинъ, занимаясь славянскою исторіею, изучалъ преимущественно генеалогію и геральдику славянскихъ родовъ, польскихъ, литовскихъ, западно-русскихъ, чешскихъ, моравскихъ, силезскихъ. Въ своихъ историческо-генеалогическихъ трудахъ, писанныхъ по-польски и по-чешски, Папроцкій—какъ онъ самъ говоритъ—описалъ добрыя и дурныя дѣла славянскихъ государей, роды и гербы славянскаго языка, и вообще славу славнаго народа славянскаго, воинственнаго поколѣнія Славянъ. „Мнѣ скоро семьдесятъ лѣтъ", говоритъ Папроцкій въ послѣднемъ своемъ историческо-генеалогическомъ трудѣ Štambuch slezský (1609), „и я больше тридцати лѣтъ разспрашиваю о древности гербовъ и родовъ въ славян-

---

[1]) Colloquium Piotrkowskie, t. j. rozmowa, którą mieli wyznawce prawdziwéj wiary starodawnéj o panu bodze w troicy jedynym s stroną przeciwną w Piotrkowie w sejm, roku przeszłego 1565. „...Jeszcze pirwéj w słowieńskim języku, aniżeli w niemieckim poczęli nastawać obrońce wiary świętéj krześciańskiéj starodawnego kościoła przeciwko superstycyom rzymskiego miasta." Выше упомянутыя слова изъ Annales (p. 213): Hodie, proh pudor et dolor, pessimo exemplo christiani populi inter se divisi ita infestis animis de quaestionibus legis dimicant, ut putes fideles cum gentibus, circumcisos cum incircumcisis, Turcos cum christianis de summa rerum dimicare. Сарницкій пребывая въ Германіи, говорилъ съ лужицкими Сербами (Lusacii, Vindae, Sorabi) на „нашемъ языкѣ" (Annales p. 97).

скомъ языкѣ, странствуя по разнымъ землямъ и работая“ [1]). „Славянскій“ народъ Папроцкаго, конечно, не полный, и ограничивается только Поляками, Чехами и югозападными (литовскими) Русскими; о московской Руси и о южныхъ Славянахъ Папроцкій говоритъ мало [2]).

Другой Полякъ занимался церковною исторіею Славянъ и написалъ ее, какъ протестантъ чешскій братъ, съ своей точки зрѣнія. Это Великополянинъ Андрей *Венгерскій*, который подъ псевдонимомъ Adrianus Regenvolscius издалъ въ 1652 г. въ Утрехтѣ довольно обширное сочиненіе: Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum per provincias varias, praecipue Poloniae, Bohemiae, Litvaniae, Russiae, Prussiae, Moraviae etc. distinctarum. Венгерскій разсказываетъ о крещеніи Болгаръ и другихъ южныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, о началѣ гуситства въ Чехіи и о его распространеніи въ Польшу, о единствѣ чешскихъ братьевъ, о реформаціи въ Польшѣ, Литвѣ и у южныхъ Славянъ, Словенцевъ и Хорватовъ, наконецъ о крещеніи Руси и о русской церкви. Венгерскій съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что ре-

---

[1]) Sedmého kříže věku mého docházím, od několik a třiceti let začavši, vyptávajic se o starožitnosti erbův a rodův v slovenském jazyku, po rozličných krajích o tom běhajic a pracujic—говоритъ онъ въ одномъ посвященіи роду герба Подкова, которые помогали-де Александру Великому. Въ подобномъ смыслѣ высказался Папроцкій и въ Ogród królewski (1599), что онъ od trzydzieścia lat pracując a po różnych krainach jeżdżąc wiedzieć chciał, zwłaszcza w krainach sławieńskich, kto zkąd powstał; въ этомъ трудѣ dobre i złe sprawy książąt i królów sławieńskich najdziesz. Кромѣ выше упомянутыхъ (стр. 37) пражскихъ книгъ Папроцкаго см. его краковскія изданія: Gniazdo cnoty zkąd herby rycerstwa sławnego królestwa polskiego, w. ks. litewskiego, ruskiego, pruskiego, mazowieckiego, żmudzkiego początek swój mają (1578), Herby rycerstwa polskiego (1584). О Папроцкомъ см. статью I. Иречка въ ж. Časopis Česk. Musea 1866.

[2]) Юнгманнъ (Historie literatury české, p. 152) приводитъ рукописное сочиненіе Папроцкаго Paralipomena genealogiarum slavicarum, преимущественно московскихъ; этотъ трудъ Папроцкаго никому ближе не извѣстенъ.

формація церкви божіей началась въ славянскихъ странахъ и потомъ только у Нѣмцевъ; онъ говоритъ тоже о попыткѣ чешскихъ гуситовъ сблизиться съ Греками, и о планѣ сближенія протестантовъ и православныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Сочиненіе Венгерскаго содержитъ въ себѣ, конечно, много недостатковъ и ошибокъ, оно не полно, но любопытно, какъ попытка собрать и свести важнѣйшія событія церковной жизни не одной Польши, Литвы и югозападной Руси, а всѣхъ народовъ „славянскаго языка, который распространенъ широко и далеко въ Европѣ и въ Азіи разными нарѣчіями."

Польскіе географы, описывая восточную Европу, Сарматію (Польшу, Литву и Русь), часто говорятъ о Славянахъ. *Іоаннъ изъ Стобницы* (Introductio in Ptolomaei cosmographiam, 1512 и 1519) упоминаетъ, по космографіи Энея Сильвія, также о Славянахъ, огромномъ народѣ; одни—приверженцы римской церкви, Далматинцы, Хорваты, Краньцы, Поляки, другіе—заблужденій Грековъ, Болгаре, Русскіе, Москвитяне, третьи же выдумали себѣ собственную ересь, Чехи и Моравяне, Босняки. *Матвѣй изъ Мѣхова*, въ описаніи восточной Европы—Сарматіи (Tractatus de duabus Sarmatiis, 1517 и 1521, потомъ и по-польски, 1535 и чаще) [1]), пишетъ о Славянахъ почти то же самое, что онъ написалъ въ своей польской хроникѣ: славянскій языкъ очень распространенный; къ нему принадлежатъ Болгаре, Сербы, Хорваты, Словенцы, Чехи, Поляки, Кашубы и Сербы, Русскіе, Москвитяне; однако и Литовцы ославяниваются (slavonisant); въ Москвѣ употребляютъ языкъ русскій или славянскій (sermo rutenicus seu slavonicus), а въ русской церкви языкъ сербскій, который есть славянскій. Мартынъ *Бѣльскій* въ *Космографіи*, прибавленной къ его хроникѣ всего свѣта (1550, 1554, 1564), описываетъ тоже нѣкоторыя славянскія земли; упоминая о поволжской Великой Болгаріи или Волгаріи между Азіею и Европою, говоритъ,

---

[1]) Срв. Отечественныя Записки 1854, декабрь, Библіограф. отрывки, стр. 137, и сочиненіе Замысловскаго о Сиг. Герберштейнѣ, стр. 341.

что изъ этой Болгаріи „происходимъ мы Славяне (Słowacy)“; о словенскихъ (т. е. югославянскихъ) земляхъ онъ замѣчаетъ, что онѣ недавно разорваны на много частей, разсказываетъ исторію Босніи, и описываетъ сажаніе на столъ хорутанскихъ князей; въ Саксоніи, Бранденбургѣ и въ Поморьѣ жили когда-то люди нашего славянскаго, польскаго языка, а отъ него остались только Сербы; въ Чехіи, землѣ плодородной, пиво хорошее, народъ говоритъ на славянскомъ языкѣ, есть тамъ знаменитые и крѣпкіе города и замки, которые называютъ Чехи иначе, а Нѣмцы тоже иначе. Въ третьемъ изданіи своей хроники и космографіи (1564) Бѣльскій прибавилъ, по Герберштейну, статью „о народѣ московскомъ или русскомъ (o moskiewskim albo ruskim narodzie)“, который назвался по рѣкѣ и по городу Москвѣ, но онъ настоящая Русь славянскаго языка (Rusacy albo Moskwa są Ruś prawa, wszyscy słowieńskiego języka). Русскія земли заключаются между горами Бещадами (Бескидами), морями Чернымъ, балтійскимъ, сѣвернымъ ледовитымъ и Волгою; въ нихъ владѣетъ первою наибольшею частью князь московскій, второю—князь литовскій, а третьею—король польскій. Космографія и хроника М. Бѣльскаго переведены на русскій языкъ и стали извѣстны не только на Руси (литовско-польской и московской), а, посредствомъ русскаго перевода, тоже между Сербами.

Изъ другихъ польскихъ географовъ Іоаннъ *Красинскій*, въ описаніи Польши (Polonia, 1574), касается распространенія Славянъ, которыхъ приводитъ по ихъ племеннымъ названіямъ; къ нимъ онъ причисляетъ тоже Черкесовъ и Пятигорцевъ въ огромномъ московскомъ государствѣ; всѣ эти народы употребляютъ славянскій языкъ, хотя его нарѣчія немногимъ отличаются одно отъ другого; этотъ языкъ раздается и въ Царьградѣ и его любятъ сами Турки. М. *Кромеръ* въ описаніи Польши (Polonia, 1578) говоритъ объ общемъ происхожденіи и языкѣ Поляковъ и остальныхъ Славянъ, и замѣчаетъ, что славянскія нарѣчія значительно отличаются одно отъ другого, такъ что нѣкоторые славянскіе народы понимаютъ другъ друга съ большимъ трудомъ. О Славянахъ говорятъ, менѣе или болѣе, географы Сарницкій, Гвагнинъ (Guagnini) и др., въ своихъ описаніяхъ во-

сточной Европы, земель польскихъ и русскихъ. Александръ *Гваннинъ*, въ своемъ историко-географическомъ описаніи восточной Европы, въ Sarmatiae europeae descriptio (1578) и въ значительно умноженномъ польскомъ изданіи Kronika Sarmacyej europejskiéj (1611), которое составилъ съ помощью Мартына Пашковскаго, много говоритъ о Іафетовичахъ Сарматахъ-Славянахъ, которые живутъ между морями ледовитымъ, средиземнымъ и адріатическимъ, Чернымъ и балтійскимъ; славянскія нарѣчія отличаются однако формами словъ и произношеніемъ. Обширная книга Гвагнина, трактующая объ исторіи и географіи не только „Сарматіи", т. е. Польши, Литвы, Руси, Москвы, но тоже сосѣднихъ странъ, Скандинавіи, Германіи, Чехіи, Угріи, Греціи, Валахіи, земель славянскихъ (т. е. южныхъ) и др., и польскій переводъ всеобщей географіи Итальянца Ботера Relatiae powszechne (1609 и часто), были главными источниками свѣдѣній о Славянахъ. Сочиненіе Гвагнина стало извѣстно и въ Чехіи и на Руси.

Польскіе историки и географы отъ части знали чистую географическую номенклатуру славянскихъ странъ, либо какъ давнишнее достояніе своего языка, либо въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ другими Славянами; русскія названія измѣняли на польскій ладъ, говоря Grodno—Городня, Brzeście (Brześć)—Берестье, Nowogródek—Новгородокъ, Przemyśl—Перемышль, и пр.; изъ чешскихъ, угорскихъ и др. извѣстны были Praga, Ołomuniec, Berno, Opawa, Budzyń, Spisz (Spiž), Rakusy (Австрія), Korytany (Каринтія, чеш. Korutany, Korytany, др.-русск. Хорутане), и др. Замѣчательно, что польскіе лѣтописцы XIII—XIV вв. и позднѣйшіе историки знали нѣкоторыя славянскія названія полабско-балтійскихъ странъ, на пр. Буковецъ, Згорѣлецъ, Древяне, Рана и др. Но, съ другой стороны, польскіе географы, пользуясь потомъ латинскими, нѣмецкими, итальянскими географическими сочиненіями (Энея Сильвія, Мюнстера, Ботера и др.), ввели въ польскій языкъ много чужихъ неславянскихъ названій славянскихъ странъ, на пр. Labak (Любляна), Segnia (Сень), Raguzya (Дубровникъ), Zagabria (Загребъ), Prisdena (Приштина), и пр. Переводя съ чужихъ книгъ, польскіе переводчики не от-

носились критически къ извѣстіямъ этихъ иностранцевъ, и способствовали такимъ образомъ и распространенію разныхъ нелѣпыхъ извѣстій о Славянахъ. Такъ на пр. польскій переводчикъ географіи Ботера, францисканецъ Павелъ Лэнчицкій (переводилъ ее въ 1608 г. въ Москвѣ, находясь въ плѣну), говоритъ о Чехахъ, что они живутъ въ серединѣ Германіи, говорятъ по-славянски, имѣютъ нравы подлые, наглые, спѣсивые, роскошные; у нихъ началась гуситская ересь, о которой разсказывается разный вздоръ (Rochezana, Piotr Khelsicensis, т. е. Рокицана, Хельчицкій); Рацы (Сербы)—пьяницы, грубы, трудолюбивы; Sclavonia или Słowieńska ziemia (Далмація, Хорватія, Славонія) называлась по „невольникамъ или schiawam“, которые въ VI—VII вв. прибыли на югъ изъ Сарматіи и заняли Ѳракію, Македонію и Далмацію; словенскою рѣчью этихъ Словаковъ можно говорить отъ моря адріатическаго до сѣвернаго океана, въ Босніи, Болгаріи, Москвѣ, Руси, Польшѣ, Литвѣ, Прусіи, Чехіи, Моравіи, Силезіи, и пр. Польша и Русь (польско-литовская „червоная“, и московская „бѣлая“) описаны, конечно, лучше; переводчикъ говоря о могуществѣ Польши, замѣчаетъ однако, что бѣдные простаки Поляки не могутъ справиться съ татарскою саранчею; а говоря о разныхъ качествахъ Поляковъ и Москвитянъ, прибавляетъ, что тѣ и другіе, управляемые дѣльными а мужественными государями, могутъ много сдѣлать.

Въ этихъ разныхъ разсказахъ о Славянахъ вообще и о происхожденіи Поляковъ въ особенности, важное мѣсто занимаетъ преданіе о праотцѣ Поляковъ или Лѣховъ (Ляховъ), Лѣхѣ, и о его обоихъ братьяхъ, Чехѣ и Русѣ. Этотъ вопросъ интересовалъ, какъ уже выше упомянуто, польскихъ и чешскихъ историковъ еще въ XVIII в. и возбудилъ между ними оживленную полемику. Съ XV в. одни польскіе историки производили Поляковъ или Лѣховъ (Ляховъ) изъ южныхъ Славянъ, другіе изъ Руси; то и другое мнѣніе нашло себѣ приверженцевъ и они сгруппировались около обоихъ любимыхъ историковъ, Кромера и Бѣльскаго, изъ которыхъ первый выводилъ Лѣха изъ Сарматіи или изъ Руси, а другой изъ Хорватіи. Другіе оставляли вопросъ перѣшеннымъ; такъ на пр. Христофоръ *Варшевицкій* въ книжкѣ о происхож-

деніи Поляковъ (De origine generis et nominis poloni dialogus, 1580 и 1601), о которомъ здѣсь разговариваютъ два польскихъ папа, Тарновскій и Тэнчинскій. Благородные Поляки занимаютъ по своей храбрости и по обширности своей державы первенство въ славянскомъ языкѣ. Поляки, равнымъ образомъ какъ и Чехи, Русскіе, Далматинцы, Македонцы и др., происходятъ отъ Славянъ (назвавшихся отъ славы или отъ слова), которые уже во время македонскихъ царей жили въ южныхъ странахъ, именно въ Македоніи; оттуда они—на основаніи жалованной грамоты Александра Великаго—заняли многія страны на западѣ, сѣверѣ и востокѣ, между прочимъ Панонію и Сарматію. Поляки же вышли, по однимъ ученымъ, изъ Панонін въ польскіе лѣса, гдѣ потомъ три брата Лѣхъ, Русъ и Чехъ стали основателями трехъ славянскихъ народовъ. Славянскій языкъ, изъ котораго происходитъ и польскій, родился отъ греческаго. По другимъ ученымъ Поляки происходятъ изъ Сарматіи, именно изъ сѣверной Руси отъ Новгорода: ни одно славянское нарѣчіе столь близко къ польскому, какъ новгородское; новгородская шляхта называется *земцы*, какъ польскіе *земяне*, а не *бояре*, какъ шляхта московская; да Новгородцы лицомъ похожи на мазовскую шляхту. Изъ Новгорода выходили колонисты въ другія страны, въ томъ числѣ могли быть Чехъ и Лѣхъ. Отъ Германцевъ Поляки не происходятъ; это могли выдумать только Нѣмцы, которые воображали себѣ, что имѣютъ какое-то право на Польшу [1]).

Одновременно съ этими двумя главными мнѣніями о происхожденіи Поляковъ отъ Лѣха, прибывшаго съ юга или съ сѣвера, возникали и другія мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Нѣкоторые, не довольствуясь тѣмъ фактомъ, что Лѣхи (Ляхи) или Поляки Славяне поселившіеся въ лѣхахъ, лядахъ, поляхъ по Вислѣ и по Одрѣ, стали искать начало своего народа во всѣхъ концахъ міра. Станиславъ *Орѣховскій* производилъ Славянъ отъ Грековъ, съ обычаями которыхъ они въ многомъ сходятся; такъ на пр.

---

[1]) Срв. Вержбовскаго монографію о X. Варшевицкомъ, стр. 200—207. О земцахъ см. I т., стр. 127, 135.

греческое *κοίρανος* сравниваетъ съ славянскимъ *король, кроль* въ Полякахъ, первомъ славянскомъ народѣ, соединены храбрость Далматинцевъ и живость Македонцевъ [1]). Также и знаменитый поэтъ Іоаннъ *Кохановскій* занимался этимъ вопросомъ о происхожденіи Поляковъ; и любопытно, что онъ уже тогда отрицалъ всѣ тогдашнія генеалогіи славянскаго народа, и общепринятое мнѣніе о Чехѣ и Лѣхѣ, раскритиковалъ его и провозгласилъ сказкою. О обоихъ славянскихъ князьяхъ братьяхъ умалчиваютъ древнѣйшіе лѣтописцы, и Викентій Кадлубекъ; оба же народа, Чехи и Лѣхи, имѣли свои собственныя названія уже до своего прибытія въ эти страны, равнымъ образомъ какъ и другіе славянскіе народы. „Словаки" (т. е. южные Славяне) они не назывались, такъ какъ эти перешли съ сѣвера на югъ, за Дунай, и поселились у моря венетскаго, гдѣ и живутъ до сихъ поръ; по нимъ же называется тамошняя земля славянскою (Slawonia, Słowieńska ziemia). Поляки, Чехи, Русь и Москва и др. называются славянскими народами потому, что историки познакомились прежде всего съ этими „Словаками" (южными Славянами) и о нихъ свѣтъ извѣстили; по этому они всѣхъ, которые говорили на этомъ языкѣ, считали „Словаками", и дали это общее названіе всѣмъ народамъ этого языка. Но „Словаки" поселившіеся въ Илиріи, хотя того же самаго языка какъ Чехи, Русь, Болгаре, Сербы, все таки были особый народъ. Чехи и Поляки не были, стало быть, никогда настоящими „Словаками", и не перекрестились въ Чеховъ и Лѣховъ. То что нѣкоторые утверждаютъ, что Чехъ и Лѣхъ вышли изъ славянской земли или изъ Хорватіи, это сказка; ибо изъ сѣверныхъ странъ туда прибыли сами „Словаки"; да невѣроятно, чтобъ въ такъ малой землѣ могло помѣститься столько людей, какъ тѣ два народа. А что же сказать о Руси, народѣ такъ многочисленномъ, и о народѣ, который жилъ у моря гданскаго (балтійскаго): развѣ и тѣ вышли изъ Хорватіи? Болѣе вѣроятно, что изъ этихъ большихъ и многоплодныхъ странъ вышла та горсть людей. Чехи и Лѣхи, стало быть, не „Словаки", и не происходятъ отъ братьевъ Чеха и Лѣха.

---

[1]) Annales (1554), Quincunx (1564).

Чехи происходятъ вѣроятно отъ кавказскихъ Цекковъ, упоминаемыхъ у Византійца Прокопія, которые могли, съ другими народами, прибыть въ подунайскія страны и въ Германію. Съ Чехами прибыли съ Кавказа на западъ вѣроятно и Лѣхи, такъ какъ они были съ Чехами одинъ народъ, и только со временемъ отдѣлились отъ нихъ, и позже назвались, по полямъ, Поляками, какъ другіе назвались по лѣсамъ, горамъ, долинамъ. „Ляхъ“ — такъ называетъ Поляка Русь — можетъ быть сокращенное „Полякъ“, или происходитъ отъ вѣры „латской“ т. е. латинской, или отъ „Влаховъ“, какъ Греки и Русскіе называютъ всѣ западные народы Латинянами; можетъ быть, что Лѣхи (Ляхи) назвались тоже по какому-нибудь Лѣху (Ляху), или Лѣшку (Ляшку), по уже позднѣйшихъ временъ [1]).

Кохановскій занимался, какъ видно, филологическими игрушками, какъ это дѣлали многіе до него и послѣ него, Богухвалъ, Орѣховскій, Бѣльскій и др. Это была тогда, такъ сказать, мода, и чѣмъ болѣе неожиданное и подъ часъ и глупое мнѣніе кто-нибудь высказывалъ (какъ на пр. что Чехи происходятъ отъ кавказскихъ Цекковъ, или Ляхи отъ Влаховъ), тѣмъ ученѣйшимъ считался у современниковъ; другіе ему подражали, и выдумывали часто очень странныя вещи. Такъ на пр. поэтъ-философъ Севастіанъ *Клёновичъ*, въ сочиненіи Worek Judaszów (1603), не могъ пропустить случая, чтобъ не похвастаться какимъ-нибудь знаніемъ чешскаго языка, и приплелъ въ свое сочиненіе совсѣмъ

---

¹) O Czechu i Lechu, historya naganiona, въ собраніи сочиненій Кохановскаго (краковскомъ 1585, стр. 189—192, варшавскомъ 1884, II. 279 — 287). Срав. тоже поэму Кохановскаго Proporzec (см. ниже). Не можемъ пока указать на источникъ „учености“ XVI в., изъ котораго Кохановскій откопалъ это свое мнѣніе; послѣ Кохановскаго еще Насторій, Абель, Ленгнихъ, Добнеръ, Вага, Нарушевичъ заблудились на Кавказъ и искали здѣсь между Зехами и Лезгами колыбель Чеховъ и Лѣховъ. — Мнѣніе Кохановскаго о происхожденіи имени Лѣхъ, Ляхъ, повторяетъ потомъ и *Янушовскій* (Nowy karakter polski, 1594), предполагая, что по вѣрѣ христіанской „лацкой“ (латинской) называютъ Поляковъ Греки, Русь и Москва „Latinos albo Lachy“.

не кстати нѣкоторыя чешскія слова и тоже странныя этимологіи. Поляки любятъ путешествовать, и по этому назвались *Геты* (Getae) отъ слова dzite, которое-де чешское (т. е. jděte), или *Вандалы* т. е. wen dalej (вонъ далѣе); отъ африканскихъ Вандаловъ, изъ славянской земли, происходятъ Цыгане, которые возвращаются въ славянскія земли какъ въ свои родственныя; по этому почти всякій Цыганъ можетъ сговориться съ Славяниномъ, съ Русскимъ, Чехомъ, Сербомъ, Хорватомъ, Полякомъ [1]).

Особенно отличился здѣсь францисканецъ Войтѣхъ *Дэмболэнцкій.* Излагая древнюю исторію славянскую и польскую въ фантастическомъ сочиненіи. Wywód jedynowłasnego państwa świata (1633). онъ доказываетъ, что „древнѣйшее въ Европѣ королевство польское или скиѳское одно въ мірѣ имѣетъ настоящихъ наслѣдниковъ Адама, Сима и Іафета, и что богъ ему назначилъ всемірное господство еще въ раю, и что по этому Поляки называются Сарматы; что славянскій языкъ первоначальный въ мірѣ" [2]). Эта книга посвящена „почтеннѣйшимъ и древнѣйшимъ народамъ короны польской и всѣмъ другимъ славянскаго языка". Авторъ доказываетъ, что славянскій языкъ древнѣйшій въ мірѣ, и что изъ него произошли всѣ остальные, какъ на пр. языки греческій и латинскій. До сихъ поръ существуетъ славянскій языкъ въ Ѳракіи, Болгаріи, Македоніи, Дубровникѣ, Далмаціи, Илиріи, Босніи, и повсюду около Греціи; Гомеръ былъ Славяниномъ и усовершенствовалъ наши древнеславянскія слова. Так-

---

[1]) Что касается „Вандаловъ", то еще недавно нѣкоторые Нѣмцы хотѣли это имя объяснить отъ „wandeln". И французскій Bohémien—Цыганъ (Чехъ) имѣетъ здѣсь своего предшественника. По другой философъ въ московской Руси XVII в. говоритъ, что „Цыганелюди иже пондоша отъ Нѣмецъ; сіи Цыганы на всяко зло хитры" (Баталинъ: Древнерусскіе азбуковники, въ Филолог. Запискахъ 1873). На другомъ мѣстѣ Кленовичъ думаетъ, что Russia должна называться Ursia отъ многихъ-де медвѣдей! (Roxolania, 1584).

[2]) Уже современники насмѣхались надъ этою книгою; срав. Biblioteka Warszawska 1854, I. 473. Дэмболэнцкій (Dębołęcki) былъ военнымъ священникомъ у извѣстныхъ Лисовчиковъ; съ ними онъ былъ въ Чехіи, и написалъ ихъ исторію (1623).

же и Латиняне говорили на языкѣ чисто славянскомъ, и до сихъ поръ Илиры (т. е. Словенцы) называютъ Влаховъ (Итальянцевъ) и Поляковъ одинаково, Лахи (Ляхи [1]). Сирійскій языкъ былъ тоже славянскій; Адамъ, Ной, Симъ и Іафетъ говорили по-славянски; сыновья Іафета назывались по-жидовски Гогъ и Магогъ и по-славянски Ляхъ и Поляхъ. Славянинъ Адамъ жилъ въ государствѣ Порадзежѣ (Paradisus), названномъ по общему вѣчу (rada); бога назвали Славяне Богъ вмѣсто Гогъ; отъ Сноа получила названіе славянская Скноія или Споія; Вавилонъ (Babylon), это бабье лоно, Амазоны — Самыя жены, и пр. Въ польской коронѣ, по свидѣтельству всѣхъ историковъ польскихъ, русскихъ и чешскихъ, никогда не было Нѣмцевъ и вообще ни одного другого народа, кромѣ Поляковъ и Русскихъ, первобытныхъ жителей тѣхъ странъ; оттуда вышли Илиры (т. е. южные Славяне) на югъ въ Далмацію и въ другія задунайскія страны. По пророчеству Даніила и Апокалипсиса польскій орелъ растянетъ свое господство по всему міру какъ наслѣдникъ Гога и Магога. Мы привели эти фантазіи польскаго францисканца только какъ любопытное свидѣтельство, что уже въ XVII в. въ Польшѣ разсуждали на основаніи библіи о всемірномъ господствѣ Славянъ или перваго ихъ тогда народа, Поляковъ. Забавному этимологизированію Дэмболэнцкаго не за чѣмъ удивляться, особенно если вспомнимъ, что еще между Поляками XIX в. встрѣчаются подобные курьезы. Такимъ „этимологизированіемъ“ забавлялись въ началѣ XIX в. Коллонтай, Богушъ, Ходаковскій и др. Еще въ половинѣ этого столѣтія да и позже можно прочитать въ разныхъ научныхъ сочиненіяхъ, что Лѣхи или Ля́хи происходятъ отъ гальскихъ Влаховъ, отъ саксонскихъ лясовъ (lazze), отъ скандинавскихъ Ляговъ, отъ илирскихъ Липхитовъ; да еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ провозглашены Лѣхи — Славянами несчастными (лихо, зло-нечестъ), и Чехи—Славянами счастливыми (цетно-честь)! Это,

---

[1]) Словенцы называютъ Итальянцевъ и Италію—Lahi, Laško вмѣсто Vlahi. Vlaško (срв. last, ladanje вм. vlast, vladanje). Lah (Лахъ вм. Влахъ) и Ljah (Ляхъ), конечно, два совсѣмъ различныя слова.

конечно, тоже ни что иное, какъ старинныя этимологіи: Далмація—дала мать, Ляхи—Влахи (Латины), Москва—Мосохъ, Бабилонъ—бабье лоно, и пр.

Польскіе историки въ виду иноплеменниковъ, относящихся враждебно къ Славянству и взводящихъ на него разныя клеветы, не разъ съ гордостью указываютъ на это великое Славянство, часть котораго составляютъ Поляки. Такъ на пр. Лука *Опалинскій*, въ сочиненіи Polonia defensa contra Joannem Barclaium (1648), протестуетъ противъ названія „Скиөы", которымъ означаетъ тотъ чужой писатель Поляковъ и вообще Славянъ, и которое, у Опалинскаго и другихъ писателей XVII в., означаетъ Татаръ. Славянское имя—знаменито и славно, Славяне—народъ великій, изъ давна поселенный на востокѣ Европы, въ Польшѣ, Руси и Москвѣ, въ земляхъ славянскаго языка, откуда они распространились на югъ и на западъ; ни одинъ языкъ въ мірѣ не распространенъ такъ какъ славянскій; это легко узнаетъ всякій, кто измѣрилъ это огромное пространство отъ моря адріатическаго до Новой Земли. Не только польскіе историки, а тоже другіе писатели гордо указывали на то, что Поляки народъ великаго славянскаго племени. Такъ на пр. Іеронимъ *Спычинскій*, въ сочиненіи O ziołach tutejszych i zamorskich i o mocy ich, a k temu księgi lekarskie (1542, потомъ 1552), восхваляетъ польскій народъ, который разными добрыми качествами превосходитъ другіе народы. Развѣ Александръ Великій, который былъ нашего языка, не владѣлъ всѣмъ міромъ? Память объ этомъ сохранилась до сихъ поръ, ибо еслибъ пройти весь міръ, вездѣ можно найти Славянина. Если пожелаемъ узнать о войнахъ, которыя этотъ нашъ народъ вынесъ на морѣ и на землѣ, одерживая славныя побѣды, то для читанья объ этомъ не хватило бы нашего вѣка; кое-что можно съ удовольствіемъ прочитать въ хроникѣ Вановскаго и въ исторіи славянскаго народа напечатанной въ Германіи (Wandalia Кранца). Въ этомъ благородномъ народѣ было много добродѣтельныхъ и святыхъ людей, какъ на пр. св. Іеронимъ, св. Мартынъ, св. Войтѣхъ, св. Станиславъ и др. Въ этомъ святомъ народѣ люди никогда не отрекались отъ вѣры христіанской, никогда не заблуждались, и христіанская церковь, какъ бы

довѣряя этому славянскому языку, дозволила совершать на немъ богослуженіе.

Развитіе болѣе критической исторіографіи въ Европѣ XVII—XVIII вѣковъ отозвалось и на польской исторіографіи, разрабатываемой не только историками польскими, но и прусскими. Въ Польшѣ стали собирать и печатать разные памятники отечественной исторіи, лѣтописи, грамоты, статуты, и провѣрять ихъ сравнительнымъ изученіемъ чужихъ источниковъ польской исторіи. Такимъ образомъ прекратилось по крайней мѣрѣ отъ части переливаніе изъ пустого въ порожнее, одни повторенія басней и разсказовъ Длугоша, Кромера, Бѣльскаго; при этомъ авторитетъ Длугоша считался однако непоколебимымъ и долго мѣшалъ критическимъ изслѣдованіямъ польской исторіи. Прогрессъ замѣтенъ въ краткомъ изложеніи польской исторіи у *Гарткноха* (Respublica polonica, 1678 и часто), *Ленгниха* (Historia polona, 1741 и 1750), *Ваги* (Historya książąt i królów polskich 1770 и часто), и особенно въ обширной но только до 1386-го г. доведенной польской исторіи Адама *Нарушевича* (Historya narodu polskiego, 1780—1786).

Камень преткновенія для всѣхъ польскихъ историковъ того времени составляла древнѣйшая исторія Поляковъ и Славянъ вообще. Не зная сравнительнаго языкознанія, пользуясь для объясненія славянскихъ словъ не только языками греческимъ и латинскимъ, но тоже жидовскимъ, нѣмецко-польскіе (прусскіе) и польскіе ученые, хотя и начитанные въ исторической литературѣ греческой и латинской, византійской и средневѣковой, блуждали въ этой запутанной области почти безвыходно. Кромѣ того, не всѣ рѣшились отказаться отъ любимыхъ укоренившихся басней о Чехѣ и Лѣхѣ, Кракѣ и Вандѣ, Попелѣ и Лѣшкахъ и пр. Другіе, отрицая эти и другія басни о Іаванѣ, Мосохѣ, Асармотѣ, Вандалѣ и пр., впали въ другую крайность и искали гнѣздо Чеховъ и Лѣховъ на Кавказѣ, гдѣ византійскіе лѣтописцы уже VI в. упоминаютъ Лазовъ и Зеховъ (Lazi, Zechi) т. е. Лезговъ и Черкесовъ. Эту мысль, которая является уже въ XVI в.

у Кохановскаго [1]), подхватили въ XVII — XVIII вв. нѣмецко-польскіе ученые *Пасторій* (Pastorius ab Hirtenberg: De originibus sarmaticis dissertatio philologica, 1685), *Ленгнихъ* (Dissertatio de Polonorum majoribus, въ его выше упомянутой исторіи Польши); и ее принялъ тоже Феодоръ Вага въ своемъ руководствѣ польской исторіи для учащейся молодежи. Вага однако не рѣшился совсѣмъ прогнать изъ польской исторіи возлюбленнаго Лѣха, и не смотря на производство Ляховъ и Чеховъ изъ Кавказа, не смотря на басни о Чехѣ, Лѣхѣ, Русѣ, онъ все таки начинаетъ польскую исторію съ Лѣха, который будто въ VI в. послѣ Р. Х. прибылъ въ Польшу изъ „Склавоніи" или Słowiańskiéj ziemi; при томъ онъ замѣчаетъ, что эта Склавонія — область Угріи, и что на славянскомъ языкѣ говорятъ, съ незначительными измѣненіями, жители Турціи и Угріи, Чехи, Моравляне, Польша, Русь московская (Ruś moskiewska) до ледовитаго моря. Мнѣніе о праотцахъ Чеховъ и Ляховъ, кавказскихъ Лазахъ и Зехахъ, защищалъ тоже чешскій ученый Добнеръ, и вызвалъ „ученую" полемику среди чешскихъ и польскихъ историковъ, изъ которыхъ большая часть не могла разстаться съ возлюбленными праотцами Чехомъ и Лѣхомъ. Разумѣется, что эта полемика о вопросахъ, которыхъ нельзя и не нужно знать, ни къ чему не повела, развѣ только къ взаимному раздраженію [2]).

Древнею исторіею Славянъ занимался, во второй половинѣ XVII в., выше упомянутый Іоахимъ *Пасторій*. Въ своей для тѣхъ временъ замѣчательной статьѣ De originibus sarmaticis онъ считаетъ Славянами древнихъ Скиѳовъ и Сарматовъ восточной Европы, Кавказа и подунайскихъ странъ (указываетъ на славянскихъ „амазонокъ" позднѣйшихъ временъ, польскую Ванду, чешскую Любушу и русскую Ольгу), Венетовъ (Heniochi, Heneti, Antae), кавказскихъ, пафлагонскихъ, адріатическихъ, черноморскихъ и балтійскихъ (знаетъ отъ части и миѳологію послѣднихъ, объясняя на пр. имя бога Prone польскимъ piorun), Даковъ или

---

[1]) См. выше, стр. 136.
[2]) См. выше, стр. 67.

Гетовъ. Отъ Славянъ-Вендовъ различаетъ Нѣмцевъ-Вандаловъ (отъ: wandeln!), но допускаетъ смѣшеніе обоихъ въ балтійскихъ странахъ; различаетъ Гетовъ и нѣмецкихъ Готовъ, но смѣшиваетъ сарматскихъ Певкиновъ и Печенѣговъ; считаетъ Сарматовъ-Язиговъ и позднѣйшихъ литовскихъ Ятьвяговъ (Ядзьвинговъ) однимъ народомъ, и пр. При томъ Пасторій вѣрно замѣчаетъ, что въ древней исторіи напрасно искать математическую точность, и что особенно въ подунайскихъ странахъ всегда жила смѣсь народовъ. Имя Славянъ встрѣчается не раньше VI вѣка, въ подунайскихъ странахъ, когда о Славянахъ много пишутъ Прокопій и Іорданъ; это имя съ тѣхъ поръ означаетъ Сарматовъ и Венетовъ, назвавшихся такъ отъ славы или слова, людьми славными или одного слова, языка. Тогда Славяне переходили за Дунай; а съ другой стороны и другіе Сарматы черноморскіе и кавказскіе двигались на югозападъ и западъ, въ томъ числѣ Болгаре отъ Волги. Тогда въ Сарматіи распространилось и названіе Сарматовъ Роксанъ или Роксоланъ, Русь, которая, раздѣленная теперь между Польшею и Москвою, сохраняетъ однако одинъ языкъ и почти тѣ же самые обычаи; изъ этой Руси вышли тоже многія славянскія племена на западъ и на югъ. Но Поляки (Ляхи) вышли вѣроятно не изъ Руси, какъ предполагаетъ Кромеръ, а изъ черноморско-кавказскихъ странъ, гдѣ давно жили славянскіе-де Heniochi, Heneti (Венеты), изъ Лазовъ (Лаксіовъ Сарматовъ уже у Геродота), равнымъ образомъ какъ оттуда вышли Зехи (Чехи), Сербы (упоминаемые въ тѣхъ странахъ уже у Плинія) и др.; еслибъ Поляки вышли изъ Руси, то бы они не говорили dzień, przestać, będzie, а по-русски den, peresilati, budet.

Древнею славянскою исторіею занимались въ XVIII в. Яблоновскій, храбрый защитникъ Лѣха, Клечевскій, и Нарушевичъ. Князь Іосифъ *Яблоновскій* ((L'empire des Sarmates aujourdhui royaume de Pologne, 1742 и 1748), повторяя разныя басни, производитъ Славянъ изъ Малой Азіи и Сарматіи, откуда они распространились въ V—VI вв. Р. Х. на западъ за Вислу въ земли нѣмецкія (Венеды) и на югъ въ Далмацію, Иллирію, и Мизію (Славяне, Болгаре); туда же прибыли Чехъ и Лѣхъ, которые въ

половинѣ VI в. вышли на сѣверозападъ и основали здѣсь государства чешское и польское. Въ изданіяхъ основаннаго Яблоновскимъ въ Липскѣ ученомъ обществѣ (Acta societatis Jablonovianae) помѣщалось много статей по древней славянской исторіи разныхъ ученыхъ славянскихъ (въ томъ числѣ и I. Яблоновскаго) и нѣмецкихъ; такъ на пр. въ сборникѣ De Henetis, Vandalis, de lacu Musiano, Chunis et Cunis Slavanisque (1774) доказывается, что Генеты, Венеды, Вандалы, адріатическіе и балтійскіе,—Сарматы, Славяне; другой сборникъ статей посвященъ безплодному спору о Чехѣ и Лѣхѣ, и пр. [1]) Станиславъ *Клечевскій* (Sarmatia europaea mox post diluvium universale inhabitata, 1769) считаетъ Скиѳовъ и Сарматовъ, Свевовъ, Гетовъ или Готовъ, Ѳракійцевъ и Илировъ, Генетовъ-Венетовъ (адріат. и балтійскихъ), Пафлагонцевъ и др. — Славянами, которые назвались отъ славы или слова; онъ старается опредѣлить жилища разныхъ народовъ, населявшихъ Скиѳію, Сарматію, Свевію, и объяснить ихъ названія, на пр. Скиты—скитающіеся, Будины—по будамъ, позже Деревляне, Алазоны, Гализоны—Галичане, Русь и Москва изъ библейскихъ Росъ и Мосохъ, Рось, Роксоланы отъ разсѣянія, Руги—Русы и пр. Поляки или Лѣхи, Ляхи, происходятъ не отъ кавказскихъ Лаговъ, Лазовъ, а прибыли съ княземъ Лѣхомъ изъ черноморскихъ странъ Сарматіи, можетъ быть черезъ Далмацію, въ славянскія страны Полянъ (Bulani) въ 550-омъ г. Первобытный языкъ скиѳо-сармато-славянскій ближе къ русскому (южному), чѣмъ къ польскому; польскій языкъ употребляется-де только въ Польшѣ а на Руси и Литвѣ только шляхтою, русскій же въ Руси, Москвѣ, Далмаціи, Болгаріи, Чехіи, Угріи.

Адамъ *Нарушевичъ*, занимаясь болѣе критически древнею польскою исторіею, старался изучать и древнюю исторію Славянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ освободиться и отъ разныхъ шаткихъ и некритическихъ гипотезъ. Нарушевичъ различаетъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Германовъ-Свевовъ, Готовъ, Венедовъ, отъ Славянъ (названіе встрѣчающееся не раньше VI

---

[1]) См. выше, стр. 67.

вѣка послѣ Р. Х.), которые жили-де первоначально между Днѣпромъ и Волгою, Чернымъ и каспійскимъ морями; здѣсь жили Роксаны-Русь-Разсѣяны-Споры, и Болгаре (Волгаре), около моря т. наз. Венеды-Анты (слово-де кельтское означающее всякихъ „поморянъ“), на Кавказѣ Лазы, Зехи, Сербы, Казахи (Касоги). Изъ этой своей прародины двинулись, съ Гунами въ IV—V вв., разные народы славянскіе на западъ, и до VI в. заняли много земель по Днѣпру и по Дунаю („Венеды-Анты“ т. е. поморяне Славяне), по Вислѣ и въ карпатскихъ странахъ (Лазы-Ляхи-Поляки, Зехи-Чехи, Сербы); изъ повислянской и карпатской Великой или Бѣлой Сербіи и Хорватіи (у Константина Багрянороднаго) двинулись Чехи, Ляхи, Сербы дальше на западъ въ „вандальскія“ земли, а Хорваты и Сербы на югъ, куда направились и другіе Славяне-Болгаре. Имена обоихъ предводителей князей Чехъ и Лѣхъ—басни, и могутъ считаться какъ-бы олицетвореніемъ ихъ народовъ; а эти народы не вышли съ юга на сѣверъ, и южныя страны, Илирикъ, не могутъ быть прародиною Славянъ. Нарушевичъ разсматриваетъ потомъ древнюю исторію западныхъ, южныхъ и восточныхъ (русскихъ) Славянъ (смѣшиваетъ балтійскихъ Вагровъ и Варяговъ), трактуетъ очень некритически о литовско-славянской миѳологіи, и пр.

Такимъ образомъ мнѣніе о братьяхъ Чехѣ и Лѣхѣ и Русѣ, предводителей и основателей государствъ и народовъ чешскаго, ляшскаго и русскаго, и мнѣніе о ихъ выходѣ съ юга на сѣверъ, признались баснями. Но и мнѣніе о происхожденіи Чеховъ и Ляховъ отъ кавказскихъ Зеховъ и Лазовъ продержалось не долго. „Хорватію“, родину Чеховъ и Ляховъ, чешскіе и польскіе историки стали искать не на югѣ, а—на основаніи словъ Константина Багрянороднаго—на сѣверѣ въ карпатскихъ странахъ, которыя считались какимъ-то гнѣздомъ всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянъ.

По примѣру Нарушевича и другіе польскіе ученые стали заниматься съ бо́льшею критикою и съ большимъ успѣхомъ древнею исторіею Славянъ. Въ числѣ этихъ польскихъ славистовъ, которые начали свою ученую дѣятельность въ концѣ XVIII-аго в. и продолжали ее въ XIX-омъ вѣкѣ, особенно выдается графъ

Іоаннъ *Потоцкій*, который съ любовью и знаніемъ посвятился всестороннему изученію древней исторіи Славянъ.

3. *Филологическая литература. Зачатки польской славистики. Мончинскій, Кнапскій, Квятковскій, Заборовскій, Кохановскій, Орѣховскій, Янушовскій, Статорій, Будный, Горницкій, Клечевскій и др.*

Поляки, живя посреди остальныхъ Славянъ, имѣя съ ними изъ давна разнообразныя сношенія, имѣли случай познакомиться съ ними ближе, узнать ихъ обычаи и ихъ языкъ. Сношенія Поляковъ съ Чехами были такъ тѣсны, что чешскій языкъ, образовавшійся раньше польскаго, имѣлъ большое вліяніе на развитіе и образованіе польскаго, и былъ извѣстенъ въ Польшѣ даже въ болѣе широкихъ кружкахъ до второй половины XVI вѣка. Съ другой стороны, Поляки, сносясь и сталкиваясь безпрерывно съ восточными своими сосѣдями, съ Русскими, знакомились съ разными ихъ племенами и нарѣчіями, начиная съ Перемышля и Люблина и кончая Псковомъ и Москвою. На Руси они услыхали тоже церковный словѣнскій языкъ, который раздавался и въ Краковѣ, въ древнія времена въ IX—XI вв. и потомъ вновь, хотя тоже только на короткое время, съ конца XIV вѣка. Поляки, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ Угріи, сносились съ разными южными Славянами, съ Хорватами, Сербами и Болгарами. Такимъ образомъ Поляки могли легко познакомиться съ языками своихъ соплеменниковъ. Считая же себя и свое государство первыми въ Славянствѣ, видя, что польскій языкъ распространяется съ большимъ успѣхомъ по всей югозападной Руси, да что онъ проникаетъ и въ сѣверовосточную Русь, въ Москву, а съ другой стороны что онъ извѣстенъ и у западныхъ соплеменниковъ, у Чеховъ—Поляки считали свой языкъ первымъ между славянскими, понятнымъ и пріятнымъ тоже для другихъ Славянъ. Не одни только чешскіе писатели и издатели разсчитывали на распространеніе своихъ книгъ и между остальными Славянами, а тоже польскіе. Такъ на пр. издатели польской библіи (кальвинской), напечатанной въ Берестьѣ иждивеніемъ Николая Радивила (1563-го г.), обращаются ко всѣмъ Славянамъ:

какъ жидовскіе священники собирали свой народъ звукомъ трубъ, такъ и нынѣ три трубы (гербъ) знаменитаго князя Ник. Радивила изъ литовскаго княжества трубятъ на всѣхъ людей языка славянскаго, чтобы они усерднѣе спѣшили къ слову божіему. Самъ Радивилъ въ посвященіи королю Сигизмунду Августу замѣчаетъ, что издаетъ библію „въ народъ славянскаго языка". Эта польская библія и другія богословскія книги распространялись и въ московской Руси, какъ объ этомъ говорилъ Зеновичъ на съѣздѣ въ Вильнѣ (1599 г.). Радивилъ послалъ библію тоже королю римскому и чешскому Максимиліану (1564 г.), какъ королю владѣющему широко и далеко народами того же языка, какъ и король польскій [1]). *Мончинскій* издавая первый латинско-польскій словарь (1564), посвященный королю Сигизмунду Августу, замѣчаетъ, что это его сочиненіе полезно и нужно не только Полякамъ, но вообще и всѣмъ остальнымъ народамъ и державамъ, употребляющимъ древнѣйшій и далеко и широко распространенный языкъ славянскій; на немъ говорятъ Поляки Мазовшане, Русскіе, Подоляне, Волыняне, Литовцы, Жмудь, Прусы, Кашубы, Поморяне, Освѣтимяне, Заторяне: это вся Сарматія находящаяся подъ правленіемъ польскаго короля; дальше Чехи, Моравяне, Слезаки, Далматинцы, Хорваты, Босняки, Вандалы (лужицкіе Сербы), Москвитяне, Гуны, Авары, Рамы (Рама въ Босніи), Рацы, Мизы, Сербы, Болгаре, Галичане, Владиміряне, Куманы, Краньцы, Пожеганцы, Форокльцы (т. е. Словенцы фріульскіе), Истры, Иллиры, Кочевяки (краньскіе), Хорутане; всѣ эти народы употребляютъ языкъ славянскій и отличаются только нарѣчіями. Въ словарѣ Мончинскаго есть, по обычаю того времени, разныя стихотворенія въ честь автора, въ ихъ числѣ тоже одно Якова *Любельчика*; онъ восхваляетъ славный, широкій, древній языкъ славянскій, на которомъ выходитъ много замѣчатель-

---

[1]) Przezdziecki: Jagiellonki polskie V. 148. Пишемъ по-русски „Радивилъ", какъ этотъ литовскій родъ самъ писался по-русски; по-польски же Radziwiłł.

ныхъ книгъ и которымъ молодежь должна упражняться [1]). Также *Кнапскій* издалъ свой латинско-польско-греческій словарь въ пользу Поляковъ, Русскихъ, Славянъ (южныхъ) и Чеховъ (Thesaurus latino-polono-graecus, seu promptuarium linguae latinae et graecae, Polonorum, Roxolanorum, Sclavonorum, Boemorum usui accomodatum, 1643). О распространеніи и пользѣ славянскаго языка вспоминаетъ Мартынъ *Квятковскій* (Libellus fere aureus latissimum usum et maximam utilitatem linguae slavonicae fideliter demonstrans, 1569); онъ совѣтуетъ прусскому князю Альбрехту, котораго онъ—изъ-за его матери, польской королевны Софіи—называетъ „украшеніемъ Польши, да всего народа славянскаго", чтобъ онъ хорошо научился польскому языку; вѣдь уже императоръ Карлъ IV, славянскій государь, поручилъ нѣмецкимъ князьямъ изученіе славянскаго языка; этотъ языкъ распространенъ въ разныхъ земляхъ, которыя Квятковскій перечисляетъ по Мончинскому.

Польскіе филологи этого времени знаютъ, больше или меньше, и другіе славянскіе языки, именно чешскій, русскій и церковный словѣнскій; но они далеко отстали отъ своихъ чешскихъ товарищей, Грубаго, Благослава, Бенешовскаго. Польскіе филологи, борясь постоянно съ неустановившимся правописаніемъ употребляемымъ въ ихъ языкѣ, чаще обращались за помощью именно къ чешскому правописанію, и совѣтовали принять чешскій способъ правописанія посредствомъ діакритическихъ значковъ; такъ совѣтовали на пр. *Заборовскій* и отъ части тоже *Янушовскій*, но не успѣли привить эту новость. Другіе польскіе писатели предпочли старое правописаніе (cz, sz, rz и пр.); *Коха-*

---

[1]) Lexicon latino-polonicum (Regiomonti 1564); славянскіе народы и земли перечислены на заглавномъ листѣ и въ посвященіи королю. Въ словарѣ помѣщена тоже статья Меланхтона De origine gentis Henetae. По словамъ Любельчика словарь изданъ, „aby język słowieński tym polerowano... ten język sławny, który tak jest szeroki i starodawny; są dziś tego świadectwem Czechowie, Polacy, Borusowie, Moskwa, Ruś, Charwaci, Słowacy, Dalmatowie, Racowie, także i Serbowie, wszyscy tego języka sławni narodowie."

повскій придерживался этого способа, между тѣмъ какъ *Орѣховскій* указывалъ на такое неудобство польскаго правописанія cz, sz, szcz, въ сравненіи съ простыми знаками въ церковномъ словѣнскомъ языкѣ (w języku słowiańskim u Bulgarów) ч, ш, щ; но, странно, самъ предлагаетъ рядомъ съ č (ч) неуклюжее sch вмѣсто š (ш). *Горницкій* все удваивалъ и писалъ cc (ч), ss (ш), zz (ж), ll (нын. ł); *Янушовскій* не зналъ, какъ писать, старымъ-ли правописаніемъ или по чешскому способу съ діакритическими значками, хотя онъ больше склоняется къ этому правописанію. Горницкій послалъ Янушовскому три псалма на словѣнскомъ языкѣ, написанныхъ его правописаніемъ и вѣроятно взятыхъ изъ книжки словъ чешскихъ Бенешовскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями словѣнскаго языка по русскому изводу (nošč, у Бенешовскаго nošt). Когда, думаетъ Горницкій, Русскій или южный Славянинъ услышитъ эти псалмы, присягалъ бы, что это написано словѣнскимъ письмомъ [1]). Югославянскія нарѣчія заинтересовали и другого Поляка, Мартина *Пашковскаго*; онъ въ своей стихотворной исторіи татарской, казацкой и турецкой (Dzieje tatarskie, kozackie i tureckie, 1615 и 1618) помѣстилъ, изъ книжки Хорвата Георгіевича De afflictione sub Turca viventium christianorum libellus (1544), его разсужденія о близости славянскихъ нарѣчій, кириловскую азбуку и нѣсколько молитвъ и фразъ на языкѣ славянскомъ (słowieńskim) т. е. словинскомъ-хорватскомъ, польскимъ правописаніемъ [2]).

---

[1]) Zaborowski: Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma (1518, до 1560 г. вышло еще семь изданій); Nowy karakter polski i ortografia polska Jana Kochanowskiego, Łukasza Górnickiego. Jana Januszowskiego (1594), здѣсь и письмо Орѣховскаго Янушовскому отцу 1564 г. (см. Wiszniewski: Hist. liter. pol. VI, 381, 400, Maciejowski: Piśmiennictwo pol., Dodatki 245). Начало перваго псалма у Горницкаго: Bllazzen mvzz, izzo nie ido na swied nieczcstiwych. i na pvty hressnych ne stá, i na siedalisscy hvbitel ne siedo, no wo zakoni hospodni wolia iego, i wo zakoni iego poveeyt sia deň i nossec. Срв. выше (стр. 57) этотъ псалмъ у Бенешовскаго.

[2]) О Георгіевичѣ см. ниже.

Польскіе граматики обращали, болѣе или менѣе, свое вниманіе на другіе славянскіе языки. Первый польскій граматикъ *Статорій* (Statorius, поль. тоже *Стоенскій*), въ своей малой польской граматикѣ (Polonicae grammatices institutio, 1568), касается изрѣдка другихъ славянскихъ языковъ; такъ онъ говоритъ о h, что оно встрѣчается въ польскомъ языкѣ рѣдко, развѣ только въ русскихъ словахъ, на пр. грамота (hramota); rz (ř) читаютъ менѣе образованные какъ r, и это болѣе мягкое произношеніе въ употребленіи у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Другіе Поляки, изслѣдуя развитіе своего языка, находили, что многія древнепольскія слова, которыя въ ихъ время вышли уже изъ употребленія по крайней мѣрѣ изъ литературнаго языка, встрѣчаются въ другихъ славянскихъ языкахъ. Такъ разсуждаетъ М. *Бѣльскій*, который между прочимъ замѣчаетъ, что въ его время Поляки знали еще слово *господинъ* [1]). *Скарга*, упоминая мимоходомъ о перемѣнахъ въ польскомъ языкѣ, замѣчаетъ, что Поляки прежде вмѣстѣ съ старыми (южными) Славянами называли тѣло—put (т. е. плъть, плоть), палецъ—perst. мужчину—otrok, сатану—wrog; нынѣ же не слышно этихъ словъ, развѣ кое-гдѣ между селянами, или между Русью и Москвою [2]).

Поляки, обработывая на своемъ языкѣ разныя науки, естественныя, лекарскія и др., часто боролись, болѣе или менѣе, съ поль-

---

¹) Jeszcze i dziś ludzie wiele słowieńskich słow mowią: *gospo-nie* po słowieńsku *hospodinie* to jest *panie* (см. выше стр. 116). Бѣльскій приводитъ въ польской хроникѣ начало старой пѣсни: śpiewając po staroświecku „a witaj nasz miły gospodynie" (изд. 1597 г., стр. 71). Слово gospodzin (тоже gospodyn) встрѣчается въ польскихъ памятникахъ XIV—XVI вв. (еще въ псалтири 1535) и въ смыслѣ господа бога (чеш. hospodin). Поляки знали тоже форму gospoda (т. е. pan, въ краковской ротѣ 1398 г.), дрчеш. hospoda. Это слово употребляется нынѣ у Поляковъ и у Чеховъ только въ смыслѣ корчмы (первоначально корчмы господской, панской). Слово gospodzin замѣнено въ Польшѣ словомъ pan, а осталась только женская форма gospodyni. Слово gospodarz (хозяинъ) означало въ древнепольскомъ языкѣ тоже князя-господаря (moc gospodarska въ Мазовіи XV в. то что власть княжеская).

²) Kazania (Kraków 1600, p. 95).

свою терминологіею. Такъ врачъ Маркъ изъ *Пётркова*, издавая книгу Przeciw morowemu powietrzu przestroga (1579), жалуется на бѣдность лекарской терминологіи польской; польскій языкъ содержитъ извѣстную часть славянскихъ словъ, а пятую часть нѣмецкихъ; по этому нужно было брать слова тоже изъ языковъ латинскаго, греческаго и арабскаго. Мартынъ *Сенникъ* былъ другого мнѣнія; онъ издавая Herbarz (1568), говоритъ, что „польская рѣчь, дочь славянской рѣчи, можетъ всякую вещь назвать безъ помощи сосѣдки; да Нѣмцы растеніе *олешникъ* не умѣли назвать на своей рѣчи, а взяли отъ Поляковъ свое olschenich (такъ и латин. olsenichium); самъ Матіоли взялъ изъ славянскаго названіе *пагура* (латин. pagurum). И такъ не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ мать польской рѣчи дастъ своимъ сосѣдямъ науки, какъ старая посѣдѣвшая баба, которая прежде господствовала почти надъ всѣмъ міромъ. А до сихъ поръ оставшіеся ей жильцы живутъ такъ сказать въ каждомъ углу свѣта. Кто же знаетъ мѣсто или область, гдѣ бы не было славянскихъ жителей? Смотря на это, кто же хочетъ сомнѣваться, что у нихъ нѣтъ древняго названія для каждой вещи; я увѣренъ, что Веста жена Ноя начала Славянина. Это столь старинный родъ, что едва ли онъ долженъ учиться говорить у младшаго брата.“ Польскіе натуралисты и врачи писали, какъ знали, стараясь—какъ говоритъ врачъ пановъ Пилецкихъ въ книгѣ Nauka rządzenia ciał człowieczych (1563)—посильно „рѣчью славянскою Полякамъ помочь и посовѣтовать.“

Вліяніе славянскихъ языковъ на польскій было довольно значительно, особенно въ лексикальномъ отношеніи; въ польскій языкъ приняты и остались слова чешскія и русскія; Орѣховскій не стѣснялся вводить въ польскій языкъ и „болгарскія“ слова, хотя онъ на дѣлѣ ограничился только двумя, да и тѣ, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ пишетъ Орѣховскій (kniha, hława), носятъ на себѣ скорѣе характеръ словѣнско-малорусскій [1]. Вообще

---

[1]) Орѣховскаго *Politia* (1566, рукоп.); срв. Wiszniewski Hist. lit. pol., Maciejowski Pism. pol. (l. c.).

введеніе разныхъ словъ изъ остальныхъ славянскихъ языковъ не противилось ни духу языка, ни общественному мнѣнію, и, если соблюдалась извѣстная мѣра, не порицалось и строгими филологами и патріотами. Кнапскій, упрекая въ своемъ словарѣ (1621 г.) Поляковъ въ безмѣрномъ употребленіи многихъ чужихъ словъ, латинскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, угорскихъ, турецкихъ, допускаетъ употребленіе словъ московскихъ и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, которыя не отличаются отъ польскаго. Поляки, переводя библію и другія богословскія сочиненія, обращали вниманіе на такія книги славянскія, больше всего на чешскія, но тоже на церковно-словѣнскія, которыя они часто видали въ русскихъ земляхъ. Въ такомъ смыслѣ разсуждалъ замѣчательный протестантскій теологъ польскій, Симонъ *Будный*, который дѣйствовалъ въ Литвѣ и Руси подъ покровительствомъ Радивиловъ, и писалъ по-русски и по-польски, и былъ вообще большой любитель славянскихъ языковъ. Въ 1562-омъ г. Будный издалъ въ Несвижѣ русскій переводъ протестантскаго *Катихизиса* „для простыхъ людей языка руского", и посвятилъ его князьямъ Радивиламъ. Онъ его издалъ „оным славным здавна далеко росширеным словенским языком, абы ся ваши княжацкіе милости не только въ чужоземскихъ языцѣхъ кохали, але бы ся тежъ и того здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити рачили. Слушная бо речь естъ, абы в. к. м. того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давные предки и ихъ к. м. панове отци вашихъ к. м. славне преднейшіе преложенства несуть." Будный, переводя библію на польскій языкъ (Biblia 1572, Nowy Testament znowu przełożony 1574, въ Несвижѣ), пользовался тоже библіею церковно-словѣнскою, хотя онъ зналъ, что словѣнскій текстъ содержитъ много ошибокъ, какъ видно изъ сравненія библіи Скорины, московскаго Апостола, Евангелій и др. книгъ. „Что касается словѣнскаго перевода", говоритъ Будный въ Новомъ Завѣтѣ, „то я его не только не порицаю, а напротивъ я имъ весьма наслаждаюсь, и признаю, что я изъ него научился многому. Мнѣ кажется, что всѣ переводчики нашего славянскаго народа, нынѣшніе и будущіе, либо Поляки, или Русскіе, Хорваты, Чехи, желающіе переводить би-

блію, пока они не будутъ пользоваться этимъ своимъ стариннымъ переводомъ, не успѣютъ, можетъ быть, передать всего такъ, какъ бы слѣдовало. Я говорю, что этотъ переводъ сталъ бы для всѣхъ Славянъ большимъ сокровищемъ; но что же это значитъ, если одни о немъ не знаютъ ничего, какъ Чехи и Поляки, а другіе его понимаютъ неправильно, какъ Русскіе, Москвитяне и другіе.“ Будный объясняетъ иногда на поляхъ польскія слова по-словѣнски (w słowieńskim), на пр. holokauston—całopalenie [1]). „Почему намъ и у нихъ не брать словъ, такъ какъ мы произошли изъ нихъ и мы ни что иное какъ Славяне. Развѣ другіе поступаютъ лучше, которые презирая свою рѣчь заимствуютъ слова у Нѣмцевъ или Итальянцевъ? Такъ мы видимъ, что нѣкоторые предпочитаютъ называть świecznik (подсвѣчникъ) lichtarz, tło (полъ)—pawiment, miłosierdzie—jałmużna. По этому нашъ языкъ, недавно на столько знаменитый, что его самъ папа не смѣлъ бранить, очень падаетъ, и языки латинскій и итальянскій вмѣстѣ съ нѣмецкимъ у насъ берутъ верхъ.“ Будный совѣтуетъ, чтобъ, по его примѣру, и другіе употребляли слова изъ всѣхъ нарѣчій польскихъ, слова великопольскія, краковскія, мазовскія, подляшскія, сандомѣрскія, и тоже русскія [2]).

---

[1]) Co się słowieńskiego przekładu dotycze, temu też ja nie tylko nie ganię, ale się w niem wielce kocham, i owszem i to wyznawam, żem się z niego wiele nauczył. A tak się mi zda, że wszytcy słowieńskiego naszego narodu niniejszy i potomni tłumacze, bądź Polacy, bądź Rusacy, Karwatowie i Czechowie, którzy by Nowy Testament chcieli przekładać, póki tego przekładu dawnego swego dokładać się nie będą, tedy snać nie we wszytko, jako by miało być, trafią. Mówię, że ten przekład za wielki by skarb wszem Słowianom stał; ale cóż po tem, gdy o nim jedni nic nie wiedzą, jako Czechowie i Polacy, a drudzy go nieprawie rozumieją, jako Rusacy, Moskwiczy i ini. О словѣнскомъ языкѣ въ Польшѣ см. послѣднюю главу.

[2]) Симона Буднаго нельзя смѣшивать съ Хорватомъ Симономъ Будиничемъ (см. ниже), какъ это сдѣлалъ Гатцукъ (Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1872, май, стр. 326).

Будный помогалъ также своему товарищу Лаврентію *Крышковскому* въ переводѣ латин. сочиненія Św. Justyna filozofa i męczennika rozmowa s Tryfonem żydem (въ Несвижѣ 1564). Въ предисловіи переводчикъ касается переводовъ съ латинскаго языка на польскій, что́ часто довольно трудно; такъ на пр. слово sacerdos переводится новымъ словомъ kapłan, что́ происходитъ изъ латинскаго capellanus или, въ виду целибата, изъ слова kapłun. „Но у старыхъ Поляковъ язычниковъ было другое слово, которымъ они называли сожигавшаго скотъ въ честь боговъ, которое, по небрежности, утрачено или, чтобъ правду сказать, сохранилось у Русскихъ, нашихъ братьевъ. Эти послѣдніе, хотя нынѣ называютъ такого вообще попомъ, въ книгахъ однако пишутъ жерцъ (т. е. жрецъ), и справедливо, ибо употребляютъ тоже слово жертва отъ żarcia (жранья), потому что она огнемъ бываетъ pożarta (сожрана). Если попы папежники называются князья (księża), то это выдумала ихъ гордость; ибо имъ казался прежній ихъ титулъ *паны* слишкомъ малымъ, и по этому приказали называть себя князьями, такъ какъ они хотѣли сравниться съ королями и съ другими начальниками, да и превзойти ихъ, въ чемъ и не ошиблись. Ибо они не только отняли у свѣтскихъ господъ, какъ они говорятъ, этотъ титулъ, но сдѣлали имъ и въ имуществѣ немало вреда. По этому они ихъ назвали княжатами, какъ бы въ насмѣшку, а себя цѣлыми князьями, хотя этого титула не далъ имъ ни одинъ народъ, кромѣ Чеховъ и Поляковъ.“ Крышковскій зналъ тоже чешскій языкъ, и перевелъ съ чешскаго книгу O prawdziwym i gruntownym używaniu zbawienia w uspokojonym człowieka sumieniu; rozmowa czterech braci w zakonu Chrystusowego. Z dozwoleniem i po przejrzeniu Jerzego Izraela, seniora wielkopolskiego, z czeskiego języka przełożone (въ Шамотулахъ 1558) [1]).

Взгляды тогдашнихъ польскихъ общественныхъ кружковъ на взаимныя отношенія славянскихъ языковъ и на пониманіе

[1]) Этой книги мы не могли найти нигдѣ въ польскихъ библіотекахъ, ни въ Императорской Публ. Библіотекѣ.

въ польскій языкъ другихъ славянскихъ словъ, любопытно изложилъ Лука *Горницкій* въ своей книгѣ объ образцовомъ дворянинѣ Dworzanin polski (1566). Въ этомъ сочиненіи нѣкоторые польскіе шляхтичи разговариваютъ о разныхъ дѣлахъ, между прочимъ тоже о языкѣ. „Нашъ Полякъ отъѣзжай хоть версту отъ дома, сейчасъ же захочетъ говорить не иначе, какъ только на языкѣ той страны, гдѣ онъ немножко пробылъ. Если онъ былъ въ Италіи, то употребляетъ послѣ каждаго слова signor, если во Франціи—то par ma foi, если въ Испаніи — то nos otros cavaglieros (caballeros); а иной, хотя бы и не былъ въ Чехіи, а только переѣхалъ черезъ границы Силезіи, и то уже не хочетъ иначе говорить, какъ только по-чешски, хотя, богъ знаетъ, какой будетъ этотъ его чешскій языкъ. А если ему скажешь, чтобъ онъ говорилъ на своемъ языкѣ, то онъ отвѣтитъ, что онъ забылъ, или что родной языкъ кажется ему грубымъ, и, чтобъ это доказать, вырветъ какое-нибудь древнепольское слово изъ пѣсни Богородица и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ чешскимъ словечкомъ, чтобъ указать грубость своего языка и красоту чужаго; наконецъ, чуть-ли не каждый ораторъ въ польскомъ языкѣ употребляетъ чешскія слова вмѣсто польскихъ, какъ будто это отмѣнно красиво; да однажды при дворѣ хвалили такого оратора, который примѣшивалъ въ свою рѣчь наибольше чешцизны. Не зачѣмъ употреблять безъ всякой нужды чешскія слова въ польскомъ языкѣ, если имѣется собственное польское слово, и на пр. говорить вмѣсто польскаго stany koronne (чины коронные) чешское stawy koronne; ибо это не что иное, какъ будто бы прогоняли Поляковъ изъ земли, а Чеховъ въ нее принимали. Конечно, гдѣ не стало бы польскаго слова для той вещи, которую Поляку слѣдуетъ назвать, или если бы въ переводѣ съ одного языка на другой онъ нуждался въ чужомъ словѣ, то не только нельзя порицать того, если онъ возьметъ слово изъ столь сходнаго съ нашею рѣчью языка, какъ чешскій, но позволяется взять тоже изъ латинскаго, особенно если слово было бы удобопонятно или уже немножко принято. Такъ себя вели и наши славные польскіе ораторы, между тѣмъ какъ нынѣшніе, не понимая этого, безстыдно суютъ въ свой языкъ странныя чужеземныя слова

и, вмѣсто отличныхъ польскихъ словъ, вставляютъ гораздо худшія чешскія. По этому мы мало понимаемъ этихъ новыхъ Цицероновъ, и совершенно не понимаемъ того, что́ они намъ пишутъ. Они же думаютъ, что это очень умно такъ говорить или такъ писать, чтобъ ихъ понимали немногіе или никто; но въ этомъ они, конечно, ошибаются. Такъ какъ нашъ польскій языкъ не особенно совершенный, то возникаетъ вопросъ, какимъ языкомъ надо его пополнять: чешскимъ-ли, русскимъ, хорватскимъ или славянскимъ (charwackim albo słowiańskim - słowieńskim), и дозволяется-ли воскресить давнія, такъ сказать умершія слова, если бы нѣкоторыя изъ нихъ пригодились. Кромѣ того желательно знать, который изъ всѣхъ родственныхъ намъ языковъ самый красивый. Чтобъ удовлетворительно отвѣтить на эти вопросы, надо знать, что нашъ польскій языкъ самъ по себѣ не старъ, хотя Поляки уже давно говорятъ на немъ; онъ родился не очень давно изъ славянскаго (т. е. югославянскаго). Ибо всѣ эти языки, польскій, чешскій, русскій, хорватскій, босенскій, сербскій, рацкій, болгарскій и другіе, были прежде однимъ языкомъ, какъ былъ и одинъ народъ, славянскій. Есть, конечно, другіе, которые говорятъ, что вѣроятно народъ и языкъ русскій самый древній, и что отъ Русскихъ произошли Славяне (Słowacy), названные отъ славы, такъ какъ они ради нея мужественно себя вели; но объ этомъ по причинѣ старины не можемъ знать ничего достовѣрнаго. Довольно, что большинство лѣтописцевъ соглашается, что славянскій народъ между упомянутыми первый. И такъ изъ этого народа, когда одни переселялись туда а другіе сюда, и изъ одного языка произошло много разныхъ языковъ; а въ то время, когда не знали ни письма ни наукъ, и люди и языки были очень грубы. Только когда Болгаре заимствовали буквы отъ Грековъ, прибавивъ нѣкоторыя а другія передѣлавъ, стали кое-какъ писать, и своимъ трудомъ достигли со временемъ того, что перевели много священныхъ писаній съ латинскаго и греческаго на свой языкъ. По этому болгарскій языкъ долженъ быть гораздо богаче нашего, такъ какъ на немъ писали раньше, чѣмъ у насъ. Отъ Болгаръ потомъ приняли письмо Рацы, Сербы, Русскіе и другіе. Въ послѣдствіи изобрѣтено уже болѣе изящное чеш-

ское письмо изъ латинскихъ буквъ, вѣроятно по поводу сосѣдства Чеховъ съ народами негрубыми. Чехи сразу стали говорить лучше, чище, красивѣе, соблюдая какое-то протягиваніе въ словахъ, подобно латинскому ударенію; по этому они и пріобрѣли себѣ такую славу у насъ, что ихъ языкъ считается красивѣе нашего; можетъ быть, онъ богаче нашего, такъ какъ до Чеховъ раньше дошли письмо и науки; но что касается красоты, это еще нерѣшенное дѣло. И такъ, когда не хватитъ польскихъ словъ, то хорошо позаимствовать изъ чешскаго скорѣе, чѣмъ изъ другихъ, потому что этотъ языкъ у насъ популяренъ (wzięty) и считается самымъ красивымъ; ибо это общее мнѣніе, которымъ всегда надо руководиться, придастъ польской рѣчи больше серьезности. Но если бы попалось какое-нибудь чешское слово болѣе трудное, и вмѣсто того было бы болѣе понятно слово русское, хорватское, сербское, или даже древнепольское, кашубское, прусское, въ такомъ случаѣ лучше выбрать слова изъ тѣхъ языковъ вмѣсто чешскаго. Но все это предоставляется собственному усмотрѣнію и соображенію, какое слово больше подходитъ къ польскому слуху, какое лучше и яснѣе, какое точнѣе опредѣляетъ данную вещь. Который изъ этихъ изъ славянскаго происшедшихъ языковъ красивѣе всѣхъ, на то не знаю какъ отвѣтить, не полагаясь только на себя. Чешскій языкъ красивъ, но какъ будто немножко изнѣженный (pieszczący) и къ мужчинѣ не идущій; русскій грубъ, рацскій, сербскій, хорватскій, болгарскій имѣютъ уже что-то языческое (!), такъ какъ они заразились отъ Турокъ; нашъ польскій кажется труднымъ, будто человѣкъ говоритъ полнымъ ртомъ и на силу. Да, не знаю что тутъ сказать.“

По этимъ любопытнымъ разсужденіямъ польскихъ дворянъ о преимуществахъ разныхъ славянскихъ языковъ видно, что въ Польшѣ XVI вѣка толковали объ этомъ вопросѣ такъ, какъ это часто случается и теперь у всѣхъ Славянъ. И нынѣ и всегда на такой вопросъ остается отвѣтить съ однимъ изъ тѣхъ дворянъ, съ почтеннымъ паномъ Крыскимъ: Не знаю, что тутъ сказать; это дѣло вкуса.

Нѣкоторыя мысли Луки Горницкаго встрѣчаются еще спустя двѣсти лѣтъ въ сочиненіи Станислава *Клечевскаго* о началѣ, древности, перемѣнахъ и усовершенствованіи польскаго языка (O początku, dawności, odmianach i wydoskonaleniu języka polskiego zdania, 1767). Клечевскій говоритъ о предкахъ Славянъ, Скиѳахъ (скитающихся) и Сарматахъ, Гетахъ-Готахъ, Дакахъ, Ѳракійцахъ, Иллирахъ, Латинахъ, Грекахъ и др., которые назвались по славѣ или слову Славянами (Словаками), Свевами. Будины назвались-де по деревяннымъ будамъ, позже Деревлянами, Иседоны—Съѣдоны (съѣдали родителей), Куманы — покуманы (кумъ, родственники), Геты или Готы—готовые къ бою, Визиготы—высшіе Готы, Остроготы—Готы имѣющіе острогъ, Битины—битные (воинственные), Троя—страна между тремя морями, и пр. При этомъ Клечевскій замѣчаетъ, что много славянскихъ названій измѣнено иностранцами; такъ на пр. Нѣмцы замѣнили славянскія названія Звѣринъ, Любовъ, Згорѣлецъ своими Шверинъ, Мекленбургъ, Бранденбургъ. Нѣмцы и Татары—вотъ два народа, ворвавшіеся въ славянскія страны и повліявшіе и на славянскій языкъ; въ восточной Германіи, нѣкогда славянской, замѣтны до сихъ поръ жалкіе остатки и слѣды Славянъ. Поляки, Чехи, Москва, Русь, Далматинцы, Хорваты, Словаки (т. е. южные „Славяне"), Краньцы и др., говорятъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, и каждый славянскій народъ хотѣлъ бы быть древнѣйшимъ, считать свой языкъ древнѣйшимъ; но ни одинъ изъ этихъ языковъ славянскихъ не можетъ считаться первобытнымъ, всѣ они какъ бы вѣтки одного дерева; въ нихъ есть слова общія и измѣненныя, такъ что Славяне хотя съ трудомъ но все таки понимаютъ другъ друга. Но такъ какъ Скиѳы-Славяне, занимавшіе Русь, одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ міра, то по всей вѣроятности языкъ русскій, употребляемый на Руси Малой и Бѣлой—древнѣйшій славянскій языкъ. Эти Русскіе, Русины, мало смѣшались съ другими народами, между тѣмъ какъ Москва, Болгаре, Поляки и др. смѣшались больше съ иноплеменниками, и приняли и въ свои языки разные чужіе элементы; Русинъ легче договорится съ Москалемъ, Чехомъ, Далматинцемъ, Рацомъ, Сербомъ, Болгариномъ. Древнѣйшія слова славянскія тѣ, кото-

рыя встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ языкахъ, не смотря на нѣкоторыя измѣненія въ формѣ и въ значеніи; на пр. bog, prawda, słowo, sława, ociec—otec, matka—maty—mater—mać—macierz, mąż—muž, ruda (w słowieńskim języku wszelki kruszec, w polskim tylko kruszec żelazny); Władymir, Radogost, Bronisław, Białogrod — сложныя слова, значущія и въ своихъ частяхъ тоже самое въ каждомъ славянскомъ языкѣ. Польскій языкъ отдѣлился отъ скиоскаго-русскаго очень давно, т. е. со временъ Амазонокъ и Сарматовъ, праотцевъ Поляковъ; а эти Сарматы тоже предки южныхъ Славянъ, которые въ VI в. послѣ Р. Х. вышли изъ Сарматіи. Польскій языкъ со временемъ искажался вліяніемъ чужихъ языковъ, изъ которыхъ принялъ много часто лишнихъ словъ; эти надо по мѣрѣ возможности замѣнять опять своими старыми польскими или заимствовать ихъ у другихъ Славянъ, особенно у ближайшей Руси. Нечего чувствовать отвращеніе къ русской рѣчи, потому что это рѣчь однихъ только простыхъ людей; вѣдь простой народъ всегда сохраняетъ свой языкъ болѣе чистымъ, чѣмъ образованные люди.

Научная разработка польскаго языка, вмѣстѣ съ сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ вообще, началась позже, по почину знаменитаго современника I. Добровскаго, Самуила *Линде*.

4. *Славянская идея у польскихъ поэтовъ* [1]).

Славянское сознаніе замѣтно не только въ польской литературѣ научной; оно сильно проявляется тоже въ изящной литературѣ, въ поэзія и въ простомъ стихотворствѣ. Польскіе поэты соперничаютъ съ хорватскими: Кохановскій и Груховскій сознаютъ себя такими же славянскими поэтами, какъ Гундуличъ и Пальмотичъ.

---

[1]) Слово „поэты“ употребляемъ съ извѣстною оговоркою, подразумѣвая подъ этимъ тоже простыхъ стихотворцевъ.

Польскіе поэты XVI и XVII вв. призываютъ „славянскую Музу“, „славянскую Сапфо“, „славянскую богиню“, „славянскихъ Харитокъ“, чтобъ ихъ вдохновить къ пѣснямъ. Они посвящаютъ свои „славянскіе стихи“, „Славянку въ польской одеждѣ“, „славянскія Камены“, „славянскую Калліопу прибывшую на сѣверъ, гдѣ жилъ славный богатырь славянскій Лѣхъ“— своимъ друзьямъ и покровителямъ. Они воспѣваютъ разныя событія, ожидая одобренія не только со стороны сыновъ Лѣха, но и каждаго истиннаго Славянина. Они прославляютъ знаменитыхъ Поляковъ, „славянскихъ богатырей“ (Замойскаго, Мнишка), „славянскаго Геркулеса происходящаго изъ рода Лѣха славянской крови“ (Гербурта), „славянскаго Улисса“ (Іоанна Ласкаго), „славянскаго Гектора“ (Станислава Любомірскаго), „славянскаго Эпаминонда“ (Карла Ходкевича), „славянскаго Сцеволу“ (Голубка) и др. Іоаннъ Кохановскій прославляется какъ „славянскій соловей“, который „славянскими словами приблизился къ арфѣ Давида“; ему же старшій поэтъ Рей изъ Нагловицъ передаетъ „пѣснь богини славянской“; Мясковскій называется „украшеніемъ языка и славы славянской“, Самуилъ Твардовскій —„славянскимъ Виргиліемъ, изъ-за котораго, уроженца Великой Польши, славянскіе народы не спорятъ, какъ греческія племена изъ-за Гомера“, и пр. Польскіе поэты, восхваляя разныя польскія сочиненія, прославляютъ ихъ тоже какъ сочиненія „славянскія“, и рекомендуютъ ихъ читателямъ какъ сочиненія, которыя приносятъ пользу славянскому языку, славному, обширному, древнему на которомъ говорятъ Чехи, Поляки, Русь, Москва, Хорваты, Далматинцы, Славяне (южные), Рацы, Сербы и др., и на которомъ выходитъ много замѣчательныхъ сочиненій; они радуются, что „нашъ сарматскій языкъ“ не бѣденъ разными отраслями литературы, и что славянская Муза признала за этими сочиненіями вѣрную славу, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ жить потомки славнаго Лѣха. Польскіе поэты, воспѣвая славныя дѣла своего народа, „знатнѣйшихъ Славянъ“, „потомковъ славянскаго Лѣха“, живущихъ у великаго моря славянскаго, по холодной Вислѣ, по Днѣстру и подъ старыми сѣдыми Татрами, подвиги „славянскихъ богатырей

и славянской молодежи", заглядываютъ и въ древнѣйшія времена единства всѣхъ Славянъ, которые и нынѣ живутъ отъ ледовитыхъ водъ до адріатическаго берега, и изъ которыхъ происходятъ Поляки; залетаютъ въ прародину Лѣха, въ югославянскую Хорватію, гдѣ „до сихъ поръ живутъ наши братья, наши сродники, и надѣятся, что наши внуки освободятъ ихъ отъ чужой власти." И когда польскіе пѣвцы умолкаютъ на всегда, то ихъ могилы обвиваютъ Музы „славянскимъ плющемъ [1])."

Славянская идея воодушевляла перваго польскаго поэта XVI-аго вѣка, Іоанна *Кохановскаго.* Онъ самъ называетъ свою „музу славянскою", а Рей восхваляя пѣсни Кохановскаго, охотно отдалъ ему первенство въ польской поэзіи и передалъ пѣснь славянской богини:

Temu w nauce dank przed sobą dawam,
I pieśń bogini słowieńskiéj oddawam.

„Соловей славянскій (słowik słowieński)"—такъ его назвалъ другой польскій поэтъ Каспаръ Мясковскій [2]) — углубился

---

[1]) По словамъ разныхъ польскихъ поэтовъ и стихотворцевъ XVI и XVII вв., Любельчика, Кохановскаго. Гроховскаго. Завицкаго, Исковчика, Витковскаго, Мясковскаго, Сарбевскаго, Твардовскаго, Ободзинскаго, Шимоновскаго, Гавинскаго. Зиморовича, Коховскаго и др. Нѣкоторые изъ нихъ называютъ уже въ заглавіи свои стихи „славянскими", на пр. Гроховскій (Kalliopea słowieńska), Завицкій (Charites słowieńskie), Пашковскій (Wykład bogiń słowieńskich), Витковскій (Sapho słowieńska), Мясковскій (Hercules słowieński).

[2]) Miaskowski: Hercules słowieński (Dobromil 1612). „Славянскій Геркулесъ"—панъ Гербуртъ, который, въ предисловіи къ этой книгѣ, сообщаетъ выше приведенныя слова Рея (срв. варшав. изданіе сочиненій Кохановскаго 1884 г., I. 354), и тоже восхваляетъ Мясковскаго, украшеніе языка и славы славянской (ozdoba języka i sławy słowieńskiéj). У Гербурта и у Мясковскаго вообще замѣтно живое сознаніе славянское; Мясковскій въ своихъ поэмахъ (см. тоже его Zbiór rythmów 1622) часто называетъ пѣсни свои и другихъ польскихъ поэтовъ „славянскими", и составленная имъ самимъ надгробная надпись кончается:

Ale co dowcip dał mu był niepłodny,
Słowieńskim bluszczem Muzy to obwiodły.

въ древнюю исторію Славянъ, и видитъ славную на весь міръ славянскую исторію—na wszytek świat sławne dzieje słowieńskie. Онъ видитъ, какъ Амазонки прибываютъ въ Скиѳію и отъ нихъ родятся воинственные Савроматы, которые распространились въ Азіи и въ Европѣ.. „Ихъ видно при высокой горѣ Прометея, ихъ видно съ другой стороны у ледовитаго моря, и пограничные римскіе орлы неспокойно сидятъ, ибо Савроматы знаютъ дорогу и черезъ великій Дунай. Вотъ Винеты (Венды), по которымъ называлось винетское море, вотъ Росаны, откуда названъ русскій народъ, вотъ Ляксы, откуда названъ Ляхъ, вотъ могущественные Цеки, отъ которыхъ имѣютъ свое имя нынѣшніе Чехи, вотъ Болгаре, которые впереди плывутъ по Дунаю, за ними дѣльные Славяне (южные) одного рода, потомъ Сербы, Анты, Босняки за ними, и воинственные Хорваты съ своими знаменами. Противъ нихъ императоры ставятъ войска со всѣхъ сторонъ, но тѣ все бѣжатъ, не могутъ остановить напора, и народъ славянскій достигъ самаго великаго берега адріатическаго. Смотри, какъ они устраиваются: въ одной рукѣ неспрятанное оружіе, а въ другой гладкая лопаточка каменьщика; первые стоятъ на стражѣ, зорко смотря на всѣ стороны, другіе же строятъ въ защиту стѣны. А тѣ, которые пошли на западъ солнца, заняли все за глубокою водою холодной Лабы. Такимъ образомъ одинъ народъ завладѣлъ чуть не всѣмъ, что огородилъ богъ трояким Нептуномъ. Потомъ Борей Оритію похищаетъ, и гдѣ онъ проходилъ, замѣтенъ его путь въ лѣсу: вырванныя сосны, поваленные дубы и рѣки замерзшія ледяными мостами. Это сказаніе, либо правдивое либо выдуманное, значитъ, что спустя много лѣтъ встанетъ народъ съ полуночи, и южная страна не преодолѣетъ его мощи.

Widać je przy wysokim wierzchu Promethowym,
Widać je z drugiéj strony przy morzu lodowym,
I orły pograniczne rzymskie płocho siedzą,
Bo i przez wielki Dunaj oni drogę wiedzą.
To Wineci, zkąd morze wineckie nazwano,
To Rossani, zkąd ruski naród mianowano,
To Lexi, zkąd Lach rzeczon, to możni Cekowie,
Od których imię mają dzisiejszy Czechowie.

To Bułgary co naprzód płyną po Dunaju,
Po nich dzielni Słowacy jednego rodzaju,
Więc Serby, więc Antowie, Bosnacy za nimi,
I Karwaci waleczni z chorągwiami swémi.
Przeciwko tym cesarze wojska zasadzają
Ze wszytkich stron, ale tył zawżdy podawają,
Nie mogąc gwałtu strzymać: a naród słowiański
Nie oparł się aż o brzeg wielki adriański.
Patrz że, jako się sobią: broń nieuchroniona
W jednéj ręce, a w drugiéj kielnia ugładzona.
Owi na wszytki strony czujną straż trzymają,
A ci zasię obronne mury zakładają.
A którzy zaś na zachód słońca się chynęli.
Aż za wodę głęboką zimnéj Łaby wzięli.
Tak iż był niemal wszytko jeden opanował
Naród, co Bóg trojakim Neptunem warował.
Potym wszytkim Boreas Orythią niesie,
A gdziekolwiek przeminął, znać gościnice w lesie:
Sośninę wywróconą, dęby powalone,
A rzeki lodowémi mosty utwierdzone.
Która powieść, bądź za rzecz prawdziwą utwierdzona.
(Bo kto tego nie wspomniał), bądź też tak zmyślona,
Znaczyła, że za laty miał wstać lud z północy,
Którego kraj południ nie miał zdołać mocy [1]).

---

[1]) Поэма Proporzec albo hołd pruski, въ полномъ собраніи сочиненій І. Кохановскаго въ Краковѣ 1585 г., стр. 172, въ Варшавѣ 1884, II, стр. 251. (Ради удобства читателей употребляемъ повсюду нынѣшнее польское правописаніе). „Hołd“ означаетъ здѣсь присягу вѣрности (Huldigung, hold) молодаго прусскаго князя Альбрехта польскому королю Сигизмунду Августу, его дядѣ, на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 г.; на врученномъ князю знамени (proporzec) поэтъ видитъ изображеннымъ свой разсказъ о древней исторіи Славянъ. Альбрехтъ былъ по матери въ родствѣ съ Ягайловичами; по этому называлъ его тогда польскій писатель Квятковскій (см. стр. 148) „украшеніемъ народа славянскаго“. — „Musa slavica“ встрѣчается въ элегіяхъ (І. 6) Кохановскаго. О мнѣніи Кохановскаго относительно происхожденія Чеховъ и Лѣховъ см. выше стр. 136. Кохановскій однако не могъ освободиться отъ общепринятаго мнѣнія, что Поляки по-

Польскіе поэты нерѣдко хорошо схватили нѣкоторые важные моменты въ исторіи своего народа, относящіеся къ его положенію и значенію въ Славянствѣ. Не мало тревожили Поляковъ успѣхи вѣковаго врага Славянства на западѣ, Нѣмцевъ, которые истребивши Славянъ полабско-балтійскихъ, пріобрѣли вліяніе и со временемъ и господство въ Чехіи и Угріи, и стремились—посредствомъ тевтонскаго ордена, Бранденбурга и австрійскихъ Габсбурговъ – водвориться и въ Польшѣ. Давно миновало то славное для Поляковъ время, когда Болеславъ Храбрый укротилъ и кровью обагрилъ надменнаго Нѣмца и западныя границы своего государства опредѣлилъ желѣзными столбами на рѣкѣ Лабѣ [1]).

Давно исчезли эти желѣзные граничные столбы польскіе на Лабѣ; давно миновало то время, когда еще Болеславъ III задержалъ Нѣмцевъ, по преданію, на Песьемъ полѣ въ Силезіи. Нѣмцы подвинулись глубоко на востокъ въ самую Польшу, свили себѣ гнѣзда въ польскихъ городахъ, въ самомъ Краковѣ, гдѣ въ началѣ XIV в. тамошній войтъ Альбертъ измѣнилъ своему польскому князю Владиславу, желая служить Нѣмцу. Нѣмцы—поетъ тогда одинъ современникъ—куда бы ни пришли, хотятъ всегда быть первыми и никому не подчиняться: они съ начала унижаются, но потомъ посредствомъ браковъ, обмана, денегъ, пріобрѣтаютъ вліяніе, мѣста, имѣнія. Такимъ образомъ обмануты Чехи, и вытѣснены Нѣмцами изъ своихъ имѣній, и потеряли все.

Quae est Almanorum cura,
Ut quocunque veniunt,
Semper volunt primi esse,
Et nulli prorsus subesse.

томки Лѣха: въ поэмѣ Zgoda (единодушіе) обращается къ Полякамъ—do was, o potomkowie Lecha słowieńskiego (по варшав. изд II. 219).

[1]) Срв. Вячеслава Потоцкаго Wojna Chocimska (1673, изд. 1850 г. стр. 3, 172, 197), Іоанна Калинскаго Zodiacus coeli sarmatici (1715, Lyricorum lib. II. ode 3), и др.

Sic Bohemi sunt delusi,
De bonis suis detrusi
Ab ipsis Teutonicis [1]).

Поляки жалѣли, что Чехи запутывались въ нѣмецкія сѣти, но польскіе политики не предпринимали ничего серьезнаго, чтобъ разорвать эти сѣти и выпутать изъ нихъ своихъ единоплеменниковъ. Сила Нѣмцевъ въ Польшѣ упала, могущество тевтонскаго ордена сломано, а преемникъ грозныхъ гросмейстеровъ, прусскій князь Альбрехтъ, стоя въ Люблинѣ на колѣняхъ передъ польскимъ королемъ, принимаетъ изъ его рукъ знамя. А на этомъ знамени прусскаго князя польскій поэтъ І. Кохановскій видитъ славную исторію Славянъ и будущее ихъ торжество посредствомъ ихъ сѣвернаго богатыря. Но польскій поэтъ не довѣряетъ Нѣмцамъ и впредь; онъ хорошо знаетъ, что они зорко слѣдятъ за Поляками и все больше къ нимъ приближаются.

Tego tam niewiem, jaką przyjaźń z Niemcy macie,
Albo jako daleko sobie dziś ufacie.
To tylko znam, że na was pilne oko mają,
I co rok, to się pod was bliżéj podsadzają [2]).

Кохановскій не ошибался: Габсбурги, послѣ прекращенія рода Ягайла, упорно добивались польской короны, дѣйствуя на Поляковъ посредствомъ Чеховъ; да нѣкоторые Поляки и Чехи предполагали, что вслѣдствіе возложенія польско-литовско-русской короны на головы Габсбурговъ поднимется даже слава языка славянскаго. Но не всѣ Поляки такъ думали; многихъ тревожило это дальнѣйшее распространеніе Нѣмцевъ изъ Чехіи и Угріи на славянскій востокъ; они не хотѣли имѣть королемъ

---

[1]) Miscellanea Cracov. II. 85, Wiszniewski Historya liter. polskiéj I. 214. Ненависть польскихъ земянъ къ нѣмецкимъ мѣщанамъ хлопамъ краковскимъ замѣтна и въ пѣснѣ объ убіеніи Андрея Тэнчинскаго 1462 г. (Album literackie, wyd. K. Wł. Wójcicki I. 301).

[2]) Satyr, по изд. варшав. II. 47.

Нѣмца, а такого, который бы зналъ ихъ языкъ и любилъ ихъ народъ.

Ale najpotrzebniejsza, by taki panował,
Coby język nasz umiał i naród miłował,
Inszych się, przebóg, strzeżmy, bo póki świat światem,
Owcy wilk a nam Deutsch na pewne źle bratem! [1])

Противъ кандидатуры нѣмецкихъ Габсбурговъ подпималась въ Польшѣ всегда сильная опозиція, и нѣмецкіе искатели польской короны потерпѣли всегда неудачу, на избирательныхъ сеймахъ и даже на побоищѣ. Пораженіе Максимиліана и побѣда Іоанна Замойскаго подъ Бычиною (1588) встрѣчены въ Польшѣ съ большою радостью [2]). Іоахимъ *Бѣльскій* въ одахъ (Carminum liber, 1588) предостерегаетъ тогда своихъ соотечественниковъ отъ нѣмецкаго господства. Польша была счастлива, пока она воздерживалась отъ повелителя чернаго Нѣмца, природнаго врага польской крови; хорошо жилось Чехамъ подъ господствомъ Чеха, а погибли они подъ Нѣмцемъ; Нѣмецъ составляетъ общую опасность для Угріи, Чехіи и Польши, и пусть богъ предотвратитъ зловреднаго для этихъ трехъ государствъ Нѣмца.

Donec erat foelix mea Lechia, Teutone nigro
Abstinuit domino,
Teuto poloniaci genuinus sanguinis hostis,
Dum pluet aether, erit.
Incolumisque Boëmus erat, regnante Boëmo,
Teutone qui interiit.
Teuto Pannoniae et Lechiae commune periclum,
Teuto Boëmiae.
Dii procul hinc superi nociturum Teutona vertant
His tribus imperiis.

По этому Бѣльскій и восхваляетъ Замойскаго, что онъ подъ Бычиною сопротивлялся австрійскимъ тиранамъ (Austriis late ty-

---

[1]) Стихи 1573-го г. записаны въ Tekach Naruszewicza, t. 81, N-ro 124. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ 1882 г., стр. 122.
[2]) Срв. выше стр. 72 о разговорѣ Замойскаго съ Розенбергомъ.

rannis) и отразилъ отъ Сарматіи сильнаго повелителя. Подобно тому Станиславъ *Гроховскій*, въ пѣснѣ о побѣдѣ подъ Бычиною (Pieśń Kalliopy słowieńskiéj na zwycięztwo pod Byczyną, 1588), прославляетъ побѣдителя Замойскаго какъ славянскаго богатыря, который прославилъ въ свѣтѣ Бычину на злую вѣсть Нѣмцамъ; по этому онъ, опытный гетманъ польскій, будетъ славиться больше другихъ славянскихъ богатырей.

Rozsławił światu Byczynę
Na smutną Niemcom nowinę.
I ty mężu doświadczony,
Hetmanie polskiéj korony,
Słynąć będziesz przed inszemi
Bohatyrmi słowieńskiemi.

Значеніе побѣды Замойскаго подъ Бычиною понимали въ Польшѣ долго, и еще почти сто лѣтъ спустя, во второй половинѣ XVII в., поэтъ Вячеславъ *Потоцкій* (Wojna Chocimska, 1673), нѣсколько разъ упоминаетъ о томъ, что у волковъ польской вольности и враговъ, Нѣмцевъ, болитъ Песье поле (Psie pole) и свѣжая Бычина; онъ жалѣетъ о томъ, что уже нѣтъ въ живыхъ великаго Іоанна, который, равнымъ образомъ какъ повалилъ Нѣмца подъ Бычиною, навѣрное бы повалилъ и поганыхъ.

Obyż cię dziś ojczyzna miała wielki Janie,
Na samo imię twoje zdechliby poganie.
A jakoś strącił Niemca, co świadczy Byczyna,
Tak pomoż z tegoż stopnia strącić poganina [1]).

Нѣмцы не помогли Польшѣ и въ 1621-омъ г., желая вѣрно ея гибели. Вотъ плоды австрійской лиги, къ которой стремились

---

[1]) Епископъ Пясецкій въ своей хроникѣ (p. 105, 269) тоже восхваляетъ Замойскаго, вождя тѣхъ, qui suspectam regno cum Austriacis amicitiam devitandam censerent; ему обязана Польша сохраненіемъ своихъ свободъ, quas universas prorsus concidisse perpetuo, eandemque cum Boëmis miserandae servitutis subiisse fortunam necesse fuisset, Maximiliano Austriaco ejus opera non victo, et ad hoc regnum admisso.

тогда съ другими и Поляки; для нихъ мало, что лишили свободы Чеховъ, нашихъ братьевъ, и Угровъ; они все стремятся разстраивать наши сеймы, наши междударствія, ждутъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ, какъ скоро оставитъ насъ наша милая свобода, влѣзть намъ на шею и завладѣть четвертою короною, которая однако не досталась уже двумъ Максимиліанамъ. Да - пока стоитъ свѣтъ, Нѣмецъ никогда не будетъ Поляку братомъ!

Więc mieszać nasze sejmy, nasze interregna,
Czyhając rychło miła wolność nas pożegna,
Rychło nam karki osieść, mieć czwartą na głowie
Koronę, zkąd spadli dwaj Maximilianowie.
. . . . . . Bo póki świat światem,
Nigdy Niemiec nie będzie Polakowi bratem.

Борьба съ наступающими съ запада на востокъ Нѣмцами не была однако Полякамъ подъ силу, и кончилась не въ ихъ пользу. Неосторожно Польша выпустила изъ рукъ завоеванную Пруссію, и изъ нея выросла опасная Славянству держава прусско-бранденбургская; неосторожно поддержали польскіе короли господство Нѣмцевъ на Дунаѣ, предоставивши имъ уничтожить чешское государство и предотвративши ихъ гибель со стороны Турокъ—а поддержанные Польшею Нѣмцы приступили и къ ея съѣденію. Горько жалуется, еще на канунѣ паденія Польши, поэтъ Станиславъ *Трембецкій* (1784) на безконечную борьбу восточныхъ Славянъ, Поляковъ и Русскихъ, которая только способствовала усиленію Нѣмцевъ. Когда мы — восклицаетъ поэтъ — недостойно истребляемъ другъ друга собственными силами, усилились слишкомъ пришлецы въ нашей землѣ. Никогда намъ не были страшны мужествомъ Нѣмцы, распространяющіеся хитростью, куплею и женами. Одни изъ нихъ (Прусаки) были еще вчера нашими данниками, а другихъ (Австрійцевъ) мы освободили изъ-подъ топора поганыхъ. Когда мы пали на колѣни передъ ихъ оружіемъ, они усыпили насъ дружбою и сонныхъ обобрали!

Gdy własnemi siłami niszczym się niegodnie,
Nazbyt w naszych krainach wzmogli się przychodnie.

Nigdy nam z męztwa straszne niebyli Teutony,
Szerzące się przez chytrość, przez kupno i żony.
Z tych jedni byli nasi hołdownicy wczora,
Drugichesmy z pod pogan wydarli topora.
Kiedyśmy przed ich bronią na kolana padli,
Uspili nas przyjaźnią i śpiących okradli [1]).

Другая борьба, наполняющая исторію Польши XV — XVII вв., — это борьба на юговостокѣ съ Турками и Татарами. Она легла тяжело именно на Славянъ, и въ ней и Поляки играютъ выдающуюся роль. Въ этой борьбѣ погибъ уже въ XV в. молодой король польскій и угорскій Владиславъ III подъ Варною въ Болгаріи: его могила — по словамъ Кохановскаго—Европа, столбъ—снѣжные Балканы, надпись—вѣчная память между христіанами.

Grób jego jest Europa, slup śnieżne Balchany,
Napis wieczna pamiątka między krześciany [2]).

Въ этой борьбѣ погибъ позже подъ Мохачемъ (1526) другой молодой Ягайловичъ, король угорскій и чешскій Людовикъ; въ ней отличились королевичъ Владиславъ и король Іоаннъ Собескій, и многіе польскіе воины, воевавшіе и погибавшіе не только по Днѣстру и Днѣпру, но и въ южныхъ странахъ подунайскихъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ Уграми, Румунами, Словаками, Хорватами и Сербами, сражались съ Турками и были свидѣтелями храбрыхъ подвиговъ Югославянъ. Всѣ эти храбрые польскіе воины возвратившись на родину, любили слушать думы

---

[1]) Poezye (Warszawa 1865, p. 96).

[2]) Dzieła (Warszawa 1884, II. 497). Матвѣй Стрыйковскій помѣстилъ въ своей хроникѣ стихотворное описаніе этого сраженія, и замѣчаетъ:

Byłem sam tam w tych polach, gdzie naszy przodkowie,
Turki bili, śpiewają dziś o nich Serbowie,
Widziałem Warnę z płaczem...

бродившихъ въ Польшѣ сербскихъ пѣвцовъ, прославлявшихъ борьбу съ Турками Поляковъ и мужественныхъ Хорватовъ [1]).

Въ этой борьбѣ восточнаго Славянства съ Татарами и Турками по Днѣстру, Днѣпру и Черному морю, главная роль выпала однако не на долю Поляковъ, а на долю занимавшихъ большую часть польской Рѣчи-посполитой южныхъ Русскихъ поднѣпровской Украины и карпатской Руси, запорожскихъ казаковъ, народа и шляхты земель кіевской и волынской, подольской и червонорусской, той шляхты, которая только позже ополячилась. Эти Русскіе — по словамъ Поляка Папроцкаго (1575 г.) — выносили всю тяжесть безконечной борьбы съ магометанскимъ міромъ; они-то были и военными учителями Поляковъ прибывавшихъ на Украину. Славныя дѣла Русскихъ—восклицаетъ Папроцкій, обращаясь къ Полякамъ — заслуживаютъ вѣчной памяти въ потомствѣ. Какъ мужественные львы охраняютъ они все христіанство, и почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Вы бы еще сами удѣлили имъ отъ своихъ избытковъ за то, что, по ихъ милости, наслаждаетесь такою без-

---

[1]) Вотъ на пр. что говоритъ Іеронимъ Морштынъ въ своихъ стихахъ Światowa rozkosz (1606), перепечатанныхъ Крашевскимъ (Pomniki do historyi obyczajów w Polsce, (Warszawa 1843, p. 179):

Drudzy zaś co to lata na żołdziech trawili,
Trąb już i bębnów syci, kozła polubili.
Przy nim Serbin żałosny długi smyczek wlecze,
Łeb skrzywiwszy po półciu, a rywulę siecze,
Grając im starodubskie dumy, jak przed laty
Turków bili Polacy i mężne Horwaty.

(Другіе же. проводившіе много лѣтъ на военной службѣ, насыщенные уже трубами и барабанами, полюбили волынку. При ней Сербъ волочитъ жалостный длинный смычекъ, скрививши голову въ длину, и дуетъ вино, играя имъ стародурскія думы, какъ въ старину Турокъ били Поляки и мужественные Хорваты).

опасностью. Явите вы здѣсь достойныя памяти дѣла, какія совершаютъ безпрестанно эти, можно сказать, святые люди. Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ Русскаго? Изъ вашего Матуша выходитъ здѣсь на Руси добрый воинъ, а польскій вашъ сынокъ превращается въ храбраго рыцаря. Что дѣлалъ Геркулесъ, который убивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси съумѣетъ сдѣлать каждый. Самсонъ разодралъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время Русскому за обычай. Могущественный Турокъ разинулъ на насъ пасть, и доблестные Русскіе не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются Русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями, и, когда совершатъ что-нибудь полезное, всѣмъ вамъ прибываетъ отъ того славы. Слава этого доблестнаго русскаго народа распространена всюду, и останется за нимъ во вѣки вѣчные, хотя бы Польша и погибла!

Broniąc wszytkich krześcian jako mężni lwowie,
Owa mało nie wszytko tam z nich Hektorowie.
Od was żadnéj pomocy do tego nie mają,
Tak was jak karmne woły w pokoju chowają.
Okażcież wy swe sprawy tu godne pamięci,
Jakie ci zawsze czynią ludzie prawie święci
O sroższego niżli smok Turczyna się kusi,
Umie to dziś leda chłop u nas sprawić na Rusi.
Samson słynie, że to był rozdarł gębę lwowi,
I dzisich lat to nie dziw czynić Rusakowi.
Rozdziewił możny Turczyn na nas swą paszczękę,
Nie raz zacni Rusacy tkają mu w nię rękę.
On z wojskiem niezliczonym na Polskę się puszcza,
Ale mu można siła ruska nie dopuszcza.
Sława o tym cnym narodzie wszędy zacnie słynie,
I będzie wiekom wiecznie, chociaż Polska zginie! [1])

---

[1]) Эти замѣчательные стихи Варѳоломея Папроцкаго Do Polaków помѣщены въ его книгѣ Panosza to jest wysławienie panów i paniąt ziem ruskich i podolskich (Kraków 1575), и перепечатаны у Кулиша: Исторія возсоединенія Руси, II. 425; и срв. I. 107—109.

Эта борьба восточнаго Славянства, Поляковъ и Русскихъ, съ магометанскимъ міромъ составляетъ любимый предметъ польскихъ поэтовъ и стихотворцевъ. Они описывая въ стихахъ усиленіе турецкаго могущества, часто пеняютъ на несогласіе и распри христіанскихъ государей, и пламенными словами взываютъ къ Польшѣ, чтобъ она, для избѣжанія судьбы порабощенныхъ Турками христіанскихъ народовъ, вмѣстѣ съ другими христіанскими государствами боролась съ врагами христіанскихъ народовъ. При этомъ эти польскіе поэты или скорѣе стихотворцы, зная отъ части судьбы Югославянъ, перѣдко указываютъ на печальное положеніе своихъ славянскихъ соплеменниковъ и надѣятся на ихъ помощь въ затѣяпной борьбѣ съ Турками и на ихъ освобожденіе.

Уже въ началѣ XVI в. извѣстный польскій историкъ Бернардъ *Вановскій*, прославляя въ одѣ побѣду польскаго короля Сигизмунда I надъ Русскими подъ Оршею (1514), выражаетъ желаніе, чтобы король занялъ весь славянскій востокъ до Урала, Волги, Дона и каспійскаго моря; и замѣчаетъ, что отъ польскаго короля ждутъ спасенія порабощенные Турками христіане, что его ждутъ Византія, Днѣстръ, Дунай и Балканъ: Te expectant Byzantia moenia regem, Tyras, Ister, Haemus [1]).

Къ борьбѣ съ Турками и Татарами вызываютъ въ XVI в. Поляковъ пламенными стихами Мартынъ Пашковскій, Матвѣй

Еще сто лѣтъ спустя другой Полякъ, Викентій Устрицкій, въ своей эпопеѣ Sobiescias (1686, p. 17) восхваляетъ храбрость сыновъ Украины:

Vasta procul Lechicos extendit Russia fines,
Sumitur unde suum Slavis Ucraina nomen,
Terra ferax, pinguisque soli notissima gleba,
Sed virtute virum, duris sed notior armis,
Hanc Cosaci bellis habitant gens nata gerendis,
Fortis Sarmatiae populus, Lechicique valoris
Pars memoranda...

[1]) Carmina de memorabili cede scismaticorum Moscoviorum etc. (Romae 1515); см. выше стр. 113.

Стрыйковскій и Севастіанъ Клёновичъ [1]). Пашковскій взываетъ къ Полякамъ, чтобъ они дѣйствовали единодушно, чтобъ съ ними не случилось то, чтó съ Сербами, Босняками, Уграми и Греками, которые поссоренные, глухіе къ просьбамъ и плачу сосѣдей, сдѣлались добычею Турокъ. Стрыйковскій, который собственными глазами видѣлъ порабощеніе и неволю южныхъ Славянъ въ Турціи, въ своихъ стихахъ O wolności korony polskiéj (1575 и 1587), указываетъ Полякамъ на примѣръ югославянскихъ царствъ, которыя постигла бѣда въ слѣдствіе войнъ христіанскихъ народовъ, которыя покорены Турками, и плачетъ, съ пророкомъ Іеремією, надъ порабощеніемъ Славянъ въ Турціи: Наши наслѣдства достались иноплеменникамъ, жестокія руки отняли у сиротъ ихъ собственный хлѣбъ, мы пили свою собственную воду за деньги, мы купили свои дрова у поганыхъ въ неволѣ. Надъ шеею нашею стояли лютые палачи, не давали намъ удрученнымъ работою отдохнуть. Подлые слуги наши господствовали надъ нами, и въ нашихъ собственныхъ державахъ нами повелѣвали. Такъ нынѣ горюютъ Сербы и Болгаре, Босняки и Далматинцы, какъ въ то время Жиды. Вздыхаютъ съ плачемъ тѣ славянскіе народы, наши братья въ неволѣ, лишенные свободы, которые въ слѣдствіе божьяго гнѣва и своего несогласія обременены печальною турецкою жестокостью.

---

[1]) M. Paszkowski: Wenecya (1572, 1587; вновь издалъ T. Wierzbowski. Warszawa 1880); Stryjkowski: Pobudka i napominanie ojczyzny do swych synów ku pomszczeniu krzywdy swych granic (помѣщено въ Gonice cnoty 1574). O wolności korony polskiéj (1575, 1587); Klonowicz: Carmen classicum, quo christiani reges invitantur ad occasionem pugnandi contra Turcam sedium nostrarum occupatorem, помѣщенное въ его Victoria deorum (1587) и изданное имъ позже и по-польски: Pożar, upominanie do gaszenia i wróżka o upadku mocy tureckiéj (1597). Стихи Стрыйковскаго о вольности короны польской издалъ позже Лавр. Хлебовскій: Wolność złota korony polskiéj (1611), но подъ своимъ именемъ какъ плагіатъ. Нѣсколько стиховъ Стрыйковскаго о неволѣ Югославянъ приводитъ и Гвагнинъ въ своей хроникѣ Сарматіи и другихъ земель (1611).

Dziedzictwa cudzoziemcom nasze się dostały.
Srogie ręce sierotom chleb własny pobrały,
Wodęśmy własną swoję za pieniądze pili,
Drwaśmy swoje u pogan w niewoli kupili.
Nad szyją nam okrutni katowie stojeli,
Spracowanym od pracej wytchnąć niechcieli.
Sługy naszy niegodni, ci nam panowali,
A w naszych własnych państwach nam rozkazowali.
Takci dziś narzekają Serbi, Bułgarowie,
Bosnacy i Dalmatae, jak w on czas Żydowie.
Wzdychają z płaczem ony słowieńskie narody.
Bracia naszy w niewoli, pozbywszy świebody,
Którzy za gniewem bożym i swą niestwornością
Obciążeni są smętną turecką srogością.

Христіанскіе народы въ Турціи взываютъ о помощи къ христіанскимъ государямъ, къ цесарю, Полякамъ, къ смѣлымъ литовскимъ и русскимъ казакамъ, и къ другимъ русскимъ юнакамъ; но, къ сожалѣнію, между христіанами нѣтъ единодушія; если бы оно было, то славянскія царства (słowieńskie czarstwa) жили бы уже въ своей свободѣ. Если Поляки соединятся съ другими христіанскими государями, въ томъ числѣ и съ великимъ княземъ московскимъ, и нападутъ на Турокъ, то всѣ тѣ славянскіе и греческіе народы примкнули бы къ такому союзу, и Славяне въ Сербіи и въ Болгаріи охотно бы помогали перешедшимъ за Дунай Полякамъ [1]).

---

[1]) Стрыйковскій и въ своемъ Goniec cnoty (1574, въ отд. Pobudka i napominanie ojczyzny do swych synów ku pomszczeniu krzywd swych granic) указываетъ на то, что во время ссоръ сосѣдей и братьевъ напалъ на нихъ Турокъ; онъ дурной примиритель, и пусть насъ не разнимаетъ. Гдѣ Боснія и Сербія? Ихъ постигла та же самая бѣда—Gdzie Bosna, Serby? taż je wzięła stradza.—Пашковскій и Стрыйковскій (и Хлебовскій) приводятъ въ своихъ стихотворныхъ разсказахъ объ исторіи Турокъ тоже разные факты изъ югославянской исторіи, которые они, какъ видно, почерпнули изъ сочиненія Михаила Константиновича (см. выше стр. 86); они разсказываютъ о сербскихъ короляхъ и деспотахъ, о Лазарѣ, Милошѣ Кобиличѣ (Кобиловичѣ), о болгарскомъ государѣ Маркѣ, и пр. Какъ

Яркими красками рисуетъ неволю христіанскихъ народовъ въ Турціи Севастіанъ *Клёновичъ*. Знаменитый поэтъ и философъ польскій пламенными словами взываетъ къ своимъ соотечественникамъ и къ другимъ христіанскимъ народамъ, начать священную войну противъ Турокъ; ихъ сила въ янычарахъ, происходящихъ отъ нашей крови. Надо же тушить приближающійся къ Польшѣ пожаръ, истребить царство сатаны, возобновить христіанскія государства, водрузить крестъ на соборѣ св. Софіи и возстановить престолъ славныхъ Константиновъ.

Wstawajcież bracia na tę wojnę świętą,
Wypędźcie z granic tę hydrę przeklętą!
Niechaj się wali królestwo szatańskie,
Niech się fundują regimenty Pańskie!

М. Пашковскій и позже, въ своей стихотворной хроникѣ казацкой, татарской и турецкой (Dzieje tatarskie, kozackie i tureckie, 1615, 1618), часто говоритъ о неволѣ христіанъ въ Турціи, и, парафразируя стихи Стрыйковскаго, замѣчаетъ, что всему этому причина несогласіе христіанъ, которое наложило тиранскія оковы на ихъ братьевъ; въ этихъ оковахъ стонутъ и плачутъ нынѣ Болгаре, воинственные Сербы и Рацы, Босняки, Далматинцы, Хорваты, Угры, Волохи, Греки и другіе; горько вздыхаютъ въ неволѣ тѣ славянскіе народы, наши братья, лишенные свободы.

строгіе католики они осуждаютъ гуситство и протестантство, которыя мѣшали соединенію христіанскихъ силъ противъ Турокъ; по этому Стрыйковскій (и Хлебовскій) говорятъ тоже о „злыхъ Жижкахъ", которые въ Чехіи воевали съ Нѣмцами, Уграми и Поляками. Пашковскій очень возстаетъ противъ протестантовъ; онъ доволенъ, что „надменному Чеху" императоръ сбилъ рога (1547 г.), и выставляетъ Полякамъ примѣръ „Чеховъ, ихъ братьевъ," которые въ слѣдствіе нарушенія правъ церкви сами лишились своихъ правъ и вольностей; Пашковскій разсчитываетъ впрочемъ и на содѣйствіе „смѣлыхъ Чеховъ" въ общехристіанской борьбѣ противъ Турокъ.

Chrześciańska niezgoda wszytko to sprawiła,
Iż w te pęta tyrańskie bracią swą wprawiła.
Stękają dziś w tych pęciech Bułgary, Serbowie,
Bosnacy i Dalmate i bitni Racowie,
Stękają Aegiptczycy, Ormianie, Grekowie,
Narzekają Multani, Węgrzy, Harwatowie.
Gorzko wzdychają one słowieńskie narody,
Bracia naszy, w niewoli pozbywszy swobody.

Сознаніе племеннаго родства Поляковъ и Югославянъ, откуда-де вышелъ праотецъ Ляховъ и основатель Польши, славянскій князь Лѣхъ; горечь Поляковъ изъ-за неволи Югославянъ, и мысль объ обязанности Поляковъ, освободить своихъ южныхъ братьевъ изъ-подъ этой постыдной турецкой неволи: все это часто проявляется среди польскаго народа и польскихъ поэтовъ и XVII-аго вѣка. Самуилъ *Твардовскій*, описывая въ стихахъ посольство князя Христофора Збаражскаго въ Царьградъ къ султану Мустафѣ въ 1621-омъ г. (Przeważna legacya ks. Krysztofa Zbaraskiego, 1639), разсуждаетъ, по поводу прибытія своего героя на Дунай въ Русчукъ въ Болгаріи, о древней исторіи польскихъ и южныхъ Славянъ; онъ полагаетъ, что воинственное племя нашихъ предковъ вышло изъ Сарматіи и поселилось въ плодородныхъ странахъ, въ Сербіи, Босніи и Далмаціи, по вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что по другимъ случилось это на оборотъ, и по этому при такой „конфузіи“ трудно знать, вышли-ли они отъ насъ или мы отъ нихъ. Какъ бы то ни было, славные эти выходцы изъ Сарматіи покорили Иллирикъ и Хорватію до моря венеціанскаго, но потеряли свое имя, назвавшись, по первой своей области Славоніи—Славянами; нынѣ-же въ неволѣ у поганыхъ называютъ ихъ Румы-Руманы (Румелійцы), и до сихъ поръ они на насъ похожи своею славянскою рѣчью. Всѣ эти области, Иллирикъ, Боснія, Сербія, Хорватія, Славонія, Болгарія, начиная съ Далмаціи до Чернаго моря, и воинственные ихъ народы, все это наша кровь, наши кумы.

Które ma za bitniejsze poganin narody,
Począwszy od Dalmatów, aż gdzie Czarne wody
Mięsza Dunaj: nasza krew i dawni pokumi,
Niegdy Grekom Sarmate, a dziś Turkom Rumi...

Dziś w pogańskiéj niewoli Rumani ich zową,
Podobni nam i dotąd słowieńską swą mową.

Поляки вмѣстѣ съ русскими казаками, этого бича на поганыхъ, пусть выступятъ къ Дунаю, гдѣ могутъ войти въ сношенія съ Болгарами. Вѣдь Турки ждутъ своей гибели отъ сѣвера, и можно надѣяться, что въ часъ роковой наши позднѣйшіе внуки займутъ эти страны.

I nadzieja, że kiedy fata im przybędą,
Póżni po nas wnukowie kraje te osiędą.

Когда Польша была разрываема внутренними и внѣшними войнами, съ казаками и Татарами, съ Москвою, Шведами и Семиградіею, то Самуилъ Твардовскій (Wojna domowa, 1660 и 1681) спрашиваетъ русскихъ „хлоповъ", почему они скорѣе не пошли освободить своихъ братьевъ одной общей вѣры и народа, по Днѣстру и по Дунаю, Сербовъ и Болгаръ; вѣдь были же эти задунайскіе Славяне у Хмѣльницкаго, прося объ освобожденіи общаго креста.

Jednéj wiary
Z sobą spół i narodu, Serby i Bułgary,
I cożkolwiek około Dniestru i Dunaju
Sobie tak przyległego oswobodzić kraju? [1]).

Въ то тяжелое для Польши время другой польскій поэтъ, Іоаннъ *Гавинскій*, не упускаетъ изъ виду и южныхъ Славянъ, и вообще роли Польши въ Славянствѣ. Онъ въ своихъ идилліяхъ (Sielanki nowe) жалуется на недостатокъ дѣльныхъ и мудрыхъ людей въ Польшѣ; еслибъ были въ ней такіе люди, не было бы внутреннихъ раздоровъ, и Славяне южные и восточные смотрѣли бы на Польшу какъ на свой центръ. Тогда бы родина вѣроятно не столь часто падала, и не разрывала бы своего тѣла на кус-

---

[1]) У Хмѣльницкаго былъ въ 1657 г. Болгаринъ Парчевичъ. См. о немъ монографію Ю. Неячевича (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 59), и К. Иречка Исторію Болгаръ, 609.

ки; пользуясь вполнѣ своею цѣлостью, думала бы скорѣе о той странѣ, гдѣ деревни и города прилежатъ къ Дунаю, или гдѣ у шумящихъ водъ Босфора невольникъ пашетъ тяжелымъ плугомъ плодородныя поля, или гдѣ поганинъ наслаждается своею свирѣпою гордостью; спасая ихъ отъ крайней гибели, она бы соединила Карпаты съ ѳракійскими Родопами, войдя благополучно въ тѣ страны; она бы достигла тоже береговъ дальней Волги и привела бы ее легко къ порогу родной Вислы [1]).

Два событія выдаются особенно въ этой борьбѣ Поляковъ и соединенныхъ съ ними южныхъ Русскихъ съ Турками и Татарами: побѣда польскаго королевича Владислава, Ходкевича и Петра Сагайдачнаго подъ Хотиномъ (1621), и освобожденіе Вѣны польскимъ королемъ Іоанномъ Собескимъ и его польско-русскимъ войскомъ (1683). Оба эти событія пріобрѣли Полякамъ громкую славу въ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ, и особенно среди южныхъ Славянъ, гдѣ Гундуличъ и Марнавичъ, Богашиновичъ и Канавеличъ избрали ихъ предметомъ своихъ поэмъ [2]). Въ Польшѣ, хотя и нашлись поэты и стихотворцы прославлявшіе эти событія, но сдѣлали это, въ духѣ тогдашней уже падающей поэзіи, довольно слабо да бездарно. Вячеславъ *Потоцкій*, въ длинной эпопеѣ Wojna Chocimska (1673), много говоритъ о храбрости Поляковъ и русскихъ казаковъ, и прославляетъ ихъ какъ христіанскихъ борцевъ противъ магометанскаго міра, противъ котораго необходимо соединеніе силъ христіанскихъ; онъ выражаетъ желаніе, чтобъ польскій король Сигизмундъ вторгнулся въ подунайскія страны и заплялъ Царьградъ, но съ другой стороны сомнѣвается, чтобъ такой лѣнивый король, у котораго отнята Швеція и Ливонія, могъ браться за такую высокую пальму и подниматься на турецкую монархію. За то онъ надѣется, что тогда царствующій король Михаилъ Вишневецкій, подобно архангелу Михаилу убившему змѣя, истребитъ турецкаго змѣя, который ждетъ своей гибели съ полуночи. Этого же

---

[1]) Sielanki nowe, wyd. Żegota Pauli (Lwów 1843, p. 34).

[2]) См. ниже въ отдѣлѣ о Югославянахъ.

ждетъ поэтъ и отъ преемника Михаила, короля Іоанна Собескаго, и надѣется, что король перейдетъ черезъ Черное море на Іорданъ, и будетъ тамъ крестить поганыхъ кровью, какъ онъ ихъ крестилъ уже по Днѣстру.

I będzie tam drugi raz pogańskie narody,
Jako je chrzcił przy Dniestrze we krwi, miasto wody [1]).

Современникъ В. Потоцкаго, Іеронимъ Веспасіанъ *Коховскій*, благодаря польское и литовское рыцарство за побѣду надъ Турками (1673), выражаетъ желаніе, чтобъ бусурманскую добычу и славу разметалъ рокъ между народами славянскими, и чтобъ тотъ немилый народъ очутился въ тискахъ.

Niechże te bisurmańskie łupy i splendece
Fatum między narody słowiańskie rozmiecie,
A naród ten nieluby
Będzie ujęty w kluby [2]).

Освобожденіе Вѣны польскимъ королемъ Іоанномъ Собескимъ, его военные подвиги и дѣйствія, воспѣвали Коховскій, Устрицкій, Калинскій [3]). Но всѣ „поэты“ восхваляютъ Собес-

---

[1]) Стихи Потоцкаго 1678 г. Grabowski: Ojczyste spominki I. 212.

[2]) Kochowskiego Lyrika polskie (wyd. Turowskiego I. 309).

[3]) Kochowski: Dzielo boskie albo pieśni Wiednia wybawionego (1683), Psalmodya polska (1695); Vinc. Ustrzycki (перемышльскій каноникъ): Sobiesciados seu de laudibus Ioannis Magni Poloniarum regis invictissimi carminum libri quinque (1686); Kaliński Ioannes Damascenus (піаристъ): Viennis memorabili Turcarum obsidione felicissimo Leopoldi I imperio insigni Ioannis III victoria... gloriosa (1717), о которой см. П. Хмелёвскаго Studya i szkice z dziejów literatury polskiéj (Warszawa 1886, p. 179). Стихи Войтѣха Хросьцинскаго Trąba wiekopomnéj slawy Jana III намъ ближе неизвѣстны. — Есть тоже угорско-русская пѣснь объ освобожденіи Вѣны и славѣ христіанскаго оружія (Литературный сборникъ галицко-русской Матицы 1886, стр. 190).

каго только какъ христіанскаго витязя, несущаго помощь христіанамъ противъ Турокъ. Объ освобожденіи южныхъ Славянъ изъ-подъ власти Турокъ Поляками, о славянской идеѣ, не упоминаютъ ни Потоцкій и Коховскій, ни Устрицкій и Калинскій, ни позднѣйшій Игнатій Красицкій (Wojna Chocimska, 1782). Еще меньше снилось всѣмъ этимъ благочестивымъ польскимъ стихотворцамъ о политической ошибкѣ Собескаго, который поддержалъ господство Нѣмцевъ на Дунаѣ, а не могъ прогнать Турокъ даже изъ Каменца, Подолья и Украины. Впрочемъ В. Потоцкій, рьяный католикъ но врагъ Нѣмцевъ, чувствовалъ смутно ошибку своего короля, замѣтивши, что безъ помощи польскаго орла двухголовый австрійскій орелъ потерялъ бы Чехію и Угрію такимъ правомъ, какимъ ихъ пріобрѣлъ [1]).

Во время войнъ съ Турками во второй половинѣ XVII в. (1682—1683) одинъ только Іоаннъ *Гавинскій* ударилъ въ славянскія струны. Гавинскій вызываетъ „славянскимъ разговоромъ“ всѣхъ Славянъ, итти во имя одного общаго языка и вѣры на войну противъ Турка. Должно же исполниться то знаменитое предсказаніе, что Турокъ погибнетъ отъ сѣвера. Будьте здѣсь всѣ, которыхъ связываетъ одинъ языкъ, хотя не одно небо, не одна земля. Пойдемъ! Воинственные Сарматы, знаменитый народъ славянскій, мужи съ сѣвера въ холодныхъ странахъ но нехолодные отъ Золотой Бабы и отъ Астрахани, рыцарскіе знаменитые потомки воинственнаго Чеха, соединенные съ нами братскою кровью, васъ всѣхъ призываетъ нынѣ Лѣхъ къ общему союзу! Турокъ стремится къ истребленію нашему и потомъ и къ вашему. Въ такой безднѣ братъ брата долженъ поддерживать, чтобъ ихъ не постигла таже самая гибель. Тамъ на югѣ найдете богатство, и тамъ разцвѣтутъ вновь царства Христа!

Was ja słowiańskim wzywam rozgoworem,
Mowy i wiary świętéj wabiąc torem.
Idziemy! A tak waleczni Sarmate,
Zacny narodzie słowiański...

---

[1]) Poczet herbów czyli wiersze i epigrammata na herby familij polskich i litewskich (1696, въ посвященіи польскому рыцарству).

Przyjdźcie, co pod siedm mieszkacie Trioncm,
Wozem Helice ku wam nachylonym,
W oziębłych ziemiach nieoziębli męże,
Śpieszcie dziś do nas swe biorąc oręże.
Przyjdziecie z ludem, by od zołotoi
Baby, gdzie wiecznym morze lodem stoi,
Zapuście ordy swe tam astrachańskie,
W tureckie państwa, narody pogańskie!
Dziś ma się spełnić wieszczba sławna ona,
Że Turek upaść ma od Akwilona.
Bywajcie wszyscy, co was jedna mowa,
Chociaż niejedno niebo, ziemia chowa.
Bywajcie i wy z ochotą rycerską,
Coście są z nami zjęci krwią braterską
Czecha bitnego zacni potomkowie.
Was do wspólnego dziś Lech związku zowie.
Bywajcie! Turczyn na to się nasadził,
Aby nas naprzód, a was potem zgładził.
Więc w takiéj toni powinien brat brata
Dźwignąć, aby nań też nie przyszła strata [1]).

Къ разнымъ этимъ польскимъ голосамъ о войнѣ Поляковъ и Славянъ вообще съ Татарами и Турками присоединился тоже одинъ голосъ русскій изъ Украины, терзаемой Поляками и Русскими, казацкими партіями, Татарами и Турками. Лазарь *Барановичъ*, православный архіепископъ черниговскій, воспитанникъ латинско-польской учености кіевской, въ польскихъ своихъ стихахъ плачетъ надъ такою „руиною" Украины, южной Руси [2]). Кто это выдумалъ—восклицаетъ Барановичъ — что, пока стоитъ свѣтъ, Русскій Поляку не братъ! Сжалься боже надъ злополучною порою, что сарматскіе сыны бьются между собою. Самъ святый духъ примири Русь съ Ляхами, чтобъ они

[1]) Excytarz albo Tararum na Turczyna, wyd. w Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce II. 68 (Kraków 1882).

[2]) Lutnia Apollinowa (Kijów 1671, p. 413—428), стихи въ полемическомъ сочиненіи Nowa miara staréj wiary (Nowogródek Siewierski 1675, p. 343—347).

скоро одержали верхъ надъ Турками. Боже, создавшій все своей премудростью, открой намъ дорогу противъ Турка. Примири Русь съ Ляхами, обрати ихъ гнѣвы противъ Турка, пусть пробьетъ этотъ часъ! Боже усили любовь между ними, потуши въ нихъ искру гнѣва! Еслибъ они обратили свои силы противъ Турка, давно бы истребили этого поганаго. Мужественный Русскій и могущественный Ляхъ воинственно его покорятъ. О славная Русь, обрати свое ружье въ Турцію, и тамъ освободи братьевъ. О сколько у Турокъ нашихъ братьевъ, Русскихъ, Молдаванъ, Волоховъ, Сербовъ; всѣ они ожидаютъ, чтобъ вы смѣло воевали. Орелъ московскій и польскій слетѣлись и припяли къ себѣ голубку съ вѣткою. Пусть этотъ миръ господствуетъ на вѣки, пусть они не выходятъ изъ-подъ голубьей опеки. Когда орелъ московскій съ польскимъ летитъ на Турка, и когда онъ у него когтями очи выцарапаетъ, то Турокъ сейчасъ будетъ обезображенъ. Когда московскій орелъ полетитъ съ польскимъ, то съ ними полетятъ отцы и дѣти!

Nie będzie, jako świat światem
Rusin Polakowi bratem!
Pożal się boże nieszczęsnéj godziny,
Że się sarmackie z sobą tłukli syny!
Sam duchu święty Ruś pogodź z Lachami,
Górę by prędko wzięli nad Turkami.
Boże mądrością któryś wszystko stworzył,
Obyś na Turka drogę nam otworzył—
Pogodź Ruś z Lechy, obróć na Turczyna
Ich gniewy, niechaj ta wybije godzina.
Boże pomnażaj miłość między niemi,
Zgaś skrę w nich gniewu sposobami twemi!
By obrócili siły na Turczyna,
Dawno by znieśli tego poganina.
Rusin go mężny,
I Lech potężny,
Walecznie podbije...
O sławna Ruś, swój kurek
Niech obróci do Turek,
A tam bracią wyzwoli...

O jak u Turków braci naszéj wiele,
Czekają, byście wojowali śmiele...
Moskiewski z polskim orłem się zlecieli,
Gołębia z roszczką do siebie przyjęli.
Niechaj ten pokój panuje na wieki,
Niech nie wychodzą z gołębiéj opieki.
Moskiewski orzeł z polskim gdy na Turka leci,
Pazurmi mu gdy oczy wydrze, wnet oszpeci.
Moskiewski z polskim orłem gdy poleci,
Z nimi polecą i ojcy i dzieci!

Іоаннъ Собескій и его сподвижники были послѣдніе польскіе богатыри, достойные польскаго эпоса. Оба Нѣмца на престолѣ Пястовичей и Ягайловичей, саксонскіе курфюрсты Августы, конечно, не могли стать богатырями польскаго эпоса, а времена Станислава Августа Понятовскаго вызывали другой „эпосъ" въ родѣ *Мышеиды* и *Монахомахіи* Игнатія Красицкаго. Польскіе поэты жили только въ воспоминаніяхъ; Калинскій пѣлъ объ освобожденіи Вѣны, Красицкій о хотинской войнѣ. Адамъ *Нарушевичъ* въ одахъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда слава польскихъ богатырей гремѣла по Одрѣ и балтійскому морю, въ русскихъ странахъ по Днѣпру и Дону до ледовитаго моря, на Балканѣ и подъ Царьградомъ, когда лядьскимъ (польскимъ) мечемъ король Іоаннъ билъ безчисленныя войска поганыхъ на оцѣпенѣвшемъ Дунаѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ не забываетъ тоже о свирѣпствованіи хамскихъ топоровъ остервенѣлой черни на панскихъ шеяхъ. Францъ *Князьнинъ*, въ одѣ на столѣтній юбилей освобожденія Вѣны Собескимъ, говоритъ, что тогда одинъ только Іоаннъ, ниспосланный съ неба, молнія невѣрныхъ, поднялъ погибающую имперію, разогналъ Турокъ и освободилъ Нѣмцевъ, и замѣчаетъ, что „польская слава" совѣтовала тогда защищать неблагодарныхъ сосѣдей. На неблагодарность Вѣны, вырванной мужественною рукою молніи востока изъ пасти поганыхъ, жалуется тоже Трембецкій; онъ замѣчаетъ, что Собескій, освобождая Вѣну и пріобрѣтая своими побѣдами неувядаемый вѣнокъ, не могъ возвратить Польшѣ заграбленнаго Каменца. Жаловаться на „неблагодарность" Нѣмцевъ польско-славян-

скимъ поэтамъ не подобало. Они, особенно такой остроумный наблюдатель славянско-нѣмецкихъ отношеній какъ Трембецкій, должны были знать, что щадить Славянъ отнюдь не лежитъ въ нѣмецкихъ интересахъ, и не можетъ никогда входить въ политическую програму даже освобождаемыхъ Славянами Нѣмцевъ [1]).

Славныя преданія о борьбѣ Поляковъ съ Турками и Татарами уложились въ Польшѣ XVIII в. въ могилу, и потомки Жолкевскихъ, Ходкевичей, Любомирскихъ, Собескихъ, смотрѣли сложа руки, какъ другая славянская держава, Русь, громитъ Турокъ и Татаръ. Эти блестящія побѣды Россіи временъ Екатерины II вдохновили и польскаго поэта Станислава *Трембецкаго*, который вообще правильно понималъ отношеніе падающей Польши къ Россіи. Россія бьетъ бусурманъ—восклицаетъ Трембецкій;—вѣяніе русскихъ парусовъ, рычаніе рулей возбуждаютъ радость въ христіанахъ, трепетъ въ бусурманахъ; богатырь Румянцевъ усмирилъ на Дунаѣ и Балканѣ Османовъ и повергъ надменныя рога полумѣсяца къ стопамъ Екатерины; князь Нассаускій разбилъ турецкій флотъ; Потемкинъ держитъ на своихъ плечахъ тяжесть русскаго міра. Гдѣ нынѣ крымскіе Татары, гдѣ Османы угрожавшіе міру? Чьего оружія наконецъ они испугались? Да можетъ быть, мы будемъ еще плясать въ Стамбулѣ! Также и Адамъ *Нарушевичъ* въ одной одѣ взываетъ къ воинственной Екатеринѣ, сыпать на дикихъ поганыхъ желѣзные громы, кончить начатое дѣло, которое освобождаетъ Грека и заставляетъ дрожать со страха надменную Азію. Между тѣмъ Фр. *Князьнинъ*, въ своихъ стихахъ на турецкую войну, говоритъ о двухъ гордыхъ и кровожадныхъ гарпіяхъ (Россіи и Австріи), налетающихъ на Турокъ, и о бушующихъ подъ когтями орловъ землѣ и морѣ, о страхѣ Европы, и малодушно спрашиваетъ: что же будетъ съ нами? Но этотъ польскій поэтъ не заговорилъ уже въ духѣ Ходкевичей и Собескихъ; тѣ бы не спрашивали: что будетъ съ нами, а спѣшили бы, вмѣстѣ съ Потемкинымъ и Суворо-

---

[1]) Объ отрицательной сторонѣ подвига Собескаго см. выше стр. 83.

вымъ, противъ Турокъ. Трембецкому пришлось бы потомъ прославлять настоящихъ польскихъ, славянскихъ богатырей, а не нѣмецкаго князя Нассаускаго (Nassau-Siegen), сдѣлавшагося польскимъ гражданиномъ и поступившаго на русскую службу, „знаменитаго брата воинственныхъ Поляковъ, и гордость его новаго отечества"; польскій поэтъ нашелъ бы и другой достойный предметъ своей музы и могъ бы—по примѣру Барановича—прославлять тоже обоихъ соединенныхъ славянскихъ орловъ, которые вѣроятно прогнали бы обоихъ нѣмецкихъ орловъ отъ Вислы и Карпатовъ [1]).

Третья упорная борьба, наполняющая исторію Литвы и Польши XIV—XVII в., завязалась между Поляками и Русскими изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ. Эта борьба между Поляками и Русскими изъ-за первенствующей роли на славянскомъ востокѣ велась не только на побоищахъ, а нашла себѣ выраженіе тоже въ литературѣ, исторической, политической и поэтической. Цѣлый рядъ болѣе и менѣе талантливыхъ поэтовъ и бездарныхъ стихотворцевъ бросились на этотъ популярный предметъ, и стали прославлять всѣ подвиги Поляковъ, направленные къ покоренію или ослабленію московской Руси на славянскомъ востокѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они привѣтствовали тоже примиреніе обоихъ борющихся славянскихъ народовъ, и восхваляли даже мысль соединенія Польши, Литвы и Москвы въ одно государство, подъ условіемъ удержанія за Польшею первенствующей и руководящей роли на славянскомъ востокѣ [2]).

---

[1]) Trembeckiego Poezye (Warszawa 1865, p. 21, 51, 99, 101), Naruszewicza Dzieła poetyczne (Wrocław 1826, I. 183), Kniaźnina Dzieła (Warszawa 1827, VII. 153).

[2]) Приводимъ, изъ рукописи Императ. публ. библіотеки (иноязычныя F. XVII. 87), стихи о русскомъ царѣ кандидатѣ на польскій престолъ временъ перваго междуцарствія 1572-го г., помѣщенные въ одной рѣчи De rege novo ex sua gente deligendo oratio:

Moschum, alii Moschum magno pro rege salutant,
In Moschum intentos ora oculosque ferunt.
Idque quidem sapienter agunt, quia sanguine ab uno
Scinditur haec pariter gens utriusque ducis,

Но такъ какъ осуществленіе мысли о соединеніи Польши, Литвы и Москвы въ одно государство, или о союзѣ Польши и Москвы не пошло по желанію польскихъ патріотовъ католиковъ, то они повернули тоже въ другую сторону: посыпались сотни бранныхъ стиховъ на „Москаля варвара, дикаго, грубаго, упорнаго, дерзкаго, надменнаго, лицемѣрнаго, вѣроломнаго, коварнаго, измѣнническаго, жидоголоваго, схизматика“ и пр. и пр.—за то, что онъ не зналъ латинскаго языка, не поклонялся папѣ, и, грозно держа русское православное знамя „всея Руси“, вовсе не намѣревался подчиниться польскимъ интересамъ, а стремился неуклонно и послѣдовательно къ одной завѣтной цѣли: собирать русскія земли и гнать изъ всей Руси незванныхъ польскихъ гостей и повелителей. Отъ этихъ плановъ русскихъ царей относительно собиранія всей ихъ русской православной отчины, приходятъ въ ужасъ всѣ Поляки, короли, политики, писатели, поэты.

Движеніе Москвы на западъ, въ ущербъ господству Ягайловичей въ русскихъ земляхъ, остановилось на короткое время въ слѣдствіе побѣды короля Сигизмунда I подъ Оршею (1514). Является мысль, что надо Москву не только покорить, а присоединить. Польскій историкъ Бернардъ *Ваповскій*, который считалъ восточную Европу, Русь, прародиною Славянъ, въ томъ числѣ и Поляковъ, въ одѣ на оршанскую побѣду, выражаетъ надежду, что король польскій отниметъ у великаго князя московскаго весь сѣверъ, Донъ, Волгу, море каспійское, и горы гиперборейскія, и что такимъ образомъ польскій языкъ достигнетъ опять своей прародины, вернется въ первобытныя полунощныя страны праотцевъ. Другой современный поэтъ, Іоаннъ *Дантышекъ*, прославляя эту побѣду Сигизмунда, обращается злобно противъ литовскихъ Русскихъ, безбожныхъ, невѣрныхъ, клятво-

---

Et genere et patria Moscho tum moribus ipsis
Atque eadem similes veste habituque sumus,
Nec pariter junctis amborum viribus unquam
Rex equidem toto clarior orbe foret.

преступныхъ, которые добровольно передали королевскіе города Москвитянамъ [1]).

Царь русскій возобновляетъ свою наступательную политику, заявляетъ о своихъ правахъ на всю поднѣпровскую Русь до Кіева и Галича, свою отчину, и занимаетъ Полоцкъ (1563). Кохановскій сѣтуетъ на такой поворотъ борьбы, что московскій великій князь взялъ Полоцкъ и заявляетъ о своемъ естественномъ правѣ на Галичъ, а Матвѣй Стрыйковскій негодуетъ на это постепенное и для Поляковъ больное усиленіе Москвы въ русскихъ земляхъ [2]). Положеніе дѣлъ на славянскомъ востокѣ скоро измѣняется; при королѣ Стефанѣ Польша двигается вновь на востокъ въ ущербъ русскому царству; Поляки занимаютъ опять Полоцкъ и другіе города русскаго царства, и заключаютъ невыгодный для Москвы миръ. Кохановскій ликуетъ, и прославляетъ подвиги своихъ соотечественниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣрно опредѣляетъ характеръ борьбы Польши и Москвы изъ-за первенства въ восточномъ Славянствѣ: „Москвитяне и Поляки того же народа славянскаго; различная религія раздѣлила одинаково способныхъ, несчастье, которое раздѣляетъ и единодушныхъ братьевъ. Изъ-за господства на Руси были многіе споры и кровавыя войны между обоими, и мира еще нѣтъ. Старую ненависть воспламенила новая кривда; при тяжкихъ обстоятельствахъ и дикой междоусобицѣ Поляковъ Москвитянинъ, старый повелитель сѣверной страны, занимаетъ Полоцкъ; но король Стефанъ его опять отнимаетъ“.

---

[1]) Оды Ваповскаго и Дантышка въ сборникѣ Ласкаго Carmina etc. (Romae 1515); срв. выше стр. 113.

[2]) Kochanowskiego Satyr (по изд. варшавскому 1884, II. 46):

> Moskiewski wziął Polocko i listy wywodzi,
> Że prawem przyrodzonym Halicz nań przychodzi.

Stryjkowskiego Goniec cnoty (1574):

> Moskal się rozmógł na Rusi powoli,
> Co nas dziś boli.

Moschis genus atque Polonis est idem
slavicum; dispar scidit uniter aptos
religio, unanimes
quod scindit et fratres malum.
De principatu Russiae
contentiones
multae, adeoque cruenta
inter utrosque fuere
bella; necdum pax coivit,
inveterata odia
injuria accendit recens [1]).

Не смотря на постоянную „старую ненависть и новыя кривды", Поляки желали бы, чтобъ оба славянскіе народы жили въ мирѣ, и направили свои силы противъ общихъ враговъ. Вѣдь мы Поляки—говоритъ литовскій канцлеръ Сапега (въ стихахъ пана Ильи Пельгримовскаго)—съ вами Русскими христіане и Славяне одного народа, давно желаемъ съ вами согласія и братской любви на всякій случай, на спасеніе нашихъ братьевъ вѣрныхъ христіанъ, Болгаръ, Сербовъ, Словаковъ (т. е. южныхъ Славянъ), Хорватовъ и Грековъ, изъ-подъ ига поганыхъ Турокъ и Татаръ. Думный дьякъ московскій Аѳанасій Ивановъ сознаетъ, что мы Русскіе съ Поляками одного народа и языка, и охотно заключимъ что-нибудь доброе. А панъ Пельгримовскій тоже выражаетъ желаніе, чтобъ мы Поляки скорѣе заключили съ московскимъ народомъ братство и вѣчную пріязнь. Пусть идутъ сообща и за одно два народа; смутятся поганые, когда будемъ дѣйствовать единодушно. Смутится нашъ общій врагъ, когда мы такъ вѣчно станемъ другъ за друга.

Myśmy z wami Słowacy narodu jednego,
Boga z wami chwalimy w Troicy jedynego.

---

[1]) Ad Stephanum Bathorrheum regem Poloniae inclytum Moscho debellato et Livonia recuperata a. 1582 (Cracoviae 1583, изданія варшав. 1884, III. 313); срв. тоже его Pieśń (на миръ запольскій), и Jezda do Moskwy Krysztofa Radziwiłła, въ варшав. изд. I. 319, II. 303.

My dawno pragniemy z serca z wami zgody,
I braterskiéj miłości dla wszelkiéj przygody.
Na ratunek braci naszéj wiernym krześcianom,
Przeciw Turkom, Tatarom, niezbożnym poganom.
(Турками порабощены) Carigrod, Bułhary, Serbowie,
Słowacy, Karwaci i sławni Grekowie.
Jednegośmy narodu, języka jednego,
Radzibyśmy co z wami zamknęli dobrego.
Daj Boże byśmy rychło braterstwo przyjęli
Z tym narodem moskiewskim przyjaźń wieczną wzięli.
Niech idą za jednego spólnie dwa narody,
Zasmęci się pogaństwo, gdy przyjdziem do zgody,
Zasmęci się nasz spólny nieprzyjaciel z tego,
Gdy tak wiecznie staniemy jeden za drugiego! [1])

Но черезъ три года послѣ этихъ прекрасныхъ словъ старая ненависть торжествуетъ вновь, и Польша наноситъ новую кривду русскому царству. Поляки, во время смутнаго времени, занимаютъ Смоленскъ, позже Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, и временно тоже Москву. Польскій королевичъ Владиславъ Сигизмундовичъ, да и самъ король Сигизмундъ протягиваютъ свои руки къ царской шапкѣ Мономаха. Это неудается; но русское царство отброшено далеко на востокъ, за Смоленскъ и Черниговъ. Польскій поэтъ Іоаннъ Андрей Морштынъ, сочиняя тогда (1647) свои любовныя пѣсни въ Сѣверіи, на берегахъ Семи, Сулы, Псолу и Ворсклы, могъ сказать, что эти рѣки составляютъ границу Польши и Москвы:

Gdzie Psoł, gdzie Worzkło soczą błotne wody,
I dwa słowiańskie graniczą narody [2]).

---

[1]) Дневникъ переговоровъ польскихъ пословъ съ московскими боярами, и московскихъ пословъ съ польскими панами (1601—1602 гг.), написанный въ стихахъ секретаремъ польскаго посольства Пельгримовскимъ (рукоп. Императ. публ. библіотеки, разноязычныя F. XVII. 68). Объ этихъ переговорахъ см. въ III томѣ нашего сочиненія, въ отдѣлѣ: Поляки и Русскіе.

[2]) Poezye (Warszawa 1883, p. 31).

Польша ликуетъ. Ея культура, языкъ, вѣроисповѣданіе торжествуютъ повсюду въ югозападной Руси, да открывается надежда на такіе же успѣхи въ сѣверовосточной Руси. Польскіе поэты прославляютъ Замойскаго, Радивила, Сапегу, Жолкевскаго, Ходкевича, Збаражскаго, Вишневецкаго, Острожскаго, какъ польскихъ богатырей, на равнѣ съ Мнишкомъ, Любомирскимъ, Конецпольскимъ, Потоцкимъ. Военная слава польскихъ королей Стефана, Сигизмунда III и Владислава IV, польскихъ полководцевъ Замойскаго, Радивила, Жолкевскаго и Ходкевича, цѣлой толпы польскихъ авантюристовъ помогавшихъ Лжедимитріямъ, Мнишка, Сапеги, Лисовскаго и его разбойниковъ Лисовчиковъ, гремитъ повсюду въ восточной Европѣ, доходитъ до Бѣлаго моря у Урала и до „Золотой Бабы", далеко за Москву въ Поволжье, покрывая русское царство трупами и пепелищами [1]). Польскіе поэты и стихотворцы находятъ богатый матеріалъ для своихъ стиховъ и прославляютъ всѣ эти военные и политическіе подви-

---

[1]) О „Золотой Бабѣ" (мнимомъ кумирѣ сѣверныхъ чудскихъ племенъ при устьѣ Оби, о которомъ первый заговорилъ Герберштейнъ) и о ея разрушеніи храбрымъ паномъ Лисовскимъ потѣшную исторію разсказываетъ С. Твардовскій (Władysław IV król polski, Leszno 1649, p. 29).—Объ этой московской золотой „бабѣ", и о „бабахъ" польской и чешской, вспомнилъ Ахацъ Кмита въ своемъ юмористическомъ стихотвореніи о „бабинской республикѣ" — Morocozmea Babińskie (ок. 1617 г., напечаталъ Wiszniewski Historya liter. polskiéj VI. dodatek):

Babin od baby rzeczon, która więc siadała
Przy drodze, i pstre gościom żarty przedawała.
Jaka jest w Moskwie, kędyś co ją złotą zową,
Którą dziś Moskwa chwali, i biją jéj głową.
Była też taka w Czechach, co Czechom wróżyła,
Gdy na wojnę do Polski zwada ich wabiła;
Chcieli mieć szczęście, żeby osła wprzód zabili,
A z niego jéj ofiary w polu uczynili.
I tak Czechowie osła na jéj słowo zjedli,
Ślęzacy łeb z uszyma, Polski nie osiedli.
Otóż macie babią rzecz, którzy im wierzycie.

ги и успѣхи своихъ соотечественниковъ. Кохановскій, Гроховскій, Жабчицъ, Мясковскій, Витковскій, Шимоновскій, Твардовскій и др. заставляютъ „славянскую Сапфо“ и „славянскую трубу“ провозглашать громкую славу польскаго народа и воинства, „славянскихъ богатырей“, поселеннаго между морями ледовитымъ и адріатическимъ [1]).

Лжедимитрій, мужъ Польки Марины, дочери сандомірскаго воеводы Юрія Мнишка, занимаетъ царскій престолъ русскій; казалось, что Польша и Москва собираются жить въ дружбѣ. Польскій поэтъ Гроховскій, привѣтствуетъ это воцареніе Димитрія Ивановича, при которомъ Москва процвѣтетъ, побратавшаяся съ Польшею и кровью съ нею соединенная. Славный подъ солнцемъ славянскій народъ, торжествуй! Радуйся своему примиренію! Твоя слава доходитъ до границъ міра и касается неба. Сандомірскій воевода, ты устроилъ примиреніе съ Польшею. Тебя же мои славянскія струны будутъ прославлять на всѣ стороны, и ты долженъ славиться между славными славянскими богатырями!

Siadł na państwie swem mąż serca wielkiego,
Car Iwanowic Dymitr, za którego

---

[1]) Stanisław Grochowski: Pieśni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom, polskiemu i moskiewskiemu, Dymitra Iwanowica cara moskiewskiego wielkiéj Rusi i M. Mniszkówny (1606); Jan Żabczyc: Mars moskiewski krwawy, Poseł moskiewski, Żegnanie ojczyzny cesarzowéj moskiewskiéj (всѣ 1606); Marcin Paszkowski: Posiłek Bellony sauromackiéj (1608); Pieśń o Moskwie (1609); Stanisław Witkowski: Sapho słowieńska na grzmotną sławę z zwycięstwa smoleńskiego (1611); Alexander Obodziński: Pandora starożytna monarchów polskich (1641); Samuel Szymonowski: Mars sauromatski (1642); Samuel Twardowski: Szczęśliwa moskiewska wyprawa Władysława IV. w r. 1634, Władysław IV (1649), Wojna domowa z kozaki i Tatary, Moskwą, Szwedami i z Węgry (1660, 1681), и разныя другія стихотворенія; Wacław Potocki: Wojna Chocimska (1673); Hieronym Wespazyan Kochowski: Lyrika polskie и др. стихотворенія (1674—1695), и пр.

Moskwa zakwitnie, z Polską pobracona,
Krwią zjednoczona.
Sławny pod słońcem słowiański narodzie;
Io tryumfie! Raduj się swéj zgodzie!
Granice świata sława twa przenika,
I nieba tyka.
Przez cię przyszła z Polską zgoda
Sendomirski wojewoda!
Ciebię me słowieńskie struny
Będą sławić na wsze strony!
Słynąć masz między sławnymi
Bohatyrmi słowiańskimi! [1]).

Мясковскій, по случаю двухъ московскихъ походовъ королевича Владислава съ „славянскими войсками", выражаетъ желаніе, чтобъ польскій орелъ и московскій коршунъ летали вмѣстѣ; другіе стихотворцы вызываютъ короля Сигизмунда, чтобъ онъ самъ завладѣлъ Москвою, и такимъ образомъ распространилъ свою державу какъ Ягайло, и сталъ повелителемъ отъ востока на западъ; они восхваляютъ Жолкевскаго, что онъ сѣверные народы, гдѣ „огромная машина страшной монархіи угрожа-

---

[1]) Grochowskiego Wiersze i inne pisma (wyd. Turowskiego p. 103, 113, 115). Гроховскій называетъ Димитрія car moskiewski wielkiej Rusi; Жабчицъ — cesarz, czar (!) i wielki książe moskiewski, wszystkich ruskich, tatarskich państw i królestw, czar bitnéj (воинственной) Moskwy dziedzic białéj Rusi. Въ инструкціи польскимъ посламъ въ Москвѣ (1600 г.) польскій король признаетъ Борису Годунову tytulu carskiego albo polskim językem mówiąc królowskiego, gdyż co po słowieńsku (т. е. по церковно-словѣнски) *car* po polsku *król* znaczy. (Сборникъ князя Оболенскаго, 1838, Nro 7). То же самое утверждалъ позже (1674) Болгаринъ католикъ Петръ Парчевичъ, стараясь склонить папу въ пользу союза христіанскихъ государей противъ Турокъ; необходимо-де привлечь къ этому союзу и польскаго короля и великаго князя московскаго, за которымъ можно признать титулъ царя, что въ словѣнскомъ языкѣ значитъ не цесарь императоръ, а король (czar.. in lingua schiava significa rè non cesare). Срв. монографію Ю. Пеячевича о Парчевичѣ въ Archiv für österreich. Geschichte LIX. 634.

етъ міру“, повергъ къ ногамъ польскаго королевича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, что всѣ эти „славянскіе“ воины и поэты, ратуя въ пользу распространенія польскаго владычества въ Москву, перемѣнились въ длинные ряды римскихъ іезуитовъ и капуциновъ, которые — не въ пользу интересовъ польскихъ и славянскихъ—на перерывъ ругали вѣроисповѣданіе русскаго народа, православіе или, по ихъ выраженію, „схизму“. Будь вторымъ Ягайломъ, истреби на сѣверѣ ереси, слѣпыя заблужденія, сади тамъ римское дерево вѣры — вотъ желанія, провожавшія польскихъ короля и королевича въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Москвы. Особенно яро настаиваетъ на этомъ таможенный писарь ломжинскій, Станиславъ Витковскій; онъ, послѣ взятія Поляками Смоленска, заставляетъ свою „славянскую Сафо“ высказать желаніе, чтобъ король Сигизмундъ не только завладѣлъ дерзкою Москвою и вытѣснилъ сопротивляющихся за Донъ и за рифейскія скалы, а чтобъ онъ тоже ввелъ святую вѣру въ Москву и прогналъ „проклятую схизму на гирканскіе берега, гдѣ большіе снѣга“. А еще въ половинѣ XVII в. „поэтъ“ Твардовскій заставляетъ своего героя, короля Владислава, говорить какъ настоящаго капуцина, и въ униженной рѣчи повергнуть къ ногамъ римскаго папы всю Сарматію отъ карпатскихъ горъ до морей Чернаго, каспійскаго и ледовитаго, Польшу и „дичайшую и жесточайшую Москву, прикрывающуюся однимъ только христіанскимъ именемъ“, укрощенную „высокою римскою доблестью Поляковъ“ [1]).

Но послѣднее хвастовство пана Твардовскаго не было уже своевременно: тогда вся русская половина Рѣчи-посполитой стояла въ пламени, и русскіе казаки и хлопы страшно расправлялись съ „римскимъ анимусомъ“ шляхетской католической Польши, а скоро прибыла имъ помощь изъ Москвы. Напрасно негодуетъ тотъ же самый Твардовскій (Wojna domowa) на „хлоповъ“, спрашивая ихъ наивно, откуда взялось у нихъ это озлобленіе и остервенѣніе противъ ихъ пановъ, и почему они не пошли воевать съ погаными Турками, освободить своихъ русскихъ

¹) Twardowskiego Władysław IV, p. 214—215.

братьевъ невольниковъ, и своихъ задунайскихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, Сербовъ и Болгаръ [1]). Одно время казалось, что Польша, терзаемая казаками и хлопами, Семиградянами, Нѣмцами и Шведами, спасена будетъ самымъ сильнымъ своимъ противникомъ, Москвою; Поляки свыкались съ мыслью, что ихъ королемъ станетъ русскій царь и что такое соединеніе восточнаго Славянства послужитъ къ „смущенію завистливыхъ всему славянскому имени сосѣдей". Такъ думалъ тогда самъ польскій король, Іоаннъ Казиміръ и многіе Поляки; такъ думалъ и Твардовскій. Избраніе царя — восклицаетъ Твардовскій — усилитъ польскую корону и сдѣлаетъ ее страшною всему міру; можетъ быть, что одинъ съ нами народъ сарматскій (славянскій) возвратится къ своему давнишнему началу, что военныя потери будутъ вознаграждены, наступитъ политическая унія по примѣру литовской, и окончательный миръ.

Może to być, że jako z nami sarmackiemu
Narodowi jednemu kiedyś tam, przed laty
Do swych przyjdzie początków i wojenne straty
Z obu stron nadgradżając, uniej nie nowéj
Do litewskiéj podobnéj, czym pokój gotowy [2]).

Но мечтанія Твардовскаго не осуществились, равнымъ образомъ какъ оказались тщетными его надежды, что московскій народъ приметъ польскія свободы и церковную унію, т. е. именно тѣ двѣ вещи, которыя всегда мѣшали соединенію Польши, Литвы и Москвы въ одно государство.

Русское царство стало двигаться на западъ, заняло Смоленскъ и Кіевъ, и приготовлялось осуществить вполнѣ титулъ своихъ царей „царь всея Руси Великой, Малой и Бѣлой". Польшѣ угрожала опасность и съ запада, со стороны Нѣмцевъ. Единственное спасеніе польскаго народа отъ поглощенія Нѣмцами было безусловное присоединеніе къ соплеменной Россіи. Это по-

---

[1]) См. выше, стр. 177.

[2]) Wojna domowa (1681, p. 1, 44, 211, 216).

нимали многіе Поляки, въ ихъ числѣ самъ король Станиславъ Августъ, который — по словамъ Трембецкаго — „сдѣлаетъ насъ опять достойными имени Славянъ"; но другіе Поляки, забывши о своемъ „пока стоитъ свѣтъ, Полякъ Нѣмцу не братъ", искали спасенія именно въ Нѣмцахъ, и, разумѣется, не нашли его. Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ тѣснаго союза Польши съ Россіею былъ поэтъ Станиславъ *Трембецкій*. Онъ вѣрно понималъ опасное положеніе своего народа, которому гибелью угрожала не Россія, а Нѣмцы, и вопилъ къ своимъ соотечественникамъ, что единственное спасеніе погибающаго славянскаго польскаго народа — славянская Русь. Трембецкій приходитъ въ ужасъ отъ успѣховъ Нѣмцевъ на западѣ, которые во время вѣковой борьбы Польши и Руси изъ-за первенства въ Славянствѣ усилились въ ущербъ ему, и первые обокрали Польшу [1]). Держитесь Россіи и императрицы Екатерины—обращается Трембецкій къ польскимъ депутатамъ. „Эти связи болѣе подходящія, и надо вспомнить, что Русскій происходитъ изъ одного съ нами корня; одна кровь, одинъ языкъ, та же крѣпкая натура, та же непоколебимая смѣлость, то же презрѣніе къ смерти. Долго намъ фуріи причиняли ослѣпленіе, что мы считали доблестью бродить въ братской крови. Онъ зазывалъ на насъ Нѣмцевъ, а мы на нихъ Татаръ, онъ бралъ въ плѣнъ нашихъ сенаторовъ а мы его царей. Напрасно ссориться съ Россіею, напрасно надѣяться на Нѣмцевъ, напрасно старшіе старались учить младшихъ, какъ бы задѣть Москву, оскорбить, докучить, не слушались короля, который только въ союзѣ съ Россіею видѣлъ спасеніе. О безсильная месть, твой мелкій ударъ можетъ причинить отечеству неизлѣчимыя раны! Полякъ и русскій происходятъ отъ одного племени, оба они мужественны и отважны; но Русскій превосходитъ Поляка многолюдностью и пространностью своей страны и вѣрностью монарху. Развѣ карлики смѣютъ вызывать исполиновъ? Пусть забвеніе свалитъ въ груду старыхъ развалинъ взаимныя пораженія. Сохраняя отъ нынѣ дружбу этого брата, мы дадимъ легкій

---

[1]) См. выше, стр. 168.

отпоръ силѣ остальнаго свѣта. Пусть Славянинъ не теряетъ выспреннихъ надеждъ, Августъ бодрствуетъ, и колесо еще вертится.“

Te związki przyzwoitsze, i pomnieć się godzi,
Iż Rusin z jednych z nami początków pochodzi;
Jedna krew, jeden język, taż natura twarda,
Taż śmiałość niewzruszona i śmierci pogarda.
Z tegoż się, co my szczepu, Rossyjanin rodzi,
Równéj się mu odwagi uwłóczyć nie godzi.
Długo nam jędze wspólną sprawiały ślepotę,
Że brodzić w krwi braterskiéj mieliśmy za cnotę.
Niech w gruzie starych ruin niepamięć zawali
Klęski, któreśmy wzajem wzięli i dali.
My odtąd przyjaźń tego utrzymując brata,
Łatwo reszty potędze oprzemy się świata.
Niechaj górnych nadziei Słowak nie utraca,
Czuje August, a koło jeszcze się obraca.

Но надежды Трембецкаго не сбылись. Россія, къ сожалѣнію, не была въ состояніи присоединить всю Рѣчь-посполитую, и скрыть польскую корону подъ русскою царскою шапкою Мономаха; только русскія и литовскія земли возвратились подъ скипетръ русскихъ царей, а Польшу заняли Нѣмцы. Сбылись печальныя слова Трембецкаго:

Kiedyśmy przed ich bronią na kolana padli
Uspili nas przyjaźnią i śpiących okradli!

Трембецкій высказалъ много хорошихъ и здравыхъ мыслей о дѣйствительномъ, безвыходномъ положеніи своего народа тѣхъ временъ. Онъ видитъ спасеніе и будущее польскаго народа только въ *славянской идеѣ*, не въ ея туманной формѣ, а воплощенной въ единственномъ сильномъ славянскомъ государствѣ Россіи. Онъ приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли союза Поляковъ съ злѣйшими врагами Славянъ, съ Нѣмцами, и если онъ надѣялся, что отъ императрицы Екатерины потечетъ цѣлительный для Поляковъ бальсамъ, то онъ сказалъ не одну лесть, а глубокую правду. Ничего подобнаго не встрѣчается у другихъ современныхъ Трембецкому польскихъ поэтовъ, ни у Венгерскаго и Красицкаго, ни у Нарушевича и Княжнина. Лира Трембецка-

го—національная польская и славянская, лира мести и надежды, выражающая положительную, славянскую програму спасенія польскаго народа въ будущемъ; лира остальныхъ его товарищей настроена по большей части элегіею о прошломъ. Трембецкій, до извѣстной степени — поэтъ *панславизма* среди Поляковъ, польско-славянскій пророкъ Іезекіиль среди плачущихъ польскихъ Іеремій, предшественникъ другихъ пѣвцовъ панславизма, Поляка Воронича, Словака Колара, Русскаго Хомякова [1]).

---

[1]) Изъ стихотвореній Трембецкаго см. особенно Gość w Heilsbergu, wiersz pisany do Ig. Krasickiego (1784), Do króla Stanisława Augusta (1787), Do A. Naruszewicza (1787), Do posłów powracających z Grodna (1793). Трембецкій, какъ и всѣ старые Поляки (срв. выше), не отличаетъ формъ, славянской Ruś, Rusin, ruski, и греческой Rossyja, Rossyjanin, rossyjski; онъ называетъ и древній Кіевъ — długo państwa rossyjskiego głowa. Подобно тому пишетъ и современникъ Трембецкаго, Нарушевичъ о Moskalach, to jest o tój części Rusinów, która siedzi nad rzeką Moskwą, że są Słowianami, żaden nie wątpił. (Historya narodu polskiego I. 255). Трембецкій очень хорошо сознавалъ всѣ многочисленные недостатки политическаго строя тогдашней Польши, и сожалѣлъ о томъ, что у короля столь мало власти. Вотъ на пр. слова Трембецкаго о пресловутомъ liberum veto:

Co tysiąc dobrych mężów zbawiennie uradzi,
Przekupny pijanica jednem słowem zgładzi.

Слова Спасовича (Исторія славянскихъ литературъ 559, 561), что Трембецкій—образецъ придворнаго паразита-стихотворца и что онъ, космополитъ, на свѣжей могилѣ отечества поетъ о братскомъ единеніи единокровныхъ племенъ, не выражаютъ всей дѣятельности этого поэта; и другіе поэты этого времени были придворные паразиты-стихотворцы, космополиты, но не высказали такихъ глубокихъ мыслей о положеніи и будущемъ своего народа, какъ Трембецкій. О Трембецкомъ см. статью В. Макушева въ журналѣ *Древняя и Новая Россія* 1878, II. 261.

IV.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ [1]).

1. *Югославяне—по преимуществу „Славяне“ (Словѣне, Словене, Словине, Словенцы, Словинцы), ихъ языкъ—„славянскій“ (словѣнскій, словенскій, словинскій). Илиры. Раздробленіе и порабощеніе Югославянъ. Мысли о ихъ освобожденіи. Восточный вопросъ.*

Южные Славяне между Альпами и морями адріатическимъ и Чернымъ употребляли это общее названіе всего племени изъ давна, равнымъ образомъ какъ ихъ сѣверные балтійскіе соплеменники. Уже въ VI в. народы, населявшіе земли дунайскія, балканскія и альпійскія, назывались *Словѣне* (*Словене*). Альпійскіе Хорутане и Краньцы, подунайскіе Ободричи и другія племена въ Панонія и Дакіи, Браничевцы и Тимочане въ Мизіи, македонскіе Драговичи и Брѣзяки, ѳесальскіе Велегостичи и пелопонесскіе Езеричи—всѣ они, хотя они употребляли эти свои племенныя названія или позже названіе Болгаръ, были Словѣне, Словене, говорили по-словѣнски (словенски), а этотъ ихъ языкъ „словѣнскій“ сдѣлался языкомъ церкви и литературы у многихъ другихъ Славянъ. Также и Славяне, которые поселились возлѣ этихъ Словѣнъ, въ Далмаціи т. е. въ цѣломъ адріатическомъ при-

---

[1]) По многимъ причинамъ говоримъ здѣсь о южныхъ Славянахъ вмѣстѣ, не раздѣляя ихъ на Словенцевъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ.

морьѣ отъ рѣки Раши въ Истріи до рѣки Дрина въ Албаніи, назывались Словине, Словинцы, латин. Slavi. Когда въ сѣверной Далмаціи образовалось государство хорватское, то рядомъ съ названіемъ Словине употреблялось и названіе Хорваты. Также и южная Далмація и другія сосѣдпія страны назывались словинскимъ королевствомъ (regnum Slavorum), землею словинскою (Slavonia). Языкъ, на которомъ говорили въ адріатическомъ приморьѣ, былъ „словинскій“, какъ онъ называется уже въ древнѣйшихъ грамотахъ (quod sclavonice dicitur, slavicum idioma) и въ позднѣйшей словинско-хорватской литературѣ въ Далмаціи, гдѣ „словинскій“ и „хорватскій“ было одно и то же самое. Также и земля между Дравою и Савою, прежняя южная Панонія (нынѣшняя Хорватія и Славонія), называлась и отъ части до сихъ поръ называется „славянскою“ (словинскою, латин. Slavonia). И такъ, у южныхъ Славянъ это названіе употреблялось въ широкомъ и въ тѣсномъ смыслѣ, означая то цѣлое племя славянское (словѣнское, словинское, словенское), то однихъ южныхъ Славянъ, именно, послѣ исчезновенія подунайскихъ Словѣнъ въ Угріи и въ Румуніи и возникновенія названія Болгаре у задунайскихъ Словѣнъ, западную ихъ половину, Словенъ-Словенцевъ и Словинъ-Словинцевъ (Хорватовъ). „Славоніею“ (словинскою землею) назывались иногда тоже Боснія и Сербія. Чехи и Поляки называли часто этихъ западныхъ, хорватско-далматинскихъ Югославянъ „Славянами“ (Słované-Słowianie, Słováci-Słowacy), и оттуда, изъ земли „славянской“, производятъ себя, Чеха и Лѣха, равнымъ образомъ какъ и русскій лѣтописецъ выводитъ изъ подунайскихъ „Словѣнъ“ многія славянскія племена на западѣ и на востокѣ.

Съ половины XV в. южные Славяне стали, по примѣру латинскихъ и греческихъ писателей, употреблять и названіе „Илирія-Илирикъ (Illyricum, Ἰλλυρικόν)“, „Илиры-Илирики“—во смыслѣ Далмаціи, южныхъ Славянъ (Словинъ) и тоже вообще Славянъ (Словинъ) [1]. Такъ Шибеничанинъ Юрій Шишгоричъ

---

[1]) Illyricum, Illyris означало первоначально адріатическую приморскую область между Неретвою и Дриномъ (Illyricum barba-

описалъ ок. 1487 г. Илирію т. е. Далмацію (De situ Illyriae et civitatis Sibenici); Дубровчанинъ гуманистъ Илья Црѣвичъ назвалъ (ок. 1500 г.) Илиріею не только югославянскія земли, столицею которыхъ Дубровникъ (caput Illyrici, Illuriae), а вообще всѣ славянскія земли и народы между Москвою и Далмаціею, между морями нѣмецкимъ, адріатическимъ и Чернымъ—quicunque Moscum interjacet ultimum, Tethymque Germanam et mare Ponticum et Dalmatarum australe littus, Illuriae imperio superbit [1]). Геральдикъ XVI в., Дубровчанинъ Охмучевичъ, назвалъ Боснію и Босняковъ Илиріею и Илирами, а другой, такъ назыв. Рубчичъ, назвалъ сербское царство Стефана Душана—цесарствомъ илирскимъ, imperium Illyricum. Сербскіе патріархи, слѣдуя этимъ „класическимъ" формамъ, стали, съ конца XVII в., называться тоже патріархами всего Илирика. „Илирскій" народъ и языкъ означали на славянскомъ югѣ и въ Римѣ, Вѣнѣ и др. то, что „словинскій" (хорватскій), тоже сербскій, югославянскій и вообще славянскій, Илирикъ, Illyricum—югославянскія страны вообще [2]). Притомъ югославянскіе ученые не всегда соглашались

---

rum, romanum), и между Дриномъ и акрокеравнскими горами на границѣ Эпира (Illyris graeca). Потомъ Илирія—вообще всѣ земли отъ Истріи до Дрина, между Савою, Дриною и адріат. моремъ; эта Илирія совпадаетъ съ Далмаціею. Наконецъ Илирикомъ назывались области Норикъ, Панонія, Далмація, Дакія, Мизія, Өракія, позже и Македонія, Эпиръ, Греція. См. Farlati Illyricum sacrum I. § 1.— Ученый чешскій путешественникъ Христофоръ Гарантъ изъ Польжицъ, въ своемъ описаніи востока (1598), называетъ Илирикомъ всѣ земли по адріатическому морю отъ Венеціи до Эпира, Либурнію или Хорватію, Далмацію и Славонію или славянскую землю, по народу славянскому, отъ котораго произошелъ чешскій народъ и языкъ: главный городъ Славоніи—Raguzium, по-турецки Dobrovicha (Cesta do Benátek, do země svaté, do Egypta etc. 1608, 2 vyd. 1854, I, 56).

[1]) Такъ выражается Црѣвичъ въ одной рѣчи. Starine IV, 197.

[2]) Итальянецъ епископъ Павелъ Іовій (Jovius), въ своей книгѣ De legatione Basilii, magni principis Moscoviae, ad Clementem VII liber (1526), пишетъ: Moscoviae illyrica lingua illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lithuani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur; nam Constantinopoli

относительно понятія „Илиры, Илирикъ.“ Въ половинѣ XVII в. завязался въ Римѣ любопытный споръ о значеніи названія „Илиры“; Словенцы защищали и свое право на это національное названіе, между тѣмъ какъ Далматинцы оспоривали это право, считая себя и Хорватовъ единственными Илирами, а Словенцевъ развѣ только Илирами въ общемъ смыслѣ т. е. Славянами. Книжное названіе Илиры, Илирикъ и пр., въ значеніи южныхъ Славянъ и Славянъ вообще, распространилось и между другими Славянами, и чешскіе, польскіе и русскіе лѣтописцы, историки и филологи употребляютъ это названіе въ значеніи южныхъ Славянъ адріатическихъ, откуда вышли-де Чехъ и Лѣхъ, и въ значеніи Славянъ вообще [1]).

Родство разныхъ племенъ югославянскихъ, близость ихъ нарѣчій, чувствовались не въ одной теоріи, въ наукѣ и литературѣ, а тоже въ практической жизни. Словенцы и Хорваты, путешествуя между Сербами и Болгарами, замѣчали, что всѣ эти народы, говоря на славянскомъ языкѣ, понимаютъ другъ друга; тоже самое замѣчали Югославяне, находясь между другими Славянами на западѣ и на востокѣ. Литературно-церковный языкъ

Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum sultanum et equites Mamalucos haud ingratis auribus audiebatur. Эти слова Іовія о распространеніи славянскаго языка (даже среди „мамелюковъ“) съ удовольствіемъ повторялись славянскими писателями.

[1]) Въ началѣ XIX в. Наполеонъ назвалъ вновь пріобрѣтенныя югославянскія земли (Словенцевъ, приморскихъ Хорватовъ и Далматинцевъ) „илирскими“ провинціями; это „оживленіе Илиріи“ воспѣвалъ тогда словенскій поэтъ Водникъ. Послѣ возсоединенія этихъ странъ съ Австріею „королевство илирское“ стало означать словенскія земли съ Истріею. Наконецъ, виновники югославянскаго возрожденія у Хорватовъ, раздѣляя мнѣніе о славянскомъ происхожденіи древнихъ Илировъ, возобновили названіе „Илиры, илирскій языкъ“ во смыслѣ далматинскаго „lingua illyrica“, и стали подразумѣвать подъ „Илирами“ всѣхъ южныхъ Славянъ вообще, а Хорватовъ и Сербовъ въ особенности. Но съ 1860-го г. названіе „Илиры“ въ этомъ значеніи исчезаетъ, и вмѣстѣ нихъ являются опять Хорваты и Сербы, языкъ хорватско-сербскій, хорватскій или сербскій.

„словѣнскій“ (славенскій, славянскій), употребляемый Болгарами, Сербами и Русскими, хотя въ разныхъ изводахъ, долго соединялъ всѣ эти славянскіе народы и представлялъ ихъ религіозно-культурное единство; да онъ раздавался тоже въ церквахъ Хорватіи, Чехіи и Польши [1]).

Не смотря на близость югославянскихъ племенъ имъ не удалось сплотиться въ одинъ народъ. Словѣне въ Панонiи и въ Дакiи сошли рано съ историческаго поприща, подчинившисьУграмъ и Румунамъ и исчезнувши въ этихъ иноплеменникахъ. Альпiйскiе Словене, Словенцы очутились тоже рано подъ господствомъ Нѣмцевъ, отъ части и Итальянцевъ; адріатическіе Словиие, Словинцы (Хорваты)—подпали подъ господство Угріи и Италіи (Венеціи); Сербы и Болгаре, борясь долго съ Греками, подпали наконецъ, вмѣстѣ съ ними, подъ господство Турокъ. Это политическое раздробленіе, эта слабость Югославянъ усилились еще въ слѣдствіе ихъ религіозно-культурнаго раздвоенія: западная ихъ половина примкнула къ культурѣ западной, римско-латинской, а восточная къ греческо-византійской. Религіозно-культурное разъединеніе Югославянъ, особенно говорящихъ на одномъ языкѣ Хорватовъ и Сербовъ, отразилось на цѣломъ ихъ историческомъ развитіи, и на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Всѣ эти внѣшнія и внутреннія причины помѣшали сплоченію Югославянъ. Были, правда, нѣкоторые сильные князья югославянскіе, которые стремились къ соединенію Югославянъ. Болгарскіе князья попытались бороться и на западѣ съ Франками и Уграми и на востокѣ съ Греками, и мечтали (цари Симеонъ и Самуилъ) о соединеніи подунайскихъ и балканскихъ Славянъ, Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ; но для такихъ громадныхъ плановъ, для борьбы съ Нѣмцами, Уграми и Греками, не хватило у нихъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они встрѣтились съ центробѣжными стремленіями самихъ южныхъ Славянъ. Страны альпійскія, адріатическія и подунайскія сдѣлались рано добычею иноплеменниковъ, Нѣмцевъ, Угровъ, Итальянцевъ, которые занив-

---

[1]) Срв. послѣднюю главу.

ши эти страны стремились дальше въ сердце Югославянъ на Балканѣ. Сербскіе великіе жупаны, короли и царь Стефанъ Душанъ могли думать уже только о соединеніи сербскихъ и болгарскихъ странъ; Хорваты и Босняки оставались все подъ Угріею и Венеціею. Югославянъ соединили не свои князья, а иноплеменники, Турки. Эти завоеватели допускали въ ряды господствующаго племени славянскихъ и другихъ потурицъ (потурчившихся ренегатовъ), такъ что славянскій (болгарскій и сербскій) языкъ раздавался и въ Царьградѣ при дворѣ султана, среди турецкихъ сановниковъ и янычаръ изъ Славянъ. Турки соединили подъ своимъ жезломъ всѣ христіанскіе народы балканскаго полуострова, Хорватовъ, Сербовъ, Болгаръ, Грековъ, Волоховъ и Албанцевъ, но не примирили ихъ.

Съ появленіемъ Славянъ на балканскомъ полуостровѣ началась борьба изъ-за политическаго первенства между ними и Греками. Сначала Болгаре, при Крумѣ, Симеонѣ, Самуилѣ, Іоаннѣ Асѣнѣ, потомъ Сербы, при Стефанѣ Милютинѣ и Стефанѣ Душанѣ, оспоривали у Грековъ-Византійцевъ это первенство, и добивались и царскаго вѣнца восточно-римской имперіи. Общее балканскимъ Славянамъ и Грекамъ православное вѣроисповѣданіе и соединенная съ нимъ культура, конечно, не могли смягчить національной ненависти между Славянами и Греками, равнымъ образомъ какъ общее западнымъ Славянамъ и Нѣмцамъ католическое вѣроисповѣданіе и римская культура не могли смягчить обоюдной ихъ національной ненависти. Явная борьба балканскихъ Славянъ и Грековъ изъ-за первенства на балканскомъ полуостровѣ прекратилась вслѣдствіе нашествія Турокъ; но тѣмъ не менѣе Греки и послѣ паденія Византіи не упускали изъ виду своей завѣтной цѣли подчинить своему вліянію своихъ единовѣрцевъ, Болгаръ и Сербовъ, и со временемъ—въ случаѣ паденія господства Турокъ въ Европѣ—поработить ненавистныхъ Славянъ и въ политическомъ отношеніи, по примѣру царей Іоанна Цимисхія, Василія Болгаробойца, Мануила. Царьградскіе Греки-Фанаріоты стремились прежде всего къ тому, чтобъ съ помощью Турокъ вторгнуться въ церковную жизнь православныхъ народовъ славянскихъ въ Турціи, и подчинить своему вліянію эту единственную въ тѣ тяжелыя времена культурную

жизнь своихъ славянскихъ единовѣрцевъ. Это имъ удалось: патріархаты болгарскіе въ Терновѣ и Охридѣ и сербскій въ Печи уничтожены, и церкви болгарская и сербская, равнымъ образомъ какъ и церковь румунская, достались въ руки Грековъ, и подчинены патріархату царьградскому. Съ тѣхъ поръ епископскія мѣста между Болгарами и Сербами замѣщались Греками-Фанаріотами, которые вытѣсняли славянскій языкъ изъ болгарскихъ и сербскихъ церквей, замѣняя его греческимъ, истребляли славянскія рукописи, и имѣя въ виду возстановленіе греческаго царства, трудились надъ „великою идеею греческою", т. е. надъ духовнымъ порабощеніемъ православныхъ Славянъ и Румуновъ въ Турціи, провозглашая, что „всякій православный—Грекъ." Поставленный во второй половинѣ XVIII в. Россіею „греческій проектъ" т. е. возобновленіе греческаго царства, представлялъ, такъ сказать, санкцію политическаго и культурнаго первенства Грековъ и порабощенія Болгаръ, Сербовъ и Румуновъ.

Національная ненависть балканскихъ Славянъ, прежде всего Болгаръ, къ „льстивымъ, лукавымъ, лисицамъ" Грекамъ, выразилась въ литературѣ, въ народной письменности, въ пѣсняхъ, пословицахъ и пр.; въ одной народной пѣснѣ болгарской главнымъ виновникомъ гибели Болгаръ выставляются не Турки, а хитрые, лукавые, измѣнническіе Греки, въ ихъ главѣ самъ царьградскій патріархъ. Этотъ взглядъ балканскихъ Славянъ на Грековъ раздѣляли иногда тоже Русскіе, не смотря на духовныя религіозныя свои сношенія съ греческимъ востокомъ. Уже въ древнѣйшей русской лѣтописи Греки выставляются иногда какъ люди льстивые [1]), и такъ на нихъ смотрѣли и многіе Русскіе позднѣйшихъ временъ. Такъ на пр. авторы соловецкой челобитной называютъ Грековъ обманчивыми златолюбцами и сребролюбцами, отъ которыхъ по этому и отступили Болгаре еще до турецкаго плѣненія. Въ концѣ XVII в. русскій патріархъ Іоакимъ возымѣлъ планъ отторгнуть Болгаръ и Сербовъ отъ царьградскаго патріархата и подчинить ихъ патріарху московскому;

---

[1]) Суть бо Греци льстиви и до сего дне (971 г.); Пискупъ Антонъ лесть тая во собѣ: бяше бо родомъ Гречинъ (1164 г.).

въ Терновѣ Болгаре уже составили заговоръ въ пользу этой мысли, но въ слѣдствіе предательства одного Грека вспыхнувшее возстаніе Болгаръ вскорѣ было усмирено Турками [1]). Подобная тому мысль о болѣе тѣсной связи сербской церкви съ русскою является среди прогнанныхъ Греками-Фанаріотами сербскихъ архіереевъ, послѣ паденія сербскаго патріархата въ Печи. Тогда (1776 г.) черногорскій митрополитъ Сава вмѣстѣ съ прогнанными девятью сербскими епископами умоляютъ святѣйшій синодъ „бога ради и единовѣрія и единоязычія и единокровія съ нами", помочь погибшей сербской патріархіи, „а ежели нужда будетъ за престолъ пекской, да можетъ быть русской архіерей архіепископъ пекской по единовѣрію и единоязычію". Вмѣстѣ съ тѣмъ Сава и остальные сербскіе архіереи просятъ защиты и у русской императрицы Екатерины: „Заступи насъ при Портѣ, что Греки не бы мѣшались у сербскій націонъ: тимъ насъ вѣчно одолжишь" [2]).

---

[1]) Ламанскій: О нѣкоторыхъ славян. рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, стр. 118.

[2]) Гласник (бѣлградскій) 1867 г., стр. 357—359; срв. М. Дринова „Болгаре и константинополь. патріархія" (Бесѣда 1871, IV). Черногорскій митрополитъ Василій Петровичъ, въ своей книжкѣ „Исторія о Черной Горы" (Москва 1754), разсказываетъ, что послѣ 1737-го г. Грекъ Каражъ Іоаннікій указывалъ Туркамъ на то, что сербскіе патріархи склоняются къ цесарю и ненавидятъ Турокъ, и получилъ отъ султана патріаршій престолъ въ Печи; онъ-де много озлобилъ народъ сербскій, назначая Грековъ въ архіереи, муча народъ и деньги на силу взимая; опустошивши сербскія церкви, онъ бѣжалъ въ Царьградъ. — Національная вражда Славянъ и Грековъ — фактъ въ исторіи столь извѣстный, какъ и національная вражда Славянъ и Нѣмцевъ; по этому мы не можемъ не удивляться словамъ варшавскаго Филологическаго Вѣстника (1886, I. стр. 234), высказаннымъ по поводу перваго тома нашего сочиненія, будто мы *называемъ* Грековъ исконными врагами южныхъ Славянъ; мы ихъ „не называемъ", они ими *суть*. Крижаничъ хорошо зналъ, съ какимъ презрѣніемъ относились Греки къ Болгарамъ „не людямъ", и былъ правъ, если онъ относился къ Грекамъ враждебно какъ къ національнымъ врагамъ Славянъ. Общее православнымъ Грекамъ, Румунамъ и Славянамъ вѣ-

Порабощенные христіанскіе народы Турціи, не будучи въ состояніи помочь себѣ собственными силами, обращали свои взоры на всѣ стороны, въ Угрію, Италію, Испанію, Германію, Польшу, Москву. Сосѣдняя полу-славянская Угрія казалась Югославянамъ естественною ихъ защитницею; она давно уже играла выдающуюся роль въ судьбахъ Югославянъ, да ея короли, называясь королями не только хорватскими и далматинскими, но и босенскими, сербскими и болгарскими, заявляли извѣстныя притязанія на эти югославянскія земли еще до турецкаго нашествія [1]. Угрія могла казаться Югославянамъ ихъ щитомъ тѣмъ болѣе, что она нерѣдко соединялась съ сосѣдними государствами; такъ во второй половинѣ XIV в. соединены Угрія и Польша въ рукахъ угорскаго короля Людовика [2]; въ XV в. угорскій король Сигизмундъ сталъ и римско-нѣмецкимъ императоромъ и чешскимъ королемъ, Альбрехтъ австрійскій былъ королемъ чешскимъ и угорскимъ, польскій король Владиславъ III избранъ и въ угорскіе короли, угорскій король Матвѣй занялъ большую часть чешскаго государства. Угрія въ несчастныхъ сраженіяхъ подъ Никополемъ, Варною и на Косовомъ полѣ (1448) напрасно старалась задержать наступленіе Турокъ. Напрасно босенскіе короли и сербскіе деспоты искали спасеніе въ Угріи; ихъ земли сдѣлались добычею Турокъ, и скоро угрожала большая опасность и Угріи и Хорватіи. Угрія XV в. не была въ состояніи, успѣшно бороться съ Турками тѣмъ болѣе, что ея силы, при Сигизмундѣ и Матвѣѣ, истощались на западѣ борьбою съ гуситскими Чехами; подавленіе чешскихъ „еретиковъ“ въ средней Европѣ

роисповѣданіе здѣсь ни при чемъ, равнымъ образомъ какъ общій Нѣмцамъ и Славянамъ, или Нѣмцамъ и Французамъ, или Славянамъ и Уграмъ католицизмъ не приноситъ еще умиротворенія въ ряды враждующихъ между собою *народовъ*.

[1]) Объ этихъ притязаніяхъ Угріи см. нашу статью Uhry a východní otázka (Časopis Českého Musea 1868), переведенную и похорватски (Ugarska i iztočno pitanje, 1871).

[2]) Срв. выше стр. 128 мысли Поляка Сарницкаго объ этомъ соединеніи.

считалось тогда болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ уничтоженіе господства магометанскихъ Турокъ въ юговосточной Европѣ. По этому нечего было и думать о союзѣ христіанскихъ государей противъ Турокъ, объ общемъ ихъ походѣ противъ нихъ подъ предводительствомъ римскаго императора или чешскаго короля Юрія Подѣбрадскаго, будущаго „императора царьградскаго“ [1]).

Вступленіе Ягайловичей на угорскій престолъ (1490) вновь оживило надежды Югославянъ. Они предполагали, что возобновится то время, когда они привѣтствовали своего соплеменника Ягайловича, юнаго короля польскаго и угорскаго Владислава, который приносилъ балканскимъ Славянамъ освобожденіе, но погибъ преждевременно подъ Варною. Казалось, что Ягайловичи, соединивъ въ своемъ родѣ короны польскую и литовско-русскую, чешскую, угорско-хорватскую, соединятъ и силы всѣхъ своихъ народовъ къ одной главной цѣли, къ борьбѣ съ Турками и къ освобожденію христіанскихъ народовъ Турціи, станутъ во главѣ общаго союза христіанскихъ государствъ Европы противъ Турокъ. Дѣйствительно, тогда — справедливо замѣчаетъ польскій историкъ Вановскій — „польское имя было огромно и грозно; ибо три брата Казиміровичи Поляки, Владиславъ, Альбрехтъ и Александръ, царствовали далеко и широко, въ Далмаціи, Угріи, Чехіи, Польшѣ, Литвѣ, между двумя морями, среди богатыхъ и воинственныхъ народовъ, такъ что они были бы для сосѣднихъ народовъ по истинѣ страшными, еслибъ съумѣли пользоваться своимъ могуществомъ“ [2]).

---

[1]) Срв. выше (стр. 86) слова Серба М. Константиновича объ этой политикѣ Угріи. О планахъ общаго похода противъ Турокъ см. у Палацкаго Dějiny národu českého IV. 2, p. 109, 117, 137, 154, 158.

[2]) Ingens ac formidabile erat ea tempestate polonicum nomen. Enimvero tres fratres Casimiriades Poloni, Vladislaus, Albertus et Alexander, a Dalmacia, Illirico et Adriatico mari incipiendo in Ungaria, Polonia, Bohemia ac Lituania ad Ripheos usque montes (Оковскій лѣсъ) et aras Alexandri Magni (Орша), ubi nunc Smolensko est, inter bina hinc et inde precurrentia maria, apud opulentas ac bellicosas gentes, longo et lato imperitabant, ut vicinis populis, *si poten-*

Югославяне возлагали большія надежды на это соединеніе силъ Ягайловичей; Сербъ Михаилъ *Константиновичъ* разсчитывалъ на общія дѣйствія братьевъ королей Владислава угорско-чешскаго и Іоанна Альбрехта польскаго; Хорватъ Феликсъ *Петанчичъ* умолялъ угорско-чешскаго короля Владислава (1502) заключить союзъ съ другими христіанскими государями противъ Турокъ, и, зная балканскій полуостровъ, подробно описалъ тамошнія дороги на случай войны (De itineribus in Turciam libellus) [1]. Король Владиславъ, дѣйствительно, нѣсколько разъ думалъ о походѣ противъ Турокъ, и старался привлечь къ этому дѣлу разныхъ христіанскихъ государей [2]. Онъ уже немедленно послѣ своего избранія въ угорскіе короли (1490), когда его родной братъ королевичъ Іоаннъ Альбрехтъ оспоривалъ у него угорскую корону, представлялъ брату необходимость примиренія и соединенія силъ противъ Турокъ. По его порученію Іоаннъ Филипецъ, Чехъ, епископъ варадинскій и канцлеръ угорскій, старался прекратить пагубную вражду обоихъ братьевъ, и между прочимъ указывалъ на успѣхи Турокъ, которые, пользуясь несогласіемъ христіанъ, завоевали уже почти весь балканскій полуостровъ, Ѳракію, Македонію, Грецію, Эпиръ, и покорили по большей части и Словинъ (Illyricos) между Дриномъ, Савою и Вербасомъ, „нашихъ праотцевъ, отъ которыхъ происходятъ Чехи и Поляки“ [3]. Владиславъ думалъ привлечь къ общему союзу христіанскихъ государей противъ Турокъ и великаго князя московскаго Ивана; по этому онъ и его братъ Іоаннъ Альбрехтъ, уже какъ польскій ко-

---

tia sua uti scivissent, formidabiles merito viderentur. (Chronica p. 16). Срв. выше стр. 91 слова Ст. Тарновскаго.

[1]) О Петанчичѣ см. Rad jugoslav. akad. XLIX. 106.

[2]) См. Палацкаго Dějiny národu českého V. 1. p. 323, V. 2. p. 20, 39.

[3]) Рѣчь Филипца сообщаетъ его современникъ, Дубровчанинъ Людовикъ Црѣвичъ (Cerva Tubero) въ исторіи своего времени (Commentarii, ed. Francfurt. 1603, p. 48, тоже у Швандтнера Scriptores rerum hungar. II. 148). Црѣвичъ замѣчаетъ, что Филипецъ отправленъ къ Іоанну Альбрехту, quod cum Alberto ejusdem linguae esset, nam Polonis et Boemis idem sermo est.

роль, старались прекратить войну третьяго своего брата Александра, великаго князя литовскаго, съ Иваномъ. Оба Ягайловича указывали (1501) Ивану на то, что лучше бы было, если бы Угрія и Чехія, Польша, Литва и Москва соединились противъ Турокъ; такимъ образомъ балканскія земли освободились бы на вѣки отъ врага Христова креста, и было бы пріобрѣтено греческое царство. Въ подобномъ смыслѣ и позже (1508) король Владиславъ старался прекратить враждебныя дѣйствія обоихъ славянскихъ государей, польскаго короля Сигизмунда и великаго князя московскаго Василія Ивановича, увѣщевая ихъ соединиться съ другими христіанскими государями противъ Турокъ [1]. Но всѣ эти обширные планы объ общихъ дѣйствіяхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ разбивались о болѣе близкіе планы и интересы отдѣльныхъ государствъ, которые не позволяли имъ прекращать ихъ взаимные счеты и соединить ихъ силы противъ Турокъ. Турки, послѣ покоренія балканскихъ странъ, вторгнулись и въ Угрію, и въ 1526-омъ г., въ битвѣ подъ Мохачемъ, погибъ другой молодой Ягайловичъ, король угорскій и чешскій Людовикъ Владиславовичъ, не поддерживаемый ни Германіею ни Польшею. Мохачская битва похоронила славянско-угорское государство Ягайловичей. Славянскій родъ Ягайловичей вытѣсненъ изъ средней и юговосточной Европы, изъ Чехіи, Угріи и Хорватіи, и всѣ эти земли достались нѣмецкимъ Габсбургамъ. Миновало на всегда то время, когда славянскіе Ягайловичи, говорившіе по-польски, по-русски и по-чешски, владѣя коронами польскою и литовско-русскою, чешскою, угорскою и хорватскою, какъ бы представляли собою славянскій міръ, его будущее, его надежды. Правъ былъ Ваповскій: Ягайловичи не съумѣли воспользоваться своимъ могуществомъ.

Послѣ катастрофы мохачской соединеніе силъ христіанскихъ государствъ противъ усиливающихся Турокъ оказывалось

---

[1]) Акты западной Россіи, I. Nro. 186, 187, 188; латинское письмо Владислава вел. князю Василію 1508-го г. въ Метрикѣ литовской.

еще болѣе необходимымъ. Турки заняли бо́льшую половину Угріи и Хорватіи, угрожали и Вѣнѣ. Угрія и Хорватія сдѣлались постояннымъ побоищемъ, на которомъ лилась кровь христіанскихъ воиновъ, преимущественно Славянъ, въ безпрерывной борьбѣ противъ Турокъ [1]. Союзъ христіанскихъ государствъ составлялъ предметъ мечтъ Югославянъ, и о немъ заговорили опять Хорваты Транквиллъ *Андрашевичъ* и Варѳоломей *Георгіевичъ*; первый дѣйствовалъ въ пользу своего плана словомъ и перомъ, въ Германіи и въ Польшѣ; второй, томившійся долго въ турецкомъ плѣну, мечталъ привлечь къ такому союзу всѣхъ христіанскихъ государей и великаго князя московскаго (Exhortatio contra Turcas 1545). Въ такомъ смыслѣ дѣйствовали и въ послѣдствіи Хорваты Чедолины, Комуловичъ, Джорджичъ, Болгаринъ Парчевичъ, далматинско-хорватскіе поэты и др. Хварскій епископъ Петръ *Чедолини*, во время возбужденія всей Европы противъ Турокъ, въ особой запискѣ, представленной папѣ Клименту VIII (1594), указываетъ на пользу союза римскаго императора съ русскимъ царемъ, который можетъ выставить многочисленное войско, и пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана [2].

Южные Славяне Турціи искали помощи прежде всего у ближайшихъ своихъ сосѣдей и повелителей значительной части своихъ соплеменниковъ, у преемниковъ Ягайловичей въ средней и юговосточной Европѣ, у римскихъ цесарей, вмѣстѣ съ тѣмъ королей угорско-хорватскихъ и чешскихъ, и у Венеціанцевъ владѣвшихъ адріатическимъ словинскимъ приморьемъ, Истріею и Далмаціею. Кромѣ этихъ двухъ христіанскихъ государствъ въ порабощенныхъ южныхъ Славянахъ возбуждали надежды болѣе отдаленные, но за то для нихъ болѣе симпатичные соплемен-

---

¹) См. I. т., стр. 51.

²) Объ Андрашевичѣ см. стр. 87; о Георгіевичѣ см. Rad jugoslav. akad. XLIV. 108; о Чедолини Zinkeisen Geschichte des osman. Reiches III. 592.

ные славянскіе государи, польскій король и русскій царь [1]). Последній пользовался, начиная уже съ XVI века, все усиливающимися симпатіями среди православныхъ народовъ Турціи, Волоховъ, Грековъ и Славянъ, и, хотя еще очень далекъ отъ Дуная и Балкана, мало по малу сталъ заменять роль римскаго цесаря какъ ихъ будущаго освободителя. Въ 1688-омъ г. аѳонскій архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ греческаго и сербскаго и волошскаго господаря, вызывалъ молодыхъ русскихъ царей, Ивана и Петра, выступить за освобожденіе православныхъ Грековъ, Болгаръ, Сербовъ и Волоховъ, которые съ радостью ожидаютъ царскихъ войскъ; онъ просилъ, чтобъ цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками римскаго императора и Венеціанцевъ; эти народы не любятъ Немцевъ, и будутъ имъ помогать только въ случае крайней нужды [2]).

Но не одни православные Югославяне обращали свои взоры все больше на севернаго славянскаго царя; туда же оглядывались все больше и католики Югославяне. Все Югославяне почуяли въ русскомъ царе — своего, Славянина, а въ римскомъ цесаре—чужого, Немца. Въ Хорватіи, равнымъ образомъ какъ и въ Угріи, въ XVII в. значительно усилилась ненависть къ немецкому императору и къ Немцамъ вообще, да банъ Петръ Зринскій и Францъ Франкопанъ задумали освободить Хорватію отъ немецкаго господства съ турецкою помощью, но поплатились за это жизнью [3]). Эта ненависть Хорватовъ къ Немцамъ воплотилась тогда, такъ сказать, въ Хорвате Юріе Крижаниче, который приписываетъ Немцамъ все бедствія, постигшія и преследующія Славянъ. Эта ненависть нашла себе выраженіе и въ хорватской литературе, въ эпосе Adrianskoga mora Sirena (1660) Николая Зринскаго, переведенномъ съ угорскаго братомъ Николая Петромъ: въ эпосе турецкій посолъ султана Солимана пред-

---

[1]) О политике Польши относительно Югославянъ см. выше стр. 85—93.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи XIV. 54, Slavische Bibliothek II. 282.

[3]) См. выше стр. 84.

остерегаетъ героя эпоса, сигетскаго богатыря Николая Зринскаго, отъ измѣнническихъ Нѣмцевъ, которымъ нельзя вѣрить, и которые только строятъ козни и гибель и Уграмъ и Хорватамъ [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ на славянскомъ югѣ не удивительно, если даже у католическихъ Югославянъ, Хорватовъ и Далматинцевъ, нѣмецкій царь вѣнскій мало по малу уступалъ передъ славянскимъ царемъ московскимъ. Уже въ половинѣ XVII вѣка въ строго католическомъ Дубровникѣ прославляется Русь „мудрая Сѣверница", какъ покровительница и примирительница южныхъ Славянъ, и дубровницкіе поэты, католическіе священники, воспѣваютъ славу русскихъ царей какъ будущихъ освободителей славянскаго юга. Юрій Крижаничъ, который прекрасно зналъ нѣмецко-славянскія отношенія, не ожидалъ ничего отъ нѣмецкаго цесаря, а указывалъ на русскаго царя Славянина какъ на главнаго освободителя порабощенныхъ южныхъ Славянъ, Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ; всѣ эти Югославяне лишившіеся политической самостоятельности, утратили всю силу и весь разумъ, такъ что они уже не понимаютъ, чтó это честь и достоинство и не думаютъ о нихъ; сами себѣ никакъ помочь не могутъ, а нуждаются въ внѣшней силѣ, чтобъ опять подняться на ноги и стать въ числѣ народовъ [2]). Эта „внѣшняя сила" была для всѣхъ христіанскихъ разноплеменныхъ народовъ Турціи тѣмъ болѣе необходима, что, не смотря на турецкое иго, давнишняя ихъ національно-политическая вражда и разные счеты не прекращались а продолжали, хотя и глухо, заявлять свою силу

---

[1]) Объ эпосѣ Зринскаго см. загребскій журналъ Književnik III. 319—407. Нелюбовь южныхъ Славянъ къ Нѣмцамъ (Швабамъ) выразилась и въ нѣкоторыхъ пословицахъ сербскихъ и хорватскихъ, на пр. „Боље ти je да те ћера (гонитъ) Турчин са сабљом него Шваба с пером"; „Србин коси, Шваба носи, Србин бере (собираетъ), Шваба ждере (жретъ)". Южные Славяне знали тоже другое названіе Нѣмцевъ — Аламане; сербское „као Аламани" значитъ: жадно; и въ древнеболгарскомъ спискѣ народовъ (ок. 1200 г.) сравниваются Аламанинъ—съ орломъ, Нѣмецъ—съ сорокою.

[2]) О хорватскихъ поэтахъ и о Крижаничѣ см. ниже.

и во время турецкаго владычества. Такую внѣшнюю силу считалъ необходимою и болгарскій патріархъ охридскій Аѳанасій (1615 г.), когда онъ надѣялся на освобожденіе христіанскихъ народовъ Турціи посредствомъ Испаніи; онъ прямо говоритъ, что всѣ эти народы, Греки, Албанцы, Болгаре и Волохи, люди честолюбивые, гордые и злостные, ищутъ взаимной гибели, и что безъ сильной чужой власти угрожала бы гражданская война между этими народами [1]).

Этою „внѣшнею силою", въ которой нуждались всѣ христіанскіе народы Турціи для своего освобожденія и для дальнѣйшаго своего политическаго и національнаго существованія и развитія, могли быть со временемъ, послѣ ослабленія и исчезновенія со всемірной сцены Испаніи, Венеціи и Польши, только двѣ державы, Германія—Австрія и Россія, Нѣмецъ и Славянинъ. Римско-нѣмецкій цесарь, вмѣстѣ съ тѣмъ король угорскій, хорватскій и чешскій, считалъ всѣ подунайскія и балканскія земли лежащими въ сферѣ его власти, принадлежащими—въ случаѣ ихъ освобожденія отъ Турокъ—только ему, а никому другому. Давно уже, со временъ Карла Великаго, мѣтили туда римско-нѣмецкіе императоры; въ IX в. не только Славяне Норика, но и Панопіи и Далмаціи находились подъ властью Франковъ—Нѣмцевъ, и названіе лѣсистыхъ дебрей юговосточной Панопіи, срѣмской Фрушкой горы (Фругъ—Франгъ, Франкъ), напоминаетъ до сихъ поръ время „фружскаго" владычества въ подунайскихъ странахъ. А нѣмецкое названіе сербской „Герцеговины" указываетъ на желаніе босенско-холмскаго войводы Стефана Косачи (1448 г.), сдѣлаться „герцогомъ" священной римской имперіи нѣмецкой націи. Римско-нѣмецкіе императоры всегда стремились къ пріобрѣтенію новаго государства подунайскаго, Угріи, что имъ наконецъ и удалось. Вмѣстѣ съ короною угорскою (и хорватскою) нѣмецкіе Габсбурги пріобрѣли и всѣ ея притязанія на югославянскія и румунскія земли, которыя выражались въ титулахъ угорскаго короля: король бо-

---

[1]) Записку патріарха сообщилъ Макушевъ: Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (Славянскій Сборникъ т. III).

сенскій, сербскій, болгарскій, куманскій (румунскій). Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. казалось, что всѣ эти титулы осуществятся, что сербскія, румунскія и болгарскія земли будутъ присоединены къ владѣніямъ христіанскаго цесаря и угорскаго короля, подъ скипетромъ котораго жило много Югославянъ и Румуновъ. Одно время (1737 г.) самъ болгарскій патріархъ охридскій пожелалъ стать членомъ римской имперіи, какъ правитель Босніи, Сербіи, Албаніи и Македоніи. Но не долго находились сѣверныя части Босніи и Сербіи (съ Бѣлградомъ) подъ господствомъ цесаря, и возвратились опять подъ турецкое иго. Тѣмъ не менѣе вѣнскій дворъ и Сербы надѣялись, что окончательное присоединеніе всѣхъ сербскихъ земель къ владѣніямъ цесаря составляетъ только вопросъ времени. Еще въ концѣ XVIII-аго в., во время войны Россіи и Австріи съ Турціею, Сербы предполагали, что осуществятся эти планы, и что исполнится высказанное не задолго до войны (1783) желаніе сербскаго поэта Досиѳея Обрадовича, который ожидалъ отъ императора Іосифа II освобожденіе земель югославянскихъ и греческихъ:

Свѣтла круно, Іосифе Великій,
Простри милость твою на родъ србскій.
Ты обрати лица погледъ благій,
На дедова твои народъ драгій,
На Сербію бѣдну и на Босну,
Коіе трпе работу несносну.
Будъ подобанъ неба господару,
Дико свѣта, пресвѣтлый цесару!
Излій на светъ превисоке даре,
Дай Болгаромъ ньове боляре,
Твоимъ Србльемъ витезове старе,
И Греціи ньезине Пиндаре!

Во время же войны турецкой Обрадовичъ восторженно воспѣвалъ освобожденіе Сербіи Іосифомъ, „Сербіи милой счастли-

вымъ спасителемъ и милымъ господаремъ", который у избавленной Сербіи снимаетъ оковы [1]).

Всѣ эти широкіе планы цесаря, всѣ эти надежды Сербовъ не осуществились, такъ какъ силы „вѣнскаго цесаря" оказались опять слабѣе турецкихъ, и опять только „московскій царь" билъ Турокъ. Такимъ образомъ всѣ мечты Сербовъ объ освобожденіи цѣлаго ихъ народа изъ-подъ турецкаго ига посредствомъ вѣнскаго цесаря не осуществились. Разочарованные Сербы высказались уже тогда (1790), что они выпуждены искать покровительство другой державы, и одинъ изъ сербскихъ добровольцевъ, Алексѣй Ненадовичъ, сказалъ: „Буду ходить изъ монастыря въ монастырь и говорить каждому монаху и попу, чтобъ записали въ каждомъ монастырѣ, чтобъ больше ни одинъ Сербъ никогда не вѣрилъ Нѣмцу — да више никад тко је Србин Немцу неверује!" [2]). Но не смотря на всѣ неудачи, и на разочарованіе Сербовъ въ вѣнскомъ цесарѣ, планы о присоединеніи сѣверной части балканскаго полуострова къ владѣніямъ императора римскаго (потомъ австрійскаго) и угорскаго короля — въ случаѣ исчезновенія тамъ турецкаго господства—остались частью политической програмы вѣнскаго двора.

Всѣмъ этимъ планамъ стало однако угрожать появленіе на сцену славянскаго царя русскаго, который приближался все больше къ Черному морю и къ Дунаю, дѣйствуя противъ Турокъ часто сообща съ римско-нѣмецкимъ цесаремъ. Но эта помощь сѣвернаго славянскаго царя, вмѣшивающагося все болѣе въ дѣла

---

[1]) Обрадовича Дѣла (Бѣлградъ 1833, I. стр. XI, II. 187; вторая поэма напечатана уже въ 1789-омъ г. въ Вѣнѣ). Въ письмѣ императора Іосифа прусскому королю (12 янв. 1788) находится между прочимъ и слѣдующее мѣсто: J'espère que V. M. ne méconnaîtra pas la légitimité de mes prétentions, qu'elle ne sera pas moin mon ami, quand même je germaniserai quelques centaines de milliers d'orientaux. (Hormayr: Lebensbilder aus dem Befreiungskriege, Jena 1844, III. p. 11).

[2]) Сообщаетъ сынъ его, протоіерей Мат. Ненадовичъ (Мемоари, стр. 27). Срв. бѣлград. Гласник XX. 42.

„Европы“, не могла быть нѣмецкому цесарю по душѣ, тѣмъ болѣе, что русскій царь—не польскій король, который могъ воевать съ Турками не въ пользу свою, а въ пользу Нѣмцевъ. Римско-нѣмецкій католическій цесарь, всегда умножитель имперіи, представитель нѣмецкаго народа и его стремленій на востокъ, не могъ на это движеніе славянскаго, русскаго „варвара, схизматика“ на югъ смотрѣть иначе, какъ только съ возростающимъ недовѣріемъ, негодованіемъ, опасеніемъ. „Славянскій“ царь пріобрѣтаетъ все больше симпатій не только среди православныхъ Славянъ Турціи, но и среди православныхъ Сербовъ Угріи; да сами католическіе Югославяне, Хорваты, привѣтствуютъ прежде всего славянскаго царя какъ будущаго освободителя своихъ братьевъ въ Турціи. „Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ тмы!“—вотъ что раздается среди народовъ черноморскихъ, подунайскихъ и балканскихъ, привѣтствующихъ успѣхи царей вѣнскаго и московскаго. Авторъ книги „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“, изданной въ 1772-омъ г. въ Венеціи на „славянскомъ“ (славено-сербскомъ) языкѣ, говоря о томъ, какъ отъ Петра и отъ Россіи ожидали своего освобожденія „всѣ како единоплеменные славенскіе тако и греческіе и другихъ языковъ восточнаго іерусалимскаго благочестія народы“, замѣчаетъ, что „да и нынѣ то же думаютъ и всѣ единовѣрные хотя въ неволѣ не явно, однакожъ въ тайнѣ, а паче сердечныя свои молитвы къ богу о успѣхѣ оружія благочестиваго государства надъ злочестивыми и человѣкопоклонниками ради освобожденія своего и своего утѣсненнаго благочестія непрестанно возсылаютъ“ [1]).

Нѣмецкій цесарь въ Вѣнѣ, соображая все это и считая южныхъ Славянъ неминуемою добычею своею и своего народа, ка-

---

[1]) Авторъ этой книги, вѣроятно Сербъ Орфелинъ, взялся за этотъ трудъ потому, что о Петрѣ еще ничего не было написано на „нашемъ славенскомъ (словянскомъ) языкѣ, и народы того языка на югозападу обитающіе сами того учинить средства не имѣли, а отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились“. Издатель книги—Димитрій Өеодосій изъ Янины. Книга перепечатана въ 1774 г. въ Петербургѣ.

кою сдѣлались всѣ западные Славяне, не могъ желать дальнѣйшаго наступленія Россіи на югъ. Этого наступленія православной Руси на югъ опасались тоже извѣстные кружки строго католическаго югославянскаго духовенства, которые—по вѣроисповѣднымъ причинамъ—предпочитали вѣнскаго римскаго цесаря московскому царю. Дубровницкій посолъ въ Вѣнѣ, доминиканецъ Діонисій Ремеделли, въ особой запискѣ представленной Маріи Терезіи (1775 г.), указываетъ на распространеніе русскаго вліянія среди православныхъ Славянъ въ Турціи и Угріи, и въ сосѣдней съ Дубровникомъ Черной Горѣ; все это угрожаетъ-де и интересамъ австрійскаго дома и его стариннымъ правамъ на сосѣднія земли; ибо въ случаѣ, еслибъ австрійскій домъ хотѣлъ ихъ возвратить себѣ (rivendicare), то Русскіе въ союзѣ съ православными Славянами могли бы помѣшать этимъ планамъ [1]).

Такимъ образомъ приготовлялся важный для славянскаго міра вообще, и для Югославянъ въ особенности, вопросъ: который изъ двухъ императоровъ, вѣнскій цесарь Нѣмецъ или московскій царь Славянинъ, сдѣлается тою „внѣшнею силою“, и станетъ твердою ногою на балканскомъ полуостровѣ, подниметъ тамошніе народы къ новой жизни, устроитъ ихъ политическій бытъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позаботится о ихъ мирномъ общежитіи и дальнѣйшемъ развитіи. Для Нѣмцевъ является тотъ же извѣстный имъ славянскій *вопросъ восточный* въ дальнѣйшихъ своихъ фазисахъ, для Славянъ возникаетъ — послѣ отрицательнаго разрѣшенія западно-славянскаго вопроса—*вопросъ южный*, т. е. вопросъ: водрузитъ-ли Нѣмецъ свое побѣдоносное знамя тоже на нижнемъ Дунаѣ и на Адріи, на Балканѣ, Черномъ морѣ и Босфорѣ, то знамя, которое развѣвалось уже на среднемъ Дунаѣ, по Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ и на балтійскомъ („восточномъ“ для Нѣмцевъ) морѣ, или удержитъ-ли тѣ южныя страны Славя-

---

[1]) Записку Ремеделли см. въ статьяхъ Петковича (Историческій очеркъ сербской православной общины въ Рагузѣ, въ журн. Русская Бесѣда 1859, III. стр. 16) и Макушева (Матеріалы для исторіи дипломат. сношеній Россіи съ рагузской республикой, въ московскихъ Чтеніяхъ 1865, III, стр. 129).

нинъ; будутъ-ли всѣ тѣ мелкіе народы юговостока Европы, Румуны, Греки, Албанцы, Болгаре, Сербы, Хорваты, повиноваться нѣмецкому цесарю—какъ Словенцы, угорскіе Хорваты и Сербы, Румуны и Угры—или славянскому царю русскому; примкнутъ-ли и южные Славяне, подобно своимъ западнымъ соплеменникамъ, къ нѣмецкому міру въ отношеніи политическомъ и культурномъ, или будутъ-ли они развиваться самостоятельно въ политической и культурной связи съ славянскою Русью. На южныхъ Славянъ наступаетъ вопросъ: быть или не быть, и этотъ вопросъ могутъ рѣшить уже не они, а „внѣшняя сила", славянская или нѣмецкая. Они могутъ только помогать въ рѣшеніи этого вопроса; держась единоплеменной славянской силы, Россіи, они помогаютъ рѣшать вопросъ положительнымъ образомъ; держась чужой нѣмецкой силы, Германіи (Австріи), они помогаютъ рѣшать вопросъ отрицательнымъ образомъ, и готовятъ себѣ участь сербскаго войводы Юрія Бранковича, сидѣвшаго въ заточеніи и бездѣйствіи не по поводу какихъ-то преступленій, а потому, что этого требовали какіе-то высшіе государственные интересы священной римской имперіи нѣмецкой націи: nihil mali fecit, sed sic ratio status exposcit—вотъ отвѣтъ вѣнскаго двора на всѣ просьбы, въ томъ числѣ и Россіи, объ увольненіи сербскаго войводы [1]).

2. ***Историческая литература. Лѣтописи болгарскія, сербскія, хорватско-далматинскія. Црѣвичъ, Вранчичъ, Орбини, Раткай, Риттеръ-Витезовичъ, Качичъ-Міошичъ, Лучичъ, Дюфренъ. Югославянскіе геральдики и географы. Споръ о названіи „Илиры." Вопросъ о народности древнихъ Илировъ. Герберштейнъ, Вальвазоръ, Лингартъ. Сербскіе и болгарскіе лѣтописцы. Бранковичъ, Паисій, Раичъ.***

Югославянскія подунайскія страны между морями адріатическимъ и Чернымъ, Панонія и Дакія, Илирія или Илирикъ, Илю-

[1]) О разныхъ фазисахъ такъ назыв. восточнаго (югославянскаго) вопроса см. нашу книгу Die slavisch-orientalische Frage. Eine historische Studie (Prag 1878); тоже наши статьи: Uhry a východni otázka (Časopis Česk. Musea, 1868—1869), Мадьяры и восточный вопросъ (Вѣстникъ Европы 1877, сентябрь).

рикъ, Илурикъ (Далмація), Мизія, Македонія, Ѳракія, считались у средневѣковыхъ славянскихъ лѣтописцевъ и книжниковъ искони славянскими землями, откуда Славяне вышли позже на сѣверъ, западъ и востокъ. Такъ разсуждаютъ чешскіе и польскіе лѣтописцы; такъ разсказываетъ и русскій лѣтописецъ, по которому Славяне поселились съ незапамятныхъ временъ, послѣ вавилонскаго столпотворенія, въ подунайскихъ странахъ, гдѣ въ XI—XII вв. были Угрія и Болгарія, и въ Илюрикѣ, Илурикѣ, гдѣ еще св. Павелъ и его ученикъ Андроникъ учили славянскій языкъ (народъ), и въ Норикѣ. Подобно тому и въ Римѣ въ X вѣкѣ предполагали, что югославянскія страны (Sclavinorum regna) приняли крещеніе еще отъ первыхъ апостоловъ.

Южные Славяне, Болгаре и Сербы, знакомясь, съ IX—X вв., съ литературными произведеніями Византіи (лѣтописями, хронографами и др.), замѣтили, что Византійцы называютъ Славянъ не только по ихъ настоящимъ именамъ (Славяне, Русь, Болгаре, Сербы, Хорваты), а тоже именами народовъ, жившихъ въ подунайскихъ и балканскихъ странахъ до появленія въ нихъ имени Славянъ, Скиѳами (Тавро-Скиѳами), Сарматами, Мизами, Трибалами, Далматами, Илирами и пр. Еще Византіецъ второй половины XV в., Лаоникъ Халкокондилъ, въ своей турецкой исторіи, называетъ Русскихъ Сарматами, а южныхъ Славянъ Илирами, тоже Трибалами и Мизами; Илиры, Илирики, занимаютъ-де все адріатическое приморье до Венеціи, ихъ языкъ похожъ на языкъ Сарматовъ (Русскихъ), да и Поляки употребляютъ сарматскій языкъ; между тѣмъ Албанцы—не Илиры. Что касается происхожденія и прародины Славянъ, то ученый Византіецъ не рѣшается отвѣтить на вопросъ, заселили-ли Илиры Польшу и Сарматію (Русь), или прибыли-ли Сарматы въ подунайскія страны, въ Мизію, и въ страны Трибаловъ и Илировъ (отъ іоническаго моря до Венеціи), хотя онъ склоняется больше къ первому мнѣнію.

Болгарскіе и сербскіе книжники, относившіеся къ исторіи своихъ народовъ безъ критики, знали византійскихъ историковъ недостаточно; они знали на пр. хроники Іоанна Малалы, Георгія (Амартола), Константина Манассія, Зонары, переведенныя

на словѣнскій языкъ; между тѣмъ важныя для югославянской исторіи сочиненія Константина Багрянороднаго остались для югославянскихъ лѣтописцевъ и историковъ до XVII-аго вѣка неизвѣстными. Югославянскіе книжники, видя на мѣстѣ древнихъ Даковъ, Илировъ, Трибаловъ, Мизовъ, своихъ Славянъ (Словѣнъ, Словинъ), Сербовъ, Болгаръ, предполагали, что все это только разныя названія однихъ и тѣхъ же народовъ. Такимъ образомъ въ одной повѣсти о троянской войнѣ, переведенной уже въ X в., является „Ахилеусъ имый воя своя иже нарицаху ся тогда Мурьмидонесъ нынѣ Болгаре.“ Въ сербско-словѣнскомъ переводѣ Зонары (ок. полов. XIV в.) древніе Даки отождествляются съ Сербами (Дакы спрѣчь Срьблѥ, Дѣкѥваль начелникь србскы, покорисе вьсь езыкь срьбскы Римлѣномь), и разсказывается, что Ликиній, зять (т. е. шуринъ) Константина Великаго, былъ родомъ „Срьбинь“, владѣя Одриномъ (Адріанополемъ) „вь Бльгарѣхь“ (ἐν τῷ Ἰλλυρικῷ). Этотъ Ликиній „болıринь“ или „царь срьбскы“ (ἐκ Δακῶν) считался у сербскихъ лѣтописцевъ XV—XVI вв. праотцемъ сербскихъ Неманичей, именно прадѣдомъ Стефана Немани [1]).

Съ другой стороны югославянскіе книжники сообщали, по тѣмъ же византійскимъ хроникамъ, совсѣмъ противоположное, т. е. что южные Славяне не автохтоны въ занимаемыхъ ими странахъ, а болѣе поздніе пришлецы. Такъ на пр. болгарскій переводчикъ хроники Константина Манассія (ок. полов. XIV в.) разсказываетъ, по Зонарѣ (а этотъ по Ѳеофану), что „при Анастаси цари (491—518) начашѫ Блъгаре поемати земѧ сіѫ, прѣшедше у Бъдынѣ; и прежде начашѧ поемати долнѧѫ земѧ охридскѧѫ и потомъ сиѧ земѧ въсѧ“; а опять дальше, что „при Константинѣ цари (668—685) прѣидошѧ Блъгаре прѣзъ Дунавъ и отѧшѫ Грькомъ земѧ сіѫ, въ неи же живѫтъ и донынѣ, Ми-

---

[1]) Зонара въ сборникѣ Starine XIV, 129, 131, житіе деспота Стефана (Гласник. XLII, 250, 257), сербск. лѣтописи изд. Шафарика 55—57, Ягича (Archiv f. slav. Philologie II, 77), Новаковича (Starine IX, 71) и др. Срв. Дринова Заселеніе балкан. полуострова Славянами 35—37.

сіж, до Драча и дале; ибо и Власи (Румуны, Волохи) и Сръбли и прочіи вси едино сжть“ [1]). Переводчикъ подразумѣваетъ подъ „Болгарами“, въ первомъ и во второмъ случаѣ, уже Славянъ (Словѣнъ), которые такъ назывались уже съ X вѣка. О неславянскомъ происхожденіи настоящихъ первоначальныхъ Болгаръ, основавшихъ въ VII в. свое государство въ подунайскихъ странахъ, на славянскомъ югѣ давно забыли; „болгарскій языкъ“ уже въ X в. означалъ то что „словѣнскій“. Только въ одномъ словѣнско-болгарскомъ именникѣ первыхъ болгарскихъ князей, сохранившемся въ русскомъ хронографѣ, замѣчается еще чужая неславянская стихія [2]).

При близкихъ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Сербовъ и Болгаръ, двухъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ, исторія которыхъ тѣсно связана, понятно, что въ ихъ историческихъ произведеніяхъ, житіяхъ, лѣтописяхъ, хронографахъ, находится много свѣдѣній о томъ и другомъ народѣ. Случалось, что болгарскіе книжники писали о сербскихъ дѣлахъ, житія сербскихъ князей; такъ на пр. Болгаринъ Григорій Цамблакъ написалъ житіе сербскаго короля Стефана Дечанскаго, Болгаринъ Константинъ Костенчскій житіе сербскаго деспота Стефана. Въ слѣдствіе культурныхъ связей православныхъ Славянъ и литературнаго ихъ „словѣнскаго“ языка, такія житія сербскихъ и болгарскихъ лицъ списывались и читались Болгарами, Сербами и Русскими. Болгаринъ терновскій патріархъ Евѳимій (во второй половинѣ XIV в.), въ житіи св. Іоанна Рыльскаго, обращается къ этому югославянскому святителю съ молитвою „спасти твое сьродникы, единородны ти езыкь бльгарскыи“; а Сербъ граматикъ Владиславъ, списывая сто лѣтъ спу-

---

[1]) Чертковъ: О переводѣ Манассіиной лѣтописи, 39, 61.

[2]) А. Поповъ: Обзоръ хронографовъ русской редакціи I, 25. Этотъ памятникъ до сихъ поръ не ясенъ; срв. Гильфердинга Собраніе сочиненій I, 20, К. Иречка Исторію Болгаръ 156, Куника Извѣстія Ал-Бекри о Славянахъ 128, Иловайскаго Разысканія о началѣ Руси (2 изд., стр. 219). Имена первыхъ болгарскихъ князей и болярь и этотъ именикъ—главная причина, почему не можемъ согласиться съ гипотезою о славянскомъ происхожденіи „Болгаръ.“

стя это житіе, измѣнилъ эти слова въ „твое сръдникы, единородныи ти езыкь, Блъгаре же и Сръбліе.“ Ученикъ Евѳимія, Болгаринъ Григорій Цамблакъ, въ похвальномъ словѣ своему учителю (въ началѣ XV в.), говоритъ, что къ Евѳимію стекались „не тъкмо болгарскихъ родовъ множества, но и сѣверная вся и до океяна и западная до Илирика“, и что труды Евѳимія, его ученіе и „списаніе“, принялъ и каждый „языкъ болгарскому согласенъ вещанію“ [1]).

Далматинскіе книжники, какъ ученики латинской Италіи, не могли пользоваться греческо-византійскою ученостью, и были относительно древнѣйшей исторіи своихъ странъ ограничены по большей части неясными преданіями своего народа. Слова папы Іоанна X, обращенныя къ далматинскимъ Словинамъ, что Словине приняли христіанство уже во время первыхъ апостоловъ (Sclavinorum regna in primitiis apostolicae et universalis ecclesiae esse commemorata), могли найти вѣрующихъ и среди Словинъ. Но явилось и другое мнѣніе, по которому Словине въ Далмаціи болѣе поздніе пришлецы. Далматинскіе книжники узнали, что когда-то Готы прибыли съ сѣвера въ Илирикъ—Далмацію; они смѣшали, подобно Іордану, Готовъ и Гетовъ, и вѣроятно тоже помнили, что Словине распространились съ сѣвера на югъ за Саву и Дунай въ Илирикъ, Мизію, Македонію и пр.; они смѣшали и Готовъ съ Славянами (Словинами), считая и первыхъ народомъ славянскимъ. Уже въ первой половинѣ XII в. у адріатическихъ Словинъ существовала какая-то словинская лѣтопись, въ которой изложена была исторія „Готовъ“ или „Словинъ“ (libellus Gothorum quod latine Sclavorum dicitur regnum). Эту лѣ-

---

[1]) Житіе св. Іоанна Рыльскаго въ Христіан. Чтеніи 1882, N-го 7 и 8 (изд. В. Качановскаго), и въ Гласникѣ XXII, 301 (и срв. XXV, 87); Похвальное слово Евѳимію въ Гласникѣ XXXI, 279, 280. О сербскихъ и болгарскихъ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ см. статьи Рачкаго (Književnik II), Ягича (Archiv f. slav. Philologie II), Новаковича (Starine IX. X.), А. Попова Обзоръ хронографовъ русской редакціи и Изборникъ изъ хронографовъ (срв. статьи Рачкаго въ Rad jugoslav. akad. XIII, и Руварца въ Летописѣ Матице српске CXV).

топись перевелъ около половины XII в. съ языка словинскаго на латинскій (ex sclavonica littera in latinam) неизвѣстный попъ діоклейско-барской архіепископіи, и прибавилъ продолженіе преимущественно по народнымъ преданіямъ. Діоклейскій попъ разсказываетъ, что во время царя Анастасія прибылъ съ сѣвера на югъ народъ Готовъ (Словинъ), завоевалъ Панонію и потомъ Илирію, всю Далмацію отъ Винодола до Драча. Эти Готы—Словине, и готскіе короли носятъ словинскія имена Свевладъ, Силиміръ, Владинъ, Ратоміръ и пр. Съ другой стороны многочисленный народъ вышелъ отъ Волги, по которой и назвался Волгаре (Болгаре), и завоевалъ Мизію (Sylloduxia, Sledusia!), Македонію и землю Черныхъ Латинянъ (Nigri Latini, Morovlachi, Черные Влахи) [1]. Король Владинъ услышавши объ этомъ сильномъ народѣ Волгаръ, и узнавши, что они говорятъ на одномъ съ нимъ языкѣ, подружился съ ними; а оба народа, Готы-Словине (Gothi qui et Sclavi) и Волгаре, жили въ мирѣ и очень полюбили другъ друга, преимущественно потому, что они были единоплеменники, одного языка. Діоклейскій попъ, зная кое-что о славномъ моравскомъ князѣ Святополкѣ и о дѣятельности Константина въ странахъ козарскихъ и болгарскихъ, моравскихъ и панонскихъ, перенесъ дѣятельность того и другого въ свою Далмацію или Словинію. Константинъ перевелъ священныя книги съ греческаго на словинскій языкъ, и отправляясь въ Римъ черезъ державу словинскаго короля Святополка, крестилъ его и его народъ. Святополкъ устроилъ въ своемъ королевствѣ христіанскую іерархію, и раздѣлилъ его на нѣсколько областей: Приморье-Далмацію или Хорватію (нижняя Далмація или Бѣлая Хорватія—митрополія солинско-сплѣтская, и верхняя Далмація или Червоная Хорватія—митрополія діоклейская), и на Загорье-

---

[1]) Производство Болгаръ (Волгаръ) отъ Волги встрѣчается часто у славянскихъ и неславянскихъ историковъ (см. выше). Чехъ Вратиславъ изъ Митровицъ, бывавшій въ Болгаріи (1591), производитъ Болгаръ тоже отъ рѣки Волги-Волгары. (Приключенія В. Вратислава, русск. переводъ 39). Названіе Морлаковъ сохранилось въ Далмаціи до сихъ поръ (срв. Archiv f. slav. Philologie VII, 601).

Сербію (Босна, Раса). Такимъ образомъ діоклейскій лѣтописецъ впуталъ въ свою лѣтопись и моравскаго Святополка, и разсказываетъ о немъ какъ и о другихъ своихъ историческихъ и неисторическихъ короляхъ, князьяхъ, банахъ, жупанахъ словинскихъ (хорватско-далматинскихъ, босенскихъ, холмскихъ, требинскихъ, подгорскихъ, зетскихъ, сербско-расскихъ) [1]).

Эта словинская лѣтопись, отличающаяся полнымъ отсутствіемъ критики, сдѣлалась однако важнымъ источникомъ почти для всѣхъ югославянскихъ историковъ до XVIII и даже до XIX вѣка. „Готизмъ-славизмъ" встрѣчается спустя сто лѣтъ послѣ діоклейскаго лѣтописца въ исторіи солинско-сплѣтской церкви, сочиненіи *Ѳомы* архидіакона сплѣтскаго. По его мнѣнію Готы-Словине (Gothi et nihilominus Sclavi) прибыли на югъ изъ Германіи, Чехіи и Польши-Лѣхіи (de partibus Germaniae, Boemiae et Poloniae, qui Lingones appellantur, по угорскому Lengyel-Полякъ); здѣсь на югѣ въ Далмаціи жили-де изъ давна Хорваты (Curetes); ихъ-то покорили Готы, и смѣшавшись съ ними стали однимъ народомъ однихъ обычаевъ и одного языка. Эта теорія о готизмѣ-славизмѣ перешла и въ сосѣднюю Сербію, и въ началѣ XIII в. сербскій король Стефанъ, въ житіи Стефана Немани, называетъ Болгаръ Готами (отъ племене Гоѳи нарекомаго бльгарскаго) [2]).

---

[1]) Хорватскій переводчикъ діоклейской лѣтописи (XV в.) не понялъ уже имени Святополкъ (rex Svetopolek), а перевелъ это sveti puk (святой полкъ, народъ). Діоклейскую лѣтопись издалъ Чрнчичъ (1874).

[2]) По словамъ Ѳомы, что Gothi a pluribus dicebantur et nihilominus Sclavi, secundum proprietatem nominis eorum, qui de Polonia seu Boemia venerant, можно бы было заключить, что онъ намекаетъ на угорское слово Tót (т. е. Славянинъ, Словакъ, Словинецъ, Tót-ország=Slavonia); съ этимъ словомъ сближаютъ „Готъ" Черва и Орбини. О діоклейскомъ попѣ, о Ѳомѣ и о другихъ хорватско-сербскихъ лѣтописцахъ, см. Rački: Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega vieka (Književnik I, II). Григорій Цамблакъ, въ житіи Стефана Дечанскаго (Гласникъ XI, 71) называетъ „Готами"—Волоховъ (о ононь поль рѣкы Дунава живущихь Готеь-Готефъ), живущихъ тамъ гдѣ прежде жили Геты (Даки) и Готы; такъ и Чехъ Велеславинъ перевелъ, въ чешской хроникѣ Энея Сильвія,

Въ слѣдствіе порабощенія большей части Югославянъ Турками почти единственнымъ убѣжищемъ духовной жизни на славянскомъ югѣ осталась Далмація. Здѣсь, въ сосѣдствѣ и подъ вліяніемъ Италіи и подъ господствомъ Венеціи, процвѣтали разныя отрасли науки и литературы на языкахъ латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ (словинскомъ). Далматинско-славянскіе историки, обработывая исторію „словинскую" или „илирскую" (т. е. югославянскую),—древнюю конечно въ духѣ лѣтописи діоклейскаго попа о „словинскомъ королевствѣ",—обратили свое вниманіе тоже на „Словинъ" (т. е. Славянъ) вообще.

Дубровчанинъ бенедиктинецъ Людовикъ *Црѣвичъ* (*Черва*, съ прозвищемъ Tubero), описывая событія своего времени (1490—1522 гг.), особенно югославянскія, угорскія, итальянскія и отъ части польскія, помѣстилъ въ своемъ сочиненіи [1]) тоже разныя извѣстія и разсужденія о Славянахъ. Въ земляхъ угорской короны живутъ разные славянскіе народы, именно Словаки называемые Уграми Тоты (т. е. Готы!); у нихъ языкъ общій съ Илирами, которые живутъ отъ адріатическаго моря до Дравы, и называются Хорваты, Словине и Рацы (Сербы). Южныхъ Славянъ отдѣляютъ отъ сѣверныхъ, именно отъ Словаковъ, Гуны (Угры); этихъ ненавидятъ Чехи и Поляки какъ чужихъ пришлецовъ, и считаютъ всѣ между ними и Далматинцами лежащія земли несправедливо у нихъ отнятыми, полагая, что они происходятъ отъ Далматинцевъ, и что они прежде занимали всѣ эти земли и что ихъ не раздѣлялъ никакой чужой народъ. Такъ они думаютъ вѣроятно по поводу общаго языка: ибо извѣстно,

---

слово Getae (во смыслѣ древнихъ Даковъ)—„Валахи." Въ польскихъ лѣтописяхъ „Геты-Готы" означаютъ литовскія племена (срв. Archiv für slav. Philologie VII, 594, 611). Готовъ и Гетовъ смѣшалъ уже готскій историкъ VI в. Іорданъ.

[1]) Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri XI (Frankfurt 1603, тоже у Schwandtner: Scriptores rerum hungaricarum II). Черва пишетъ Slouini, Sloueni, а изрѣдка Slaveni, Sclaveni.

что у Чеховъ, Поляковъ и Далматинцевъ одинъ и тотъ же языкъ. Но другіе считаютъ Русскихъ (Rhaxinos) предками славянскаго народа, и Словинъ (южныхъ), Чеховъ и Поляковъ ихъ потомками; имъ кажется невѣроятнымъ, чтобъ какой-нибудь славянскій народъ переселился въ русскія земли, осужденныя на холодный климатъ. Скорѣе Русскіе сами размножившись, замѣнили свои неудобныя жилища болѣе умѣреннымъ климатомъ; одни отправились на западъ на Вислу и Лабу, и основали здѣсь королевства польское и чешское; другіе выступили на югъ, прогнали Даковъ, и завладѣли не только подунайскими землями, которыя у нихъ отняли потомъ Угры, но тоже всею Илиріею и дали ей свое имя: ибо большая часть Илиріи называется до сихъ поръ Расція (Rhaxia, т. е. Сербія) [1]. Съ другой стороны Русскіе распространились далеко за Волгу (Rha), гдѣ находится тоже ихъ столица Москва. Славяне, потомки Русскихъ и Готовъ (Rhaxanorum et Gothorum), вторгнулись ок. 600 г. послѣ Р. Х. въ Илирію и навязали побѣжденнымъ свое господство, свой языкъ и свое имя. Языкъ, который нынѣ употребляютъ Илиры, не отличается почти ни въ чемъ отъ русскаго, развѣ что Далматинцы, живя въ болѣе умѣренномъ климатѣ, произносятъ слова болѣе мягко, и сохраняютъ нѣкоторые слѣды латинскаго языка и нравовъ. Вмѣстѣ съ Расянами-Рашанами (Rhasiani т. е. Сербами) вышли отъ рѣки Волги (Rha) тоже ихъ соплеменники, Бол-

---

[1]) Колыбелью возобновленной Сербіи, во второй половинѣ XII в., сдѣлался Рась (Раса), нын. Новый Базаръ, по которому южная Сербія называлась рашская земля, у иностранцевъ Rassia, Rascia, Raxia; тоже діоклейскій попъ раздѣляетъ Сербію на Босну и Рассію (рашка земля). По этой своей дѣдинѣ первые сербскіе короли назывались тоже королями рашскими, и такъ называли Сербовъ ихъ сосѣди, Хорваты, Далматинцы, Итальянцы и Угры: Rassiani, Rasciani, Raxiani, Râci; это названіе было извѣстно тоже Чехамъ и Полякамъ. Сходство названій Rassia, Raxiani, Rasciani и Rossia, Russia, Roxani, Roxolani (Черва пишетъ Rhaxolani, Rhaxini, Rhaxani) привело Черву (равнымъ образомъ какъ и Поляка М. Бѣльскаго и Серба Юрія Бранковича) къ такимъ мнѣніямъ. Впрочемъ сербское *Рась* и русское *Рось* (рѣка)—одного происхожденія (*Рѣсь*).

гаре, и заняли Мизію. Черва въ своей исторіи нѣсколько разъ вспоминаетъ о родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ онъ говоритъ, что Чехи выбрали въ свои короли польскаго королевича Владислава, какъ соплеменника одного языка. Описывая войну между Польшею и Москвою, онъ вѣрно характеризовалъ борьбу обоихъ славянскихъ государствъ, и замѣчаетъ, что людей раздѣляетъ преимущественно разница вѣры; Москвитяне стремятся къ присоединенію къ себѣ своихъ единовѣрныхъ Русскихъ въ Польшѣ [1]). О воинственномъ духѣ Чеховъ Черва высказывается съ уваженіемъ и симпатіею, находясь подъ вліяніемъ гуситскихъ временъ; Чехи-де народъ самый воинственный, и ни одинъ народъ, ни одна страна не изобилуетъ такими воинами, какъ они; Нѣмцы же боятся самаго вида Чеховъ, тѣмъ паче сраженія съ ними, и пр.

Теорію о происхожденіи всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянъ изъ сѣверныхъ странъ, изъ Руси, защищалъ тоже ученый Хорватъ изъ Шибеника, *Фаустъ Врапчичъ* (Verantius), въ послѣдствіи епископъ въ угорскомъ Чанадѣ. Врапчичъ занимался исторіею Далмаціи, но это его рукописное сочиненіе утрачено; свое мнѣніе о древнѣйшей исторіи Славянъ онъ, пользуясь и нѣкоторыми историками тѣхъ временъ (на пр. Блондомъ), изложилъ въ небольшой статьѣ. Нѣтъ большаго народа и языка на свѣтѣ—разсуждаетъ Врапчичъ—какъ нашъ славянскій (словинскій); онъ занимаетъ значительную часть Европы и Азіи. Земля, которую мы нынѣ называемъ Русью или Москвою, называлась у древнихъ Латинянъ и Грековъ азіатская Сарматія, а другая, которую называемъ Польшею—европейская Сарматія. Изъ Руси или изъ Москвы, больше чѣмъ тысячу лѣтъ тому назадъ, вышелъ одинъ народъ, и перешедши черезъ Дунай отнялъ у Грековъ

---

[1]) Quia nihil magis humanos disjungit animos, quam sacrorum et religionis diversitas, Moschovii aequum censentes, ut sui ritus regiones, quae sub Polonorum imperio essent, ipsis potius quam Polonis parerent, conati sunt Roxanos (quos Rubros vocant) a Polonorum imperio fraude primum ac clandestinis suasionibus avertere sibique adjungere (p. 306). Срв. выше стр. 208.

Ѳракію, которую онъ занимаетъ до сихъ поръ. Эти называются Болгаре, ибо они прибыли отъ рѣки Волги втекающей въ каспійское море. Изъ Польши вышли тоже три большихъ народа. Прежде всего Вандалы; прогнанные изъ сѣвернаго поморья Германіи Готами, они пошли въ Галію, потомъ въ Испанію и оттуда въ Африку. Ихъ мѣсто заняли Славяне (Словинцы), сдѣлали Нѣмцамъ много вреда, завладѣли тѣмъ поморьемъ до самой Даніи, которое и называется донынѣ Поморьемъ. Наконецъ они покорены нѣмецкими императорами, Карломъ Великимъ и тремя Оттонами, и приняли вѣру христіанскую и нравъ нѣмецкій, и считаются больше Нѣмцами. Второй народъ славянскій занялъ ту землю, которая нынѣ называется Чехія, Лужица, Силезія и Моравія; онъ хотя въ Германіи, сохранилъ свой собственный языкъ славянскій, а Германія, по свидѣтельству древнихъ космографовъ, доходила до Вислы, рѣки текущей у Кракова, столицы польскаго короля. Третій народъ, отдѣлившись отъ Польши, отправился черезъ Карпаты и занялъ Панонію, переходилъ черезъ Дунай, Саву и Драву до южнаго моря, нанесъ много вреда и сраму римской имперіи, грабилъ Македонію и Далмацію и остальныя страны, и наконецъ занялъ всю Далмацію и владѣетъ ею отъ Истріи до Македоніи, и отъ моря до Дравы. Это началось во время св. Григорія папы, какъ объ этомъ пишутъ онъ и другіе писатели. И такъ Славяне владѣютъ цѣлое тысячелѣтіе этою землею и сохраняютъ свой языкъ, который гораздо чище польскаго или московскаго, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто понимаетъ эти языки, если его не вводитъ въ заблужденіе его собственный языкъ; ибо языкъ далматинскій, хорватскій, сербскій или босенскій (все это одинъ языкъ) имѣетъ рѣчи или слова протяжныя, которыя произносятся легко и измѣняются разнообразно. А древній далматинскій языкъ Славяне совершенно истребили, какъ это сдѣлали Римляне въ Галіи и въ Испаніи, такъ что нынѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы сказать, какъ прежде говорилось въ Далмаціи, Галіи и Испаніи [1]).

---

[1]) Эта статья Вранчича, на словинскомъ языкѣ, помѣщена какъ предисловіе къ 2. изд. его словаря въ изданіи Чеха Лодерекера

Любопытно, что сѣверные Славяне ищутъ свое начало у Славянъ южныхъ, а эти у сѣверныхъ. Чехи, Поляки и лужицкіе Сербы утверждаютъ, что они происходятъ изъ южныхъ Славянъ, отъ славянско-хорватскихъ князей Чеха и Лѣха; Русскіе производятъ множество племенъ, принявшихъ названіе Русь, также изъ дунайскихъ земель, изъ Угріи и Болгаріи; южные Славяне думаютъ, что они происходятъ изъ сѣвера, изъ Чехіи, Польши и Руси. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ сознаніи родства и племеннаго единства у всѣхъ Славянъ, по Лабѣ и Вислѣ, по Днѣпру и Волгѣ, по Дунаю и Адріи [1]).

Это чувство родства всѣхъ Славянъ побудило одного югославянскаго историка написать исторію всего Славянства. Именно въ то время, когда у западныхъ Славянъ Полякъ Папроцкій трудился надъ исторіею и генеалогіею Славянъ, на славянскомъ югѣ, въ Дубровникѣ, абатъ *Мавръ Орбини* — побужденіемъ и съ поддержкою властелина Марина Бобалича — взялся написать, на итальянскомъ языкѣ, всеславянскую исторію, книгу о „королевствѣ словинскомъ", т. е. Славянъ вообще и южныхъ Славянъ въ особенности, о ихъ происхожденіи, славѣ и успѣ-

---

(см. выше стр. 58); оно помѣчено: Прага, въ день Срѣтенія 1605 г. Эта словинская статья по всей вѣроятности та же самая латинская De Slavinis seu Sarmatis, рукопись 1606 г., у Нисетичей въ Старомъ Градѣ на Хварѣ (Ljubić: Ogledalo knjiž. povjesti jugoslav. II, 443). Valentinelli (Bibliografia della Dalmazia, p. 84) говоритъ, что эта латинская дисертація dell' origine degli Slovini o Sarmati in Dalmazia, e della lingua parlata ai tempi di S. Girolamo посвящена авторомъ польскому ученому Христофору Варшевицкому, занимавшемуся тоже древнею исторіею Славянъ (см. выше стр. 134), и помѣщена въ словинской книгѣ Вранчича Život nikoliko izabranih divic (Rim 1606). Въ надгробной надписи Вранчичъ называется fragmentorum historiae illyricae ac sarmaticae collector. О словарѣ Вранчича см. ниже.

[1]) Не знаемъ ближе рѣчи Хварянина Викентія Прибоевича De origine successibusque Slavorum 1525 г. (Venetiis 1532, по-итальянски 1595); Slavi здѣсь вѣроятно только южные Словине. Срв. Ljubić Ogledalo II, 317, 352.

хахъ: Il regno degli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni historia. Nella quale si vede l' origine quasi di tutti i popoli, che furono della lingua slava, con molte e varie guerre, che fecero in Europa, Asia e Africa, il progresso del imperio loro, l' antico culto, e il tempo della loro conversione al christianesimo. E in particolare veggonsi i successi de' Rè, che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosna, Servia, Rassia e Bulgaria (Pesaro 1601). Къ Славянамъ Орбини причисляетъ тоже древнихъ Илировъ, Вандаловъ, Готовъ, Гетовъ, Гепидовъ, Алановъ, Аваровъ, и др., какъ это впрочемъ дѣлаютъ и другіе послѣ него въ теченіи двухъ столѣтій. Орбини жалуется, что слава народа славянскаго между современными писателями не на столько извѣстна, на сколько она должна быть, что его славныя дѣла покрыты густымъ мракомъ и вѣчною ночью забвенія. Но не нужно этому удивляться: этотъ народъ изобиловалъ знаменитыми воинами, но у него недоставало ученыхъ писателей, которые прославляли бы безсмертіе славянскаго племени. Другіе гораздо менѣе знаменитые народы, чѣмъ Славяне, на пр. Жиды и Греки, теперь извѣстны только потому, что ихъ прославили ихъ-же ученые. Славянскому народу это не удалось, а чужіе писатели вспоминаютъ о немъ только мимоходомъ. А все таки подвиги Славянъ равны подвигамъ всѣхъ народовъ міра; они прославились въ Азіи и въ Африкѣ, и въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ; они покорили Македонію, Грецію и Илирію, заняли Моравію, Силезію, Чехію, Польшу и балтійское поморье, вторгнулись въ Италію, Францію и Испанію. Орбини взялся за свою работу изъ любви „къ своему славянскому народу", и желалъ показать, какъ началась и преуспѣвала держава Славянъ, какъ они всегда были знамениты и славны. Свое сочиненіе онъ издалъ на славу всего народа славянскаго, въ память и въ доказательство величія и могущества ихъ предковъ [1]). Встрѣчающіеся въ немъ недостатки и ошибки

---

[1]) Onde io, per l' obligo, che tengo alla mia natione slava, hò durato volentieri questa fatica, per mostrare l' origine e le progresso dell' imperio suo... che con maggior facilità se conosca, quanto fù sempre celebre et gloriosa questa natione... hò voluto darle in luce

пусть извинятъ какъ первой попыткѣ по этому предмету; можетъ *быть, со временемъ, другой писатель напишетъ,* на основаніи *этой книги, что-нибудь лучшее.* Орбини воспользовался многими сочиненіями тогдашней исторіографіи славянской и другой, именно русскими лѣтописями (у Герберштейна), Каллимахомъ, Кромеромъ, Варшевицкимъ, Гайкомъ, Дубравскимъ, Гельмольдомъ и др. Онъ разсказываетъ о распространеніи Славянъ, потомковъ Іафета, которые, по чешскимъ преданіямъ, распространились въ Европѣ послѣ вавилонскаго столпотворенія; къ нимъ принадлежали и Сарматы, которые безпрестанно воевали съ разными народами, и всегда бывали славными побѣдителями и по этому стали называться Славянами. Дальше Орбини разсказываетъ о выходѣ Чеха и Лѣха съ юга, изъ Хорватіи, на сѣверъ о войнахъ Сама съ Аварами и съ Франками, о моравскомъ Святополкѣ, о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи словѣнскаго письма,—одного св. Іеронимомъ а другого св. Кирилломъ,—о древней исторіи чешской и польской, о балтійскихъ Славянахъ, которыхъ погубило несогласіе, о Русскихъ, объ Илирахъ, которые получили-де отъ Александра Великаго жалованную грамоту, и о другихъ народахъ, которыхъ авторъ считаетъ Славянами. Вторая бо́льшая половина книги посвящена исторіи южныхъ Славянъ, Далмаціи, Хорватіи, Босніи, Сербіи и Болгаріи. Въ книгѣ помѣщены двѣ картинки, изображающія „Славянина отъ моря нѣмецкаго“ и „Славянина илирскаго.“ Исторія Славянъ изложена у Орбини запутанно, некритически, и лишена теперь всякой научной цѣны. Но важенъ не способъ и методъ, какимъ писатель старался совершить свой планъ, и который не хуже, чѣмъ методъ почти всѣхъ историковъ этого времени; интересна прежде всего мысль автора: описать славу всего великаго народа славянскаго; притомъ Орбини, хотя католи-

---

per ornamento di tutta la natione slava. La quello priego, che voglia accettare benignamente queste mie fatiche, come ricordanza e testimonio della grandezza de' suoi maggiori, come chiaro segno di lor valore.

ческій монахъ, прославлялъ одинаково Славянъ католиковъ и православныхъ.

Некритическая книга Орбини сдѣлалась важнымъ пособіемъ по изученію славянской и югославянской исторіи. Въ 1638 г. Дубровчанинъ Мартынъ Роза (Ружичъ) издалъ въ Мадридѣ сокращеніе этой исторіи латинскими стихами: Breve compendium nationis gloriosae totius linguae illyricae, in quo breviter origo ipsius nationis ostenditur, extensio ejus copiosa, reges fidei catholicae totius Dalmatiae, Bosnae, Serviae atque Rassiae quos habuit; in fine vero sub umbra aquilae magnarum alarum respublica Ragusina feliciter quodammodo moratur, ex quo delectationem, voluptatem atque utilitatem maximam de antiquitate hujus nationis catholicus percipiet lector. Когда позже русскій царь Петръ, интересуясь исторіею Славянъ, отыскивалъ такую книгу, то находившійся на русской службѣ Герцеговецъ Сава Владиславичъ указалъ на книгу Орбини, которую онъ и перевелъ (1714), а издалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ (1722): „Книга исторіографія початія имене, славы и разширенія народа славянского и ихъ царей и владѣтелей, подъ многими имянами и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ, чрезъ господина Мавроурбина, архимандрита рагужского. Въ которой описуется початіе и дѣла всѣхъ народовъ бывшихъ языка славенскаго и единого отечества, хотя нынѣ во многихъ царствіяхъ розсѣялися, чрезъ многія войны, которыя имѣли въ Европѣ, во Азіи и во Африкѣ. Разширенія ихъ имперіи и древнихъ обычаевъ въ разныхъ временахъ, и познаніе вѣры Христа Спасителя, подъ многими владѣтельми. Переведена со италіанского на россійской языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго“ [2]). Этотъ русскій переводъ Орбини распространился, вмѣстѣ съ русскими переводами и передѣлками поль-

---

[1]) Рукопись перевода 1714 г. (Истографія царствія словенского) хранится въ Импер. публичной библіотекѣ (славянорусскія IV, F. 97 и 98).

скихъ хроникъ, изъ Россіи къ Болгарамъ и Сербамъ, и вліяніе всей этой европейской „учености" замѣтно на пр. въ болгарской исторіи Паисія и отъ части и въ исторіи южныхъ Славянъ Раича.

Вліяніе славянской исторіи Орбини сказалось и въ другихъ послѣдующихъ затѣмъ историческихъ трудахъ западныхъ Югославянъ, какъ на пр. у Раткая, Витезовича, Качича. Хорватъ Юрій *Раткай*, въ своей хорватской исторіи (Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae, 1652, 2. ed. 1772), приводитъ всю тогдашнюю ученую теорію о происхожденіи Славянъ отъ Іафета и его сыновей, и ихъ распространеніи въ Европѣ; древніе Илиры, Трибалы, Ѳракійцы—всѣ они были Славяне, и воевали уже съ македонскими царями и съ Римлянами; отъ Александра Великаго получили жалованную грамоту на почти всемірное владѣніе. Илирія обнимаетъ нѣсколько королевствъ, Далмацію, Хорватію, Славонію, Боснію или Раму, Болгарію, Сербію, Расцію и др.; названіе Славоніи, Славянъ распространилось съ юга и на западъ, сѣверъ и востокъ, къ Чехамъ, Полякамъ, Русскимъ и пр.; изъ Славоніи, отъ Крапины въ Загорьѣ, вышли оба князя Чехъ и Лѣхъ, праотцы Чеховъ и Поляковъ-Лѣховъ (Lenguli по угор. Lengyel). Дальше разсказываетъ Раткай, по Орбини, о разныхъ готско-словинскихъ короляхъ, и наконецъ переходитъ къ собственно хорватской исторіи.

Хорватъ Павелъ *Риттеръ-Витезовичъ*, въ своей хроникѣ свѣта (Kronika aliti spomen vsega světa vikov, Zagreb 1696, потомъ 1744 и 1762), въ особомъ прибавленіи говоритъ о распространеніи Славянъ или, какъ онъ пишетъ, „Словинъ, Словенцевъ." Относительно этихъ двухъ названій Витезовичъ замѣчаетъ, что этимъ подразумѣвается не только та часть словенскаго народа между Дравою, Савою и Дунаемъ, которая до сихъ поръ сохраняетъ имя „Словинъ" (т. е. Slavonia—словинская земля), но и всѣ другія земли извѣстныя Грекамъ и Латинянамъ подъ именемъ Илиріи, особенно же Панонія между Дравою и Дунаемъ, гдѣ и нынѣ жители называютъ себя „Словенцы" и свой языкъ „словенскимъ"; они съ нѣкотораго времени смѣшаны съ Уграми и по большей части имъ и подчинены. Вели-

чіе и обширность словинскаго имени и владѣнія простирается дальше. Илирія или земля словинскаго народа, уже со временъ римскихъ, тянется съ источниковъ Дуная до Чернаго моря, отъ морей адріатическаго и средиземнаго до сѣверныхъ, пустынныхъ, ледовитыхъ, незаселенныхъ странъ, такъ что всѣ московскія земли въ Европѣ и въ Азіи, вся Ѳракія или дрипопольская земля, и всѣ греческія страны съ островами причисляются къ Словинін или Илиріи. Такъ далеко простирается нашъ илирскій или словинскій языкъ, и на немъ говорятъ всѣ Словенцы, Словаки, Чехи, Моравяне, Слезаки, Лужичане, Поляки, Поморяне, Кашубы, Мазовшане, Литовцы, Ливонцы, Прусы, Самоѣды (! т. е. Самогиты, Жмудь), Волыняне, Подоляне, Подляшане, Сѣверяне, Новгородцы, Володимерцы, Украинцы, Плесковичи, Черниговцы, Рязанцы; потомъ въ обѣихъ Русяхъ и Москвѣ далеко широко въ тѣхъ сѣверныхъ странахъ міра до самой Новой Земли, Югріи и ледовитаго и каспійскаго моря, между шведскимъ или сѣвернымъ Бѣлымъ моремъ и Великою Скиѳіею или Татаріею, между Парсами и Персіянами, въ Угріи, Хорватіи, Далмаціи, Истріи, Каринтіи, Краинѣ, Штиріи, Фріулѣ, Сербіи, Босніи, Болгаріи, Албаніи, Скендеріи, Рассіи, Дрипополіи, Семиградіи, Молдавіи, Валахіи, Крыму или Малой Татаріи, по Черному морю и Мутному озеру (азовскому) до Днѣпра и Дона, въ Малой Азіи или Анатоліи, Понтѣ, Виѳиніи или Брусѣ, Ликіи, Галатіи, Памфиліи, Каріи, Кападокіи, Пафлагоніи, Киликіи, Арменіи, и въ остальныхъ странахъ до Колховъ, Черкесовъ и Пятигорцевъ, во всей Турціи въ Европѣ и Малой Азіи. Здѣсь повсюду раздается славянскій языкъ, какъ о томъ пишетъ Вячеславъ Роса въ своей чешской граматикѣ и многіе другіе. Даже и при дворѣ турецкаго султана употребляютъ, послѣ турецкаго языка, больше всего нашъ языкъ. Величественность этого языка видна тоже по золотой булѣ императора Карла IV, въ которой онъ приказываетъ курфюрстамъ священной римской имперіи, чтобъ ихъ сыновья учились, кромѣ языковъ латинскаго и нѣмецкаго, тоже языку славянскому. По этому—кончаетъ Витезовичъ свои разсужденія—всѣ вы мои господа братья и друзья славянскіе (словинскіе), которымъ богъ далъ столь славный языкъ и славную родину, про-

славьте своими доблестями языкъ и родину! Въ самой хроникѣ Витезовичъ, считая древнихъ Илировъ Славянами, производитъ первое имя отъ перваго короля илирскаго „Илирика", по которому назвались „Словиняни Илирици", и разсказываетъ вкратцѣ разныя исторіи о словинскихъ (илирскихъ) короляхъ, о войнахъ Словинцевъ съ Римлянами, о проповѣди св. Павла по словинскимъ державамъ, о Готахъ-Словинцахъ въ Далмаціи, которые прогнали старыхъ Словинцевъ изъ словинскихъ державъ и сами ихъ заняли, объ Аварахъ-Словинцахъ, о Хорватахъ-Словинцахъ, о великомъ и разумномъ словинскомъ апостолѣ Меѳодіѣ, о разныхъ государяхъ словинскихъ (хорватскихъ, босенскихъ, сербскихъ), и пр.

Такую же историко-этнографическую теорію распространялъ и Андрей *Качичъ-Міошичъ* въ своихъ историческихъ пѣсняхъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ: Razgovor ugodni naroda slovinskoga, u kome se ukazuje početak i sverha kraljah slovinskih, koji puno vikovah vladaše svim slovinskim deržavam, изданныхъ съ половины XVIII-аго вѣка нѣсколько разъ. Книга назначалась для простого народа, для словинскихъ селянъ и пастуховъ, которые кромѣ своего словинскаго не знали другого языка, и дѣйствительно, она сдѣлалась любимою книгою южныхъ Славянъ, усердно читалась Хорватами и Сербами, послѣдними тѣмъ болѣе, что югославянскій патріотъ, католикъ францисканецъ Качичъ не задѣвалъ ихъ православнаго вѣроисповѣданія и прославлялъ сербскихъ и болгарскихъ богатырей на равнѣ съ хорватско-далматинскими. Качичъ обращаясь къ православнымъ „христянамъ", самъ говоритъ, что онъ не хочетъ зло о нихъ говорить, такъ какъ они „od našega mnogočastnoga i slavnoga jezika i naroda slovinskoga"; виноваты-де гордые Греки, которые были причиною несогласія между братьями и гибели ихъ царства. Поэтъ шлетъ свой привѣтъ и „христянамъ" kakono junakom, vitezovom i gospodi slovinskoj, и желаетъ только, чтобъ мы всѣ соединились духовнымъ единствомъ, любовью našega Isukersta iliti po vaš način Hrista. Качичъ для своихъ пѣсней и историческихъ примѣчаній воспользовался многими историческими сочиненіями, въ томъ числѣ и хрониками Орбини и Витезовича. По этому онъ

говоритъ о жалованной грамотѣ Александра Великаго Славянамъ, и считаетъ древнихъ Илировъ и Ѳракійцевъ и другихъ жителей и уроженцевъ балканскаго полуострова — Славянами, Словинцами (Далматинами) и Болгарами; разсказываетъ, по Орбини, о прибытіи на югъ Словинцевъ-Готовъ въ Далмацію, и Болгаръ того же самаго языка въ Мизію, о словинско-готскихъ короляхъ и о ихъ словинско-далматинскомъ королевствѣ; дальше о сербскихъ (такихъ же „словинскихъ") короляхъ и князьяхъ, о паденіи Сербіи и косовскомъ сраженіи, о деспотахъ сербскихъ, о князьяхъ зетскихъ, о банахъ и короляхъ босенскихъ, о князьяхъ и короляхъ болгарскихъ, о князьяхъ и короляхъ хорватскихъ (къ Хорватіи причисляетъ тоже хорутанско-словенскія страны); обширно разсказываетъ о Юріѣ Кастріотичѣ Скендербегѣ, который повелѣвалъ тоже „сильными юнаками языка и народа болгарскаго, а этотъ языкъ искони словинскій"; о войводѣ Янкѣ Сибиняниnѣ (Іоаннѣ Хуньядѣ), причемъ приводитъ тоже нѣкоторыя народныя пѣсни объ этомъ витязѣ, какъ ихъ поютъ Dalmatini, Bošnjaci, Ličani i ostali od slovinskoga jezika narodi. Дальше Качичъ описываетъ взятіе Царьграда и упорную борьбу христіанскаго міра съ Турками, въ которой участвовали многіе словинскіе витязи. Своею книгою „старецъ Милованъ" (Качичъ) значительно способствовалъ распространенію знаній по югославянской исторіи среди простого народа, и оживленію народнаго духа среди южныхъ Славянъ, укрѣпленію ихъ національныхъ связей, и усиленію идеи о югославянскомъ (словинскомъ) и даже славянскомъ единствѣ.

Между тѣмъ приготовлялась болѣе научная обработка югославянской исторіи. Изданіе византійскихъ писателей (въ Парижѣ, позже въ Венеціи) проливало больше свѣта и на югославянскую исторію; въ обработкѣ византійской исторіи участвовалъ одинъ ученый Дубровчанинъ, Ансельмъ *Бандури*, авторъ сочиненія Imperium orientale (1711), толкователь Константина Порфирогенита и другихъ Византійцевъ, знатокъ византійскихъ древностей. Византійцами, именно Константиномъ Порф., другими источниками, изданными и рукописными, разными лѣтописями и архивными документами, воспользовался критическій

Иванъ *Лучичъ* (Lucius), Трогирянинъ, въ своей исторіи Далмаціи и Хорватіи (De regno Dalmatiae et Croatiae, 1666, 1748, 1758), и тоже въ исторіи своего родного города (Memorie storiche di Tragurio, 1673). Далматинско-хорватская исторія Лучича представляетъ лучшее историческое произведеніе тѣхъ временъ; она своимъ критическимъ методомъ отличается отъ всѣхъ прежнихъ и многихъ позднѣйшихъ, и не содержитъ баснословной стихіи діоклейскаго попа, Орбини и др. Лучичъ не считаетъ ни древнихъ Иллировъ ни Готовъ ни Аваровъ Славянами, а появленіе послѣднихъ на балканскомъ полуостровѣ относитъ, согласно византійскимъ извѣстіямъ, къ VI—VII вѣкамъ; Хорваты же прибыли на югъ изъ Великой Хорватіи то есть западной Сарматіи отъ Бабьихъ горъ; притомъ Лучичъ, ссылаясь на Кромера, думаетъ, что и Сербы и Болгаре (отъ Волги) прибыли въ Европу изъ восточной Сарматіи; языкъ Славянъ, обитающихъ въ Славоніи, Хорватіи, Босніи и Сербіи, ближе къ языку Болгаръ и другихъ восточныхъ Славянъ, чѣмъ къ языку Славянъ Чехіи, Польши, Литвы и земель хорутанской, штирійской и краньской. Впрочемъ Лучичъ не считаетъ невозможнымъ, что Славяне и раньше жили около Дуная, но подъ другими названіями. Древнюю исторію Далмаціи и Хорватіи Лучичъ разсказываетъ не по діоклейской лѣтописи, а по византійскимъ и другимъ источникамъ, грамотамъ и пр. Онъ касается тоже исторіи Сербовъ и Влаховъ (Волоховъ, Румуновъ) преддунайскихъ и задунайскихъ, и хорошо замѣчаетъ, что названіе Влахъ (Romanus, Latinus, Italus) сдѣлалось у южныхъ Славянъ нарицательнымъ влахъ (пастухъ, подданный). Говоря о словинскомъ или хорватскомъ и сербскомъ языкѣ Далмаціи, Лучичъ замѣчаетъ, что первое названіе тоже общее названіе словинскаго (славянскаго) языка, раздѣляющаюся на нарѣчія краньское, хорватское, сербское, босенское, болгарское, чешское, польское, русское или московское [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ издано иностранцами нѣсколько сочиненій по югославянской исторіи, которыя способствовали критической

---

[1]) О Лучичѣ см. статью Рачкаго въ Rad jugoslav. akad. XLIX.

ея обработкѣ у самихъ Югославянъ. Сочиненіе французскаго ученаго *Дюфрена* (Du Fresne Du Cange): Illyricum vetus et novum sive historia regnorum Dalmatiae, Croatiae, Slavoniae, Bosniae, Serviae atque Bulgariae, издано, стараніемъ графа Іосифа Кеглевича Бужинскаго, съ дополненіями въ Пресбургѣ 1746 г., и такимъ образомъ больше распространилось и среди южныхъ Славянъ [1]). Книга Дюфрена, въ этомъ пополненномъ изданіи, представляетъ второй, послѣ Орбини, по болѣе критическій опытъ исторіи Югославянъ, Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, и отличается тоже живымъ патріотическимъ югославянскимъ и славянскимъ сознаніемъ. Авторъ отличаетъ древнихъ Илировъ отъ Славянъ (жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ считаетъ новѣйшимъ подлогомъ), и производитъ храбрыхъ и славныхъ „Илировъ" т. е. Югославянъ, отъ сѣверныхъ Славянъ изъ Сарматіи и отъ Волги, откуда они въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ (до VII-аго в.) распространились на югъ въ Илирикъ (югославянскія страны); оттуда же въ VII в., какъ нѣкоторымъ ученымъ кажется, вышли три брата Чехъ, Лѣхъ и Русъ въ Сарматію и основали государства чешское, польское и русское. Разсказывая древнюю исторію южныхъ Славянъ, преимущественно по византійскимъ источникамъ, авторъ старался привести въ согласіе ихъ разсказъ съ извѣстіями діоклейскаго лѣтописца, и между прочимъ смѣшалъ Готовъ и Славянъ; если исключить эту неудачную попытку, то книга Дюфрена лучшій въ свое время трудъ по исторіи Югославянъ. Около этого времени итальянскій ученый *Фарлати* сталъ издавать большой трудъ по югославянской церковной исторіи Illyricum sacrum (1751—1819), важное собраніе разныхъ матеріаловъ не только по церковной исторіи Далмаціи, но по югославянской исторіи вообще. Другой итальянскій ученый *Ассемани*, въ Kalendaria ecclesiae universae (1750—1757), представилъ церковную исторію всѣхъ Славянъ, преимущественно ихъ сношеній съ Римомъ.

---

[1]) По Раичу (Исторія славен. народовъ) эти дополненія принадлежатъ Іоанну Саскому, ректору августіанскихъ школъ въ Пресбургѣ.

Оба труда, Фарлати и Ассемани, представляютъ важные сборники матеріаловъ и пособія по югославянской исторіи.

Близость и родство всѣхъ югославянскихъ странъ, всѣхъ частей „Илиріи, Илирика", чувствовали тоже авторы разныхъ югославянскихъ гербовниковъ XVI—XVIII вв., Охмучевичъ, такъ назыв. Рубчичъ, Корьеничъ, Витезовичъ, Жефаровичъ. Эти югославянскіе „геральдики", Дубровчане, Босняки, Хорваты, Сербы, приводятъ, въ своихъ фантастическихъ, славянскихъ и латинскихъ, родословіяхъ, генеалогіяхъ, стематографіяхъ, гербы Далмаціи, Словиніи — Славоніи, Хорватіи, Приморья, Босніи, Рамы, Расы, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Илиріи (то Босніи, то всѣхъ югославянскихъ земель) и пр. [1]). Эта „Илирія, Илирикъ" т. е. югославянскія земли, описана довольно подробно въ одномъ латинскомъ руководствѣ по всеобщей географіи, изданномъ въ Загребѣ іезуитомъ Болгариномъ Яковомъ Пеячевичемъ (1714); у него Illyricum: Dalmatia, Croatia, Sclavonia, Bosnia, Servia, Bulgaria; языкъ славянскій или илирскій распространенъ больше всѣхъ, такъ какъ онъ употребляется отъ моря адріатическаго до Китая и до татарскаго океана; этотъ языкъ раздѣляется на много отраслей, далматинскую, словенскую (vindica), чешскую, польскую, московскую, болгарскую и др.; онъ пишется двоякимъ письмомъ, кириловскимъ похожимъ почти на греческое и изобрѣтеннымъ св. Кирилломъ, и письмомъ далматинскимъ св. Іеронима [2]). Подобно тому издатель пополненнаго сочиненія Дюфрена Illyricum vetus et novum (1746) описываетъ подробно этотъ Илирикъ т. е. югославянскія страны, „Илирикъ" угорскій, венеціанскій и турецкій.

Вопросъ о значеніи названія „Илиръ" возбудилъ около половины XVII в. (1651—1657) любопытный споръ между Далматинцами и Словенцами, по поводу практическаго вопроса: кто можетъ быть принимаемъ въ римскомъ подворьѣ св. Іеронима „Словинъ" (Slavorum, Sclavonorum, de Sclavonia) или, какъ съ кон-

---

[1]) См. между прочимъ Archiv f. slav. Philologie IV, 339, 497.

[2]) Schwandtner Scriptores rer. hungar. III, 784.

ца XV в. тоже называлисъ, „Илировъ" (Illyricorum, illiricae nationis). Въ это подворье принимались съ начала всѣ южные Славяне (Словине-Словинцы, Илиры), преимущественно далматинско-хорватскіе, но тоже изъ Босніи, Сербіи, Болгаріи и изъ словенскихъ (краньско-хорутанскихъ) странъ. Но около половины XVII в. начальство подворья св. Іеронима, во главѣ ихъ Далматинецъ Іеронимъ Пастричъ, стало утверждать, что подворье устроено для „Словинъ" или „Илировъ" въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. для Далматинцевъ Хорватовъ, а не для всѣхъ южныхъ „Илировъ-Словинъ." Пастричъ въ особой запискѣ сталъ доказывать, съ помощью цѣлаго ученаго апарата, что древній Илирикъ заключалъ въ себѣ адріатическое приморье между Рашею (въ Истріи) и Дриномъ; нынѣ же называется „Славоніею" (т. е. славянскою землею) и заключаетъ въ себѣ области Славонію, Хорватію, Боснію и Далмацію. Только въ обширномъ смыслѣ Илирикъ заключаетъ всѣ альпійскія, подунайскія и балканскія области отъ источниковъ Рейна и Дуная до Царьграда и Греціи; но уроженцы этихъ отдаленныхъ странъ не принимались въ подворье. Что касается названія „Славянъ (Slavi)" во смыслѣ Краньцевъ, Хорутанъ, Штирійцевъ, Истріянъ, говорящихъ на испорченномъ славянскомъ языкѣ, то „Славянами—Илирами, Илириками" называются вообще многіе соплеменные народы, не только Далматинцы, изъ которыхъ вышли Чехи и Поляки, Хорутане и Краньцы, Литовцы, Лужичане, Поморяне, Русскіе, Москвитяне, Болгаре, Македонцы, и др., которые говорятъ на илирскомъ или славянскомъ языкѣ; а всѣ эти „Илиры-Славяне", конечно, тоже не пользуются правомъ быть принимаемыми въ подворьѣ св. Іеронима. Эти разсужденія Пастрича подкрѣпили и нѣкоторые нѣмецкіе краньскіе дворяне, утверждая, что земли краньская, хорутанская и штирійская—области Германіи, хотя тамъ простой народъ говоритъ на илирскомъ языкѣ. Подобно тому и Хорватъ Юрій Крижаничъ, соглашаясь съ Пастричемъ, высказался противъ права онѣмеченныхъ-де Краньцевъ, у которыхъ только среди простого народа сохранилась тѣнь илирскаго языка смѣшаннаго съ нѣмецкимъ, дворянство же совсѣмъ нѣмецкое. Но Словенцы не соглашались съ такимъ мнѣніемъ; они, въ ихъ

числѣ iезуитъ Аѳанасiй Кирхеръ и нѣкоторые дворяне краньскiе, утверждали, на основанiи разныхъ древнихъ и новыхъ авторовъ, что словенскiя земли, краньская, хорутанская, штирiйская, фрiульская, истрiанская, составляютъ тоже часть Илирика или Славонiи (regiones Illyrici seu Sclavoniae, Schiavonia); принадлежность этихъ земель къ Германiи, къ владѣнiямъ императора римско-германскаго, чисто политическая, какъ на пр. принадлежитъ итальянскiй Миланъ къ Испанiи; народъ же въ тѣхъ словенскихъ странахъ говоритъ на славянскомъ нарѣчiи (idioma sclavonicum et illyricum), которое мало отличается отъ далматинскаго, хорватскаго, босенскаго, какъ на пр. итальянскiя нарѣчiя неаполитанское, генуезское, флорентинское, миланское. Къ мнѣнiю, защищаемому Словенцами, присоединился потомъ и Юрiй Крижаничъ, и защищалъ принадлежность словенскихъ странъ къ Илирику, и Словенцевъ къ „Илирамъ“ (Югославянамъ); напрасно-де распространять названiе Илировъ, илирскаго языка на всѣхъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Русскихъ, языки которыхъ отличаются отъ „илирскаго-словинскаго“, какъ французскiй отъ итальянскаго; языки тѣхъ Славянъ отличаются отъ языка Илировъ, между тѣмъ какъ Краньцы исповѣдуются у илирскаго исповѣдника; относительно значительной германизацiи языка Словенцевъ Крижаничъ указывалъ на итальянизацiю языка Далматинцевъ. Судъ такъ называемый S. Rotae, соглашаясь съ Пастричемъ, приговорилъ, что подъ названiемъ Илирика надо подразумѣвать только Далмацiю или Илирикъ, части котораго только Хорватiя, Боснiя и Славонiя, а не словенскiя земли краньская, хорутанская и штирiйская [1]).

Вопросъ о народности древнихъ Илировъ, Эпиротовъ, Македонцевъ и Ѳракiйцевъ, интересовалъ югославянскихъ и вообще

---

[1]) Разные акты и письма, касающiяся этого спора, напечаталъ Иванъ Црничъ въ сборникѣ Starine XVIII, 87—164; срв. его же статью Imena Slovjenin i Ilir u našem gostinjcu u Rimu poslje 1453 g. (Rad jugoslav. akademije, knj. LXXIX). См. тоже Arkiv za povjestnicu jugoslav. I, 105. Далматинецъ Микаля въ своемъ словинскомъ словарѣ (1649) объясняетъ Slovinac, Slovin, Dalmatin—Illyricus. Dalmata, Macedo; Slovinska zemlja, Slavonia država—Illyricum, Dalmatia, Macedonia; Hrvat—Croata, Illyricus.

славянскихъ историковъ изъ давна, тѣмъ болѣе, что, начиная съ XIII в., католическіе Югославяне Далмаціи и Хорватіи стали свое „словѣнское, словинское“ письмо и переводъ священныхъ книгъ на „словѣнскій, словинскій“ языкъ приписывать уже не свв. апостоламъ Константину и Меѳодію, а св. Іерониму, уроженцу Илирика изъ Стридона на границѣ Панонiи и Далмаціи, „Славянину.“ Славянскіе лѣтописцы и позднѣйшіе историки, даже XIX-аго вѣка, считали древнихъ Илировъ Славянами, которые послѣ вавилонскаго столпотворенія заняли балканскія и подунайскія страны между морями адріатическимъ и Чернымъ, и оттуда распространились дальше на сѣверъ. Басни чешскихъ и польскихъ лѣтописцевъ о выходѣ трехъ братьевъ Чеха, Лѣха и Руса (Меха) изъ земли „славянской“ (илирской, хорватской) на сѣверъ распространились потомъ и къ южнымъ Славянамъ, и хорватскіе историки Црѣвичъ, Орбини, Раткай и др. повторяли—по чешскимъ и польскимъ лѣтописцамъ - всѣ ихъ разсказы о трехъ братьяхъ праотцахъ народовъ чешскаго, польскаго и русскаго, которые пребывали-де около Крапины и Псаръ въ Хорватіи. Посредствомъ русскихъ переводовъ польскихъ хроникъ и славянской исторіи Орбини перешли эти разсказы и на Русь, и оттуда опять на православный славянскій югъ къ Сербамъ и Болгарамъ. И такъ „Словине, Словинцы“ (т. е. Хорваты и Далматинцы) гордились тѣмъ, что ихъ областное названіе (Словинія, словинская земля, Slavonia) сдѣлалось общимъ названіемъ всѣхъ „Словинъ (Славянъ)“, и что изъ ихъ „Словинiи-Илирика“ (Хорватіи) вышли-де праотцы народовъ чешскаго, польскаго и русскаго, по однимъ очень давно еще до Рождества Христова, по другимъ позже, въ III—VII вѣкахъ послѣ Р. Х. [1]).

---

[1]) См. выше, въ отдѣлахъ о чешской и польской исторіографіи. Чешскій францисканецъ Прокопій Свобода, дѣйствовавшій въ Хорватіи, въ одной своей проповѣди о св. Прокопіѣ (Preporodjeni Čeh alit sv. Prokop, 1767) сказанной въ церкви въ Крапинѣ, коснулся тоже стараго преданія о выходѣ трехъ братьевъ Чеха, Лѣха и Руса изъ Крапины (по Кодициллу) въ 278-омъ году.

Послѣднее мнѣніе, о выселеніи Чеха, Лѣха и Руса изъ Илирика только въ первыхъ столѣтіяхъ послѣ Р. Хр., имѣетъ связь съ возникшимъ въ XV в., въ слѣдствіе знакомства съ греческими и латинскими писателями, мнѣніемъ, что древніе Илиры не были Славяне, и что Славяне заняли древній Илирикъ (Далмацію, Мизію и пр.) не раньше VI—VII вѣковъ послѣ Р. Хр. Такъ разсуждалъ, во второй половинѣ XV в., итальянскій историкъ Блондъ (Blondus), и по его примѣру и нѣкоторые славянскіе историки [1]). Дубровницкій историкъ Людовикъ Црѣвичъ называетъ Славянъ, жителей древняго Илирика, Илирами (Illyrici, illyricae gentes); изъ Илирика вышли-де западные и сѣверные Славяне. Црѣвичъ приводитъ одно мнѣніе, по которому на древнихъ Илировъ, еще не Славянъ, напали позже, ок. 600-аго г. Р. Х., Славяне изъ Руси, и навязали имъ свое господство, свой языкъ и свое имя (Sclaveni, Slovini). Тоже самое утверждали Кромеръ, Фаустъ Враичичъ, пользовавшійся между прочимъ тоже сочиненіемъ Блонда, Иванъ Лучичъ и др.; и Словенецъ Антонъ Лингартъ въ своей исторіи Словенцевъ (1791) возстаетъ противъ названія „Илиры“ во смыслѣ Югославянъ, такъ какъ Илиры—Албанцы. Но это мнѣніе, отрицающее у древнихъ Илировъ славянскій ихъ характеръ, не понравилось защитникамъ теоріи о славянскомъ происхожденіи древнихъ Илировъ; Славянами считаютъ ихъ Орбини, Раткай, Витезовичъ, Качичъ и др. Въ первой половинѣ XVII в. Рафаилъ Левановичъ изучалъ исторію Илирика и илирскаго народа, по его мнѣнію Славянъ (Historia universalis de Illyrica natione et de ejusdem vera origine, Dialogus de antiquorum Illyricorum lingua cum tractatu de patria s. Hieronymi, рукоп.); онъ старался доказать, что древніе Илиры, Далматы, Истры, Либурны, Папоны, Скордиски и др. говорили на томъ же самомъ языкѣ, на которомъ говорятъ тамъ до сихъ поръ, т. е. на славянскомъ (slavonica lingua); по этому онъ отвергалъ мечтанія Блонда и Враичича, будто языкъ, на которомъ нынѣ говорятъ Далматинцы, Босняки и Хорваты, прине-

---

[1]) Срв. выше, стр. 14.

сенъ въ тѣ страны только послѣ кончины св. Іеронима, во время императора Юстиніана [1]).

Въ началѣ XVIII в. Игнатій *Джорджичъ*, извѣстный дубровницкій поэтъ, въ обширномъ (рукоп.) изслѣдованіи Res illyricae sive historia ragusana, старался доказать, что древніе Илиры—Славяне, и объясняетъ, между прочимъ, нѣкоторыя названія по-славянски: Bello, Settovia, Rathanaeum (rat—rt) и др. [2]). То же самое старается доказать другой Дубровчанинъ, Севастіанъ *Дольчи* (Сладичъ), въ своей De illyricae linguae vetustate et amplitudine dissertatio historico-chronologico-critica (1754); по его мнѣнію Ѳракійцы, Македонцы, Илиры, Скиѳы, Геты-Готы, и др.—Славяне; на пр. ѳракійское selyos (oppidum)—славянское село, македон. Bylazora—слав. Бѣлазора, илир. Sardiotae—слав. сардити се (сердиться), Belo—Бѣлъ и пр. Такъ разсуждали и многіе другіе югославянскіе ученые XVIII—XIX вѣковъ [3]). По этому не удивительно, если въ Хорватіи и въ Далмаціи многіе считали уроженцевъ древняго Илирика, Далмаціи, Панопіи, Мизіи, Ѳракіи, римскихъ императоровъ, святыхъ и др.—Илирами-Словинцами (Славянами). По этому Иванъ Томко Марнавичъ считаетъ разныхъ римскихъ императоровъ и святыхъ родившихся въ Илирикѣ—Славянами; Иванъ Гундуличъ въ своей поэмѣ Osman называетъ Орфея Болгариномъ, и Александра Великаго Сербиномъ; Качичъ-Міошичъ, въ своихъ пѣсняхъ и историческихъ примѣчаніяхъ, называетъ на пр. императоровъ Максимина Болгариномъ, Діоклеціана, Константина, Лицинія и др. Далматинцами Словинцами, св. Елену Болгаркою изъ Софіи или Словинькинею изъ Брача, но во всякомъ случаѣ „naroda je slovinskoga." Не

---

[1]) О Левановичѣ см. Kukuljevića Književnici u Hrvatah, 159, 398.

[2]) Макушевъ: Объ истор. памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, 129, 417.

[3]) Срв. Шафарика Abkunft der Slawen, Славян. Древности § 11, ст. 11, Дринова Заселеніе балканскаго полуострова Славянами. Виновники югославянскаго илиризма считали древнихъ Илировъ тоже Славянами.

удивительно, что Югославяне охотно повѣрили чешской баснѣ о жалованной грамотѣ Александра Великаго Славянамъ, которую помѣстили въ своихъ сочиненіяхъ Орбини, Главиничъ, Раткай и др., и что хорватско-словенскіе Колоничи въ XVI в. думали, что ихъ предки отличились еще при Александрѣ Великомъ [1]). Еще въ концѣ XVIII в. угорскіе Сербы („Илиры"), обращаясь противъ Угровъ, „азіатскихъ варваровъ", съ гордостью указывали на то, что они потомки могущественныхъ Илировъ, передъ которыми дрожалъ даже Александръ Великій [2]).

Между Словенцами, духовная жизнь коихъ являлась подъ вліяніемъ нѣмецкой учености въ латинской и нѣмецкой одеждѣ, нѣкоторые писатели, хотя происхожденіемъ не Словенцы, обратили свое вниманіе тоже на остальный славянскій міръ. Изъ нихъ Сигизмундъ баронъ *Герберштейнъ*, дворянинъ краньской земли, былъ два раза (1517 и 1526 гг.) посломъ римско-нѣмецкаго императора въ Москвѣ; онъ самъ признаетъ, что знаніе словенскаго языка принесло ему большую пользу на Руси, такъ какъ словенскій языкъ тотъ самый что русскій и московскій. Въ обширномъ историко-географическомъ описаніи московской Руси Rerum Moscoviticarum commentarii (1549, потомъ часто) Герберштейнъ воспользовался, между прочимъ, нѣкоторыми древнерусскими памятниками, преимущественно лѣтописями, которыя только по его сочиненію сдѣлались въ остальной Европѣ болѣе извѣстными и доступными. Герберштейнъ познакомился и съ русскимъ языкомъ, особенности котораго иногда приводитъ въ своей книгѣ: такъ на пр. Русскіе произносятъ-де *г* не какъ другіе Славяне, а на чешскій ладъ *h* (Juhra, Volha), что конечно вѣрно только относительно югозападныхъ Русскихъ. О происхожденіи русскаго народа есть разныя мнѣнія; одни производятъ его отъ Руса брата Лѣха, другіе отъ города Русы, отъ русаго

---

[1]) Starine III, 209. Колоничи были, стало быть, товарищи польскаго рода герба Подкова; срв. стр. 130.

[2]) См. рѣчь одного Серба, сказанную въ Темешварѣ передъ открытіемъ сербскаго народнаго съѣзда 1790-го года. Horvát: Geschichte der Ungarn (Pest 1851, II, 652—655).

цвѣта, отъ древнихъ Роксоланъ, отъ разсѣянія (Россія—Rosseia—disseminatio), и пр. [1]). Какъ бы то ни было, всѣ народы, исповѣдующіе христіанство по образу Грековъ, называемые Русскіе (gentiliter Russi, latine Rhuteni), разрослись въ такое множество, что они всѣ среди ихъ жившіе народы покорили и назвали по себѣ. Славянскій языкъ раздается далеко и широко; кромѣ могущественныхъ Русскихъ живутъ на югѣ Словенцы отъ Адріи до Дравы и Муры, Хорваты, Сербы, Болгаре, Чехи, Моравяне, и въ сѣверной Угріи по рѣкѣ Вагу, Лужичане, Поляки, и въ сѣверной Германіи остатки Вандаловъ. Всѣ они Славяне, а Нѣмцы называютъ ихъ Венды, Винды. Русь расположена между сарматскими горами около Кракова черезъ Днѣстръ и Днѣпръ къ Дону, къ устью Оки въ Волгу и къ сѣверному морю, и дальше около балтійскихъ странъ къ Мазовіи и къ Польшѣ черезъ Литву, жители которой по большей части Русскіе. Изъ государей, господствующихъ нынѣ на Руси, первый—великій князь московскій, который владѣетъ большею ея частью; второй—великій князь литовскій, третій—король польскій, который теперь господствуетъ въ Польшѣ и въ Литвѣ. Славянскій народъ, по русскимъ лѣтописямъ, жилъ прежде по Дунаю, гдѣ нынѣ Угрія и Болгарія, и оттуда разошелся, отъ части въ слѣдствіе нашествія Волоховъ, далеко на сѣверъ въ страны по Лабѣ, Вислѣ и Днѣпру. Среди Русскихъ основали свое господство Варяги, вѣроятно изъ балтійско-славянской Вагріи, народъ русскому родственный по языку, нравамъ и религіи. Со временемъ Русь пріобрѣла большую силу, именно стараніемъ великихъ князей московскихъ, которые воюютъ уже съ великими князьями Литвы и западной Руси. Герберштейнъ описываетъ учрежденія и нравы русскаго народа, приводитъ и нѣкоторые письменные памятники въ переводѣ (на пр. судебникъ), описываетъ москов-

---

[1]) Это послѣднее мнѣніе (Россія—разсѣяніе) повторяется потомъ часто въ разныхъ сочиненіяхъ, славянскихъ и неславянскихъ; это говоритъ и другой авторъ о Московіи (1577). Даніилъ Принцъ изъ Бухова, бывшій въ Москвѣ тоже какъ посолъ цесаря. (Срв. москов. Чтенія 1876, III).

скую Русь и Литву, города, области, особенности и пр.; такъ на пр. вспоминаетъ о сказкѣ объ истуканѣ Золотая Баба при устьѣ рѣки Оби [1]), указываетъ на разницу между туромъ и зубромъ, и пр. Знаніе словенскаго языка помогало ему тоже въ объясненіи русскихъ словъ, впрочемъ не всегда удачномъ; такъ на пр. онъ, не понимая словъ русскаго лѣтописца, разсказывающаго, какъ Володимеръ поставилъ Перуна деревяннаго, а голова у идола была серебряная и „усъ златъ“, сдѣлалъ изъ послѣднихъ двухъ словъ бога „Услада“; это чудовище, вмѣстѣ съ другими довольно искаженными именами боговъ (Korsa, Dasva, Striba т. е. Хорсъ, Дажьбогъ, Стрибогъ и др.), долго обезображало разныя славянскія „миѳологіи“, какъ на пр. еще такую ужасную „миѳологію“ Кайсарова (1804, на нѣмецкомъ языкѣ) [2]). Слово *царь*, по Герберштейну, значитъ не императоръ, а король, какъ говорятъ Чехи, Поляки, и угорскіе Славяне; древнерусское царь значитъ король, а кесарь—императоръ; и турецкій султанъ называется царь т. е. король, и его столица по-славянски Цариградъ т. е. королевскій градъ [3]). Книга Герберштейна осталась

---

[1]) Эта „Золотая Баба“ часто встрѣчается потомъ у разныхъ писателей. Срв. тоже выше, стр. 190.

[2]) Срв. такія имена у Кромера, см. выше стр. 119.

[3]) Это ошибочное мнѣніе основывается на текстѣ библіи. Въ библіи греч. βασιλεύς, βασιλεία, переводится по-словѣнски цѣсарь (цесарь, цьсарь, царь, изъ латин. caesar), цѣсарьствиѥ,—во (цесарствіе, царство), латин. rex, regnum, а у югозападныхъ Славянъ kralj (král, król), kraljestvo (království, królestwo). По βασιλεύς—цѣсарь, царь, вовсе не король, а императоръ; такъ назывались императоры восточно-римскіе (греческо-византійскіе), и по нимъ и цѣсари-цари болгарскіе, сербскіе и русскіе. (Срв. I т., стр. 142). Только съ начала XVIII в., когда Петръ Великій назвался „императоромъ“, слово „царь“ приняло значеніе короля (царь польскій). Иностранцы долго не хотѣли „великихъ князей московскихъ“ признавать „царями“ (т. е. императорами), и по этому, не переводя слова „царь“, называли ихъ и на своихъ языкахъ car, czar, или толковали: царь=король (rex). Carstwo ruskie пишутъ уже Поляки XVI в. (срв. стр. 80), и такъ и carstwa słowieńskie (т. е. югославянскія, срв. стр. 174);

на полтора вѣка главнымъ источникомъ свѣдѣній о московской Руси, не только въ Европѣ вообще, а тоже у Славянъ въ Чехіи, въ Польшѣ, въ Далмаціи и Хорватіи, да она проникла до самой Москвы [1]).

Другой среди Словенцевъ жившій ученый, Іоаннъ баронъ *Вальвазоръ*, въ своемъ сочиненіи о краньской землѣ Ehre des Herzogthums Krain (1689), часто касается всего Славянства. Онъ хорошо знакомъ съ славянскою исторіографіею, ссылаясь, кромѣ разныхъ сочиненій о Словенцахъ и другихъ южныхъ Славянахъ, на Гельмольда, Энея Сильвія, Дубравскаго, Герберштейна, Пясецкаго и др. Словенцы—часть великаго и славнаго народа Славянъ или Вендовъ, Виндовъ, который обитаетъ отъ венеціанскаго моря до сѣвернаго и Чернаго, въ словенскихъ странахъ, Хорватіи, Далмаціи, Босніи, Болгаріи и вообще въ Турціи, Угріи, Чехіи, Моравіи, Лужицахъ, Силезіи, въ Польшѣ, Литвѣ, Руси, Москвѣ. Церковный славянскій или „виндескій" языкъ—очень распространенъ и къ русскому очень близокъ (die sclavonische oder windische Sprache geht durch gewaltig viele Mäuler weit und breit, auch ist sie sogar der russischen gar nahe befreundet, als die wiewol mit einem besonderen Dialecte veränderte Sclavonierin); этотъ языкъ пишется двоякимъ письмомъ, кирилловскимъ, которое изобрѣтено св. Кирилломъ, и которымъ пишутъ Русскіе и Славяне въ Турціи, и глаголическимъ св. Іеронима, которое употребляютъ Хорваты и Далматинцы. И въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ краньской земли и словенской украины (Windische Mark) употребляется церковный славянскій языкъ, который когда-то, благодаря дѣятельности св. Меѳодія, былъ распростра-

---

но Поляки, называя русскаго царя по-польски car (какъ и car tatarski, krymski), не признавали его еще императоромъ (поль. cesarz). Срв. тоже стр. 192. Южные Славяне часто называли императора римско-нѣмецкаго—цесаремъ, а русскаго—царемъ.

[1]). О Герберштейнѣ см. изслѣдованія Аделунга (1817), Замысловскаго (1884), Апиха (Letopis Matice Slovenske za l. 1885). Автобіографія Г. издана въ Fontes rerum austricarum, Scriptores I.

непъ въ Моравіи, между Словенцами и въ Хорватіи. Вальвазоръ описываетъ эту дѣятельность св. Меѳодія, и усердно защищаетъ этого святаго, ученаго и благовѣрнаго епископа, замѣчая, что ученость всегда находитъ завистниковъ, которые по неразумѣнію ратуютъ противъ благоразумнаго богослуженія. О русскомъ языкѣ Вальвазоръ думаетъ, что онъ очень похожъ на краньскій (словенскій), да съ нимъ почти одинъ и тотъ же (der Russen Sprach ist unserer krainerischen gar ähnlich und fast gänzlich gleich). Русскіе (Russen) у Вальвазора—преимущественно Москвитяне (Moskowiter), а тоже часть Русскихъ въ Польшѣ „московской" религіи; Reussen—козаки, а тоже Русскіе въ Польшѣ; но прежде всѣ эти пароды назывались-де Reussen. Вальвазоръ приводитъ обѣ азбуки, кириловскую и глаголическую, и чтобъ показать большое родство славянскихъ языковъ, приводитъ—по граматикѣ Бохорича и др.—молитву „Отче нашъ" на разныхъ этихъ языкахъ: по-кириловски (по рецензіи хорватско-сербскихъ книгъ: krajlestvo, hlib, duge), по-болгарски (что собственно по-сербски: cesarastvo, kruh, dugi), по-далматински (krajjestvo, kruh, dugi), по-хорватски (cesarastvo, hlib, dlgi), по-славонски—sclavonice (kraljestvo, kruh, duge), по-чешски, по-польски, по-вандальски т. е. лужицко-сербски (два нарѣчія), по-московски (что однако югославянское: krajlestvo, hlib, danas, duge, duznikom), по-краньски, „по-ново-земски", (nova-zemblice т. е. изъ Новой Земли! что не отличается отъ югославянскаго: carstvo, hlib, duge). и „по-валашски" (что представляетъ какую-то смѣсь славянскихъ нарѣчій: carstvo, hleb, danas, dolgi, dolznikom). Словомъ „Валахи" Вальвазоръ подразумѣваетъ—по примѣру многихъ другихъ писателей того времени—православныхъ Сербовъ-Ускоковъ-Влаховъ, поселенныхъ на границѣ краньской земли въ Жумберкѣ и въ приморьѣ около Сеня [1]); ихъ языкъ отличается-де немножко отъ хорватскаго и больше отъ краньскаго. Говоря о язычествѣ древнихъ Краньцевъ, Вальвазоръ привелъ сюда разныя божества балтійскихъ Славянъ, извѣстныя

---

¹) См. I т., стр. 48, 61, 72.

по тогдашнимъ пособіямъ: Svantevit, Radogost, Triglav, Flins и пр., предполагая, что у древнихъ Славянъ была одна религія. Описывая народные обычаи Словенцевъ, авторъ иногда указываетъ на ихъ сходство съ другими югославянскими и русскими [1]. О Славянахъ говорятъ и другіе историки, писавшіе объ исторіи словенскихъ странъ, *Мегизеръ, Шенлебенъ*, и особенно Антонъ *Лингартъ*: Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlichen Slaven Oesterreichs (1788—1791, 2 т.), который представилъ критическій очеркъ древнѣйшей исторіи Словенцевъ, и обратилъ особенное вниманіе на культурную сторону ихъ исторіи, на ихъ связь съ остальными Славянами.

Изъ Далмаціи и Хорватіи, равнымъ образомъ какъ и изъ Россіи (посредствомъ русскихъ переводовъ польскихъ хроникъ и космографій, и исторіи Орбини), отголоски разныхъ теорій о происхожденіи Славянъ доходили тоже до нѣкоторыхъ монастырей сербскихъ и болгарскихъ. Въ Дечанахъ, Печи, Тропошѣ, Вердникѣ, Верхо-Брезницѣ и др. монахи XVII—XVIII вв. записывали, что уже при Александрѣ Великомъ жили Славяне въ Илиріи, что „при немъ въ службахъ военныхъ были, и ради славныхъ дѣлъ ратнихъ наречени есмы праведено Славяни. Висиготовъ же паки и тѣхъ разумѣй Славянъ, иже поселиша себе во Германію и во велика кралѣвства произошли по врѣмену, якоже Лѣхи и Чехи, Моравцы, Слезаны, Щаерцы, Кранцы, Тоти и Словаци. А понеже отъ Сармаціи илити нинѣ русейскія державы мы вси язици Славяне всяки во свое время изидохомъ и во предѣлѣхъ власти и державы римской населяхуся, тако и по намъ ины Славяне изшедше вселишася въ нижнѣй Мисіи, Трибаліи, Сервіи, Дардапіи; тако въ Тракіи и Македоніи быша Болгары, они бо послѣдвее чрезъ Дунай преидоша.“ Первоначально-де Болгаре, Сербы и Хорваты, и „Светыполкъ“ паноңскій „король русскій“, жили въ согласіи и приняли законъ греческій. Лѣтописцы записываютъ, что два брата, Чехъ и Лѣхъ, князья „карвацкіе“ (по-польски karwaccy, хорватскіе), вышли въ 644 г.

---

[1]) О Вальвазорѣ см. Dimitz: Geschichte Krains IV, 35.

изъ южныхъ странъ на западъ, что „Сватоплугъ“ моравскій былъ „паномъ великымъ и дръжалъ рускыѣ землѣ“; у него бывали въ гостяхъ князья Семовитъ польскій и „Брѣзивой моравскій“; этотъ послѣдній крещенъ Кирилломъ философомъ, учителемъ словенскимъ, а „кралъ Сватоплугъ зъ бояриномъ рускымъ былъ кумомъ его“, и пр. Подобно тому сербскій деспотъ Юрій *Бранковичъ* въ своей исторіи сербскаго народа, написанной во время его заточенія въ Хебѣ въ Чехіи (1689—1711), пишетъ во смыслѣ разныхъ „ученыхъ“ теорій того времени, и производитъ Славянъ отъ Іафета и его потомка Вандала, который поселившись на Вислѣ, этой „рѣцѣ и Ляхомъ имя нарече. дабы Вандалами называлися. Вандалъ потомъ многое чадородіе сотворилъ, яко четвертую часть Европы себѣ присвоили, Ляхомъ, Руссомъ, Кассубіомъ, Швекомъ (!), Чехомъ, Моравцемъ, Славонцемъ, Далматиномъ, Піопіемъ (!), Бошнякомъ, Сербомъ и Болгаромъ, кралевства и княженія построили. На послѣдокъ въ таковое распространеніе приуспѣли, яко близъ полъ Европы и нѣкую часть Асіи себѣ присвоили и славнымъ своимъ оружіемъ покорили [1]).“

О Славянахъ кое-что разсказываетъ тоже монахъ хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ, уроженецъ Македоніи *Паисій*, въ своей Исторіи славено-болгарской (1762), составленной по рукописнымъ памятникамъ и по русскимъ переводамъ исторіи Славянъ Орбини и церковной исторіи Баронія; самъ авторъ говоритъ, что онъ совокупилъ и написалъ и обратилъ „отъ руски речи прости на болгарски прости речи и словенски“. Паисій гордо указываетъ на то, что „отъ всего словенскаго народа найславни были Болгари, перво оны ся крестили, перви святыи сло-

---

[1]) Сербскія лѣтописи (въ Гласникѣ V, 22, 25. XXI. 232, XXXV 10), верхо-брезницкій хронографъ (изд. І. Пречекъ 1879); Гильфердингъ (Собраніе сочиненій І. 216) напрасно ищетъ въ такой путаницѣ отголоски старыхъ источниковъ. Сербская исторія Ю. Бранковича до сихъ поръ не издана; выдержки у Рапча Исторія разныхъ славенскихъ народовъ.

венскыи отъ болгарскія родъ и язикъ просіяли". Болгаре—славянскій народъ, какъ и Русы и Московцы, Славяне балтійскіе и адріатическіе. Всѣ они происходятъ отъ Моска сына Іафета, и назвались Московы; другіе назвались „Скандаляне" (! Скандинавы), потомъ „Славяни", и заняли балтійскія и другія западныя страны; ихъ крестили свв. Кириллъ и Меѳодій „и по рады ныхъ нарекли наши книги и весъ родъ и язикъ словѣнски родъ, и много рѣчи подобны на болгарски речи беседатъ; но сега (теперь) держатъ римска вѣра и вси воинствуютъ кесареви немскому, обратили ихъ Римляны подъ властъ и вѣру папину; тыя Словянѣ единъ родъ и язикъ со Болгари". Изъ этихъ славянскихъ странъ вышло много народовъ въ московскую землю, воевали съ Москалями и Русами, и поселились по рѣкѣ Волгѣ, и „ради тая река Волга нарекліся Болгари Славяне"; потомъ Болгаре двинулись къ Дунаю и заняли области греческаго царства и основали здѣсь славное и Грекамъ страшное царство болгарское. Болгаре приняли крещеніе изъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія; Кириллъ „сложилъ писмо на словенски язикъ", и вмѣстѣ съ Меѳодіемъ и пятью учениками перевели священныя книги на болгарскій языкъ, прозванный только позже словенскимъ, по западнымъ Славянамъ, къ которымъ Кириллъ и Меѳодій отправились изъ Болгаріи. И такъ „Болгари перво восприяли писмена и книги словенскія и св. крещеніе отъ всего народа словенскаго", а не „Москали и Руси и Серби", которые крестились позже. Не зачѣмъ смѣяться Русамъ и Москалямъ, имѣющимъ царство и церковную свободу, и Сербамъ подъ нѣмецкою державою—надъ Болгарами, „за що су прости и некнижны въ писаніе; но оны Руси и Серби да благодаратъ бога, да ги е покрилъ отъ попраніе агаренское и отъ греческая властъ архіерейская; що Болгари страдаютъ, да су оны то мало искусили, то бы весма Болгаромъ благодарили, за що въ толико страданіе и насиліе держатъ свою вѣру непремѣнно"[1]).

[1]) Болгарскую исторію Паисія издалъ Лонгиновъ въ Люблинѣ 1885; о ней срв. М. Дринова въ журналѣ Периодическо списание VI, 3 (1871 г.) и XIX—XX, 134 (1886 г.).

Въ концѣ XVIII в. исторію Югославянъ, вмѣстѣ съ древней исторіею Славянъ вообще, изучалъ, по всей печатной литературѣ (и русской) и по нѣкоторымъ рукописнымъ трудамъ сербскихъ лѣтописцевъ (Даніила, Бранковича, и автора цароставника), сербскій архимандритъ Іоаннъ *Раичъ*, и результаты своихъ занятій изложилъ въ обширномъ трудѣ „Історіа разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ" (Вѣна 1794—1795, 4 т.). Раичъ, между прочимъ, взялся за трудъ и потому, чтобъ исправить разныя ошибки иностранныхъ писателей, писавшихъ о югославянской исторіи: „Сказати не можно, съ коликимъ гажденіемъ и клеветами они тое написали, зане по своему обычаю все, еже у Сербовъ и прочихъ славенскихъ народовъ похвално было, развратили и истончили, храбрость ихъ за варварство, добродѣтель за злочиніе почтили, славу же ихъ и храбрыя поступки молчаніемъ прикрыли". Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ счелъ нужнымъ „не точію сербскія описати древности, но и сосѣдныхъ имъ единокровныхъ народовъ, наипаче Болгаровъ и Хорватовъ", двухъ славянскихъ народовъ, исторія которыхъ тѣсно связана съ сербскою. Разсматривая древнѣйшую ихъ исторію, ихъ „древнѣйшая обиталища" въ Сарматіи, откуда они вышли на югъ и западъ, Раичъ излагаетъ древнюю исторію Славянъ вообще: „Тѣмже сродство сихъ народовъ славенскихъ нѣкое подстреканіе списателю історіи сея подало, во еже и тѣхъ Славянъ народы во кратцѣ описати, яко да тѣмъ болше слава Славянъ приумножится, и читателя въ краткомъ чертежѣ семъ неисчислимое множество рода своего посмотритъ." Раичъ обширно говоритъ о древнихъ Славянахъ, которые подъ этимъ своимъ именемъ „славныхъ" стали извѣстны только съ VI в.; а прежде они извѣстны подъ другими именами, Скиѳовъ, Сарматовъ, Аланов, Гуновъ-Сабировъ, Готовъ, Вандаловъ и др. потомковъ Іафета, именно его сына Мосоха. Они распространились потомъ на западъ и на югъ, назвались разными именами и раздѣлились нарѣчіями, хотя они понимаютъ другъ друга; древнѣйшій же языкъ—„славенскій", какъ онъ употребляется въ церкви въ Россіи и у другихъ славянскихъ народовъ. Къ Славянамъ Раичъ, по примѣру другихъ югославянскихъ историковъ,

причисляетъ тоже Гетовъ (Даковъ) или Готовъ (говоритъ о „гоославенскихъ" короляхъ Илирика), Вандаловъ, Геруловъ, Гепидовъ, Алановъ, Аваровъ, „Пецинаковъ" (Печенѣговъ) и др. Дальше Ранчъ разсказываетъ древнюю исторію балтійскихъ и полабскихъ Славянъ (и Прусовъ), Чеховъ и Поляковъ, Русскихъ, южныхъ Славянъ вообще и тоже Угровъ и Волоховъ, говоритъ о славянской миѳологіи и о крещеніи Славянъ, и, наконецъ, переходитъ къ главной своей цѣли, т. е. къ подробной исторіи Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ. Ранчъ въ изложеніи древней исторіи Славянъ показываетъ болѣе начитанность и ученость, чѣмъ критическое обращеніе съ источниками и пособіями. Его трудъ по славянской и югославянской исторіи, написанный на языкѣ „славено-сербскомъ", стоитъ, конечно, гораздо выше исторіи Орбини (извѣстной и на славянскомъ югѣ въ русскомъ переводѣ), и принятъ Югославянами съ большою благодарностью [1]).

Трудомъ Ранча воспользовался тогда угорско-нѣмецкій историкъ Іоаннъ *Энгель* въ своей исторіи Угріи и ея „провинцій" (Geschichte des Ungrischen Reiches und seiner Nebenländer), т. е. Хорватіи, Славоніи, Далмаціи, Босніи, Сербіи, Болгаріи, Румыніи и Галиціи, всѣхъ тѣхъ земель, на которыя угорская корона имѣетъ-де извѣстныя „историческія" права. Лучшую будущность югославянскихъ земель, находившихся подъ турецкимъ владычествомъ, Энгель видитъ въ ихъ освобожденіи отъ турецкаго ига и присоединеніи къ Угріи, въ осуществленіи пустыхъ титуловъ угорскаго короля: король босенскій, сербскій и болгарскій [2]).

---

[1]) Первый томъ исторіи Ранча (введеніе и исторія Болгаръ) перепечаталъ Новаковичъ въ Петербургѣ (1795).

[1]) См. окончаніе исторіи одного такого угорскаго „Nebenland", Болгаріи (Halle 1797, p. 474). Труды Энгеля по исторіи югославянскихъ странъ превзошли трудъ Ранча, и составляли до половины нашего столѣтія главное пособіе по югославянской исторіи. Въ концѣ XVIII в. авторъ (Керестури?) небольшой книжки Dissertatio hungari autoris de gente serbica (1790), упоминая объ исто-

3. *Филологическая литература. Языкъ словѣнскій, словенскій, словинскій. Югославянскіе граматики и лексикографы. Зачатки славистики. Словенскіе и хорватскіе протестанты. Бохоричъ, Мегизеръ, Похлинъ, Гутсманнъ. Георгіевичъ, Врачичъ, Деллабелла, Дольчи, Сербы и славено-сербскій языкъ.*

Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ первый образовался языкъ „словѣнскій", т. е. языкъ подунайскихъ Словѣнъ въ Паноніи, Дакіи, Мизіи, Өракіи и Македоніи, на который уже въ IX—X вв. переведены разныя церковныя книги, и на которомъ процвѣтала тогда въ Болгаріи довольно богатая литература. Въ этой письменности встрѣчаются уже въ началѣ X-аго в. тоже филологическія сочиненія, какъ на пр. статья черноризца Храбра о письменахъ словѣнскихъ и опытъ словѣнской граматики Іоанна экзарха. Словѣнскій языкъ не остался ограниченнымъ только подунайскими Словѣ-

---

рическомъ правѣ угорской короны на Боснію и Сербію, надѣется на ихъ освобожденіе отъ турецкаго ига и ихъ присоединеніе къ Угріи, общей-де матери Угровъ и Сербовъ, братьевъ насильственно-де разъединенныхъ. Около этого времени угорскій историкъ Прай написалъ статью (изданную только 1837) Commentarii historici de Bosniae, Serviae ac Bulgariae, tum Valachiae, Moldaviae ac Bessarabiae cum regno Hungariae nexu. О притязаніяхъ Угріи того времени на югославянскія земли Турціи см. нашу книжку Die slavisch-orientalische Frage, p. 59.—Исторія Угріи тѣсно связана съ исторіею Славянъ южныхъ и западныхъ, и карпатскихъ Русскихъ (угорскіе короли назывались тоже reges Galiciae et Lodomeriae), и по этому въ угорской исторіографіи находится много извѣстій по славянской исторіи; такъ на пр. у анонима нотарія короля Белы, у Кезы, Іоанна изъ Турца (Туроцъ), Бонфини, Иштванфи, Тимона, Коллара, Катоны, Прая и др. Забавны разсказы анонима о покореніи Únграми всей Руси суздальской, кіевской, володимерско-галичской, еще до покоренія „Паноніи" и ея жителей, Славянъ, Болгаръ, Чеховъ, Рацовъ, Хорватовъ, Волоховъ. Анонимъ является здѣсь какъ-бы предшественникомъ Энгеля, у котораго галичско-володимерская Русь (Galicia et Lodomeria) тоже Nebenland Угріи.

нами въ Панонiи, Дакiи, Болгарiи; онъ раздавался тоже на западѣ въ церквахъ моравской, чешской и польской, въ сербской и хорватской, и наконецъ и въ церкви русской; онъ дѣлался и помимо церкви литературнымъ языкомъ Славянъ, и остался имъ по крайней мѣрѣ у православныхъ Славянъ, между тѣмъ какъ у католическихъ Славянъ онъ уступилъ латинскому и потомъ народнымъ ихъ языкамъ. Но словѣнскiй языкъ у Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ, Хорватовъ, мало по малу измѣнялъ свой характеръ, подчиняясь все болѣе влiянiю мѣстныхъ языковъ; образовались разные изводы словѣнскаго языка, болгарскiй, сербскiй, хорватскiй, русскiй, пока наконецъ русско-словѣнскiй изводъ вошелъ въ употребленiе и въ церквахъ болгарской, сербской и отъ части и въ хорватской. Съ другой стороны и словѣнскiй языкъ повлiялъ на языки русскiй, сербскiй, болгарскiй Такъ какъ подунайскiе Словѣне рано исчезли въ Únграхъ и Румунахъ, и задунайскiе Словѣне приняли названiе Болгаръ и ихъ языкъ значительно измѣнился въ своемъ грамматическомъ строѣ и тоже фонетическомъ отношенiи удалился отъ „словѣнскаго", то южные, равнымъ образомъ какъ и восточные Славяне, скоро забыли о первоначальной родинѣ этого „словѣнскаго" языка, и считали имъ свои собственные языки словѣнско-болгарскiй, словѣнско-сербскiй, словѣнско-русскiй и словѣнско-хорватскiй. Словѣнскiй языкъ соединялъ православныхъ Славянъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ, да отъ части и Хорватовъ; сохранившись въ церковныхъ книгахъ еще временъ Константина и Меѳодiя, онъ какъ-то самъ собою вызывалъ славянскихъ ученыхъ къ филологическимъ занятiямъ [1]).

Но не одинъ церковный языкъ „словѣнскiй (словенскiй, словинскiй, словянскiй, славенскiй, славинскiй, славянскiй)" — первоначально языкъ огромнаго народа Словѣнъ—носилъ это названiе; такъ назывался тоже языкъ югозападныхъ племенъ тѣхъ же подунайскихъ Словѣнъ (Славянъ), Словенъ или Словенцевъ въ Норикѣ и Панонiи, и Словинъ или Словинцевъ въ адрiатической Далмацiи. Всѣ эти славянскiе народы, не от-

---

[1]) О судьбахъ словѣнскаго языка у отдѣльныхъ народовъ славянскихъ см. последнюю главу. См. выше стр. 5, и I томъ, стр. 70.

личая разныхъ „славянскихъ“ языковъ и нарѣчій, не входя въ ихъ лингвистическія подробности и тонкости, считали названіе Славянъ (латин. Slavi, Sclavi, Slavoni, Slavini etc.) то своимъ въ тѣсномъ смыслѣ, то общимъ названіемъ всѣхъ Славянъ. Такъ Словене или Словенцы (Slavi, Sclavi, нѣм. Winden) альпійскихъ странъ (хорутанскіе, краньскіе, штирійскіе, фріюльско-горицкіе, истріянскіе, угорскіе), и между Дравою и Савою и Колпою (Купою), и ихъ ближайшіе сосѣди и соплеменники адріатическаго хорватско-далматинскаго приморья отъ Истріи до Дубровника, Словине или Словинцы, уже въ силу одного названія своего, полагали, что ихъ „словенскій“ и „словинскій“ языкъ раздается не только у нихъ на югѣ, а повсюду гдѣ есть и другіе „Словене“ (Словенцы) или „Словине“ (Словинцы) т. е. Славяне [1]).

Первые писатели у Словенцевъ, протестанты Труберъ, Креллъ и Юрій Далматинъ (1550 — 1584), называютъ свой народъ „Словенами, Словенцами“ (Sloveni, Slovenci, по-нѣмецки Windische), и языкъ „словенскимъ“ (windisch, lingua slavica). Труберъ зналъ, что есть разныя нарѣчія словенскаго языка, на которыхъ говорятъ Краньцы, Корошцы, (Хорутане), Штаерцы, Доленцы, Безьяки (кайкавцы около Загреба) [2]), Крашовцы (жители горъ Краса), Истріянцы, Хорваты (Crouati, вѣроятно краньскіе, такъ назыв. Бѣлые Краньцы). Труберъ, природный Кра-

---

[1]) Подобно тому, у западныхъ Славянъ это общее названіе осталось въ болѣе тѣсномъ смыслѣ карпатскимъ Словакамъ (словенскій языкъ) и балтійскимъ Словенамъ, Словенцамъ или Словинцамъ (словенскій, словинскій языкъ). По „словенскій“ языкъ Словаковъ Долежала или Бернолака, „словенскій“ языкъ послѣднихъ остатковъ полабско-балтійскихъ Словенъ и Кашуба Поптана (срв. выше стр. 12), „словенскій“ языкъ Словенцевъ Трубера или Крена, Пергошича или Петретича, „словинскій“ языкъ Хорватовъ, Далматинцевъ и Босняковъ, Марулича, Гундулича, Дивковича, наконецъ „словѣнскій, словенскій, славенскій“ языкъ Константина и Меѳодія, Болгаръ Храбра, Іоанна экзарха, Константина Костенчскаго, Русскихъ Зизанія и Смотрицкаго—все это уже особыя лингвистическія единицы. Русскіе Новгородцы называли себя до XII в. Словѣнами, Словенами.

[2]) Объ имени Безьякъ см. Archiv f. slav. Philologie VII, 605.

нецъ (Crainz), старался писать на такомъ языкѣ, который бы понимали всѣ его „милые Словены (Словенцы)“; для нихъ онъ издалъ тоже два букваря Abecedarium — Buquice (буквица). Креллъ знаетъ тоже, что нѣкоторыя племена словенскаго народа, Доленцы, Истріянцы Випавцы, говорятъ чище чѣмъ другія, Краньцы и Корошцы. Юрій Далматинъ въ словенскомъ переводѣ пятикнижія и полной библіи помѣстилъ объясненіе нѣкоторыхъ краньскихъ словъ для Хорватовъ, Далматинцевъ, Безъяковъ, и другихъ Словенъ или Словенцевъ. Нѣмецъ Мегизеръ, въ своемъ словарѣ четырехъ языковъ (1592), называетъ словенскій языкъ „illurica quae vulgo sclavonica appellatur“, и приводитъ слова хорутанскія, краньскія и тоже хорватскія. По главной словенской области, краньской, словенскій языкъ иногда назывался тоже словенско-краньскимъ или просто краньскимъ; уже Бохоричъ, авторъ первой граматики словенскаго языка (1584), который онъ называетъ краньскимъ (carniolana), замѣчаетъ, что краньскій языкъ слѣдуетъ правильнѣе называть словенскимъ — lingua carniolana vel rectius slavonica. Slavi, lingua slavica, slavonica означаютъ у Бохорича не только Словенцевъ и языкъ краньско-словенскій, а тоже Славянъ и славянскій вообще. Словенскій и краньскій языкъ (windische, krainerische Sprache, sclavonica lingua, slavo-carniolanum idioma) означаетъ одно и то же, тѣмъ болѣе, что большая часть словенскихъ писателей были Краньцы [1]). Корошцы (Хорутане) называли языкъ словенскимъ (на пр. Гутсманнъ въ своихъ граматикѣ и словарѣ der windischen Sprache): Словенцы же южной Штиріи и югозападной Угріи сохранили это свое народное названіе съ древнѣйшихъ временъ: угорскихъ Словенцевъ называютъ Нѣмцы— Wenden, Угры — Tótok (Тоты, общее названіе всѣхъ Славянъ). Штаерецъ Зеленко написалъ для своихъ земляковъ Slovenska gra-

[1]) Пишемъ Кранецъ, Краньцы, Краньская земля, какъ Словенцы сами называютъ эту область и ея жителей (Kranjsko, Kranjska, Kranjec, или Krajnsko, Krajnec, какъ konj—kojn), по городу Краню (Kranj, Krajn, нѣм. Krainburg), а не по „краина“ (украина). Хорутане —древнерусское названіе племени Корошцевъ, населяющихъ Корошкую землю (Каринтію), чеш. (и др.-поль.) Korutané, въ среднелатин. памятникахъ Carantani (Коржтане).

matika oder Wendische Sprachlehre (1791); a za Slovence na Vogerskem (для Словенцевъ Угріп) издавались съ XVIII в. разныя книги на языкѣ slovenskom, правописаніемъ угорскимъ. Наконецъ сохранили старинное названіе тоже венеціянскіе (фурланскіе, фріульскіе — Forojulienses) Словины (Sclavi уже ок. 700 г.).

Названіе „Словены, Словенцы, словенскій языкъ" употребляли не только Словенцы альпійскіе, то въ тѣсномъ смыслѣ своего народа, то въ обширномъ смыслѣ всѣхъ Славянъ вообще. Такъ назывались тоже жители нынѣшней западной Хорватіи около Загреба, Вараждина, Крижевцевъ, такъ называемые Кайкавцы (*кай-что*, какъ у Словенцевъ), Загорцы, Междумурцы (между Мурою и Дравою въ Междумурьѣ), Безъяки (около Загреба). По этимъ послѣднимъ Словены между Дравою и Колпою (Кулпою, Купою) часто назывались вообще Безъяками, на пр. у словенскихъ и хорватскихъ протестантовъ, Трубера, Далматина (Антона и Юрія), Стефана Истріянина. „Славянскою" землею называлась, съ древ. временъ, вообще южная Панонія, т. е. земля между Дравою, Савою и Купою. Населяющіе Панонію и Дакію Sclavi, Sclaveni, Σκλαβηνοί, Σκλάβοι, извѣстные уже писателямъ VI в., распространялись дальше на югъ за Саву въ Илирикъ (Illyricum), Далмацію, Мизію, Македонію, Ѳракію и др. По этому и приморская Далмація, гдѣ основано хорватское государство, вмѣстѣ съ южной Панопіею, присоединенною ок. 900 г. къ Хорватіи, назывались долго вообще землею славянскою (Slavonia, Sclavonia, regnum Slavorum), жители ея Славяне (Slavi, Sclavi, lingua slavonica, Словине, Словинцы, словинскій языкъ) [1]. Приморская, адріатическая славянская земля называлась тоже Далмаціею и Хорватіею (по этому тамошній языкъ словинскій = языкъ хорватскій), между тѣмъ какъ сѣверная часть между Дравою и Савою и Купою называлась все Sclavonia, Slavonia, въ хорватскихъ и словенскихъ письменныхъ памятникахъ (писанныхъ глаголицею, кирилицею и латиницею) XV—XVII вв. Словинье, Словинія (на Угрих и на Словинах, у Словиние и Хрватих,

---

[1]) См. I. томъ, стр. 8, 48, 56.

земле хрватске и словинске до Саве и Драве, словински русаг — орсаг, хрватски-хрвацки и словински бан, бишкупь Хрьватомь и Словинію), жители ея—Словинцы, Словины (словинска господа з ову страну Драве, словински себри т. е. кмети, селяне) [1]. Еще во второй половинѣ XVII в. оба хорватскіе поэты, прославлявшіе сигетскаго богатыря бана Николая Зринскаго, Петръ Зринскій и Павелъ Риттеръ-Витезовичъ, называютъ Хорватію slovinski orsag (земля), а бана slavni ban slovinski, Dalmat i Horvata, dika (гордость) dalmatinska, hrabrenost horvatska i slava slovinska. Ихъ соотечественникъ, Юрій Крижаничъ, называетъ „Словинцами, Словенцами" то всѣхъ Славянъ вообще, то южныхъ (Хорватовъ, Сербовъ, Болгаръ) въ особенности Риттеръ-Витезовичъ, уроженецъ приморской Хорватіи проживавшій въ Загребѣ, въ своей хроникѣ свѣта (1696), подразумѣваетъ подъ именемъ Словинъ, Словинцевъ, Словенцевъ, во первыхъ землю между Дравою, Савою и Дунаемъ, во вторыхъ всѣ земли древней Илиріи — Словинія (югославянскія), въ третьихъ всѣхъ Славянъ вообще, на югѣ, на западѣ (Чеховъ и Поляковъ), на сѣверѣ (Русскихъ); здѣсь повсюду живетъ народъ словинскій — словенскій, языкъ илирскій или словинскій [2].

Хорватскіе протестанты, Антонъ Далматинъ и Стефанъ Истріянинъ и подписавшійся вмѣстѣ съ ними Словенецъ П. Труберъ, постоянно смѣшиваютъ формы „Словине, Словинци, Словенци — словенски, словѣнски и словински", подразумѣвая то альпійскихъ и подравскихъ Словенцевъ, то адріатическихъ Хорватовъ — Далматинцевъ — Словинъ или Словинцевъ, то всѣхъ южныхъ Словинцевъ (Славянъ) вообще; да они надѣялись, что ихъ словинскія (хорватскія, сербскія) кириловскія книги пригодятся и Русскимъ [3].

---

[1]) О словѣ *себръ, сябръ,* см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 19.

[2]) Такъ разсуждали тоже Чехи и Поляки, у которыхъ „славянская" земля, „Славяне" (Словаки), означаетъ то Славянъ югозападныхъ, то всѣхъ Славянъ вообще См. выше.

[3]) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ этихъ хорватскихъ (глагол. и кирил.) книгъ: всим добрим боголюбним словѣнским и хьрвацким

Названіе „Хорватія“ распространилось на „словенскую, словинскую“ землю между среднею Дравою и Савою и Купою (Slavonia superior) только въ XVI в., когда—послѣ захватовъ венеціянскихъ и турецкихъ и послѣ утраты нижней, восточной Славоніи (Slavonia inferior)—отъ южной, приморской и далматинской „Хорватіи“ осталась у королей угорско-хорватскихъ только небольшая часть. Но это названіе „Хорватія“ въ смыслѣ бывшей верхней „Славоніи“ около Загреба, Вараждина и Крижевцевъ, было съ начала лишь политическое: жители этой новой сѣверной Хорватіи называли въ XVI – XVII вв. свой языкъ по прежнему „словенскимъ“, равнымъ образомъ какъ и ближайшіе ихъ сосѣди и соплеменники, Словенцы краньскіе, штирійскіе, угорскіе. „Словенскій“ языкъ тѣхъ и другихъ былъ почти одинъ и тотъ же (kaj, vera), у Краньцевъ и у „кайкавскихъ“ Хорватовъ (Безъяковъ), и отличался отъ нарѣчія остальныхъ южныхъ приморскихъ и далматинскихъ Хорватовъ чакавцевъ и штокавцевъ (ča, čto, što, vera, věra, vira). На такомъ „словенскомъ“ языкѣ писали писатели этой сѣверной Хорватіи, уроженцы Междумурья, Загорья, Туруполя, Загреба, Вараждина, Крижевцевъ, Сиска и пр., Бучичъ, виновникъ протестантизма въ сѣверной Хорватіи, Пергошичъ (пишетъ „szloujeensſki iezik“). Врамецъ, Краячевичъ, Петретичъ, Спичичъ, Хабделичъ и др. Такъ на пр. загребскій каноникъ Антонъ Врамецъ издалъ (1586) евангеліе по-словенски на славу отечества и наро-

---

крстианом (глаг. постила), ми Словинци и Хървати — wir Winden und Crobaten (глаг. и кирил. постила), Хърватомь и Словинѥмь—den Crobaten und Windischen Volk, по всихь странахь хърватске и словинске землѥ unter den Crobaten u. Windischen Volk, всим крстꙗном и людемь словенскога ꙗзика, хощемо говорити словинскимь (глаг. словѣнскимь) ꙗзикомь... ва овомь нашемь словѣнскомь или хърватскомь ꙗзику... кои словѣнскимь или хърватскимь ꙗзикомь говоре... Ви предраги добри крьстьꙗни Хрьватѣ знаите, да ѥсмо с тимь нашимь тумаченьѥм всимь словенскога ꙗзика людемь служити хотели, напрьво вамь Хрьватомь и Далматіномь, потомь такаише Бошньакомь, Безьꙗкомь, Србьломь и Булгаромь... коѥ Хрьвате, Дльматині (глаг. Далматини) и други Словинци (глаг. Словенци) и Краньци говоре (Нови Тештамент) и пр. Срв. ниже.

да словенскаго (sclavonice ad decus patriae gentisque Sclavoniae): такія же евангелія издалъ позже (1651) загребскій епископъ Петръ Петретичъ, и замѣтилъ, что эти евангелія издаются „истинымъ словенскимъ загребскимъ словомъ", какъ они употребляются „церковью загребскою словенскою", и предназначаются для церквей „словенскаго орсага" (т. е. всей Славоніи), чтобъ священники ихъ читали народу по примѣру угорскихъ, нѣмецкихъ, чешскихъ и краньскихъ. Словарь этого кайкавскаго „словенскаго" языка издалъ іезуитъ Юрій Хабделичъ изъ Турополя: Dictionar ili reči slovenske (1670), для учащеся молодежи horvatskoga i slovenskoga naroda: кромѣ того Хабделичъ издалъ букварь—Syllabus vocabulorum in illyricam sive Croatis et Slavonibus vernaculam conversorum, и нѣсколько богословскихъ книгъ на „словенскомъ нашемъ языкѣ", для всѣхъ христіанъ „словенскаго и хорватскаго народа."

Нѣкоторые писатели Хорватіи XVII в. не придерживались однако исключительно этого кайкавскаго „словенскаго языка" Загреба, Вараждина, Крижевцевъ и пр., а употребляли особый языкъ, съ большею или меньшею примѣсью нарѣчій чакавскаго и штокавскаго. Такъ Юрій Раткай, загребскій каноникъ, уроженецъ Загорья, въ своемъ переводѣ книги іезуита Ламормена о добродѣтеляхъ императора Фердинанда (krala ugerskoga, českoga, dalmatinskoga, hervatskoga, slovinskoga) na slovinski jezik (1640), изданной для „Словинцевъ", употребляетъ što и kaj, и *и*-каетъ (Slovinci, človik). Петръ Зринскій, уроженецъ крижевецкой жупаніи, въ хорватскомъ (hàrvacki naš jezik, переводѣ угорскаго эпоса своего брата Николая (Adrianskoga mora Sirena 1660), пишетъ ča и što (а не kaj), *и*-каетъ и *е*-каетъ и пр. Павелъ Витезовичъ изъ приморской Хорватіи, въ своихъ „херватскихъ" или „хорватскихъ" сочиненіяхъ (Oddiljenje Sigetsko 1684, Kronika aliti spomen vsega světa vikov 1696, и др.), тоже пишетъ što и ča, e, ě, i [1]).

---

[1]) О языкѣ Зринскаго см. изслѣдованіе Ягича въ журналѣ Književnik III. 336. Критическое изданіе хорватскихъ сочиненій Витезовича очень желательно.

Только съ конца XVII и съ начала XVIII в. названіе „хорватскій" стало замѣнять прежнее „словенскій", и съ тѣхъ поръ языкъ „хорватскій" (horvatski, по угорскому horvat, вмѣсто hàrvatski, hèrvatski, hrvatski) стало означать кайкавское нарѣчіе въ западной Хорватіи. Съ начала иногда еще соединяли оба названія slovensko-horvatski, horvatski iliti slovenski jezik, но потомъ осталось одно horvatski [1]). Изрѣдка даже вновь пріобрѣтенная и съ Хорватіею соединенная „Славонія" (бывшая Slavonia inferior), въ которой „Славонцы" говорили не по-*кай*кавски а по *што*кавски, называлась въ „Хорватіи" не этимъ латинскимъ, а еще старымъ названіемъ „naš horvatski i slovenski orsag."

Названія „Словипе, Словинцы", „словинская земля", „языкъ словинскій", (Sclavi, Slavi, Slavini, Slavonia, lingua slavonica, slava), съ древнѣйшихъ временъ относились тоже ко всей южной приморской Хорватіи, т. е. къ Истріи, Приморью, Далмаціи, отъ части и къ Боснѣ и къ Сербіи [2]). „Словинскій языкъ"—обыкновенное названіе языка далматинскихъ (и дубровницкихъ), отъ части и приморско-хорватскихъ и босенскихъ писателей XVI—XIX вѣковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ „Словипе, Словинцы, словинскій языкъ" употребляется, равнымъ образомъ какъ у Словенцевъ и у сѣверныхъ Хорватовъ (кайкавскихъ), тоже во смыслѣ всѣхъ Славянъ. Этотъ „словинскій" языкъ назывался тоже „хорватскимъ" (hàrvacki, hèrvacki, hrvatski, хрватски, хрвацки),

---

[1]) Въ 1701-омъ г. приходскіе священники Междумурья говорятъ, что тамъ lingua unice croatica seu sclavonica sit matrix et vulgaris.—Словенцы и сѣверные Хорваты произносили названіе Хръвать (Хрьвать, Хьрват)—Херват, Харват; у южныхъ Хорватовь писалось Hàrvat, Hèrvat, но произносилось Hrvat (Хрват); срв. ниже слова Микалы. О названіи Хорватъ см. Archiv f. slav. Philologie VII. 625.

[2]) „Ecclesia Sclavoniae" была одна изъ патаренскихъ церквей — црьква босаньска Rački Bogumili i Patareni, 81). Въ дубровницкихъ латин. статутахъ и грамотахъ Sclavonia, Sclavi, Slavi = Сербія и вообще сербскія земли (Босна, Холмъ), Сербы. Францисканецъ Бернардинъ Сплѣтянинъ называется (1518) инквизиторомъ per totam Sclavoniae provinciam, а раньше (1495) in provincia Dalmatiae ac partibus Hungariae, Croatiae, Bosnae, Albaniae, Serviae, Rassiae et Bulgariae.

„далматскимъ (далматинскимъ)“, „дубровницкимъ (дубровачкимъ)“, „босенскимъ.“ Протестантскіе дѣятели и писатели изъ Хорватовъ, Антонъ Далматинъ и Стефанъ Истріянинъ (уроженецъ Блъзета въ Истріи), называютъ языкъ своихъ „слови глаголскими (хрватскими) и цируличкими“ и латиницею печатаемыхъ книгъ не только „словенскимъ, словѣнскимъ, словинскимъ“, а тоже „хорватскимъ“ (харвацки, хърватски, хрьватски, хрватски) [1]).

„Хорватскій“ языкъ статутовъ, грамотъ и пр. истріянскихъ, приморскихъ и далматинскихъ Хорватовъ (разводъ истріянскій, статуты винодольскій, керцкій, веприпацкій, каставскій и др. писанные глаголицею, статутъ полицкій, писанный босенско-хорватскою кирилицею или буквицею, романъ объ Александрѣ Великомъ, хорватская хроника и др.), „хорватскій“ языкъ протестантскихъ книгъ Антона Далматина и Стефана Истріянина, печатавшихъ ихъ глаголицею, кирилицею и латиницею; „хорватскій“ языкъ католическихъ богослововъ Марнавича, Главинича, Ситовича Любушкаго, Бановца, Бернарда Павловича, Косты; „хорватскій“ языкъ далматинскихъ поэтовъ XVI в., Марулича изъ Сплѣта, Зоранича изъ Нина, Хекторовича и Луцича изъ Хвара, Марнавича изъ Шибеника, Налешковича („гордость и слава хорватскаго языка“) и Златарича изъ Дубровника — въ сущности тотъ же самый „словинскій“ языкъ другихъ далматинскихъ поэтовъ XVI—XIX вв., Ветранича, Бараковича, Гундулича, Пальмотича, Минчетича, Канавеловича, Джорджича, Качича, Ферича и др.; тотъ же самый „словинскій“ языкъ далматинскихъ и босенскихъ теологовъ, Бернардина, Зборовчича, Будинича, Бандуловича, Кашича, Дивковича, Посиловича, Раднича, Маргитича и др., писавшихъ латиницею и босенскою кирилицею. Названія „хорватскій“ и „словинскій“ языкъ означали собственно одно и тоже, и не обусловливались извѣстными особенностями югославянскихъ нарѣчій (*ча* и *што*, *шта*, *и* и *ѣ*). Такъ на пр. языкъ (*ча*, *и*) евангелій и епистолъ Бернардина Сплѣтянина (1495, 1543, 1586)

---

[1]) См. выше, стр. 261.

называется въ 1 изданіи dalmatica, illyrica, въ 2 изд. slovinski (slouignschi), въ 3 изд. hrvatski [1]). Подобно тому языкъ (*што*, *и*, *ѣ*) такихъ евангелій и епистолъ разныхъ изданій называется „словинскимъ" (въ изд. Бандуловича 1613 г. въ Венеціи, въ изд. венеціянскомъ 1739, дубровницкомъ 1784 и др.), и даже „дубровачкимъ" (въ изд. Варо. Кашича въ Римѣ 1641 г.). „Хорватскій" языкъ Сплѣтлянина Марулича XVI в., и „словинскій" языкъ Задрянина Бараковича и Брачанина Иванишевича XVII в. — *ча*-кавщина и *и*кавщина; Марулича же восхваляютъ Хекторовичъ и Бараковичъ, что онъ поднялъ и украсилъ „словинскій языкъ." Въ „хорватскомъ" языкѣ Хварянина Луцича—*что* (тоже *ча*), *и*, въ „хорватскомъ" языкѣ Дубровчанина Д. Златарича *што*, *ѣ*, какъ и въ „словинскомъ" языкѣ его современниковъ и соотечественниковъ XVI — XVII вѣковъ. Задрянинъ Заноттн (1687) называетъ свой „словинскій" языкъ (*што*, *и*) языкомъ „всѣхъ насъ Хорватовъ." „Словинскій" („словинскій - босенскій", „хорватскій", „босенскій") языкъ Босняковъ — штокавская *ѣ*-или *и*-кавщина. По этому извѣстная славянская набережная въ Венеціи — riva dei Schiavoni, называлась иногда и riva od Hàrvatov.

Съ XV вѣка въ Италіи и въ Далмаціи и вообще на славянскомъ югѣ прежняя lingua slava, slavonica slavinica стала называться, по древнему Иллирику и его жителямъ Иллирамъ, Иллирикамъ, считаемымъ Славянами, lingua illyrica, и такъ переводилось по-латыни языкъ „словинскій" и „хорватскій." По этому латинскому названію, съ XVII в., стали употреблять названіе „языкъ илиричкій" тоже въ славянскихъ книгахъ, печатаемыхъ латиницею и босенскою кириллицею, во смыслѣ „словинскаго, хорватскаго"; такъ на пр. босенскіе францисканцы называютъ свой языкъ „илиричкн алити словински", „илирички алити босански." Въ XVIII в. въ „Славоніи" (между нижнею Дравою и Савою) тамошніе католическіе писатели стали свой языкъ (*што*-кавскій, и *ѣ*-и *и*-кавскій, т. е. тотъ же самый словинскій, илиричкій, хор-

---

[1]) Новое изд. въ Загребѣ 1885: Lekcionarij Bernardina Splječanina.

ватскій, далматинскій, босенскій) называть „славонскимъ", „славонскимъ или иличкимъ" (Рельковичъ, Канижличъ, Ланосовичъ и др.); Катанчичъ назвалъ языкъ своего перевода библіи „slavno-illyrički izgovora bosanskog" (т. е. *и*-кавскаго).

Но этотъ языкъ „словинскій, иличкій, хорватскій, далматинскій, босенскій, славонскій" былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „сербскій" (въ XVIII в православные Сербы назывались тоже „Илиры"), писаный кирилицею, на которомъ Дубровчане и другіе Далматинцы изъ давна сносились съ сосѣдними сербскими князьями, называя его и кириловское письмо тоже „словинскимъ" [1]).

Значеніе разныхъ этихъ названій: языкъ „словенскій, словинскій, славонскій", „иличкій", „хорватскій", „босенскій" и пр. часто обусловливалось тоже субъективными взглядами авторовъ на употребляемый ими языкъ. Такъ „словенскій" (кайкавскій) языкъ Трубера и Крепа, Врамца и Петретича, Хабделича, представляетъ извѣстную лингвистическую групу: этотъ „словенскій" языкъ отличается отъ языка „словинскаго" (иличкаго, хорватскаго, босенскаго, славонскаго, *ча* и *што*, *ѣ*, *е*, *и*) приморскихъ, далматинскихъ, босенскихъ писателей. „Словинскій" языкъ Дубровчанина Джорджича и „славонскій" языкъ Славонца Рельковича въ сущности одинъ и тотъ же; „хорватскій" языкъ Сплѣтянина Марулича (1521 г., *ча*, *и*) очень мало отличается отъ „хорватскаго" языка Дубровчанина Златарича, 1597 г. (*што*, *ѣ*), или отъ „хорватскаго" языка (*што*, *и*) Босняка Филиповича (1704 г., Босне, Ерцеговине, Харвата и свега славнога словинскога народа и езика харватскога), и Далматинца Бановца (1759 года), который писалъ hàrvaskim jezikom općenskoga govorenja za vas, Hàrvaćani i Slovinjane. Всѣ эти виды „хорватскаго" языка отличаются уже больше отъ „хорватскаго" языка Зрин-

---

[1]) О разныхъ этихъ названіяхъ (вопросѣ на славянскомъ югѣ очень важномъ) и нарѣчіяхъ см. изслѣдованія Ягича въ книжкѣ Jihoslované и въ загреб. журналѣ Književnik I. (Naš pravopis, Iz prošlosti hrvatskoga jezika), Даничича въ бѣлград. Гласникѣ IX (Разлике између језика србскога и хрватскога), Любича Ogledalo književne povjesti jugoslav. II, 337—355. Срв тоже Šafařík: Geschichte der südslav. Literatur Kukuljević: Bibliografija hrvatska.

скаго и Витезовича, и отъ кайкавскаго „хорватскаго" языка XVIII-аго вѣка.

Названіе „словинскій" языкъ употреблялось у Хорватовъ (въ обширномъ смыслѣ) еще въ другомъ значеніи, именно церковнаго „словинскаго" (прежде „словѣнскаго") языка, который раздавался въ церквахъ русской, болгарской, сербской и отъ части и въ хорватской, и который по-латыни назывался тоже lingua slavica, slavonica, позже illyrica. На этотъ церковный „словинскій" языкъ въ Хорватіи сильно повліялъ народный языкъ хорватскій, да самъ церковный языкъ хорватской церкви тоже назывался „хорватскимъ" „Хрвацки" языкъ въ глаголическихъ мисалѣ Кожичича (1531) и часословѣ Брозича (1561) не тотъ „общени и разумни хрватски - хрвацки" языкъ въ книгахъ (печатанныхъ глаголицею, кириллицею и латиницею, 1561—1564) хорватскихъ протестантовъ, или „хрвацки" языкъ поэмъ Луцича (1556). „Словинскій" языкъ Азбуквидпѣка (букваря) „Хервацанина" (Хорвата) Рафаила Левановича (1629) есть церковный словинскій (позже тоже: словенскій, славенскій, латин. lingua slavonica, illyrica), и, разумѣется, отличается отъ „словинскаго" (босенскаго, илиричкаго) языка современныхъ Посиловича и Гундулича. Называя церковный и народный свой языкъ „словинскимъ" и „хорватскимъ", Хорваты не входили во всѣ филологическія подробности и тонкости [1]).

Югославянскіе граматики называютъ обработываемый ими языкъ словинскимъ, латин. illyrica lingua (Будиничъ 1597, Касичъ 1604, Джаманичъ 1639), хорватскимъ (хорватскіе протестанты Далматинъ и Истріянинъ въ Abecedarium 1561 г. „словми глаголскими и цируличскими"), хорватскимъ, латин. тоже illyrica lingua (Витезовичъ ок. 1700 г., Боснякъ Ситовичъ-Любушкій 1713), славонскимъ (Рельковичъ 1767, Лапосовичъ 1778). Но подъ „словинскимъ, хорватскимъ, илирскимъ" языкомъ подразумѣвался тоже церковный языкъ; подъ „хорватскимъ" въ XVIII в.— кайкавскій хорватскій (прежній словенскій); подъ „илиричкимъ" въ XVIII в.— славено-сербскій.

---

[1]) См. ниже главу: Судьбы словѣнскаго языка у Славянъ.

Подобно тому и югославянскіе лексикографы называютъ свой языкъ разнообразно. Далматинецъ Фаустъ *Вранчичъ* изъ Шибеника, позже епископъ въ Чанадѣ въ южной Угріи, называетъ свой родной языкъ „далматинскимъ" (Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae, Venetiis 1595); но онъ подъ „Далмаціею" подразумѣваетъ не одну только приморскую полосу, а всѣ земли между моремъ адріатическимъ, Дравою, Дунаемъ и Македоніею и Ѳракіею, Далмацію, Хорватію, Боснію, Славонію, Сербію и Болгарію. На другомъ мѣстѣ [1]) Вранчичъ называетъ этотъ языкъ тоже „словиньскимъ, Словиньцевъ", замѣчая, что языкъ далматинскій, хорватскій, сербскій или босенскій—всѣ они одинъ языкъ. Этотъ „далматинскій" языкъ Вранчича — *и*-кавскій словинскій: vríme, ŕika (но встрѣчается тоже vera, verovati): quid-ča, što; svaki, žedja, dug, otac, jazik, oral (aquila). uzdàržal, и пр. Вранчичъ, зная тоже угорскій языкъ, замѣтилъ, что много словъ въ этомъ языкѣ „далматинскаго" происхожденія, и помѣстилъ въ словарѣ vocabula dalmatica, quae Ungari sibi usurparunt, на пр. pobratin (!) — baratom, čeljad—cheled, gusar—huszar, mesar—meszaros, svet—szent, šišak—sisak, и пр.

Далматинскій іезуитъ Яковъ *Микаля* издалъ Blago jezika slovinskoga—Thesaurus linguae illyricae (Laureti 1649), т. е. словарь штокавщины по большей части *ѣ*-кавской (vjera, čovjek), хотя приводятся тоже формы *и*-кавскія (vira, človik), такъ какъ у словинскихъ писателей встрѣчаются и такія формы. Микаля пишетъ smart, smert, smrt, хотя онъ замѣчаетъ, что говорится не smart—smert, а smrt (что́ онъ однако пишетъ smrrit); Srbljin (Srribglin)—Servianus, Harvat, Horvat, Hervat, Hrvat (Hrrivat)—Croata, Illyricus, и пр.; онъ пишетъ oral, orao, oro (aquila), но всегда pao, bio; otac, jezik, dug, medja (meghja, а не meja), što (scto) и ča (cja)—quid, и пр. Микаля знаетъ, что на славянскомъ югѣ есть разныя областныя слова, которыя не повсюду понимаютъ, и что въ языкахъ словинскомъ, латинскомъ, греческомъ, угорскомъ, есть одинаковыя слова, т. е. онъ говоритъ о словахъ обще-

[1]) См. стр. 227.

арійскихъ (вино) и заимствованныхъ (hiljada изъ греч.). Въ концѣ XVII вѣка Задрянинъ каноникъ Иванъ *Занотти* (Танцлингеръ) составилъ словарь трехъ языковъ (italiano, illirico e latino, рукоп.) для hàrvatskoj slovinskoj mladosti; его „словинскій" или „хорватскій" языкъ — *што*кавщина *и*кавская. Занотти хорошо зналъ разнообразіе югославянскихъ нарѣчій (jezikova ili govorenja) по городамъ: каждый говоритъ-де по своему и восхваляетъ свой языкъ, такъ что хотя мы всѣ Хорваты, но не всякое слово понимаемъ другъ у друга.

Словарь *ѣ*-кавской *што*кавщины (илиричкаго языка) составилъ итальянскій іезуитъ *Деллабелла* (Ardelio Dellabella), проживавшій въ Дубровникѣ и Сплѣтѣ и изучившій здѣсь основательно словинскій языкъ (Dizionario italiano-latino-illirico, Venezia 1728, съ краткою граматикою, 2 изд. въ Дубровникѣ 1785). Сѣверохорватскіе лексикографы, уроженцы кайкавской Хорватіи, паулинецъ Иванъ *Белостенецъ* († 1675) и іезуитъ Андрей *Ямбрешичъ* (Croata Zagoriensis), подразумѣвали подъ названіемъ илирскаго языка всѣ нарѣчія Далмаціи, Славоніи и Хорватіи. Белостенецъ, желая познакомиться съ разными этими нарѣчіями, путешествовалъ по всей „Илиріи", т. е. въ Далмаціи, Хорватіи, Славоніи, Истріи и по островамъ; онъ хорошо отличаетъ слова „хорватскія" (сѣверныя) отъ далматинскихъ и славонскихъ. Его словарь Gazophylacium seu latino-illyricorum onomatum aerarium изданъ по его смерти (въ Загребѣ 1740) на пользу славнаго народа илирскаго (inclytae nationis illyricae). Ямбрешичъ въ своемъ словарѣ (Lexicon latinum interpretatione illyrica etc. et Index illyrico-sive croatico-latinus, Zagrabiae 1742) не отличаетъ „хорватскихъ" словъ отъ „илирскихъ", считая Илирами (Illyri, natio illyrica) Хорватовъ, Далматинцевъ и Славонцевъ; „croatice" у него generali vocabulo illyrice seu slavonice"; онъ замѣчаетъ, что Илиры многія слова произносятъ разнообразно, на пр. vera-vira-vjera, posao-posal, mladenac-mladenec, verhovac — verhovec, mnogi-vnogi, što-kaj[1]).

---

[1]) Словарь Ямбрешича отъ части даже энциклопедическій; такъ на пр. въ немъ обширно описывается Illyricum — veliko slovensko

Южные Славяне, вынужденные писать свой языкъ латиницею, долго боролись съ *правописаніемъ*, не зная, какъ передать латинскимъ письмомъ звуки ч (č). ћ (ć, собственно tj), ђ (dj), љ (ль, lj), њ (нь, nj), ш (š), ж (ž). Словенцы, Труберъ, Креллъ, Бохоричъ, Далматинъ, руководились нѣмецкимъ правописаніемъ (z—zh, s sh, ſ—ſh, т. е. ц—ч, с—ш, з—ж). Въ приморскихъ адріатическихъ странахъ на „словинское" правописаніе повліяло итальянское, и по этому тѣ югославянскіе звуки передавались черезъ c, ch, ç, gj, gl, gn, sc, x: на сѣверѣ, въ Хорватіи и въ Славоніи, образовалось тоже особое правописаніе, отъ части подъ вліяніемъ угорскаго, и являются cs, ch, dy, ly, ny. s—sh. x (а ц=cz, с=sz), и пр. По этому безобразному правописанію Darxich значитъ Dàržić (Držić), Maxibradich—Mažibradić, Bogascinovich – Bogašinović, Cheskovich—Ćešković, Jellachich—Jelačić и пр.: слова: hàrvatski jazik (хàрватски јазик). ljubav (љубав), želja (жеља), učinjen (учињен), šteta (штета), bože naš (боже наш)—пишутся: harvatschi yazich, gljubav - lyubav, xeglia—sgeglia—xelya, vcignien, sctetta. boxe nasc и пр. По этому довольно трудно было опредѣлить „nauk za pisati dobro latinskima slovima rieči jezika slovinskoga, kojim se Dubrovčani i sva Dalmacia kako vlastitim svojiem jezikom služe", какъ озаглавилъ Раимундъ Джаманичъ свою ороографію (1639). Одинъ только Симонъ Будиничъ въ своемъ „словиньскомъ" (slovignski) переводѣ катихизиса Канизія (Римъ 1583) употребилъ, несомнѣнно по примѣру чешскаго перевода этого катихизиса, буквы č и ž: но это нововведеніе не привилось, да самъ Будиничъ употребляетъ эти буквы только въ этомъ одномъ своемъ сочиненіи [1]).

---

carstvo kraljevstvo... horvatsko. dalmatinsko, bosansko, bogarsko, serblinsko. slovensko; lingua slavica alias illyrica раздается и въ другихъ странахъ на сѣверѣ и востокѣ, и пр.

[1]) Вотъ на пр. заглавія первыхъ изданій книгъ Марулича и Г. Луцича: Libar Marca Marula Splichianina u kom se usdarsi Istoria sfeto vdouice Judit u versih haruacchi slosena, chacho ona vbi voivodu Olopherna posridu voische gnegoue, i oslobodi puch israelsch i od velicho pogibili (v Bnecih 1521); Sciadanya izvarsnich pisan raz-

Кромѣ общей латиницы, Хорваты, начиная отъ Истріи и Дравы почти до Дубровника, со временъ апостоловъ Константина и Меѳодія, употребляли письмо „словѣнское, словинское (славенское)“ или, какъ оно позже называлось, „хорватское“, приписываемое въ древнѣйшія времена св. Константину, а съ XIII в. бл. Іерониму. Только со второй половины XVI в., именно со временъ хорватскихъ протестантовъ, это письмо стало называться глаголическимъ, „глаголицею“, въ противоположность кириловскому, „кирилицѣ.“ Славянское глаголическое письмо Хорваты употребляли не только въ церковномъ своемъ „словинскомъ“ языкѣ, а тоже въ литературѣ свѣтской, и писали имъ грамоты, статуты, лѣтописи, романы, и др. Случалось, что памятники списывались и печатались разнымъ письмомъ; такъ на пр. около половины XVI вѣка старая хроника діоклейскаго попа списана

---

licich poctovanoga gospodina Hanibala Lucia, vlastelina Hvarschoga, choye cini stampati u Bnecich sin gnegov Antoni 1556. Дубровчанинъ Доминко Златаричъ (Slatarich) издалъ въ Венеціи (1597 г.) свои сочиненія is vechie tugich iesika u harvackij isloxene, въ томъ числѣ и Электру Софокла, которую, Garkignu, сдѣлалъ Harvachku. Дубровчанинъ Игн. Джорджичь хорошо сознавалъ все неудобство такого правописанія: издавая свою поэму Uzdasi Mandaljene pokornice (въ Венеціи 1728), онъ между прочимъ замѣчаетъ: Mi Adrianski Primorzi alli Slovinzi od Dalmazie, nejmamo stavna i osobita fakona od uredno-pisagna alliti ortografie: er pisejuchi mi tughjem, tojes latinskjem slovima, kojeh vlas svaki od nas uesudi jednako, kako tkomu na um dohodi, i boglje vidise, fbiramo i rafreghivamo ta slova po rjeciech. Много примѣровъ см. у Шафарика Geschichte der südslav. Literatur (библіографія), у Кукулевича Acta Croatica, гдѣ можно сравнить правописаніе хорват. грамотъ писанныхъ глаголицею, кирилицею и латиницею. Срв. тоже у Миклошича Monumenta Serbica (стр. 279) грамоту Иваниша кнеза цетинскаго 1416 г., списанную въ XVI в. латиницею съ кириловскаго подлинника. На оборотъ лекціонарій Бернардина Сплѣтянина (1495) списанъ, нѣсколько лѣтъ спустя, кирилицею (рукоп. въ Липскѣ). Попытки, сдѣланныя въ первой половинѣ XIX в., писать болгарскій языкъ греческимъ письмомъ, не могли имѣть успѣха; срв. статью Миклошича въ вѣнскихъ Denkschriften, Bd. 34.

съ „хорватскаго“ письма (harvackim pismom) латиницею; словинская книга Симона Будинича Ispravnik za ierei (1582) издана Леваковичемъ „писмени глаголскими“ (1635) [1]).

Въ Далмаціи знали тоже кирилицу, письмо „сербское“ (србско, сарско); это письмо употребляли съ древнѣйшихъ временъ далматинскія общины, преимущественно Дубровникъ, въ сношеніяхъ съ сосѣдними сербскими государями Сербіи, Босніи, Холма, Зеты, съ Болгаріею, а потомъ и съ Турціею и съ турецкими властями (сербскими потурицами) въ сербскихъ странахъ; съ другой стороны и султаны и босенскіе потурицы и христіане сносились на томъ же самомъ сербскомъ или словинскомъ языкѣ и письмѣ и съ Дубровникомъ, съ Венеціею и съ венеціянскими властями Далмаціи, и съ хорватскими пограничными начальниками. Въ далматинскихъ общинахъ были особые „канжелиеры и драгоманы сарпскіе“ для листовъ србскихъ (сарскихъ), на сарскомъ языкѣ (interprete, cancellier della lettera schiava et serviana). Это сербское письмо, этотъ сербскій языкъ грамотъ былъ, конечно, и назывался тоже „словинскимъ“ (idioma sclavum, littera sclava); послѣднее названіе предпочитали въ строго католическомъ Дубровникѣ и другихъ общинахъ, такъ какъ съ словомъ „Сербъ, сербскій“ часто соединяли понятіе человѣка православнаго и церковнаго языка словѣнско-сербскаго. Кирилицу употребляли католики Босны и Холма (Герцеговины), съ древнѣйшихъ временъ до XIX-аго вѣка; ею писали босенскія францисканцы, усердные мисіонеры католицизма среди православныхъ и патаренскихъ Сербовъ и Болгаръ; ею писали и сербскіе потурицы, которые и послѣ принятія ислама не перестали говорить и писать на своемъ родномъ сербскомъ языкѣ. Изъ сербскихъ странъ, именно изъ Босны, кирилица распространилась и къ Хорватамъ Далмаціи, Приморья и Славоніи: она дѣлалась здѣсь болѣе извѣстною по мѣрѣ переселенія Сербовъ (Ускоковъ, Влаховъ) въ хорватскія страны. Кирилицу знали и употребляли Хорваты

---

[1]) См. I томъ, стр. 205. Глаголица была извѣстна тоже босенскимъ патаренамъ; см. Starine III. 10, XIV. 23.

въ Сплѣтѣ и на островахъ (уже въ XII — XIII вв.), въ приморской Лукѣ, и особенно въ далматинскихъ Полицахъ, и писали сю грамоты и письма, статуты и лѣтописи, романы (на пр. романъ о царѣ Александрѣ Великомъ, списанный „по сарбском єзику"), и даже богословскія статьи. Босняки и Хорваты съ начала придерживались историческаго правописанія (ѣ, ꙗ, ѥ, ю, одинъ ь), но со временемъ они уклонились отъ этой старины и стали употреблять болѣе фонетическое правописаніе. Босенскіе фратры, употребляя кирилицу, пишучи „словинским (босанским) иезиком сарпскиеми слови", придали нѣкоторымъ буквамъ этой своей кирилицы другой видъ, не только въ скорописи, а тоже въ книгахъ печатаемыхъ съ XVI в. въ Венеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ историческое правописаніе замѣнялось фонетическимъ: *ь* обыкновенно не писался, а вмѣсто ꙗ, ѥ, ю, вводилась іотація посредствомъ *и* (иезик, коиа, лиубити) или *ь* (ѣа, ѣавити) или ћ (кћнига, краћл т. е. knjiga, kralj): послѣдняя буква была знакомъ для звуковъ ћ (tj, ć) и ђ (dj, произносимое часто какъ j: medja-meja [1]). Эта босенско-хорватская „католическая" кирилица называлась, по обыкновенному заглавію букваря „буквица за дистцу", тоже „буквицею"; она и съ новымъ правописаніемъ распространилась тоже къ Хорватамъ, и такъ писали тоже босенскіе потурицы; православные же Сербы писали такъ рѣдко, придерживаясь болѣе своего старинпаго письма и своего историческаго правописанія. Книги напечатанныя буквицею перепечатывались иногда и латиницею, какъ на пр. сочиненія босенскихъ фратровъ Дивковича, Посиловича, Маргитича. На оборотъ, буквицею перепечатывались и списывались другія словинскія сочиненія; такъ на пр. книга Дубровчанина Орбини Zarcalo duhovno (1614) издана позже и буквицею (Огледало духовно.., прищампана у слова словинска, 1628): босенскій францисканецъ Михаилъ Радничъ, издавшій въ 1683-мъ г. двѣ книги на словинскомъ языкѣ латиницею, списалъ еще раньше (1676) поэму Пальмотича „Кристіада" босенскою кирилицею (in lingua illirica

[1]) Одинъ только босенскій фраторъ Стефанъ Матіевичъ напечаталъ книгу не босенскою, а сербско-русскою кирилицею; см. ниже стр. 276.

e carattere serviano); печатная Kronika Павла Витезовича (1696) списана буквицею „Словинскога илити илиричскога народа лини и угодни разговор, и од земле илиричке, од ники рата и боисва кои су били по словински држава“, и пр. [1]).

Босенскіе францисканцы разстались съ своею буквицею только во второй половинѣ XVIII в., и послѣдняя книга „сложена у слова и иезик словински“—это 4 изданіе книги Маргитича „Изповиед карстианска“, напечатанное въ Венеціи въ 1788 г. Когда же нѣсколько лѣтъ спустя (1799) францисканецъ Радмановичъ хотѣлъ издать эту книгу вновь, то вынужденъ былъ печатать латиницею „u slova latinska“ — что ему доставило много труда — а не по прежнему „u cirilianska slova“, такъ какъ „ova štampa u Mleci pomanjkala“ (этой печати въ Венеціи недоставало). Буквицею писали въ Боснѣ еще въ началѣ XIX вѣка [2]).

---

[1]) Срв. сборники Миклошича (Monumenta Serbica), Пуцича (Споменици србски), Кукулевича (Acta Croatica), Starine izd. jugoslav. akad. XIII. 197 (кирилов. грамота хорват. XII—XIII вв.), Starine X, XI, XII, Гласник XXXIII. 142, Србско-далматински Магазин (1848, 1851, 1860, 1861 и др.), Slavische Bibliothek II. 291, Вука Караджича Примјери српско-славенскога језика (разныя сербско-хорватскія кирилов. письма XVI — XVIII вв.), Starine III. 203 (хорват. Александреида), Arkiv za povjestnicu jugoslav. V (статутъ полицкій, замѣтки о разныхъ другихъ рукописяхъ кирилов.-хорват. и др.). Примѣры языка изъ рѣдкихъ книгъ босенскихъ францисканцевъ см. въ Arkiv za povjestnicu jugoslav. IX. 65, Archiv für slav. Philologie VII. 416, и др.

[2]) См. Стояковича: Исторія восточно-славенскогъ богослуженія и кириллскогъ кньижества кодъ Славена западне цркве (Нови-Садъ 1847), стр. 113 — 133, Шафарика Geschichte der serb. Literatur p. 287 — 294, и Юкича Bosanski prijatelj I. 25. Стояковичъ относитъ первую книгу, напечатанную буквицею (Дивковича), къ 1565-ому году, въ чемъ Юкичъ сомнѣвается. Въ изданіи этой книги Дивковича 1611 г. сохраненъ въ концѣ словъ ь („Наукь карстиански... за народь нуока словинскога у прави иезикь босански“), котораго въ изд. 1698 г. уже нѣтъ. „Живот св. Катарине“ Дивковича издалъ Гладиличъ въ Венеціи 1709 г. латиницею (Život sv. Katarine složen u versi slovima slovinskoga jazika a prinešen slovima latinskima u isti ja-

Хорватскіе католики, зная босенскую кирилицу и кириловскія церковныя книги Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ, обращали въ своихъ граматикахъ и букваряхъ вниманіе тоже на кирилицу. Такъ Будиничъ, въ своей граматикѣ словинскаго языка (Brevis instructio ad condiscendum characterem serbicum et linguam illyricam, Venetiis 1597), помѣстилъ и письмо сербское; Леваковичъ, въ своемъ глаголическомъ букварѣ (Азбукивиднѣк словинскиј, Римъ 1629), помѣстилъ тоже „сербскую азбуку" св. Кирилла (azbukividarium servianum D. Cyrilli) и молитву „Богородице дѣво радуй се" глаголицею, кирилицею и латиницею; Матвѣй Караманъ, въ „Букварѣ славенскомъ" (Римъ 1753), приводитъ все глаголицею (писмены б. Иеронима Стридонскаго) и кирилицею (писмены преподобнаго Кvрілла Славяномъ епископа); Іосифъ Джурини, въ своей граматикѣ латинско-илиричко-итальянской для „slavnoj slovinskoj mladosti" (въ Венеціи 1793), помѣстилъ тоже азбуки глаголическую и кириловскую.

Кирилица въ обоихъ своихъ видахъ, сербскомъ и босенско-хорватскомъ, считалась у югославянскихъ католиковъ Босны, Далмаціи и Хорватіи, и въ Римѣ, важнымъ орудіемъ католической пропаганды среди православныхъ Славянъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Католическое югославянское духовенство предполагало, что издаваемыя имъ католическія кириловскія книги на „словинскомъ" языкѣ распространятся и къ православнымъ Славянамъ. Въ Римѣ издалъ въ 1583-омъ г. католическій священникъ Симонъ *Будиничъ* изъ Задра свой словинскій переводъ катихизиса Канизія не только латиницею, но тоже сербскою кирилицею: „Сумма тω ıестъ скупленніє илы сабраніє наука христіанскωга... коє изь влашкωга илы латинскωга ıзика у словинскы ıзикъ протумачіо ıесть попь Шимунь Будинєо Задранинъ."

---

zik). Еще въ 1815-омъ г. босенскій францисканецъ Милетичъ, издавая катихизисъ латиницею, сожалѣетъ о томъ, что пропало и бро шено старое собственное письмо нашего словинскаго языка (stara vlastita slova našeg iliričkog aliti slovinskog jezika se izgubila i zabacila).

Будиничъ не употребилъ здѣсь чистаго словинскаго языка, какъ это дѣлали босенскіе францисканцы, а старался, на сколько онъ могъ, приблизиться къ словѣнско-сербскому языку тогдашнихъ печатныхъ церковныхъ книгъ, что ему однако не особенно удалось. Въ книгѣ Будинича встрѣчаются обыкновенные тогда въ церковныхъ книгахъ надстрочные знаки, употребляются *ѣ* и з, *ы* (часто неправильно, по способу Сербовъ и Болгаръ: илы, церквы), іотируется ѥ, ꙗ, ю, и пр. [1]). Другую книгу на чистомъ словинскомъ языкѣ сербскою кирилицею, издалъ въ Римѣ въ 1630-омъ г., въ типографіи пропаганды, босенскій фратеръ Стефанъ *Матіевичъ*: „Исповѥдаѡникъ сабранъ из православнѥх научителꙗ, по П. Ѡ. мещру Иерониму Панормитану, принесен у ѥзик босански трудом П. Ѡ. Ф. Стѥпана Матиѥвића Солинꙗнина.“ Книга назначалась „боголюбнѥм карстꙗном (т. е. католикамъ), кои се находе у државн босанской... народу нашему словинскому словинскѥмь ѥзиком“; но Матіевичъ имѣлъ вѣроятно въ виду и пропаганду католицизма среди православныхъ Словинъ-Сербовъ; онъ употребилъ даже рѣдкое у католиковъ слово „православный“ въ значеніи „правовѣрный“: онъ, хотя босенскій фратеръ, не соблюдаетъ правописанія босенскаго, а пишетъ ꙗ, ѥ, ю, даже ъ (въ словѣ: сабранъ) [2]).

Босенскіе францисканцы, печатая свои словинскія книги въ Венеціи своею босенскою кирилицею или буквицею, имѣли въ виду не только своихъ „карстянъ“ (католиковъ), но и „хри-

---

[1]) О Будиничѣ см. тоже выше, стр. 270. Экземпляры этого Катихизиса хранятся и въ русскихъ земляхъ, во Львовѣ (срв. Я. Головацкій: Библіографическія находки во Львовѣ, Приложеніе къ XXII т. Записокъ Импер. Академіи наукъ, 1873), и въ Импер. Академіи наукъ.

[2]) Кирилица въ книгѣ Матіевича по всей вѣроятности кирилица хорватскихъ протестантовъ, которая изъ Ураха и Тюбингена перенесена въ Градецъ (въ Штиріи) и подарена потомъ (1621 г.) императоромъ Фердинандомъ II римской пропагандѣ. Срв. Добровскаго Glagolitica, и статью Кукулевича о Фр. Главиничѣ (Književnici u Hrvatah, 118—119).

стянъ“ (православныхъ). Уже въ календарѣ 1571-го г. въ числѣ разныхъ молитвъ находится и молитва „оче нашь“ въ двухъ версіяхъ, одна болѣе на западный ладъ („одь зла“), другая на восточный („одь лукаваго“). Еще въ началѣ XVIII-аго в. босенскій францисканецъ Стефанъ *Маргитичъ* издавалъ буквицею свои набожныя книжки для своихъ Босняковъ, которые „не уму щити (читать) кѣнига ни слова латински“, и по этому не могутъ читать книгъ на языкѣ „босенскомъ“, по печатанныхъ „латинскими словами“; между тѣмъ—замѣчаетъ Маргитичъ — „наши слова“ (т. е. кирилица-буквица) знаютъ не только въ Босніи и Герцеговинѣ, а тоже въ Далмаціи, Угріи и во многихъ другихъ мѣстахъ. Эта буквица показалась и католику Болгарину Карсту *Пеикичу* (изъ болгарскаго Чипровца), канонику печуйскому въ Угріи, столь важнымъ орудіемъ католической пропаганды, что онъ напечаталъ буквицею на словинскомъ языкѣ книгу историко-полемическаго содержанія „Зарцало истине мед царкве источне и западне“ (въ Венеціи 1716, позже въ 1725 г. тоже по-латыни Speculum veritatis). Въ посвященіи кардиналамъ пропаганды Пеикичъ указываетъ на то, что о восточной греческой церкви никто еще не написалъ книги на словинскомъ языкѣ и письмѣ (illyrico caractere ac idiomate). Восточную церковь слѣдовало бы называть скорѣе словинскою (славянскою-illyra), чѣмъ греческою, ибо она распространена во многихъ странахъ славянскаго языка, въ Ѳракіи, Болгаріи, Сербіи, Босніи (за исключеніемъ немногихъ магометанъ и католиковъ), отъ части въ Македоніи, въ Албаніи, Срѣмѣ, Славоніи, Хорватіи, Далмаціи, Угріи; дальше въ Московіи, въ Руси бѣлой и червоной, въ „Козакіи“ и Польшѣ. Ни у Славянъ восточной церкви ни у Славянъ римско-католическихъ нѣтъ до тѣхъ поръ книги о раздвоеніи церкви на народномъ языкѣ и письмѣ. По этому авторъ взялся за такой трудъ, и написалъ, конечно съ католической точки зрѣнія, эту книгу для своихъ братьевъ Илировъ (Славянъ) восточной и западной церкви, прося у читателей снисхожденія относительно недостатковъ въ языкѣ. Онъ желаетъ, чтобъ „карстиане“ (католики) и „християне“ (православные) не презирали другъ друга, а говорили съ собою сладко и мирно, такъ какъ съ гордостью

единства быть не можетъ, но желаетъ, чтобъ „придрага братиа христиане“ соединились съ карстианами [1]).

Практическіе іезуиты тоже не забыли о важности кирилицы въ видахъ католической пропаганды среди православныхъ Славянъ, не только Сербовъ и Болгаръ, но и Русскихъ. Когда польскіе іезуиты въ началѣ XVII-аго в. засѣли въ Москвѣ, то они, по порученію Лжедимитрія и посредствомъ стараго ихъ товарища бывавшаго въ Москвѣ еще при Иванѣ Грозномъ Поссевина, искали въ Италіи славянскія церковныя книги, именно библію (in lingua schiavona). Поссевинъ отыскивалъ такія книги и увѣщевалъ великаго герцога тосканскаго, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ, чтобъ онъ взялся тоже за печатаніе русскихъ книгъ въ пользу распространенія католицизма въ московской Руси; уже-де во время папы Григорія XIII печатались книги на языкѣ сербскомъ (in lingua serviana), но русская печать отличается-де отъ сербской. Словѣнской библіи Поссевинъ не нашелъ, а только бревіарій (часословъ), евангелія и епистолы и малый катяхизисъ на далматинскомъ языкѣ [2]).

---

[1]) Объ этой книгѣ сказалъ православный Сербъ Павелъ Соларичъ: „Чудно, да што е Іисусъ чрезъ апостоле человѣколюбно сапіо (сшилъ), овыхъ велемудріи преемници нису нигда престали своеобичливо керпежити (кропать) и дерати (драть) народе, единородную братію развратьати и разбратьати.“

[2]) Письмо Поссевина в. герцогу отъ 10 іюля 1605 г. см. у Ciampi: Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio (Firenze 1827, p. 49) Польскіе іезуиты и Поссевинъ, какъ видно, мало смыслили въ славянской письменности; искать въ 1605 г. словѣнскую библію значитъ не знать о существованіи православныхъ церковныхъ книгъ русско-словѣнскихъ печати краковской, виленской, московской, острожской (полной библіи), львовской, книгъ сербско-словѣнскихъ, особенно печати венеціянской, и болгарско-волошско-словѣнскихъ; а сербская печать вовсе не отличается отъ русской; протестантскихъ книгъ кириловскихъ іезуиты могли совсѣмъ незнать. Католическія книги напечатанныя кирилицею не существовали, кромѣ календаря (1571) и словинскаго катихизиса Будинича (1583), а глаголическихъ книгъ іезуиты искать для Руси не могли. Латиницею напечатанныхъ церковныхъ книгъ на хорватскомъ, далматин-

Въ концѣ XVII-аго в. угорскіе іезуиты, получивъ буквицу отъ угорскаго архіепископа-примаса Колонича, стали печатать, для угорскихъ Сербовъ и Русскихъ, въ угорской Тернавѣ, католическія церковныя книги на языкѣ словинскомъ или, какъ тогда уже говорили, „славинскомъ" (т. е. словинскомъ, иллиричкомъ, хорватскомъ), буквицею, рядомъ съ такими же книгами латиницею. Такъ они издали римскій катихизисъ Канизія „Кратка азбуквица и кратак керстянски католичански наук сложен у славински иезик, притискан по милости... кардинала Колонића острогонскога арцибискупа" (1695, 1696), и „Букварь изика славенска" (1699) [1].

Югославянскіе писатели, употреблявшіе латиницу, часто сознавали все неудобство ея для передачи славянскихъ звуковъ и преимущество славянской азбуки. Словенцы Креллъ и Бохоричъ сожалѣютъ о томъ, что нельзя имъ уже писать старымъ и красивымъ и болѣе удобнымъ письмомъ славянскимъ, кирилицею и глаголицею. Хорватъ Витезовичъ замѣчаетъ (въ Хроникѣ свѣта), что настоящее письмо славянское, употребляемое старыми Хорватами, впало въ забвеніе; латинская же азбука недостаточна za izreći svaku reč jezika slovinskoga; по этому каждый пишетъ по своей волѣ и безъ правилъ. Витезовичъ употребилъ кирилицу, рядомъ съ латиницею, въ своемъ хорватскомъ панегирикѣ русскому царю Петру. Недостаточность латинской азбуки сознавалъ тоже лексикографъ Далматинецъ Микаля, и онъ предлагалъ ввести въ латинско-словинскую азбуку кириловское *ж*. Наконецъ и босенскіе францисканцы, привыкшіе къ своей кирилицѣ, все издавали ею свои книги для тѣхъ, которые „не умиу штити књига ни слова латински", и неохотно разставались съ этими старыми „сербскими" письменами „нашего словинскаго язы-

---

скомъ или словинскомъ языкѣ было тогда немного: евангелія и епистолы Бернардина Сплѣтянина (1495, 1543, 1586), римскіе катихизисы Будинича (1582) и Комуловича (1582); бревіарій — вѣроятно одно изъ изданій Бернардина.

[1]) Такой же цѣли должны были тогда служить и чешскія книги, о чемъ см. стр. 59.

ка" [1]). Право, казалось, всѣ эти южные Славяне какъ бы сознавали всю истину словъ болгарскаго черноризца Храбра (X вѣка), повторяемыхъ потомъ часто у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ (въ азбуковникахъ): „Словѣне не имѣхѫ книгъ, римьскыми и грьчьскыми письмены нѫждаахѫ сѧ писати словѣньскѫ рѣчь безъ устроения: како можеть сѧ писати добрѣ грьчьскыми (и римьскыми) письмены: животъ, црьковь, чаание, широта, ıазыкъ? Свѧтыи Костантинъ философъ нарицаемыи Кирилъ Словѣномъ письмена сътвори, ова по чину грьчьскыхъ письменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи, и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его. Такъ разумъ богъ есть далъ Словѣномъ" [2]).

Славянское (словѣнское, словенское, словинское, словянское, славенское, славинское) письмо всѣ Славяне, въ томъ числѣ и Хорваты, всегда приписывали своему просвѣтителю Константину-Кириллу и его брату Меѳодію. Но Хорваты, зная нерасположеніе римской куріи и латинскаго духовенства къ обоимъ славянскимъ апостоламъ, приверженцамъ восточной церкви и виновникамъ словѣнскаго богослуженія, стали, съ XIII вѣка,

---

[1]) Глаголица и кириллица, не смотря на свое преимущество въ сравненіи съ латиницею, все таки не всегда могла передать всѣ звуки югославянскихъ нарѣчій. За неимѣніемъ j трудно было передать на пр. слова jисти, jош; звуки ћ и ђ передавались только посредствомъ одного ћ или кь и гь (оцькина, мегю), а въ глаголицѣ ћ (ć) передается тоже посредствомъ щ (Щурил т. е. Ћурил подлѣ Курил, Леваковищ Херващанин т. е. Леваковић Херваћанин); такъ какъ ђ (dj) у приморскихъ Хорватовъ произносилось какъ j (меjа-међа), то знакъ ђ въ глаголицѣ употреблялся тоже какъ j, на пр. словинскиђ (т. е. словинскиj), равнымъ образомъ какъ и въ босенской кирилицѣ ћ замѣняетъ j (краћл т. е. krajl, kralj). Въ глаголицѣ ѣ значитъ ѣ и я (волѣ твоѣ т. е. волıа твоıа). См. выше стр. 271 слова Джорджича.

[2]) Статью Храбра издали, по болгарской рукописи, Калайдовичъ (Іоаннъ экзархъ болгар.), Шафарикъ (Památky písemnictví Jihoslov.), В. Караджичъ (Примjери), по сербской — Дучичъ (Гласник LVI. 94); по русскимъ рукописямъ—Сахаровъ (Азбуковникъ, въ Сказаніяхъ русскаго народа II. 138). На Руси сохранилось нѣсколько рукописей этой статьи; она здѣсь и напечатана въ букваряхъ.

приписывать свой видъ „словѣнскаго, словенскаго, словинскаго" письма (такъ назыв. глаголицу) и свое словинское богослуженіе учителю римской церкви Іерониму, уроженцу Илирика. Такимъ образомъ у Славянъ и въ Римѣ установилось мнѣніе, что такъ назыв. „кирилица" изобрѣтена Константиномъ-Кирилломъ, а „глаголица"—Іеронимомъ. Но и послѣднее мнѣніе не осталось неоспариваемымъ. Далматинецъ Климентъ *Грубишичъ* (In originem et historiam alphabeti slavonici glagolitici disquisitio, 1766) старался доказать, что глаголица древнѣе кирилицы и существовала раньше Іеронима; это письмо языческаго происхожденія и его родина Фригія, гдѣ жили-де Славяне. Грубишичъ видѣлъ даже въ названіяхъ славянскихъ письменъ какой-то особый смыслъ, объясняя ихъ: Азъ богъ Видъ (Свантовитъ!) глаголю: добро есть живѣти зѣло земли, и како люди мыслити ны о покой; рци слово твердо укъ [1]).

Раздробленіе Словинъ (Хорватовъ и Сербовъ), политическое, культурное, церковное, недостатокъ одного центра духовной жизни, поддерживало разнообразіе нарѣчій и говоровъ; по-

---

[1]) Вопросъ о словѣнскомъ письмѣ рѣшался до недавна односторонне, и такъ называемая „глаголица" считалась какимъ-то особымъ письмомъ, отдѣлялась отъ „кирилицы" и отъ своего прототипа, греческаго письма. Изъ разныхъ мнѣній самымъ вѣроятнымъ считаемъ мнѣніе, изложенное обширно у Ягича: Четыре критико-палеограф. статьи (Петербургъ 1884). Срв. томъ I стр. 205. Старшую литературу см. у Рачкаго: Slovjensko pismo (Zagreb 1861). Хорваты, считая съ XIII в. Іеронима изобрѣтателемъ своего письма, не могли избѣжать противорѣчій. Такъ въ глаголическихъ службахъ свв. Курилу (Ћурилу) и Метудію XIV в. (изд. Месичемъ, Берчичемъ, Черничемъ) говорится объ изобрѣтеніи „словинскаго письма" и о переводѣ книгъ св. Кирилломъ, называются оба брата „учитела книги словенскиe, словиньские", но вмѣстѣ съ тѣмъ говорится тоже, что „блажени Еронимь оть земле Штридонне Далмацин близь Паноннн... школи грчьскои и латѣнскои и словѣньскои монстарь бѣ." (Starine XIV. 220). Въ хорват. житіи св. Іеронима (XVI в.) говорится: Jerolim je naš Dalmatin, on je dika, poštenje i slava i svitla kruna hrvatskoga jezika (Starine I. 230); а Хорватъ Главиничъ (1628) называетъ его dika slovinskoga jezika.

нятно, что жители разныхъ областей и городовъ утверждали, что ихъ парѣчіе лучше и чище остальныхъ. Все это затрудняло словинскихъ писателей, и они нерѣдко пускались въ разсужденія о словинскомъ, хорватскомъ, илиричкомъ, босенскомъ языкѣ, которыя не имѣли ничего общаго съ содержаніемъ ихъ книгъ (на пр. богословскихъ). По этому они нерѣдко оговариваются, что употребляютъ говоръ (говоренье) на пр. Сплѣта, Дубровника, Брача, Босны (Думна, Яйца, „језик словински, како се у Босни говори“), и пр. Іезуитъ Варѳ. *Кашичъ* (изъ острова Пага), хорошій знатокъ своего словинскаго языка, часто думалъ и разговаривалъ съ другими уроженцами разныхъ земель словинскихъ, какъ наилучше писать и говорить по-словински; Хорватъ, Далматинецъ, Боснякъ, Дубровчанинъ, Сербъ, каждый хвалитъ свою бесѣду, а словинскій писатель долженъ употреблять самый распространенный говоръ, но не укорять другихъ за ихъ провинціализмы; такъ поступилъ и Кашичъ, и пишучи по-босенски „послао сам“, онъ все таки не порицаетъ Далматинца, если онъ говоритъ „послал сам“, или Дубровчанина за „посло сам“; употребляя *што, шта*—онъ не запрещаетъ Далматинцу говорить *ча*. Босенскій францисканецъ Стефанъ *Маргитичъ* изъ Яйца, побывавшій въ разныхъ странахъ югославянскихъ, въ Боснѣ и Герцеговинѣ, въ Царьградѣ, Дрипополѣ, Скопльѣ, Косовѣ, въ Приморьѣ, Цетинѣ, за Савою, тоже замѣтилъ, что есть разные говоры „босенскаго“ или „иліричкаго“ языка, распространеннаго по разнымъ королевствамъ, какъ ни одинъ другой; можно по особенностямъ говора узнать Босняка, Герцеговца, Далматинца, Дубровчанина, Бодула (островитянина), Шокца (католика) и Аркаћа (Ркаћа, православнаго); иностранецъ съ трудомъ привыкаетъ къ нашему языку, а мы научимся ему въ короткое время въ какое бы королевство мы ни попали [1]).

Въ XVI в. Сплѣтяне гордились тѣмъ, что ихъ словинскій языкъ (парѣчіе) держитъ первенство въ Далмаціи, какъ тоскан-

---

[1]) Kašića Ritual rimski istomačen slovinski (1640), Маргитића Исповиед карстианска... сложено у језик босански алити илирички (1701 и чаще).

ское нарѣчіе въ Италіи. Это мнѣніе не лишено извѣстной доли справедливости, если вспомнить, что Сплѣтъ далъ много выдающихся словинскихъ (хорватскихъ, илирскихъ) писателей, въ томъ числѣ и первыхъ писателей на хорватскомъ языкѣ, фратра Бернардина и Марулича. Еще около 1700-го года въ Сплѣтѣ возникло ученое или литературное общество „Academia illyrica" или „академія словинская", съ цѣлью образовать словинскій языкъ, на которомъ — по мнѣнію основателя академіи, сплѣтскаго властелина Ивана Марки—говорили всего лучше именно въ Сплѣтѣ (najizvrsnije slovinske beside izgovaraju se). Основатель и духовенство сплѣтское (crkve metropolitane i prvostolne od Dalmacije i sve zemlje hrvatske) надѣялись, что изданіе духовныхъ книгъ на словинскомъ языкѣ способствуетъ не только образованію этого языка, а тоже распространенію католической вѣры въ восточныхъ и сѣверныхъ странахъ Европы [1]). Сплѣтянъ однако опередили Дубровчане; слава многочисленныхъ словинскихъ поэтовъ дубровницкихъ распространилась по всему славянскому югу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ихъ нарѣчіе [2]). Деллабелла считаетъ дубровницкое нарѣчіе, по поводу его совершенства и благозвучія (per la eccellenza e dolcezza delle sue locuzioni), первымъ и сравниваетъ его съ атическимъ нарѣчіемъ среди остальныхъ греческихъ. Такое же мнѣніе защищаетъ неизвѣстный Дубровчанинъ (Besjede krstjanske, 1762), избравшій языкъ и выговоръ дубровницкій не только какъ уроженецъ Дубровника, но и потому, что чистый дубровницкій языкъ есть изящный босенскій, между Словинцами самый благородный и по этому

---

[1]) О Сплѣтѣ см. Kukuljević: Marko Marulić i njegova doba (Stari pisci hrvatski I); Ljubić: Ogledalo knjižovne povjesti jugoslav. II. 341—349; Kukuljević: Bibliografija hrvatska, 91. Лука Терживичъ, монахъ полицкой области, издалъ въ 1704 г. набожную книжку нарѣчіемъ, kako se govori u državi splitskoj; Дубровчанинъ Павловичъ, издавая вновь эту книжку (1747), называетъ ея языкъ хорватскимъ (harvaski).

[2]) О Дубровникѣ см. м. пр. Пыпина Исторію славян. литературъ I. 176.

всѣмъ Словинамъ и угодный и милый — čisti dubrovački jezik jes isto uredjeni bosanski, medju Slovincijem najplemenitiji s toga svijem Slovinom i ugodan i mio. По этому нѣкоторые Дубровчане свой словинскій языкъ называли прямо „дубровачкимъ", на пр. Орбини (1614), Кашичъ (1641), Андріашевичъ (1664); издатель комедіи Tirena Марина Држича (1607, jezik dubrovački а на другомъ мѣстѣ slovinski). Но съ другой стороны на словинскій языкъ въ городахъ Далмаціи вліялъ тоже общеупотребительный тамъ итальянскій, искажая его; по этому Дубровчанинъ, поэтъ Юній Пальмотичъ, избралъ —по словамъ его біографа и соотечественника Стефана Градича—изящный говоръ босенскій [1]). Этотъ „босенскій" языкъ или скорѣе босенскій говоръ (южный ѣ-кавскій) съ его лексикальными и формальными особенностями, считалъ тоже лексикографъ Далматинецъ Микаля самымъ красивымъ нарѣчіемъ словинскаго языка, сравнивая его съ тосканскимъ или римскимъ нарѣчіемъ итальянскаго языка, и рекомендуя его всѣмъ словинскимъ писателямъ.

Названіе „словенскій, словинскій языкъ", которымъ „Словене, Словенцы" и „Словине, Словинцы" (Хорваты и Далматинцы) означали свой языкъ словенскій и хорватскій (босенскій, илирскій и пр.), сербскій и церковно-словѣнскій, и наконецъ и вообще славянскій, повело ихъ само собою къ сопоставленію и сравненію этого „словенскаго", „словинскаго языка" съ остальными языками „словенскими, словинскими" (славянскими). Сравнивая ихъ, югославянскіе писатели не входили въ строгія научныя разсужденія о различіяхъ славянскихъ языковъ или нарѣчій, а сознавали только какъ-бы инстинктивно и механически родство этихъ языковъ и нарѣчій, которые они случайно узнавали, въ сношеніяхъ съ другими Славянами. Словенскіе и хорватско-далматинско-босенскіе писатели въ значительной части были католическіе священники и монахи, и какъ такіе часто сносились съ представителями католическаго духовенства изъ Болгаръ, Че-

---

[1]) Біографія помѣщена въ первомъ изданіи „Кристіады" Пальмотича (въ Римѣ 1670).

ховъ, Поляковъ, Русскихъ (уніатовъ), не только на югѣ, въ странахъ подунайскихъ и балканскихъ, въ Римѣ, Лоретѣ (въ славянской колегіи), Венеціи и пр., но тоже и въ другихъ славянскихъ странахъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ. Такъ многіе босенскіе францисканцы побывали въ разныхъ странахъ балканскихъ, сербскихъ и болгарскихъ, хорватскіе глаголяши переселились изъ Сеня въ Прагу и въ Краковъ (въ „славянскіе“ монастыри), югославянскіе іезуиты побывали въ разныхъ славянскихъ странахъ; Сплѣтянинъ іезуитъ Александръ Комуловичъ въ концѣ XVI-го вѣка побывалъ въ многихъ югославянскихъ странахъ балканскихъ, въ Польшѣ и на Руси; хорватскіе монахи и священники, Леваковичъ, Крижаничъ, Главиничъ, были въ Польшѣ и на Руси, и пр. Знакомство хорватскаго духовенства глаголяшей съ русскимъ уніатскимъ повело даже къ практическимъ результатамъ относительно церковнаго языка „словѣнскаго, славенскаго“ въ литургическихъ глаголическихъ книгахъ хорватско-далматинской церкви. Знаніе разныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій распространялось у южныхъ Славянъ и другими путями, тѣмъ болѣе, что югославянскіе писатели, ученые и поэты, всегда живо интересовались своими сѣверными соплеменниками.

На славянскіе языки и народы обратили вниманіе тоже виновники реформаціи между Словенцами и Хорватами, Словенецъ Примусъ Труберъ и его помощники и сотрудники, Словенцы Севастіанъ Креллъ, Юрій Далматинъ, Адамъ Бохоричъ, Хорваты Антонъ Далматинъ и Стефанъ Консулъ Истріянинъ, и покровитель ихъ дѣятельности Іоаннъ баронъ Унгнадъ. Всѣ эти дѣятели протестантизма стали съ половины XVI в. печатать разныя церковныя книги въ Тюбингенѣ и Урахѣ (въ Виртенбергѣ), позже въ Люблянѣ, Регенсбургѣ, Витенбергѣ. Труберъ издавалъ свои словенскія книги (катихизисы, пѣсни, молитвы, псалтирь, Новый Завѣтъ и др., въ Тюбингенѣ 1550 — 1563) для Словенъ или Словенцевъ, какъ самъ говоритъ, для Краньцевъ, Корошцевъ (Хорутанъ), нижнихъ Штирійцевъ, Истріянъ и Безъяковъ; и лишній былъ упрекъ неизвѣстнаго его критика, что тотъ языкъ понимаютъ мало или совсѣмъ его не понимаютъ Словаки, Поляки,

Чехи, Моравяне, Русскіе, Москвитяне, Илиры, Хорваты; Труберъ не писалъ для этихъ народовъ, хотя онъ хорошо зналъ, что Словенцы понимаютъ хорватскій языкъ лучше, чѣмъ чешскій, польскій и лужицко-сербскій, и что Хорваты понимаютъ лучше по-словенски; но съ другой стороны онъ сознавалъ, что эти его словенскіе переводы для Хорватовъ не совсѣмъ удобны, а хорватскихъ словъ онъ къ своему словенскому языку примѣшивать не хотѣлъ. По этому Труберъ съ самаго начала отыскивалъ хорватскихъ помощниковъ, которые бы говорили хорошо „по-далматински и по-босенски", писали кирилицею и глаголицею, и перевели по его примѣру библію и другія нужныя книги тоже для Славянъ въ Турціи. Хорваты, Далматинцы, Босняки, Сербы и Болгаре пишутъ-де свой языкъ двоякимъ письмомъ, но не имѣютъ до сихъ поръ полной библіи, не имѣютъ и катихизиса, а должны пользоваться молитвенниками, часословами и служебниками; но языкъ этихъ давно переведенныхъ книгъ на столько теменъ и непонятенъ, что сами хорватскіе попы не понимаютъ многихъ словъ; а такихъ хорватскихъ поповъ глаголяшей зналъ Труберъ, такъ какъ они тогда, живя въ разныхъ мѣстахъ словенскихъ странъ, отправляли богослуженіе на словѣнско-хорватскомъ языкѣ по глаголическимъ книгамъ. Если же Хорваты—разсуждалъ Труберъ — получатъ такія же новыя книги, какія онъ самъ издавалъ для Словенцевъ, то царство Христово распространится и въ Турціи. Труберъ зналъ вообще довольно хорошо положеніе южныхъ Славянъ. Обращаясь, въ своемъ нѣмецкомъ предисловіи къ хорватскому переводу Новаго Завѣта (1562) обоихъ Хорватовъ А. Далматина и Стефана Истріянина, къ чешскому королю Максимиліану, Труберъ говоритъ, что христіане въ Сербіи, Болгаріи и отъ части въ Босніи греческой вѣры, и отправляютъ литургію на своемъ —какъ онъ думаетъ—народномъ сербскомъ и хорватскомъ языкѣ (in ihrer eigenen gemeinen syrfischen und crobatischen Sprach). Къ римской церкви принадлежатъ часть христіанъ Босніи, и другіе смежные народы, Хорваты, Далматинцы и Словенцы (die Windischen oder Sclaven). Храбрые и воинственные Хорваты сражаются съ Турками, и ихъ попы отправляютъ литургію на хорватскомъ языкѣ; Далматинцы очень объиталь-

явились (seynd halb Walchen т. е. Влахи); Словене называемые Безъяками (die Sclaven Bessiaken) имѣютъ нравы угорскіе и хорватскіе. Народъ верхнихъ словенскихъ странъ (т. е. въ восточной крайской землѣ) имѣетъ нравы Хорватовъ и Сербовъ, которые къ нимъ бѣжали изъ Турціи. Жители Краса, Горицы и Истріи живутъ одни по обычаямъ хорватскимъ, другіе по итальянскимъ. Жители земель крайской (западной), хорутанской и нижне-штирійской живутъ по нѣмецкимъ обычаямъ, но говорятъ по-словенски, а высшія и среднія сословія по-нѣмецки.

Помощникъ Трубера, Севастіанъ *Креллъ*, переводчикъ постиллы Шпангенберга (Postilla slovenska 1567, 1578), зналъ словенскій языкъ лучше, чѣмъ Труберъ, и не подчинялся столь рабски нѣмецкому языку; онъ зналъ „старое словенское письмо“, хорватское (глаголицу) и кириловское (staro slovensko, hervatsko ter čurilsko pismo), и приводитъ названія этихъ словенскихъ буквъ; онъ сожалѣлъ о томъ, что это красивое кириловское письмо (čurilsko lepo pismo), эти наши старыя словенскія буквы уже не употребляются, и что надо ихъ замѣнить общеупотребительными латинскими буквами, на сколько это возможно. Креллъ зналъ хорватскій языкъ, и писалъ рядомъ съ z и zh (ц, ч) тоже на хорватскій ладъ с и ch, да употреблялъ нѣкоторыя хорватскія формы вмѣсто словенскихъ: edan (вмѣсто eden), ljubezan (lübesan, вм. ljubezen), konac (konec), sarce, Paval, Petar, и пр.

Труберъ и Креллъ издали много церковныхъ книгъ, Новый Завѣтъ и др., но цѣлой библіи издать не успѣли. Полную словенскую библію издалъ, съ помощью Адама Бохорича, Юрій *Далматинъ* въ Витенбергѣ (1584); раньше, въ 1578-омъ г., онъ издалъ въ Люблянѣ пятикнижіе Моисея. Юрій Далматинъ предполагалъ, что эта словенская (sclavonische) библія распространится далеко по свѣту, такъ какъ языкъ словенскій (sclavonische, windische Sprach) употребляютъ тоже невѣрные Турки и „грозные и дикіе Москвитяне“ (die grausamen und wilden Moscoviten). Словенскій языкъ-де не запрятанъ въ какомъ-то углу, а на немъ, хотя раздѣленномъ на нѣсколько нарѣчій, говорятъ во многихъ и могущественныхъ государствахъ, не только въ земляхъ крайской и хорутанской, въ нижней Штиріи и Словенской маркѣ,

и въ сосѣднихъ странахъ, въ Хорватіи, Далмаціи и Истріи, но тоже Чехи, Поляки, Москвитяне, Русскіе, Босняки и „Валахи" (Сербы-Влахи), и большая часть народовъ подданныхъ Туркамъ, даже и при дворѣ султана. Словенскій языкъ — разсуждаетъ Далматинъ — понимаютъ остальные словенскіе (т. е. славянскіе) народы лучше, чѣмъ мы ихъ, именно по поводу ихъ труднаго и особеннаго произношенія и правописанія. Юрій Далматинъ разсчитывалъ на распространеніе словенской библіи у остальныхъ Славянъ, но надѣялся особенно, кромѣ своихъ Словенцевъ, на Безъяковъ, Хорватовъ и Далматинцевъ. По этому онъ въ своихъ двухъ изданіяхъ, въ пятикнижіи и въ библіи, въ концѣ помѣстилъ списокъ краньскихъ словъ для Хорватовъ и другихъ Словенцевъ (za Harvatov inu drugih Slovencov), и приводитъ эти слова krajnski, koroški, slovenski ali (oli) bezjački, hervacki (harvački), dalmatinski, istrianski, kraški; на пр.: šlahta (кр.-кор.), pleme (слов. или без.), rod (хорв., далм., истр., краш.), vas — selo, čast — slava, dika, rihtar—sudec, sudac, čisla—račun, broj, и пр.

По примѣру и побужденію Трубера, оба Хорвата, Антонъ Далматинъ и Стефанъ Истріянинъ Консулъ, съ помощью другихъ „добрихъ Хрьватовъ" (особенно Юрія Юричича), стали издавать такія же протестантскія книги (катихизисъ, конфесію, постилу, Новый Завѣтъ и др.) въ Нюрнбергѣ (1560), въ Тюбингенѣ и Урахѣ (1561—1564), и въ Регенсбургѣ (1568), печатая ихъ глаголицею, кириллицею и латиницею [1]). Книги переводились не на тогдашній церковный языкъ словѣнско-хорватскій или словѣнско-сербскій, а на чистый общеупотребительный и понятный хорватскій языкъ „в садашньи опщени и разумни хрьватски изикь". Переводчики пользовались „краинскими" книгами Трубера и разными книгами глаголическими и кириловскими сербской и русской печати; у нихъ была тоже чешская библія „ради нѣкоторыхъ старыхъ словенскихъ словъ (wegen etlicher alten windischen Wörter)", какъ замѣчаетъ Труберъ; чешскій языкъ зналъ какой-то священникъ Каспаръ изъ Винавы. Вообще дѣло переводовъ по-

[1]) Еще раньше (1555) издалъ въ Падовѣ Антонъ Сеннинъ хорватскую протестантскую книжку Razgovaranje moju papista i jednim luteranom. См. Starine, izd. jugoslav. akademija, XVII. 232.

вело какъ-то къ сравненію славянскихъ языковъ. Такъ на пр. въ послѣдствіи, уже послѣ изданія разныхъ такихъ книгъ, одинъ изъ выдающихся приверженцевъ реформаціи у Словенцевъ, земскій писарь краньскій Кломбнеръ, досталъ библіи польскую и чешскую, и сравнивалъ ихъ, вмѣстѣ съ Хорватомъ Звечичемъ, съ сдѣланными до тѣхъ поръ переводами; по ихъ мнѣнію если бы переводчики имѣли эти библіи въ рукахъ раньше, то достигли бы большихъ результатовъ; языкъ тѣхъ библій на половину-де хорватскій, и по большей части вполнѣ понятенъ; они искали нѣкоторыя трудныя слова, и нашли ихъ въ обѣихъ библіяхъ, и „преставили" ихъ потомъ въ хорватскую библію; никогда-де они не думали, что оба тѣ языка столь похожи другъ на друга, и что оба имѣютъ свою основу и происхожденіе въ хорватскомъ языкѣ.

Кирилица хорватскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Тюбингенѣ и Урахѣ, обыкновенная тогда сербская и русская (не босенская), правописаніе историческое. По этому пишется одинъ ь въ серединѣ и въ концѣ словъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ часто и не пишется („ни ѥра писмо повсуда поставили", что̀ въ глаголическихъ текстахъ правило): тльмаченѥ и тьлмачи, Хрьвати и Хьрвати, а рядомъ съ такими формами (съ ь) тоже—по примѣру писанныхъ латиницею harvacki, karstjane, sarce (т. е. hàrvacki-hrvacki)—харвацки, карстяне, милосардѥ; іотація производится посредствомъ ꙑ, ѥ, ю, при чемъ—по сѣверохорватскому произношенію ђ (dj) какъ j – пишется тоже: мею (т. е. меjу, међу), вниѥнь или вниѥн (т. е. вnjен, вnђен), погариѥнь или погариѥн (т. е. погарjен-pogàrjen, погрђен-pogrdjen); щ замѣняетъ, какъ часто въ глаголическихъ книгахъ, тоже ћ: опщени, стоѥщи, но тоже: напвеће, и пр. Хорватскіе переводчики употребляютъ *ча*, но вмѣстѣ съ тѣмъ тоже *что*, *што* (и *зач*, *зачто*), *и* и *е* (садашнѣга вримена беседе, нѣки-неки-ники), формы тльмаченѥ, тьлмаченѥ и тумаченѥ, дьлге и дуге, дьлжником и дужником, и пр. Надстрочные знаки надъ „цирулскими словми" выпустили какъ лишніе, „ких Русьяни и ѥдна бенетачка штампа токоѥ нимаю" [1]).

---

[1]) Было бы любопытно подробнѣе сравнить этотъ хорватскій языкъ книгъ глаголическихъ, кириловскихъ и латиницею напечатан-

Отъ хорватскихъ книгъ, особенно кириловскихъ, Труберъ. А. Далматинъ, Ст. Истріанинъ, и ихъ покровители и приверженцы, баронъ Унгнадъ и краньскіе чины, ожидали большихъ успѣховъ протестантизма среди всѣхъ южныхъ Славянъ до самаго Царьграда, и даже на Руси. Хорватскій (харвацки) языкъ кириловскаго катихизиса (1561) называютъ переводчики по-нѣмецки тоже „syruische Sprach“ (сербскимъ), между тѣмъ какъ глаголическій текстъ катихизиса переведенный на языкъ „Хрьватов“, по-нѣмецки: in der crobatischen Sprach. Хорватскій переводъ аугсбурской конфесіи (1562, 1563, глаголицею, кирилицею, латиницею) посвященъ „всимь крьстяномь вь Далмацин, вь Хрьватихь и ва всихь иниxь когакодире (какого бы ни было) словенскога изика странахь“. Новый Завѣтъ (кирил. и глагол. 1562—1563) долженъ былъ служить „всимь словенскога изика людемь, напрьво Хрьватомь и Далматіномь, потомь такаише Бошньакомь, Безьякомь, Србьломь и Булгаромь“. и по этому въ немъ употребляются „прирoсте, навадне (общеупотребительныя), разумне, опщене, всагданьне садашнѣга (нынѣшняго) вримена бесeде, коѥ Хрьвате, Дьлматини (Далматини) и други Словинци (Словенци) и Краньци (Краньци) наивеће ва ньихь говоренью говоре“. Переводя Новый Завѣтъ на языкъ „словѣнски или хьрватски“ въ пользу „всои хьрватскои земльи и тимь другимь кoi с тимь словѣнскимь илi хьрватскимь изикомь говоре“,

---

ныхъ. Такъ на пр. въ Новомъ Завѣтѣ, въ молитвѣ „Отче нашь“ въ кирил. „дьлге, дьлжникомь“, а въ глагол. „дуге, дужником“ (такъ и Вранчичъ въ своемъ словарѣ 1595 г. duge, dužnikom); протестанты пишутъ „хлиб нашь всагданьни“, Вранчичъ „kruh naš svagdanjni.“ Въ евангеліи Іоанна въ кирил. „вначѣлу (вначелу) бише слово... презь нѥга .. что“, а въ глагол. „искони (а дальше: у почелу) бише слово... без... што.“ Другіе примѣры см. у Копитара Grammatik p. 454—457. Помѣщенная въ словенской граматикѣ Бохорича 1584) молитва Отче нашь in lingua cyrillica подходитъ къ тексту протестантскихъ книгъ хорватскихъ, съ нѣкоторыми отклоненіями (iže вмѣсто ki, duge, dužnikom); lingua croatica болѣе словѣнско-хорватская, по примѣру этой молитвы въ мисалѣ 1528 г. или въ „иллирскомъ“ катихизисѣ А. Комуловича (1582): cesarastvo (у протест. kraljestvo, кралѣвство), dlgi-dlžnikom, od neprijazni (отъ зла).

переводчики воспользовались книгами Трубера, „кравскимь ꙗзикомь, кои ꙗзикъ, како ви знате, с хърватскимь ꙗзикомь много се склада, тако да ꙗедань хърватскога ꙗзика човѣкь у потребѣ море ꙗеднога Краньца разумети".

Хорватскіе переводы понравились, и глаголическія книги распространялись въ Хорватіи и въ Истріи; одинъ истріанскій священникъ назвалъ Далматина и Истріянина „другими Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые явили правду св. писанія въ нашей хорватской рѣчи". Хуже было съ кириловскими книгами, которыя какъ-то не расходились; только въ Боснѣ распространяли ихъ православные попы сербскихъ Ускоковъ, поселенныхъ въ Хорватіи, считая эти книги удавшимися и общепонятными. Конечно, подъ турецкимъ господствомъ было немного православныхъ Сербовъ и Болгаръ, которые интересовались бы предпріятіемъ хорватскихъ протестантовъ, и кромѣ того ихъ отталкивалъ необыкновенный языкъ тѣхъ книгъ, который отличался отъ словѣнско-сербскаго и словѣнско-болгарскаго языка церковныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Цетиньѣ, Венеціи, Бѣлградѣ, Милешевѣ, Скадрѣ, Терговищѣ, Брашовѣ и др. [1]). Латиницею издали Далматинъ и Истріянинъ только немного хорватскихъ книжекъ, въ томъ числѣ: Postila evangeliov u harvacki jazik iz latinskoga (u Ratisponi 1568), напечатанная глаголицею и кирилицею раньше (въ Тюбингенѣ 1562—1563); но библіи или частей библіи латиницею издать не успѣли, такъ что хорватскій готическою латиницею напечатанный переводъ евангелій и епистолъ, изданный для католиковъ Бернардиномъ Сплѣтяниномъ (1495, потомъ 1543, 1586), остался единственною тогда печатною книгою того рода. Знали-ли словенскіе и хорватскіе протестанты эти переводы, неизвѣстно.

Издавая кириловскія книги (слови цирулическими, цирулскими, цирулскими, ciruliza oder cirulische Sprach), хорватскіе протестанты думали не только о православныхъ Сербахъ и Болгарахъ, а тоже о Русскихъ. Въ своей „цируличкой" постилѣ (1563) они

[1]) Еще Караманъ въ своихъ Considerazioni (см. ниже) замѣчаетъ, что церковный письменный языкъ помѣшалъ распространенію реформаціи среди православныхъ Славянъ.

обращаются ко „всим добрим боголюбним в хърватскои, сърбскои, рускои и проч. земли кърстяномь“, между тѣмъ какъ глаголическій текстъ (хърватскими слови) постилы назначался только „всим добрим боголюбним словѣнским и хървацким кърстяном“. Вѣнскій книгопродавецъ Фрёлихъ потребовалъ отъ Унгнада (1561), чтобъ катихизисъ былъ изданъ кирилицею, которая распространена-де въ Литвѣ и Руси, Москвѣ, Молдавіи и Валахіи, Сербіи и Далмаціи, и въ Царьградѣ при дворѣ султана. Фрёлихъ ждалъ, хотя тщетно, изъ Литвы библіи (Скорины?) и другихъ книгъ „кириловскихъ“, о которыхъ онъ узналъ отъ Поляковъ. Ему предлагалъ свои услуги какой-то Сербъ Димитрій, который хотѣлъ отправиться въ Москву; также обѣщали ему помощь нѣкоторые шляхтичи изъ Литвы, между прочимъ и Радивилъ. Молодой Литвинъ Мельхіоръ Гедройць, который въ 1562-омъ г. учился въ Тюбингенѣ, увидавши кириловское письмо, пожелалъ напечатать здѣсь катихизисъ Лютера кирилицею въ 1000 экземпляровъ, по примѣру хорватскаго кириловскаго (1561). Неизвѣстно, что случилось дальше; но въ этомъ 1562-омъ г. въ русско-литовскомъ Несвижѣ Симонъ Будный напечаталъ катихизисъ Лютера на русскомъ языкѣ, и два года спустя жаловались православные Русскіе папскому легату Коммендони, прибывшему въ Белзъ, что ихъ церковь страдаетъ отъ распространенія въ русскихъ краяхъ еретическихъ катихизисовъ на „русскомъ“ языкѣ (т. е. кирилицею), недавно напечатанныхъ въ Виртенбергѣ [1]). Фрёлихъ послалъ кириловскія книги тоже въ „Дебрицъ“ (Дебрецинъ?), куда приходили-де торговцы Русскіе и Сербы, и дальше въ Семиградію, Молдавію, Валахію, Турцію; но книги не находили здѣсь сбыта. Всѣ эти планы о распространеніи протестантизма среди южныхъ Славянъ, именно среди Словенцевъ и Хорватовъ, скоро прекратились,

---

[1]) Письмо Коммендони въ сборникѣ Pamiętniki o dawnéj Polsce z czasów Zygmunta Augusta obejmujące listy Jana Franc. Commendoni do Karola Borromeusza (Wilno 1851, I. 201). Связь несвижскихъ русскихъ протестантскихъ книгъ съ виртенбергскими хорватскими слѣдовало бы еще выяснить; несвижская кирилица напоминаетъ тюбингенскую. О Будномъ см. выше, стр. 152.

и наступившая тамъ католическая контрреформація стерла всѣ слѣды протестантизма на славянскомъ югѣ, за исключеніемъ одной части угорскихъ Словенцевъ, которые остались протестантами [1]).

Современникъ и соотечественникъ Стефана Истріянина, Хорватъ Матвѣй Влачичъ Франковичъ (Flacius Illyricus), изъ Лабина (Albona) въ Истріи, одинъ изъ самыхъ выдающихся протестантско-лютеранскихъ теологовъ Германіи, дѣйствовалъ въ Витенбергѣ, конечно уже посредствомъ языковъ латинскаго и нѣмецкаго. Онъ тоже предлагалъ свои услуги Унгнаду, сносился съ чешскими братьями въ Чехіи (Моравіи) и въ Польшѣ, заявлялъ имъ—по словамъ современнаго Поляка Ласицкаго— свою благо-

---

[1]) О дѣятельности Трубера и др. см. Schnurrer: Slavischer Bücherdruck in Würtenberg (Tübingen 1799), Dobrovský: Slavin, Kopitar: Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten u. Steyermark (1808, p. 13, 389), Šafařík: Geschichte der südslav. Literatur I, II, Dimitz: Geschichte Krains II. 213, III. 183, Соколовъ А.: Зарожденіе литературы у Словинцевъ (Кіевъ 1878), Voigt: Briefwechsel des Hans Ungnad mit dem Herzog Albrecht von Preussen (Archiv für Kunde österreich. Geschicht-quellen XX.), Kostrenčić: Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestant. Literatur der Südslaven 1559—1565 (Wien 1874). Замѣтимъ, что эта дѣятельность югославянскихъ протестантовъ извѣстна была польскому историку протестанту, автору церковной исторіи славянской, Венгерскому (см. выше стр. 120). Библію Ю. Далматина „der Wenden in Illyria oder Sclavonen" зналъ лужицкій Сербъ Бирлингъ (1689); см. Časopis Macicy Serbskeje 1883, 121. Эту витенбергскую библію и люблянское пятикнижіе Ю. Далматина и вообще дѣятельность протестантскихъ Словенцевъ зналъ тоже другой лужицкій Сербъ, Авраамъ Френцель (см. выше стр. 21). Въ экземплярѣ словенскаго перевода евангелія св. Матвѣя (1555), труда П. Трубера, хранящемся въ вѣнской придворной библіотекѣ, были приплетены нѣкоторыя протестантскія статьи XVI в., чешскія (проповѣдь Гуса перевода Викторина Анкснина Скутечскаго, чешскій переводъ символа вѣры Я. Странѣнскаго) и польскія (М. Кровицкаго воззваніе къ протестантизму), и чешскій букварь 1547 г. (Kopitar's Grammatik 395). Кириллица и глаголица тюбингенская служила позже цѣлямъ римской пропаганды; см. выше стр. 276.

склонность, какъ происходящимъ тоже изъ славянскаго народа, и старался обратить ихъ къ партіи витенбергскихъ теологовъ [1]).

Стараніемъ Трубера, Крелла и Ю. Далматина у Словенцевъ была библія и другія церковныя книги. Переводчики, конечно, часто боролись съ языкомъ, до тѣхъ поръ необработаннымъ, и съ правописаніемъ. Труберъ, сдѣлавшій первую попытку писать на словенскомъ языкѣ, совершилъ этотъ свой трудъ не совсѣмъ удачно; употребляя правописаніе по нѣмецкому образцу, онъ не могъ, конечно, означить всѣ звуки словенскаго языка; онъ пишетъ s (с, з, slovo, semla), sh (ш, ж), zh (ч); находясь вообще подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, испортилъ словенскій языкъ многими германизмами и употребляетъ даже членъ по нѣмецкому der. Креллъ писалъ уже лучшимъ правописаніемъ, отличалъ s—ſ (з—с), sh—ſh (ж—ш), и писалъ c (ц) и ch (ч) рядомъ съ z и zh, и на лучшемъ языкѣ (stolmačena v pravi slovenski jezik). Юрій Далматинъ и его сподвижникъ и сотрудникъ при печатаніи цѣлой библіи (витенбергской) 1584 г., Адамъ Бохоричъ, директоръ люблянской гимназіи, приспособили къ словенскому языку болѣе удобное правописаніе [2]). Эти правила рѣчи и правописанія установилъ Адамъ

---

[1]) Ласицкаго исторія чешскихъ братьевъ (въ чешскомъ переводѣ изд. 1765 г. стр. 250). О сношеніяхъ Влачича съ чешскими братьями см. Гинделя (Ćasopis Ćesk. Musea 1856, p. 33, Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, p. 275). По словамъ Влачича (срв. Preger: M. Flacius u. seine Zeit, Erlangen 1859, I. 13) онъ родился въ Лабинѣ въ Истріи. Его современникъ Кломбнеръ, земскій писарь краньскій, пишетъ Унгнаду (1562—1563 гг.): Illyricus ist in Isterreich geboren, zwei Meilen von Mitterburg, ist Herrn Stefan Landtmann, kann guet khrobatisch, die glagula und tchurulikha. (Kostrenčić p. 72, 75, 184). Макушевъ (Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, стр. 27—29, 76), слѣдуя Червѣ и Стулли, называетъ Влачича Дубровчаниномъ, и приводитъ, изъ Червы, извѣстіе, что Влачичъ убѣждалъ Дубровчанъ принять протестантизмъ, но сенатъ дубровницкій сжегъ его сочиненія и запретилъ ему именоваться „Дубровчаниномъ“. Это извѣстіе вѣроятно недоразумѣніе, и „Дубровчанинъ“ здѣсь вѣроятно Illyricus, Словинецъ.

[2]) Образцы словенскаго языка и правописанія XVI—XVIII вв. см. въ граматикѣ Копитара.

Бохоричъ, и издалъ въ 1584-омъ г. въ Витенбергѣ первую граматику словенскаго языка, изъ которой можно-де узнать его родство съ остальными славянскими языками, московскимъ, русскимъ, польскимъ, лужицко-сербскимъ и хорватскимъ: Arcticae horulae succisivae, de latino-carniolana literatura, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot Cyrillicam et Glagoliticam et in his Rutenicam et Moshoviticam orthographiam continentes. На заглавной страницѣ находятся слова „всаки изикь спознати хоце бога" кириллицею и глаголицею, и тоже по-словенски. Книга посвящена благородной молодежи штирійской, хорутанской и краньской; книга способствуетъ-де прославленію славянскаго языка (slavonica, slavica lingua), который намъ общій съ многими другими народами. Подразумѣваю подъ славянскимъ именемъ (slavico nomine) не какой-то народъ, запрятанный въ темномъ мѣстѣ и заключенный въ извѣстныхъ тѣснѣйшихъ границахъ, а всѣхъ говорящихъ по-славянски людей [1]). Славяне—славные—были уже подъ Троею какъ Генеты, и Александръ македонскій пожаловалъ имъ особую грамоту. Нынѣ мы распространены почти по всему свѣту, на югѣ по адріатическому приморью, въ Африкѣ, Азіи и въ Европѣ въ турецкихъ странахъ; турецкіе янычары говорятъ на нашемъ языкѣ и пишутъ кириллицею; вообще нашъ языкъ затмилъ тамъ турецкій. На сѣверѣ живутъ Можи или Можовиты (Moshi, Moshovitae, sh=ж) т. е. можи (мужи), Русины или лучше Русскіе (Ruteni seu potius Russi) какъ бы „Разсѣянные" (Rossojeni, что взято изъ Герберштейна). Между заливами венетскимъ-балтійскимъ и венетскимъ-адріатическимъ живутъ Литовцы, Поляки (отъ: поле), Чехи-Боемы (бой), Моравяне (отъ рѣки Моравы), Поморяне (по морю), Лужичане или Венды по Лабѣ; князья мекленбургскіе и бранденбургскіе тоже князья Славянъ. Многія мѣстности

---

[1]) Бохоричъ, какъ и другіе Словенцы, употребляетъ имя Slavi, slavica lingua, то въ общемъ смыслѣ Славянъ, то въ тѣсномъ смыслѣ своихъ ближайшихъ Славянъ-Словенцевъ.

въ Германіи носятъ славянскія названія: Липскъ—липа, Хемницъ—камень, каменица, Дюбенъ—дубъ, Торгау - торгъ, Мисніа—можетъ быть отъ: мисни (! мѣстный, мѣстскій); вообще въ нѣмецкихъ странахъ жилъ нашъ народъ, а нынѣ они говорятъ по-нѣмецки, но происхожденіемъ они Славяне. На югѣ живутъ Валахи (Valachi), Рацы (Сербы) и Болгаре, Славяне въ подунайскихъ странахъ, и въ земляхъ штирійской, хорутанской и краньской, Истріи; для этихъ послѣднихъ Славянъ издали Труберъ и недавно Далматинъ церковныя книги и библію на языкѣ краньскомъ или правильнѣе словенскомъ-славянскомъ (carniolana vel rectius slavonica). Все это славянскіе народы, говорящіе по-славянски, люди одного языка (слова), хотя они въ произношеніи и письмѣ отличаются немножко другъ отъ друга; подобно тому, какъ Мишняне и Швабы, Нидерландцы и Саксонцы—всѣ Нѣмцы говорящіе на общемъ нѣмецкомъ языкѣ; да нарѣчія Славянъ отличаются другъ отъ друга меньше, чѣмъ мишенское и саксонское (т. е. вообще сѣверо-нѣмецкое). Этотъ распространенный славянскій языкъ многіе изучаютъ; и императоръ Карлъ IV совѣтовалъ нѣмецкимъ курфюрстамъ учиться по-славянски. Тотъ же самый императоръ зная, что Чехи происходятъ отъ Славянъ, усердно хлопоталъ о томъ, чтобъ въ Прагѣ построена была церковь посвященная св. Іерониму, нашему земляку; чтобъ сохранилась на всегда память о томъ, что Славяне и Чехи одинъ народъ—императоръ тоже пожелалъ, чтобъ въ той церкви славянскіе мужи совершали всегда богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Бохоричъ помѣстилъ въ своей граматикѣ нѣсколько таблицъ славянскаго письма, именно кирилицы, которую употребляютъ янычары при турецкомъ дворѣ, Босняки, Русскіе и Москвитяне, молитву „Отче нашъ" кирилицею по-хорватски, изъ книгъ хорватскихъ протестантовъ (кральество, хлиб всакданьи, дуге—дужником, отъ зла); дальше таблицу глаголицы, и молитву Господню глаголицею по хорватскимъ церковнымъ книгамъ (цесарство, хлѣбь всагдании, дльги—длжникомь, од неприѣзни). Въ таблицѣ краньскаго (словенскаго) правописанія Бохоричъ назвалъ буквы по примѣру словѣнскихъ: as, boga, ci, dobru, esti и пр. Употребляя для краньскаго языка латиницу, такъ какъ-де кирилица

и глаголица (antiqua literatura cyrillica et glagolitica) у Словенцевъ почти совсѣмъ пропала, онъ для звуковъ *ч*, *ш*, *ж* (эти буквы называетъ ruthenicae) не придумалъ особыхъ знаковъ, а означалъ ихъ, по примѣру Трубера и Крелла, прибавленіемъ *h* къ нѣмецкимъ *z* (ц), *ſ* (с), *s* (з)- *zh* (zhelu—челу), *ſh* (ſhala—шала), *sh* (shena—жена); онъ ввелъ тоже правильную j. Въ послѣдней таблицѣ помѣщена молитва „Отче нашъ" словенскимъ правописаніемъ, по-кириловски и по-хорватски, по-польски, по-чешски, по-лужицки, по-крапьски; съ кириловскимъ и хорватскимъ языкомъ согласны-де по большей части и русскій и московскій (rutenica et moshovitica); такимъ образомъ наглядно и легко можно видѣть родство всѣхъ шести или восьми нарѣчій и одно ихъ начало. Въ граматикѣ Бохоричъ сравниваетъ крапьско-словенскій языкъ изрѣдка съ хорватскимъ и далматинскимъ, изъ котораго крапьскій языкъ произошелъ какъ изъ источника (ex idiomate croatico et dalmatico ceu fontibus promanavit hoc nostrum); онъ справедливо отвергаетъ членъ, который вошелъ въ крапьскій языкъ въ слѣдствіе плохаго подражанія нѣмецкому языку, и замѣчаетъ, что въ хорватскомъ языкѣ его нѣтъ; онъ знаетъ, что Далматинцы и Босняки или Мизы приняли отъ Грековъ слово хиљад (тысяча), и пр. [1]).

Хорватско-далматинскій („словинскій") языкъ Бохоричъ, вмѣстѣ съ другими славянскими историками и филологами тѣхъ временъ, считалъ какъ-бы источникомъ другихъ славянскихъ языковъ, равнымъ образомъ какъ тогда хорватско-далматинскія („словинскія") страны считались прародиною Славянъ. При такомъ взглядѣ на хорватскій языкъ, словенскіе писатели не затруднялись принимать въ свой языкъ и хорватскія слова, какъ это сдѣлалъ уже Креллъ. Позже люблянскій епископъ Ѳома Кренъ, въ изданныхъ имъ евангеліяхъ и епистолахъ (1612), замѣнилъ нѣкоторыя нѣмецкія слова текста Юрія Далматина „хор-

---

[1]) О Бохоричѣ см. Димица Geschichte Krains, о его граматикѣ Добровскаго Slavin и Glagolitica (2. изд. стр. 13, 124 и 48) и Копитара Grammatik p. 37.

ватскими и далматинскими“. Такъ по крайней мѣрѣ полагалъ люблянскій каноникъ Іоаннъ Шенлебенъ, который издавая эту книгу второй разъ (1672), замѣнилъ эти хорватскія и далматинскія слова опять нѣмецкими, употребляемыми въ словенской рѣчи около Любляны. Шенлебенъ указываетъ и на нѣкоторыя отличія языковъ хорватскаго и краньскаго, и замѣчаетъ, что многія слова, которыя Хорваты и Далматинцы произносятъ правильно, Краньцы сокращаютъ; такъ на пр. слово prilhàl (pris̆al) Далматинецъ произноситъ какъ пишетъ, между тѣмъ какъ Кранецъ произноситъ его какъ-бы prlhl (prs̆l).

Словенскимъ и нѣкоторыми другими славянскими языками занимался во время Бохорича Іеронимъ *Мегизеръ*, Нѣмецъ по происхожденію, жившій въ австрійскихъ странахъ и между Словенцами. Уже въ своемъ выше упомянутомъ словарѣ четырехъ языковъ (Dictionarium quatuor linguarum, Graecii 1592), нѣмецкаго, латинскаго, итальянскаго и „илирскаго или словенскаго-славянскаго“ (illuricae quae vulgo sclavonica appellatur), онъ помѣстилъ слова словенскія, именно хорутанскія и краньскія, тоже нѣсколько хорватскихъ Въ обширномъ Thesaurus polyglottus (Francofurti 1603), въ числѣ многихъ языковъ, приводитъ слова „славянскаго или илирскаго языка — sclavonica seu illyrica lingua“ и его нарѣчія, перечисляя – по обычаю тогдашнихъ ученыхъ— много разныхъ народовъ и неславянскихъ, съ ихъ названіями у древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей; такъ на „далматскомъ“ нарѣчіи говорятъ-де не только Ragusaei (Дубровчане), Jaderenses (Задряне), Arbenses (Рабяне), Macedones, Servii vel Bosnenses, Bulgari seu Rascii, а тоже Epirotae, Moldavi, Mysii, Gepedes, Transylvani; на „хорватскомъ“—Istriani, Carsi (жители Краса), Jazyges (!), Illyrii; на „безъяцкомъ“ т. е. нарѣчіи Славянъ на границахъ Угріи—Carni, Carniolani, Japyges, Goritienses, Forojulienses, Carinthii, Cillenses (Зиляне или Целяне); на чешскомъ и Моравяне и часть Слезаковъ; нарѣчіе лужицкое; нарѣчіе польское у Подолянъ (!), Плесковичей (!); нарѣчіе „сарматское“; нарѣчіе литовское и у Ятвяговъ и Жмуди (Jaczvingeri, Samogitae); на „литовскомъ“ нарѣчіи Osnenses, Curi, Culmii (!); на „вандальскомъ“—Rugii, Cassubii; на „померанскомъ“—Obotritae seu

Mechelburgenses; нарѣчіе „прусское“; нар. „московитское“ (moscovitica)—Hamaxovii (!); нар. „русское“ (rhutenica)—Circassii (Черкесы или Черкасы?), Gazari (Козары).

Граматика Бохорича осталась на два столѣтія единственною граматикою словенскаго языка, и ею, хотя опальною книгою протестанта, пользовались преемники Бохорича. Въ 1715 издалъ ее капуцинъ Ипполитъ, но подъ своимъ именемъ, довольно небрежно. Тотъ же самый патеръ Ипполитъ составилъ и словарь: Dictionarium latino-germanico-sclavonicum (1711, рукоп.); въ немъ онъ, ссылаясь на Вальвазора, называетъ словенскій языкъ (idioma sclavonicum) однимъ изъ первобытныхъ языковъ, изъ котораго произошло 15 языковъ. На словенскомъ-славянскомъ языкѣ отправляется во многихъ мѣстахъ Илиріи, особенно въ Приморьѣ, богослуженіе уже со временъ св. Іеронима; а это обстоятельство дало однажды, на одномъ ученомъ диспутѣ въ Вѣнѣ, поводъ къ заключенію, что языкъ словенскій-славянскій или илирскій (lingua sclavonica, illyrica), на которомъ съ одобренія папской куріи отправляется литургія,—языкъ первобытный и совершенный.

Граматикою Бохорича воспользовался, хотя крайне неумѣло, августинецъ Маркъ *Похлинъ* (Krainerische Grammatik 1768, 1783). Въ ней и въ своемъ словенскомъ словарѣ (Glossarium slavicum, 1792) Похлинъ тоже дотронулся до славянской „филологіи“ и „исторіи“. Прародиною Славянъ—Илирія, откуда они распространились на сѣверъ въ Европу и въ Азію; они назвались по славѣ — „Славенцы“ (die Glorreichen), потомъ Saklawoni, Sklawoni—Feindewürger (заклати—заколоть!), Morawci—Bezwinger (морить!), Bojemi—die Fürchterlichen (бой), Pojlaki—Feldlägerer (поле), Pomurjani—Seevölker (море), Moshkowiti—Klopfmänner (мож т. е. мужъ, ковати!), Ressajeni—Zänker oder weit ausgebreitete (разсѣянные). Мѣстности, около которыхъ Славяне жили, носятъ названія по ихъ языку: Belegrad (Бѣлградъ), Zsargrad d. i. Kaisersburg (Царьградъ), Lipeza (Leipzig, Липскъ). Краньскій (словенскій) языкъ не такъ слабъ, какъ обыкновенно думаютъ; уважалъ его (т. е. вообще славянскій) Римъ, и императоръ Карлъ IV приказалъ нѣмецкимъ курфюрстамъ учиться илирскому языку. Илиры—Славяне, къ которымъ при-

надлежатъ тоже Краньцы, имѣютъ двоякое письмо, одно кириловское (chyruleza), изобрѣтенное св. Кирилломъ, котораго называли-де Римляне тоже „Ирилъ“ (т. е. Илиръ!), апостолъ Илировъ-Славянъ, а Славяне—Чарга (Zharha, по чешско-моравскому Црга!), а это послѣднее имѣетъ связь съ словомъ „черка“ (буква); ему помогалъ его братъ Меѳодій (Strahota, по чешскому Strachota). Другое „илирское“ письмо „глагольцу“ (die berufene oder der gelehrten Schrift) изобрѣлъ св. Іеронимъ. Но со временемъ оба эти письма у многихъ Славянъ вышли изъ употребленія: еще въ XVI в. печатались лютеранскія церковныя книги кирилицею. Похлинъ приводитъ обѣ азбуки и названія буквъ. Такимъ образомъ „филологизируетъ“ патеръ Маркъ, напоминая польскаго патера Дэмболэнцкаго, и только изрѣдка можно въ его хламѣ отыскать какое-нибудь зернышко; такъ на пр. онъ знаетъ, что моравскій городъ Austerlitz называется Slawkowje (т. е. Славковъ), что слово „кметъ“ у Поляковъ и у Чеховъ означаетъ папа (baro), и пр.

Гораздо лучшую словенскую граматику сочинилъ іезуитъ мисіонеръ Освальдъ *Гутсманнъ* (Windische Sprachlehre, 1777). Онъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто словенскій языкъ не нуженъ; онъ-де одинъ изъ многочисленныхъ языковъ славянскихъ, на которыхъ говоритъ большинство жителей Австріи, хотя онъ несчастная отрасль славянскаго языка, рѣчь простаго народа. О неуклюжемъ правописаніи у Славянъ употребляющихъ письмо латинское или нѣмецкое, авторъ замѣчаетъ, что тѣ Славяне перебиваются кое-какъ, между тѣмъ какъ „Илиры“ (т. е. Сербы) и Русскіе пишутъ своимъ письмомъ очень хорошо. Гутсманнъ знаетъ немножко и другіе славянскіе языки; относительно h, которое встрѣчается въ одномъ словенскомъ говорѣ (hora—gora), онъ замѣчаетъ, что это h встрѣчается у Чеховъ, Моравянъ, угорскихъ Словаковъ и Русняковъ (Русиновъ), но лучше-де писать *g*, какъ произносятъ Словенцы вообще, Хорваты, „Илиры“ (Сербы), Поляки и Русскіе; онъ пишетъ bil, а не biu (серб. bio), какъ говоритъ простой народъ, такъ какъ форма bil правильнѣе и почти у всѣхъ Славянъ общеупотребительна; вѣдь и у Словаковъ писатели и проповѣдники не говорятъ на нарѣчіи простаго народа

(bou вмѣсто bil), да если бы они говорили такъ грубо, стали бы смѣшны. Славянскими языками и древнею исторіею Славянъ занимался словенскій натуралистъ и полигисторъ Іоаннъ *Поповичъ*. Въ своемъ сочиненіи: Untersuchungen vom Meere (Frankfurt u. Leipzig 1750), онъ говоритъ, мимоходомъ, тоже о славянской филологіи и исторіи; онъ сравниваетъ географическія названія нѣмецкія и славянскія, на пр. слово gard (Stutgard) и слав. гардъ, градъ, гродъ, городъ (Цариградъ скандинав. Miklegard); говоритъ объ именахъ Винды, Венды, Славяне, объ остаткахъ Славянства въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, о словахъ *жупанъ* и *староста* у разныхъ Славянъ, и пр. Поповичъ мечталъ о путешествіи по югославянскимъ странамъ, особенно по Босніи, гдѣ, по его мнѣнію, говорятъ на самомъ чистомъ славянскомъ нарѣчіи, сербскомъ, которое занимаетъ въ числѣ славянскихъ такое мѣсто, какое атическое между греческими; болгарское нарѣчіе самое грубое. Сознавая неудобство латиницы для передачи нѣкоторыхъ славянскихъ звуковъ, Поповичъ предлагаетъ ввести новые знаки для *ж* и *ч*, но не по примѣру западославянскихъ ž и č.

У Хорватовъ Варѳоломей *Георгіевичъ*, католическій священникъ томившійся долго въ турецкой неволѣ, въ своей книгѣ De afflictione tam captivorum quam etiam sub Turca tributo viventium christianorum libellus (1544), помѣстилъ нѣсколько молитвъ и словъ на своемъ родномъ словинскомъ языкѣ (lingua sclavonica): при этомъ онъ замѣчаетъ, что по-словински говорятъ въ Хорватіи, Далмаціи, Руси, Валахіи, Сербіи, Чехіи и Польшѣ; этотъ языкъ употребляютъ тоже Турки при дворѣ султана и въ пограничныхъ странахъ Славоніи (т. е. въ Сербіи и Босніи). Славянскія нарѣчія отличаются въ нѣкоторыхъ словахъ и въ произношеніи, какъ на пр. языки Итальянцевъ и Испанцевъ, Нѣмцевъ и Фландровъ. Русскіе и Сербы употребляютъ этотъ языкъ и въ богослуженіи, и пишутъ его буквами (34), мало отличающимися отъ греческихъ; у Хорватовъ есть тоже такія особыя буквы, отличающіяся однако много отъ первыхъ. Латинскими буквами нельзя передать настоящее произношеніе тѣхъ буквъ, какъ это видно и по словинской части книги Георгіевича (clovik, sena,

tsiekai, kossulya, grozdzie и пр.) [1]. Фаустъ *Врапчичъ,* въ своемъ выше упомянутомъ словарѣ пяти языковъ (1595), въ томъ числѣ и „далматинскаго", замѣчаетъ, что нарѣчія славянскаго языка распространены широко и далеко въ Европѣ и Азіи, отъ моря адріатическаго до неизвѣстныхъ полуночныхъ странъ; между этими нарѣчіями первенство принадлежитъ самому чистому далматинскому, которое занимаетъ между славянскими такое мѣсто, какъ тосканское между итальянскими. Далмація, по опредѣленію Врапчича, не только приморская адріатическая область, а вообще всѣ югославянскія страны, Далмація, Хорватія, Боснія, Славонія, Сербія и Болгарія. Оттуда вышли Поляки и Чехи съ своими первыми князьями Лѣхомъ и Чехомъ, сохраняя чистоту своего языка; оттуда происходитъ св. Іеронимъ, который перевелъ священныя книги для Латинянъ и для своихъ земляковъ и придумалъ особое письмо; оттуда происходитъ тотъ Кириллъ, выдумавшій потомъ другое письмо, которое употребляютъ не только Далматинцы греческой религіи, а тоже Русскіе или Москвитяне, и Волохи [2]. Біографъ поэта Ю. Пальмотича, Стефанъ *Градичъ* (1670), говоря о томъ, что Пальмотичъ предпочелъ своему дубровницкому нарѣчію „языкъ босенскій", полагаетъ, что этотъ послѣдній больше похожъ на далекій „подольскій" (стало быть, малорусскій) и московскій, чѣмъ на чешскій и польскій. *Деллабелла,* въ своемъ словарѣ илирскаго языка (1728), говоритъ объ огромномъ распространеніи языка илирскаго или словинскаго (lingua illirica o slava); на его нарѣчіяхъ говорятъ Истрія, Далмація, Каринтія, Крайна, Штирія, Хорватія, Моравія, Чехія, Боснія, Сербія, Болгарія, Ѳракія въ значительной части, нижняя Угрія, Расія, Семиградія, Валахія, Русь, Москва, Подолье и Польша. Деллабелла, іезуитъ, замѣчаетъ, что онъ исповѣдывалъ Болгаръ, Рашанъ (Сербовъ) и Поляковъ, и что они понимали его и онъ ихъ.

---

[1] Эти разсужденія Георгіевича помѣстилъ позже Полякъ Мартынъ Пашковскій въ своей стихотворной исторіи турецкой; см. выше стр. 175.

[2] См. выше, стр. 227 и 268. Замѣтимъ, что Эней Сильвій говоритъ, что у Чеховъ и Далматинцевъ языкъ одинъ. См. выше, стр. 38.

Дубровчанинъ францисканецъ Севастіанъ *Сладичъ* или *Дольчи* написалъ статью о древности и распространеніи словинскаго языка: De illyricae linguae vetustate et amplitudine dissertatio historico-chronologico-critica (1754). Авторъ, воспользовавшись многими сочиненіями по славянской исторіи (Энея Сильвія, Дубравскаго, Іордана, Герберштейна, Црѣвича, Орбини, Лукарича, Лучича, Бандури, Байера и др.), выводитъ Славянъ и ихъ языкъ отъ вавилонскаго столпотворенія; это названіе происходитъ-де отъ рѣки Словенской или отъ *слова* или отъ *славы*; Vinedi отъ vveden (convena). Илирскій языкъ одинъ, а только произношеніе различно у многочисленныхъ народовъ славянскихъ, которые занимаютъ большую часть Европы. Знаніе славянскаго языка очень полезно, и по этому уже императоръ Карлъ IV совѣтовалъ нѣмецкимъ князьямъ изучать столь важный языкъ. Славянскій языкъ употреблялся, со временъ свв. Кирилла и Меѳодія, съ разрѣшенія папъ, въ богослуженіи Моравянъ, и употребляется отъ части до сихъ поръ въ церкви Далматинцевъ. Народъ и языкъ илирскій очень древній; къ нему принадлежали не только древніе адріатическіе Илиры, а тоже Скиѳы (скитающіеся), Сарматы, Ѳракійцы, Геты, Готы и Вандалы (которыхъ авторъ отождествляетъ съ Вендами Германіи), и др. Не зачѣмъ спорить о томъ, произошли-ли Сарматы отъ Илировъ, или Илиры отъ Сарматовъ, такъ какъ всѣ они одинаково древніе Славяне. Все это Сладичъ доказываетъ множествомъ цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, которыя въ его время еще много доказывали, и сопоставленіемъ словъ изъ языковъ тѣхъ народовъ съ славянскими: Bylazora—Бѣлазора, Rataneum – рат, рьт; ѳрак. слова bria (civitas) и selyos (oppidum) и слав. брѣгъ и село, и пр. Считая всѣхъ Илировъ, Ѳракійцевъ, Македонцевъ и Эпиротовъ Славянами, авторъ замѣчаетъ объ Албанцахъ, что они говорятъ по-славянски (илирски) съ примѣсью греческаго языка. Говоря о Русскихъ (Москвитянахъ), Сладичъ путаетъ эти названія съ библейскими Мосохъ, Росъ, Рифатъ; и выражаетъ горячее желаніе, чтобъ „милѣйшіе Русскіе (Mosci dilectissimi)“, равнымъ образомъ какъ они соединены съ Далматинцами, Чехами, Поляками и другими славянски-

ми (илирскими) народами однимъ языкомъ, соединились съ ними тоже одною вѣрою.

Филологическая дѣятельность у православныхъ Сербовъ и Болгаръ направлялась прежде всего на изученіе церковнаго „словѣнскаго, словенскаго" языка, на который впрочемъ повліяли и ихъ народные языки. Сербы долго писали и печатали книги не на своемъ народномъ языкѣ, а на языкѣ словѣнско-сербскомъ; только грамоты и законы писались на народномъ или болѣе народномъ языкѣ; Болгаре сдѣлали въ XVII в. попытку писать на своемъ народномъ языкѣ. Православныя церковныя книги словѣнско-сербскія печатались въ XV—XVII вв. для Сербовъ и для Болгаръ. Сербъ Божидаръ Вуковичъ изъ Подгорицы сталъ въ первой половинѣ XVI в. издавать въ Венеціи печатныя церковныя книги словѣнско-сербскія, желая, по примѣру западныхъ народовъ и Грековъ, имѣть „и наша срьбьскаа и блъгарьскаа божьствьнаа писанія". Сынъ Божидара Викентій продолжая трудъ отца, обращался къ духовенству, вельможамъ Македоніи, Сербіи, Босніи, Срѣма, и къ книжникамъ этого языка. Позже одинъ Болгаринъ, Яковъ Крайковъ изъ Софіи, печаталъ въ Венеціи такія же словѣнско-сербскія книги. Словѣнско-болгарскія книги печатались не въ Болгаріи, а въ волошскихъ (румынскихъ) странахъ; и можетъ быть, что тотъ черногорскій монахъ Макарій, который въ концѣ XV в. печаталъ церковныя словѣнско-сербскія книги въ Цетиньѣ, печаталъ въ началѣ XVI в. въ волошскомъ Терговищѣ такія же словѣнско-болгарскія книги.

Церковный языкъ „словѣнскій (словенскій, славенскій, славинскій, славянскій)" считали Сербы тоже „сербскимъ", Болгаре „болгарскимъ", Русскіе „русскимъ". Въ Болгаріи и въ Сербіи XIV—XV вв. считали словѣнскій языкъ какою-то смѣсью изъ разныхъ славянскихъ языковъ съ преобладаніемъ русскаго, и разсуждали, что переводчики св. писанія взяли „тончайшій и краснѣйшій" русскій языкъ, а ему на помощь болгарскій, сербскій, боснскій, словѣнскій (вѣроятно далматско-словинскій), хорватскій и отъ части чешскій. Это мнѣніе о первенствующей роли русскаго элемента въ церковномъ словѣнскомъ языкѣ какъ бы подтвердилось въ послѣдствіи, когда въ XVII в. словѣнско-рус-

скій изводъ принятъ у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ [1]). На такомъ „славено-сербскомъ“ языкѣ, основанномъ на словѣнско-русскомъ, стали писать Сербы XVIII в., прежде всего Сербы въ Угріи, Хорватіи и Славоніи съ прилежащею Военною Границею, патріархъ которыхъ назывался патріархомъ всѣхъ Сербовъ, Болгаръ и цѣлаго Иллирика. Такъ какъ этихъ православныхъ Сербовъ въ официальномъ языкѣ Вѣны и Будина называли тогда, въ XVIII в., „Илирами“ (gens illyrica, народъ иллирико-рассіанскій), то и сербскій языкъ назывался тогда изрѣдка „илирическимъ“. Такъ въ 1791-омъ г. Сербъ Феодоръ Авраамовичъ издалъ „Сербскій словарь—Illyrisches Wörterbuch“, въ вѣнской типографіи „иллирическаго и прочихъ восточныхъ языковъ“; но этотъ „иллирическій“ языкъ Авраамовича не чистый сербскій, а обыкновенный тогда „славено-сербскій“ языкъ. Такимъ образомъ въ Славоніи и въ Срѣмѣ являются два вида „илирскаго языка“: католическіе Славонцы, на равнѣ съ Босняками и Далматинцами, называли свой народный языкъ „илирчкимъ“; на такомъ же языкѣ говорили и православные Сербы, но ихъ „илирическій“ письменный языкъ не былъ чистый народный языкъ сербскій; этотъ послѣдній, какъ языкъ простонародья, не пользовался среди сербскихъ книжниковъ особою репутаціею, и пробивалъ себѣ дорогу только съ трудомъ. Но такой взглядъ на письменный языкъ относился болѣе къ печатнымъ книгамъ; иначе многіе Сербы писали на довольно чистомъ народномъ языкѣ, какъ на пр. сербскіе патріархи печскіе, Моисей и Арсеній (въ началѣ XVIII в.), и другіе архіереи турецкихъ Сербовъ. Кромѣ того босенскіе магометане и католики продолжали писать своею кириллицею на чистомъ народномъ языкѣ, употребляя правописаніе болѣе фонетическое босенскихъ францисканцевъ. Книги босенскихъ францисканцевъ XVI—XVIII вв., печатаемыя кириллицею-буквицею „сербскимъ“ письмомъ,—собственно единственныя книги на чистомъ народномъ языкѣ, хотя этотъ языкъ не назы-

[1]) О судьбахъ словѣнскаго языка у отдѣльныхъ народовъ славянскихъ см. послѣднюю главу.

вался „сербскимъ" (что было бы церковно-словѣнскимъ, православнымъ), а словинскимъ, иллиричкимъ, хорватскимъ, босенскимъ [1]).

Православнымъ Сербамъ, поселеннымъ въ Угріи и въ Хорватіи, пришлось не только выносить разныя придирки къ ихъ вѣроисповѣданію со стороны господствующаго въ Угріи и Хорватіи католицизма: они должны были бороться даже за свое кирилловское письмо. Австро-угорское правительство, въ слѣдствіе вліянія разныхъ католическихъ угорскихъ и хорватскихъ кружковъ, старалось, въ теченіи шести лѣтъ (1779 —1785), навязать Сербамъ латиницу („славонское" письмо) вмѣсто старинной ихъ кирилицы. Сербамъ, митрополиту Моисею Путнику, Янковичу Миріевскому, Вуяновскому и др., пришлось доказывать противникамъ кирилицы, въ томъ числѣ Хорвату епископу Мандичу, большее удобство славянской азбуки въ сравненіи съ латинскою. Кромѣ того правительство требовало, чтобъ кирилица и мертвый церковный славянскій языкъ, который отличается отъ общеупотребительнаго (characteres cyrilliaci et illyrica lingua liturgica, mortua, quae a vernacula diversa sit), употреблялись только въ церковныхъ книгахъ, а въ свѣтской литературѣ чтобъ введенъ былъ народный славянскій языкъ и латиница (dialectus vulgaris, illyrica cultior, et characteres latini [2]).

Кирилицу Сербы отстояли, и продолжали ею, церковною и съ конца XVIII в. тоже гражданскою, печатать книги на своемъ прежнемъ „славено-сербскомъ" или тоже „иллирическомъ" языкѣ, который однако былъ скорѣе „славено-россійскій". Не говоря о церковныхъ книгахъ на словѣнско-русскомъ (славено-россійскомъ) языкѣ, которыя Сербы и Болгаре употребляли - вмѣсто своихъ словѣнско-сербскихъ и словѣнско-болгарскихъ (волошскихъ)—съ XVII вѣка, о „славенскихъ" граматикахъ и букварихъ, и тѣ немногія книги свѣтскаго содержанія, печатаемыя Сер-

---

[1]) См. выше, стр. 274, примѣчаніе.

[2]) См. Г. Мушицкаго статью въ серб. Гласникѣ I. Срв. тоже Jihoslovanó 308, Ljubić Ogledalo I. 330.

бами и для Сербовъ въ XVIII в. въ Вѣнѣ и въ Венеціи, писаны такимъ-же языкомъ „славено-сербскимъ" покроя славено-россійскаго, который существенно отличается отъ языка словѣнско-сербскихъ старопечатныхъ книгъ XV—XVII вѣковъ. Такъ выше упомянутый сербскій словарь Авраамовича, изданный „на потребу сербскаго народа", представляетъ языкъ славено-сербскій съ примѣсью чисто русскихъ словъ [1]). Такой же смѣшанный языкъ встрѣчается на пр. у *Жефаровича* „иллирическо-рассіянскаго зографа" (Стематографія, иже въ вѣчную память благополучнаго потвержденія святѣйшему и блаженѣйшему Арсенію IV, архіепископу всѣхъ Сербовъ, Болгаровъ, западнаго Поморія, Далмаціи, Босны и Обдуная и цѣлаго Иллирика патріарху посвящена, у Віенни 1741), и у Павла *Ненадовича* (Привилегіи чрезъ имп. Леополда, Іосифа, Карола, Марію Терезію славному народу иллирико-рассіанскому дарованія, отъ латинскаго діалекта на матерный славено-сербскій языкъ прев., въ Віеннѣ 1745). Такимъ языкомъ писали тоже сербскіе историки, на пр. Павелъ *Юлинацъ* (Краткое введеніе въ історію произхожденія славено-сербскаго народа, въ Венеціи 1765, извлеченіе изъ сербской исторіи Юрія Бранковича), авторъ (вѣроятно *Орфелинъ*) книги о Петрѣ Великомъ (Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго самодержца всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣе на славенскомъ языкѣ списана и издана, въ Венеціи 1772), Іоаннъ *Раичъ* (Історіа разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ, изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ історіческіи произведенная, въ Віеннѣ 1794—1795), и др. [2]).

„Славено-сербскій", „славено-болгарскій" или скорѣе „славено-россійско-сербскій (болгарскій)" языкъ, который употребляли сербскіе и болгарскіе книжники XVIII-аго вѣка, Юлинацъ, Орфелинъ, Раичъ, Паисій и др., соединялъ православныхъ Сла-

---

[1]) Срв. Добровскаго Slavin (2 изд., стр. 301).

[2]) Объ Орфелинѣ и Раичѣ см. стр. 216 и 253.

вянъ, Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ, въ литературномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что церковный языкъ славянскій русскаго извода раздавался тоже среди Сербовъ и Болгаръ. Славено-россійскія и русскія книги разнаго содержанія переходили къ Болгарамъ и Сербамъ, и эти южные Славяне изучали свою исторію по русскому переводу славянской исторіи Орбини. Равнымъ образомъ перепечатывались славено-сербскія книги и въ Россіи, какъ на пр. исторія о Петрѣ Великомъ Орфелина (1774), исторія славенскихъ народовъ Раича (1795). Черногорскій митрополитъ Василій *Петровичъ*, пребывая въ половинѣ XVIII-аго в. нѣсколько лѣтъ въ Россіи, издалъ въ Москвѣ книжку „Исторія о Черной Горы“ (1754), на русскомъ языкѣ съ примѣсью языковъ церковнаго славянскаго и сербскаго, между прочимъ и „для того, чтобы съ народомъ нашимъ черногорскимъ и другіе славеносербскіе народи усерднѣйшее желавіе имѣли къ высокославной россійской имперіи“ [1]).

При такомъ положеніи литературнаго дѣла у Сербовъ трудно было подумать о замѣнѣ славено-сербскаго языка чистымъ народнымъ сербскимъ. Сербскіе книжники обзывали его языкомъ пастуховъ (свинярскимъ и говедарскимъ), забывая, что на немъ существуетъ прекрасная поэзія народная, и—если не считать латиницы—тоже искусственная, далматинско-дубровницкая и хорватско-босенско-славонская. Но мысль, высказанная въ правительственномъ распоряженіи 1784 г., что мертвый церковный славянскій языкъ долженъ, въ свѣтской литературѣ, уступить языку народному, не была только мнѣніемъ правительства; она носилась тогда уже въ воздухѣ, и считала своихъ приверженцевъ и среди Сербовъ. Главный ея представитель и поборникъ, знаменитый Доснеей *Обрадовичъ*, сталъ, какъ разъ въ то время (1783—1784), въ Липскѣ печатать свои книги на народномъ сербскомъ языкѣ, гражданскимъ письмомъ, которое, какъ на половину „латинское“, возбуждало съ начала въ нѣкоторыхъ старыхъ Сербахъ большое неудовольствіе. Обрадовичъ пролагалъ

---

[1]) Срв. выше, стр. 205.

такимъ образомъ путь новому направленію въ сербской литературѣ, и тѣмъ самымъ и сближенію Сербовъ (православныхъ „Илировъ") и Хорватовъ (католическихъ „Илировъ") [1]).

4. *Юрій Крижаничъ, Хорватъ славистъ и панславистъ* [2]).

Ни у одного югославянскаго и вообще славянскаго писателя XVI—XVII вѣковъ славянское сознаніе, славянская идея не является столь ясно и сильно, какъ у Хорвата Юрія Крижанича (родился въ 1617-омъ г., умеръ въ концѣ XVII в.). Онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода хорватскаго, поселеннаго въ загребской жупаніи въ Рыбникѣ, и называющагося—въ отличіе отъ другихъ Крижаничей—Неблюшскими (по селенію Неблюха). Крижаничъ учился въ Загребѣ, Вѣнѣ, Болоньѣ и Римѣ, гдѣ и посвященъ въ священники (1642); кромѣ богословскихъ наукъ онъ занимался много языкознаніемъ, языками греческимъ, церковно-словѣнскимъ, и трудился тоже надъ исправленіемъ своего роднаго языка хорватскаго. Онъ интересовался уніею христіанскихъ церквей западной и восточной, собиралъ разные памятники касающіеся этого вопроса (Bibliotheca schismaticorum, кончилъ ее въ 1656 г.), и приготовлялся къ мисіонерской дѣятельности среди православныхъ Славянъ, Сербовъ и Русскихъ.

---

[1]) Срв. Пыпина Исторію славян. литературъ, 205.

[2]) О Крижаничѣ см. Kukuljević: Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVII vieka (Zagreb 1869, Arkiv za povjestnicu jugoslav. IX, X); Безсоновъ: Католическій священникъ Сербъ (Хорватъ) Юрій Крижаничъ (Православное Обозрѣніе, Москва 1870, срв. замѣтки Ягича въ Rad jugoslav. akademije XVIII. 164); Соловьевъ: Исторія Россіи XIII. 194; Костомаровъ: Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (1874, II. 429); Маркевичъ: Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность (Варшава 1876, срв. ст. А. Брикнера въ Древней и Новой Россіи 1876, VIII); Козубскій: Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII в. (Журналъ минист. Нар. Просв. 1878, май); А. Брикнеръ: Юрій Крижаничъ (Русскій Вѣстникъ 1887, іюнь, юль).

Онъ началъ ее у „Влаховъ“ (Сербовъ) хорватской Военной Границы, на которыхъ католическая пропаганда обращала тогда особенное вниманіе; между ними распространялъ тогда унію соотечественникъ Крижанича, Рафаилъ Левакович, а еще раньше (1628—1629) русскій уніатъ Меѳодій Терлецкій, въ послѣдствіи епископъ холмскій. Послѣдній, отправляясь въ Римъ (1643) черезъ Угрію и Хорватію, побудилъ Крижанича приступить къ давнишнему его желанію, дѣйствовать какъ мисіонеръ на Руси. Крижаничъ дѣйствительно въ 1646—1650 гг. мисіонерствовалъ въ русскихъ земляхъ, въ Смоленскѣ да и въ Москвѣ, неизвѣстно однако, съ какими успѣхами. Около этого времени или позже онъ побывалъ вѣроятно тоже на балканскомъ полуостровѣ, въ Царьградѣ, среди Сербовъ, Болгаръ и Грековъ [1]).

Такимъ образомъ Крижаничъ познакомился тоже практически съ положеніемъ дѣлъ у разныхъ славянскихъ народовъ. Онъ, конечно, зналъ важный тогда вопросъ объ исправленіи литургическихъ словѣнскихъ книгъ у хорватскихъ глаголяшей, чѣмъ занимался въ то время Левакович съ помощью русскихъ уніатскихъ священниковъ, особенно Меѳодія Терлецкаго, вводя въ эти книги русскій изводъ словѣнскаго языка. Крижаничъ хорошо зналъ церковный языкъ словѣнскій, которымъ занимался уже давно въ Римѣ теоретически и на Руси практически, и думалъ даже о его исправленіи [2]). Занимаясь вообще серьезно науками богословскими, филологическими, историческими и политическими,

---

[1]) Срв. письма изд. Пирлингомъ (Archiv für slav. Philologie VI. 120) и Ферменджиномъ (Starine XVIII. 210).

[2]) Крижаничъ принималъ тогда участіе и въ спорѣ о названіи „Илиръ“; см. стр. 239. Въ изданномъ въ Римѣ сборникѣ стихотвореній въ честь императора Фердинанда III Triumphus caesareus polyglottus (1655), Крижаничъ помѣстилъ хорватскую думу (carmen pindaricum), сербскую даворію (epos heroicum) и пѣснь (staroslovinski, sclavonice antique); послѣдняя написана (латиницею) по русскому изводу (vaenec, volhv, vozvonaet). Въ сборникѣ участвовалъ тоже Словенецъ, іезуитъ Аѳанасій Кирхеръ или Кирхаръ (см. выше стр. 241), котораго Крижаничъ прославляетъ. См. Starine XVIII. 226.

онъ мало по малу измѣнялъ своей первоначальной завѣтной мысли—мисіонерствовать среди славянскихъ „схизматиковъ“ въ пользу ихъ соединенія съ Римомъ, и сталъ смотрѣть и на вѣроисповѣдные вопросы съ высшей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ увидалъ, какъ пагубно отзывались вѣроисповѣдные споры именно на любимомъ имъ Славянствѣ. Передъ образованнымъ и просвѣщеннымъ Хорватомъ явился славянскій міръ со всѣми своими свѣтлыми и темными сторонами, огромный, изобилующій силами, но не знающій еще—какъ больной русскій богатырь Илья Муромецъ—всего объема и значенія этихъ силъ, отъ части лишенный политической самостоятельности и подчиненный власти иноплеменниковъ (Чехи, угорскіе и южные Славяне), разрываемый безконечными войнами, междоусобицами, спорами и дрязгами, племенными, политическими и вѣроисповѣдными, которыми и пользовались иноплеменники для вящаго еще ослабленія и подавленія Славянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Крижаничъ, глядя на это безотрадное зрѣлище славянской розни, поддерживаемой Славянами и иноплеменниками, убѣдился, что единственный выходъ изъ этой славянской неурядицы—сильное русское царство, Москва, которое должно взять въ руки судьбы погибающаго Славянства, спасти его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и устроить лучшее его будущее. Но это русское царство было грубо, необразованно, далеко отставшее отъ другихъ народовъ Европы; оно нуждалось въ просвѣщеніи, наукахъ, образованіи: и вотъ Крижаничъ возымѣлъ мысль служить этой Руси, а тѣмъ и всему Славянству, въ области просвѣщенія и наукъ, и способствовать, по мѣрѣ своихъ силъ, подготовленію русскаго царства къ его роли въ славянскомъ мірѣ, поднятію русскаго богатыря на ноги, чтобъ онъ сталъ громить многочисленныхъ враговъ Руси и всего Славянства. Представляется явленіе въ тѣ времена очень рѣдкое: въ католическомъ хорватскомъ священникѣ, который мечталъ о мисіонерствѣ среди Славянъ „схизматиковъ“, совершается переворотъ; вѣроисповѣдный вопросъ отступаетъ на задній планъ передъ національною славянскою идеею, и Крижаничъ видитъ именно въ православной Руси будущее спасеніе Славянства, становится пророкомъ панславизма.

Когда Крижаничъ занимался такими мыслями, около половины XVII в., славянскій востокъ— единственная часть Славянства сохранившая свою политическую самостоятельность—волновался страшными смутами. Польша, нѣкогда сильнѣйшее славянское государство, находилась въ большой опасности; это не была уже Польша Сигизмундовъ и Стефана Батори: внутренняя неурядица и враги внутренніе и внѣшніе довели ее на край гибели [1]). На мѣсто этого падающаго славянскаго государства вступаетъ другое усиливающееся славянское государство: царь всей Руси, призванный возставшимъ въ Польшѣ и Литвѣ русскимъ народомъ на помощь во имя одной вѣры и одного языка, принимаетъ титулъ царя всей Руси (Россіи) Великой, Малой и Бѣлой, и возвращаетъ себѣ всю поднѣпровскую Русь, эту свою отчину по св. Владиміру. Но мало того; сама обезсиленная Польша не видитъ другого выхода изъ опаснаго положенія, какъ только въ избраніи русскаго царя въ польскіе короли и въ соединеніи съ Москвою; польскій король созываетъ представителей своего народа на сеймъ, на которомъ должно совершиться это необходимое для Славянъ дѣло, постоянный миръ и прочное соединеніе съ сосѣднимъ государемъ и народомъ московскимъ одной и той же славянской крови, на смущеніе сосѣдямъ завидующимъ всему имени славянскому—na konfuzyą zawisnym wszystkiemu imionowi słowieńskiemu sąsiadom [2]).

Въ 1657-омъ г. Крижаничъ отправился еще какъ „мисіонеръ“ на Русь. Изъ Рима онъ ѣхалъ черезъ Флоренцію, гдѣ видѣлъ русское посольство, въ Вѣну; здѣсь онъ жилъ въ той же самой гостинницѣ, гдѣ остановилось русское посольство. Въ концѣ 1658-аго г. отправился черезъ Угрію въ Червоную Русь, и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ во Львовѣ, въ Варшавѣ и др., изучая

---

[1]) Польская „своевольщина“ хорошо описана соотечественникомъ и современникомъ Крижанича, Мрнавичемъ; см. ниже о югославянскихъ поэтахъ.

[2]) Универсалъ короля 19 мая 1658-го г.; см. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ 1882 г., стр. 29. Срв. тоже выше, стр. 78—79.

Польшу, ея языкъ, литературу и исторію. Въ февралѣ 1659-го г. Крижаничъ уѣхалъ изъ Львова въ Малую Русь, разрываемую казацкими войнами и склоняющуюся—подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ казацкихъ старшинъ—вновь на сторону Польши. Крижаничъ пробылъ на Малой Руси полтора года, и познакомился хорошо съ тамошнимъ положеніемъ дѣлъ. Онъ строго осуждалъ тогдашнее враждебное настроеніе Черкасовъ (Малорусовъ) противъ русскаго царства, поддерживаемое Поляками, и православнымъ духовенствомъ малорусскимъ и греческимъ. „Чиркасы хотя виру православну исповидаютъ, али нравы преце и обычаи звирске имаютъ; въ главу себи взяли и считятъ за истину цирую, яко жити подъ симъ преславнымъ царствомъ рускимъ есть жити въ наигоршей неволи, сужанстви (плѣну) и работи (рабствѣ), и горше надъ турское тиранство, горше надъ фараонову службу и египетску работу". Но для Черкасовъ, тѣснимыхъ Поляками, необходимо примкнуть тѣсно къ русскому царству: ибо если они останутся соединены съ Польшею, то они должны будутъ всегда воевать съ Москвою, съ русскимъ православнымъ царствомъ одного рода и одной вѣры, „а то съ тей причины, бо межи Ляхами и межи Москвою во вики сталного змереня не можно сподивати се (надѣяться), и такъ нашой войни во вики не скончати се. А тому Турки, Татары и Ляхи будутъ се веселити: бо таковымъ диломъ нашъ народъ руски весь згинетъ и тимъ реченымъ своимъ врагомъ въ неволю впадетъ". Черкасы, соединенные съ Поляками, всегда будутъ находиться подъ господствомъ польскаго короля чужого рода: ибо „инякимъ способомъ не можно, штобы тамъ королевалъ ани Ляхъ, ани иный нашего словенского народа чоловикъ. Стояти пакъ безъ нужи и безъ силы подъ королемъ чужого народа есть дило, которое просто противитъ се божиему приказаню [1]). Бо господъ богъ сице росказуетъ въ девтерономскихъ книгахъ (гл. 17) и говоритъ ко людемъ своимъ: Изъ братовъ вашихъ сотворите себи господара;

---

[1]) Срв. выше, стр. 26, подобныя тому мысли чешскихъ гуситовъ.

не будеть вамъ вольно чоловика зъ иного народа сотворити себи цара, которы не бы былъ братъ вашъ. Для того теды мы явно будемо се противити богу, коли, безъ нужи и неволи, оставивши цара своего рода поклонимо се которому иноплеменнику“ [1]). О малорусскихъ дѣлахъ Крижаничъ вспомнилъ и позже (1666), находясь уже въ московскомъ государствѣ. Онъ сѣтуетъ на непостоянство Днѣпрянъ или Малорусовъ, которые составляютъ исконную и преимущественно собственную отчину русскаго царства (patrimonium russiaci regni), но всего болѣе отчуждены духомъ отъ царей нашихъ; въ эти послѣдніе года они трижды переходили въ подданство царя, три раза отложились къ Полякамъ, и наконецъ къ Туркамъ и Татарамъ. Съ другой стороны Крижаничъ хорошо понималъ значеніе для Польши запорожскаго войска (legiones zapragianae) какъ ея оплота противъ Татаръ и Турокъ; но Поляки не умѣли ими никогда управлять, не имѣли ихъ въ совершенномъ подданствѣ, и нѣтъ надежды, что когда нибудь будутъ имѣть въ слѣдствіе обмановъ и тираніи Жидовъ, которымъ черезъ чуръ довѣряя, Поляки раздражаютъ бѣдныхъ людей до отчаянія и потери терпѣнія [2]).

Изъ Малой Руси Крижаничъ отправился, въ концѣ 1659 или въ началѣ 1660 г., въ Москву. „Причины навъ, для ради коихъ есмь язъ некорыстный сѣмо подъ твоея милости крыла жить пришелъ, и дѣло кое пошу, знано чиню Т. Величеству со всякимъ уничиженіемъ“ — говоритъ Крижаничъ въ посвященіи одного своего сочиненія царю Алексѣю Михайловичу. „Напервле обличилъ (замѣтилъ) есмь еще во своей младости, яко языкъ вашъ словенскій отъ иныхъ языковъ прехудо есть оскверненъ, смятенъ, извраченъ, и мало не весь до конца изгубленъ. Зарадъ того всегда есмь охоту къ тому носилъ, дабы како языкъ изтяжанъ (обработанъ), и ко коей совершености приведенъ быть могелъ.

---

[1]) Статьи Крижанича „Путно описанье отъ Лвова до Москвы лита 1659“, „Беседа ко Чиркасомъ“, „Усмотреніе о царскомъ величеству“ (пис. латиницею), издалъ П. Кулишъ (кириллицею) въ москов. Чтеніяхъ 1876, III.

[2]) De providentia dei (см. ниже), стр. 10, 96.

Да бысмо имали добру граматику и лексиконъ, и по томъ да бысмо могли правильно писать и говорить, и да бысмо имали обиліе рѣчей, съ колико есть потребно ко проязъявленію человѣческихъ замысловъ, во всякомъ говореніи, при общихъ народныхъ справахъ (дѣлахъ). За второе, обличилъ семь, како словенскіи народъ разлучается (раздѣляется) на шесть удѣловъ: на удѣлъ рускій, ляскій, ческіи, болгарскій, сербскіи и херватскій. Всѣ овы удѣлы имаху въ нѣкое время домородныхъ кралевъ или владателевъ. А днеска единъ рускій удѣлъ, по божіей милости, живетъ подъ тобою царемъ и господаремъ своего языка, а остальны всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народомъ. А при томъ и другое зло въ купѣ ходитъ: еже ся обрѣтаютъ токмо нѣкои и удѣлны годописцы у Русовъ, Ляховъ и Чеховъ, а обо всемъ цѣломъ народу годныхъ и потребныхъ исторій или извоминковъ и старинныхъ повѣстей, нигдѣ еще нѣсть было видѣть [1]). А Нѣмцы не престаютъ затѣвать, и еже годъ свѣжими книгами описовать остудныхъ потворовъ (клеветы) и ложей обо всемъ нашемъ народу, а наипаче объ рускомъ удѣлу, зазирая народу царство и славу даную отъ бога Язъ адда (конечно) негодный есть желѣлъ (желалъ) видѣть списану обо всемъ народу такову исторію, въ коей бы былъ затомленъ и преконанъ (уничиженъ и побѣжденъ) нѣмецкіи зазоръ со своими потвормы и скаредными хулами. Не имаючь пакъ у себе преможенія (средствъ) довольного къ писанію таковыхъ книгъ, пришелъ семь (есмь) ко Ц. Величеству, бить челомъ и просить жалованія потребного къ извершенію такова дѣла, кое быхъ радъ хотѣлъ выконать (совершить), богу и тебѣ царю господарю на честь, а всему пароду на ползу многу и утѣху. Третія причина моего пришествія была сія. Чталъ семь въ разныхъ книгахъ, и въ обычныхъ разговорехъ семь слышилъ повѣсти, объ дѣяніяхъ и справахъ сего преславного твоего царства. Посланцевъ отселѣ въ иныя земли отправленыхъ нѣ-

---

[1]) Мысль о всеславянской исторіи возымѣли и, на сколько могли, осуществили ее—до Крижанича—Поляки Сарницкій, Напроцкій, Зенгерскій и Дубровчанинъ Орбини; см. выше.

коихъ семь самъ видѣлъ, а объ нѣкоихъ повѣсти разумѣвалъ. Изъ тѣхъ уразумлѣныхъ вещей семь разцѣнялъ и думалъ: Нѣкоя вещи верло (весьма) знать потребны не быть еще въ семъ царству обвѣщены нить уразумлены. Именно и наипаче объ многоличныхъ хитростяхъ, коими ины народы обыкають мамить (прельщать) насъ Словенцевъ, а особито, како лудятъ (дурачатъ) и прехитрлютъ ежедень сіе преславное царство. Зарадъ того, да быхъ могелъ таковыя хитрости и облуды (обольщенія) по части произъявить, трудъ многъ есмь поднялъ, и въ сихъ книжицахъ пописалъ, что семь корыстно быть судилъ". Крижаничь возстаетъ противъ своихъ недоброжелателей, которые съ недовѣріемъ смотрѣли на этого славянскаго „бродягу". „Нѣкоторые прозвали меня незаслуженно скитальцемъ, бродягою, волокитою (errorem, vagum, wolokitum). Ибо я прибылъ къ единственному на свѣтѣ государю своего народа и языка, къ своему народу и на свою родину. Я пришелъ въ такое мѣсто, въ которомъ одномъ могутъ быть полезны и плодоносны мои труды, и въ которомъ одномъ можетъ быть оцѣненъ и проданъ мой товаръ, граматика, словари и другіе переводы книгъ на словенскій языкъ. Нигдѣ на свѣтѣ я не могъ надѣяться, чтобъ эти мои труды могли быть милостиво приняты. Да я долженъ былъ думать, что эти труды доставятъ мнѣ немилость, ненависть или наказаніе, то есть у государей иноплеменниковъ и къ нашему народу и языку дурно расположенныхъ. Скорѣе во всякой другой части свѣта я былъ бы бродягою и странникомъ, чѣмъ въ этомъ государствѣ" [1]).

Крижаничъ хотѣлъ на Руси, въ славянскомъ государствѣ, трудиться надъ разработкою славянскаго языка въ граматикѣ и словарѣ и надъ всеславянскою исторією, распространять необходимыя для Руси познанія, объяснить враждебныя намѣренія иноплеменниковъ противъ русскаго царства. Этотъ планъ удался рьяному хорватскому Славянину не вполнѣ, въ слѣдствіе независѣвшихъ отъ него причинъ. Крижаничъ, человѣкъ очень образованный и просвѣщенный, не годился въ тогдашнюю грубую мос-

---

[1]) Въ сочиненіяхъ Politika и De providentia dei (см. ниже).

ковскую Русь, которая только что начинала просыпаться отъ долговѣчнаго духовнаго сна [1]). Онъ былъ католическій латинскій священникъ, но вовсе не фанатикъ: самъ онъ говоритъ, что онъ не „тако тверд латиник“, чтобъ не причаститься отъ православныхъ іереевъ; онъ, хотя никогда не переставалъ быть и сознавать себя „Хорватомъ“, все таки на Руси предпочиталъ называться „Серблянином“, именемъ народа православнаго и на Руси болѣе извѣстнаго. Крижаничъ вообще не приписывалъ большой важности внѣшнимъ формамъ, обрядамъ и письменамъ, всему тому, что тогда въ Москвѣ имѣло громадное значеніе среди православныхъ и возникающихъ старообрядцевъ-раскольниковъ. Крижаничъ называлъ причины тогдашняго раскола въ русской церкви прямо глупыми, и замѣтилъ, что недостойно совершать церковный расколъ изъ-за мелочныхъ причинъ соблазняться изъ-за граматическихъ ошибокъ, и нарушать духовную любовь. Онъ порицалъ многочисленныя темныя стороны русской общественной жизни тѣхъ временъ, злоупотребленія, суевѣрія и пр. Глядя на Грековъ не столько съ церковной точки зрѣнія, сколько съ національной, онъ провозглашалъ ихъ врагами Славянства и нападалъ на нихъ рѣзко, не менѣе, чѣмъ на Нѣмцевъ; это, конечно, не могло быть по сердцу и вкусу тогдашней Руси, которая видѣла въ Грекахъ и въ греческой церкви своихъ учителей [2]). Русскіе, православные и старообрядцы, смотрѣли на Крижанича съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ, какъ на бродягу, иностранца хотя и говорящаго по-славянски, и какъ на „не крещеннаго а обливаннаго латинскаго еретика“, и, конечно, не хотѣли признать его самозванной роли наставника, принять въ своя учители того, который сталъ вмѣшиваться въ разныя стороны ихъ полити-

[1]) Срв. Котошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича (изд. 1859); Соловьева Исторія Россіи (внутренній бытъ московскаго государства второй половины XVII в.); Костомарова: Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст. (1860); Пыпина: Московская старина (Вѣстникъ Европы 1885).

[2]) Впрочемъ и старообрядцы нападали на Грековъ. Срв. выше, стр. 204—205.

ческой, общественной, церковной жизни, и учить ихъ уму разуму. Они вообще не были въ состояніи понять многія мысли своего просвѣщеннаго соплеменника, который на каждомъ шагу наталкивался на множество предразсудковъ тогдашняго русскаго общества. Все это было причиною, что Крижаничъ, проживши въ Москвѣ едва годъ, сосланъ въ началѣ 1661-го г. въ Сибирь, въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ 15 лѣтъ. Здѣсь, отдаленный отъ образованнаго міра и отъ научныхъ пособій, живя среди грубаго населенія, рьяный Славянинъ все таки не падалъ духомъ, не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, своей горячей любви и преданности русскому народу и государству, въ которыхъ онъ все видитъ единственный щитъ Славянства. Въ Тобольскѣ Крижаничъ занимался и дальше, на сколько возможно, исторіею славянскою вообще и русскою въ особенности; здѣсь онъ написалъ замѣчательныя сочиненія, филологическія, историко-политическія, богословско-полемическія, на языкахъ латинскомъ и „славянскомъ" т. е. созданною имъ смѣсью языка русскаго или скорѣе русскословѣнскаго и хорватскаго; эти сочиненія писалъ онъ азбукою (кириллицею) и абецедою (латиницею). Изъ его сочиненій, написанныхъ въ ссылкѣ, самыя важныя — *Граматика* и *Политика*, о которыхъ здѣсь поговоримъ обширнѣе, на сколько въ нихъ является славянское сознаніе автора или мысли относящіяся ко всему Славянству [1]).

---

[1]) *Граматично изказанје об руском језику*, попа Јурка Крижанища презванјем Серблянина, меджу Купоју и Вуною риками, во ујездех Бихца града окол Дубовца, Озльа и Рибника острогов, писано вь Сибири лита 1666 (издалъ Бодянскій въ москов. Чтеніяхъ 1848, I. 1859. IV; срв. Rad jugoslav. akademije XVI), писанная азбукою особымъ правописаніемъ. *Политика* или Разговоры объ владательству, напис. ок. 1663—1664 на языкахъ латинскомъ и славянскомъ, который однако отличается отъ языка граматики, абецедою, хорватскимъ правописаніемъ; издана, не цѣлая, П. Безсоновымъ (Русское государство въ половинѣ XVII в., Москва 1859, 1860), который переписалъ ее кириллицею на русскій ладъ, и, къ сожалѣнію, подобно Кулишу, не сообщилъ образцовъ правописанія подлинника; способъ, которымъ Безсоновъ списалъ Политику кириллицею, не соотвѣтствуетъ

Въ *граматикѣ русскаго языка* Крижаничъ представилъ свой идеальный литературный языкъ всеславянскій, какъ онъ его устроилъ на основаніи хорватскаго и тогдашняго русско-словѣнскаго, думавши объ этомъ больше чѣмъ двадцать лѣтъ. Этотъ свой новый языкъ авторъ граматики называетъ „русскимъ", который конечно отличается отъ обыкновеннаго тогда русскаго. Равнымъ образомъ какъ въ греческомъ языкѣ есть разныя нарѣчія (*отмины*—отмѣны, измѣненія), атическое, дорическое и общее, которыя понимали всѣ Греки, такъ и этотъ „русскій" языкъ,—надѣется Крижаничъ—поймутъ всѣ поколѣнія и нарѣчія „русскаго" народа, т. е. Русскіе, Словинцы (Югославяне), Поляки и Чехи. По этому онъ избралъ какой-то общій для всѣхъ понятный языкъ; въ этомъ языкѣ нѣтъ ничего иностраннаго, и формы избраны такія, которыя общи всѣмъ или многимъ нарѣчіямъ. Этотъ языкъ, граматику котораго написалъ Крижаничъ, и „которымъ пишемъ книги и отправляемъ богослуженіе", называется славянскимъ (словинскимъ), между тѣмъ какъ слѣдовало бы его назвать русскимъ [1]). „Језик наш сеъ, коьим ми кьиги пишем и божьие служби отправльајем, зоветсе словинским: гди по правде морал би се зват руским. Шестеро бо никогда бјаше кральество, и даже до днеска шестеро јест льудство, и шест језичних славньих отмин въ нашем народу: рекше Русјани, Лехи, Чехи, Болгари, Серблъани и Хервати, а ови троьи послидньи об-

правиламъ, которыми руководился Крижаничъ, когда онъ писалъ кириллицею. Такъ какъ *Политика* написана латиницею, то въ Москвѣ ее считали чешскою, польскою, даже угорскою. Нѣкоторыя мысли, высказанныя въ Политикѣ, встрѣчаются тоже въ латинскомъ сочиненіи Крижанича богословско-политическаго содержанія De providentia dei sive de causis victoriarum et cla lium, hoc est de prospero et de infelici statu rei publicae. Ob božjem smotrenij ili ob pričinah ratnogo odolenija, i ob suprotivnih prič'nah zgublenija ili nesčastija. so jest ob dobrom i ob zlom stojanju narodnogo djela (соч. 1666—1667 часть издана Безсоновымъ 1860). О богословскихъ трудахъ Крижанича „О светом крещеню" и „Обличенје на соловечкую челобитну" см. у Марковича 198—220.

[1]) Приводимъ здѣсь нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ; съ языкомъ Граматики срв. языкъ Политики и статей о Малой Руси.

ціимъ себи јменом зовутсе Словинци и Задунаици [1]). Јзмеджу всих пак тих пародиих предилов наистарије и осталним всим зачално јест льудство и јме руско, и се једино давньим греческим и римским писательем јест било познано, и чтетсе вь старих кньигах написано. А остална та вса поколенја, како сут из Русјанов произишла, тако по пудже (пуждѣ, необходимо) и јмена ньихова јесут младжа от руского јмена, и древньим писательем нисут могла бит видома .. Во време цара Маврицијa најпервлье Словинци преидоше чрез Дунаь, и јавишесе вь державах римского кральества, вь коьих и до сего дне пребивајут. Јно из перва тими звахусе једиппм јменом Словинци, а последи никојего пак времена, бивши овладали пространије державн, разделише се па три кральества, и от војвод своьих прозвани бише Болгари, Сербльане и Хервати. А јни пак загони рускогоже народа пошедши от востока па запад, обседоше по сеь стране Дунаја, вь разпитих державах, и основаше лешско и муравско илити чешско кральества". Такъ какъ Словинцы—разсуждаетъ дальше Крижаничъ — воевали съ Римлянами и Греками, то словинское имя сдѣлалось болѣе извѣстнымъ, чѣмъ имя русскаго народа; по этому, по примѣру Грековъ, распространилось и у нашихъ лѣтописцевъ мнѣніе, что начало нашего народа происходитъ отъ Словинцевъ, и что отъ нихъ вышли Русскіе, Поляки и Чехи. Но между тѣмъ русское поколѣніе пребываетъ въ исконной своей родинѣ на Руси, и остальныя племена вышли въ свои позднѣйшія жилища изъ Руси. И такъ, русское племя и имя— всѣхъ остальныхъ „вершина и корепика". По этому общее имя всѣхъ шести поколѣній и нарѣчій—не словинское, а скорѣе русское; русское нарѣчіе не плодъ словинскаго нарѣчія, а нарѣчія словинское, чешское, польское „јесут руского језика отродки". Языкъ, на которомъ пишемъ книги, не словинскій, а русскій

[1]) Крижаничъ учитъ писать: Русјапин—Русин (Русјани—Руси), а не: Русак, Росин, Росиь; Словинец, а не: Словјанин, Славенец. Въ Политикѣ пишетъ всегда Словенцы—словенскій, латин. Sclaveni, Sclavini. Словинцы—Словенцы у него Славяне вообще, и Югославяне въ особенности. Поляковъ называетъ въ Граматикѣ Лехи—лешскиь (лешскиј), въ Политикѣ и др. Ляхи—ляскій, латин. Lechi.

книжный или древній языкъ; это нарѣчіе — корень остальныхъ пяти или шести, и по этому родилось у наистаршаго поколѣнія, у Русскихъ; этотъ книжный языкъ гораздо больше похожъ на нынѣйшее русское общеупотребительное нарѣчіе, чѣмъ на какое бы ни было словинское нарѣчіе [1]).

Остальные нерусскіе Славяне, которые подпали подъ власть иноплеменниковъ, Нѣмцевъ, Угровъ, Итальянцевъ и Турокъ, и лишились политической самостоятельности, исказили свой языкъ; ибо если у народа нѣтъ ни писателей, ни королевскихъ приказовъ, ни народнаго законодательства на собственномъ языкѣ, то по необходимости языкъ исказится и погибаетъ. А гдѣ есть государственныя дѣла и народное законодательство на своемъ языкѣ, тамъ языкъ дѣлается все обильнѣе и изящнѣе. У Болгаръ нечего искать, такъ какъ языкъ у нихъ на столько утраченъ, что остается едва слѣдъ его; у Поляковъ половина словъ чужихъ; въ чешскихъ книгахъ употребляется языкъ болѣе чистый, чѣмъ польскій, но и онъ немало загрязненъ. Сербы и Хорваты утратили свою дѣдовскую бесѣду на столько, что они, кромѣ какъ о домашнихъ дѣлахъ, ни объ чемъ другомъ разсуждать не могутъ; они всѣми языками говорятъ и не говорятъ ничего: первое слово у нихъ русское, второе угорское, третье нѣмецкое, четвертое турецкое, пятое греческое или итальянское или албанское. Но не смотря на эту чужую лексикальную примѣсь, формальная сторона языка сохранилась чиста и близка русскому у Хорватовъ около рѣки Купы, въ окрестностяхъ городовъ Дубовца, Озля и Рыбника, т. е. на родинѣ Крижанича, гдѣ, во время турецкихъ войнъ, сохранилось хорватское и сербское болярство [2]). Бѣло-

---

[1]) О русскомъ народѣ и языкѣ, какъ древнѣйшемъ славянскомъ, часто разсуждали книжники польскіе и чешскіе (см. выше). Мнѣніе, что церковный языкъ словѣнскій есть именно русскій, было тоже довольно распространено, и имѣло и практическія послѣдствія въ хорватской церкви, о чемъ см. послѣднюю главу (о словѣнскомъ языкѣ).

[2]) По этому и Крижаничъ это свое родное нарѣчіе, вмѣстѣ съ русско-словѣнскимъ, положилъ въ основу своего идеальнаго обще-

русскій языкъ (т. е. литературный языкъ югозападныхъ Русскихъ вообще) искаженъ и обезображенъ еще больше, чѣмъ хорватскій и польскій, именно чужими словами и фразами взятыми изъ языковъ латинскаго, нѣмецкаго и польскаго; Бѣлорусы (Билорусјани) подражають во всемъ Полякамъ и исказили свой языкъ по польскому; въ кіевскихъ книгахъ встрѣчается множество такихъ искаженій и мерзостей, которыхъ нельзя читать безъ омерзенія и тошноты. Но и русскій языкъ содержитъ чужіе элементы, принятые изъ греческаго (Греки нашу беседу на своје копито набили), и Мелетій Смотрицкій въ своей граматикѣ, не смотря на похвальный трудъ, совершилъ разныя ошибки, подражая образцамъ греческимъ и латинскимъ. „Всакиь бо језик јмајет своја властита правила, разнита отъ јних, и неможет се по јного језика узорех илити правилех изправљат" — справедливо замѣчаетъ Крижаничъ; но онъ въ своей граматикѣ не отмѣчаетъ выработавшихся правилъ русскаго языка, а сотворяетъ самъ какой-то особый литературный языкъ, набивая его на свое копыто; онъ уже больше двадцати лѣтъ носился съ этою мыслью, и думалъ и трудился „вь језика изправљенју".

Что касается *письма*, то Крижаничъ считаетъ многія буквы историческаго правописанія лишними и исключаетъ ихъ изъ азбуки, именно ω, э, ѕ, ѯ, ѱ, ѳ, ꙋ, ѥ, ю (=ж!), тоже *ы*, котораго не знаютъ Словинцы, Чехи и даже Русскіе (!); если и есть какая-нибудь разница между *и* и *ы*, то она мала и ненужна; *ы* только

славянскаго „русскаго" языка. Крижаничъ не зналъ хорватско-далматинской поэзіи, поэмъ Марулича, Луцича, Златарича, Гундулича и др., напечатанныхъ въ XVI—XVII вѣкахъ. Крижаничъ, подразумѣвая подъ языкомъ „русскимъ"—церковный славянскій, игнорируетъ разныя явленія простого (общиннаго) русскаго языка, на пр. полногласіе; онъ пишетъ Новград, Новграджанин, Владимир, Зараджје, Златаренко; онъ осуждаетъ форму человѣк вм. чловѣк. Только въ своихъ статьяхъ о малорусскихъ дѣлахъ онъ пишетъ: чоловик, наров (нравъ), город, волост, король, но рядомъ град, глава, чловический. Примѣры любитъ приводить изъ славянскаго міра: Замосковје, Подунавје, Московљанин, Дубровчанин, Сербин, Краньец, Русиньа, Чехиньа, Словинка, Казимир, Паливајко, Радован и пр.

у Поляковъ и по нимъ и у Бѣлорусовъ, какъ вообще у нихъ есть особенные звуки, которыхъ остальные Славяне не знаютъ, на пр. носовые звуки ą (monkon), ę (benden). Буква *з* лишняя и допускается лишь тамъ, гдѣ она замѣняетъ гласную, на пр. *кз*, *вз*, *сз* = *ко*, *во*, *со* [1]). Буква *ь* смягчаетъ предыдущую согласную, и сливается съ нею: краль—кральа—кральу—кральем, конь, льуд, и замѣняетъ иногда и *j*, которую Крижаничъ считалъ необходимою для славянскихъ языковъ и ввелъ въ азбуку *ja*, *je*, *jy* (вмѣсто ꙗ, ѥ, ю); по этому онъ пишетъ: јавише, Русјани, језик, својем, јужика, своју, војвода, но тоже: ьиства, краь, словинскиь, Дунаь (Дунаја), своьих [2]). Гласную *ѣ* Славяне произносятъ разнообразно: *е*, *je*, *и*, *ja* (тело, тјело, тило, тјало); самъ Крижаничъ, по хорватскому *и*-кавскому говору, всюду пишетъ *и* (вира, словинска отмина), хотя онъ знаетъ, что Хорваты говорятъ тоже *е* (вера). Что касается согласныхъ, то *р* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, чешскомъ и сербско-хорватскомъ, составляетъ гласную: смрт, Србин, Хрват; но Сербы и Хорваты произносятъ тоже *ар* и *ер* (Сарбин—Сербин, Харват—Херват); все это хорошо; Русскіе произносятъ *ер*, *ор*: верба, горло, Сербин, Хорват; Поляки разнообразно: дрва (! т. е. drzewa), грмот (grzmot), барзо (barzo, bardzo), Харват; можно-де писать здѣсь *з*, что каждый Славянинъ можетъ произносить по своему: смърт, Хърват, Сърбин; но все таки лучше писать *ер*, какъ Крижаничъ всегда пишетъ

---

[1]) По этому Крижаничъ не употребляетъ *з* въ концѣ словъ (только изрѣдка пишетъ *въ* и *вь*), не употребляетъ *ъı*. Транскрипція Кулиша и Безсонова сдѣлана не въ духѣ Крижанича.

[2]) Непослѣдовательность такого правописанія устранилъ только Вукъ Караджичъ, который впрочемъ ничего не зналъ о нововведеніяхъ Крижанича. Въ своихъ двухъ богословскихъ статьяхъ (о крещеніи и противъ соловецкой челобитной), писанныхъ кириллицею уже послѣ написанія граматики, Крижаничъ однако не соблюдаетъ этихъ своихъ правилъ, и пишетъ ј (сујеверство, Јурај, челобитје), но тоже ꙗ (обꙗсньенје, Сербꙗнин), *ю* (государю, юже, свою, люди), *ѣ* (грѣшник), ѧ (цриѧти, времѧ), *ъı* (пребывати, был), и часто ъ въ концѣ словъ.

(Херватп, Сербльанп) [1]. Также и *лъ* Славяне произносятъ разнообразно, Русскіе правильно *ол* (Болгарин, волк), Хорваты тоже *ол* (Болгарин, волк) или *у* (Бугарин, вук), Поляки разнообразно (вилк, велна, длуг, Болгарин). О *л* Крижаничъ знаетъ лишь то, что *л* (т. е. латин.-югослав. l) отличается отъ *ль*; по этому Поляки не хорошо-де пишутъ: кралем (т. е. królem) вмѣсто кральем; зналъ-ли Крижаничъ русско-польскій *л*, ł, не видно изъ его словъ. *Г* произносятъ правильно Русскіе, Поляки, Хорваты, Сербы, между тѣмъ какъ Бѣлорусы произносятъ h (hlava); этому подражаютъ и нѣкоторые Русскіе, считая красивымъ такое сельское, ошибочное и премерзкое произношеніе. Между *х* и *h* Крижаничъ, какъ настоящій Югославянинъ, не дѣлаетъ разницы; Поляки произносятъ оба одинаково *х*, а Русскіе (!), Сербы и Хорваты какъ h; по этому надо въ азбукѣ писать *х*: хетман, хајдук. Букву *щ* Русскіе произносятъ какъ *шч* (щука—шчука), Сербы какъ *ть* (поть) или *шт* (плашт), Хорваты какъ *ч* (ноч); правильное произношеніе — хорватское *ч*, а не *шч*, *шт*, *ть*; по этому можно бы было выпустить букву *щ*, и писать *ч* или *шч*. *Жд* (between) считаетъ неправильнымъ, образовавшимся-де подъ вліяніемъ греческимъ (!); другіе Славяне имѣютъ *дь*, *дж*, *ж*, *j*, но правильно только *дж*: граджанин, меджу [2].

Въ *склоненіяхъ* и *спряженіяхъ* Крижаничъ придерживается главнымъ образомъ церковнаго словѣнскаго языка, но примѣшиваетъ тоже формы хорватскія. Многія въ славянскихъ нарѣчіяхъ общеупотребительныя формы осуждаетъ какъ превратныя, искаженныя, мерзкія, кметскія (сельскія). Такія формы на пр.

---

[1] Срв. выше (стр. 268) мнѣніе Микали.

[2] Въ этомъ предпочтеніи *ч* (ноч) и *дж* (меджу) виденъ Хорватъ сѣверныхъ областей, гдѣ произносятъ: ноч, меджу, а не: ноћ, међу, мeју. Сѣверно-хорватское происхожденіе Крижанича замѣтно и по формамъ: Словенец—Словинец, краль вугерски, херватски и словенски, писал, вного, и др., которыя южный (далматинскій) Хорватъ писалъ бы: Словинац, угарски, харватски-хрватски, словински, писао, много, и пр. Авторъ пишетъ свое имя „Крижанич", т. е. Крижанич а не Крижанић.

родит. и зват. падежъ—*у* (часу, чловjеку вмѣсто: часа, чловjече) въ польскомъ парѣчіи; дат. пад.—*ови*,—*еви*, который Хорваты считаютъ сельскимъ. Имепит. пад. множ. ч. *е*,—*jе* (приjателе, братjе) совсѣмъ искаженный и мерзкій. Родит. пад. множ. ч. *ов*,—*ев* (рабов, врачев) единственная правильная форма, какъ употребляютъ ее Хорваты, особенно болярство обращающсе вниманіе на чистоту рѣчи; другіе формы (от пророк, пастирей, христjан, серб.—*а*: от брата) — искаженіе. Русскіе и Поляки смѣшиваютъ род. и винит. пад. (Турков, Турки), чего нѣтъ въ хорватскомъ языкѣ. Творит. пад. множ. ч.—*ми* (перстми) лучше чѣмъ—*и* (персти), но совсѣмъ неправильна форма—*ами*, которую употребляютъ Поляки и Бѣлорусы; у обоихъ Нѣмцы и Жиды мерзко исказили нашъ языкъ. У женскихъ именъ родит. пад. ед. ч. долженъ быть—*и* (от риби, от ричи); у Словинцевъ—*е*, у Поляковъ—*и* (рибн),—*е* (душе); творит. пад.—*оjу*,—*еjу*, а у Хорватовъ, Сербовъ и Поляковъ—*ом* (рибом, съ чѣмъ смѣшалъ польское губа). Двойственное число не приноситъ-де никакой пользы, только путаницу; лучше употреблять множ. число. Мужскія имена съ женскимъ окончаніемъ (велможа, мужчина, возница, пиjаница, потурица) – сельскія, грубыя, невыносимое заблужденіе; необходимо писать: возник, пиjанец, потурченец и пр. Имепит. пад. множ. ч. прилаг. у Поляковъ: полсци, вишстци—искаженія, а форма: земстии (вмѣсто: земски)—„странщина“ (иностраницина) или „лешчина“ (польщизна); прилаг. кнеж, чловичсельскія, правильны только окончанія—*ов*,—*ев*, и пр.

Въ *спряженіяхъ* приводятся преимущественно формы „русскія“ и хорватскія: jмаjу—jмам, сниы—спльу, jмат щу, jа щу jмат (т. е. чу, ћу)—буду jмал (но не: буду jмати, что искаженіе взятое изъ нѣмецкаго языка); хорват. бум (вм. будем)—сельское, и пр.; по-русски: сьим (сjем), сьил (сjел), сьидаjу (сjедаjу), по-хорватски: зьим, зьил, зьидам, „по кметску и по лешску“: сним, снидам, и пр.; jмал, только Сербы говорятъ: jмао, если же нѣкоторые Хорваты говорятъ: jмав, то это сельское произношеніе; формы: льубим, ведом, спасаjем, выдуманы-де по греческимъ, и между народомъ не слышны, развѣ только между Русскими: видом, а у Поляковъ: знаком (т. е. znajomy), чего однако чистый сло-

винскій языкъ не знаетъ. Формы: воздвизам, пуцам (вмѣсто: воздвигам, пукам), говаривал, спрашивал (вм. говарјал, спрашал)— сельскія, искаженныя, мерзкія и пр. Изъ предлоговъ *низ*—(низвержем) не славянскій, а выдуманный переводчиками; *ви* (т. е. *вы*) у Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ, но правильно *из*, какъ говорятъ Словинцы. Эти примѣры достаточно показываютъ способъ, какъ разсуждаетъ Крижаничъ въ своей граматикѣ „русскаго языка“ о разныхъ явленіяхъ славянскихъ нарѣчій вообще.

Удареніе (влак, завлак) - важный знакъ славянскихъ нарѣчій; говорится же: „завлачит по-руску или по-сербску“. У Словинцевъ (южныхъ Славянъ) есть четыре ударенія: высокое (пра̂вда, господа̂р), долгое (гла̄ва, глуби̅на), скорое (acutus, бра́т, пра́вити), „једнакиъ“ (gravis) тамъ, гдѣ нѣтъ тѣхъ трехъ. Крижаничъ считаетъ только удареніе своего хорватскаго говора около Бихча, Дубовца, Озля и Рыбника правильнымъ, а на удареніе въ остальныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ смотритъ очень враждебно: польское удареніе (на предпослѣднемъ слогѣ) искажено по нѣмецкому, русское—спутано по польскому и по греческому, сербское согласуется съ хорватскимъ, только что Сербы долгое удареніе слишкомъ протягиваютъ.

Обширно говоритъ Крижаничъ объ *искаженіи языка*, смѣшивая здѣсь правду съ своими вымыслами. Во-первыхъ возстаетъ онъ противъ *кметщины* т. е. простой, грубой, устарѣвшей, кметской (сельской) рѣчи, которую употребляютъ кмети (селяне), а не племенитые люди (боляре), на пр. јужика вмѣсто племенник, клеврет вм. подружник, лобзати вм. целовати, глаголати и молвити вм. говорити. Другое искаженіе—*безъящина* (безјашщина, соликизом – soloecismus), употребленіе своихъ славянскихъ искаженныхъ словъ, на пр. пагуба вмѣсто погуба, виждь вм. види; такой способъ говорить называютъ Хорваты „безјачким“, по Безъякамъ (около Загреба), которые говорятъ-де „превратно“ [1]. *Странщина* (барбаризом, barbarismus)—употребленіе чужихъ,

---

[1]) Объ этихъ Безъякахъ часто говорятъ и словенскіе и хорватскіе протестанты XVI в.; срв. выше, стр. 257, 285, 288.

иностранныхъ словъ. Крижаничъ приводитъ много словъ, принятыхъ Славянами изъ иностранныхъ языковъ, но ведетъ себя здѣсь часто очень забавно; такъ на пр. Славяне взяли-де изъ угорскаго слова: баран (вмѣсто брав), товариш (вм. подружник); изъ турецкаго и татарскаго: асаул (поручник), батко (отец), глаз (око), козак (лехкиь коньаник), мејдан (польe); изъ нѣмецкаго: атаман (главар), букви (кньига), полк (льудство), уповање-уфање (падијање), или какъ Далматинцы говорятъ на итальянскій ладъ: уповаща, уфаща; изъ латинскаго: агнец (бравец), град (туча), луг (дубрава), луна (мисец), спина (хребет), утроба (внутрина); изъ греческаго: елеь (масло дривно), идол (балван), корабель (лађа), мзда (плача), пипе (сада). Если у Славянъ есть свои собственныя слова, то не нужно употреблять чужія; но если нѣтъ такихъ своихъ словъ или если они вышли уже изъ употребленія, то можно употреблять принятыя чужія слова, на пр. греческія патриарх, митрополит, монастир, латинскія (!): брада, вечер, венер, вольа, кобила, огонь, мати, око, два, три, и другія слова, которыя Крижаничъ считаетъ латинскими на равнѣ съ словами: олтар, вино, лев, оцет и др.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ, что не извѣстно, взяли-ли ихъ Славяне отъ Латинянъ, или эти отъ Славянъ, и думаетъ, что эти слова вѣроятно старинныя и обоимъ языкамъ общія слова [1]).

Крижаничъ, возставая противъ иностранщины и противъ *обезъянства* въ русскомъ (церковномъ славянскомъ) языкѣ по примѣрамъ греческимъ, смѣшиваетъ опять правду съ выдумками. Онъ справедливо порицаетъ способъ не склонять чужихъ словъ (Давид, херувим, концилиум), употреблять простую негацію вмѣсто правильной въ славянскомъ языкѣ двойной, мѣстоименія: мои

---

[1]) Въ Политикѣ Крижаничъ требуетъ. чтобъ изъ военной терминологіи устранились всѣ чужія слова, чтобъ вмѣсто чужихъ именъ употреблялись славянскія по крайней мѣрѣ рядомъ съ греческими, чтобъ русскій государь не называлъ себя чужимъ словомъ *царь* а славянскимъ-де *краль*, и пр. Извѣстно, что *краль* происходитъ отъ нѣмецкаго имени Karl, какъ *цьсарь—царь* отъ латинскаго Caesar (см. выше стр. 192 и 247).

(мой), твоь, јего вм. славянскаго: своь. Онъ порицаетъ рабскіе и ошибочные переводы, на пр. ὀρθόδοξος—православен вм. правоверен, такъ какъ греческое δόξα значитъ не только слава, а тоже мысль, разумъ, и не все равно: правая вѣра и правая слава [1]).

---

[1]) Замѣчаніе Крижанича вѣрно, но слово „православный" (вмѣсто „правовѣрный") вошло въ употребленіе уже въ самомъ началѣ славянской письменности, въ церквахъ болгарской, сербской и русской. Слово „православный"—буквальный переводъ греческаго ὀρθόδοξος, означаетъ то же самое что „правовѣрный", и противоставится слову λατῖνος; по этому на пр. царьградскій патріархъ говоритъ (1371 г.) о польскомъ королѣ Казимірѣ, что онъ οὐκ ὀρθόδοξος καὶ τῆς ἡμετέρας πίστεως ἀλλὰ λατῖνος. Въ Болгаріи въ XII вѣкѣ раздѣляли народы на православныхъ (съ книгами греческими, болгарскими и иверскими), полувѣрныхъ (съ книгами чешскими, угорскими, фружскими и др.) и невѣрныхъ (съ кн. еврейскими, турскими, арабскими и др.). По примѣру императоровъ или царей восточно-римскихъ (византійскихъ) цари болгарскіе называются уже въ X в. православными (въ Словѣ Косьмы о Богумилахъ), и царь Константинъ Тѣхъ говоритъ о многихъ „православныхъ" или „правовѣрныхъ" государяхъ греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ; „православный соборъ" болгарскій 1210-го г. осудилъ Богумиловъ, „православный соборъ" сербскій 1349-го г. поставилъ сербскій законникъ; по болгар. и серб. прологу XIV-го в. Кириллъ и Меѳодій учили „православнѣи вѣрѣ"; въ началѣ XV-го в. въ Сербіи думали, что чешскіе гуситы близки къ православію; въ началѣ XVIII-го в. сербскій патріархъ Арсеній обращается ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Черной Горѣ и въ Герцеговинѣ, и пр. Западно-русскіе епископы называютъ себя (въ 1415-омъ г.) „православными", и это слово употребляетъ западно-русское духовенство не только въ русскихъ но и въ польскихъ сочиненіяхъ; такъ на пр. Смотрицкій, Мужиловскій, Кисель, Могила (prawosławna cerkiew ruska, rossijska), Шумлянскій; польскій іезуитъ Кулеша (Wiara prawosławna) и босенскій францисканецъ Матіевичъ (въ смыслѣ „правовѣрный", см. выше стр. 276), и пр. Уніаты называли себя тоже православными; такъ Жоховскій (Ispowidanie prawosławnyje wiry ot wostocznych tworymoje); львовскій требникъ 1719 г. изданъ „за благословеніемъ епископовъ православныхъ" (т. е. здѣсь уніатскихъ); въ супрасльскомъ катихизисѣ 1722 г. излагается наука „вѣры православныя каѳолическія" (т. е. уніатской). Названіе „католической" принадлежитъ не одной церкви западной, а тоже вос-

Крижаничъ порицаетъ переводныя сложныя слова, на пр. вселеннаја (по греч. οἰκουμένη) вмѣсто вес свѣт, благоволиш, долготерпѣлив, и пр. Онъ жалуется на Грековъ, что они „наше јме Словинец сице казет Сглавос, Сглавинос, Склавинос, Склавос,—ј на наш народнiь позор всакого невольного хлапа и на ладјах прикованого сужньа (колодника) зовут нашим народним јменом Склавос“ [1]). Съ другой стороны Крижаничъ, въ своемъ диктаторскомъ самомнѣніи, провозглашаетъ обезьянствомъ по греческому многія формы и реченія, которыя ему просто не нравятся, на пр. dativus absolutus, формы: богат вмѣсто богатец, писмја (вм. слово, чертина), јазик (вм. народ), русское общинное: ја ходил вм. ходил сем, областныя слова: стреча (вм. срича), стребро (вм. сребро), цаса (вм. чаша), и др.; но съ другой стороны ему не нравится слово *много*, и онъ считаетъ правильною форму *вного*, какъ говорятъ Хорваты; неправильны-де формы: новјем, поучитсја (вм. новидат хочу, будет се учил), рече (вм. рекел јест, рекао јест, он рекел), и пр.

Въ отдѣлѣ о *нарѣчіяхъ* (отминахъ т. е „отмѣнахъ“ языка) Крижаничъ собралъ то, что о нихъ сказалъ на многихъ мѣстахъ граматики, и разсуждаетъ о томъ, чѣмъ отличаются нарѣчія словинскаго (славянскаго) языка, особенно русское (т. е. литератур-

---

точной; кіевскій ученый Копыстенскій написалъ соч. „Палинодія или книга обороны каѳолической святой апостольской всходней церкви“ (1621); при львовскомъ епископѣ Желиборскомъ издано „Собраніе короткое о артикулахъ вѣры православной каѳолической христіанской, якъ церковь всходная апостольская учитъ“ (1646); московскіе ученые Лихудіи говорятъ о святой православной (православно-россійской) каѳолической восточной церкви; кіевскій митрополитъ П. Могила соч. „Ὀρθόδοξος Ὁμολογία, сирѣчь Православное Исповѣданіе каѳолическія и апостольскія церкве восточныя“ (Москва 1696), и пр. Мы привели эти примѣры потому, что нѣкоторые католики считаютъ слово „православіе“ новымъ.

[1]) Этотъ упрекъ касается не однихъ Грековъ, а тоже другихъ народовъ нѣмецкихъ и романскихъ; срв. I. т. стр. 132. О превращеніи племенныхъ именъ въ нарицательныя (влахъ, сполинъ, обръ, вятъ и пр.) см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 10.

ное русско-словѣнское) и хорватско-сербское. Такъ на пр. гдѣ Русскіе говорятъ: вѣтер, отец, огонь, Хорваты и Сербы говорятъ: витар. отац, огань; рус.: главн, главѣ, кнези, льудсь (людей), вратѣх—хорв.: главе, глави, кнезе, льудиь, вратих; рус : малиь, малаја, малоје—хорв.: мали, мала, мало; рус.: великого (великаго)—хорв.: великога; рус.: јмају, јмајем—хорв.: јмам, јмамо, и пр. Дальше Крижаничъ приводитъ различія нарѣчій хорватскаго и сербскаго и въ чемъ согласуются нарѣчія хорватское и русское; тамъ гдѣ Русскіе и Хорваты говорятъ: непел, писал, братов, други (множ. ч.), влахи, тежаки, великих — Сербы говорятъ: пепео, писао, брата (родит. мн.), друзи, власи, тежаци, велицѣх; хорватское: тило, вера — сербское: тиело, виера и пр. По этому хорватская „отмина" кажется болѣе красивою (лишльа) остальныхъ, равнымъ образомъ какъ и между греческими нарѣчіями атическое считается красивѣе остальныхъ четырехъ, іоническаго, эолическаго, дорическаго и общаго; хорватское нарѣчіе не любитъ двогласныхъ или гласныхъ стоящихъ рядомъ (т. е серб тиело. напис. тѣло), а скорѣе любитъ сокращенное и рѣзкое произношеніе (тило, тело), какъ у Грековъ φιλέω, φιλέεις, и атическое φιλῶ, φιλεῖς. Хуже всѣхъ досталось со стороны хорватскаго филолога нарѣчіямъ польскому и бѣлорусскому, на которыя въ граматикѣ сыплются безпощадные упреки и всевозможная брань; бѣлорусская рѣчь не должна называться нарѣчіемъ, а скорѣе видомъ польскаго нарѣчія или просто его искаженіемъ, да польское нарѣчіе до такой степени перемѣшано съ языкомъ нѣмецкимъ и другими, что оно уже мало сохраняетъ въ себѣ подобіе славянскаго языка. Бѣлорусы „мерзко" произносятъ *г* какъ *х* (т. е. h): ход вм. год, смѣшано и ошибочно пишутъ *ы* вм. *и*: малы вм. мали; *ли*, *ни*, *ле*, *не* вм. *льи*, *ньи*, *лье*, *нье*; крали, кони вм. кральи, коньи; по польскому образцу: добрѣ вм. добро; дому (род. п.) вм. дома; „лешчина" (польщизна) — это формы: есми, бим (бым) вм. јесмо, бих; суфиксы - *изна* вм. *ина* (трутизна), - *ость* вм. *ост* (милость); — *сци* вм. *ски* (польсци). У Бѣлорусовъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, что-де искажено и превратно, у нихъ много польскихъ словъ, которыя вводятся и въ русскій языкъ, и пр.

Этихъ примѣровъ довольно, чтобъ составить себѣ понятіе объ этой граматикѣ хорватскаго филолога. Крижаничъ написалъ граматику не существующаго, не употребляемаго славянскаго языка или нарѣчія, а граматику какого-то идеальнаго языка общеславянскаго или русскаго, который понимали бы всѣ Славяне. Для этой цѣли онъ выбиралъ изъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно же изъ хорватско-сербскаго и изъ церковнаго словѣнскаго тогдашняго русскаго извода, разныя слова и правила, какъ ему казалось; онъ сталъ на точку зрѣнія чисто произвольную, субъективную, а не научную; то, что ему не нравилось, онъ отвергаетъ какъ ошибочное, искаженное, грубое, мерзкое, сельское, иностранное и пр., и исключаетъ изъ своей такимъ образомъ устроенной граматики. Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій онъ ставитъ выше всѣхъ свое родное хорватское, на которомъ говорили дворяне на его родинѣ около Бихча, Дубовца, Озля и Рыбника; это нарѣчіе, по мнѣнію автора, въ славянскомъ языкѣ то что атическое въ греческомъ, и оно, вмѣстѣ съ словѣнско-русскимъ, въ граматикѣ Крижанича составляетъ главную основу новаго общеславянскаго „русскаго" языка, скроеннаго по хорватскому образцу. Ниже всѣхъ нарѣчій авторъ ставитъ польское и бѣлорусское, которыя онъ считаетъ наиболѣе искаженными. Крижаничъ обращаетъ вниманіе на разныя славянскія нарѣчія, на словѣнско-русское (литературное), на простое русское, на хорватское и сербское, польское, бѣлорусское, изрѣдка на чешское и словѣнско-хорутанское; болгарскаго же не знаетъ. Граматика Крижанича представляетъ до извѣстной степени родъ сравнительной славянской граматики, на сколько такъ можно выразиться о филологическомъ трудѣ XVII вѣка; научною сравнительною граматикою этого труда, составленнаго до Лейбница, конечно назвать нельзя, но по этому нельзя его и строго критически разбирать съ точки зрѣнія современнаго языкознанія. Граматика Крижанича, если бы посредствомъ печати и сдѣлалась тогда болѣе доступною, не имѣла бы вѣроятно никакого вліянія на современниковъ; они бы ея не приняли какъ граматику несуществующаго языка и нарушающую весь строй письменнаго „славенскаго языка" тогдашнихъ церковныхъ книгъ, осудили бы

ее и остались бы при славенской граматикѣ Мелетія Смотрицкаго (1619, 1648), который просто изложилъ правила общеупотребляемаго у Русскихъ, потомъ и у Сербовъ и Болгаръ, церковнаго славенскаго языка.

Цѣль граматики Крижанича: создать общеславянскій языкъ понятный для всѣхъ Славянъ, очень похвальна, но способъ осуществленія этой мысли совсѣмъ неудаченъ: произвольнымъ смѣшеніемъ славянскихъ нарѣчій и диктаторскимъ субъективнымъ постановленіемъ извѣстныхъ правилъ такой цѣли достигнуть нельзя. Крижаничъ долженъ былъ прямо сказать: общеславянскимъ языкомъ должно быть хорватское нарѣчіе его родины, или русское нарѣчіе, если не „общинное", то литературный языкъ славено-россійскій тѣхъ временъ. Вмѣсто того Крижаничъ предлагаетъ смѣсь изъ обоихъ, съ перевѣсомъ хорватскаго. Впрочемъ не зачѣмъ упрекать за то славянскаго граматика XVII в., если вспомнить, что еще въ теченіи двухъ послѣдующихъ столѣтій до недавна забавлялись такими игрушками и думали, что возможно смѣшеніемъ славянскихъ нарѣчій создать общеславянскій языкъ. Заслугою Крижанича останется то, что онъ первый возымѣлъ мысль, что для Славянъ желательно и нужно имѣть одинъ письменный, литературный языкъ, что онъ понялъ всю важность этой мысли, и что онъ такой языкъ, устроенный, правда, по собственному усмотрѣнію, назвалъ русскимъ. Онъ сдѣлалъ первую попытку, справедливо замѣчая, что она не совершенная, что его ошибки и недостатки могутъ послѣ него замѣтить и исправить его преемники. Другой трудъ, который тѣсно связанъ съ граматикою, т. е. *общеславянскій словарь*, Крижаничъ имѣлъ въ виду, но въ ссылкѣ его совершить не могъ.

Политику посвятилъ Крижаничъ царю Алексѣю Михайловичу, которому онъ объясняетъ выше сказанныя причины своего прибытія на Русь. Знаменателенъ эпиграфъ этого сочиненія: Pro patrocinio gentis communis. Volo exigere omnes alienigenas tribunos et officiales militares; suscipio vero omnes Boristenitas, Polonos, Lituanos, Sarbos, et quoscunque gentis sclavinicae viros militares, quicunque volunt mihi militare. Въ этомъ сочиненіи Крижаничъ подробно говоритъ о народномъ хозяйствѣ, о матеріаль-

номъ благосостоянiи и о его средствахъ, о хлѣбопашествѣ, торговлѣ, промышленности, ремеслахъ и пр., разсуждаетъ о томъ, какъ жалко все это практикуется на Руси и какимъ образомъ можно все это поднять; о формѣ правленія, о разныхъ сословіяхъ, о военномъ дѣлѣ, о народныхъ обычаяхъ и пр.; онъ вообще описываетъ то печальное и мрачное матеріальное и духовное состояніе, въ которомъ находилась тогдашняя московская Русь, но описываетъ его не какъ холодный чужой наблюдатель, а какъ исполненный скорби пламенный славянскій русскій патріотъ, и горячо желаетъ перемѣны къ лучшему; онъ полагаетъ, что русскій самодержавный царь можетъ здѣсь многое измѣнить самъ по своей волѣ, что можетъ вмѣшаться и въ народный бытъ и во всякія мелочи, даже въ область одежды, бороды и пр., именно такъ какъ это потомъ дѣлалъ царь Петръ Алексѣевичъ. Минуя всѣ эти любопытныя разсужденія о разныхъ вопросахъ общественной жизни русскаго царства, мы обратимся къ тѣмъ отдѣламъ *Политики*, которые касаются общаго положенія всего Славянства.

„Многократно думаю объ окаянномъ состояніи всего нашего народа славянскаго, который раздѣляется на шесть племенъ, на Русскихъ, Ляховъ, Чеховъ, Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, и взвѣшиваю, какъ мы сдѣлались уничиженными передъ всѣми народами; одни насъ люто обижаютъ, другіе съ гордостью презираютъ, съѣдаютъ и пожираютъ наше благо передъ нашими очами, и, что всего прискорбнѣе, ругаютъ, осмѣиваютъ, ненавидятъ насъ, называютъ варварами, и ставятъ насъ скорѣе въ число скота чѣмъ людей“. Греки называютъ раба-склавомъ т. е. Славяниномъ, Болгарина — не человѣкомъ (Vurgaris apantropos), и такъ и Угры Словака (Tót nem ember); Полякъ у Французовъ - медвѣдь, у Итальянцевъ — дуракъ, у Нѣмцевъ — воръ, вмѣстѣ съ Угромъ, Хорватомъ, Чехомъ; у нихъ есть пословица: Die Ungarn und Krabaten haben einander lieb, wann der Böhm zu ihnen kommt. da sind drei rechte Dieb, и пр. Но Славяне не осуждены или предназначены на варварство, какъ хотѣли бы наговорить свѣту ихъ враги; и Славяне могутъ учиться. какъ и другіе народы, особенно нынѣ, когда богъ въ своемъ милосердіи и въ своей щедрости

возвысилъ на Руси славянское государство намъ на славу и могущество, какого въ прежніе времена въ нашемъ языкѣ никогда не было. Славяне, правда, отстали отъ остальныхъ образованныхъ народовъ; они, въ сравненіи съ этими народами, грубы и необразованы, но они все таки не варвары; иноплеменники увеличиваютъ дѣйствительные недостатки Славянъ, и гдѣ таковыхъ нѣтъ, то они ихъ вымышляютъ и безстыдно лгутъ; пишучи о народѣ русскомъ или другомъ славянскомъ, они пишутъ не исторію, а сатирическую глупую пѣснь. Дѣйствительные недостатки Славянъ—лѣнь, грубость и необразованность въ сравненіи съ другими европейскими народами, пьянство и расточительность, жестокость къ подданнымъ, крайность формы правленія: у Русскихъ она крутая, а у Поляковъ многотиранская да звѣрская неурядица (licentia bestialis), и послѣдніе глупо гордятся, что Польша держится анархіею (Polska nierządem stoi) [1]. Большимъ недостаткомъ Славянъ безмѣрное подражаніе всему чужому, „чужебѣсіе“, податливость иноплеменникамъ даже противъ собственныхъ братьевъ. „Иноплеменники влекутъ насъ на свою сторону, толкаютъ насъ въ свои распри, и сѣютъ между нами несогласіе. А мы по своей глупости даемся въ обманъ, за другихъ воюемъ, чужія войны дѣлаемъ своими, ненавидимъ другъ друга, враждуемъ другъ противъ друга на смерть, братъ брата прогоняетъ безъ всякой нужды и причины. Иноплеменникамъ во всемъ вѣримъ и съ ними соблюдаемъ дружбу и договоры, а сами себя и своего народа стыдимся и отъ него отказываемся; идемъ безъ всякаго разсудка за ними, и истребляемъ другъ друга безъ числа и конца“. Податливость и любовь Славянъ къ иноплеменни-

---

[1]) О Полякахъ Крижаничъ рѣзко отзывается и въ соч. De providentia dei; онъ справедливо замѣтилъ, что польская свобода есть не что иное, какъ раздѣленіе верховной власти на многія части или на низшіе члены, а этимъ раздѣленіемъ верховная власть, истекающая отъ бога, дѣлается слабою; Поляки, когда только ни договаривались объ чемъ-нибудь съ Нѣмцами, всегда выходили обманутыми и побѣжденными; не знаю, не тоже ли бываетъ и съ нами Русскими, и пр.

камъ и ко всякой чужеземщинѣ превосходятъ всѣ границы. Хотя иноплеменники насмѣхаются надъ Славянами, живутъ ихъ потомъ и всячески ихъ эксплуатируютъ, неопытные и неискусные Славяне все отъ нихъ выносятъ, и позволяютъ обдирать себя; Греки, Жиды, Армяне, особенно же „Нѣмцы, эти вши и саранча, засѣли на нашей спинѣ, ѣздятъ на насъ, бьютъ насъ какъ скотину, и называютъ насъ свиньями и псами; они, какъ скоморохи медвѣдей водятъ и мучатъ, продернувши черезъ ихъ ноздри кольцо, влекутъ насъ на игры и шутки, устраиваютъ намъ королевства и ставятъ намъ королей, даютъ намъ королевскія имена, творя себя богами, а насъ дураками, и изъ нашихъ такъ глупо поставленныхъ королей дѣлаютъ себѣ слугъ на посмѣшище всему міру; такъ цесарь нѣмецкій въ Чехіи поставилъ короля и назвалъ его своимъ чашникомъ“. Всѣ народы проклинаютъ чужевластіе—власть иноплеменниковъ, считаютъ ее самымъ большимъ бѣдствіемъ, рабствомъ, позоромъ; одни только Славяне не понимаютъ этого; призываютъ иноплеменниковъ въ государи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія; и Русскіе часто думали о шведскихъ королевичахъ, о Варягахъ, а Поляки искали своихъ королей со всѣхъ концовъ міра; кто бы перечислилъ всѣ срамоты, которыя одни Поляки претерпѣли отъ инородныхъ государей, написалъ бы цѣлыя книги. Меньшій здѣсь срамъ, если славянскіе народы, Болгаре, Сербы и Хорваты, достались подъ турецкое господство вслѣдствіе завоеванія. Государь иноплеменникъ приводитъ съ собою своихъ людей иноплеменниковъ, и эти вводятъ чужіе законы, притѣсняютъ и покоряютъ туземцевъ, и, будучи умнѣе и хитрѣе, надуваютъ ихъ, мучатъ, срамятъ, бьютъ, съѣдаютъ богатства земли, занимаютъ болѣе удобныя мѣста, а болѣе тяжелыя работы предоставляютъ туземцамъ. Государи иноплеменники повсюду вмѣшиваются въ наши дѣла, дѣлаются нашими посредниками и примирителями, притворяются, будто желаютъ водворить между нами миръ; но они со дня рожденія не думаютъ о нашемъ мирѣ, а скорѣе сѣютъ между нами внутренніе раздоры, извѣдываютъ наши тайны, и пользуются всѣмъ для своихъ цѣлей. И такъ для царствованія лучше наихудшій туземецъ, чѣмъ наиболѣе выдающійся чужеземецъ, лучше жесточай-

щій тиранъ туземецъ, чѣмъ сладчайшій Давидъ изъ чужеземцевъ. Ибо невозможно, чтобъ туземецъ лишился любви своего народа, и еслибъ онъ былъ разбойникъ и отцеубійца; а невозможно, чтобъ чужеземецъ больше любилъ нашъ народъ, чѣмъ народъ свой, въ которомъ онъ родился, или народы другіе, которые болѣе на него похожи. Если уже нужно выбирать государя, то надо выбирать не чужеземца, а человѣка славянскаго рода; этотъ государь долженъ выдавать своихъ дочерей только за государей славянскаго рода, или за своихъ бояръ, и долженъ жениться только на Славянкахъ [1]). Крижаничъ, ратуя противъ чужебѣсія, не осуждаетъ однако огуломъ всего чужого, такъ какъ хорошее надо принимать откуда бы то ни было; но онъ замѣчаетъ, что иностранцы даже подъ предлогомъ, что они приносятъ хорошее, стремятся обдирать всячески Славянъ; по этому надо пользоваться ихъ услугами только осторожно, особенно въ военномъ дѣлѣ; но Славяне западные и южные—замѣчаетъ Крижаничъ—должны быть на Руси считаемы не иностранцами, а поставлены на равнѣ съ Русскими.

Наибольшіе враги всѣхъ Славянъ — это Нѣмцы, приносящіе Славянамъ разныя язвы и заразы, преимущественно ересь, избытокъ и роскошь, разрушеніе самодержавія, что особенно замѣтно въ польской неурядицѣ. Крижаничъ страстно возстаетъ противъ Нѣмцевъ, приписывая имъ почти все горе злочастіе постигшее славянскій міръ [2]). Нѣмцы насъ выжили изъ цѣлыхъ

---

[1]) Эти мысли Крижанича очень напоминаютъ мысли Чеховъ XIV—XV вѣковъ. Въ такомъ смыслѣ разсуждаетъ на пр. лѣтописецъ начала XIV в., т. наз. Далимилъ: Bude-li nad vámi cuzozemec vlásti, nemoci bude dlúho vaš jazyk trvati. Každý kraluje přieteli svými, i jeden múdrý nerad' se s cuzími. Pojme k sobě lud jazyka svého, a na vás lud bude hledati viny, a svým rozdělí vaše dědiny. Čěsto své, ač i krastavo, nedaj v své cuzozemcu. česká hlavo. Kdo jeden jazyk, tu jeho sláva и пр. Въ такомъ смыслѣ разсуждаютъ часто и чешскіе гуситы; срв. на пр. выше, стр. 26.

[2]) Ненависть къ Нѣмцамъ была тогда въ ходу и въ Угріи и въ Хорватіи (срв. т. I, стр. 52). и нашла себѣ выраженіе и въ хорватской литературѣ (срв. выше, стр. 211).

державъ — восклицаетъ славянско-хорватскій патріотъ — изъ Моравіи, Поморья, Силезіи, Пруссіи; въ Чехіи остается уже мало славянскаго рода по городамъ, а у Поляковъ всѣ города наполнены иноплеменниками. Когда нѣмецкіе купцы и ремесленники въ какомъ-нибудь городѣ расплодятся и размножатся до того, что у нихъ достаточно силы, то они нашихъ людей прогоняютъ изъ городовъ или убиваютъ, укрѣпляютъ городъ и дѣлаются самовластными господами на нашъ позоръ и вредъ. Такъ они сдѣлали въ Гданскѣ, Торунѣ, Ригѣ и въ другихъ городахъ; повсюду они прогнали насъ отъ моря и отъ большихъ судоходныхъ рѣкъ въ широкія поля землю пахать. Мы ихъ холопы, пашемъ для нихъ землю, и воюемъ въ ихъ пользу, чтобъ они сидѣли безъ дѣла въ городахъ, въ каменныхъ домахъ, пировали, и называли насъ свиньями, псами и ослами. Они своими собачьими угрызками и притѣсненіями довели большую часть нашихъ Славянъ, живущихъ между ними, до отчаянія, такъ что они стыдятся своего языка и рода, многіе скрываютъ свое происхожденіе и выдаютъ себя за людей иного народа. Нѣмцы, захватившіи господство въ Угріи, Чехіи, Польшѣ и Литвѣ (т. е. шведская династія), гнѣваются, зубами скрежещутъ, рвутся, что не могли захватить и русскаго государства, которое всегда одинъ богъ спасалъ отъ прелютаго ига нѣмецкаго. По этому они изъ Славянъ больше всего ненавидятъ Русскихъ, вредятъ имъ всячески, распространяютъ о нихъ наинностыднѣйшіе разсказы, и сдѣлали то, что во всей Европѣ презираютъ Русь, и что вся честь и слава этого царства уничтожена; они убѣдили въ томъ даже Поляковъ, которые повсюду распѣваютъ и проповѣдуютъ безславіе Русскихъ [1]).

---

[1]) Со временъ Крижанича ничего здѣсь не измѣнилось, и до сихъ поръ народы средней и западной Европы стараются превосходить другъ друга въ ругательствахъ изливаемыхъ на Русь. Въ 1837-омъ г. извѣстный нѣмецкій ученый Фальмерайеръ написалъ слѣдующія любопытныя слова: Seit dem Congress von Aachen (собственно уже со временъ Рюрика) darf man in Deutschland, ohne in der öffentlichen Meinung empfindlich einzubüssen, die Russen, selbst wenn sie es verdienen, nicht mehr loben. Die leiseste Anerkennung russischer

Неменьшими врагами Славянъ—Греки. Они тоже презирають Славянъ-варваровъ, превратили ихъ названіе въ постыдное значеніе склава, Болгаръ называютъ не-людьми; о Русскихъ выражаются, что это варвары, и что ихъ слѣдуетъ принуждать къ обязанности не словами, а ударами и кнутьями, а между тѣмъ праздношатающіеся греческіе архіереи и монахи повсюду на Руси собираютъ деньги; Греки стремятся завладѣть сербскимъ патріархатомъ, и предлагаютъ Туркамъ за это большія деньги. Одинъ Грекъ сердился-де на блаженнаго Кирилла солунскаго, зачѣмъ онъ изобрѣлъ и передалъ намъ славянскія буквы и перевелъ св. писанія; слѣдовало не давать тѣмъ людямъ буквъ, ни переводить писаній, а принудить ихъ, чтобы учились языку и буквамъ Грековъ, пусть бы такимъ образомъ нуждались въ греческихъ учителяхъ. Нѣмцы и Греки ищутъ надъ нами господства, и для этой цѣли постоянно сѣютъ между нами внутренніе раздоры. Нужно же подумать, что мы Русскіе люди одного языка съ Поляками и сыновья одного отца; для сего царства не можетъ быть большаго счастья, какъ если бы между нами утверждалось братское согласіе. Греки—по мнѣнію Крижанича - отъ части причиною, что нынѣ и въ другихъ случаяхъ безъ мѣры пролилась кровь между нами и нашими братьями Поляками, и что до сихъ поръ у Поля-

---

Vorzüge erregt Kälte und Verdacht, weil bei aller individuellen Liebenswürdigkeit doch die Nation im ganzen und ihr politisches Regiment insbesondere sich bei uns keiner grossen Sympathie zu erfreuen hat. Sogar der alte Heidenspruch: Virtus et in hoste laudanda est, hat den Russen gegenüber bei den abendländischen Christen keine Geltung mehr. Fremde Vorzüge, wenn man sie nicht wegdisputiren kann, doch wenigstens zu ignoriren, gilt bei uns für eines der wirksamsten Mittel seine patriotische Gesinnung kundzugeben, und die verfallene Grösse des Vaterlandes wiederherzustellen. Nationalvorurtheilen schroff entgegenzutreten wird aber keiner wagen, der den Frieden liebt und die Achtung derjenigen nicht verscherzen will, mit denen er leben muss. Эти слова Фальмерайера можно услышать среди Нѣмцевъ и нынѣ.

ковъ не царствуетъ кто-нибудь изъ рода нашихъ царей [1]). Демонъ, завидующій всякому благу человѣческаго рода, подстрекаетъ оба народа, Нѣмцевъ и Грековъ, постоянно препятствовать нашему согласію и возбуждать между нами вѣчныя распри, вражды и войны; обоимъ народамъ въ высшей степени полезенъ нашъ раздоръ, чтобы привести надъ нами въ дѣйствіе злѣйшія свои желанія и усилія. Знаютъ Греки: будь мы согласны, разомъ сознали бы мы ихъ продѣлки и уже нельзя бы имъ было пользоваться отъ Руси тѣми выгодами, которыя имѣли они доселѣ. Знаютъ Нѣмцы, особенно Шведы: будь между нами согласіе, нелегко бы имъ было удержать за собою то, что они заграбили у Поляковъ; но когда у Поляковъ будетъ война съ нами, Шведы надѣются и заграбленное удержать и еще болѣе награбить. А другіе Нѣмцы, величающіе себя римскими императорами, съ давнихъ вѣковъ разѣваютъ пасть, какъ бы завладѣть Польшею [2]); но они видятъ, что не могутъ исполнить своего намѣренія, если бы Поляки жили съ нами въ святой пріязни. По этому эти гордые, надменные, достойные осмѣянія и суетные владыки всего міра, наши насмѣшники, то и дѣло шлютъ къ намъ пословъ и сочиняютъ, будто они наши друзья. Между тѣмъ, всѣми этими посольствами они никогда не выражали другихъ притязаній, никогда не добивались ничего другого, какъ только чтобы сѣять раздоръ между нами, и убѣждать насъ, будто бы они какого-то высшаго достоинства сравнительно съ нашими свѣтлѣйшими царями. Крижаничъ ненавидитъ Нѣмцевъ безмѣрно, рисуетъ ихъ характеръ самыми темными красками, и говоритъ, что надо отъ нихъ бѣжать и ненавидѣть ихъ какъ драконовъ и чертей!

О раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную, Крижаничъ, католическій священникъ, высказывается необыкно-

---

[1]) Здѣсь католическій священникъ Крижаничъ схватилъ не вѣрно характеръ исторической борьбы Ляховъ и Руси на востокѣ Европы; въ этой борьбѣ Славянства—изъ постороннихъ силъ—играетъ главную роль не Константинополь, а Римъ. Срв. выше, стр. 80. 95, 193.

[2]) Срв. выше, стр. 25, слова чешскаго короля Премысла Отакара II.

веннымъ въ тѣ времена образомъ. Глупо поступаетъ тотъ—разсуждаетъ Крижаничъ—кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ онъ не можетъ извлечь пользы. Что выше насъ, это насъ не касается. Церковный раздоръ послѣдовалъ по поводу соревнованія двухъ народовъ, ради верховной власти мірской и церковной, ради римскаго царства и папства. Пусть борются тѣ, которымъ эти власти богомъ даны, Римляне и Греки. А намъ Славянамъ онѣ богомъ не даны, не подъ силу, не нужны. Безумно и глупо бы было намъ о томъ думать, чтобы намъ въ руки досталось либо римское царство либо верховная власть въ церкви; мы Славяне и Русскіе далеки отъ этого. Не хорошо и не слѣдуетъ стремиться къ недостижимымъ и невозможнымъ вещамъ. Намъ во вѣки не завладѣть ни тѣмъ царствомъ ни папствомъ. Пусть будетъ римское суетное и Іисусомъ Христомъ разоренное царство, гдѣ хочетъ; пусть будетъ церковное первенство либо въ Римѣ либо въ Царьградѣ. Мы скорѣе по-дружески пусть выслушаемъ обѣ стороны и постараемся ихъ примирить. Мы не обязаны оборонять чужія власти. Мы приняли отъ Грековъ, Поляки отъ Римлянъ святую вѣру и законы церковные; мы должны беречь и оборонять эти вещи, а не власти, не поддерживать клеветъ греческихъ или римскихъ. Если патріархъ и папа препираются, дерутся и таскаютъ другъ друга за бороды ради первенства, мы ради этого первенства не должны производить раздора, ни заступаться за тѣхъ, которые производятъ раздоръ. Мы должны скорѣе мирить Грековъ съ Римлянами: ибо отъ нашего народа, отъ Болгаръ, произошла одна изъ главныхъ причинъ раздора, и ради Болгаръ впервые учили Греки проклинать Римлянъ. Если же нашъ народъ былъ причиною зла, то слѣдуетъ ему быть и причиною добра.

Что касается внѣшней русской политики, то Крижаничъ совѣтуетъ, чтобъ Русь не распространялась все на сѣверъ и на востокъ, а чтобъ она обратила главное вниманіе на югъ, на крымскихъ Татаръ, на это опасное гнѣздо разбойниковъ, которые завлекаютъ сотни тысячъ русскаго народа, мужчинъ и женщинъ, въ рабство, опустошаютъ всю южную Русь, которая ради татарскаго страха не можетъ быть воздѣлываема, и ужасно мѣшаютъ

и вредятъ русской торговлѣ съ Турціею. На всѣхъ турецкихъ военныхъ корабляхъ не видно почти другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія, а въ городахъ Греціи, Палестины, Сиріи, Анатоліи, Египта и всей Турціи столько русскихъ невольниковъ, что тамъ спрашиваютъ у нашихъ: Остались на Руси еще люди? Хищныхъ Татаръ надо истребить съ помощью Поляковъ, богатый и плодородный Крымъ колонизировать Русскими, Поляками, вообще всѣми Славянами и другими народами, исключая Нѣмцевъ; Татаръ же, которые не приняли бы христіанства, прогнать, и царскую столицу перенести въ Перекопъ. Это будетъ первое приготовленіе къ болѣе важному дѣлу, къ войнѣ съ Турціею и освобожденію южныхъ Славянъ; вѣдь между Турками распространено пророчество, что они погибнутъ отъ сѣверныхъ русыхъ народовъ, стало быть отъ Русскихъ, Поляковъ и вообще Славянъ. Это дѣло пока еще невозможно, но надо къ нему приготовляться и искать союзниковъ, коими будутъ и сосѣди и сами христіанскіе народы Турціи. Все это необходимо, чтобъ наконецъ славянскій народъ былъ освобожденъ отъ турецкаго ярма. Русскій царь самодержецъ имѣетъ для всѣхъ этихъ подвиговъ достаточно власти. Крижаничъ считаетъ сильную монархію, какая существуетъ на Руси, большимъ благодѣяніемъ, а своеволіе и неурядицу въ Польшѣ величайшимъ зломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, приверженецъ просвѣщеннаго абсолютизма и реформъ сверху, требуетъ, чтобъ царь какъ истый отецъ господарь своего народа ввелъ реформы въ управленіи, судопроизводствѣ и пр., и пожаловалъ своему народу извѣстныя льготы; этимъ онъ пріобрѣтетъ себѣ расположеніе другихъ сосѣднихъ народовъ, которые охотно сдѣлаются его подданными. Если бы Славяне лучше сознавали свои силы и способности, если бы прежніе славянскіе государи знали силу своего народа и воспользовались ею противъ другихъ народовъ, какъ слѣдовало, они бы могли совершать чудеса.

Крижаничъ, въ краткомъ историческомъ очеркѣ, представляетъ судьбы Славянъ, паденіе Славянъ западныхъ и южныхъ и усиленіе Руси [1]). При царяхъ Маврикіѣ, Фокѣ и Юстиніанѣ—

[1]) Нѣкоторыя мысли *Политики* повторены и въ соч. De providentia dei (стр. 86).

говоритъ Крижаничъ — вышли Славяне, наши предки, изъ Руси за Дунай и завладѣли Илиріею, Мизіею, Далмаціею, Истріею, Панопіею, Дакіею, Ѳракіею и Македоніею, т. е. землями болгарскою, сербскою и хорватскою, и часто побѣждали Грековъ. Но они не соблюдали порядка и единодушія между собою, и по этому они вскорѣ потеряли пріобрѣтенное господство и подпали подъ власть другихъ народовъ; они живутъ тамъ доселѣ, но плачевнѣйшимъ образомъ, ибо всѣ—жалко смотрѣть—служатъ чужимъ народамъ. Другая часть славянскаго народа жила около нѣмецкаго моря въ Поморьѣ, Польшѣ, Силезіи, Чехіи и Моравіи. Но и тѣ въ слѣдствіе великаго своего несогласія, общенія и сватанія съ Нѣмцами подпали подъ нѣмецкую власть и въ позорное рабство, и онѣмечились, такъ что они нынѣ ни Славяне ни Нѣмцы. Потомъ прогнали насъ Нѣмцы изъ поморскихъ, прусскихъ и ливонскихъ городовъ и отъ всего того нынѣ нѣмецкаго а прежде славянскаго моря. Послѣ того, въ слѣдствіе нашихъ грѣховъ, мы были очень наказаны повальнымъ погромомъ отъ дикаго народа. Татары люто опустошили Русь и Польшу, разгромили и долго мучили и отъ части еще мучатъ. Потомъ наступило время для наказанія татарскихъ грѣховъ и сокращенія татарской надменности, чтобъ они окончательно не искоренили народовъ русскаго и польскаго. Тогда богъ послалъ счастье князю Димитрію Ивановичу Донскому, и потомъ царю Ивану Васильевичу, что они вытѣснили Татаръ изъ Руси, Казани, Астрахани и Сибири. Такимъ образомъ мы опять расширились. Но въ то же самое время, когда мы растянулись на востокъ, на западѣ мы скорчились: ибо Нѣмцы насъ прогнали, не силою а коварствомъ, отъ всего берега варяжскаго моря и отъ весьма удобныхъ и нужныхъ пристаней. О поморской, слезской, чешской и моравской земляхъ, и о приморскихъ городахъ, Гамбургѣ, Любекѣ, Гданскѣ, Ригѣ и другихъ, которые когда-то давно были славянскіе, и о ихъ пріобрѣтеніи—кажется намъ тщетно и думать. Слѣдуетъ замѣтить, что очень рѣдко случается, чтобъ какой-нибудь народъ опять возвратился къ тѣмъ землямъ, которыя когда-то потерялъ, особенно когда онѣ попали въ руки сильному врагу. И такъ и намъ Славянамъ слѣдуетъ отвергнуть отъ себя мысли о городахъ и при-

станяхъ варяжскаго моря [1]). Напротивъ, сіе время кажется намъ удобнымъ, чтобъ мы, съ помощью божіею, ширились къ Черному морю и къ его берегамъ и пристанямъ, болѣе полезнымъ и нужнымъ чѣмъ варяжскіе. Народъ, который выселился за Дунай, потерялъ уже свой языкъ; задунайскіе Славяне, Болгаре, Сербы и Хорваты, уже давно потеряли не малое государство, всю силу, и языкъ и весь разумъ, такъ что они не понимаютъ, что такое честь и достоинство и не думаютъ о ней; у другихъ народовъ они считаются въ ряду скотовъ и ни во что не цѣнятся; сами же себѣ никакъ помочь не могутъ, а внѣшняя сила имъ необходима, чтобъ опять подняться на ноги и стать въ число народовъ. Ты царь, если въ нынѣшнее тяжелое время не можешь имъ помочь къ совершенному поправленію, если не можешь того государства привести въ прежнее состояніе и устроить, то можешь по крайней мѣрѣ языкъ славянскій въ книгахъ исправить и просвѣтить, и пригодными понятными книгами тѣмъ людямъ разумныя очи открыть, чтобъ они начали узнавать свою честь и думали о своемъ повстаніи. Въ послѣдствіи и Чехи и недавно Поляки впали въ одинаковое съ задунайскими Славянами окаянство, то есть потеряли государство, силу, языкъ и разумъ. Хотя Поляки хвастаются обманчивою тѣнью государства и распущенными свободами, тѣмъ не менѣе міру извѣстно, что Поляки изъ своихъ нуждъ и срамотъ сами себѣ никакъ помочь не могутъ, а внѣшняя поддержка имъ нужна, чтобъ стать на ноги и дойти до прежней чести. Эту поддержку, поправленіе и народное просвѣщеніе, ты царь, съ божіею помощью, можешь Полякамъ легко принести, если ты съ ними заключишь крѣпкій договоръ.

Государей славянскаго рода —кончаетъ Крижаничъ свои политическія разсужденія—нигдѣ больше нѣтъ, какъ только здѣсь на Руси. По этому на тебя одного, величественный царь, смотритъ весь народъ славянскій. Ты какъ отецъ изволь заботиться и думать о разсѣянныхъ дѣтяхъ, чтобъ ихъ собрать. Заботься объ обманутыхъ и чужими обольщеніями одураченныхъ, чтобъ

---

[1]) Петръ Великій такъ не думалъ; срв. ниже его мысли о необходимости балтійскаго (варяжскаго) моря для Руси.

имъ возвратить разумъ, какъ тотъ отецъ въ евангеліи сдѣлалъ блудному сыну. Ибо многіе изъ нихъ какимъ-то волшебнымъ напиткомъ, будто чашею Цирцеи, взбѣшены и въ скотскую породу превращены, что они не чувствуютъ своихъ лютѣйшихъ нуждъ, какія они терпятъ отъ иноплеменниковъ, не узнаютъ окаяннаго позора, а радуются ему и сами его ищутъ, то есть что они сами на себя призываютъ инородныхъ государей. Ты царь одинъ нынѣ намъ богомъ данъ, чтобъ помочь и задунайскимъ Славянамъ, и Полякамъ и Чехамъ, чтобъ они стали узнавать свои угнетенія и срамоты, помышлять о просвѣщеніи народа, и сбрасывать съ шеи нѣмецкое иго. Ты намъ всѣмъ по истинѣ господарь народный отецъ, и мы какъ дѣти крѣпко надѣемся прежде всего на бога и затѣмъ на тебя, господарь. О царь, ты держишь въ рукахъ чудотворный жезлъ Моисея, и можешь имъ творить дивныя чудеса: ты держишь совершенное самодержавіе и по этому имѣешь совершенную покорность и послушаніе у своихъ подданныхъ, и можешь съ помощью божіею просвѣтить и прославить не только это царство, но и весь народъ славянскій, можешь снискать себѣ у славянскаго народа нескончаемое благословеніе [1])!

---

[1]) Приводимъ здѣсь нѣсколько мыслей Крижанича въ подлинной формѣ, на сколько она можетъ быть возстановлена по руской транскрипціи Безсонова: „Задунајски Словенци, Болгари, Серби, Хервати, уже давно јесут згубили не лихо кральество, но и силу вѕју, и јазик, и вес разум, тако да уже и не разумејут, что јест чест или преценба, и не думают о неј, и сами от себе никако сја могут помоч, но извонска сила им јест потребна, да бјеху могли опјат на ноги повстат и в число народов сја поставит... Потом того и Чехи, а напосльѐ да недавно и Љахи в једнаково окајанство со Задунајци јесут упали, то јест, јеже сут кральество и силу и јазик и разум згубили... На тебе јединого, о пречеститиј царју, јест спало смотреније всего народа словенского. Ти јако отец изволи носит скорб и чинит промисел на разсипаних детеј, да их собереш... Ти, реку, једин о царју сада нам јеси от бога дан, да и Задунајцем и Љахом и Чехом пособиш, да учнут познават утиски и остуди своја, и об осветльењу народа промишльат, и ньемецкиј јарем из вратов зметат... О царју, ти в руках держиш чудотворниј Моисеев пруг,

Таковы „политическія думы“, которыя ревностный славянскій патріотъ приноситъ въ подарокъ русскому царю, предполагая, что и ему будутъ полезны. Крижаничъ не перестаетъ и во все время своей ссылки думать о положеніи Руси и всего Славянства; его безпокоятъ особенно успѣхи главныхъ враговъ Славянства, Нѣмцевъ, и онъ высказываетъ эти опасенія еще не задолго до освобожденія изъ Сибири, въ письмѣ царевичу Федору (litterae pro liberatione, 1675): Ни одинъ народъ подъ солнцемъ не выноситъ отъ иноплеменниковъ столько оскорбленій, безчестій, позора, брани, вреда, соблазна, замѣшательствъ, поношеній, измѣны и разореній, какъ народы русскій и польскій на своей родинѣ и подъ своимъ государемъ отъ Нѣмцевъ. Нѣмцы не только войною но и всякимъ коварствомъ забираютъ каждое государство, гдѣ люди менѣе осторожны и недостаточно остерегаются отъ ихъ нападеній и наводненія. Они либо воюютъ подъ знаменами своихъ государей или на службѣ чужихъ государей, либо подъ именемъ торговли пробѣгаютъ весь міръ на сушѣ и на морѣ, въ чужихъ странахъ содержатъ своихъ торговыхъ агентовъ или проживаютъ въ качествѣ пословъ при другихъ государяхъ, занимаются искусствомъ врачебнымъ или другимъ, дѣлаются переводчиками, принимаютъ религію другихъ народовъ, чтобъ пріобрѣсти привилегіи того народа, сдѣлаться дворянами, патриціями и наконецъ князьями. Такъ какъ у Нѣмцевъ столько разнообразныхъ способовъ и причинъ, чтобъ приходить въ чужія страны и въ нихъ жить, то сталось, что въ разныхъ государствахъ нѣмецкіе рабы очень размножились; когда же они увидали, что ихъ въ какомъ-нибудь городѣ довольно много, то они скоро, при удобномъ случаѣ, завладѣвали имъ, или передавали его какому-нибудь князю своего народа, или измѣняли на войнѣ чужому государю, у котораго находились они на военной службѣ. Такимъ образомъ сдѣлались нѣмецкими земли нашего народа, Чехія, Силезія, Моравія, Поморье, большая часть Угріи, и др. Иногда они

и можеш ним творит дивна во владанју чудеса, држиши совершено самовладство... можеш заискат у словенского народа неустајно благословљенје“.

подъ именемъ священнаго войска или крестоносцевъ съ начала тихо вкрадываются, а потомъ измѣннически и жестоко похищаютъ чужія земли, коренныхъ жителей либо прогоняютъ, либо убиваютъ, либо исключаютъ изъ рядовъ дворянства для воздѣлыванія полей. Такъ они поступили въ Пруссіи и Ливоніи, и чуть-чуть не сдѣлали цѣлой Польши нѣмецкою. Куда стремится Русь — Russia quo spectat? [1])

Крижаничъ, кромѣ общеславянскихъ граматики и словаря, задумалъ тоже исторію всего Славянства, съ характеромъ полемическимъ, въ которой—по словамъ автора—былъ бы уничиженъ и побѣжденъ нѣмецкій зазоръ съ своими клеветами и гнусными хулами. Крижаничъ хорошо зналъ всю тогдашнюю европейскую исторіографію, славянскую и неславянскую, какъ это видно въ его *Политикѣ*, которая представляетъ до извѣстной степени тоже родъ общеславянской исторіи. Но очутившись скоро, послѣ своего прибытія въ Москву, въ Сибири, Крижаничъ не могъ осуществить своего плана относительно исторіи всего Славянства. Изучая русскія лѣтописи, онъ въ Тобольскѣ въ 1662-омъ г. составилъ ихъ сводъ, съ древнѣйшихъ временъ до 1652-аго года, на древне-русскомъ языкѣ (пишетъ: Владимеръ, Всевладъ, Новгадъ, юзеро, но: король, королевичъ), писанномъ латиницею [2]).

Разныхъ вопросовъ по русской и вообще славянской исторіи Крижаничъ касается въ своей *Политикѣ*, при чемъ часто обличаетъ разныя сказки и басни, водворившіяся въ русскихъ и вообще славянскихъ лѣтописяхъ въ качествѣ историческихъ фактовъ; но съ другой стороны онъ тоже часто не можетъ осво-

---

[1]) Черновая этого письма Крижанича хранится въ Чешскомъ Музеѣ въ Прагѣ, куда его подарилъ П. Безсоновъ; оно напечатано въ нашемъ Отчетѣ о научной командировкѣ 1882 г., стр. 69.

[2]) Подлинникъ этой лѣтописи хранится въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ; начала недостаетъ, а лѣтопись начинается сказаніемъ объ убіиствѣ Бориса и Глѣба. Въ началѣ XIX в. сдѣлана на ней надпись: Historia Rossiae, pars bohemice, pars latine. Мы знаемъ эту лѣтопись по списку, сдѣланному кириллицею, хранящемуся въ библіотекѣ института Оссолинскихъ въ Львовѣ (Nro 2163).

бодиться отъ такихъ же сказочныхъ мнѣній. Такъ на пр. онъ возстаетъ противъ постыднаго и глупаго мнѣнія, будто предки Славянъ—Скиѳы, что у многихъ тогдашнихъ историковъ означаетъ Турокъ и Татаръ, и защищаетъ мнѣніе, что нашъ языкъ одинаково древній какъ и другіе, и что Славяне (Словенцы) происходятъ отъ отца Словена Жалованную грамоту Александра Великаго, данную будто Славянамъ, считаетъ Крижаничъ смѣшною баснею; эту грамоту выдумалъ одинъ чешскій лѣтописецъ, разсказывая, что Александръ далъ Славянамъ (Илирцамъ) всѣ земли между Дунаемъ и Бѣлымъ (Мраморнымъ) моремъ; а по этому чешскому лѣтописцу русскій лѣтописецъ сталъ утверждать, что Александръ далъ скиѳскимъ-славянскимъ князьямъ Великосану, Асану и Авесхасану всѣ земли между морями варяжскимъ и хвалынскимъ. Но все это просто невозможно, такъ какъ во время Александра македонскаго въ земляхъ балканскаго полуострова между Дунаемъ и Бѣлымъ моремъ не было еще Славянъ, а жили Илиры не-Славяне; Славяне же (Болгаре, Сербы, Хорваты) выселились въ эти задунайскія, илирскія земли только около 500-го года послѣ Р. Х., именно изъ русскихъ земель; а на Руси Славяне автохтоны (доморедники), Александръ съ ними здѣсь никогда не воевалъ, и не могъ имъ давать ихъ старинной отчины; а Скиѳами (Татарами, Турками) Славяне никогда не были [1]). Повѣствованіе русскихъ лѣтописцевъ о призваніи по совѣту Гостомысла Новгородцами трехъ „самодержцевъ курфистровъ“ рода римскаго кесаря Августа изъ варяжской прусской земли - тоже глупая басня; не могли же Новгородцы быть столь глупы и надѣяться на помощь отъ Нѣмцевъ, а Варяги русскихъ лѣтописей Литовцы, которые, конечно, съ римскимъ кесаремъ Августомъ не имѣютъ ничего общаго. Скорѣе Новгородцы отняли эти страны у Варяговъ-Литовцевъ, и русскіе князья женились на дочеряхъ убитыхъ варяжскихъ князей, а позже, при Володимерѣ, стали утверждать, что онъ происходитъ въ мужской линіи отъ русскихъ князей, а въ женской отъ варяжскихъ. Производство Рюриковп-

---

[1]) О „массагатѣ“ Александра см. выше, стр. 33; о такой грамотѣ русскимъ Славянамъ см. ниже въ отдѣлѣ о Русскихъ.

чей отъ цесаря Августа—глупая и грубая ложь; а царь Иванъ, утверждавшій это, могъ довольствоваться прадѣдомъ Словеномъ. Что касается слова *царь-цесарь*, то Крижаничъ отвергаетъ этотъ титулъ какъ чужой римскій, неславянскій, а требуетъ, чтобъ употреблялось славянское-де слово *краль*; иноплеменники называютъ русскаго царя и на своихъ языкахъ царемъ, не переводя этого слова, да считаютъ и слово цесарь болѣе почтнымъ чѣмъ слово царь; они вообще не называютъ русскаго царя ни царемъ, ни цесаремъ, ни кралемъ, а просто великимъ княземъ [1]). При томъ Крижаничъ разсуждаетъ, по своему, какъ не хорошо, если люди презираютъ свои добрые нравы, законы, порядки, языкъ, оставляютъ ихъ и принимаютъ чужіе, стараясь превратиться въ другой народъ; съ тѣхъ поръ какъ князья нашего народа, Болгаре, Сербы и Хорваты, стали пренебрегать своими правами и языкомъ, и назвались деспотами, архонтами, герцогами, царями, то погибли всѣ ихъ добрые нравы, жизнь политическая и слава, и скоро тамъ покоренъ и народъ. Пусть это будетъ предостереженіемъ для Русскихъ.

Наконецъ Крижаничъ, пребывая въ Сибири, изучалъ эту страну и сосѣднія страны, именно Китай, хорошо сознавая всю важность Азіи для русской торговли; онъ давалъ разныя указанія русскому послу Николаю Спаѳарію, отправлявшемуся черезъ Сибирь въ Китай; его описаніемъ Сибири (на латинскомъ языкѣ) воспользовался и ученый Голандецъ Николай Витсенъ въ трудѣ „о сѣверной и восточной Тартаріи“ [2]). А еще на канунѣ своего

---

[1]) Срв. выше, стр. 327. Любопытно, что царь Петръ Великій въ 1718 г. указалъ издать русскій переводъ грамоты римскаго цесаря Максимиліана (1514 г.) „къ царю и великому князю всероссійскому Василію Ивановичу, котораго помянутой цесарь титуловалъ цесаремъ всероссійскимъ“ (т. е. императоромъ); объ этой грамотѣ упоминалось при поднесеніи Петру императорскаго титула въ 1721 г. (Пекарскій: Наука и литература при Петрѣ В. П. 429).

[2]) Описаніе Сибири Крижанича (но безъ имени автора) издалъ, по двумъ рукописямъ Имп. Публ. библіотеки, Спасскій: Повѣствованіе о Сибири (СП. 1822). Витсенъ въ своей книгѣ называетъ Крижанича „Фридрихъ К. монахъ польскій“.

освобожденія изъ ссылки Крижаничъ, въ Тобольскѣ 1675 г., составилъ сборникъ разныхъ статей богословскихъ и философскихъ, свое духовное завѣщаніе, обращенное „ко всему свѣтлому, славному русскому народу, богу на славу и вамъ на пользу“.

Крижаничъ возвратился изъ Сибири только по смерти царя Алексѣя Михайловича (1676), и посланъ въ отдаленный монастырь соловецкій. Въ послѣдствіи онъ оставилъ Россію, жилъ нѣкоторое время въ Польшѣ; говорятъ, что онъ въ 1683 г. находился въ войскѣ польскаго короля Іоанна Собескаго подъ Вѣною, исповѣдуя и причащая здѣсь славянскихъ воиновъ. Гдѣ и какъ онъ скончался, неизвѣстно [1]).

Крижаничъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ положенія Славянства XVII в., его настоящаго и прошлаго. Онъ хорошо сознаетъ бѣдственное его положеніе, матеріальное и духовное, особенно въ сравненіи съ его исконными неумолимыми врагами, Нѣмцами, которые далеко опередили Славянъ и неуклонно пользуются своимъ преимуществомъ для ихъ дальнѣйшаго униженія, ослабленія, истребленія. Крижаничъ съ болью чувствуетъ это печальное состояніе славянскато міра, пламенно желаетъ поднятія его умственнаго уровня, его просвѣщенія, его полнаго освобожденія изъ-подъ иноплеменнаго господства, вліянія и опеки. Многія мысли Крижанича необыкновенно смѣлы, поразительны, въ XVII в. неожиданны. Безмѣрныя нападки Крижанича на

---

[1]) Благодарственное письмо Крижанича царю Федору Алексѣевичу изъ соловецкаго монастыря (1676 г.) издалъ Добротворскій въ Ученыхъ запискахъ казан. университета 1865, I; оно написано обыкновеннымъ тогда языкомъ славенороссійскимъ, и въ немъ Крижаничъ между прочимъ проситъ царя отпустить его въ Италію, гдѣ онъ желаетъ помолиться „при мощахъ угодника Господня Николы чудотворца... за упокоеніе души блаженно-памятнаго и вѣчно славнаго отца твоего государева великого государя царя и великого князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и о твоемъ государскомъ долговѣчномъ государьствованіи“. О духовномъ завѣщаніи Крижанича и о его присутствіи подъ Вѣною см. пока краткія замѣтки П. Безсонова въ газетѣ Новое Время 1882 г. 18 апрѣля, и 1884 г. 22 іюня.

Нѣмцевъ, главныхъ враговъ Славянства, можно объяснить его пламеннымъ славянскимъ патріотизмомъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на яркія краски, его описаніе славянско-нѣмецкихъ отношеній въ сущности вѣрно. Но съ другой стороны Крижаничъ не могъ не видѣть, что при печальномъ положеніи славянскаго міра именно тѣ ненавистные иноплеменники Нѣмцы могли быть почти единственными посредниками распространенія просвѣщенія и образованія между Славянствомъ вообще и на Руси въ особенности. И дѣйствительно, Петръ Великій, не находя среди западныхъ и южныхъ Славянъ достаточнаго количества способныхъ людей для проведенія своихъ реформъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ.

Политическія мысли, которыя Крижаничъ проповѣдывалъ на Руси, были несомнѣнно извѣстны при царскомъ дворѣ въ Москвѣ; *Политика*, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Крижанича, находилась въ царской библіотекѣ. Нѣтъ, правда, прямыхъ указаній на то, что Петръ Великій зналъ *Политику*, но вся дѣятельность этого великаго „славянскаго царя" часто поразительно напоминаетъ „политическія думы" Крижанича, начиная съ усиленнаго распространенія просвѣщенія на Руси и призыва другихъ Славянъ на русскую службу, и кончая указами объ одеждѣ и бородахъ. Если бы Крижаничъ не увлекался своимъ фантастическимъ смѣшаннымъ языкомъ, и не писалъ своихъ трудовъ по большей части латиницею и неуклюжимъ хорватскимъ правописаніемъ того времени, а если бы онъ писалъ на обыкновенномъ тогда на Руси литературномъ славено-россійскомъ языкѣ кириллицею: то сочиненія этого знаменитаго Хорвата панслависта читались бы больше, имѣли бы вѣроятно громадное вліяніе на русскихъ читателей и на пробуждающееся отъ долговѣчнаго сна русское царство. А такъ эти замѣчательные труды Крижанича долго валялись по разнымъ библіотекамъ, какъ заброшенный непонятный хламъ; они открыты вновь только въ новѣйшія времена, когда Славяне понимаютъ мысли Юрія Крижанича гораздо лучше, чѣмъ два столѣтія тому назадъ [1]). И, дѣйствительно, въ послѣд-

---

[1]) Граматику Крижанича разсматривалъ въ Москвѣ въ 1792-омъ г. I. Добровскій (см. его письмо Копитару 1812 г. въ сборникѣ Ягича:

нее время, гдѣ въ славянскомъ мірѣ, именно въ слѣдствіе все больше угрожающей ему со стороны Нѣмцевъ опасности, усиливается славянская идея и славянское движеніе, Славяне обращають больше вниманія на дѣятельность своего знаменитаго соплеменника и могутъ вполнѣ оцѣнить всю глубокую истину его мыслей. „Славяне южные и западные, мелкіе, слабые и разрозненные, лишились политической самостоятельности, находятся подъ господствомъ и вліяніемъ иноплеменниковъ, преимущественно Нѣмцевъ, и способствуютъ, сознательно и безсознательно, своему дальнѣйшему политическому, экономическому, культурному порабощенію и своей гибели; сами себѣ уже помочь не могутъ, а только внѣшняя сила можетъ ихъ освободить изъ этого безвыходнаго положенія: этою внѣшнею силою можетъ быть только могущественная въ матеріальномъ и культурномъ отношеніи Русь. Русскій царь долженъ освободить южныхъ и западныхъ Славянъ отъ ига иноплеменниковъ, Турокъ и Нѣмцевъ, и собрать ихъ какъ отецъ господарь во едино. Но Русь должна для Славянъ стать не только освободительницею, а тоже просвѣтительницею, а Славяне должны принять одинъ литературный языкъ — русскій". Такъ формулировалъ свою національную и политическую програму знаменитый Хорватъ Юрій Крижаничъ, истый пророкъ панславизма.

5. *Славянская идея у словинскихъ (хорватско-далматинскихъ) поэтовъ.*

Славянская идея воодушевляла многихъ словинскихъ поэтовъ Дубровника, Далмаціи и сѣверной Хорватіи. Они въ своихъ

Письма Добровскаго Копитару, стр. 247); о ней зналъ кое-что уже Новиковъ (1788), и потомъ о ней говоритъ Калайдовичъ (Іоаннъ экзархъ болгарскій 1824, стр. 120). *Политика* открыта только въ 1857-омъ г., другіе труды еще позже. Желательно критическое полное собраніе всѣхъ трудовъ знаменитаго Хорвата, и за ихъ изданіе слѣдовало бы взяться академіямъ нашей и югославянской.

поэмахъ часто говорятъ о родствѣ съ остальными Славянами южными, западными и восточными, залетаютъ за предѣлы своего собственнаго „словинскаго“ (хорватскаго, илирскаго) языка и народа, далеко на сѣверъ и востокъ въ предѣлы другихъ „словинскихъ“ (славянскихъ) народовъ, Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ. Хорватско-далматинскіе поэты, прославляя знаменитыя событія и дѣла, замѣчаютъ, что ихъ память сохранится, пока потекутъ славянскія рѣки, что ими прославится весь языкъ славянскій и что имъ радуются всѣ земли нашего языка, который изъ всѣхъ остальныхъ языковъ міра самый многочисленный, и простирается отъ южныхъ земель далеко на сѣверъ до самаго ледовитаго моря. Дубровникъ, столица южнаго Славянства, Илиріи,—честь и гордость (дика) словинскаго народа, корона всѣхъ городовъ и народовъ словинскаго рода, а во всѣмъ славные Дубровчане—цвѣтъ словинской земли.

I države cvjet slovinske,
Slavni u svem Dubrovčani [1]).

Всѣ окрестныя страны словинскія, Боснія, Герцеговина, Далмація, большая часть Угріи находятся подъ властью иноплеменниковъ, въ пасти турецкаго лютаго змѣя и въ когтяхъ венеціянскаго бѣшенаго льва; всѣ сосѣди Дубровника рабы, и только одинъ бѣлый городъ Дубровникъ, славный свѣту, небу милый, живетъ мирно и засѣдаетъ на престолѣ свободы, между львомъ и змѣемъ.

Još sred usta ljuta zmaja,
I nokata bjesna lava,
Oko tebe s oba kraja
Slovinska je sva država.
Robovi su tvoji susjedi,
Teške sile svim gospode;
Tvo vladanje samo sjedi
Na pristolju od slobode [2]).

---

[1]) Jun. Palmotića Kolombo (въ загреб. изданіи сочин. II. 1883, II. 526).

[2]) Iv. Gundulića Osman (загреб. изд. 1877, стр. 390). Хварянинъ Луцичъ, въ прекрасной пѣснѣ (загреб. изд. 1874, стр. 261),

Дубровникъ и послѣ страшнаго землетрясенія (1667 г.), всегда будетъ короною и гордостью всѣхъ мѣстъ и народовъ словинскаго языка:

Da svedj budeš kruna i dika
Od svjeh mjesta i naroda
Slovinskoga od jezika [1]).

Не одинъ Дубровникъ составляетъ славу и гордость „словинскаго" языка; къ нему присоединяются и другіе города словинской Далмаціи, Сплѣтъ, Задаръ, островъ Хваръ, и др. Задрянинъ Юрій *Бараковичъ* (Vila Slovinka, 1614) дѣлаетъ свой родной городъ столицею миеическаго князя Слована, праотца словинскаго народа; какъ Римъ прозванъ по Ромулу, такъ по Словану прозванъ словинскій языкъ; тамъ гдѣ Слованъ проходилъ, народъ знакомился съ словинскимъ языкомъ, и эта рѣчь словинскаго рода раздается на свѣтѣ доселѣ повсюду съ востока на западъ, и опять поперегъ:

S istoka na zapad i opet u poprič
Svud zuči i dosad slovinske vrsti rič.

Эти словинскія страны находятся не только на югѣ около Дубровника, въ земляхъ, орошаемыхъ Дунаемъ, Дравою и Савою, Неретвою, Моравою и Марицею, тамъ гдѣ поднимаются высокія горы Старая Планина, Святая Гора, Конаоникъ, Витошъ и Куповица; словинскія страны тянутся и далеко на сѣверъ, тамъ гдѣ протекаютъ Одра и Висла, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ и Волга, до морей ледовитаго и хвалинскаго. Въ такомъ смыслѣ поютъ

восхваляетъ Дубровникъ, славу нашего языка; но въ этой пѣснѣ не замѣтна мысль о Славянствѣ и печаль о томъ, что Славяне оставляютъ другъ друга безъ поддержки противъ Турокъ, какъ думаетъ А. Пыпинъ (Исторія славян. литературъ, 183).

[1]) Jak. Palmotića Dubrovnik ponovljen (см. Макушева: Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, 240—250).

Иванъ Гундуличъ, Юній Пальмовичъ, Іеронимъ Каванинъ, Игнатій Джорджичъ и другіе поэты словинскіе [1]).

Съ словинскаго (хорватско-словинско-далматинскаго) юга вышли три брата Чехъ, Лехъ и Русъ. праотцы славянскихъ народовъ на сѣверѣ; они то—какъ поэтъ Дубровчанинъ Юній Пальмотичъ — украсили своими именами три славныхъ народа на свѣтѣ:

Tri naroda slavna od svita
Svojim imenom uresiše.
Čeh naseli svojim junaci
Boemiju, zemlju novu,
Od Leha su svi Poljaci,
Od Rusa se Rusi zovu [2]).

А современникъ и соотечественникъ Пальмотича на сѣверѣ, Крижевчанинъ Иванъ Сакмарди, воспѣваетъ, въ латинскихъ стихахъ, славу и древность Славоніи и Хорватіи, частей Илирика и Паноніи, помогавшихъ Александру Великому, и гнѣзда королевствъ чешскаго и польскаго. Эти стихи тогда столь понравились, что хорватскіе чины записали ихъ въ сеймовые акты:

Terra Bohema viris est culta et dedita nostris,
Sunt fundata meis Polona regna viris.

---

[1]) И Юрій Крижаничъ въ своей „хорватской думѣ“ (Starine XVIII. 226) приводитъ вилъ поющихъ тамъ, гдѣ пѣлъ Орфей, около источниковъ мутной Марицы и водоворотной Струмицы, которыя возникая въ сосѣдствѣ, около высокихъ лѣсистыхъ Рильскихъ горъ и широкаго города Средца, направляютъ свой путь въ противоположныя стороны:

Gdi mutna rika Marica
I virovita Strumica
Susedski izvir prijamše,
Idu protivne ciste.
Vile, ke iz visocih
Drivate Rile vrhova
Široka Sridca grada, и пр.

[2]) Въ поэмѣ Glas; см. ниже.

Quae varia in plures emisi examina gentes,
Jam Colapi et Savo vix fruor atque Dravo [1]).

Въ началѣ XVIII в. опять гордится словинскій поэтъ, Сплѣтянинъ Іеронимъ Каванинъ, что три молодыхъ брата Далматинца, вышедши на сѣверъ основали здѣсь три государства, чешское, русское или московское, лѣшское [2]).

Словинскіе поэты думали, что ихъ словинскіе стихи написаны не только для ихъ ближайшихъ Словинцевъ въ Далмаціи, Хорватіи, Босніи, Сербіи, а тоже для всѣхъ остальныхъ Славянъ, для всѣхъ „странъ нашего языка, наибольшаго между всѣми остальными на свѣтѣ"—какъ замѣчаетъ Хварянинъ Петръ Хекторовичъ (1550). Произведенія словинскихъ поэтовъ считались „честью и украшеніемъ счастливаго города Дубровника и всего языка словинскаго", какъ думаетъ издатель поэмы Андрея Чубрановича Jegjupka (1599), Мароe Батиторичъ. А издатель комедіи Марина Држича Tirena (1607), Мароe Водопія, посвящая ее кардиналу Сильвестру Альдобрандини, который зналъ по-словински, говоритъ, что словинскій языкъ находится въ большомъ уваженіи и почетѣ; онъ родной языкъ многихъ могущественныхъ королей и господъ, и занимаетъ бóльшую часть Европы. Такъ думаютъ тоже Иванъ Гундуличъ, Игнатій Джорджичъ и другіе поэты. Дубровчанинъ Гундуличъ предполагалъ, что его переводъ Jerusalem slobodjen Тасса, посвященный польскому королю Сигизмунду III, станетъ извѣстенъ всему нашему словинскому народу. Гундуличъ, прославляя тосканскаго князя Фердинанда, который полюбилъ словинскую бесѣду, замѣчаетъ, что за то благодарный словинскій народъ провозглашать будетъ славу князя; его корона будетъ сіять среди другихъ словинскихъ державъ, которыя простираются отъ дубровницкаго края до ледовитаго морознаго моря; въ этомъ пространствѣ свѣта словинское имя слышится во ста королевствахъ, которыя соединяетъ общій языкъ:

---

[1]) Kukuljević: Književnici u Hrvatah 45, Smičiklas: Poviest hrvatska II. 257.

[2]) Въ поэмѣ Bogatstvo i ubožtvo; см. ниже.

S dubrovačke pokrajine
Do ledena mrazna mora,
Što kraljevstva gdi se čuje
Slovinsko ime slovit' sada,
Kjeh svjet prostran razdieluje,
A općeni jezik sklada [1]).

Соотечественникъ Гундулича и преемникъ его на словинско-дубровницкомъ Парнасѣ, Юній *Пальмотичъ* († 1657), часто затрогиваетъ славянскую струну. Въ поэмѣ Kristijada онъ гордится тѣмъ, что Христа будетъ прославлять больше всѣхъ языковъ словинскій языкъ, который владѣетъ всѣми землями отъ моря адріатическаго до ледовитой пучины:

Slovinski jezik, koji
Od Adrije mora redom
Svu koliku zemlju svoji
Do pučine mrazne ledom.

Христіанство, отъ малыхъ зачатковъ, разрослось со временемъ огромно, какъ Дунай, который дѣлается только мало по малу, въ слѣдствіе многочисленныхъ притоковъ, величественною рѣкою, текущею какъ море по словинскимъ странамъ, и вливающеюся свободно и шумно въ Черное море. Слава поэта—замѣчаетъ Николай Буничъ въ поэмѣ въ честь Пальмотича—распространится повсюду въ словинскомъ языкѣ, который простирается отъ нашихъ южныхъ странъ до ледовитаго моря. А первый издатель поэмы Kristijada, братъ Пальмотича Юрій (1670, въ Римѣ), посвящая книгу кардиналу Барберини, съ гордостью указываетъ на то, что словинскій языкъ (illyrica lingua) распространенъ больше всѣхъ, которыми восхваляется имя Христа, и употребляется даже въ богослуженіи; онъ своимъ изяществомъ и богатствомъ удивительно годится для поэзіи и вообще для разныхъ высокихъ дѣлъ; по этому справедливо рекомендовалъ его изуче-

---

[1]) Iv. Gundulića Diela (Zagreb 1877, p. 276, Stari pisci hrvatski).

ніе уже римскій императоръ Карлъ IV князьямъ римской имперіи [1]).

Въ поэмѣ Glas Ю. Пальмотичъ указываетъ Дубровнику на славныхъ царей, королей, бановъ, витязей, которыми гордятся всѣ словинскія страны, т. е. прежде всего югославянскія; къ такимъ витязямъ поэтъ—по господствующему тогда мнѣнію—причисляетъ и Филипа и Александра македонскихъ [2]), Пирра эпиротскаго, Димитрія и Тевту иллирскихъ, императоровъ Діоклетіана, Максимина, Юстина, Юстиніана и др., королей Вандаловъ и Готовъ-Словинъ, Тотилу, „Шестопелека (т. е. Светопилька), Владиміра, Доброслава, Крешиміра, Павлиміра и др., и трехъ братьевъ князей, Чеха, Лѣха и Руса, которые своими именами украсили три славныхъ народа. Дальше приводятся сербскіе и босенскіе князья, въ томъ числѣ царь Стефанъ, князь Лазарь, который возбуждаетъ словинскихъ витязей противъ турецкой крови, Сандалъ Храничъ, Петръ, Хрьвое, Милошъ Кобиловичъ, Юрій Скендербегъ, угорскіе Янко (Хунядъ) и его сынъ Матвѣй, Секула, Свилосвичъ и много другихъ витязей словинскихъ, число которыхъ равняется числу небесныхъ звѣздъ [3]).

Въ драмахъ Пальмотичъ любитъ представлять сцены изъ славянскаго міра, приводить князей и витязей не только словинскихъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ (т. е. югославянскихъ), но и угорскихъ, чешскихъ, польскихъ, русскихъ. Въ драмѣ Pavlimir

---

[1]) Экземпляръ Кристіады изд. 1670 г., хранящійся въ библіотекѣ Чешскаго Музея, принадлежалъ чешскому графу Вячеславу изъ Штернберга, который получилъ книгу отъ Франциска Гундулича, сына извѣстнаго поэта. Босенскою кирилицею списалъ Кристіаду Радвичъ (см. выше, стр. 273).

[2]) Древніе Ѳракійцы, Мизы, Македонцы, Эпироты, Илиры считались на славянскомъ югѣ Славянами (см. выше). Это мнѣніе раздѣляли тоже словинскіе поэты; и по этому считаютъ Александра македонскаго Славяниномъ или Сербомъ Луцичъ, Златаричъ, Гундуличъ, Каванинъ и др.

[3]) Вл. Качановскій ошибочно приписываетъ эту поэму Пальмотича Ант. Гледжевичу, который ее только списалъ (Неизданный поэтъ Г., 1882, стр. 119).

(представлена въ 1632 г.) прославляется Дубровникъ, слава и гордость всѣхъ державъ словинскаго языка отъ Адріи до ледовитаго моря; его прославляютъ Готы, Шведы, Датчане, Угры, Моравяне, Лѣхи, Москвитяне, Поморяне, Болгаре, Босняки, Хорваты и всѣ безчисленные народы, которыми украшается словинскій языкъ:

Tvoja slava
Prostrijeće se i tva dika
Priko slavnich svjeh država
Slovinskoga od jezika:
Od Adrije bistra mora
Do ledena mora okolo.

Въ драмѣ Captislava (представлена въ 1652 г.) въ прологѣ является Слава съ подругою Хвалою, и говоритъ Дубровнику, что она, мать народа словинскаго, прошла черезъ всѣ королевства и города, въ которыхъ раздается столь славный языкъ словинскій, въ странахъ безъ числа и мѣры отъ адріатическихъ водъ до ледовитаго моря. У этихъ народовъ царствовалъ король Круиославъ, который покорилъ многіе народы, но не требовалъ отъ нихъ ничего кромѣ того, чтобъ они говорили на словинскомъ языкѣ, а въ остальномъ жили мирно и свободно. Охотно исполнили этотъ приказъ всѣ словинскіе народы, приняли этотъ славный языкъ, и прославляли въ сладкихъ словинскихъ пѣсняхъ славнаго короля, который возвысился надъ всѣми остальными королями словинскими, и умножилъ нашъ словинскій языкъ; нигдѣ въ словинскихъ земляхъ нѣтъ болѣе славнаго царя и короля.

Gdi pod nebom slavan toli
Tvoj slovinski jezik slove,
Jezik, ki se s ledna mora
Do adrijanskjeh voda stere,
Priko polja, rjeka i gora,
Kojim nije broja ni mjere.
Moški, Rusi i Poljaci,
Pomerani i Vandali,
Česi, Srblji i Bošnjaci,
I slovinski puci ostali.

Наконецъ король Круподславъ, желая жить покойно, поселился въ городѣ Эпидаврѣ, изъ котораго родился потомъ Дубровникъ. Эпидавряне приняли короля охотно, и ради него отказались отъ стараго римскаго языка, на которомъ пусть впредь пишутся одни только законы, и приняли языкъ словинскій; да они измѣнили и названіе своего города въ словинское Цаптатъ по воинственной дочери Круносдава Цаптиславѣ. За нее сватаются королевичи сербскій Бойпиславъ, угорскій Градиміръ и чешскій Лаушъ (Людовикъ), два послѣдніе двоюродные братья. Но Цаптислава и Градиміръ любятъ другъ друга; они уже раньше, по обычаю воинственныхъ Словинъ посылающихъ молодежь по бѣлу свѣту, ходили по всему словинскому народу, и ихъ богатырскіе подвиги видѣли Висла, Дунай, Сава, Драва, Днѣпръ, Днѣстръ, Волга, Донъ, Двина, Дрина, Прутъ, Морава, Марица. Они были тоже у мудрой Сѣверницы, королевы волшебнаго сѣвера (Руси), мудрость и слава которой извѣстны всему міру:

Glas veliki svuda leti,
Sunce i mjesec igdie svite,
Od razuma i pameti
Tej kraljice vilovite.

Сѣверница приняла влюбленную пару торжественно, показала имъ все свое королевство, его богатства (и Золотую Бабу), и обѣщала имъ, что они ее увидятъ у себя дома; она вѣдь своими познаніями защищала ихъ и донынѣ часто отъ разныхъ бѣдствій:

Da na piru vidite me
Posred vaše strane od svjeta;
I do sada znanjo moje
S nebeskoga prava suda
Vas mnokrati branilo je
Od poraza smrtna i huda.

Цаптислава была прежде обручена съ Бойпиславомъ, сыномъ сербскаго короля Казиміра; этотъ послѣдній назначенъ Круносдавомъ Сербамъ въ короли, и Сербы съ тѣхъ поръ научились словинскому языку; оба короля, Круносдавъ и Казиміръ, любили

и уважали другъ друга какъ дорогіе братья. Казиміръ созываетъ въ свою столицу Дрипополь на свадебный пиръ всѣхъ сосѣднихъ королей, бановъ, князей и войводъ подунайскаго королевства, изъ Добручи, Терпова, Никополя, Пловдина и пр., которые царствуютъ надъ словинскими народами. Но Цаптислава и Градиміръ бѣгутъ, находясь подъ покровительствомъ Сѣверницы. Эта послѣдняя является ко двору Крупослава, и постановляетъ, чтобъ Градиміръ женился на Цаптиславѣ, словинской Амазонкѣ (bojnica Slovinčica), а Бойниславъ на ея сестрѣ Любицѣ; это давно уже рѣшено на небесахъ, и Сѣверница, которая любитъ ихъ знаменитый королевскій родъ, украшеніе свѣта словинскаго, приходитъ какъ глашатай высшей воли и нежданнаго счастья, и какъ примирительница смутъ на словинскомъ югѣ:

Ja, ka ljubim vaše pleme,
Svjet slovinski kjem se resi,
Ne nadane ove sreće
Gredem vami navjestiti,
I utažit vaše smeće
I na piru s vami biti.

Крупославъ охотно принимаетъ это рѣшеніе мудрой и славной Сѣверницы, и съ нимъ соглашаются и Казиміръ и Бойниславъ. Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству мудрой Сѣверницы, предотвращена кровавая война во всѣхъ странахъ по Дунаю, между королями словинскими, столкновеніе безчисленныхъ ихъ войскъ, тамъ гдѣ происходятъ вѣковыя войны, и гдѣ угрожаютъ несчастнымъ городамъ вѣчныя опустошенія и разоренія:

Vidim, gdie se rjeke od krvi
S obje strane proljevaju,
Gdie neizbrojna vojska vrvi
Sa svjeh strana po Dunaju,
Medju kraljim slovinskima,
Gdie su rati vjekovite,
Gdie se tužniem gradovima
Štete i raspi vječni prite.

Сѣверница примиряетъ всѣхъ и указываетъ на третью пару, на наимладшую сестру Цаптиславы, Теуку и на чешскаго короле-

вича Лаура, жениха лучше котораго во всѣхъ земляхъ словинскаго языка нѣтъ; Крупославъ соглашается, и замѣчаетъ, что доблесть чешскаго короля Бранивоя извѣстна всему міру; Градиміръ обручаетъ свою сестру Бисерницу съ Владиміромъ, братомъ Цаптиславы, и такъ все оканчивается на размноженіе королевскаго рода словинскаго. Наконецъ Сѣверница желаетъ счастья всѣмъ обрученнымъ парамъ и королю Крупославу; съ нимъ словинскій говоръ распространился въ едино до пяти морей, нѣмецкаго, хвалинскаго, адріатическаго, Чернаго и ледовитаго; и по этому слава его памяти, воспѣваемая единогласно пѣвцами, полетитъ по всѣмъ землямъ словинскаго языка:

Govorenje š njim slovinsko
Na pet mora prostrje u jedno:
Na njemačko, na hvalinsko,
Adrijansko, crno i ledno;
S toga ures tve pameti,
Spjevan skladnieh od pjesnika,
Po zemljah će svjeh letjeti
Slovinskoga od jezika.

Изъ Эпидавра переселится доблестный народъ въ знаменитый городъ Дубровникъ, который будетъ честь и корона всѣхъ словинскихъ земель, и въ которомъ пусть всегда цвѣтетъ полная слава славныхъ Славянъ:

Grad, koji će čas i kruna
Svjeh slovinskjeh bit država,
Neka u njemu svedj podpuna
Slavnieh Slava capti slava!

Всѣ прославляютъ мудрую и свѣдущую Сѣверницу, которая усмирила тяжелыя смуты, принесла миръ и веселіе, будучи посломъ и глашатаемъ небеснаго приказанія:

Mudra i znana Sjevernica...
Bi poklisar i glasnica
Od nebeske zapovjedi [1]).

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на прекрасную мысль Ю. Пальмотича: могущественная и мудрая Русь-Сѣверница является покровительни-

Драма Пальмотича Bisernica—продолженіе предыдущей. Ко двору угорскаго короля Владислава, отца Градиміра, собираются витязи изъ разныхъ словинскихъ странъ, Владиміръ, Бойиславъ, Лаушъ, Лазарь деспотъ смедеревскій, банъ Василь сынъ государя московской и русской земли, Ягело господинъ польскаго королевства, воеводы угро-влашскій и богданскій (волошскій и молдавскій), витязи изъ Угріи, Семиградіи, Болгаріи, Македоніи, Босніи, Хорватіи, поморской Далмаціи, Польши и Вандаліи (Поморья), изъ Греціи, Вѣны и изъ татарскихъ земель. Приходитъ и всѣми прославляемая Сѣверница, и уничтожаетъ козни строенныя Бисерницѣ Владиславовнѣ татарскимъ чародѣемъ, который ее похитилъ, и возвращаетъ ее отцу и жениху Владиміру, являясь опять покровительницею своихъ словинскихъ любимцевъ. Они же выражаютъ свою глубокую благодарность этой благородной царицѣ, своей славѣ, которая, прибывая въ ихъ края, и вмѣшиваясь въ ихъ веселіе и смуты, всегда приноситъ имъ великое счастье; ея добротою они живутъ и наслаждаются солнечнымъ свѣтомъ, и, пока живы, будутъ ей всегда обязаны:

Velika je ljubav tvoja,
O kraljice plemenita,
Što se ovako priko svita
Doći na naš kraj dostoja.
U svako je naše dilo
I od veselja i od smeće
Tve došastje nami bilo
Od velike vazda sreće.

Vele za nas ti učini,
Sjevernice mudra i znana,
I u sjevernoj pokrajini,
I sred našjeh ovjeh strana.
S tve dobrote mi živemo,
I uživamo zrak sunčani;
Dokle živi uzbudemo,
Bićemo ti svedj držani [1]).

цею и примирительницею любимыхъ ею южныхъ Славянъ. Современникъ и соплеменникъ Пальмотича, Юрій Крижаничъ, выставляетъ Русь и какъ освободительницу южныхъ Славянъ.

[1]) Diela Gjona Palmotića (Zagreb 1882—1884, 3 d. Stari pisci hrvatski). Срв. статьи А. Павича въ Rad jugoslav. akademije knj. 68, 70. Дубровницкіе драматическіе поэты вообще любятъ славянскихъ богатырей; такъ на пр. въ драмѣ Пуцича-Солтановича Ljubica (1666) эта дочь угорскаго короля любитъ чешскаго королевича Бранислава, но отецъ хочетъ ее выдать за польскаго королевича Любоміра; въ драмѣ Krunoslava (неизвѣстнаго автора) за нее сватается

Преемника Юнія Пальмотича на словинскомъ Парнасѣ, молодого Дубровчанина Николая *Джорджича* (ок. 1695 г.), вызываетъ римскій поэтъ Овидій, писать поэмы „словинскою бесѣдою", на которой онъ самъ хотѣлъ писать [1]), на которой пѣли многіе Дубровчане и другіе словинскіе пѣвцы; а эта словинская бесѣда раздается во многихъ странахъ Европы и Азіи. „Смотри туда,

---

чешскій королевичъ, и пр. Срв. A. Pavić: Historija dubrovačke drame (Zagreb 1871). Блескъ двора угорскаго короля въ Будинѣ, повелителя многихъ югославянскихъ странъ и одно время тоже верховнаго господина Дубровника, повліялъ и на поэтовъ дубровницкихъ. Блестящія военныя игры, которыя происходили въ 1412 г. при дворѣ будинскомъ, записаны въ польской исторіи Длугоша (ed. Cracov. IV. 141); въ Будинъ прибыли тогда витязи почти изъ всѣхъ европейскихъ народовъ; были тамъ Нѣмцы, Итальянцы, Французы, Угры, Волохи, Албанцы, Чехи, Поляки, Русскіе, Литовцы, Болгаре, Сербы, Босняки. Особенно отличились храбрые воины босенскаго войводы Хрьвои. Замѣтимъ здѣсь, что въ драмѣ Пальмотича Danica (дочь босенскаго короля Остои) однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — Hrvoje ban od Hrvata.

[1]) Это мнѣніе Джорджича относится къ извѣстнымъ словамъ сосланнаго въ Мизію Овидія: Nam didici getice sarmaticeque loqui. Русскій граматикъ Мелетій Смотрицкій въ своей граматикѣ языка „славенскаго" (т. е. церковно-славянскаго), часто издаваемой (1619, 1648, 1721, 1755) и изучаемой Русскими, Болгарами, Сербами и Хорватами глаголяшами, помѣстилъ тоже главу „о просодіи стихотворной" для тѣхъ, которые хотятъ заняться „стихотворнымъ художествомъ въ славенскомъ языкѣ", и замѣчаетъ: „Матоій Стрійковскій, дѣй славенскихъ хронографъ достовѣрный, въ четвертой своея хронологіи книзѣ пишетъ, Овидіа славнаго онаго латинскаго піиту въ заточеніи сарматскихъ народовъ бывша и языку ихъ совершеннѣ навыкша, славенскимъ діалектомъ за чистое его красное и любопріемное стихи или вирши писавша". Но славянскіе поэты не ушли бы далеко, если бы они вздумали подражать гекзаметрамъ Смотрицкаго:

Сарматски новорастныя Мусы стопу перву
Тщащуюся Парнасъ во обитель вѣчну заяти,
Христе царю пріими и благоволивъ тебе со отцемъ
И духомъ святымъ пѣти учи россійскій
Родъ нашъ, чистыми мѣры славенски имны.

гдѣ на краю свѣта отъ лѣшской крови урожденный, грядетъ исполненный знаменитыхъ знаній Кохановскій первый пѣвецъ. На его изящныя пѣсни морозный сѣверъ остановилъ свое теченіе, и желѣзная ледовитая звѣзда сожглась въ любви. А тамъ по истинѣ кромѣ того знаменитые пѣвцы насадили весь далматинскій край лаврами. Я бы могъ перечислить скорѣе пламя райскихъ дворовъ, фрукты осенью, колосья лѣтомъ, волны моря, лучи солнца, чѣмъ всѣхъ мудрецовъ и пѣвцовъ вмѣстѣ, которыми словинская бесѣда цвѣтетъ и будетъ цвѣсти славно во вѣки. Желѣзное жилище бога войны Марса, гора Витошъ темная отъ зимняго тумана, и рѣка Марица, которая выросла изъ слезъ Орфея,—восточныя границы словинской бесѣды, и она завершается только тамъ, гдѣ начинается хорватская Драва и кончается волна Адріи. Оттуда она простираетъ свои свободныя руки, растянувши безмѣрно свои крылья, за плодородную краньскую землю до чешскихъ горъ. Ею Литва и Польша, стрѣльцы Черпорусы, и московская богатырская власть сплетается въ одинъ букетъ. На ней говорятъ темные и блѣдные среди своего одиночества ловцы пустыни Самоѣды и ледяная Новая Земля. Она дальше поворачиваетъ плечи отъ Европы, чтобъ господствовать черезъ Азію, когда она сядетъ управлять среди китайской Сѣверіи, до Татаріи и Персіи у моря хвалинскаго. Она, окруженная почтеннымъ множествомъ, обмываетъ съ многою хвалою свои стопы волною адріатическою, черною, ледовитою и нѣмецкою. Изъ половины свѣта, которымъ она владѣетъ, волнующееся со всѣхъ сторонъ на востокъ и на западъ море рѣкъ совершаетъ свой путь, хлѣбородная Одра, плодоносная Сава, морозная Раба, доблестный Днѣпръ, гордая Висла, воинственная Драва, черный Донъ и быстрый Дунай. И такъ—кончаетъ Овидій—на славу этой столь распространенной и хваленой словинской бесѣды возьмись пѣть вмѣсто меня, чтобъ твое имя поднялось выше. Ты умножишь честь и славу, достигнувши справедливой награды: ты—родному твоему языку, тебѣ—родной твой языкъ!

Gledj onamo, s kraja od svita, Gre pun znanja glasovita
Gdi od loške rodjen krvi, Kohanovski pjesnik prvi.

Na njegova pjenja uredna
Mrazni sjever tjek ustavi,
I željezna zvjezda ledna
Užeže se u ljubavi.
A ovamo u istinu
Spjevaoci svjetli odviše
Dalmatinsku pokrajinu
Svu lovorim nasadiše.
Prje bih plame rajskjeh dvora,
Voće u jesen, klasje ob liti,
Prje bih mogo vale od mora,
Zrake od sunca pribrojiti,
Neg izbrojit sve poreda
Mudroznance i pjesnike,
Kjem slovinska cti besjeda
I cavtjet će slavno u vike.
Stan gvozdeni boga od boja,
Zimnjom maglom Vitoš tmasti,
I Marica rjeka, koja
S Orfeovjeh suza uzrasti.
Granice su njoj istočne,
I nje tjeku svrhu nije,
Dok hrvatska Drava počne
A val svrši od Adrije.
Ruke otole svoe slobodne,
Razkriljena izvan mjere,
Priko kranjske zemlje plodne
I planina češkjeh stere.
Njoj litvanska strana i leška,
Njoj strjeljoci Crnorusi.
Njoj moskovska vlas vitežka
U jednu se kitu uzbusi.
Nju govore tamni i bljedi
Samoživstva sred njihova
Pustolovni Samojedi,
I ledena Zemlja Nova.
Pače Europi pleći obrati
Za gospodit priko Azije,
Kada sjede stolovati
Sred kinezke Sjeverije.
Ona obstrta množtvom vrjednim,
Svoe stupaje s mnogom hvalom
Adrijanskjem, crniem, lednim
I njemačkjem pere valom.
Iz pó svjeta, ke ona vlada,
Valovito od svudjere
Put istoka, put zapada
Mora od rjeka svoj put tjere:
Oder žitni, plodna Sava,
Mrazna Raba, Neper vrli,
Visla ohola, bojna Drava,
Crna Tana, Dunaj hrli.
Za to u ove glas besjede
Tač prostrane i hvaljene,
Da tve se ime više uzvede,
Pjevat uzmi mješte mene.
Uzmnožit ćeš čas i diku
Razložitoj u zamjeni:
Ti rodjenom tvom jeziku,
Tebi jezik tvoj rodjeni [1])!

Это живое славянское сознаніе сохранилъ Джорджичъ и позже, когда онъ сдѣлался іезуитомъ и бенедиктинцемъ (подъ именемъ Игнатія), и сталъ писать уже не любовныя пѣсни, а духовные стихи и другія церковныя сочиненія. Воспѣвая вздохи покорной Магдалины (Uzdasi Mandaljene pokornice, въ Венеціи

---

[1]) Ign. Gjorgjića Pjesni razlike (Zagreb 1855, p. 5). Эти стихи Джорджича приводитъ уже Dolci въ своемъ выше (стр. 244) приведенномъ сочиненіи.

1728), словинскими или илирическими стихами, поэтъ желалъ показать превосходство родного языка, который не только занимаетъ огромныя пространства отъ моря адріатическаго до ледовитаго, до границъ Китая и Персіи, но и отличается богатствомъ и изяществомъ. По этому не слѣдуетъ пренебрегать роднымъ языкомъ, а—какъ замѣчаетъ Джорджичъ въ словинскомъ переводѣ псалтыри (Saltjer slovinski 1729)—надо его все больше употреблять въ литературѣ и въ наукѣ, и такимъ образомъ пролагать ему дорогу въ ученый міръ. Джорджичъ и въ прозаическомъ житіи св. отца Бенедикта (Život preblaženoga ćaćka Benedikta, написанъ около того же времени, изданъ только въ 1784 г.) не преминулъ замѣтить, что чудеса святаго украшаютъ „нашъ словинскій языкъ", который тянется отъ адріатическихъ странъ до ледовитаго моря, и отъ нѣмецкихъ границъ до черноморскихъ береговъ [1]).

Старшій современникъ Джорджича, Сплѣтянинъ Іеронимъ *Каванинъ*, въ своемъ стихотвореніи о вредѣ богатства и пользѣ бѣдности (Od štete bogatstva a koristi ubožtva, 1710—1711 [2]), говоритъ о множествѣ знаменитыхъ людей, уроженцевъ всѣхъ славянскихъ странъ; славянское племя славится огромнымъ коли-

---

[1]) Поэму Uzdasi Mandaljene (срв. выше, стр. 271) Джорджичъ издалъ „slavonico sive illyrico rhythmo—et eo consilio, ut meae linguae hominibus praestantiam approbarem idiomatis sui. Quod non modo amplitudine (nam ab Adriatico mari ad glacialem Oceanum, exindeque per mediterranea ad Persas usque ac Serum seu Sinensium confinia porrigitur), sed verborum etiam copia, orationis nitore atque acumine, circumscribendae explicandaeque sententiae gravitate inter caeteras dialectos vel cum nobilioribus emergit". Слова Джорджича въ словинской псалтыри (нов. изд. 1851 г.): „O utinam nostrates docti viri meis vestigiis insistant, ut nativo sermone altiora studia ac scientias pertractando, aditum illyricianae dialecto in literatorum rempublicam patefaciant". Джорджичъ занимался тоже древнею исторіею Илировъ, по его мнѣнію Славянъ: срв. выше, стр. 244. Въ житіи св. Бенедикта онъ касается покоренія Рима Готами-Словинами, которые-де справедливо назвались отъ славы.

[2]) Изд. въ Загребѣ 1861. О Каванинѣ см. статью А. Будиловича въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составл. учениками В. Ламанскаго (1883, стр. 156).

чествомъ богатырей, какъ небо свѣтится звѣздами, и ихъ слава будетъ существовать на вѣки:

Plemenito slavsko pleme,
Tko 'e da nezna na sem svjeti.
S kralji i s cari vitežkjeme
Kakò i nebo s zvjezdam svjeti.

Несмѣтны страны славянскаго народа, раскинувшагося отъ пояса холоднаго до жаркаго, между тремя да четырьмя морями, въ безчисленныхъ покоренныхъ имъ земляхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ; Славяне здѣсь повсюду отличились и о ихъ доблести и славѣ свидѣтельствуетъ тоже множество гербовъ занимаемыхъ ими областей. Эти области орошаютъ Дунай, на песчаномъ берегу котораго сидитъ старая мать Слова, дальше Сава, Драва, Тиса, Прутъ, Дрина, Неретва, Марица, Морава, Одра, Висла, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ и Волга; здѣсь возвышаются горы балканскія Витошъ и Куновица и другія. Всѣ эти рѣки шумятъ и говорятъ о смѣлыхъ дѣлахъ нашей руки, отзываются горнымъ вершинамъ складнымъ голосомъ черезъ наши славянскія горы, о столь великой славѣ на три моря:

Narod, koji podloži
Tòke zemlje, kraljstva, puke...
S pod pojasa ledenita
Do pojasa vrutenita...
Sve pomlati svjeta strane,
I istočne i zapadne,
I sjeverske i poludane...
Po pržini kraj Dunaja,
Gdino je stara mati Slova...
Dunaj, Visla, Sava, Drava,
Njeper, Njester, Volga, Varna,
Krupa, Tisa, Prut, Murava,
Oder, Raba, Drina, Tana,
Vitoš mrazni, Kunovica,
Don, Neretva i Marica.
Naše ruke diela smina
Sve žamore i pravljaju,
A ratacim od planina
Skladnim glasom odzvekaju,
Preko slavskih naših gora
Toke slave na tri mora!

Давно живутъ на югѣ Славяне-Илиры; Ахиллъ, богъ Марсъ, македонскіе Филипъ и Александръ, эпирскій Пирръ, царь Константинъ и др.—всѣ они нашей крови славянской; равнымъ образомъ и Готы, Датчане, Шведы—Славяне. Безчисленное множество государей, царей, королей, князей, жупановъ, герцоговъ, ви-

тязей украшаетъ славянскій югъ и подунайскія страны (Угрію и Румунію), отъ моря адріатическаго, гдѣ въ которскихъ горахъ пребываетъ вила Слава, до Чернаго; здѣсь отличились словенскіе Само, Борутъ; хорватскіе Томиславъ, Будиміръ, Крѣсиміръ, Звониміръ, сербскіе Чеславъ, Урошъ, Неманя, Стефанъ, деспоты Лазарь и Юрій, Стефанъ Черноевичъ, босенскіе Кулинъ, Остоя, болгарскіе Асѣнь, Борисъ, Симеонъ, Петръ, Самуилъ и др.; Хервое, Шубичи, Зринскіе, Милошъ Кобиличъ (Кобиловичъ), королевичъ Марко, Янко и много другихъ юнаковъ. Здѣсь на славянскомъ югѣ дѣйствовали свв. Іеронимъ, и тоже Кириллъ и Меѳодій основатели славянской литургіи, здѣсь Рафаилъ Левaковичъ, вмѣстѣ съ русскимъ епископомъ холмскимъ Меѳодіемъ, исправилъ славянскія богослужебныя книги; изъ славянскаго юга происходятъ Сербы на русской службѣ, Милорадовичъ, Владиславичъ, Наталичъ.

Но не только на югѣ славянскіе витязи совершали подвиги: они доходили и до балтійскаго моря и дальше, распространяя туда свою рѣчь. Король Крупославъ покорилъ всѣ народы отъ моря адріатическаго до ледовитаго, и потребовалъ отъ нихъ, чтобъ всѣ они говорили на славянскомъ языкѣ:

Samo slavskim da jazikom
Svi govore, od ovoga
Tja do mora ledenoga.

Съ славянскаго юга вышли три молодыхъ брата далматинскихъ, Чехъ, Лѣхъ, Русъ, основатели трехъ королевствъ, чешскаго, русскаго или нынѣ московскаго, и польскаго:

Čeh, Leh, Rus, tri brata mlada
Dalmatinska . . . . .
Sastaviše tri kralije:
Prvi boemsku to jest češku,
Rusku drugi sad Moskove,
Treti odabra krunu lešku.

Чешскіе короли, Отакары и Вячеславы, могущественные, храбрые Славяне, долго воевали славно съ Нѣмцами, и наконецъ

примирились съ ними и сдѣлались подданными цесаря; да изъ нихъ вышло нѣсколько цесарей. За чешскими королями слѣдуютъ польскіе, Мѣшки, Лѣшки, Казиміры, Сигизмунды (Шишманы), Ягелоны, Людовикъ (Лаушъ), соединившій на своей головѣ двѣ короны, угорскую и польскую, соединившій съ Вислою Саву. Сильные польскіе короли, боровшіеся съ Татарами и Турками, были живымъ оплотомъ христіанства (živi zaklon od krstjanah); въ этой борьбѣ отличились королевичъ Владиславъ и король Иванишъ Собескій, воспѣтые Гундуличемъ и Канавеличемъ. На сѣверѣ основано могущественное царство Русомъ, Славяниномъ изъ далматинской державы. Преемники Руса распространили это царство далеко на сѣверъ и востокъ, покорили много русскихъ странъ, Новгородъ, Рязань, покорили и Татаръ казанскихъ и астраханскихъ, отразили Поляковъ. Подвиги храбрыхъ царей русскихъ-московскихъ, Ивановъ, Василіевъ, Михаиловъ, гремятъ отъ морей Чернаго до ледовитаго. Выше всѣхъ стоитъ Петръ Великій (такъ его называетъ Каванинъ уже въ 1710—1711 гг.), быстрый орелъ на высотѣ, побѣдитель Шведовъ, и будущій побѣдитель Турокъ [1]).

Исторію всѣхъ южныхъ Словинъ и славныя дѣла государей и юнаковъ словинскихъ: хорватско-далматинскихъ, сербскихъ, босенскихъ, болгарскихъ, албанскихъ (Юрія Скендербега), угорскихъ (Сибиняниna Янка), представилъ въ пѣсняхъ Андрей *Качичъ-Міошичъ* въ своемъ Razgovor ugodni naroda slovinskoga (1759 и часто) [2]). Всѣ эти южные Словине только часть огромнаго народа словинскаго, который по храбрымъ и славнымъ дѣламъ назвался Славянами (Slovinjani). Это призналъ Александръ Великій, и оставилъ имъ всѣ земли отъ моря латинскаго до Балтика ледянаго:

---

[1]) У Каванина (стр. 262) является тоже непріязнь къ Нѣмцамъ, которыхъ ненавидѣли въ Угріи и Хорватіи (срв. выше, стр. 211): Нѣмецъ строитъ козни домашнимъ вельможамъ, чтобъ сыны старыхъ родовъ считались ослятниками; но они часто бунтуются противъ иноплеменныхъ королей и призываютъ на помощь Турокъ.

[2]) См. выше, стр. 235.

Sva velika Sarmacija
Od starine njihova je,
Slavna Bosna, Dalmacija,
Ilirička država je.
Moskovija, Polonija,
Bohemija, Ungarija,
Sva bogata Slavonija
I vitežka Bulgarija,
Plodna zemlja Pomeranska,
I Gorica još suviše

Banovina, a i Krajnska
Slavnog puka vazda biše.
Njihova je dedovina
Srbska zemlja i Rusija,
U istinu još starina
Tatarija i Prusija.
Slovinske su to države,
Davno koje osvojiše,
I puno se oni slave;
Jer narode pridobiše.

Александръ, предоставляя всѣ эти земли славному народу словинскому, который выдалъ огромное множество славныхъ витязей, оставилъ имъ тоже свое благословеніе. Пусть только Словине откажутся отъ своего злаго обычая, что всякій хочетъ быть равенъ другому, и повинуются своимъ старѣйшинамъ.

Порабощеніе Югославянъ Турками наполняло словинскихъ поэтовъ глубокою скорбью; они съ живѣйшимъ участіемъ слѣдили за страшною борьбою христіанскихъ народовъ, преимущественно Славянъ, съ Турками, восхищались подвигами словинскихъ богатырей и прославляли ихъ въ своихъ словинскихъ стихахъ. Сербскіе юнаки князь Лазарь, Милошъ Кобиличъ, королевичъ Марко, Юрій Кастріотичъ, Сибинянинъ Янко, Николай Зринскій и другіе болгарскіе, сербскіе, хорватскіе и угорскіе богатыри, отличившіеся въ этой борьбѣ съ Турками, сдѣлались любимыми витязями и словинскихъ (далматинскихъ) поэтовъ, Гундулича, Пальмотича (Юнія и Якова), Каванина и др. Юнацкія пѣсни болгарскія и сербскія были извѣстны и въ Далмаціи, гдѣ эти „бугаритицы бугарились (пѣлись) сербскимъ способомъ (srpskim načinom)“, какъ замѣчаетъ въ половинѣ XVI в. Хварянинъ Петръ Хекторовичъ; бугарштицы—по его словамъ—считались не только на славянскомъ югѣ, но и повсюду между Славянами, разсказами о событіяхъ дѣйствительныхъ а не выдуманныхъ [1]). Современникъ

---

[1]) Mi i sve strane našega jezika (koji se meu svimi ostalimi na svitu najveći broji i nahodi) drže i scine bugaršćice za stvari istinne, brez sumnje svake, a ne za lažne, kako su pripovisti nike i pisni mnoge. (Pjesme P. Hektorovića, Zagreb 1874, p. 55).

Хекторовича, Дубровчанинъ историкъ Кабога, называетъ такія эпическія пѣсни — попѣвкини (vetustae cantilenae a nobis Illyricis popjevkinje dictae). Дубровчане и другіе Далматинцы, зная такія бугарштицы, записывали ихъ въ XVII-XVIII вв. и измѣняли по своему вкусу. Въ первой половинѣ XVIII в. „старецъ Милованъ“ (Андрей Качичъ-Міошичъ) скитался съ гуслями въ рукахъ, отъ Скадра до Задра, отъ Мостара до Котора, собирая юнацкія пѣсни; по нимъ же составлялъ и свои историческія пѣсни, свой Razgovor ugodni naroda slovinskoga, въ которомъ прославлялъ югославянскихъ юнаковъ [1]).

Успѣхи Турокъ наполняютъ словинскихъ (хорватско-далматинскихъ) поэтовъ ужасомъ, и они обращаются ко всей христіанской Европѣ съ просьбою о помощи погибающимъ народамъ востока. Въ такомъ смыслѣ заговорили въ первой половинѣ XVI в. оба словинскіе поэты, Сплѣтянинъ Маркъ *Маруличъ* и Дубровчанинъ Мавръ *Ветраничъ Чавчичъ*. Первый взываетъ ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, къ цесарю (hrabrenu česaru), папѣ, къ королямъ испанскому, французскому, англійскому, къ итальянскимъ князьямъ, къ Чехамъ и Уграмъ, о помощи страждущимъ христіанамъ подъ игомъ Турокъ, съ которыми тщетно уже бились Хорваты, Босняки, Греки и Латины, Сербы и Поляки. Ветраничъ упоминаетъ о множествѣ разныхъ странъ и народовъ, покоренныхъ турецкимъ царемъ; ему служатъ греческое цесарство, Романія, Албанія, Сербія, Боснія, Герцеговина, онъ угрожаетъ славнымъ Хорватамъ и Уграмъ, а христіанскіе государи и народы

---

[1]) Микаля въ своемъ словинскомъ словарѣ (1649) объясняетъ: bugarštica—canzona, cantilena, bugariti—cantare, popivkinja—canzona, cantilena. Гундуличъ говоритъ, что „бугаркини“ начались съ Болгарина Орфея, который ихъ оставилъ своему словинскому языку, да въ нихъ bugare se diela od slave.—Срв. Jagić: Gradja za historiju slovinske narodne poezije (Rad jugoslav. akad. XXXVII), Appendini: Notizie istor.-crit. II. 18, Богишић: Народне пјесме из старијих највише приморских записа (1878, срв. замѣтки Ягича въ Archiv für slav. Philologie IV. 192, VII. 520), Пыпинъ: Исторія славян. литературъ, стр. 261.

ссорятся между собою и облегчаютъ Турку его успѣхи; ему платитъ харачъ Дубровникъ, онъ владѣетъ Бѣлградомъ и Будиномъ, и нѣтъ уже никого, кто бы могъ сопротивляться турецкому лютому змѣю; нѣтъ ни Янка Сибиняпина, ни Матвѣя, ни крови Казиміра короля Людовика погибшаго подъ Мохачемъ. Нѣтъ теперь ни Угрина, Чеха ни Поляка, чтобъ съ копьемъ Турка въ полѣ подождать; нѣтъ больше Хорвата, ни того витязя изъ Босны, ни храбраго Далматинца, Семиградянина, Угровлаха, которые христіанскую вѣру саблею дѣлили и поганою кровью десницы багрили. Нѣтъ теперь ни Косова, ни Крбавы, ни поля равнаго, ни хорватской славы:

A sad nije Ugrina, Čeha ni Poljaka,
Da s kopjem Turčina u polju dočaka;
Nije veće Hrvatin ni od Bosne vitez taj,
Ni hrabren Dalmatin, Ardeljac i Ugrovlah,
Ki vjeru krstjansku sabljom su dielili
I u krv pogansku desnice mastili.
A sad nije Kosova, a sad ni Krbave,
Ni polja ravnoga, ni hrvatske slave [1]).

Сто лѣтъ спустя Хорватъ Шибеничанинъ Иванъ Томко *Мрнавичъ* (Марнавичъ) — въ стихотворномъ житіи Магдалины изъ рода Будринчей (жившей въ 1455—1531 гг.) — говоритъ о томъ, что Магдалина была свидѣтельницею турецкаго погрома въ югославянскихъ странахъ, и съ горечью указываетъ на то, что все случилось въ слѣдствіе несогласія тѣхъ народовъ. Хорватскій народъ растерзанъ, Босна и Герцеговина погублены, порабощены, въ поганство превращены, господство Черноевичей докопано, а деспотовичей (сербскихъ) далеко разогнано, Бѣлградъ

¹) См. поэмы Марулича Tužen'je grada Hjeruzolima, Molitva suprotiva Turkom (Pjesme M., 1869, p. 241—248), Ветранича-Чавчича Pjesanca slavi carevoj, Tužba grada Budima (Pjesme 1871, I. 41—65, въ загребскомъ изданіи Stari pisci hrvatski). О Ветраничѣ см. статью Князева въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію составленномъ учениками В. Ламанскаго, стр. 421. Далматинскіе поэты пишутъ cesar и česar (подъ вліяніемъ итальянскаго cesare).

повален и сталъ турецкимъ слугою, хорватское приморье опустошено и порабощено, и хорватскіе юнаки погублены, гордой Угріи чуть не конецъ. Несогласіемъ свѣтъ гибнетъ, и въ слѣдствіе несогласія Хорваты, Босняки, Сербы и Болгаре стали безсильными невольниками и связаны:

Hrvati, Bošnjaci, Bugari, Srbljani,
Neskladom nejaci sužnji su vezani [1]).

Югославянскіе юнаки, проливающіе свою кровь въ борьбѣ съ Турками, прославляются не только въ народной поэзіи болгарской, сербской и хорватской, а дѣлаются любимыми лицами и у хорватско-далматинскихъ поэтовъ. Сигетскій богатырь Николай Зринскій воспѣвается своими потомками, Николаемъ и Петромъ Зринскими (Adrianskoga mora Sirena, 1660), и Хорватомъ Павломъ Риттеромъ-Витезовичемъ (Oddiljenje Sigetsko, 1684), какъ юнакъ хорватскій, словинскій (славонскій) и далматинскій. Бана Петра Зринскаго прославляетъ Дубровчанинъ Владиславъ *Минчетичъ* (Trublja slovinska, 1665) какъ юнака и писателя словинско-хорватскаго, а тоже какъ словинскаго (славянскаго) вообще. Давно бы Италія погибла, если бы османское море не разбивалось о хорватскія волны,

O hrvatskjeh da se žalih
More otmansko nerazbija.

Зринскій дойдетъ до бѣлаго Царьграда, свергнетъ здѣсь знамя султана и водрузитъ другое знамя съ крестомъ, и славный банъ будетъ здѣсь господствовать подъ крыломъ цесаря, банъ по имени, а король на дѣлѣ. Но Зринскій не только славный юнакъ, онъ какъ поэтъ Adrianskoga mora Sirena самый знаменитый пѣвецъ, которымъ гордится нынѣ весь словинскій народъ; онъ кругомъ всего свѣта повсюду, гдѣ день начинается и гдѣ опять гиб-

---

[1]) Život Magdalene od knezov Zirova plemena Budrišića (Rim 1626, новое изд. въ Задрѣ 1863). О Мрнавичѣ см. Кукулевича (Književnici u Hrvatah, 93) и А. Павича (Rad jugoslav. akademije XXXIII).

нетъ, называется словинскимъ Аполлономъ и Марсомъ всего края:

U krug svjeta svud okolo,
Gdie dan svane, gdi opet gine,
Slovinski si zvan Apolo,
Marte od sve pokrajine.

Множество югославянскихъ юнаковъ, отличившихся въ борьбѣ съ Турками, воспѣвалъ, въ половинѣ XVIII в., Качичъ-Міошичъ въ своемъ сборникѣ пѣсенъ Razgovor ugodni naroda slovinskoga.

Хорватско-далматинскіе поэты, ожидая отъ всей христіанской Европы спасенія для своихъ страждущихъ братьевъ въ Турціи, оглядывались съ особенною любовью на польскихъ королей какъ на болѣе имъ близкихъ и симпатичныхъ соплеменниковъ [1]). Побѣда Поляковъ, польскаго королевича Владислава и обоихъ гетмановъ Ходкевича и Конашевича, одержанная надъ войскомъ турецкаго султана Османа подъ Хотиномъ (1621 г.), и слава Польши воодушевили Дубровчанина Ивана *Гундулича* къ эпосу Osman (1627), въ которомъ поэтъ прославлялъ ему лично извѣстнаго королевича Владислава, какъ побѣдителя восточнаго змѣя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ свое живое славянское сознаніе. Поэтъ помѣстилъ въ свой разсказъ разные эпизоды относящіеся къ исторіи и географіи югославянской и польской; онъ говоря о рѣкѣ Марицѣ, вспоминаетъ о славномъ пѣвцѣ Орфеѣ и о преданіяхъ о немъ у Сербовъ и Болгаръ, о его складныхъ и сладкихъ „бугаркиняхъ“ (болгаркиняхъ—пѣсняхъ), которыя тотъ славный Болгаринъ оставилъ своему словинскому языку, чтобъ дѣла славы въ славѣ воспѣвались въ нихъ всегда:

Skladne i sladke bugarkinje.
Bugarin ih slavni ostavi
Slovinskomu svom jeziku,
Diela od slave da u slavi
Bugare se u njih viku.

---

1) См. выше, стр. 85.

Ими прославляются царь Александръ Сербинъ (т. е. Александръ македонскій), Стефанъ, Урошъ и остальные Неманичи, Кобиличъ, Свилоевичъ и королевичъ Марко, Лаушъ (Людовикъ) король угорскій и польскій вѣнчавшійся въ Будинѣ и Краковѣ, Янко (Хунядъ), Матвѣй, Юрій Скендербегъ, Шишманъ (Сигизмундъ) Баторъ. Ими прославляются польскіе короли Ягелоны, Владиславы, Казиміры и Шишманы, особенно Шишманъ III; онъ преемникъ Лѣха и Крака, Лѣха II, защитившаго словинскіе народы отъ Карла Великаго, Пяста, Мѣшка и Болеслава, разбившаго Русскихъ, покорившаго Поморянъ, Кашубовъ и Прусовъ, Лауша (Людовика) соединившаго Вислу и Саву, Ягелона Владислава и его сына Владислава, соединившаго опять короны польскую и угорскую, разбившаго Турокъ, Казиміра, обоихъ Шишмановъ (Сигизмундовъ) перваго, который разбилъ Татаръ и Москву, второго, который соединилъ Литву съ Польшею, Стефана Батора. Шишманъ третій а славою первый; онъ могущественный польскій король ясной крови, въ словинскихъ бугаркиняхъ славенъ тѣмъ, что онъ отнялъ у сѣвернаго царскаго рода украшающую корону, что отоманская тяжелая сабля подъ его острымъ мечемъ сломалась, и онъ непобѣдимый сѣлъ царствовать надъ міромъ:

O Šišmane, vedra krvi,
Ki od Leha i od Kraka,
Treći imenom, slavom prvi,
U kraljestvu si od Poljaka,
U njih i ti, o mogući
Poljski kralju slavan jesi,
Da sjevernoj carskoj kući
Ote krunu, ka te resi,
Da otmanska teška sablja
Pod tvjem britkjem mačom puče.

Къ нему въ Варшаву приходитъ посолъ побѣжденнаго султана Османа; и польскій король принимаетъ его во всей своей славѣ и блескѣ, окруженный польскими витязями, панами, Радивиломъ (Radovilski), Замойскимъ, Сенявскимъ, Ходкевичемъ (Hotijević), Зборовскимъ и др., воинами изъ Пруссіи, Поморья, Ливоніи, Литвы, Смоленска, Полѣсья и Подляшья, Волыня, Кіева, Бѣлой

Руси и Подолья, Мазовіи, Гнѣзна и Кракова; здѣсь видно войско козаковъ, которому противиться не въ состояніи никакая сила, числомъ пятьдесятъ тысячъ, всѣ отборные витязи, страхъ враговъ въ бою, вихри, громы, трески, во главѣ ихъ весь въ огненномъ оружіи грядетъ Сагайдачный:

Nu opet vojska od kozaka
Pazi, gdi se na se kupi,
Koj se oprjeti nije jaka
Ičija sila, igdi stupi.
Peset tisuć njih je u broju,
Svi su izbrani vitezovi,
Neprijateljski strah u boju,
Vihri, gromovi i treskovi.
Gleda', oružan vas ognjeno
Gdi Sajdački gre prid njima.

Славные Поляки, рожденные для властвованія, защитили всѣ христіанскія государства, которыя иначе завоевалъ бы султанъ; а восточный змѣй не можетъ противиться сѣверному орлу:

Er što ne uze car ostala
Sva kraljestva od krstjana,
Vaša je slava, vaša je hvala,
Vi ste bili njih obrana.

Въ славной польской коронѣ, среди польскаго вѣча сіяютъ два свѣтлыя солнца, король и королевичъ. Наибольшая же слава короля—это королевичъ Владиславъ, сивый соколъ сѣвера, и его славу поэтъ „бугаритъ". Къ ногамъ королевича преклонило свою голову московское княжество, когда оно въ кровавомъ бою завоевано его рукою; онъ, бѣлый польскій орелъ сѣвера, быстрѣе сѣвера, между Днѣстромъ и Дунаемъ разбилъ, стѣснилъ, сломалъ, раздавилъ огненнаго лютаго змѣя; онъ отомстилъ за пораженіе юнацкаго Владислава польскаго и угорскаго подъ Варною, которую недавно разорили козаки. Онъ совершитъ еще много славныхъ дѣлъ; пусть онъ, свѣтлое солнце, сіяетъ на восточномъ ясномъ небѣ, прогонитъ мѣсяцъ въ ночную тьму, и пусть день засіяетъ изъ его ока. Пусть Владиславъ растетъ, и будетъ за-

щитою христіанства всего міра. Всѣ народы слышатъ его голосъ, онъ будетъ новымъ царемъ новой земли за ледовитымъ моремъ, и для его головы приготовляется сто коронъ. Пусть онъ идетъ къ Дунаю и дальше за Дунай, съ своими товарищами витязями, къ Никополю, гдѣ воспѣвается слава королевича Марка и воеводы Михаила, къ Смедереву, столицѣ сербскихъ деспотовъ, на Косово, гдѣ Милошъ Кобиличъ убилъ злаго царя, на Витошъ; а козаки подъ своимъ гетманомъ Сагайдачнымъ (vojevoda Sajdački) пусть достигнутъ самаго Царьграда. Королевичъ пусть станетъ преемникомъ царской короны Стефана Неманича и повелителемъ земель сербской, расской и болгарской, и распространитъ славу свою, польскую и божію отъ востока до запада:

Moškovsko je kneštvo glavu
Pod tve noge priklonilo,
Kad se u boju u krvavu
Od tve ruke pridobilo.
Ti od sjevera sjever brži
Sred Nestera i Dunaja
Rva, tište, slomi i skrši
Ognjenoga ljuta zmaja.
Svjetlo sunce, sini, sini
U vedrinah od istoka,
Tjeraj mjesec k noćnoj tmini,
Dan da svane s tvoga oka.
Rasti, rasti Vladislave,
Svi narodi tvoj glas čuju,
I za jedne tvoje glave
Sto kruna ti od sad kuju.
Sliedi, sliedi, tva vlas mnoga
(Tjesan joj je jur kraj ovi)
Preko mora ledenoga
Novoj zemlji bit car novi.
Nemaniću da Stjepanu
Namjesnik si krune carske,
Čim pod tobom zemlje ostanu
Srbske, raške i bugarske.
. . . . . . Pri Dunavu
Ne stoj, nego prostri sada
Našu, tvoju, božju slavu
Od istoka do zapada [1]).

---

[1]) Въ одномъ текстѣ поэма Osman кончается стихами:

Tim Sofija crkva sveta,
U koj turski sad pas vije,
Krstjanska će bit opeta,
Kako no je bila i prije.

Diela Iva Franja Gundulića (u Zagrebu 1877, Stari pisci hrvatski). О поэмѣ Osman см. статьи А. Павича (Rad jugoslav. akad. XXXII) и В. Марковича (Rad jug. ak. XLVI, XLVII, L, LII, сравниваетъ ее тоже съ польскими эпопеями Твардовскаго, Потоцкаго и Красицкаго), Р. Брандтъ: Историко-литературный разборъ

Вторымъ важнымъ событіемъ въ борьбѣ Польши съ Турками, которое распространило славу польскаго оружія далеко за предѣлы Польши, это побѣда польскаго короля Іоанна Собескаго надъ Турками подъ Вѣною (1683) и освобожденіе этой столицы римско-нѣмецкаго цесаря отъ угрожавшей ей гибели [1]). Побѣда славянскаго польскаго короля встрѣчена и на славянскомъ югѣ съ восторгомъ и породила смѣлыя надежды на окончательное освобожденіе южныхъ Славянъ изъ-подъ турецкаго господства и на паденіе его; отрицательная сторона подвига Собескаго, усилившаго нѣмецкое господство на Дунаѣ, скрывалась отъ взоровъ христіанскихъ современниковъ, которые въ немъ видѣли только подвигъ христіанскаго богатыря противъ ислама. Такіе взгляды отразились тоже въ произведеніяхъ хорватско-далматинскихъ поэтовъ, прославлявшихъ Іоанна Собескаго, при чемъ они смотрѣли на него не только какъ на витязя христіанскаго а тоже славянскаго. Петръ *Канавеловичъ (Канавеличъ)* изъ Корчулы, въ двухъ пѣсняхъ (1683), воспѣвалъ польскаго короля, возлагая на него большія надежды въ дѣлѣ освобожденія христіанскаго востока [2]). Поэтъ хорошо сознаетъ, что безъ помощи храбраго короля Іоанна, грозы и бича Турокъ уже во время его гетманства, пропала бы цесарская твердая Вѣна, и униженная Германія сама бы принесла свои ключи Туркамъ, что возставшая Угрія и сомнительная Хорватія примкнули бы къ побѣдителю, а открылся бы путь въ прекрасную Италію:

поэмы Г. Osman (Кіевъ 1879). Гундуличъ коснулся тоже чешскаго возстанія (стр. 451); турецкій посолъ предлагая польскому королю миръ, говоритъ, что нечего надѣяться на нѣмецкаго цесаря, который прогнавши изъ чешской Праги повстанцевъ, все еще съ ними воюетъ.

[1]) О подвигѣ польскаго короля см. выше, стр. 82—85.

[2]) Одна пѣснь перепечатана въ Дубровникѣ 1850 (Ivanu Sobjeski kralju poljačkomu osloboditelju Beča), другая въ дубровницкомъ журналѣ Slovinac 1880, стр. 353. Корчуляне называютъ поэта Канавеловичъ, а не Канавеличъ (Slovinac, p. 461).

Kad česarska tvrda Vjena
Vami bude u rukama,
Gjermanija poduižena
Ključe vam će doniet sama.
Odmetna će Ungarija
Proć česaru s vami biti,
Sumnjiva će Kroatija
Dobitniku se obratiti.

Поэтъ взываетъ къ Кліо, чтобъ она заставила его пѣть среди словинскихъ державъ и словинскаго языка вѣчную славу славнаго польскаго короля; а поэтъ, слушаясь прекрасной вилы Кліо, собирается пѣть эту славу словинскими пѣснями:

Sred slovinskjeh čin država
I jezika slovinskoga,
Da se u vjek pjeva slava
Slavna kralja poljačkoga...
A slovinskjem ja pjesnima
Pjevati ću slave tvoje.

Польскій король пусть не довольствуется освобожденіемъ столицы цесаря, а пусть идетъ дальше; пусть онъ прогонитъ Турокъ изъ Босніи, Сербіи, Болгаріи, проникнетъ въ самую Мекку, и освободитъ всѣхъ христіанъ востока, для которыхъ сѣверное солнце предвѣщаетъ новую жизнь; пусть бѣлый орелъ сѣвера прогонитъ турецкій мѣсяцъ, и приготовитъ птенцамъ гнѣздо въ Царьградѣ; существуетъ же у Поляковъ пророчество, что восточнаго турецкаго царя сотретъ сильная рука королевства словинскаго:

Proročanstva od Poljaka
Jesu, cara istočnoga
Da ima strti ruka jaka
Od kraljevstva slovinskoga.

Канавеловичъ желалъ, чтобъ его пѣсни „на словинскомъ языкѣ, родной рѣчи великаго короля (in lingua illirica, nativo idioma di qual grande rege)“, достойнаго прославленія и со стороны „словинской Музы (Musa slava)“, стали королю извѣстны; по этому онъ ихъ

и послалъ, посредствомъ кардинала Барберино, Іоанну Собескому вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ проситъ, чтобъ славный король удостоилъ своимъ вниманіемъ и эти пѣсни своего языка, и вызываетъ славнаго богатыря освободить гробъ Господень и распространить католическое вѣроисповѣданіе, и, подобно св. Іоанну, крестить въ Іорданѣ Турокъ и Грековъ [1]). Король Іоаннъ получилъ пѣсни и письмо Канавеловича, и поблагодарилъ позже (1687 г.) поэта за его произведенія, отличающіяся изяществомъ стиля и величественными мыслями.

Стихи Канавеловича въ честь Собескаго хорошо были извѣстны на славянскомъ югѣ; о нихъ вспоминаетъ позже Каваннинъ, и Яковъ Шалетъ, въ поэмѣ на кончину Канавеловича, заставляетъ корчульскихъ Славянокъ вилъ (Slovjenkinje vile), вмѣстѣ съ природою, оплакивать кончину поэта: его лира дала себя слышать до морознаго Днѣпра, воспѣвая военную славу свѣтлаго короля польскаго, прославляя его пѣснями словинскаго языка, который заставилъ смолкнуть языки греческій и латинскій:

Lira ćut se čini, koja
Boristena do mraznoga
Pjevajući slave od boja
Svjetla kralja poljanskoga...
U pjesnieh je proslavila
Od jezika slovinskoga [2]).

---

[1]) Quae de gloria tua, rex invictissime, ad longinquas mundi partes fama sero detulit, hisce linguae tuae carminibus non intempestive decantata, respicere ne dedigneris... Joannes ad Jordanem militans ingentem olim Judaeorum et gentilium turbam Jordanis aqua lavavit; tu Joannes ad Jordanem triumphans immensa Turcarum Graecorumque examina aquis Jordanis demerge. Подобная тому мысль встрѣчается у тогдашняго польскаго поэта В. Потоцкаго; срв. выше стр. 179.

[2]) Письма Канавеловича кардиналу Барберино и королю Іоанну, отвѣтъ короля, стихи Шалета, напечатаны, вмѣстѣ съ одною пѣснею, въ выше упомянутомъ журналѣ Slovinac 1880, стр. 353. Все это, вмѣстѣ съ обѣими пѣснями, находится въ рукописи хранящейся въ библіотекѣ Потоцкихъ въ Виляновѣ у Варшавы; срв. ста-

Освобожденіе Вѣны Собескимъ воспѣвалъ тоже Дубровчанинъ Петръ *Богашиновичъ*: Obkruženje Beča grada od cara Mahmeta i Kara Mustafe velikoga vezijera (1684, потомъ 1685 и 1703). Онъ прославляетъ Собескаго и славную корону польскую; ея слава будетъ еще больше, и пусть Польша сохранитъ свою силу и впредь и доконаетъ турецкаго змѣя, прогонитъ изъ южныхъ странъ и доставитъ имъ свободу. Вмѣстѣ съ Собескимъ отличились въ цесарскомъ войскѣ два Дубровчанина, Францискъ Гундуличъ и Петръ Ричарди, и другіе Хорваты словинскаго языка, сражавшіеся

Od hrvatske kí države
Od jezika slovinskoga,
U vjernosti puni slave
Za uzvišenje carstva tvoga.

Эти юнаки прославили и свою родину Дубровникъ, который составляетъ гордость и славу словинскаго языка:

Dubrovniče, kí si dika,
I u slavi imaš biti
Slovinskoga od jezika.

Поэма оканчивается видѣніемъ: Королева словинскаго языка (Kraljica slovinskoga jezika), описывая гибель своего царства, возбуждаетъ христіанъ къ войнѣ съ Турками [1]).

Результатъ польскихъ побѣдъ хотинской и вѣнской не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ и надеждамъ южныхъ Славянъ. Короли Сигизмундъ III и Владиславъ не могли дѣйствовать во смыслѣ словъ Гундулича, а при преемникѣ Владислава, Іоаннѣ Казимірѣ,

---

тью Бронислава Грабовскаго: Jan Sobieski w poezyi staro-chorwackiéj (въ варшавскомъ журналѣ Tygodnik illustrowany 1880, Nro 253, 254).

[1]) Первая часть поэмы перепечатана въ дубровницкомъ журналѣ Slovinac 1883, стр. 398; двѣ остальныя части знаемъ только по выпискамъ у Макушева: Изслѣдованія о бытописателяхъ Дубровника, стр. 257—261.

угрожала опасность самому существованію Польши. Подвигъ Собескаго далъ толчекъ освобожденію южныхъ Славянъ, но безъ участія Польши. Польская рѣчь-посполитая, борясь со многими внѣшними врагами, не могла осуществить пламенныхъ надеждъ южныхъ Славянъ; кромѣ того, Польшѣ пришлось бороться и съ внутренними врагами, козаками и все усиливающеюся неурядицею, которая приводила то славянское государство на край гибели. Все это не могло скрыться и отъ многихъ Югославянъ, и Хорватъ Юрій Крижаничъ необыкновенно мѣтко и вѣрно характеризовалъ это безвыходное положеніе Польши.

Почти въ то же самое время, когда Гундуличъ чрезмѣрно восхищался польскою славою, другой хорватскій поэтъ, Иванъ Томко *Мрнавичъ*, въ своей трагедіи Osmanšćica (Rim 1631), указалъ на причину неуспѣховъ польской политики, на „своеволіе“ Поляковъ [1]). Въ этой трагедіи Турки, ожидая, по смерти султана Османа, новой войны съ Поляками, утѣшаются, что всѣ они имѣютъ одного царя и уже не знаютъ другого господства, всѣ слушаются его мановенія, всѣ слѣдуютъ внимательно его движенію; между тѣмъ Лѣхи имѣютъ много господъ и каждый слѣдуетъ своему своеволію, и пока они собираются и совѣщаются, составляютъ рѣшенія и принимаютъ одно изъ нихъ, проходитъ время, работа не дѣлается, дѣло не кончено, каждый лѣнится работать:

Gdi mi jedinoga svi cara imamo,
I gdi već drugoga gospodstva neznamo,
Njegovim magnućem gdi ga svi slišimo,
Njegovim ganućem gdi hitro slidimo:
Oni gospodčine mnoge imijući,
Svak svojevoljšćine svoje slidujući,
Dokle se sahode i dokle većaju,
Slagaju pogode i jednu hitaju,
Prohode vrimena, posal se nečini,
Gdi nij' stvar svršena, svak se k poslu lini.

---

[1]) *Османщицу* знаемъ только по выпискамъ въ выше (стр. 373) упомянутыхъ статьяхъ Кукулевича и Павича.

Подвигъ „славнаго Иваниша Собескаго", разбившаго множество поганыхъ подъ цесарскою Вѣною, и его храбрыхъ товарищей Потоцкаго, Любомірскаго, Лещинскаго, Сенявскаго, Куницкаго (съ козаками), и другихъ витязей свѣтлаго польскаго рода—воспѣвалъ тоже Каванинъ въ своей длинной „велепѣснѣ" о богатствѣ и убожествѣ (1710—1711 г.). Но рьяный славянскій патріотъ замѣтилъ, что не Польшѣ суждено довершить дѣло Собескаго; онъ ей даетъ совѣтъ: если хочетъ пріобрѣсти старую славу, то ей нужно оставить столько сходокъ, бросить тяжкія усобицы, собирать вѣча сообща, и уничтожить нестройныя сконища; не слѣдуетъ имѣть столько судовъ, сколько шляхетскихъ головъ; тогда постановленія вправь глупы, нехороши двѣ власти среди державы:

Skupštinice tóke ostavit
Trjeba 'e tebi, zemljo leška,
I ako davnom slavom slavit
Hoć', posobna svrzi teška;
Za obćinu vjeća sbori,
A neskladne čete obori.
Nemoj imat tóke sude,
Koliko imaš plemske glave,
Tvé su odluke poprav lude,
Zle dvje vlasti srjed država.

Замѣченныя Мрнавичемъ и Каванином черты политическаго быта Польши развивались все больше, и Польша не могла осуществить возлагаемыхъ на нее надеждъ Югославянъ. Вмѣсто падающей Польши является другое усиливающееся славянское государство, Русь, и это государство перенимаетъ у Польши руководящую роль въ Славянствѣ. Такъ смотрятъ на эту роль Руси не только православные Югославяне, а тоже Югославяне католики, и Хорватъ Ю. Крижаничъ очертилъ ее необыкновенно смѣло и мѣтко. Такъ посмотрѣли на Русь и словинскіе поэты Далмаціи и Хорватіи, нерѣдко строгіе католики; уже въ половинѣ XVII в. Дубровчанинъ Юній Пальмотичъ выставилъ это сѣверное славянское царство покровителемъ и примирителемъ Югославянъ [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 361—362.

Обаяніе русскаго царства среди Югославянъ возрастало особенно со временъ царя Петра Алексѣевича. Отъ него, побѣдителя Шведовъ подъ Полтавою, всѣ Югославяне, православные и католики, ожидали освобожденія славянскаго юга отъ турецкаго ига. Эту мысль выразили хорватско-далматинскіе поэты, Сплѣтянинъ Каванинъ, сѣверный Хорватъ Витезовичъ, Дубровчане Градичъ и Русичъ. Іеронимъ *Каванинъ* прославляетъ сѣверное царство, основанное далматинскимъ Славяниномъ Русомъ, и пріобрѣвшее между тѣмъ, благодаря энергическимъ царямъ, огромную силу. На царскомъ русскомъ престолѣ сидитъ Петръ Алексѣевичъ Великій (такъ его называетъ уже Каванинъ въ 1710—1711 г.), и его же поэтъ Сплѣта прославляетъ какъ будущаго освободителя турецкихъ Славянъ: Быстрый орелъ царь востока съ высоты своей разгромилъ шведскаго короля, и собирается повалить проклятаго Турка. Пошли на него свои войска, обнажи на него свой мечъ и не вложи его въ ножны до тѣхъ поръ, пока не сбросишь другого, турецкаго царя въ темницу; не слѣдуетъ же быть двумъ царямъ на землѣ, и какъ одно солнце, такъ пусть будетъ и одно царство. Соберись на христіанскій путь, чтобъ сбросить Магомета съ востока, и чтобъ твой кровавый мечъ затмилъ мѣсяцъ, который мѣшалъ доселѣ зарѣ честнаго креста и одному только сіянію твоего солнца. Твои бояре, твои народы повалятъ Османа, и у тебя въ рукѣ твое торжество, твое счастье, предсказанное тебѣ давно: что будешь и восточнымъ царемъ. Впередъ! Ледяная страна тебѣ тѣсна, твоя сильная власть хочетъ, чтобъ ты былъ царь прирожденный, чтобъ царство злаго Турка пало, и чтобъ ты въ крѣпкомъ городѣ Стамбулѣ поставилъ свой престолъ и очагъ. Вижу, что твоему всемогуществу не хватитъ одного міра, и такъ награнь въ славномъ бою на Азію, съ помощью божіею и съ своимъ счастьемъ въ бой, занимай городъ Константина. Дѣствуй, цесарь всѣхъ цесарей, премудрый и всемогущій, чтобъ стать царемъ царей, и воздвигнуть тамъ свой престолъ, во всемъ славенъ. Ты знаешь, что великій Константинъ былъ нашей руки, твоего рода [1]); онъ тебѣ оставилъ

[1]) Императора Константина Великаго, уроженца Ниша, считали на славянскомъ югѣ Славяниномъ, какъ и другихъ царей уро-

веселый городъ для христіанскихъ дорогихъ душъ, для твоей милости, для твоихъ народовъ, а не для змѣевъ, не для волковъ; здѣсь ты, владѣя всѣмъ міромъ, садись на престолъ вмѣсто его. А если ты, золотой орелъ съ сѣвера, который летаешь выше солнца, желаешь, чтобъ часть твоихъ дѣяній описалась, пришли мнѣ свои перья въ Сплѣтъ!

Na krstjanski put se stavi,
Da s istoka Mahumeta
Baciš, i tvoj mač krvavi
Tamni mjesec, koji smeta
Dosle zori krst od časti
I tvom' suncu samom' sjasti.
Tvoji bojari, tvoji puci,
Povalit će Otmanića,
Slavodobit tva ti 'e u ruci,
A vrh tebe, tebi srića,
Ká ti od davna htjé slutiti,
Da i istočni car ćeš biti.
Sliedi, sliedi, kraj ledeni
Tjesan ti je, tvá vlast mnoga
Hoće, da s' ti car rodjeni,
A Turčina carstvo zloga
Pade, i u Stambul gradu jaku
Da stol kladeš i ožaku.
Svemognétvu vidim tvojem'
Da svjet jedan dosta nije,
Tjeraj dakle slavnim bojem
U Aziju, čim se zbije
Sultan . . . .
Čin', cesare svih cesara,
Kí s' premudar i svemogué,
Da ti budeš car od cara.
Tu se ustoliš, i u svem izué.
Znaš, Konstantin da bí veli
Naše ruke, tvoje trage,
On ti ostavi grad veseli,
Za kršćene duše drage,
Za tvu milos, za tve puke,
Ne za zmaje, ne za vuke [1])!

Въ одно и то же самое время, когда слава полтавскаго побѣдителя гремѣла повсюду въ Европѣ и особенно на славянскомъ югѣ, къ голосу Сплѣтянина Каванина присоединились два другіе

жениевъ Панонія, Далмаціи, Мизіи, Оракіи, Македоніи, Илиріи. По этому и Качичъ-Міошичъ прославляетъ Константина и его мать Елену какъ Славянъ. Каванинъ приводитъ тоже басню, по которой русскіе цари происходили отъ цесаря Августа; срв. о томъ мнѣніе Крижанича, стр. 348.

[1]) Въ приводимыхъ хорватскихъ стихахъ тамъ, гдѣ этого требуетъ метрумъ, вмѣсто *ije* (*ie*) пишемъ просто *je* (cvijet—cvjet, svijeh—svjeh), а *ie* оставляемъ только послѣ *d* (diela—djела), *l* (liek—лијек), *n* (slavnieh—славниjex, славнjex), такъ какъ по нынѣшнему правописанію *dj* (*gj*)=дь, дж (svedj, Gjorgjić), *lj*=ль (polja), *nj*=нь (znanje).

хорватскіе голоса, восхваляющіе подвиги русскаго царя и вызывающіе его къ освобожденію Славянъ Турціи. Въ Загребѣ напечаталъ въ 1710 г. рьяный славянскій патріотъ, Павелъ *Риттеръ-Витезовичъ* поэму въ честь царя Петра, на языкахъ латинскомъ и хорватскомъ (латиницею и кириллицею): „Geniticon sive fatum ex nominibus serenissimi, potentissimi invictissimique principis ac domini d. Petri Alexievich, Moscorum imperatoris, Magnae Russiae monarchae potentissimi—Радосудіе (Rasudie) илити осуди изъ именъ преяснога, презможнога, и неодолитога поглавника и господина, г. Петра Алексѣвича цара московскога, Велике Руссіе самодержца" [1]). Витезовичъ называетъ Петра столбомъ христіанъ противъ Турокъ и Татаръ, съ которыми онъ, съ божіею помощью, будетъ воевать счастливо, побѣдоносно и славно; Турки потерявши Азовъ, боятся сѣвернаго московскаго народа и царя, отъ котораго они и погибнутъ:

Ово естъ онъ дуго чекани воивода
За ослободьенье вѣрнога народа,
Ки но има прити одъ стране сѣверне.
Великъ страхъ уприти медь Турке невѣрне.
Одъ бога естъ крѣпостъ дана цару тому,
Од цара страшльивостъ злотвору ньегвому.
Нагнаи въ страхъ погане, Петре, теръ здравъ съ пукомъ,
Да имъ страхъ престане съ ньиховимъ разсуткомъ.
Ако е ка воиска богу драга била,
Воиска бы московска драга битъ имила.
Она ѣрбо иста не може терпити,
Она света миста одъ Туракъ скверпити.

Петръ да будетъ мститель и побѣдитель всѣхъ чудовищъ; онъ, повелитель сарматскихъ странъ и укротитель Чернаго моря,

---

[1]) Перепечатано П. Лавровскимъ въ московскихъ Чтеніяхъ 1862, II. Латинскій текстъ раздѣленъ на 20 анаграмъ (разсловій), хорватскій только на 7. Правописаніе кириловской части сербское, а не боснское. (*Дуго* — долго, *чекани*—ожидаемый, *но*—и такъ, *уприти* — вперить, *крѣпостъ*—доблесть, *ньеговъ*, *ньиховъ*—его, ихъ (ихній), *теръ* —и такъ, *пукъ*—народъ (полкъ), *разсутакъ*—гибель, ѣрбо—ибо.

пусть сломаетъ Порту, освободитъ плѣнную Грецію, завладѣетъ Царьградомъ, усмиритъ врага христіанъ, присоединитъ къ своимъ сѣвернымъ владѣніямъ востокъ, и возстановитъ тамъ прежнюю хвалу божію:

Decretis pare superum, votisque piorum
Commoveare hominum, Petre, agitante deo.
Regalem Thracum validis cum viribus urbem
Et superum superes, inclyte victor ope.
Imperium, pulso truce Chamo, victor adauge.
Eoa Arctoo subjice regna tuo.
Ejice christiaci crudelem nominis hostem,
Regna per Europam qui violenta tenet.
Exulet Europa, latebras petiturus avitas,
Restituat Christo pristina jura tuo!

Въ Дубровникѣ іезуитъ Игнатій *Градичъ* написалъ поэму Plam sjeverski to jes pjevanje u hvalu moskovskoga veličanstva (1710), посвященную Савѣ Владиславичу изъ Герцеговины, „кнезу и властелину словинскому", находившемуся на службѣ русскаго царя. Слава подвиговъ царя, вѣсть о его побѣдѣ надъ шведскимъ королемъ, дошли и до Дубровника, и Градичъ постановилъ воспѣть эти подвиги и оповѣстить ихъ „всякой державѣ словинской". Огненное пламя сѣвера, храбрый, мудрый, славный царь московскій, побѣдилъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, именно шведскаго короля, который хотѣлъ похитить корону царства московскаго, погубить славное имя царя и короля восточнаго, завладѣть и Польшею, гдѣ были смуты и гдѣ не было юнацкой десницы. Царь Петръ превзошелъ всѣхъ свѣтлыхъ царей московскихъ, всѣхъ славныхъ цесарей римскихъ; онъ пусть раздавитъ и турецкаго змѣя, палитъ, сѣчетъ невѣрныхъ ненавидящихъ правой истины, задушитъ и погубитъ ихъ въ рѣкѣ ихъ крови, защититъ правовѣрную честь и освободитъ ее изъ рабства. За то богъ да вознаградитъ его на свѣтѣ и въ раю:

Čini diela tva čestita,
Da dotuče turskom zmaju.
Nevjernike pali i sjeci,

Koji mrze pravu istinu,
Čin, da svoje krvi u rjeci
Zaduše se i poginu.
Pravovjernu čas obrani,
I nju iz robstva oslobodi.

Походъ Петра противъ Турокъ не удался, надежды Югославянъ не сбылись. Тѣмъ не менѣе Югославяне не отчаявались и не переставали ждать своего освобожденія черезъ Петра и его преемниковъ. И послѣ несчастнаго прутскаго міра раздался изъ Дубровника, изъ устъ католическаго попа Стефана *Русича*, панегирикъ и пророчество о безсмертной славѣ русскаго царя: Petar Aleksiović aliti petnes zlamenja, diela i česti Petra prvoga cara i samodržca rusinskoga (1717). Поэтъ пустился въ кабалистику, и, въ посвященіи царю, указывая на значеніе имени Петръ (скала), замѣчаетъ, что царь для своего сѣвернаго русскаго царства непреодолимая оборона и несокрушимый щитъ; въ пятнадцати буквахъ имени „Петар Алексіовић", написаннаго „по буквицѣ словинской", поэтъ видитъ пятнадцать таинственныхъ знаменій славы царя Петра, потомка царей владѣтелей славнаго юнацкаго народа русскаго, того царя, передъ саблею котораго преклонились другіе государи, передъ которымъ уступили старые русскіе витязи. А всѣ государи и витязи пусть прославляютъ русскую стойкость, которая на вѣки не вянетъ:

Rusku stavnos da slavite,
Stavnos, koja vik nevene.

Петръ, орелъ сѣвера, стеръ всѣхъ противниковъ, шведскаго короля и его польскаго ставленника Станислава Лещинскаго, возвратилъ польскій престолъ Августу; его слава будетъ продолжаться и въ его потомкахъ, и русское солнце да сіяетъ на ясномъ небѣ востока:

Rusko sunce sini, sini,
U vedrinah od istoka!

Пусть русское солнце затмитъ отоманскій мѣсяцъ, и славный царь да будетъ гибелью восточнаго злаго змѣя [1]).

---

[1]) Стихотворенія Градича и Русича издали В. Макушевъ (Матеріалы для исторіи дипломат. сношеній Россіи съ рагузской респу-

Союзникъ русскихъ царей въ ихъ войнахъ съ Турками въ XVIII в. былъ римско-нѣмецкій цесарь, который въ дѣлѣ освобожденія Югославянъ въ XVI – XVII вв. игралъ первую роль. О немъ думали и югославянскіе поэты, начиная съ Марулича, и В. Минчетичъ желаетъ, чтобъ хорватскій банъ господствовалъ въ Царьградѣ подъ крыломъ цесаря. Не такъ думаетъ Канавеловичъ, который сулитъ Царьградъ не цесарю, бѣжавшему изъ Вѣны передъ кровавымъ боемъ, а освободителю Вѣны, польскому королю. Скоро однако русскій царь Петръ затмилъ и нѣмецкаго цесаря и польскаго короля, и словинскіе поэты, католики, католическіе духовные, Кавапинъ Витезовичъ, Градичъ, Русичъ, поручаютъ дѣло освобожденія Югославянъ и столицу Царьградъ славянскому царю русскому, Петру; Кавапинъ, правда, вызыва-

бликой, 1865, стр. 74—113), и Вл. Качановскій (Образцы дубровницкаго языка и письма, прибавленіе къ изслѣдованію о Гледжевичѣ, 1882, стр. 27—49). Если Пыпинъ (Исторія славянскихъ литературъ, стр. 31) замѣчаетъ о стихотвореніи Витезовича, что онъ остается хладнокровнымъ къ племенному родству русскаго царя, то это не совсѣмъ вѣрно. Стихи Витезовича, рьянаго Славянина (см. выше, стр. 233), равнымъ образомъ какъ и стихи Градича и Русича, нельзя разсматривать какъ единичныя литературныя явленія словинской поэзіи, внѣ всякой связи съ духомъ этой поэзіи, который несомнѣнно славянскій; всѣ три хорватскихъ поэта смотрѣли на Петра навѣрное какъ на царя „словинскаго", какъ и ихъ современникъ и соотечественникъ Каванинъ, какъ смотрѣли на словинскую Русь и другіе словинскіе поэты, Пальмотичъ, Джорджичъ, Крмпотичъ и др. Хорватско-далматинскіе поэты знали Русь не изъ однѣхъ книгъ, а тоже по разсказамъ своихъ соотечественниковъ, бывавшихъ въ русскихъ земляхъ; такъ на пр. на Руси были Комуловичъ, Леваковичъ, Крижаничъ, Алегретичъ, Фр. Гундуличъ, Сев. Главиничъ, Змаевичъ, Милорадовичъ (оба на русской службѣ при Петрѣ), Караманъ, и др. Царь Петръ Великій хорошо зналъ Дубровникъ (Рагузу, по которому назывался Сава Владиславичъ Рагузинскимъ); онъ извѣщая (2 мая 1711) Дубровчанъ о своихъ побѣдахъ надъ Шведами, выражаетъ надежду, что имъ будетъ пріятно объ этомъ узнать „яко нашего народа и языка доброжелательнымъ друзьямъ". (Србски Летопис па г. 1866, стр. 90).

етъ тоже западнаго цесаря, „нѣмецкаго двуглаваго орла“, направиться къ Царьграду и стать восточнымъ цесаремъ; но этотъ призывъ сдѣланъ какъ-то вскользь и совсѣмъ исчезаетъ передъ пламенными словами, обращенными поэтомъ къ славянскому царю русскому.

Союзъ обѣихъ имперій, русской и римско-нѣмецкой, казалось, ускоритъ осуществленіе завѣтной мысли южныхъ Славянъ, ихъ освобожденіе и паденіе Турціи. Такія надежды оживились особенно во второй половинѣ XVIII в., когда императрица Екатерина II и императоръ Іосифъ II сблизились въ своей восточной политикѣ и сообща выступили противъ Турокъ. Сербскій поэтъ Досиѳей *Обрадовичъ* выразилъ надежду, что Іосифъ II освободитъ всѣ народы балканскаго полуострова, а хорватскій поэтъ Іосифъ *Крмпотичъ* (*Кермпотичъ*), католическій священникъ изъ Лики, съ восторгомъ описалъ путешествіе Екатерины и Іосифа въ Крымъ (Katharine II i Jose II put u Krim, 1788); онъ восхваляетъ и Петра Великаго, и желаетъ, чтобъ Екатерина вѣнчалась въ церкви св. Софіи въ Царьградѣ. Войну Россіи и Австріи съ Турками, взятіе Очакова, Бѣлграда и пр., воспѣвали сербскіе поэты, архимандритъ Иванъ *Ранчъ* и Досиѳей *Обрадовичъ*; Дубровчанинъ каноникъ Юрій *Феричъ*, воспѣвая взятіе Очакова Потемкинымъ, восхваляетъ славную цесарицу сѣвера, гордость нашего вѣка, которая продолжаетъ дѣла великаго Петра [1]).

Если у Обрадовича, Ранча и Ферича можно предполагать сознаніе племеннаго родства южныхъ Славянъ съ Русскими, хотя они о томъ прямо не упоминаютъ, то у Крмпотича славянская идея проявилась ясно. Онъ въ другой своей пѣснѣ полководцамъ австрійскимъ и русскимъ: Pjesma vojevodam austrijanskim i rosijanskim pripjevana (въ Вѣнѣ 1789), воспѣвая взятіе Очакова, выводитъ на сцену прекрасную вилу, которая является надъ взятымъ Очаковомъ; никто не знаетъ, кто эта прекрасная царица

---

[1]) Ранча Бой змая са орловы л. 1789 (Вѣна 1791), Обрадовича пѣсни императору Іосифу II и объ освобожденіи Бѣлграда (см. выше стр. 214), Ферича Uzetje Očakova (напечат. въ загреб. журн. Kolo 1842, II).

Славянка, Хорватка-ли или Далматинка, Русская, Чешка, Полька, Боснянка, Болгарка, Славонка или старая мать Панонка. Она сама заявляетъ, что она та славная мать и царица, изъ давна владѣющая царствами съ сѣвера на югъ; ея области гордились когда то, что онѣ укрѣплены кругомъ четырьмя морями противъ наѣзда всякаго чудовища: на югѣ защищаетъ ее море адріатическое, на сѣверѣ нѣмецкое и ледовитое, на востокѣ угрожаетъ черною волною бѣшеное море покрытое туманомъ:

Evo stare moje pokrajine!
Sa četiri na okolo mora,
Dičiše se negda utvrdjene
Od navale svakoga zlotvora.
Adrijansko me od poludnja štiti,
Od severa nemsko i ledeno,
Od istoka crnim valom priti
Bjesno more maglom pokriveno.

У нея было первоначально только одно имя: Славонкиня Славонія, Панонія или Илирія), а нынѣ она раздѣлена на сто отдѣловъ; многія прежде ей принадлежавшія державы нынѣ ей не принадлежатъ, многіе ея народы находятся нынѣ во власти турецкаго чудовища. Она прежде, госпожа господъ, сидѣла на престолѣ въ сладкой свободѣ и повелѣвала славянскимъ державамъ и народамъ; ее окружали и защищали огненные львы, Славяне витязи:

Oko mene ognjevati lavi,
Slovinjani moji vitezovi.

Но нынѣ она плачущая грустная вдова; многіе витязи погибли отъ ударовъ Турокъ. Что же смотрятъ нынѣ славянскіе народы съ замерзлымъ сердцемъ на немилое чудовище? Такъ-ли дождались выродившіеся внуки конца своей гибели?

Što gledaju sad slavonski puci
Mrzlim srdcem nemila zlotvora?
Tako-li su izrodni unuci
Dočekali svrhu svog zatora?

Вернитесь старые витязи, лютые львы, крылатые змѣи, старые соколы, чтобъ мать гордилась какъ прежде! Гдѣ потомки Илира, Агрона, Аларика, Стефана Неманича, Лазаря, королевича Марка, Кобилича, Кастріотича, Янка, Франконана, Зринскаго? Стыдъ и срамъ, что турецкое чудовище господствуетъ надъ столькими славянскими народами, что Магометъ держитъ въ заточеніи славянскія королевства, что онъ погубилъ разрозненныхъ Славянъ, Сербію, Хорватію, Боснію, Болгарію, Албанію, Богданію (Румунію) и др. Пусть всѣ эти народы возстанутъ и единодушно поднимутъ саблю и копье, тѣ народы, которые родила славянская мать, и, вмѣстѣ съ Уграми и Нѣмцами, идутъ подъ Іосифомъ и Екатериною противъ Турокъ, раздавятъ ихъ и завоюютъ Царьградъ.

Замѣчательно, что у хорватско-далматинскихъ поэтовъ, католиковъ, католическихъ духовныхъ лицъ даже іезуитовъ, вѣроисповѣдный моментъ, антагонизмъ между католицизмомъ и православіемъ, уступаетъ передъ національнымъ славянскимъ на второй планъ или совсѣмъ не является. Пальмотичъ, Витезовичъ, Градичъ, Русичъ, Качичъ, Феричъ, Крмпотичъ, воспѣвая Русь и другихъ православныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, не упоминаютъ о ихъ вѣроисповѣданіи, которое у строгихъ католиковъ, міранъ и духовныхъ, должно было прозываться „схизмою“: національный моментъ преодолѣлъ вѣроисповѣдный. Самъ строгій католикъ Кананинъ, который помѣстилъ Гуса въ аду рядомъ съ другими еретиками, сѣтовалъ на Грековъ раздвоившихъ церковь, глубоко почиталъ папу и восхвалялъ стремленія папъ относительно распространенія католицизма въ Москвѣ: самъ Кананинъ, восторженно прославляя Петра Великаго, не упомянулъ ни однимъ словомъ о его греческомъ вѣроисповѣданіи. Одинъ только Канавеловичъ выразилъ желаніе, чтобъ прославляемый имъ польскій король Іоаннъ Собескій распространилъ католическое вѣроисповѣданіе на востокѣ и крестилъ въ Іорданѣ Турокъ и Грековъ. Это впрочемъ исключеніе, а въ общемъ видно, что благородныя и просвѣщенныя мысли Крижанича и Качича не были единичнымъ явленіемъ среди Югославянъ католиковъ, а что онѣ

считали тамъ многихъ приверженцевъ даже среди католическаго духовенства [1]).

Отголоски борьбы Поляковъ и Русскихъ или „Москововъ“ съ Турками слышны и въ народныхъ пѣсняхъ далматинскихъ, босенскихъ, черногорскихъ, сербскихъ, болгарскихъ. Въ одной далматинской пѣснѣ объ освобожденіи Вѣны прославляется бѣлый соколъ польской прекрасной земли, король Иванъ Собескій, защитникъ святой вѣры; онъ вмѣстѣ съ цесаремъ пусть докопаютъ Турокъ и возобновятъ царьградскія церкви. Въ другой сербской пѣснѣ Вѣна освобождается королевичемъ Михаиломъ, сыномъ короля московскаго, который вмѣстѣ съ „Лехами и Полякамп“ прогоняетъ Турокъ. Въ далматинской пѣснѣ объ освобожденіи Бѣлграда этотъ фактъ приписывается цесарю, польскому королю, Петру московскому, королевѣ Виницѣ съ Хорватами; Петръ играетъ здѣсь главную роль и распоряжается всѣмъ христіанскимъ войскомъ, которое послѣ взятія Бѣлграда увеличилось христіанскими перебѣжчиками изъ турецкаго войска, Румунами, Болгарами, Боснякаами „хриштянами“ и Герцеговцами „крстянами“; Петръ одинъ цѣлуетъ цесаря въ лице, а не его руки и колѣни, какъ это дѣлаютъ всѣ остальные короли. Въ черногорской пѣснѣ о Петрѣ Великомъ этотъ „христіанскій православный славянскій царь“ вызываетъ, посредствомъ Милорадовича, Черногорцевъ, помогать ему противъ Турокъ:

Да хришћански народ избавимо
И славенско име прославимо;
Ви сте с Русма и једнога рода,
Једне вјере, једнога језика.

Въ другихъ пѣсняхъ Сербы радуются, что Московы юнаки и могутъ имъ принести помощь:

Москови су од боја јунаци,
Могу нама помоћ војевати.

Болгаре разсказываютъ, что московская кралица (королева) не боится никого на свѣтѣ, даже царя (султана), а только нап-

---

[1]) См. выше стр. 340 и 235; срв. тоже стр. 231 (объ Орбини).

высшаго бога, и разбиваетъ огромное турецкое войско на голову. Москва—убѣжище Югославянъ; туда отправляется сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ Высокій, и оттуда возвращается потомъ съ войскомъ въ Сербію и воюетъ съ Турками. Въ Москву спасается тоже преслѣдуемая Турками раія. Въ Москвѣ хранится святыня православнаго востока, присланная туда султаномъ по совѣту патріарха, именно одежда св. Іоанна, золотыя короны царя Константина и Стефана Немани, посохъ св. Савы, острая сабля царя Стефана Душана, знамя князя Лазаря; все это—„отчевина“ (наслѣдство) великаго царя московскаго, ему очень милая, принесенная московскими богатырями. Русскіе соколы освободятъ Сербовъ, всѣ церкви и св. Софію; Русскіе превосходятъ всѣхъ защитниковъ христіанства, ихъ слава раздается во всемъ мірѣ, и ихъ царство пусть стоитъ до конца міра.

То ће бити Руси соколови,
Турску силу оће порушити,
Од Турака Србе избавити
Руском хвалом и руским јунаштвом,
Српску славу оће показати,
Својој браћи на помоћи бити.
Већ нам Руси помогоше славно,
И вас свијет походише право.
Бог им дао здравље и весеље!
Руско им се познавало лице,
Како жарко међу звјездам' сунце,
И њихова царовања било,
Док је жарког сунца и мјесеца! [1])

---

[1]) См. сборники Богишича, Караджича, Милутиновича, Петрановича, Дозона и др. Нѣкоторыя пѣсни въ сборникахъ Милутиновича (на пр. та черногорская пѣснь) и Петрановича—по всей вѣроятности не народныя; но онѣ выражаютъ тоже взглядъ сербскаго народа на Россію (хотя и XIX в.).

V.

РУССКІЕ.

1. *Славянская Русь и ея роль въ Славянствѣ.*

Славянскія племена восточной Европы сплотились рано въ одно политическое и національное цѣлое, въ Русь, народъ русскій. Политическое и народное единство представляли, кромѣ языка съ разными нарѣчіями, княжескій родъ Рюриковичей и православная церковь съ своимъ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ, который поддавался однако все больше вліянію русскаго языка, въ Кіевѣ, Володимерѣ волынскомъ и Перемышлѣ, въ Черниговѣ и Переяславлѣ, въ Полоцкѣ и Смоленскѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Суздалѣ и сѣверномъ залѣсскомъ Володимерѣ, въ Рязани и Москвѣ. Различіе племенъ, конечно, не исчезло; они продолжали, и послѣ политическаго своего соединенія въ одну Русь, жить по „своимъ обычаямъ, правамъ, преданіямъ и законамъ своихъ отцовъ"; по тѣмъ не менѣе южные Поляне кіевскіе, Русь въ тѣсномъ смыслѣ или позднѣйшіе Кіяне (Кіевляне), сѣверозападные Кривичи или Полочане и Смольняне, сѣверные Словене (Словѣне) или Новгородцы, сѣверовосточные Сѣверяне и Вятичи или Черниговцы, Володимерцы, Москвичи: всѣ они составляли Русь, русскій народъ, всѣ они могли сказать съ своими князьями: „Я не Угринъ, я не Ляхъ, мнѣ часть въ русской землѣ". Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ долго сохранили преданія, что они когда-то жили не по Днѣпру и Двинѣ, а что они на этотъ востокъ и сѣверъ прибыли позже; одни изъ подунайскихъ странъ,

откуда они выселились въ слѣдствіе войнъ съ Волохами (Влахами-Римлянами), другіе изъ Ляховъ, и пр. Въ числѣ племенъ прибывшихъ — по преданію — на сѣверъ съ юга, изъ подунайской прародины Славянъ (Словѣнъ), были и „Словѣни (которые) сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ“, по которому они потомъ и назывались Новгородцы; но еще въ XI—XII вѣкахъ первоначальное названіе Словѣне (Словене) не исчезло: его знаютъ и русскій лѣтописецъ, и Русская Правда (Словѣнинъ, Словенинъ—Новгородецъ, Русинъ—Кіянинъ), и Новгородецъ Кирикъ (Словѣнинъ рядомъ съ Чюдинъ, Болгаринъ, Половчанинъ); да еще позже Стефанъ, епископъ пермскій, уроженецъ города Устюга въ двинской землѣ, называется „Русинъ отъ языка словенска“ [1]).

Эта огромная Русь, которой удивлялись уже рано ея славянскіе соплеменники [2]), всегда помнила о своемъ родствѣ съ другими Славянами на западѣ и на югѣ, и въ первоначальной русской лѣтописи сохранились замѣчательныя преданія о племенномъ единствѣ всѣхъ Славянъ. Общая всѣмъ православнымъ Славянамъ культура и церковный и письменный языкъ словѣнскій соединяли Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ какъ бы въ одно національное цѣлое, не говоря уже о другихъ сношеніяхъ Руси съ подунайскою Болгаріею и вообще съ южнымъ Славянствомъ. Съ сосѣдними Ляхами сносились и сталкивались Русскіе, особенно югозападные, постоянно, да со временемъ эти Ляхи и ихъ культура распространились далеко на востокъ, отразили стремленіе

---

[1]) Калайдовичъ: Памятники россійской словесности XII в., стр. 180; Памятники старинной русской литературы IV. 120. Еще біографъ князя Михаила Шуйскаго (въ XVII в.) разсказываетъ о немъ, что онъ изъ Москвы отправился на западъ къ Великому Новгороду, „якоже нѣкогда апостолъ единъ (Андрей) во страну пришедъ и словенскую“. (А. Попова Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 280). Русскіе, не отличая *ѣ* и *е*, писали безразлично Словѣне и Словене, позже и Словяне, а только съ XVII, особенно XVIII в. Славене, Славяне.

[2]) Срв. выше, стр. 103, слова краковскаго епископа Матоія XII в.

русскаго народа на западъ и подчинили себѣ всю югозападную Русь по Днѣпру и по Двинѣ. По морю балтійскому, через земли ляшскую и угорскую, Русскіе проникали къ дальнѣйшимъ Славянамъ западнымъ; они уже въ XI в., и несомнѣнно и раньше, жили у балтійскихъ Славянъ, именно въ городѣ Волынѣ [1]). Чехи и Морава, угорскіе и адріатическіе Славяне навѣщались русскими путешественниками, князьями, воинами, послами, гостями (купцами) и пр.; всѣ эти Русскіе не могли не знать, уже по своимъ лѣтописямъ, о славянскихъ своихъ соплеменникахъ на западѣ, гдѣ началась дѣятельность дорогихъ всѣмъ Славянамъ апостоловъ Константина и Меѳодія, о сосѣдствѣ земель чешской и русской при князѣ Володимерѣ, и пр. Тамъ на славянскомъ западѣ погибъ братоубійца русскій князь Святополкъ, который „гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы (Чяхы), испроверже злѣ животъ свой". Славу русскихъ князей XII в. пѣли не только Нѣмцы и Венедицы, и Греки, но тоже Морава, а еще въ XIV в. вѣсть о куликовской битвѣ доходила не только на востокъ, а тоже на западъ къ Риму, до Чеховъ и до Ляховъ [2]).

Русскіе, сносясь съ своими соплеменниками на югѣ и на западѣ, убѣждались часто на практикѣ о близкомъ родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ на пр. во время гуситскаго движенія, которое столь способствовало сближенію Славянъ вообще, одинъ западный Русскій замѣтилъ, что „Чехове суть люди мало отъ руского языка отторгнены, а Русь есть люди близки рѣчи свое языка ческа". Въ то же самое время русскій митрополитъ Исидоръ путешествовалъ во Флоренцію черезъ Германію, и русскіе путешественники замѣтили о нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, что они отличаются „яко Русь съ Сербы"; и когда они черезъ годъ возвращались на

---

[1]) Срв. I томъ стр. 194.

[2]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I. 63; Слово о полку Игоревѣ и Задонщина. Слова лѣтописца „межю Ляхы и Чехы" дали поводъ къ пословицѣ сѣверно-русской (архангельской) „между чахи и ляхи" т. е. безполезно, посредственно; срв. Archiv f. slav. Philologie VII. 624.

родину, ѣхали через Хорватію (черезъ Полу, Осоръ, Сень, Модрушъ, Загребъ, Крижевцы), то замѣтили о „Хавритянахъ“ (Хорватахъ), что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская“. Подобно тому и позже русскій путешественникъ на востокѣ, В. Г. Барскій (1723—1747), замѣчаетъ о греческихъ нарѣчіяхъ, что они отличаются „якоже Серби отъ Болгаровъ“, а съ болгарскими купцами говорилъ „ихъ языкомъ“. Такія вещи замѣтили на вѣрное и другіе Русскіе, бывавшіе въ разныхъ славянскихъ странахъ на западѣ и на югѣ, путешественники и послы, которые съ XV вѣка являлись на разныхъ дворахъ западной Европы [1]). Не даромъ великій князь всей Руси Иванъ III Васильевичъ, заключая (1490 г.) союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ, требовалъ отъ него „писати грамоту рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ, а не будетъ такого писца, кому поруски писати, ину писати по-латыински или по-нѣмецки“ [2]). Послами римско-нѣмецкаго императора (цесаря) въ Москву часто были Славяне западные и южные или Нѣмцы знающіе по-славянски, какъ на пр. Попелъ, Герберштейнъ, Кобенцель, Алегретичъ, Гейдель изъ Рассенштейна и др. Также римскій папа посылалъ иногда въ Москву южныхъ Славянъ, какъ на пр. въ концѣ XVI вѣка Далматинца Комуловича. Всѣмъ этимъ лицамъ помогало на Руси знаніе того или другого славянскаго языка, равнымъ образомъ какъ Русскіе находили въ своемъ языкѣ значительное облегченіе своихъ сношеній съ Славянами, внѣ своей родины и въ самой Москвѣ. Важность такого знанія славянскихъ языковъ указалась на пр. въ Москвѣ въ переговорахъ цесарскихъ пословъ, Нѣмца Лорбаха и Дубровчанина Алегретича, съ русскимъ правительствомъ въ 1655—1656 годахъ, во время войны польско-русской. Славянскій (словинскій) языкъ оказалъ тогда

---

[1]) См. нашу статью въ Трудахъ VI археолог. съѣзда въ Одессѣ (1886, I. 307); Бѣляева: О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи до XV в. (Записки импер. русск. географ. общества, 1852, кн. VI); Сахарова: Сказанія русскаго народа (Путешествія русскихъ людей, стр. 84, 88, 99); Странствованія В. Барскаго, изд. Барсуковъ (1886), II. 127, 169.

[2]) Памятники дипломат. сношеній Россія I. 41.

Алегретичу и его спутнику Франциску Гундуличу большія услуги. Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что Алегретичъ Славянинъ, весьма обрадовался, что будетъ съ нимъ говорить безъ переводчика на славянскомъ языкѣ. Такъ и было, и Алегретичъ и Гундуличъ говорили на своемъ родномъ словинскомъ языкѣ, а царь по-русски, между тѣмъ какъ Лорбахъ долженъ былъ пользоваться помощью переводчика. Царскіе приближенные замѣтили, что всѣ державы поступали бы благоразумно, если бы заботились выбирать въ посланники людей знающихъ языкъ того народа, къ которому посылаются, потому что не всегда можно полагаться на переводчиковъ, особенно въ важныхъ и деликатныхъ дѣлахъ. Понимая другъ друга, славянскіе члены посольства и царскіе слуги могли пускаться въ дружественные и разные разговоры, и въ виду цѣли посольства, это было чрезвычайно полезно тѣмъ и другимъ. Съ членами посольства, не знавшими славянскаго языка а хотѣвшими пользоваться переводчиками, Русскіе не соглашались вести переговоры, говоря имъ: Если бы вы знали по-славянски, мы вели бы съ вами переговоры, но такъ какъ вы не знаете, то подождите, пока выучитесь [1]). Въ сношеніяхъ между Польшею-Литвою и Москвою русскій языкъ прямо принятъ дипломатическимъ.

Славянскія племена восточной Европы, Русь, распространялись преимущественно на чудскій сѣверовостокъ. Стремленіе Русскихъ на сѣверозападъ къ балтійскому (славянскому) морю въ глубь племенъ литовскихъ и чудскихъ остановилось рано, именно въ слѣдствіе стремленія на востокъ племени нѣмецкаго. Варяги-Норманы (Шведы) давно нападали на сѣверозападныхъ Русскихъ, Словѣнъ новгородскихъ, водворились здѣсь уже въ IX—X вѣкахъ, и дали Руси княжескую династію, которая однако рано ославянилась. Стремленіе Варяговъ-Шведовъ на востокъ продолжалось и въ послѣдствіи, въ ущербъ русскому элементу, кото-

---

[1]) По словамъ Ф. Гундулича, написавшаго на итальянскомъ языкѣ дневникъ посольства; словинскій переводъ въ сборникѣ Dubrovnik 1868, русскій въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869, сентябрь. Ф. Гундуличъ былъ сынъ извѣстнаго поэта; см. выше, стр. 357 и 381.

рый оттѣсненъ отъ балтійскаго моря. Съ другой стороны Нѣмцы, рыцари крестоносцы, завладѣли всѣмъ литовскимъ и чудскимъ балтійскимъ приморьемъ отъ устья Вислы до финскаго залива и остановили и здѣсь стремленія Русскихъ на западъ къ балтійскому морю. Тяжелая борьба изъ-за балтійскаго моря между племенами нѣмецкимъ стремящимся и здѣсь на востокъ, по морю „восточному" (Ost-See) — и славянскимъ велась долго, Новгородомъ и Псковомъ, Литвою и Польшею, Москвою. Характеръ этой борьбы изъ-за балтійскаго моря, этого стариннаго моря „славянскаго" (mare suevicum, sinus veneticus) а потомъ „варяжскаго", хорошо поняли уже древніе русскіе лѣтописцы, особенно сѣверозападные, новгородскіе и псковскіе; они, прославляя храбраго борца русскаго языка на сѣверозападѣ, князя Александра Невскаго, побѣдителя Шведовъ и Нѣмцевъ, замѣчаютъ, что эти два народа собирались тогда „словѣньскыи (словеньскый) языкъ укорити ниже себе, плѣнити и къ себѣ въ работу створити" [1]). Только въ началѣ XVIII в. удалось Русскимъ пробиться вновь къ балтійскому морю, оттѣснить оттуда Шведовъ, и здѣсь, въ „языкахъ" (народахъ) чудскомъ и литовскомъ, униженныхъ языкомъ нѣмецкимъ, возвышать опять „словенскій языкъ". Петръ Великій отлично понималъ всю важность балтійскаго приморья для дальнѣйшаго развитія Руси, добивался этого моря съ напряженіемъ всѣхъ силъ и рѣшительно отвергалъ всякую мысль объ его возвращеніи Шведамъ: „Прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ. Кая была всегдашняя злоба сихъ сосѣдей Шведовъ еще при начатіи рощенія россійской славы и введенія добрыхъ порядковъ. Какого же нынѣ, когда господь богъ такъ прославилъ, что оные, отъ которыхъ почитай вся Европа опасалась, нынѣ отъ насъ побѣждены суть! И могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ... Помысли, егда отдачею на семъ краѣ моря допустимъ такъ злобнаго сосѣда паки внутрь себя, то како-

---

[1]) См. лѣтописи псковскую, софійскую, воскресенскую, Никоновскую, въ Полномъ собраніи русск. лѣтописей V. 4, 177. VII. 146, X. 120, 126. Такъ какъ здѣсь говорится о Новгородѣ и Псковѣ, то „Словене" могутъ быть и „Словене" новгородскіе и псковскіе.

го добра впредь ожидать имѣемъ"? Если и возвратить все Шведамъ, то будетъ „не покой, но бѣдство... Когда у насъ и на умѣ ничего не было, какіе промыслы и злохитрыя коварства оные имѣли. Нынѣ же, исполня то все, чего оные опасались, и такъ глубоко досадя, паки себя обнажимъ: то подумай, оставятъ-ли они насъ въ покоѣ, дабы всегда могли насъ бояться? Воистину, никако! Но будутъ искать того, чтобы такъ насъ разорить, чтобъ вѣкъ впредь не въ состояніи были какія знатныя дѣла чинить, и не только чтобъ имъ насъ бояться, но всегда бъ такъ надъ нами быть, дабы никогда не смѣли ничего противъ нихъ учинить. И тако бы мы сами себѣ враги и разорители были" [1]).

Стремленія восточныхъ Славянъ на югъ къ „русскому" (Черному) морю и на балканскій полуостровъ къ Царьграду, въ Болгарію—гдѣ водворилъ на время свое господство князь Святославъ Игоревичъ и куда стремился еще въ концѣ XI в. князь Василько Ростиславичъ—прекратилось въ слѣдствіе вторженія въ Черноморье разныхъ турецкихъ племенъ, Печенѣговъ, Половцевъ, и особенно Татаръ. Татары разгромили Русь, покорили ее, и изъ Поволжья и Крыма долго держали ее въ страхѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ соплеменники, Турки, вторглись на балканскій полуостровъ и покорили тамошнихъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, Грековъ, Румуновъ и Албанцевъ, наступали дальше на Хорватовъ и въ Угрію. Этотъ напоръ татарско турецкихъ племенъ на западъ, въ глубь Европы, выносили прежде всего Славяне восточные и южные, настоящій оплотъ христіанства. Весь славянскій востокъ и югъ представлялъ безконечное побоище, обагряемое кровью славянскихъ воиновъ и покрываемое „невольничимъ плачемъ", какъ называются въ народной поэзіи русской пѣсни о турецко-татарской неволѣ. На югозападѣ вся тяжесть этой страшной борьбы легла прежде всего на Хорватовъ и Сер-

[1]) Слова Петра въ книгѣ Шафирова „Разсужденіе, какія законныя причины его Ц. В. Петръ I къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго 1700 г. имѣлъ" (1717), у Соловьева Исторія Россіи XVI. 285—287.

бовъ, на востокѣ на Русскихъ, преимущественно на козаковъ [1]). Является для европейскихъ народовъ такъ назыв. *восточный вопросъ*, т. е. вопросъ объ отраженіи наступающаго на Европу турецко-татарскаго магометанскаго элемента и объ уничтоженіи его господства въ восточной и юговосточной Европѣ, преимущественно надъ Славянами. Рѣшеніе этого вопроса выпало главнымъ образомъ на долю наиболѣе пострадавшаго отъ него Славянства. Съ начала казалось, что за рѣшеніе восточнаго вопроса возьмется самое сильное тогда славянское государство, Польша; такъ думали и многіе Славяне, надѣясь на свое освобожденіе и на уничтоженіе Турокъ посредствомъ Польши. Но всѣ эти надежды оказались тщетными: Польша, по многимъ причинамъ, не была въ состояніи взяться за это великое дѣло и осуществить его въ благопріятномъ для Славянства смыслѣ [2]). Европейскія державы, во главѣ ихъ римскій цесарь и папа, хорошо понимали, что для отпора угрожающей силѣ турецко-татарской необходимъ союзъ всей христіанской Европы, что къ нему надо привлечь и сильнаго государя московскаго, который, послѣ разгромленія Руси Татарами и Литовцами, на дальнемъ сѣверовостокѣ сталъ мало по малу собирать русскія земли, осуществлять свой титулъ „великій князь (потомъ царь) всея Руси", и успѣшно воевать съ грозными Татарами.

Уже на флорентинскомъ соборѣ (1439 г.), куда явился тоже русскій митрополитъ Исидоръ, сказалъ греческій царь Іоаннъ — такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ спутникъ Исидора, суздальскій инокъ Симеонъ—папѣ Евгенію и всѣмъ архіереямъ, „яко восточніи земли суть рустіи, и больше есть православіе и вышнее христіанство Бѣлыя Русіи, въ нихъ же есть государь великій и братъ мой; ему же восточніи цари прислухаютъ и великіе князи со землями служатъ ему; но смиренія ради, благочестія, величества разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ вели-

---

[1]) Срв. выше, стр. 170, слова Папроцкаго объ этой борьбѣ Русскихъ.

[2]) См. выше, стр. 70 и слѣд.

кимъ русскимъ своихъ земель православія“ [1]). Послѣ паденія Царьграда значительно поднялась важность Москвы на христіанскомъ востокѣ, какъ столицы единственнаго сильнаго православнаго государя-царя и позже и столицы патріарха. Этому государю удалось не только освободиться отъ татарскаго ига, но и покорить все татарское Поволжье, Казань и Астрахань, позже и Сибирь; а московскій посолъ въ Царьградѣ уже въ концѣ XV в. не хотѣлъ передъ султаномъ стоять на колѣнахъ. Традиціи восточно-римскаго, греческаго царства перешли въ наслѣдство въ Москву, и царь всея Руси, называвшійся даже потомкомъ римскаго императора Августа, замѣнилъ царя восточно-римскаго, греческаго, и считался будущимъ освободителемъ восточныхъ, греческихъ православныхъ христіанъ, будущимъ владѣльцемъ Царьграда, который долженъ достаться „русому народу“. Такъ смотрѣли на русскаго царя сами Русскіе. „Два Рима падоша, третій, т. е. Москва—россійское царство, стоитъ, а четвертому не быти“—вотъ что раздается въ началѣ XVI в. изъ устъ псковскаго монаха Филоѳея. Русскіе книжники плачутъ надъ запустѣніемъ и покореніемъ царствъ греческаго, болгарскаго, сербскаго, босенскаго, албанскаго и многихъ другихъ отъ безбожныхъ Турокъ; они вызываютъ храбрыхъ мужественныхъ сыновъ русскихъ беречь свое отечество, русскую землю, отъ поганыхъ, чтобъ она не пострадала отъ нихъ, какъ страдаютъ отъ Турокъ Болгаре, Греки, Албанцы, Хорваты и Босна; но Русскіе тоже утѣшаются, что послѣ порабощенія греческаго и югославянскихъ царствъ, „наша россійская земля божіею милостью растетъ, и младѣетъ и возвышается“, что пусть будетъ до скончанія вѣка [2]).

---

[1]) Сахарова Сказанія русскаго народа (Путешествія русскихъ людей) II. 85. Слова царя, конечно, только взглядъ на Москву сѣверовосточныхъ Русскихъ.

[2]) Православный Собесѣдникъ 1861, II. 95; А. Попова Обзоръ русск. хронографовъ II. 64, 249, Изборникъ изъ русск. хронографовъ 81. 86: Софійская лѣтопись (Полное собраніе русск. лѣтописей VI. 232) См. статью Ѳ. Успенскаго: Какъ возникъ и развился на Руси восточный вопросъ (Извѣстія петербург. славян. общества 1886. Nr.

На московскаго великаго князя, государя сильнаго и пользующагося вліяніемъ на всемъ христіанскомъ востокѣ, разсчитывали папа и цесарь въ своихъ планахъ объ анти-турецкой лигѣ христіанской Европы, и папа уже въ началѣ XVI в. и позже сталъ указывать великимъ князьямъ на возможность пріобрѣтенія Царьграда какъ ихъ наслѣдія, отчины. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили въ Римѣ и вообще въ Италіи то обаяніе, которымъ пользовался русскій царь среди православныхъ народовъ востока: онъ-де пользуется неограниченнымъ довѣріемъ Болгаръ, Сербовъ, и Грековъ, которые, по одному его слову, готовы взяться за оружіе, чтобъ изгнать Турокъ изъ Европы и подчиниться его власти. Такъ смотрѣли на русскаго царя не только Итальянцы, а тоже южные Славяне католики. Въ концѣ XVI в. хварскій епископъ Петръ Чедоляни, Далматинецъ, воодушевленный величіемъ своего огромнаго славянскаго народа, указывалъ папѣ Клименту VIII на важность союза римскаго цесаря съ могущественнымъ русскимъ царемъ, который пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана. Папа, дѣйствительно, старался тогда склонить Польшу и Москву къ общей войнѣ противъ Турокъ; по его порученію южный Славянинъ, Далматинецъ іезуитъ Александръ Комуловичъ, соплеменникъ Русскихъ—какъ выражается папа—дѣйствовалъ въ Польшѣ и въ Москвѣ, на румынскихъ господарей и на русскихъ козаковъ; онъ уговаривалъ русскаго царя, освободить христіанскіе народы одного языка съ Русскими или мало отъ него отличающагося, которые вопятъ подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; да царю можетъ достаться и Царьградъ. Эту роль Руси какъ освободительницы южныхъ

6—9, срв. Pierling: Le mariage d' un tsar au Vatican, Revue des questions historiques, 1887, 1 octobre, p. 353); В. Макушева: Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (Славянскій Сборникъ III). Ознакомленію западной Европы съ Московіею способствовали, кромѣ дипломатическихъ донесеній, тоже сочиненія Мѣховскаго, Іовія, Герберштейна, Поссевина и др.

Славянъ формулировалъ позже, съ необыкновенною смѣлостью и силою, католическій священникъ, Хорватъ Юрій Крижаничъ [1].

Русскіе цари, занимая столь важное положеніе въ „восточномъ вопросѣ“, не могли, конечно, относиться къ дѣлу объ освобожденіи восточныхъ православныхъ христіанъ равнодушно; и царь Иванъ Васильевичъ Грозный, покорившій Казань и Астрахань и собиравшійся покорить и Крымъ, дѣйствовалъ въ такомъ направленіи, желая „мира межь всѣми государи и противъ бусурманъ заодинъ сопротивляться“. Религіозный моментъ, освобожденіе единовѣрцевъ, православныхъ христіанъ, Грековъ, Волоховъ, Болгаръ, Сербовъ, отъ турецкаго господства, стоялъ на первомъ планѣ; а національный моментъ, освободить единоплеменныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, явился и развился позже. Признавая за собою право и обязанность, освободить христіанскій востокъ отъ „бусурманъ“ (мусульманъ), русскіе цари и ихъ правительство въ этомъ вопросѣ поступали крайне осторожно, и относились къ разнымъ проектамъ римскаго папы и цесаря очень сдержанно. Виновники такихъ проектовъ, стараясь привлечь русскаго царя къ участію въ дѣлѣ борьбы противъ Турокъ, имѣли въ виду не только освобожденіе восточныхъ христіанъ, а тоже успѣхи и побѣду римскаго католицизма надъ греческою „схизмою“, возились съ планами уніи и приступали съ таковыми и къ русскимъ царямъ, что не могло не возбудить на Руси крайняго подозрѣнія. Кромѣ того, виновники тѣхъ плановъ объ общей анти-турецкой лигѣ христіанскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Польши и Москвы, игнорировали особыя отношенія этихъ двухъ славянскихъ государствъ или умалчивали о нихъ; а между тѣмъ, въ сущности, эти отношенія имѣли рѣшающее вліяніе на образъ дѣйствій русской политики въ восточномъ вопросѣ. Польша считала себя первымъ государствомъ восточной Европы и присвоивала себѣ первую роль и въ восточномъ вопросѣ; она тоже все говорила объ освобожденіи христіанъ востока и югославянскихъ соплеменниковъ, о пріобрѣтеніи Царьграда и пр. Поляки,

---

[1]) См. выше, стр. 210, 340.

въ виду усиленія своего государства, говорили объ общемъ славянскомъ происхожденіи Поляковъ и Русскихъ, о союзѣ съ Москвою, заявляли готовность избрать великаго князя московскаго въ свои короли, много толковали о выгодахъ такого соединенія восточнаго Славянства, добровольнаго или вынужденнаго: но все это подъ условіемъ, что это соединенное восточное Славянство будетъ Польша, а не Русь, Москва. Между тѣмъ главную цѣль московской политики составляло стремленіе осуществлять титулъ великаго князя или царя „всея Руси", присоединять къ Москвѣ всю югозападную отчину царя, поднѣпровскую Русь, Кіевъ, Галичъ, Полоцкъ, которою владѣли Литва и Польша. По этому уже великій князь всея Руси Иванъ III Васильевичъ отвѣтилъ польско-литовскимъ и угорско-чешскимъ Ягайловичамъ—старавшимся прекратить военныя дѣйствія между нимъ и литовскимъ Александромъ и обратить соединенныя силы восточной Европы противъ Турокъ,—что у него болѣе близкая цѣль: собирать свою русскую отчину. Это стремленіе Москвы и, на оборотъ, стремленіе Польши: всячески мѣшать осуществленію такихъ плановъ Москвы, да завладѣть самою Москвою—повели къ той ужасной борьбѣ обоихъ славянскихъ государствъ въ восточной Европѣ, къ опустошенію всего славянскаго востока, когда, по словамъ храбраго защитника Троицкой Сергіевой лавры, Авр. Палицына, „вся мѣста въ Россіи огнемъ и мечемъ поядены быша и весь словенскій языкъ возмутися" [1]). Этотъ непримиримый антагонизмъ Польши и Москвы въ дѣлахъ русскихъ не позволялъ ни той ни другой славянской державѣ развернуть свою полную дѣятельность въ восточномъ вопросѣ, въ дѣлѣ освобожденія южныхъ Славянъ [2]).

Польша, присвоивая себѣ руководящую роль въ дѣлахъ Славянства, дѣйствовала, не смотря на всѣ свои дружескія слова

---

[1]) Строева: Рукописи Царскаго, стр. 196, 509; Описаніе слав. рукописей библіотеки св. Троицкой Сергіевой лавры III. 125; Сказаніе о осадѣ Троицко-Сергіева монастыря (изд. 1784, стр. 1).

[2]) См. обширно выше, въ III отдѣлѣ (о Полякахъ).

о славянскомъ единеніи и примиреніи, какъ злѣйшій хотя и славянскій врагъ славянской-же Москвы, и считала „варварскихъ Москвитянъ схизматиковъ" только сильными чернорабочими Славянами. Польша, конечно, не могла на сношенія папъ и цесарей съ Москвою смотрѣть иначе, какъ съ крайнимъ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Уже въ половинѣ XVI в. польскій король Сигизмундъ Августъ рѣзко нападалъ на политику римской куріи относительно Москвы, и ясно высказался о роли Польши и Москвы въ восточномъ вопросѣ: Образъ дѣйствій папы не соотвѣтствуетъ ни интересамъ Польши ни интересамъ католицизма; упорные схизматики Москвитяне никогда не примутъ ненавистнаго имъ католицизма. Жизненный интересъ Польши никакъ не дозволяетъ возведенія московскаго князя въ короли, такъ какъ надо опасаться, что русскія области Польши и Литвы перейдутъ къ нему какъ къ своему единовѣрцу и патрону. Счеты Польши съ Москвою слишкомъ велики и стары, и Польшѣ нельзя вступить въ лигу съ другими государями противъ Турокъ, не устроивъ своихъ дѣлъ съ Москвою; эта послѣдняя не можетъ и подумать о войнѣ съ Турками, не заручившись прочнымъ миромъ со стороны Польши. Польша для римской куріи важнѣе Москвы, и въ отношеніи интересовъ католицизма и въ восточномъ вопросѣ. Москва не имѣетъ никакого значенія въ восточномъ вопросѣ за дальностью разстоянія отъ Турціи, за необходимостью въ случаѣ войны проходить черезъ польскія области, въ которыхъ ее ожидаетъ множество затрудненій. Что до морскаго пути, то Москвитяне совсѣмъ несвѣдущи въ морскомъ дѣлѣ. Кто же держится того мнѣнія, что они могутъ скоро привыкнуть къ мореплаванію, тотъ не видитъ обратной стороны медали. Покажите Москвитянамъ море, они сдѣлаются еще вреднѣе и опаснѣе. Наконецъ, папѣ слѣдуетъ взвѣсить и то, что его московская политика въ корнѣ подрываетъ всѣ виды на увеличеніе римской церкви пріобрѣтеніями въ восточной Европѣ: тогда Молдавія и Валахія, подающія теперь нѣкоторую надежду на обращеніе въ католичество, утвердятся въ своихъ заблужденіяхъ. Если бы въ Римѣ не обратили вниманія на эти представленія, то король былъ

готовъ разорвать сношенія съ папою и искать союза съ турецкимъ султаномъ [1]).

Эти предположенія не сбылись. Планы римской куріи въ Москвѣ не удавались, посольства Поссевина и Комуловича не увѣнчались успѣхомъ. Не удавались тоже планы Поляковъ о присоединеніи къ Польшѣ русскаго царства мирнымъ путемъ или вооруженною рукою, какъ объ этомъ думалъ король Стефанъ Баторій; не удался тоже обдуманный планъ Польши о захватѣ русскаго царства въ началѣ XVII вѣка. Такимъ образомъ рухнули всѣ планы о соединеніи силъ восточнаго Славянства подъ скипетромъ польскаго короля противъ Турокъ, и всѣ притязанія Польши на первенствующую роль въ Славянствѣ оказались неосуществимыми мечтами. Русское царство, послѣ страшныхъ потрясеній, скоро окрѣпло, и уже около половины XVII в. русскій царь вмѣшался въ дѣла Польши, назвался царемъ не только Руси Великой, но и Малой и Бѣлой, отнялъ у Польши часть этой своей поднѣпровской отчины и способствовалъ все усиливающемуся ослабленію того славянскаго государства. По мѣрѣ того, какъ Польша въ славянскомъ мірѣ уступала на задній планъ, русское царство выступало все больше впередъ, и могло уже подумать болѣе серьезно о восточномъ вопросѣ, о борьбѣ съ Татарами крымскими и Турками. Все чаще и сильнѣе доносились въ Москву вопли и надежды христіанъ Турціи, ожидающихъ отъ русскихъ царей своего освобожденія.

Въ концѣ XVII в. на царскій престолъ русскій вступилъ молодой *Петръ Алексѣевичъ*. Этотъ геніальный русскій царь отлично понялъ важность и значеніе Славянъ южныхъ и западныхъ для Россіи, и дѣйствовалъ какъ бы въ духѣ совѣтовъ Юрія Крижанича. Петръ, не смотря на тяжелую войну съ Шведами изъ-за балтійскаго моря, не упускалъ изъ виду великаго дѣла освобожде-

---

[1]) Инструкція польскому послу въ Римѣ, Крыскому, 1553 г. (Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften XL, p. 108). Срв. Scriptores rerum polon. (Cracoviae 1872, I, 63) и статью Успенскаго.

нія отъ Турокъ южнаго Славянства „нашего народа, нашего языка, нашей вѣры“, какъ выразился русскій посолъ въ Карловцахъ (1699). Многіе южные Славяне поступали тогда на русскую службу, и играли важную роль въ сношеніяхъ Петра съ славянскимъ югомъ; такъ на пр. оба Герцеговца Сава Владиславичъ и Михаилъ Милорадовичъ. Когда Петръ, послѣ полтавской битвы и возстановленія своего вліянія въ Польшѣ, задумалъ войну противъ Турціи, то онъ хотѣлъ воспользоваться помощью единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ Турціи, Болгаръ, Сербовъ, Волоховъ, Грековъ. Южные Славяне встрепенулись; Черногорцы привѣтствовали Милорадовича, посла „славянскаго царя“, съ восторгомъ, угорскіе Сербы предлагали свои услуги Петру, „своему православному царю“, а хорватско-далматинскіе поэты, католики, Каваниnъ, Градичъ, Витезовичъ, Русичъ, прославляли русскаго царя какъ освободителя южныхъ Славянъ Турціи и будущаго повелителя Царьграда и всего востока. Планъ Петра не удался, надежды Югославянъ не осуществились, но тѣмъ не менѣе царь Петръ сохранилъ свое обаяніе среди Югославянъ, поддерживалъ сношенія съ ними, особенно съ Черногорцами и съ угорскими Сербами, и остался на славянскомъ югѣ самымъ популярнымъ русскимъ царемъ; да въ одномъ монастырѣ въ срѣмской Фрушкой Горѣ образъ Петра Великаго считается чудотворнымъ. Петръ не забылъ и о западныхъ Славянахъ, именно о Чехахъ; онъ искалъ среди нихъ опытныхъ канцеляристовъ, ученыхъ, даже „комедіантовъ“; самъ онъ, пребывая въ Вѣнѣ, разговаривалъ съ чешскими панами по-славянски, а такъ и въ Карлсбадѣ съ чешскимъ живописцемъ Купецкимъ. Въ Лужицѣ привѣтствовалъ Петра какъ соплеменнаго царя славянскаго сербскій писатель Френцель. Обаяніе Петра среди Славянъ было велико, и возбуждало уже безпокойство въ Вѣнѣ; съ одной стороны боялись тамъ вліянія русскаго царя на угорскихъ Сербовъ, которые могли бы ему помочь утвердиться въ Угріи, а съ другой опасались вліянія Петра, стоявшаго съ своимъ войскомъ въ Польшѣ, даже на „волнующуюся чернь“ въ Чехіи. Въ Польшѣ Петръ хозяйничалъ уже по своей волѣ, и только онъ удержалъ Саксонца Августа на польскомъ престолѣ. Поляки уже тогда какъ-то

чувствовали необходимость русской опоры противъ Нѣмцевъ. Когда въ 1718 году король Августъ говорилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ о выгодахъ союза Польши съ цесаремъ противъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, то паны отмолчались и толковали между собою, что союзъ и дружба нѣмецкая имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіею; они заявляли русскому послу въ Варшавѣ, что Польша желаетъ быть всегда въ союзѣ съ Россіею и царя имѣть протекторомъ, потому что прусскій дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ, и говорили о природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности Австріи. Петръ вошелъ въ сношенія и съ недовольными Уграми, и покровительствовалъ Ракоцы [1]).

Славянскій міръ временъ Петра, униженный, забитый, погруженный въ невѣжество, не могъ удовлетворить желаніямъ Петра Великаго; русскій царь хотѣлъ бы имѣть воиновъ, моряковъ, ученыхъ, артистовъ, ремесленниковъ и другихъ свѣдущихъ людей преимущественно изъ Славянъ южныхъ и западныхъ: но такихъ людей было мало между Славянами, и русскій царь долженъ былъ такихъ людей искать между иноплеменниками, особенно между Нѣмцами. Царь Петръ Великій былъ по истинѣ такой „славянскій царь", какимъ себѣ его представлялъ Крижаничъ и какой именно былъ Славянамъ нуженъ. Славяне, не смотря на свое ужасное положеніе, почуяли все величіе и всю важность такого

---

[1]) О сношеніяхъ Петра съ Славянами см. особенно Соловьева Исторію Россіи. Петръ сказалъ однажды шутя Ракоцы, что Угры собственно его подданные, бѣжавшіе изъ Югры. „Sunt, qui audiverunt, Petrum Rakotzio jocabundum adfirmasse: Hungaros suae ditionis homines esse eosque ex Juhria profugos"—писалъ въ 1726 г. ученый Словакъ Матвѣй Белъ петербургскому академику Байеру (Belii Adparatus ad historiam Hungariae 1735, p. 413). Эта „Югра" одно изъ сѣверныхъ племенъ уральской Чуди: „Югра же людье есть языкъ нѣмъ (т. е. народъ иноплеменный) и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ" (П. С. Р. Л. I. 107); она встрѣчается до сихъ поръ въ титулѣ Императора Всероссійскаго. Срв. Н. Барсова Очерки русской исторической географіи, 60—64, и К. Грота Моравія и Мадьяры, 153 и др.

русскаго царя для славянскаго міра, и отнеслись къ нему повсюду съ живѣйшими симпатіями. Имя Петра Великаго долго сохранилось въ живой, благодарной памяти у Славянъ, преимущественно южныхъ; оно наводило страхъ и на враговъ Славянства и Россіи, и еще во второй половинѣ XVIII в. составлено ими такъ называемое „завѣщаніе Петра Великаго", какъ будто политическая програма Россіи, направленная къ ослабленію и покоренію Польши, къ ослабленію Германіи и австрійскаго дома, къ уничтоженію Турціи и завоеванію Царьграда, къ покоренію Индіи, къ порабощенію Германіи и Франціи, и вообще къ водворенію русскаго всемірнаго господства, что состоится-де съ помощью „схизматиковъ" (о „Славянахъ" не говорится) Турціи, Угріи и Польши [1]).

Преемники Петра Великаго продолжали его восточную политику, хотя они не достигли его въ пониманіи важности Славянъ для Россіи. Единовѣріе и единоязычіе Русскихъ и южныхъ Славянъ составляетъ важный моментъ во всѣхъ русско-турецкихъ войнахъ XVIII вѣка, хотя религіозный моментъ, освобожденіе православныхъ христіанъ востока, Славянъ, Румуновъ и Грековъ, все еще стоялъ на первомъ планѣ, а народный славянскій—на второмъ. Подиятый Екатериною II „греческій проектъ", т. е. возстановленіе греческаго царства съ столицею въ Царьградѣ, имѣлъ въ виду прежде всего интересы Грековъ, которые—въ случаѣ осуществленія проекта—пріобрѣли бы давно желаемое господство надъ Болгарами и Сербами, на сколько эти южные Славяне не перешли бы подъ господство римско-нѣмецкаго цесаря [2]). Въ русской литературѣ XVIII в. воспѣваются военные подвиги

---

[1]) Авторъ этого „тестамента" былъ вѣроятно польскій офицеръ Михаилъ Сокольницкій, представившій его французскому правительству въ 1797 г. (срв. статью Бреслау въ Historische Zeitschrift, Bd. 41, p. 385. и срв. Bd. 43, p. 376), а не французскій агентъ въ Петербургѣ д'Эонъ (1755—1760), какъ думаетъ Шубинскій (Древняя и Новая Россія, 1877, I.). „Тестаментъ" напечаталъ Lesur: Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu' au commencement du 19 siècle (Paris 1812).

[2]) См. выше, стр. 201.

противъ Турокъ, и говорится о борьбѣ россійскаго Геркулеса съ ужаснымъ дракономъ на югѣ и востокѣ, о „возставленіи“ тѣмъ Геркулесомъ вольности многихъ странъ, объ освобожденіи „Грековъ“, о завоеваніи Царьграда, о возстановленіи греческаго царства и пр.; такъ поютъ Тредьяковскій, Ломоносовъ, Херасковъ, Сумароковъ, Державинъ. О Славянахъ умалчиваютъ совсѣмъ, и Херасковъ, воспѣвая чесменскій бой (1771), сравниваетъ счастье Россіянъ, рода древнихъ Славянъ, подъ скипетромъ Екатерины съ бѣдственною неволею „Грековъ“ подъ султаномъ.

Россія и Австрія XVIII в. дѣйствуютъ сообща противъ Турціи; но этотъ союзъ, не основываясь на общихъ интересахъ, порождаетъ мало по малу все усиливающійся антагонизмъ между обѣими державами, славянскою и нѣмецкою, которыя обѣ стремятся къ одной цѣли, къ водворенію своего господства на развалинахъ Турціи. Но „игра“ Россіи и Австріи на востокѣ не была равна: народы востока, преимущественно Славяне, предпочитали славянскую Россію нѣмецкой Австріи [1]). „Молимъ вишнѣга творца“, пишетъ черногорскій владыка Сава Петровичъ Дубровчанамъ (17 ноября 1771), „да би свише благословіо оружіе россіиско и вазвисіо крьстъ, и нашу славенску руку опетъ прославіо съ оном славомъ, кою су имали наши стари“ [2]).

Русскія войска встрѣчались съ соплеменниками не только въ Турціи и въ Польшѣ, но и дальше на западѣ въ Чехіи; Русскіе и Славяне южные и западные часто съ удивленіемъ замѣчали, что они понимаютъ другъ друга. Въ 1735 г., когда русское войско шло на помощь цесарю на Рейнъ, то въ Чехіи – какъ выражается русскій фельдмаршалъ Ласи — „тутошніе обыватели съ солдатами безнуждный имѣли разговоръ“ [3]). Такіе „безнуж-

---

[1]) Tous le peu d' habitans qui y existent, par le fanatisme de la religion sont attachés aux Russes, et nous seroient contraires; nous jouerions un jeu bien inégal avec les Russes — такъ разсуждалъ Іосифъ II въ 1771—1772 гг. (Josefs Denkschriften, in Beer: Die erste Theilung Polens, Documente 13, 39).

[2]) Србски Летопис 1866, стр. 90.

[3]) Соловьева Исторія Россіи XX. 60.

дные разговоры" русскихъ войскъ съ разными Славянами южными и западными велись часто, и такимъ образомъ тѣ Славяне, просыпаясь отъ летаргическаго сна, возрождаясь, и изучая все больше славянскій міръ, могли соединить теорію съ практикою, и пополнять такими разговорами „безнуждными" (а въ сущности очень полезными) свои теоретическія познанія о самомъ могущественномъ соплеменномъ народѣ, русскомъ, которымъ они давно гордились и которому отводили и въ своихъ будущихъ судьбахъ выдающуюся роль. Понятно, что такое сближеніе Славянъ южныхъ и даже западныхъ съ Русскими не могло быть Нѣмцамъ по душѣ, и что ихъ представитель, вѣнскій цесарь, смотрѣлъ не очень дружелюбно на постепенное распространеніе русскаго вліянія въ Польшѣ и въ Турціи, на русскія симпатіи среди единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ Турціи, Угріи и Польши, на „безнуждные разговоры" тѣхъ народовъ съ русскими войсками, поддерживающими вмѣшательство Россіи въ дѣла средней и западной Европы. Понятно, что римско-нѣмецкій цесарь не могъ желать сосѣдства Россіи, которая его пугала уже изъ-дали [1]). Сила Россіи со временъ Петра все болѣе чувствовалась въ сосѣдней Польшѣ, которая дѣлалась мало по малу васальною держа-

---

[1]) Уже въ 1768 г. цесарскій министръ Вячеславъ Коуницъ (онѣмеченный Чехъ), въ своемъ докладѣ Маріи Терезіи и Іосифу, говоритъ и слѣдующее: Eine solche Nachbarschaft wäre vor das durchleuchtigste Erzhaus um so gefährlicher, da Russland auf die grosse Anzahl seiner der griechischen Religion zugethanen Unterthanen sorgsame Rücksicht tragen muss, und da sich die russische Eifersucht und widrigste Absichten bereits sattsam geäussert haben. (Beer: Die erste Theilung Polens, Documente p. 263). А черезъ нѣсколько лѣтъ (1772), когда Россія собиралась присоединить румынскія княжества, прусскій король Фридрихъ II замѣтилъ, que la cour de Vienne ne vouloit absolument pas que les Russes devinssent ses voisins; d' une part elle craignoit que nombre de Grecs répandus en Hongrie ne s' attachassent à cette puissance par motif de religion, d' autre part elle aimoit mieux être voisine de l' empire affoibli des Turcs que de l' empire formidable de la Russie. (Mémoires de 1763 jusqu' à 1775, Oeuvres posthumes de Frédéric II, Berlin 1788, V. 67).

вою Россіи; русское вліяніе усиливалось въ румынскихъ господарствахъ, въ Черной Горѣ и среди всѣхъ православныхъ народовъ Турціи и Угріи; отъ вмѣшательства Россіи въ дѣла дерущихся Нѣмцевъ чуть не погибла недавно сколоченная прусская монархія Фридриха II, которую спасла отъ „сокращенія" только смерть Елисаветы Петровны и воцареніе Петра III Федоровича. Нѣмцы, желая остановить побѣды и успѣхи Россіи въ Турціи среди единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ, бросились на Польшу и помѣшали ея полному соединенію съ Россіею. Такимъ образомъ Польша поплатилась за успѣхи Россіи на юговостокѣ, и границы Россіи и нѣмецкихъ державъ встрѣтились въ славянскихъ областяхъ бывшей Польши, на Нѣманѣ, Бугѣ, Збручѣ, а не у Кракова, Познаня и Гданска. Нѣмецкія державы, Австрія и Пруссія, сдѣлались сосѣдками Россіи на земляхъ литовскихъ, польскихъ и западно-русскихъ. На западѣ у Россіи, на стражѣ нѣмецкихъ интересовъ, крѣпко засѣла по Нѣману Пруссія, преемница нѣмецкихъ крестоносцевъ и Варяговъ въ балтійскихъ странахъ, представительница нѣмецкаго стремленія на славянскій востокъ. На югозападѣ, по Бугу, Збручу и восточнымъ Карпатамъ, стала другая нѣмецкая держава, Австрія, представительница нѣмецкаго стремленія на славянскій востокъ и юговостокъ, и до извѣстной степени нѣмецкая преемница славянской Польши относительно Россіи: какъ прежде Польша мѣшала всѣмъ планамъ Россіи въ восточномъ вопросѣ, и Россія могла къ его положительному рѣшенію приступить лишь послѣ ослабленія и уничтоженія Польши, такъ со временъ исчезновенія Польши Россія, въ дальнѣйшихъ своихъ планахъ на балканскомъ полуостровѣ, сталкивалась съ Австріею. Въ добавокъ Нѣмцы пріобрѣли важное значеніе въ самой Россіи, особенно при Аннѣ Іоанновнѣ (Бироны) и при Петрѣ III Федоровичѣ, въ кружкахъ правительственныхъ и военныхъ, школьныхъ и ученыхъ [1].

---

[1]) Такъ какъ мысли и планы Петра Великаго о привлеченіи въ Россію славянскихъ офицеровъ, шрейберовъ, академиковъ, комедіантовъ и др. оказались—въ слѣдствіе униженія тогдашняго славянскаго міра—неосуществимыми, то такія мѣста занимали не славянскіе иностранцы, преимущественно Нѣмцы, Бироны, Остерманы, Ми-

Нѣмцамъ нерѣдко удавалось вовлекать Россію въ дѣла только имъ выгодныя, и заставлять ее дѣйствовать не въ смыслѣ словъ Петра Великаго, сказанныхъ о западныхъ европейскихъ державахъ: „онѣ имѣютъ нужду во мнѣ, а не я въ нихъ". Уже Петру усиливающееся могущество австрійскаго дома—тогдашняго представителя стремленій нѣмецкаго народа—внушало опасенія; поэтому онъ думалъ о союзѣ съ Франціею (1717 г.), предполагая, что Россія — вмѣстѣ съ Польшею и Пруссіею — можетъ способствовать желаемому для Франціи и Россію ослабленію Германіи [1]). Елисавета Петровна высказывалась въ такомъ смыслѣ,

нихи, Шумахеры, Мюллеры и пр. Нѣкоторые Нѣмцы служили вѣрно своему новому отечеству, но присутствіе и вліяніе этого важнаго нѣмецкаго элемента сказывалось на каждомъ шагу въ юной общественной жизни русскаго народа. Въ академіи царили Нѣмцы, и споры между академиками русскими и нѣмецкими не прекращались; въ кадетскомъ корпусѣ (учрежденномъ въ 1731 г. по предложенію Миниха) кадеты учились исторіи универсальной и исторіи нѣмецкаго государства, а не русской, и пр. Постояннаго русскаго театра не было до второй половины XVIII в., а публику по прежнему „тѣшили Нѣмцы иноземцы, играли на разныхъ страментахъ и танцовали", какъ говорили въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в.; при дворѣ были опера, гдѣ пѣли „дѣвки Итальянки и кастратъ", и „нѣмецкая комедіантская банда", которая въ половинѣ XVIII в., подъ дирекціею Пантолона Гильфердинга, давала представленія въ столицахъ и въ другихъ городахъ. Любопытно, что въ 1733 г., во время польскаго смутнаго времени, гдѣ Россія поддерживала нѣмецкаго кандидата польскаго престола Саксонца Августа III противъ Станислава Лещинскаго, многіе Поляки приписывали это вліянію нѣмецкой партіи въ Россіи. См. Соловьева Исторію Россіи тѣхъ временъ.

[1]) Сборникъ императ. русск. истор. общества XXXIV. 196—201. Срв. С. Татищева: Paul et Bonaparte (Nouvelle Revue 1887, 15 août, p. 636). Выгоды союза Россіи съ Франціею понимали тогда, кромѣ царя Петра, и другіе Русскіе. Кононъ Зотовъ, морской офицеръ посланный Петромъ во Францію, въ одномъ письмѣ Макарову (1717), говоря о возможной женитьбѣ царевича Алексѣя Петровича на одной французской принцессѣ, замѣчаетъ, что такимъ образомъ состоялось бы сближеніе Франціи и Россіи: „Вся бы Германія не смѣла прогнѣвить государя ни въ чемъ, а Турка уже бы взяла лихорад-

что „для русскихъ интересовъ усиленіе прусскаго короля не только не полезно, но и опасно"; при ней говорилось и потомъ и дѣйствовалось, чтобъ „сократить силы" Прусаковъ. Первымъ шагомъ къ этому было присоединеніе къ Россіи Восточной Пруссіи съ Королевцомъ (Кенигсбергомъ), лежавшее вполнѣ въ интересахъ Россіи и Славянства; такое присоединеніе Восточной Пруссіи къ Россіи, – не временное а окончательное—имѣло бы своимъ послѣдствіемъ и спасеніе Гданска—котораго Панинъ не хотѣлъ уступить Прусакамъ—балтійскаго поморья и вѣроятно и всего Повислья отъ разгромленныхъ Прусаковъ. Но это не состоялось, а Нѣмцамъ скоро удалось привлечь Россію къ участію въ расчлененіи Польши, что отнюдь не лежало въ интересахъ Россіи и Славянства: эти интересы настоятельно требовали присоединенія всей Польши къ Россіи, и безусловнаго удаленія Нѣмцевъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, Поляки не поняли тогда этой истины, не вспомнили—по примѣру своихъ предковъ XVII вѣка—о всей необходимости соединенія обоихъ славянскихъ государствъ на смущеніе завидующимъ всему славянскому имени сосѣдямъ, забыли о страшной опасности угрожавшей имъ отъ „ненасытной пасти" Нѣмцевъ, и обратились противъ Россіи. Такимъ образомъ Россія была вынуждена не отставать отъ Нѣмцевъ въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ противъ Польши, кончившихся гибелью этого славянскаго государства и распространеніемъ нѣмецкаго господства далеко на славянскій востокъ [1]). Справедливо замѣтилъ тогда князь Щербатовъ, что

ка, Шведъ вовсе былъ бы отрѣзанъ. Я нынѣ держу, что алліанція со Франціею намъ вельми полезна, ибо другъ другу зла не могутъ дѣлать, а добра сколько хотятъ. Цесарь никогда не будетъ любить дворъ нашъ, для того что государи наши пишутся императорами". (Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., I. 160).

[1]) См. выше, стр. 97—100, 195—197, и I томъ, стр. 74—75. С. Татищевъ (L' alliance franco russe, Nouvelle Revue 1887, 1 octobre) считаетъ единственною политическою ошибкою Екатерины II допущеніе Нѣмцевъ въ польскія земли, „la seule faute de son glorieux règne: l' abandon de la Pologne proprement dit, pays slave s' il en fut, aux convoitises de ses voisins allemands. Cet acte, quelque justifié

раздѣленіемъ Польши усилились австрійскій и бранденбургскій дома и Россія потеряла сильное дѣйствіе надъ Польшею [1]). Императрица Екатерина II тяготилась союзомъ съ нѣмецкими державами; союзъ съ грубыми Прусаками она назвала большою, поносною, несносною тягостью, и отъ души желала усмиренія гордости неблагодарнаго Прусака, который, забывши о своемъ спасеніи посредствомъ Россіи (1762), подстрекаетъ Поляковъ, Шведовъ и Турокъ противъ нея, обѣщаетъ словами Польшѣ Галицію и Молдавію, и можетъ быть и Кіевъ, Бѣлорусь, Смоленскъ и Москву, относится къ Россіи грубымъ и неприлично повелительнымъ тономъ, и зазнавшись совершенно, воображаетъ себя чуть-ли не намѣстникомъ божіимъ, распоряжающимся вселенною. „Будетъ и на нашу улицу праздникъ авось либо!“ утѣшается императрица. Политику Австріи Екатерина, въ виду французскихъ дѣлъ (1791 г.), хорошо характеризовала словами, что вѣнскій дворъ всегда старался удалить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, исключая случаевъ, когда онъ для собственныхъ цѣлей увлекалъ ее къ вмѣшательству [2]).

Нѣмцы однако, съ помощью самихъ Славянъ, продолжали съ успѣхомъ свою анти-славянскую дѣятельность на юговостокѣ и востокѣ Европы, приготовляя все новые планы, чтобъ—по словамъ древнерусскихъ лѣтописцевъ—„словѣнскій языкъ укорити ниже себе, плѣнити и къ себѣ въ работу створити.“ Нѣмцы, поѣдая славянскій артишокъ по частямъ, господствуя надъ тающими остатками полабско-балтійскихъ Славянъ, лужицкихъ Сер-

---

qu' il ait pu être par les convenances politiques du moment, a été blâmé à l' unanimité par nos historiens nationaux“. Это вѣрно, но не слѣдуетъ забывать, что Поляки не хотѣли присоединиться къ Россіи, предпочитая союзъ съ Нѣмцами противъ Россіи, которая такимъ образомъ не могла уже по этой причинѣ ничего сдѣлать въ пользу польско-славянскаго народа.

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи (Русская Старина 1870, кн. 7, 8).

[2]) См. выдержки изъ писемъ, записокъ и др. Екатерины у Соловьева: Исторія паденія Польши. См. тоже выше, стр. 211—218. Относительно „неблагодарности“ Нѣмцевъ см. наши слова на стр. 184.

бовъ, Кашубовъ, надъ Слезаками, Чехами, Моравлянами, Словаками, Словенцами, Хорватами и надъ частью Сербовъ, водрузили въ концѣ XVIII вѣка свое знамя и среди польскаго народа по Вартѣ и Вислѣ, и среди карпатскихъ Русскихъ, и помѣшали такимъ образомъ водруженію здѣсь славянскаго русскаго знамени, отбросивъ его на востокъ за Нѣманъ, Бугъ и Збручъ. Они всѣми силами затрудняли Россіи движеніе на славянскій западъ и югъ, куда она, единственная славянская держава, должна была стремиться уже въ силу своего славянскаго призванія; они удерживали ее отъ вмѣшательства въ дѣла западныхъ и южныхъ Славянъ, и старались всячески отвлекать ее отъ этой исторической задачи. При томъ Нѣмцы располагали силами подвластныхъ имъ всѣхъ Славянъ западныхъ, карпатскихъ Русскихъ и значительной части Славянъ южныхъ, для всѣхъ своихъ цѣлей: лужицкіе Венды, поморскіе Кашубы, прусскіе Мазуры, Поляки изъ Великой Польши и Силезіи (Wasser-Polaken), должны были поддерживать всѣ завоевательные планы монархіи Фридриха II противъ Австріи, Россіи и Франціи; съ другой стороны Чехи и Моравяне, Словаки, карпатскіе Поляки и Русскіе, Словенцы и всѣ тѣ угорскіе и югославянскіе „Гусары, Хайдуки, Толпачи, Инсургенты, Славонцы, Пандуры, Вараждинцы, Личане, Кроаты, Морлаки, Райцы, Валахи, Далматинцы, Ускоки“ и др.—поддерживали другую нѣмецкую державу, монархію Габсбурговъ, противъ Пруссіи и Франціи, Турціи и Россіи. Всѣ эти „склавы“ должны были выбиваться изъ силъ ad majorem Germaniae gloriam [1]).

[1]) Срв. книгу: Merkwürdige histor. Nachrichten von denen bei den jetzigen Kriegen von neuem bekannt gewordenen Völkern von Hussaren, Heyducken, Tolpatschen, Insurgenten, Slawoniern, Panduren, Warazdinern, Lycanern, Croaten, Morlaken, Raitzen, Walachen, Dalmatiern, Uskoken etc. in welchen deren Charakter, Kleidung, Sitten, Gewohnheiten, Waffen, Art zu kämpfen beschrieben werden (Jena 1743). Всѣ эти злополучные Славяне напоминаютъ намъ картину Рѣпина „Бурлаки“: всѣ эти Вашки, Войтки, Иваси, Jовы, тянутъ, по нѣмецкой командѣ, лямку и уныло поютъ пѣснь о „нѣмецкой“ дубинушкѣ; а „сами себѣ помочь не могутъ, да въ своей глупости радуются еще собственному позору“—замѣтилъ бы славянскій патріотъ съ Юріемъ Крижаничемъ.

Нѣмцамъ было однако мало господствовать надъ западными и южными Славянами, пользоваться ихъ плечами для поддержки нѣмецкаго зданія въ средней и юговосточной Европѣ, не допускать Россіи дальше на славянскій западъ и югъ: для Нѣмцевъ было важно воспользоваться и силами Россіи для своихъ цѣлей. И дѣйствительно, Нѣмцы, въ концѣ XVIII вѣка, по смерти Екатерины II, добились блестящаго успѣха, и имъ удался chef-d'oeuvre ихъ политическаго ума и прозорливости: они ухитрились привлечь единственное славянское государство, Россію, къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ. Такимъ образомъ, съ конца XVIII вѣка „справляли на свою улицу праздникъ" Нѣмцы, а не Славяне: Нѣмцы, энергически защищая интересы своего народа, останавливали русское „ура" на нижнемъ Дунаѣ и Балканѣ, воспрепятствовали соединенію всей Польши съ Россіею—этому вожделѣнному средству для „смущенія завидующихъ Славянамъ сосѣдей"—не допустили Русскихъ къ Карпатамъ, къ Вислѣ и Одрѣ, задерживая ихъ на Нѣманѣ, Бугѣ и Збручѣ, всячески мѣшали дальнѣйшему развитію исторической роли Россіи въ Славянствѣ, и наконецъ привлекли русскія войска на Вислу, Одру, Лабу, Дунай, Адрію, Альпы, Рейнъ—но не къ „сокращенію силъ" нѣмецкихъ, а въ защиту интересовъ не славянскихъ, а нѣмецкихъ, именно противъ Франціи, естественной союзницы Славянъ противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ". Славянскій міръ, въ слѣдствіе стеченія разныхъ обстоятельствъ, очутился въ такомъ странномъ положеніи, что онъ сталъ, волею неволею,—travailler pour le roi de Prusse, работать для вящшаго еще усиленія Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Забыты мудрыя слова Екатерины II, сказанныя въ концѣ 1791-го года по поводу намѣренія обѣихъ нѣмецкихъ державъ вмѣшаться въ дѣла французскія: „Je me casse la tête (я себѣ ломаю голову), чтобъ подвигнуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Il y a des raisons, qu' on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires, pour avoir les coudées franches (есть причины, которыхъ нельзя сказать; хочу ихъ вовлечь въ дѣла, чтобъ имѣть полную свободу дѣйствій); у меня много предпріятій

неконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали“ [1]).

2. *Историческая литература. Начальная лѣтопись. Югославянскіе и польскіе источники. Хронографы и лѣтописи, ихъ разсказы о происхожденіи Славянъ и Руси, о началѣ христіанства у Славянъ, о славянскомъ богослуженіи. Космографіи.*

Разныя преданія о прародинѣ нѣкоторыхъ русскихъ племенъ и о другихъ Славянахъ западныхъ и южныхъ сохранились въ древнѣйшей русской лѣтописи, составленной въ началѣ XII вѣка. Русскій лѣтописецъ, слѣдуя византійскому хронографу Георгія, производитъ и Словѣнъ—такъ онъ называетъ Славянъ—изъ поля Сенаръ отъ вавилонскаго столпотворенія. Въ числѣ разошедшихся оттуда „языковъ“ (т. е. народовъ) отъ племени

---

[1]) Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины II (Москва 1862, стр. 258). Франція (королевство, республика и имперія), въ виду самообороны противъ стремленія Нѣмцевъ на западъ, всегда стремилась тоже къ сокращенію силъ Нѣмцевъ. Наполеонъ I въ Тильзитѣ (1807) очень умно говорилъ императору Александру, что необходимо, въ интересахъ Франціи и Россіи, ослабить обѣ нѣмецкія державы; срв. Thiers: Histoire du consulat et de l' empire, t. 7, 8, 9 (Friedland et Tilsit, Aranjuez, Erfurt), и нашу статью въ чешской газетѣ Národní Pokrok 1868, Nro 117, 119. Но дальнѣйшая политика Наполеона относительно Россіи соотвѣтствовала уже не интересамъ Франціи, а его личнымъ властолюбивымъ замысламъ. Эта „наполеоновская“, нефранцузская политика породила разрывъ и безумныя—съ точки зрѣнія народныхъ французскихъ интересовъ—войны съ Россіею (въ 1863 г. наполеоновская Франція даже подражала политикѣ Пруссаковъ 1788-го г. относительно Польши), стерла съ лица земли Наполеоновъ I и III, повела къ разгрому Франціи, не къ сокращенію а къ грозному для Франціи и для славянскаго міра усиленію Нѣмцевъ въ средней Европѣ. А при союзѣ съ Францією „вся Германія не смѣла бы прогнѣвить государя“ — замѣтилъ уже въ началѣ XVIII в. одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго (см. выше, стр. 415).

Іафета—продолжаетъ русскій лѣтописецъ уже самостоятельно—былъ и словѣнскій, который занялъ Европу восточную и юговосточную, извѣстную русскому лѣтописцу—по греческимъ источникамъ—какъ Скиѳія, Сарматія, Иллирикъ (Илюрикъ), Норикъ, Далматія и пр.; изъ этихъ названій лѣтописецъ пріурочилъ къ Словѣнамъ особенно Иллирикъ (Илюрикъ-Словѣне) и Норикъ (Норцы еже суть Словѣне). Словѣне поселились въ восточной Европѣ по Днѣпру до Чернаго (русскаго) моря: Тиверцы, Уличи, карпатскіе (червенскіе) Хорваты, Кривичи и др.; Словѣне поселились и по Дунаю, гдѣ во время лѣтописца были земли угорская и болгарская; въ слѣдствіе разныхъ событій, преимущественно въ слѣдствіе завоеваніи Волоховъ (Римлянъ), разошлись отъ дунайскихъ Словѣнъ, на западъ по рѣкамъ Моравѣ и Вислѣ, Морава, Чехи, Ляхи (и Лютичи, Поморяне, Мазовшане), на югъ Хорутане. Хорваты (бѣлые), Сербы. Многія племена подунайскихъ Словѣнъ двинулись на сѣверовостокъ за Карпаты и поселились—какъ можно заключить по разсказу лѣтописца—среди другихъ родственныхъ племенъ, по Днѣпру и Двинѣ, Поляне или Русь въ равнинахъ по среднему Днѣпру около Кіева, Деревляне и Дреговичи въ лѣсахъ и дрегвахъ (болотахъ) между Припетью и Двиною, Полочане по рѣкѣ Полотѣ, Сѣверяне по Деснѣ, Семя и Сулѣ; наконецъ одно племя проникло далеко на сѣверъ къ озеру Илмерю, построило здѣсь Новгородъ, и оставило себѣ старинное общее названіе Словѣне („прозвашеся своимъ имянемъ"). Позже прибыли туда на востокъ съ запада, изъ Ляховъ, Радимичи и Вятичи. Такъ себѣ представлялъ русскій лѣтописецъ разселеніе словѣнскаго народа: „тако разидеся словѣньскый языкъ". Этотъ разсказъ русскаго лѣтописца почерпнутъ конечно не изъ книгъ, а изъ народныхъ преданій, и обиліемъ данныхъ превосходитъ разсказы современныхъ ему лѣтописцевъ чешскаго Косьмы и польскаго Мартына; съ его разсказомъ согласны позднѣйшіе лѣтописцы, польскій Башко-Богухвалъ и чешскіе Далимилъ и Пулкава [1]). Книжною ученостью отзывается разсказъ лѣтописца о Сло-

---

[1]) См. выше, въ отдѣлѣ о чешскихъ и польскихъ лѣтописцахъ. Разборъ географіи русской начальной лѣтописи см. у Н.

вѣнахъ-Норцахъ и объ Илюрикѣ, „его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяше Словѣни первѣе“; лѣтописецъ зная, что въ Илирикѣ (въ обширномъ смыслѣ, въ Норикѣ, Панонiи, Далмацiи и пр.) въ его время жили Словѣне (Хорутане, Хорваты, Сербы), прибавилъ этотъ Илюрикъ къ подунайской прародинѣ Словѣнъ, къ Угрiи и Болгарiи; онъ знаетъ, что послѣднiя два названiя являются гораздо позже, съ тѣхъ поръ, когда пришли изъ Скиѳiи отъ Козаръ Болгаре, и поселилось по Дунаю (населници Словѣномъ быша), и позже Угры, которые, покоривъ другую часть подунайскихъ Словѣнъ и Волоховъ (Румуновъ), унаслѣдовали эту словѣнскую землю названную Угрiею. Кромѣ Болгаръ и Угровъ и Обры (Авары) „воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣни“. Во время лѣтописца помнили на Руси, что первоначально „словѣнскiй языкъ“ (народъ) въ Руси обнималъ Полянъ, Деревлянъ, Новгородцевъ, Полочанъ, Дреговичей, Сѣверянъ, Бужанъ, Волынянъ, Дулѣбовъ (сущая Словѣни) [1]; но потомъ названiе Словѣнъ распространилось и на другiя русскiя племена. И такъ „бѣ единъ языкъ словѣнескъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же прiяша Угри (и Болгаре), Морава, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“. Словѣнамъ моравскимъ переведены по-словѣнски священныя книги апостолами Константиномъ и Меѳодiемъ; а эта словѣнская грамота распространилась потомъ къ дунайскимъ Болгарамъ и на Русь. Апостоломъ Руси не только св. Андрей, учившiй по „русскому“ морю, по Днѣпру въ окрестностяхъ позднѣйшаго Кiева, и между Словѣнами около Новгорода; апостолами Руси, посред-

---

Барсова: Очерки русской исторической географiи. Географiя начальной лѣтописи (Варшава 1885).

[1]) Шафарикъ (Slov. Starožit. 992) объясняетъ слова лѣтописи: „Тиверци, яже суть *Толковины*, си вси звахуться Великая Скуѳь“— „Тиверци—Словѣне“; но это объясненiе не нужно, такъ какъ—по замѣчанiю Д. Самоквасова—можно читать просто (по тверской лѣтописи, П. С. Р. Л. XV. 37) „Тиверци, яже суть толкованы“, т. е. о которыхъ говорилось уже выше („Тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви... до моря... да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь“).

ственно, тоже оба учителя „словѣнскаго языка" (парода) въ Иллирикѣ, св. Павелъ и его ученикъ Андроникъ; ибо „отъ словѣнскаго языка и мы есме Русь, а словѣнескъ языкъ и руский одинъ"; Поляне, назвавшіеся по полямъ а Русью позже со временъ прибытія Варяговъ, „первѣе бѣша Словѣне, (и у нихъ) словѣнская рѣчь бѣ". О церковной словѣнской грамотѣ русскій лѣтописецъ имѣетъ, по (напонскому) житію св. Меѳодія, довольно подробныя свѣдѣнія.

Этотъ разсказъ русскаго лѣтописца о Словѣнахъ (Славянахъ), о ихъ прародинѣ и разселеніи, повторяется во всѣхъ русскихъ лѣтописяхъ до XVIII в., и составляетъ и у позднѣйшихъ русскихъ историковъ основу древнѣйшей исторіи русской. Этотъ разсказъ лѣтописца основывается, какъ уже сказано, отъ части на народныхъ преданіяхъ, отъ части на чужихъ источникахъ; такъ на пр. лѣтописецъ зналъ византійскій хронографъ Георгія Амартола въ словѣнско-болгарскомъ переводѣ. Въ этой словѣнской одеждѣ, болгарской и сербской, переходили на Русь разныя византійско-греческія сочиненія, въ томъ числѣ и историческія. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялись туда и оригинальныя сочиненія болгарскія и сербскія. Нѣкоторые древнѣйшіе памятники словѣнской письменности могли распространиться на Русь не только изъ Болгаріи, а тоже изъ подунайскихъ странъ (Угріи), на пр (напонскія) житія свв. Константина и Меѳодія, словѣнскія житія чешскихъ святителей Ивана, Людмилы, Вячеслава. Изъ Болгаріи и позже изъ Сербіи перешли на Русь словѣнскіе переводы византійскихъ лѣтописцевъ, хронографовъ, Іоанна Малалы, Георгія Амартола, Манассіи, Зонары, часто съ вставками югославянскихъ переводчиковъ [1]). Изъ славянскаго юга перешли

---

[1]) Въ галичско-волынской лѣтописи (Полное собраніе руськихъ лѣтописей II. 5) встрѣчается разсказъ о богѣ Сварогѣ и его сынѣ Дажьбогѣ, что лѣтописецъ взялъ изъ словѣнскаго (словѣнско-русскаго или словѣнско-болгарскаго) перевода хронографа Іоанна Малалы по списку XIII в. (см. Временникъ общества исторіи и древностей 1851, IX). Ягичъ (Archiv f. slav. Philologie IV. 412) отрицаетъ существованіе Сварога и его сына Дажьбога въ словѣнско-болгарскомъ

на Русь, читались и списывались и многія другія произведенія югославянской письменности, житія болгарскихъ и сербскихъ святителей и дѣятелей, свв. Іоанна Рильскаго, Иларіона Моглепскаго, Петки, Симеона, Савы, Стефана Дечанскаго, деспота Стефана и житія другихъ сербскихъ государей, сербскія и болгарскія лѣтописи и пр. Кромѣ этихъ православныхъ памятниковъ, дѣлающихся — при общей словѣнской письменности Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ—общимъ достояніемъ этихъ трехъ православныхъ народовъ славянскихъ, съ XVI вѣка распространялись

подлинникѣ (хотя въ спискѣ XV в. сдѣланномъ съ списка XIII в. встрѣчается тоже форма *Даждьбогъ* подлѣ русскаго: *Дажьбогъ*), и приписываетъ эти имена русскому переписчику, вліянію новгородскому; въ Новгородѣ могли-де кое-что знать о балтійско-славянскомъ Сварожичѣ (Zuarasici у Титмара и Брунона, въ началѣ XI в.), да „Сварогъ" можетъ быть даже народная этимологія=„сварщикъ"—кузнецъ. (Маретичъ въ Archiv f. slav. Phil. X. 139 думаетъ даже о „сваръ"—гіха, и объясняетъ сварогъ—Bestrafer). Но гипотеза Ягича не очень убѣдительна. Приводимые Ягичемъ апокрифы (у Тихоправова Лѣтописи русской литературы и древности IV. 89—112), сохранившіеся въ словѣнско-русскихъ спискахъ XIV—XV вв., могутъ быть болѣе древняго, не русскаго а югославянскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ прямо говорится, что разные боги и суевѣрія—по примѣру Египтянъ, Грековъ и Римлянъ—дошли и „до Словенъ, и Словене, словенскый языкъ" (а это означаетъ прежде всего южныхъ Славянъ) стали покловяться и требы класти Перуну, Хърсу, Сварожичу—огню, Мокоши, роду и роженицамъ, виламъ, берегинямъ, упиремъ, и пр. (рожденицы—роjеницы и вилы извѣстны южнымъ Славянамъ до сихъ поръ). Сварогъ и Сварожичъ (Zuarasici) можетъ быть общеславянскій богъ, какъ и Дажьбогъ (русск.), Даждьбогъ (болгар.), Дадзибогъ (поль.), Перунъ, вилы и пр. Если въ апокрифѣ Хожденіе богородицы по мукамъ (по словѣнско-русскому списку XII в.) встрѣчаются имена боговъ Перунъ, Хърсъ, Велесъ, Троянъ, которыхъ нѣтъ въ греческомъ подлинникѣ, и въ переводахъ сербскомъ и хорватскомъ (по спискамъ XV в.), то еще нельзя заключить, что этихъ именъ не было и въ словѣнско-болгарскомъ переводѣ, съ котораго списана словѣнско-русская рукопись XII вѣка. Троянъ, равнымъ образомъ какъ Дуклянъ и Дабогъ, суть въ нынѣшней сербской народной письменности существа злыя, бѣсы.

на Русь и памятники западно-европейской письменности, съ начала посредствомъ польскимъ, потомъ и въ подлинникахъ латинскихъ, нѣмецкихъ и др. Особенно распространилась въ русскихъ странахъ польская хроника свѣта и космографія Мартына Бѣльскаго, которая переведена (по 3-ему изданію 1564 г.) и на русскій языкъ литовско-русскимъ шляхтичемъ Амвросіемъ Брежевскимъ, уже во время короля Сигизмунда Августа (1564—1572) и его повелѣніемъ, „на науку и поученіе рускимъ людемъ", и списывалась потомъ (1584 г. и чаще), и въ московской Руси [1]). По книгѣ М. Бѣльскаго познакомились Русскіе и съ исторіею польскою, чешскою и угорскою, по помѣщеннымъ въ той книгѣ хроникамъ польской, чешской и угорской; позже читались и отъ части и переводились на Руси и обширная польская хроника М. Бѣльскаго, хроники Стрыйковскаго и Гвагнина, сочиненія о Москвѣ Іовія и Герберштейна, космографія Меркатора и пр. Одинъ любитель чешской исторіи въ Москвѣ въ XVII в. составилъ, по М. Бѣльскому, древнюю исторію Чехіи до кончины св. Вячеслава, а дальше приводитъ только имена чешскихъ госу-

[1]) Переводъ Брежевскаго, несомнѣнно на западно-русскій языкъ, до сихъ поръ не найденъ; извѣстны только сѣверно-русскіе списки XVII вѣка; см. А. Попова Обзоръ русскихъ хронографовъ II. 93, Древняя и Новая Россія 1877, XI. 283. И въ этихъ спискахъ замѣтно вліяніе польскаго (и западно-русскаго) языка; такъ на пр. жалованная грамота Александра Великаго Славянамъ (Попова Изборникъ изъ хронографовъ, стр. 440) сообщается и въ сѣверно-русскихъ спискахъ на западно-русскомъ языкѣ, примыкающемъ тѣсно къ польскому тексту; въ сѣверно-русскихъ текстахъ встрѣчаются слова: влоскій, гетманъ, кроника и др. Сербскій инокъ верхо-брезницкій Гавріилъ, составитель хронографа (1650 года, см. выше, стр. 251), пользовался западно-русскимъ текстомъ хроники Бѣльскаго; онъ пишетъ: штука, земци, дедина, кій, ручникъ, погонатай (poganiacz), хлопъ, папа, панциры, гдѣ въ сѣверно-русскихъ текстахъ встрѣчаются: груда, дворяне, отчинное дѣло, жезлъ, полотенцо, работникъ, крестьянинъ (человѣкъ), дѣвица, оружіе; князь Боривой (такъ въ сѣверно-русск.) называется Бръзивой (поль. Borzywoj); послѣдняя форма встрѣчается тоже въ сѣверно-русской Космографіи 1670 г. (изъ М. Бѣльскаго): Борзивой.

дарей до Рудольфа II.: „Исторія вкратцѣ о Бохомѣ (Бохемѣ т. е. Bohemia!), еже есть о землѣ чешьской“ [1]).

Такимъ образомъ у Русскихъ, кромѣ ихъ лѣтописей, со временемъ оказались разнообразные историческіе источники, которыми и воспользовались русскіе книжники, прежде всего составители всеобщей исторіи или *хронографовъ*, составляемыхъ съ конца XV до конца XVII вѣка. Русскіе хронографы сдѣлались складомъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыя они почерпнули изъ югославянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) переводовъ византійскихъ лѣтописей, и которыя часто отличались отъ свѣдѣній домашнихъ лѣтописей; такъ на пр. въ нихъ встрѣчаются этнографическія названія въ родѣ „Даки-Сербы“, „Русы-Куманы (ἔθνος τῶν Ῥῶς σκυθικόν)“, какъ перевелъ сербскій переводчикъ хроники Зонары; у Византійцевъ „Скиоами“ (жителями Скиоіи) были Русскіе и Куманы, но Русскіе конечно не были Куманы (Половцы), а между тѣмъ позднѣйшіе русскіе хронографы и лѣтописцы включили и въ свои произведенія: „Русы, иже и Куманы“. Въ хронографы вошли потомъ тоже разные вымыслы и вздоръ западноевропейскихъ хронистовъ и космографовъ, особенно М. Бѣльскаго, на пр. о людяхъ-сатырахъ, атанасіяхъ, „пилмѣяхъ“ и другихъ чудовищахъ [2]). Хронографы, разсказывая по лѣтописи о Словенахъ и Руси, о переводѣ священныхъ книгъ на словенскій языкъ Константиномъ и Меѳодіемъ, прибавляютъ, что книги переданы Болгарамъ, Словенамъ, Сербамъ, Албанцамъ, Боснякамъ, и Русскимъ, которые всѣ говорили на одномъ словенскомъ языкѣ; въ одномъ хронографѣ расказывается о паденіи славянскаго богослуженія у западныхъ Славянъ, благодаря дѣятельности пражскаго епископа Войтѣха. Дальше разсказывается исторія православныхъ югославянскихъ царствъ, болгарскаго и сербскаго, о болгарскихъ царяхъ Асѣняхъ, о сербскихъ короляхъ, царяхъ,

---

1) Рукопись Имп. публ. библіотеки.

2) А. Поповъ Обзоръ хронографовъ русской редакціи, и Изборникъ изъ хронографовъ (Москва 1866—1869). Древнюю Русь еще Шлецеръ (Probe russischer Annalen 1768, p. 87) считаетъ Куманами, соплеменниками Козаръ.

деспотахъ, потомкахъ св. Симеона и другихъ, о паденіи Болгаріи и Сербіи, о запустѣніи всей сербской земли отъ безбожныхъ Турокъ [1]). Эти разсказы изъ исторіи православныхъ Югославянъ встрѣчаются въ русскомъ хронографѣ первой редакціи, составленномъ въ началѣ XVI вѣка. Факты изъ западно-славянской исторіи, почерпнутые преимущественно изъ хроники М. Бѣльскаго, вошли во вторую редакцію хронографа XVII вѣка. Въ немъ находятся извѣстія о началѣ государствъ польскаго и чешскаго, основанныхъ двумя словенскими князьями братьями Ляхомъ и Чехомъ, которые вышли изъ словенскаго юга на западъ и на сѣверъ за Дунай, къ Одрѣ и Вислѣ; здѣсь эти словенскіе люди усилились и завладѣли „дунскими" (т. е. датскими, по-польски: duński) островами. „И тѣ мѣста и донынѣ нарицаются словенскія берега, потому что Ляхъ и Чехъ родомъ Словени были, и для того ческая земля отъ польскія никогда не отдаляется, потому что Чехъ да Ляхъ были родные братенники". Дальше разсказывается о польскомъ королѣ Крокѣ, другѣ русскихъ людей, о его дочери Вандѣ, о польскихъ короляхъ Премыславѣ, Лескахъ („Леска, а по нашему Олексѣй"), Попелахъ, Пястѣ и пр. О первомъ христіанскомъ польскомъ королѣ Мескѣ разсказывается, что его побуждали къ принятію христіанства Греки; это Меско и сдѣлалъ, женившись на чешской княжнѣ Домбровкѣ; люди чешской земли уже приняли св. крещеніе отъ словенскаго философа Кирилла и отъ Меѳодія Грека [2]). Нѣсколькими словами о Болеславѣ Храбромъ кончается разсказъ о польской исторіи.

---

[1]) См. А. Попова Обзоръ хронографовъ и Изборникъ; срв. тоже Бодянскаго О времени происхожденія славян. письменъ, стр. 111—116. О косовской битвѣ 1389 г. разсказываетъ діаконъ Игнатій, спутникъ русскаго митрополита Пимена отправившагося въ 1389 г. въ Царьградъ (срв. Путешествія русскихъ людей, у Сахарова Сказанія русскаго народа, II. 99); этотъ разсказъ перешелъ и въ хронографъ и въ Никоновскую лѣтопись.

[2]) Этотъ послѣдній разсказъ у Бѣльскаго не встрѣчается. Сѣверно-русскіе хронографы и космографы и южно-русскіе хронисты, предпочитая книжныя премудрости польскихъ хроникъ, не пишутъ уже Леетько, Межка (срв. стр. 109), а Лешекъ—Лешко, Леска, Ме-

Разсказы византійско-славянскихъ хронографовъ входили тоже въ русскую лѣтопись, и ихъ вліяніе замѣтно уже въ такъ называемой Степенной книгѣ, русской лѣтописи, въ которой русская исторія излагается по родословнымъ степенямъ великихъ князей, и въ составленіи которой принималъ участіе русскій митрополитъ Макарій около половины XVI в. Авторъ предпочелъ древнерусской лѣтописи разныя чужія премудрости; онъ отождествляетъ „Словене" и „Русь", при чемъ пришелъ и слова хронографовъ „Русы иже и Куманы". Приводя—по лѣтописи—разныя племена въ древней Руси, чудскія и всѣ славянскія (и Чеховъ, Ляховъ, Лютичей, Мазовшанъ, Поморянъ), онъ замѣчаетъ, что „сіи вси руская бяше едина держава"; разсказываетъ дальше, что „и преже Рюрикова пришествія въ словенскую землю не худа бяше держава словенскаго языка", что Словене воевали съ Солунемъ (т. е. македонскіе Словѣне) и Корсунемъ (въ Тавріи). Въ разсказѣ „о преложеніи книгъ" замѣтно уже мудрствованіе автора, примѣшавшаго къ паноескимъ житіямъ разныя другія данныя. Замѣчая, что „отъ начала же міра нигдѣ не бысть книгъ словенскимъ языкомъ, иже есть рускій", онъ называетъ князей Ростислава, „Свѣтослава и Кочела" русскими; по ихъ просьбѣ „Константинъ и Меѳодій селунскіе, пришедше въ словенскую землю начаша составляти письмена азбуковная словенскимъ языкомъ; Болгари же и Словяне и Серби и Арбанаси и Басане: и во всѣхъ тѣхъ единъ языкъ съ Русію"; Меѳодій же назначенъ епископомъ „во Испаніи (! т. е. Панонін) во градѣ Моравѣ, еже есть Илирикъ, идѣже бяху Словени первѣе", гдѣ училъ уже св. Павелъ: „тѣмъ же и словенску языку учитель есть Павелъ, отъ того же языка и мы есмь Русь" [1]). Этотъ разсказъ Степенной

ско, Мешекъ, Мечиславъ; вмѣсто старинпаго: Ляхи, лядьскій (срв. Archiv f. slav. Philologie IV. 69) входитъ въ употребленіе: Поляки, польскій. „Польша имянуется отъ равныхъ поль... въ древніе лѣта то королевство названо было лехское, отъ Леха первого польского владѣтеля; и нынѣ Гречане и Татаре и Русяны Поляковъ называютъ Ляхами". (Космографія 1670 г.).

[1]) Степенная книга (изд. I. Миллеръ 1775 г.) I. 82—86. О рукописныхъ степенныхъ книгахъ см. Востокова Описаніе рукописей Румянцева.

книги о славянскихъ апостолахъ тѣмъ страннѣе, что Макарій могъ знать ихъ дѣятельность по лучшимъ источникамъ. Онъ, еще какъ новгородскій архіепископъ въ первой половинѣ XVI вѣка, составляя изъ разныхъ сборниковъ житія святыхъ (Четьи Минеи), помѣстилъ въ нихъ тоже, по панонскимъ житіямъ, житія свв. Константина-Кирилла и Меѳодія, и сообщилъ такимъ образомъ русскимъ читателямъ Четьихъ Миней достовѣрныя извѣстія о зачаткахъ христіанства и славянскаго богослуженія у западныхъ Славянъ, въ земляхъ „словенскихъ, моравскихъ“ князей Ростислава, Святополка, Коцела, и объ учрежденіи архіепископіи моравско-панонской [1]).

Многіе историческіе разсказы о событіяхъ и лицахъ православныхъ Югославянъ и Грековъ вошли, изъ хронографовъ и другихъ памятниковъ, въ обширную русскую лѣтопись, которая составлена во второй половинѣ XVI вѣка (событія до 1559 г.), на основаніи русскихъ лѣтописей и хронографовъ [2]). Эта лѣтопись представляетъ попытку исторіи православныхъ народовъ, прежде всего Славянъ (Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ), и въ ней кромѣ обширнаго изложенія русской исторіи, по русскимъ лѣтописямъ, встрѣчаются и обширные разсказы о событіяхъ болгарскихъ и сербскихъ. Но такой сводъ разнородныхъ историческихъ данныхъ нерѣдко порождалъ разныя противорѣчія. Такъ на пр. лѣтописецъ, пользуясь для древнеславянской и древнерусской исторіи начальною русскою лѣтописью, хронографами, и Степенною книгою, разсказываетъ о сѣверныхъ Варягахъ-Руси, откуда прибылъ къ Словенамъ-Новгородцамъ Рю-

---

[1]) Житія и похвальныя слова изъ Макарьевскихъ Четьихъ Миней напечаталъ Бодянскій (въ московскихъ Чтеніяхъ 1863—1865), тоже Буслаевъ въ Истор. Христоматіи, 774—780. Въ Четьихъ Минеяхъ Макарія помѣщены тоже житія св. Людмилы и Вячеслава; срв. Fontes rerum bohemicarum I. О Макарьевскихъ Четьихъ Минеяхъ см. Макарія Исторія русской церкви VII. 425.

[2]) Это такъ назыв. патріаршая или Никоновская лѣтопись, изданная въ 1767—1792 (8 т.), лучше въ Полномъ собраніи русск. лѣтописей, IX, X.

рикъ, о русскихъ князьяхъ на югѣ, Оскольдѣ и Дирѣ, но тоже о черноморскихъ „Русахъ, иже и Куманн", и о ихъ крещеніи уже въ IX в. (875 г.). Лѣтописецъ разсказываетъ—по начальной лѣтописи—о составленіи словенской азбуки Константиномъ и Меѳодіемъ при царѣ Михаилѣ по просьбѣ словенскихъ князей Ростислава, Святополка и „Кочела"; но вслѣдъ за тѣмъ разсказывается о преложеніи книгъ отъ греческаго языка на словенскій Константиномъ и Меѳодіемъ при царѣ Львѣ (906), съ прибавленіемъ встрѣчающимся и въ Степенной книгѣ, что Болгары, Словене, Сербы, Арбанасы, Басане и Русы—одного языка, что Меѳодій поставленъ епископомъ въ „Испаніи" во градѣ Моравѣ, еже есть Илирикъ, переводилъ здѣсь книги, и пр.

Что касается происхожденія и древней исторіи Славянъ, то на Руси долго удовлетворялись простымъ и достовѣрнымъ разсказомъ о томъ начальной лѣтописи. „Русь"—это поднѣпровско-черноморскіе Славяне (Анты у Византійцевъ), преимущественно кіевскіе Поляне: „Поляне, яже нынѣ зовомая Русь", „словѣнескъ языкъ (т. е. народъ) и руский одинъ"—разсказываетъ начальная лѣтопись, соглашаясь вполнѣ съ византійскими лѣтописцами VI—VII вѣковъ, которые считаютъ тоже подунайскихъ Словѣнъ и черноморско-поднѣпровскихъ Втовъ (Антовъ)—однимъ „языкомъ"-народомъ [1]). Объ этой Руси IX вѣка вспоминаютъ одновременно Византійцы (Ῥῶς) и Арабы, и нѣкоторые словѣнскіе памятники, которые стали извѣстны тоже у русскихъ Славянъ; такъ на пр. Русскіе читали въ житіи св. Стефана Сурожскаго о нападеніи на Таврію русскаго князя около половины IX в., а въ житіи св. Константина о томъ, какъ этотъ учитель словенскаго языка, въ бытность свою въ Корсуни въ Тавріи (ок. 857—861 гг.), встрѣтился съ однимъ Русскимъ и нашелъ здѣсь русскія книги: „обрѣте ту евангеліе и псалтырь русьскыми писмены писано, и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою,

---

[1]) Sclavorum gentes et Antum una vivendi ratione moribusque similibus utuntur... una est utrisque lingua... aliarum rerum fere omnium ratio ab utrisque barbaris servatur eadem, etc.

и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи прiимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, въ скорѣ начятъ чести и сказати“ [1]). А въ началѣ XI в., въ Русской Правдѣ, отличается „Русинъ“ (южный Кiянинъ) отъ „Словенина, Словѣнина“ (сѣвернаго Новгородца).

Что касается „Варяговъ“, то это первоначально сѣверныя, норманско-скандинавскiя военныя дружины, „веринги“, по-русски „варяги“, которыя воевали съ сѣверными Словенами, да водворили у нихъ и свое господство, служили потомъ какъ наемники (солдаты) и на Руси, гдѣ такихъ наемниковъ хотя бы и не скандинавскихъ, а славянскихъ, стали называть вообще „варягами“.

---

[1]) О русскомъ князѣ, упоминаемомъ въ житiи св. Стефана Сурожскаго (см. Опис. рукоп. Румянцева стр. 351, 689, Опис. рукоп. синод. библiот. II. 3. стр. 638, А. Попова Обзоръ хронографовъ II. 231, вошло тоже въ Четьи Минеи), есть разныя мнѣнiя; одни относятъ его къ IX в., другiе видятъ въ немъ уже князя Володимера (Куникъ: О запискѣ готскаго топарха, 97). Было бы любопытно узнать, перешло-ли это житiе на Русь съ славянскаго юга, какъ оттуда (если не изъ Угрiи) перешло на Русь и панонское житiе св. Константина; мѣсто о „русскихъ“ книгахъ (гл. 8) встрѣчается во всѣхъ рукописяхъ, русскихъ и сербскихъ, и по этому нечего здѣсь толковать о позднѣйшей вставкѣ, или о „готскихъ“ письменахъ (Константинъ хорошо знаетъ и „Готьоовъ“, срв. гл. 16), а еще менѣе о скандинавскихъ Варягахъ-Руси, которыхъ нельзя смѣшивать. Народъ „Русь“, къ которому принадлежалъ тотъ Русскiй въ Корсуни и на языкѣ котораго написаны тѣ христiанскiя книги, по всей вѣроятности черноморско-днѣпровская славянская Русь, кiевскiе Поляне. „Русское письмо“ можетъ быть просто греческое письмо, на которомъ могли писать и свой языкъ „безъ устроенiя“ не только подунайскiе Словѣне, а тоже черноморско-днѣпровскiе Русскiе (Анты); невѣроятнаго здѣсь нѣтъ ничего, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не смѣшиваютъ Варяговъ и Руси. Любопытно, что въ X вѣкѣ въ Царьградѣ разсказывали—по словамъ Симеона Логоѳета (Stritter II. 966)—что Русь назвались по какому-то миѳическому князю Русу (Росу): Russi a Ros quodam viro forti, cum sive monitu ac consilio, sive divino quodam afflatu ac oraculo, pro potestate illis utentium ejusque superiorum, injurias noxamque evasissent, dicti sunt. Срв. „Русичи, внуки Дажбога“ въ Словѣ о полку Игоревѣ. См. Гедеоновъ: Варяги и Русь, 478.

По норманскимъ „варягамъ“ русскіе Славяне стали называть и весь норманско-скандинавскій сѣверъ „Варягами“, и говорили о пути „изъ Варягъ въ Греки“, т. е. изъ моря „варяжскаго“ (балтійскаго) въ озеро Нево (ладожское), рѣкою Волховомъ въ озеро Ильмерь, Ловотью и Днѣпромъ въ „Понтъ“ море (Черное, „русское“) „къ Царюгороду“. Названія „варягъ“ и „Варягъ“ перешли изъ Руси въ Царьградъ, куда отправлялись съ конца X и въ теченіи XI вѣка многіе русскіе (славянскіе) „варяги“ (наемные солдаты), и распространили и въ Греціи это названіе βάραγγοι ʽΡῶς. Эти варяги Русь долго были главными наемными воинами и дворцовою стражею восточно-римскаго царства, вмѣстѣ съ Колбягами (Κουλπίγγοι), Фрягами (Φράγγοι, французскіе Норманы), Нѣмцами, Болгарами, Саракинами, Англянами-Инглянами (Англо-Саксами, Ἰγγλίνοι); послѣдніе, вмѣстѣ съ Датчанами и вѣроятно и другими Норманами-Скандинавами, съ конца XI и въ XII в. заняли мѣсто варяговъ Руси [1]). Какимъ образомъ въ русской лѣтописи, — сохранившейся впрочемъ только

---

[1]) См. Васильевскій: Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI—XII вв. (Журналъ мин. нар. просвѣщ. 1874—1875); срв. тоже Миклошича въ Archiv f. slav. Philologie X. 1. Норвежскій королевичъ Гаральдъ называется въ Царьградѣ сыномъ короля варяжскаго (Βαραγγίας, см. Журн. минист. нар. просв. 1881, августъ, 328). Византійское Βάραγγος (съ носовымъ звукомъ) напоминаетъ скорѣе форму словѣнскую: ВарѦгъ, изъ которой образовалось средне-болгарское ВарѪгъ и сербское Варугъ (срв. Φράγγος— рус. Фрягъ, Фрязи, болгарское ФрѪгъ, сербск. Фругъ); оно встрѣчается въ болгар. и серб. памятникахъ XIII — XIV вв. (срв. Востокова Описаніе Румянцев. рук., стр. 453, Ламанскаго О рукописяхъ въ Бѣлградѣ, стр. 114). Ляхи балтійскіе и повислянскіе знали тоже это названіе, какъ видно изъ географ. названій Varęgovice, Varęž, Varęžin (Varensin); а Varęg конечно не можетъ быть Vagr. Колбяги (Κουλπίγγοι, скандин. Кылфинги) помѣщаются самими Скандинавами въ Гардарики т. е. на Руси, особенно сѣверной; кто они были, не совсѣмъ ясно. Въ Русской Правдѣ „варягъ“ и „колбягъ“ означаютъ вѣроятно уже не народности, а класы народонаселенія: варягъ или кто инъ (болярипъ, мужъ, людинъ, челядинъ, и пр.).

въ позднѣйшихъ спискахъ XIV—XV вѣковъ—„Русь“ очутилась между скандинавскими „Варягами“, на равнѣ съ Шведами, Норманами (Урманами), Готами, Англянами (Инглянами), трудно сказать. Можетъ быть, что русскій лѣтописецъ не обошелся и здѣсь безъ книжной премудрости—въ родѣ Норцы-Словѣне, Илюрикъ-Словѣне, Скиѳія-Тиверцы—и что онъ, зная о „варягахъ Руси“ (βάραγγοι Ῥῶς), о „варягахъ Инглянахъ“ (βάραγγοι Ἰγγλῖνοι, вмѣстѣ съ Датчанами и другими Урманами), о Фрягахъ (Φράγγοι) и о другихъ наемныхъ войскахъ восточно-римскаго царства, смѣшалъ „варяговъ“ (наемниковъ) и „Варяговъ“ (Скандинавовъ), и по собственной комбинаціи сталъ искать родину всей „Руси“ въ скандинавскихъ Варягахъ. Какъ бы то ни было, а это причисленіе Руси къ Варягамъ не сдѣлалось общимъ достояніемъ древней русской лѣтописи. Во второй половинѣ XIII вѣка въ Новгородѣ разсказывали о „призваніи Варяговъ“ такимъ образомъ, что „при царствѣ Михаила придоша Русь, Чюдь, Словѣне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша: земля наша велика и обилна, наряда въ неи нетуть, да поидѣте княжитъ и володѣтъ нами... И прія всю власть въ Руси Рюрикъ“ [1]). Между тѣмъ въ спискѣ начальной лѣтописи, списанномъ сто лѣтъ спустя въ сѣверовосточной Руси, Русь причислена уже къ Варягамъ, и это событіе разсказывается такъ, что „Русь“ означало одно племя Варяговъ, какъ и Свеи, Готы, Урмане, Англяне, и что „рѣша Руси (а не: Русь)“ Чюдь, Словѣни и Кривичи княжитъ и володѣтъ ими, и что Рюрикъ и его братья поняша по собѣ всю Русь, водворили свою власть въ этихъ сѣверныхъ странахъ, и что отъ тѣхъ Варяговъ прозвася русская земля. Не смотря на распространеніе такого мнѣнія о происхожденіи Варяговъ-Руси, не всѣ писцы лѣтописи послѣдовали этому мнѣнію, не причисляли Руси къ Варягамъ (Свеямъ, Готамъ, Урманамъ, Англянамъ), и писали по прежнему „рѣша Русь (а не: Руси), Чюдь, Словѣни, Кривичи Варя-

---

[1]) См. лѣтописецъ Никифора патріарха цареградскаго въ Кормчей книгѣ 1283—1284 гг., въ Полномъ собр. русск. лѣтоп. I. 251, у Срезневскаго (Извѣстія имп. акад. наукъ X. 627) и Буслаева (Истор. христоматія 390).

гомъ"; такъ писали и нѣкоторые книжники списывавшіе лѣтопись и послѣ XIV вѣка, и другіе книжники пользовавшіеся такими списками. Такъ польскій лѣтописецъ Длугошъ, на основаніи своихъ списковъ русскихъ лѣтописей, отличаетъ славянскую Русь кіевскую отъ чужихъ Варяговъ; такъ и въ разныхъ русскихъ хронографахъ, азбуковникахъ, въ Степенной книгѣ и въ другихъ памятникахъ XVI—XVII вѣковъ „Русь" не смѣшивается съ Варягами, и въ призваніи Варяговъ участвуетъ и Русь вмѣстѣ съ Словенами, Кривичами и др., и разсказывается, что „Русь послаша къ Варягомъ", и „Рюрикъ пріиде изъ Варягъ по моленію Руси". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ спискахъ лѣтописи, которые производятъ Русь изъ Варяговъ, нельзя было избѣгнуть разныхъ противорѣчій, и „Русь" является древнимъ названіемъ Руси поднѣпровской южной, кіевскихъ Полянъ, и карпатской, подобно тому, какъ и въ Русской Правдѣ и въ житіи св. Константина. При томъ книжникамъ не мѣшало впутывать въ свои разсказы и разныя премудрости изъ другихъ источниковъ; такъ на пр. въ одномъ хронографѣ XVII в. говорится о прибытіи Рюрика съ Варягами на Русь, но прибавляется тоже—по хроникѣ Зонары—„Руси, иже и Кумане", а такъ какъ „Русь и Словяне обое единъ есть родъ", то и „Словяне (новгородскіе) нарицахуся Кумане" [1]).

Со временемъ этотъ разсказъ лѣтописи о „варяжской" или —по нѣкоторымъ лѣтописямъ XVI в. (тверской, Никоновской)— „нѣмецкой" Руси и о варяжско-русскомъ происхожденіи Рюриковичей не удовлетворялъ русскихъ книжниковъ. Русскіе книж-

¹) См. варіанты текстовъ лѣтописи въ разныхъ ея изданіяхъ; А. Попова Изборникъ изъ хронографовъ. 4, 136. Бодянскаго О времени происхожденія слав. письменъ 128. Бычкова Описаніе рукописей имп. публ. библіотеки I. 51; Азбуковникъ, изд. Сахарова Сказанія русск. народа II. 136. Въ приппскѣ въ словахъ Григорія Богослова (рукоп. XIV в.) читается тоже „Русь", а не „Руси" (Описаніе рукописей синодальной библіотеки, II. 2. стр. 72). По всему видно, что Русь и Варяги отличались уже давно и въ многихъ русскихъ лѣтописяхъ.

ники, зная греческую форму Ῥῶς, Ῥωσσία, употребляли, рядомъ съ своимъ старинным „Русь, Русія, Русинъ, русскій", съ XVI в. тоже греческое „Россія, Россіянинъ, россійскій"; это греческое слово дало поводъ къ народной этимологіи „Россія—разсѣя" (разсѣянно жить), что̀ утверждали въ Москвѣ уже въ началѣ XVI вѣка и что распространилось потомъ и въ остальной Европѣ, благодаря Герберштейну, который приводитъ и другія мнѣнія о происхожденіи Руси и смѣшалъ тоже Варяговъ и Вагровъ [1]). Такія народныя этимологіи, выроставшія на почвѣ рус-

---

[1]) Срв. выше, стр. 246, 124 и др. Подобною тому „этимологіею" забавлялся уже въ VI в. Византіецъ Прокопій, говоря, что славянскіе „Споры" назвались потому, что они жили σποράδην—разсѣянно; эту этимологію знаетъ и Герберштейнъ и по Герберштейну приводитъ ее и М. Бѣльскій. Срв. Archiv f. slav. Philologie VIII. 12, 22. Разумѣется само собою, что форму „Россія, Россы, Россіяне, росскій, россійскій" (прежде писали тоже „Росія, російскій") употребляли всѣ русскіе книжники, въ Руси сѣверовосточной и югозападной, въ Москвѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ; такъ уже въ 1591 г. во Львовѣ издана граматика въ наставленіе „россійскому роду", и такъ пишутъ Потѣй (россійскіе Словяне), Копыстенскій, Берында, Кизаревичъ, Саковичъ, Ставровецкій, Могила, Шумлянскій и др. въ своихъ русскихъ книгахъ (срв. нѣкоторые примѣры у Максимовича Собраніе сочиненій II. 307). Югозападные Русскіе писали и въ своихъ польскихъ книгахъ, рядомъ съ Ruś, Rusin, ruski, тоже rossijski etc.; такъ на пр. Смотрицкій въ книгѣ Lament (1610) часто говоритъ о rosiejskich krainach w ziemi podolskiéj, lwowskiéj. przemyskiéj; Кисель (Gelazy Diplic) въ книгѣ Antapologia (1632) обращается do prawosławnego czytelnika narodu rossijskiego (ruskiego); Могила, въ книгѣ Kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnéj ruskiéj (1644), говоритъ о той же самой церкви rossijskiéj matce naszéj, и пр. Старые Поляки тоже не отличали формы Ruś и Rossia-Rossya (срв. на пр. выше, стр. 124, 197), и еще Карпинскій (Lexikon geograficzny, 1766) пишетъ: Rossya dzieli się na Ruś al. Moskwę etc., Ruś zamyka Ruś moskiewską, litewską (Białą i Czarną), polską (Czerwoną, Małą). Открытіе разницы между греческимъ Rossija (Rossya), Rossijanin, rossijski (Великая Русь) и славянскимъ Ruś, Rusin, ruski или даже rusiński (Русь Малая, Червоная, Бѣлая), разницы между russki (великорусскій) и ruski (малорус-

ской или принимаемыя изъ-внѣ какъ плоды „учености" польской нѣмецкой и пр., порождали часто и въ русской исторіографіи разныя вздорныя мнѣнія о древней исторіи славянской вообще, и русской въ особенности. Русскіе книжники XVI в., зная кое-что о производствѣ Литвы изъ Италіи, Рима,—какъ это утверждали „ученые" литовскіе лѣтописцы,—стали тоже разсказывать, что Рюрикъ былъ отъ рода римскаго кесаря Августа; этотъ кесарь назначилъ-де своего брата Пруса правителемъ сѣверныхъ странъ балтійскихъ отъ Вислы до Нѣмана въ землѣ названной по Прусу – прусскою; а потомокъ Пруса въ четырнадцатомъ колѣнѣ Рюрикъ, котораго новгородскіе Славяне призвали изъ прусской-варяжской земли [1]). Все это утверждали царь Иванъ IV Ва-

---

скій, бѣлорусскій), между Russia и Ruthenia (что часто означаетъ и восточную Русь, Москву)—принадлежитъ только польской наукѣ новѣйшихъ временъ. Подобно тому сербскій историкъ Сречковичъ (Историjа србскога народа I. 311) открылъ недавно разницу между „Блгарин, блгарски" (т. е. Болгаре) и „Бугарин, бугарски, бугарински" (сербская форма слова Болгарин, какъ волк—вук), что происходитъ-де изъ латин. vulgaris и означаетъ-де „простаковъ", именно „словенско-сербской" Македоніи и верхней Мизіи. То и другое „открытіе" породила, конечно, не наука, а какая-то наивная „славянская" политика. Omnia peccata paria!

[1]) Лѣтописи Степенная книга, воскресенская, Новый Лѣтописецъ (нач. XVII в.), хронографы, космографіи (изд. А. Попова). Срв. выше (стр. 347) мнѣніе Крижанича. Татищевъ (Исторія росс. I. 390) полагаетъ, что эту „сказку перво Глинскій слыша оныя басни въ Литвѣ принесъ, Герберштейнъ утвердилъ, а Макарій митрополитъ первой въ свою лѣтопись (Степенную книгу), безъ всякаго отъ древнихъ доказательства, за истинну принявъ положилъ". Татищевъ вѣрно замѣтилъ, что всѣ эти басни происходятъ изъ Польши, гдѣ уже съ XIII в., со временъ Викентія Кадлубка, пришивали римскія заплаты къ польской исторіи, и повліяли на Литовцевъ (Литва, Литавія=Италія); такъ на пр. въ половинѣ XVI в. Михаилъ Литвинъ пишетъ: Literas moscoviticas, nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes, ediscimus, cum idioma ruthena alienum sit a nobis Lituanis, hoc est Italianis, italico sanguine oriundis. Литовскіе лѣтописцы и по нимъ Стрыйковскій умѣютъ разсказывать разный вздоръ о выселеніи Литовцевъ изъ Италіи при

сильевичъ, который вообще любилъ разныя такія премудрости, и книжники русскіе XVI — XVII вѣковъ. Другіе книжники знали, что Словѣне, прибывши отъ Дуная на сѣверъ къ озерамъ ладожскому и ильменьскому, „прозвашася инымъ именемъ и нарекошася Русь рѣки ради Русы", втекающей въ Ильмень; но эта этимологія не мѣшала книжнику производить Русь и отъ Варяговъ-Руси. Другому книжнику понравилось сопоставленіе Русь и „русый", и онъ мудрствуетъ въ такомъ смыслѣ, что „Русь и Словяне обое единъ есть родъ, понеже Русь нарицается отъ цвѣту лица и власовъ (русыхъ)", а „Словяне, Словаки т. е. великословы, нарицахуся отъ многихъ словъ писменаго разума", устроенныхъ Кирилломъ философомъ; новгородскіе же Словяне призвали къ себѣ въ князья трехъ братьевъ Варяговъ, которые и прибыли на Русь [1]). Все это самостоятельныя фантазіи или уже послѣдствія знакомства съ хроникою М. Бѣльскаго, изъ которой и на Руси узнали, что Москва прежде называлась „Серматы", а потомъ „отъ рѣки и мѣста Москва, а суть они прямая Русь", а Русь назвалась потому, что „они вышли отъ Руса брата Лехового", или по городу Русѣ недалеко Новгорода, или что „лицемъ русы", или отъ „Росколянъ" (Роксоланъ), „а московскіе люди тому не вѣрятъ", производя названіе Русь-Россія отъ разсѣянія [2]).

императорѣ Неронѣ. Еще въ началѣ XVIII в. А. Манкіевъ (Ядро россійской исторіи, 1715) объясняетъ гербъ Россіи (двуглавый орелъ) такимъ образомъ, что родоначальникъ русскихъ монарховъ Рюрикъ происходилъ отъ крови кесаря Августа. Можетъ быть, что возникновенію этой сказки способствовала и выше упомянутая (стр. 403) фикція о Москвѣ, наслѣдницѣ римскаго царства.

[1]) Воскресен. лѣтопись (П. С. Р. Л. VII. 262), хронографъ начала XVII в., у А. Попова, Изборникъ изъ хронографовъ 136.

[2]) А. Попова Обзоръ хронографовъ II. 116, Бодянскій О времени происхожденія славян. письменъ. 115. М. Бѣльскій говоритъ, по Герберштейну, что Москву „od rzeki i miasta (т. е. городъ) zową Moskwą. Są tedy oni Ruś prawa... od Rusa... od Rusy... od barwy z rumiana czarnej (gdzie i dziś mowiemy ruse włosy)... od Roxolaniej; ale Moskwa temu wiary nie dawa, jedno za to mając, iż Ruś wezwana jest od rozsiania to jest rosseia.

Не смотря однако на „недовѣріе московскихъ людей“ къ разнымъ плодамъ западно-европейской, въ томъ числѣ и польской „учености“, русскіе книжники не переставали переводить такіе плоды и на свою русскую почву, причемъ обѣ хроники М. Бѣльскаго, всемірная и обширная польская изданная его сыномъ Іоахимомъ, служили для нихъ неизсякаемымъ источникомъ и образцомъ разныхъ проявленій подчасъ удивительной учености. Въ первой половинѣ XVII в. составитель одного хронографа выписалъ „изъ дву кроникъ польскихъ [1]), которые свидѣтельствованы з греческою и з чешскою и с угорскою кроникою многими списатели, отъ чего имянуется великое московское государство и отъ кося повѣсти Словяне парекошася и почему Русь прозвася“. Хронографъ зная тоже русскую лѣтопись, разсуждаетъ, что словенскій народъ происходитъ отъ Іафетовича Мосоха, и что по этому называлась Москва, прибывшая отъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Дономъ, по рѣкѣ Москвѣ; другіе поселились по Дунаю и Волгѣ и назвались Болгарами, по Днѣпру и Двинѣ въ „Сармацыи“, и назвались Древляне, Дреговичи, Полочане и др., по Вислѣ—Ляхи и пр.: „вся же сія мѣста посѣдоша едина Мосохова колѣна, аще и разны имяны, но вси единъ московскій народъ“; такъ пишутъ многіе ученые, а тоже „Поляки и Югрове (Угры) тако описуютъ себя въ кройникахъ, яко и отъ Московіи начаху имеповатися“ [2]). Храбрый словенскій народъ былъ уже подъ Троею, а оттуда вышли къ адріатическому морю въ Италію и Илирикъ („до Волосъ Иллирику взяли“—do Włoch i w Illiriku osiedli), воевали съ Македонцами и получили отъ царя Александра „листъ, его же Чеховѣ въ кроницѣ имѣютъ написано“. Этотъ „листъ“ приводится въ хронографѣ съ многими полонизмами, которые въ остальномъ русскомъ текстѣ хронографа не встрѣчаются. Александръ, „панъ свѣту отъ восходу и до запада солнцу, отъ полудни до полунощи“, даетъ „посвецоному колѣну венецкому або словенско-

---

[1]) Въ разсказѣ хронографа замѣтно вліяніе обѣихъ хроникъ Бѣльскаго, но не хроники Стрыйковскаго, какъ предполагаетъ А. Поповъ (Обзоръ хроногр. II. 203).

[2]) См. выше, стр. 115, 120.

му“ (oświeconemu pokoleniu heneckiemu abo słowieńskiemu), „на вѣчность вшистки крайны отъ полночнаго моря великаго окияна ледовитаго ажъ до моря влоскаго скалнего полуденнаго“ (wszystkie krainy od północnego morza wielkiego oceana lodowatego aż do morza włoskiego skalnego południego) [1]). Славный и храбрый словенскій народъ завладѣлъ многими землями, и отъ части смѣшали свой словенскій языкъ съ языками другихъ народовъ, какъ на пр. Болгаре, Босняки, Рацы, Хорваты съ турецкимъ, Истры и Далматинцы съ итальянскимъ („влоской“), Чехи и Ляхи съ нѣмецкимъ и латинскимъ [2]); чистый словенскій языкъ сохранила Москва, „истинный столпъ языка словенского, глаголаша прямо отъ размѣшенія языка пріяша прадѣдъ своихъ; и писмена словенскія, еже отъ Кирила изведено, и сими писаху тако яже и языкъ прадѣденъ глаголаху“. Русь же назвалася, „понеже имуща власы русы и лица бѣлы“. „Вси убо народи словенскаго колѣна хваляхуся и веляхуся зватися Словяне паче всѣхъ именъ, понеже и прародители ихъ отъ сего имени хвалими бываху и древняя слава ихъ воспоминается; тѣмъ старѣйшее же имя словенскаго народа Московія именоватися иже отъ Мосоха сына Афетова“.

Русскіе книжники знали изъ своихъ лѣтописей Радима и Вятка, праотцовъ-де Радимичей и Вятичей, Кія—основателя Кіева; изъ польскихъ хроникъ узнали о такихъ же прадѣдахъ Чехѣ, Лѣхѣ, Русѣ, Мосохѣ, Асармотѣ. Понятно, что и русскіе книжники XVII в. попробовали прибавить къ такимъ ученостямъ и свою долю, и придумали для древнѣйшей русской исторіи вполнѣ баснословный элементъ, мудрствуя о началѣ и имени „рускія земли, Россіи, Словянъ, о созданіи Новаграда и откуда влечашеся родъ словенскихъ князей“. Одинъ книжникъ, на основаніи разсказа начальной лѣтописи, думаетъ что словенскій языкъ назывался „Норицы“ по Нору, а Словене, Словяки по Словяку;

---

[1]) Составитель хронографа вѣроятно думалъ, что западно-русскій (польскій) текстъ грамоты ближе къ словенскому языку временъ Александра.

[2]) Вмѣсто „бо Сырацовъ, и Строве“ (у А. Попова Изборникъ 441) надо читать: „Босны, Рацове, Истрове“.

другой книжникъ знаетъ, что у правнука Іафета, Скиѳа, было пятеро сыновей Словенъ, Русъ, Болгаръ, Команъ, Истеръ. Словенъ и Русъ основали городы Словенскъ (позже Новгородъ) и Русу, и ихъ народы назвались Словене и Руси. Эти храбрые народы отличились такъ, что царь Александръ македонскій особымъ „писаніемъ" отвелъ „храбросердечному народу словенскому и славнѣйшему колѣну русскому" всѣ земли между морями варяжскимъ и хвалимскимъ. Эту „епистолію" царя Александра повѣсили-де словено-русскіе князья Великосанъ, Асанъ, Авесхасанъ въ божницѣ Велеса и очень ее почитали [1]). Потомки этихъ князей, Халохъ (Лалохъ) и Лахернъ, осаждали Царьградъ. Въ послѣдствіи Словенскъ и Руса опустѣли; и словенская и русская земли заселены Словянами отъ Дуная, которые возобновили Словенскъ, назвавъ его Новгородомъ, и Русу, и много другихъ городовъ по всей русской землѣ. По совѣту русскаго князя Гостомысла вся русская земля послала за его преемникомъ въ прусскую землю, къ „курфисту" или великому князю Рюрику рода императора Августа и Рюрикъ и его братья прибыли на Русь [2]).

Въ теченіе XVII в. распространялись въ сѣверовосточной Руси разныя историческія сочиненія латинскія и польскія, отъ

---

[1]) Эту епистолію сообщаетъ, въ латинскомъ переводѣ, Хорватъ Севастіанъ Главиничъ (бывшій въ 1661—1663 гг. съ цесарскими послами въ Москвѣ), въ своей запискѣ De rebus Moschorum (Privilegium gentis Slavorum, hinc Moscis ab Alexandro Magno concessum, ex annalibus eorundem Moscorum manuscriptis extractum), у Вихманна Sammlung kleiner Schriften zur älteren Geschichte des russ. Reiches (Berlin 1820, I. 360), русскій переводъ въ москов. Чтеніяхъ 1875, I. Срв. выше, (стр. 347) мнѣніе Крижанича.

[2]) А. Попова Изборникъ изъ хронографовъ 442, Обзоръ II. 204, 233, 241; Карамзина Исторія госуд. росс. I. примѣч. 69; Древняя и Новая Россія 1878, XII. 342. Къ такимъ баснословнымъ сказаніямъ принадлежитъ тоже упомянутая у Татищева (Исторія россійская I. 378) лѣтопись города Ростова, въ которой какой-то философъ разсказываетъ о войнѣ холопей подъ вождями „Загуми, Разрывай и Угоняй" съ Скиѳами подъ царями Стражиміромъ, Громиславомъ и Бедиславомъ.

части и переводились съ языковъ латинскаго и польскаго; Русскіе знакомились съ книгами Гвагнина, Стрыйковскаго, Пясецкаго, Герберштейна, Меркатора, Ботера и др. Такимъ образомъ распространилось и въ сѣверовосточную Русь мнѣніе о происхожденіи „Славянъ“ отъ „славы“, хотя это мнѣніе прививалось туго при всеобщемъ на Руси употребленіи старинной и правильной формы Словѣне, Словене. Такъ въ концѣ XVII в. составлена „Повѣсть извѣстна, со свидѣтельствы многихъ историковъ, о многословутомъ градѣ Мосхвѣ, яко таковое званіе прія отъ Мосоха, и о *Словянѣхъ*, яко тако прослыхомъ отъ *славы*, и Россы отъ розсѣянія“ [1]). Надъ русскою исторіею трудился тогда и Хорватъ Юрій Крижаничъ, относясь къ нѣкоторымъ ея вопросамъ болѣе критически, чѣмъ его русскіе современники [2]). Польскія хроники изучалъ Андрей *Лызловъ*, и перевелъ (1682) часть хроники Стрыйковскаго о Славянахъ и о началѣ Руси „отъ языка славено-польскаго во словено-россійскій“. Этими польскими хрониками Лызловъ воспользовался и въ составленіи исторіи „Скиѳовъ“ (1692), какъ онъ назвалъ, по примѣру европейскихъ ученыхъ, Татаръ и Турокъ; онъ, въ концѣ этого своего сочиненія, молитъ бога дать свободу народамъ христіанскимъ подвластнымъ Турку, а „славному нашему славенскому народу, иже близъ его обитаемъ, мудрость, мужество и единовольное согласіе со всѣми христіаны“ для борьбы съ тѣмъ врагомъ.

Книжники югозападной Руси польско-литовской, православные и уніаты, хорошо зная языки латинскій и польскій, да и пишучи на этихъ двухъ языкахъ, черпали прямо изъ книгъ польскихъ и латинскихъ; съ другой стороны они знали свою письменность русскую и словѣнскую церковную (русскую, болгарскую, сербскую), лѣтописи, хронографы, житія, кормчія и пр. Такъ бѣлорусскій уніатъ, Левъ *Креуса* (*Кревза)*, въ своемъ польскомъ сочиненіи Obrona jedności cerkiewnéj (Wilno 1617), приводитъ, кромѣ польскихъ и латинскихъ сочиненій, тоже „словенскія кни-

---

[1]) Рукописи Царскаго, стр. 75, Рукописи гр. Толстова, стр. 447.
[2]) См. выше, стр. 346.

ги“, кормчую книгу, которую послалъ-де болгарскій деспотъ Іоаннъ Драгославъ (!) кіевскому митрополиту (1270 г.), словенскіе сборники, изъ которыхъ пользовался житіями свв. Кирилла, Меѳодія, Вячеслава, словенскую хронику и словенскаго Зонару, которыя могъ знать преимущественно по хронографамъ, хроники русскія и московскія. Современникъ Креусы, кіевскій ученый православный монахъ Захарія *Копыстенскій*, въ русскомъ сочиненія „Палинодія или книги обороны каѳолической св. апостольской всходней церкви“ (1621), воспользовался множествомъ книгъ греческихъ, латинскихъ, польскихъ, въ томъ числѣ Длугошемъ, Бѣльскимъ, Кромеромъ, Стрыйковскимъ, Гвагниномъ и др., дальше словенскими сборниками, хрониками словенскою и сербскою (по всей вѣроятности хронографами), сборникомъ словенскимъ, исторіями словенскими или ческими и ческою исторіею (у Бѣльскаго?) [1]. Подобно тому и другой кіевскій православный ученый Сильвестръ *Коссовъ*, въ своемъ польскомъ Патерикѣ (Patericon abo żywoty ss. ojców pieczarskich obszyrnie słowieńskim językiem przez św. Nestora zakonnika i latopisca ruskiego przedtym napisany, teraz zaś z greckich, łacińskich, słowiańskich i polskich pisarzów objaśniony, 1635, русскій переводъ 1661, 1678 и пр.), ссылается на Длугоша, Мѣховскаго, Ваповскаго, Стрыйковскаго, Бѣльскаго. Кіевскіе и вообще малорусскіе книжники любили щеголять своею „ученостью“ и начитанностью въ польскихъ и латинскихъ историческихъ сочиненіяхъ, и нерѣдко ихъ предпочитали простому, но несравненно лучшему разсказу начальной русской лѣтописи, съ которою перемѣшали псевдо-ученую болтовню Бѣльскаго, Кромера, Стрыйковскаго, Гвагнина и др. Такая малорусская „Кройника о початку славенского российского народу“ составлена около половины XVII в., на основаніи начальной русской лѣтописи (именно галичско-волынскаго лѣтописца) и тѣхъ польскихъ хроникъ, и списана потомъ, въ 1670 г., въ монастырѣ Густынскомъ около Прилукъ [2]. Ма-

---

[1]) Сочиненія Креусы и Копыстенскаго изданы въ Русской истор. библіотекѣ, т. IV (1878).

[2]) Изд. во II т. Полнаго собр. русск. лѣтописей, 233—373.

лорусскій лѣтописецъ разсказываетъ здѣсь, по начальной лѣтописи („Нестора“), о распространеніи „словенскаго народа въ Сармаціи“, о прибытіи Варяговъ-Руси, по которымъ и восточные Славяне назвалися Русью. Но вмѣстѣ съ этимъ русскимъ разсказомъ приводятся тоже разсказы польскихъ хроникъ о Венедахъ-Генетахъ изъ Пафлагоніи, производство Славянъ, Славенъ-Словянъ, Словенъ отъ славы, которую они любили даже въ именахъ (Святославъ, Ярославъ, Болеславъ, Ростиславъ), или отъ слова какъ бы „словии т. е. словохранительни“; Руси-Россіи отъ Роксоляпъ (Русь и Аляны), отъ библейскаго Роса, отъ рѣки Роси, отъ города Русы, отъ русыхъ волосъ, отъ розсѣянія, отъ Руса брата Леха; но больше всего нравится лѣтописцу производство Руси отъ „Рурика“, какъ назвались и Ляхи отъ Леха, Чехи отъ Чеха. Словенское (славенское) письмо изобрѣтено не св. „Еронимомъ Славяниномъ“, а свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ объ этомъ подробно говоритъ Несторъ; они крестили Болгаръ, Моравянъ, Ляховъ и другихъ Словянъ, а Меѳодій „проповѣдая и научая Славянъ и Ляховъ, имъ же устави словенскимъ языкомъ хвалити бога, яко и доселѣ словянскіе народы своимъ языкомъ хвалятъ господа; и въ Краковѣ, на Клепару, недавно престаша словенскимъ языкомъ службу божію служити“. На Руси христіанство упрочилось особенно при Володимерѣ, а прежде Русь кланялась разнымъ идоламъ, Перконосу или Перуну, Волосу, Позвизду или Похвисту, Ладу, Купалу, Колядѣ, Хорсу, Дажбогу, Стрибогу.

Подобно тому кіевскій игуменъ Ѳеодосій *Софоновичъ* примѣшалъ къ галичско-волынской лѣтописи разные разсказы изъ польскихъ хроникъ и составилъ „Кронику з лѣтописцовъ стародавнихъ, з св. Нестора и иншихъ, также з кроникъ польскихъ, о Руси“ (1672 г.). Славенскій народъ происходитъ отъ Мосоха Іафетовича, и онъ распространился (Іафетъ толкуется розширеніе, роспространеніе), розсѣялся (Россія) по всему свѣту, до русскій князь Одонацеръ завоевалъ Римъ (т. е. Одоакръ, князь ружскій, Руговъ). Славены назвались отъ „словеного“ моря или отъ „славы“, и получили отъ Александра Великаго жалованную грамоту. Русь назвалась отъ Руса или скорѣе отъ Варяговъ-Руси;

„але откуль колвекъ тыи пароды славенскія имена маютъ, болгарскій, русвій, польскій, готскій, вандальскій, ческій, сербскій и прочія: всѣ славенскаго языка заживаютъ". Кромѣ этой русской хроники, которая, подобно лѣтописи галичско-волынской, кончается 1289-ымъ годомъ, Софоновичъ написалъ тоже краткія хроники польскую (отколь Поляки Лехами и Поляками названы суть) и литовскую [1]).

Всѣ эти труды по исторіи Руси оставались въ рукописяхъ, распространяясь только посредствомъ многочисленныхъ списковъ. Первая печатная хроника Руси вышла въ 1674 г. въ Кіевѣ: „Синопсисъ или краткое собраніе о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ князей Кіева". Эта хроника, приписываемая кіевскому архимандриту Иннокентію *Гизелю*, издавалась потомъ часто, пользуясь долго незаслуженнымъ уваженіемъ и авторитетомъ среди русскихъ читателей [2]). Авторъ „Синопсисъ" воспользовался хроникою Софоновича и описываетъ древнюю исторію Руси и Славянъ вообще съ явнымъ пренебреженіемъ къ начальной русской лѣтописи и съ предпочтеніемъ разныхъ басней польской „учености", Длугоша, Бѣльскаго, Кромера, Стрыйковскаго и пр. Славяне, славенскій народъ, древніе Сарматы, назвались славными „отъ славныхъ дѣлесъ своихъ, наипачеже воинскихъ"; а въ память славы народа славенскаго древніе россійскіе и др. князья назывались Святославъ или Свѣтославъ (святую славу снабдѣвающій, свѣтяся славою), Ярославъ (ярися за славу), Мечиславъ (славенъ отъ меча), и пр. Славяне помогали Александру царю македонскому, который далъ имъ привилегію

[1]) Труды Софоновича въ рукописяхъ 1672, 1673, 1681 гг. въ Императ. публ. библіотекѣ (прежде графа Толстова, см. Описаніе рукоп. гр. Толстова, стр. 84, 150) и въ Москвѣ (см. статью Даниловича о литов. лѣтописяхъ въ варшав. изд. хроники Стрыйковскаго I. 61). Срв. Старчевскаго Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина, стр. 73—82.

[2]) Синопсисъ изданъ потомъ въ Кіевѣ 1678 и 1680, въ Петербургѣ въ 1714—1810 гг. десять разъ (даже академіею наукъ), а 1836 и 1861 въ Кіевѣ. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ въ заглавіи „Синопсисъ„ стоитъ „о началѣ славенскаго народа".

или золотую грамоту; кесарь Августъ не посмѣлъ воевать съ могущественными Славянами, а славенороссійскій князь Одонацеръ завоевалъ Римъ. „Рускій или паче россійскій" народъ, Россѣяны, Россы, назвались отъ „россѣянія" по многимъ странамъ племени своего около Чернаго моря, по Дону, Волгѣ, Днѣпру, Дунаю, въ древней сарматской Роксоляніи (Россы, Аланы); по другимъ же—отъ городка Роси, отъ рѣки Роси, отъ русыхъ волосъ; уже въ библіи, у пророка Іезекіиля, приводится князь россійскій Мосохъ, сынъ Іафета. „И тако Россы отъ россѣянія своего прозвашася, а отъ Славяновъ именемъ точію разнствуютъ, по роду же своему едино суть, и яко единъ и тойжде народъ славенскій нарицается славено-россійскій или славно-россійскій". Отъ Мосоха назвался московскій народъ, какъ Чехи отъ Чеха, Ляхи или Лехи отъ Леха, Дулепяне отъ Дулепы, Вятчане отъ Вятка, Радимичи отъ Радима, Козаки отъ Козака, Литва отъ Литвоса и пр. „Мосохъ толкуется отъ еврейска славенски вытягающій и растягающій, отъ вытяганія лука, и отъ расширенія великихъ и множественныхъ народовъ, московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенскій языкъ природнѣ употребляющихъ. И тако отъ Мосоха, праотца славенороссійскаго, по наслѣдію его, не токмо Москва народъ великій, но и вся Русь или Россія, произъиде, аще въ нѣкихъ странахъ мало что въ словесѣхъ и перемѣнися, обаче единымъ славенскимъ языкомъ глаголютъ". Когда же у сѣверныхъ россійскихъ народовъ возникли междоусобицы, то они послали къ Варягамъ (т. е. Ваграмъ), жившимъ около моря балтійскаго или варяжскаго, которые „славенска языка бяху и зѣло мужественны и храбры", и по прошенію Россовъ прибыли „отъ Нѣмецъ" князья варяжскіе, „Рурикъ" съ братьями, къ Россамъ и приняли государство русское. Христіанство упрочилось въ Россіи при Владимірѣ, и идолопоклонство прекратилось; главные идолы были—по польскимъ хроникамъ (Кромера, Гвагнина, Стрыйковскаго)—Перунъ, Волосъ, Позвиздъ или Похвистъ, Ладо, Лель, Полель, Купало, Коляда, Услядъ или Ослядъ, Корша или Хорсъ, Дашуба или Дажбъ, Стриба или Стрибовъ, Семаергля или Семарглъ, Макошъ

или Мокошъ, и др. [1]). Русская исторія излагается преимущественно по хроникѣ Стрыйковскаго, и авторъ Синописъ пренебрегъ начальною лѣтописью до такой степени, что умолчалъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, и вмѣсто того привелъ вздоръ Стрыйковскаго, по которому Славяне и тоже славено-россійскій народъ получили въ 790 г. „отъ греческаго кесаря литеры сирѣчь словеса азбучныя *а*, *б*, *в* и пр., яже въ то время отъ греческаго писанія ново бяху изобрѣтена ради Славяновъ"; съ тѣхъ поръ Россія, славяно-россійскій народъ, имѣетъ писанія и книги, раньше чѣмъ Поляки, которые только при Мечиславѣ стали читать и писать. Такъ излагается древнеславянская исторія въ этой часто издаваемой „Синопсисъ", о которой позже В. Татищевъ справедливо замѣтилъ, что „оная хотя весьма кратка и многое нужное пропущено, но вмѣсто того польскихъ баснь и недоказательныхъ ключеній съ избыткомъ внесено".

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ польско-латинскихъ хроникъ, изложеніе древней славянской и русской исторіи отдалялось все больше отъ первоначальной русской лѣтописи или такъ назыв. Нестора, испещрялось разными болѣе или менѣе глупыми вымыслами и псевдо-ученою болтовнею книжниковъ, и просто искажало исторію. Русскій уніатъ Игнатій *Кульчинскій*, въ своей церковной исторіи русской (Specimen ecclesiae ruthenicae, Romae 1733), показалъ крайне недостаточныя познанія въ русской

---

[1]) Эти исковерканныя названія (по польскимъ и др. хроникамъ, см. выше, стр. 119, 247) встрѣчаются отъ части уже въ русскихъ лѣтописяхъ XVI в., тверской и Никоновской (П. С. Р. Л. XV. 73, IX. 40). „Дажбъ, Страбъ", и въ русскомъ хронографѣ „Дажбай, Астрибай, Семаръгула, Волосой" (А. Поповъ: Обзоръ хронографовъ I. 181). Объ „Уcлядѣ" см. стр. 247. Въ то время въ сѣверно-русскомъ хронографѣ Перунъ хорошо объясняется какъ громъ: бѣлорусскимъ бо языкомъ громъ перунъ именуется. (А. Попова Изборникъ изъ хронографовъ, 443). Изъ „ученыхъ" книгъ перешли „боги Ладо, Мошко, Позвиздъ" и въ другія литературныя произведенія, на пр. въ кіевскую „трагедокомедіо": „Владиміръ славено-россійскихъ странъ князь" (1705). См. Пекарскій: Наука и литература при Петрѣ Вел. I. 419.

и вообще православно-славянской исторической письменности; онъ почти ничего не зналъ о дѣятельности свв. Кирилла и Мееодія у Славянъ, и могъ написать, что при Ольгѣ и Владимірѣ и еще раньше введена на Русь католическая вѣра (fides catholica pura integra et a schismate immunis). Въ историческихъ замѣткахъ является у Кульчинскаго тѣже Мосохъ, праотецъ Славянъ-Скиоовъ-Сарматовъ, назвавшихся отъ славы, Чеховъ, Моравянъ, Поляковъ, Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Далматинцевъ и Москвитянъ; Росъ-Русъ, Ляхъ, Чехъ (м. б. Щекъ братъ Кія); Варяги, откуда прибылъ Рюрикъ на Русь,—Славяне (враги), какъ и Древляне (древніе), Печенѣги (печь, жечь) и др.; при Рюрикѣ свв. Кириллъ и Мееодій, крестивши Болгаръ, Сербовъ, Моравянъ и другихъ Славянъ, проникли-де и на Русь, и пр. Кульчинскій, какъ и другіе русскіе уніаты до него и послѣ него, повѣрили подложному посланію югозападныхъ Русскихъ, духовенства, князей и пановъ, „россійскихъ Словянъ, великороднаго и многаго словенскаго языка", папѣ Сиксту IV будто въ 1476 г., изданному въ Вильнѣ въ 1605 г. по-польски и по-русски и сочиненному по всей вѣроятности тогдашнимъ уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Потѣемъ [1]).

Русскіе книжники, читая лѣтописи, житія святыхъ и другіе историческіе и церковные памятники, русскіе, болгарскіе и сербскіе, въ томъ числѣ и житія, прологи, похвальныя слова, службы, апостоловъ Константина и Мееодія, Людмилы, Вячеслава и пр., могли хорошо знать, что восточная, православная вѣра, церковный словѣнскій языкъ—который на Руси считался и „русскимъ"— и словѣнское (русское) богослуженіе процвѣтали давно не только у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, а тоже у западныхъ Славянъ

---

[1]) Это посланіе издалъ вновь Петрушевичъ въ Литерат. Сборникѣ галицко-русской Матицы 1869. стр. 223—260. Православный Львовянинъ начала XVII в. справедливо замѣчаетъ, что уніаты „книги змышляютъ, пишучи подъ датою старою писмомъ старымъ, але рѣчь вся Потѣева, якъ бы усты самъ мовилъ". Акты западной Россіи IV. стр. 229, 251, и Описаніе славян. рукописей москов. синод. библіотеки II. 3. стр. 306.

въ земляхъ словенскихъ-моравскихъ князей Ростислава, Святополка, Коцела, что тамъ въ Панонiи-Моравѣ дѣйствовалъ архiепископъ Меѳодiй; они могли—вѣроятно посредствомъ югославянскихъ, болгарскихъ источниковъ—узнать тоже о торжествѣ латинскаго католицизма въ Моравѣ, Чехiи, Угрiи, о преслѣдованiи учениковъ Меѳодiя и ихъ бѣгствѣ въ Болгарiю, объ основанiи латинской епископiи въ Чехiи, и о латинскомъ епископѣ пражскомъ Войтѣхѣ. Все это, вмѣстѣ съ собственными комбинацiями книжниковъ, дало поводъ къ разсказу о распространенiи православiя у западныхъ Славянъ и о побѣдѣ латинства въ тѣхъ странахъ. Около половины XV вѣка одинъ русскiй книжникъ, списавшiй панонское житiе св. Константина, прибавилъ уже свое русское разсужденiе о явленiи „русской грамоты" въ Корсуни „Русину", съ которою—по житiю Константина—познакомился здѣсь этотъ апостолъ; потомъ „посланъ бысть философъ Константинъ въ Мораву Михаиломъ царемъ моравскому князю, просившу философа, и тамо шедъ, научи Мораву и Ляхы и Чехы и прочая языки и вѣру утвръди въ нихъ правую (правовѣрную, православную), и книгы написавъ русьскымъ языкомъ, и добрѣ научивъ. И оттуду иде въ Римъ, и ту разболѣся и... преставися. Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ пришедъ Вѣйтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши вѣру правую и русьскую грамоту отвръже, а латиньскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы и попы исъсѣче и другыя разгна. И иде въ прусскую землю хотя и тѣхъ въ вѣру привести, и тамо убьенъ бысть Вѣйтѣхъ латиньскыи пискупъ". Это извѣстiе встрѣчается и въ прибавленiи къ южнорусскому списку панонскаго житiя Константина начала XVII вѣка, гдѣ Кириллъ философъ названъ учителемъ „Словяномъ, составившимъ грамоту имъ и рускому языку, Муравляномъ, Чехомъ и Ляхомъ"; авторъ или переписчикъ, разсказавши тоже о явленiи „рђской" науки и письма въ Корсуни, о ея распространенiи среди западныхъ Славянъ, Чеховъ и Ляховъ, и о ея истребленiи латинскимъ бискупомъ Войтѣхомъ, продолжаетъ: „И не токъмо Муравляне, Чехи, Козари, Карвати, Сербы, Болгари, Ляхи и земля мунтяньская, вся Дальматiа и Дiоклитiя и Волохи быша Русь, словянскимъ языкомъ

и писмомъ бога хвалиша, вѣру греческую державша, но и король вгерскій (угорскій) вѣру греческую держалъ“. Разсказъ о русской грамотѣ, явленной въ Корсуни Константину, и распространившейся и у Моравлянъ, Чеховъ и Ляховъ и истребленной Войтѣхомъ, вошелъ тоже въ русскіе хронографы (палеи) XV—XVII вѣковъ; въ нихъ, на основаніи панонскаго житія, разсказывается о дѣятельности Константина, о „створеніи грамоты словенской (русской)“ при греческомъ царѣ Михаилѣ и новгородскомъ князѣ Рюрикѣ (Люрикѣ, Ререкѣ), о томъ, какъ Константинъ эту грамоту „прѣдасть Моравѣ, Чеховляномъ, и прочимъ языкомъ и потомъ Руси“, и какъ ее и православіе у Моравы, Чеховъ и Ляховъ истребилъ Войтѣхъ [1]). Послѣднее разсказываетъ тоже Копыстенскій, ссылаясь на приписку къ житію св. Константина. Позже, въ слѣдствіе распространенія на Руси разныхъ премудростей изъ польскихъ хроникъ, показывались и въ русской письменности разные болѣе или менѣе фантастическіе разсказы о зачаткахъ христіанства у западныхъ Славянъ. Такъ на пр. въ одномъ южнорусскомъ спискѣ панонскаго житія св. Константина (XVII в.) моравскій Святополкъ названъ княземъ моравскимъ, „туровскимъ и всей Россіи“. Русскій книжникъ зналъ, что М. Бѣльскій (и его русскій переводчикъ) разсказываетъ, по словамъ чешскихъ лѣтописцевъ Пулкавы и Гайка, что моравскій Святополкъ владѣлъ и русскою землею; у него были-де однажды въ гостяхъ Боривой чешскій (моравскій), Семовитъ польскій и русскій бояринъ, а Святополкъ съ русскимъ бояриномъ были воспріемниками Боривоя, крещеннаго епископомъ св. Кирилломъ Грекомъ; а съ тѣхъ поръ „въ Чехахъ обѣдня словенскимъ языкомъ уставлена была отъ епископа Кирилла и Меѳодія брата его“ [2]). Что

---

[1]) См. панон. житіе въ москов. Чтеніяхъ 1863, II. 31, Бодянскаго О времени происхожденія славян. письменъ стр. 91—111, тоже въ русскомъ переводѣ соч. Добровскаго Кириллъ и Меѳодій, 108—120.

[2]) Русскій переводъ хроники и космографіи М. Бѣльскаго 1670—1671 гг. и Исторія о Бохомѣ о землѣ чешской. Посредствомъ русскаго перевода Бѣльскаго этотъ разсказъ о крещеніи Боривоя перешелъ и въ сербскій хронографъ верхо-брезницкій; срв. выше, стр. 251.

касается православія у Угровъ, о чемъ вспоминаетъ и южнорусскій книжникъ, то русскіе книжники давно знали разсказъ греческихъ лѣтописей („еллинскаго лѣтописца") о крещеніи двухъ угорскихъ князей, въ томъ числѣ и Стефана, въ Царьградѣ, и о побѣдѣ Рима въ Угріи только по смерти Стефана. Этотъ разсказъ и сербскіе разсказы о дѣятельности св. Савы сербскаго съ цѣлью умиротворенія обоихъ его племянниковъ, Радослава и Владислава, извѣстіе о вторженіи Татаръ въ Угрію (и Сербію), все это перешло въ русскіе хронографы, лѣтописи и другія сочиненія XVI—XVII вѣковъ, но въ довольно запутанномъ видѣ; русскіе книжники смѣшали королей Владиславовъ, сербскаго и угорскаго (Ладислава Кумана), назвали послѣдняго королемъ Угромъ и Чехомъ и Нѣмцемъ и всему поморью, и разсказывали, что этотъ Владиславъ (Власловъ) приялъ-де изъ рукъ св. Савы православіе, разбилъ Татаръ и убилъ Батыя [1]).

Во время вѣроисповѣдной полемики на Руси XVI—XVII вв. между католиками, уніатами, православными, протестантами, вопросъ о введеніи христіанства у Славянъ возбуждалъ всеобщій интересъ славянскихъ писателей. Этотъ вопросъ рѣшался въ тѣ некритическія времена, гдѣ въ наукѣ господствовало извѣстное jurare in verba magistri, совсѣмъ произвольно, на основаніи всевозможныхъ противорѣчащихъ другъ другу источниковъ, и „авто-

---

[1]) А. Попова Обзоръ хронографовъ I. 182, Изборникъ изъ хроногр. 10, 33, 44, 141; лѣтописи воскресенская и Никоновская (Полное собр. русск. лѣт. VII. 157, 256, IX. 70, X. 135); Копыстенскій (Палинодіа, Русск. истор. библ. IV. 993—1017) ссылается на „кройнику словенскую зъ грецкого переложенную". Копыстенскій и другой южнорусскій книжникъ начала XVII в. ссылаются на житіе св. Савы сербскаго (Доментіана), гдѣ однако разсказывается о Владиславѣ сербскомъ а не угорскомъ. Предположеніе о православіи угорскаго короля Ладислава Кумана († 1290), основываясь только на этой путаницѣ, совсѣмъ произвольно. Соединеніе коронъ нѣмецкой, угорской, чешской и всего поморья на головѣ того „Владислава (Влaслова)", указывало бы на то время, гдѣ оба Люксенбурга, Вячеславъ (Вацлавъ) и Сигизмундъ, соединяли на своихъ головахъ всѣ тѣ короны.

ритетовъ"; а каждая партія была убѣждена, что она права. Такъ уніатъ Креуса, и послѣ него и другіе уніаты, утверждали, что славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій ходили въ Римъ и своимъ примѣромъ указали, что духовенство восточной церкви слушалось папъ, которые одобрили словѣнскія книги и богослуженіе; св. Вячеславъ чешскій принятъ въ святые папою, изъ чего видно, что тогда существовало единство церкви, и что Славяне имѣютъ словѣнскую литургію отъ папы, а не изъ Царьграда [1]. На эту привилегію папы Адріана ссылается тоже уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій въ своей запискѣ въ защиту уніи; онъ, защищая между прочимъ словѣнское богослуженіе въ уніатской Руси противъ нападеній латинской іерархіи, указываетъ на то, что уже папа Адріанъ особою жаловапною грамотою разрѣшилъ словѣнское богослуженіе славянскимъ апостоламъ Кириллу и Меѳодію, память которыхъ чествуется не только на Руси, но и въ Великой Польшѣ въ гнѣзенской епархіи [2]. Кульчинскій представляетъ себѣ свв. Кирилла и Меѳодія католическими апостолами среди Болгаръ, Сербовъ, Моравянъ и Русскихъ. Православные Русскіе говорили на оборотъ, что свв. Кириллъ и Меѳодій распространили православное (греческое, русское) христіанство и у западныхъ Славянъ и въ Угріи, которое однако со временемъ должно было уступить тамъ латинскому [3]. Мелетій Смотрицкій (Obrona werifikacyej, 1621) утверждалъ, что моравскій князь Святополкъ принялъ греческую вѣру изъ рукъ св. Меѳодія, и обратилъ потомъ и чешскаго князя Боривоя и его жену Людмилу; и польскій князь Мѣшко принялъ, посредствомъ чешской княжны Домбровки, греческую вѣру; церковь восточная, и русская, считаетъ чешскихъ княгиню Людмилу и князя Вяче-

---

[1]) Кромѣ Креусы говорятъ въ такомъ смыслѣ и авторы сборника Jedność święta cerkwie wschodniéj i zachodniéj (Wilno 1632), изданнаго уніатскимъ братствомъ виленскимъ, уніатъ I. Дубовичъ: Hierarchia abo o zwierzchności w cerkwi bożéj (1644), и др.

[2]) Записка Рутскаго (1624 г.) у Гарасевича Annales ecclesiae ruthenae, 294.

[3]) См. выше, стр. 427, 448—450.

слава святыми. Захарія Копыстенскій разсказываетъ, что свв. Кириллъ и Меѳодій посланы константинопольскимъ патріархомъ и царемъ къ славянскимъ народамъ обращать ихъ въ христіанскую вѣру; эти апостолы шли черезъ Болгарію и Сербію въ Угрію, гдѣ на сѣверовостокѣ до сихъ поръ есть вѣра константинопольская, и дальше въ Моравію, Чехію и Польшу; всѣ эти народы, Морава, Чехи, Угры и Ляхи „окрещены отъ епископовъ грецкихъ, и вѣры научены не иншей, ено той, которую и нынѣ церковь всходняя вызнаваетъ", какъ это видно изъ польскаго Кромера, изъ житій обоихъ апостоловъ и св. Людмилы, дочери сербскаго князя: и такъ Чеховъ крестили сербскіе священники. Ляхи же, по свидѣтельству Кромера, приняли крещеніе отъ Кирилла и Меѳодія, но потомъ — какъ разсказывается въ житіи св. Константина—„Войтехъ, бискупъ римскій, выкорениль въ Чехахъ и въ Ляхахъ вѣру гречесвую и писмо словенское отверже, латинскую же устави". Позже, въ концѣ XIV в., введены въ славянскій монастырь краковскій монахи „релѣи всходной церкве, которые отправовали набоженство языкомъ славенскимъ такъ, якъ нынѣ мы Россове отправуемо"; еще нынѣ—пишетъ Копыстенскій—встрѣчаются въ католическихъ церквахъ краковской епархіи образа греческой работы съ славянскими надписями [1]). Современникъ Смотрицкаго и Копыстенскаго, неизвѣстный малорусскій книжникъ, списавшій (панонское) житіе св. Константина, прибавилъ къ этому житію разсказъ о православіи, русскомъ богослуженіи и у западныхъ Славянъ и Угровъ, и о его истребленіи латинскимъ бискупомъ Войтѣхомъ; онъ сѣтуетъ на подобныя

---

[1]) Въ словѣнско-русскомъ житіи св. Людмилы, помѣщенномъ тоже въ Макарьевскихъ Четьихъ Минеяхъ (срв. Fontes rerum bohem. I. 123), эта княгиня дѣйствительно называется дочерью сербскаго князя (т. е. Славибора князя Пшовянъ); но эти „Сербы"—если Пшовяне такъ назывались—не Сербы южные, а Сербы западные, полабскіе, тоже лужицкіе. Относительно славянскаго монастыря въ Краковѣ Копыстенскій сильно заблуждается: въ немъ не были православные монахи, а католики-глаголиши, прибывшіе туда изъ Праги въ концѣ XIV вѣка; см. ниже. Копыстенскаго Палинодія (по изд. Русской истор. библіотеки) IV. 995—997.

тому преслѣдованія русскаго православія въ тогдашней южной Руси: іезуиты, вспомогаемые господаремъ земли (королемъ) и его папами, всячески преслѣдуютъ православныхъ, и „за убогимъ ржскимъ народомъ никто не предстательствуетъ; іезуиты не взычаючи разъширеня науки Ржси, възнжмѣша и рогъ свои възносять надъ убогою Ржсью, отъ которыхъ насъ богъ да избавить, якъ отъ бискупа ихъ Воитеха, иже прiялъ мздж въ нѣдра своя: възде неправда его на главж емж у Прасехъ“, потому что онъ „превратилъ тые земли (Чехы, Мораву, Ляхы, Угры) и наукж св. Кирила словенскжю, которин у Пржсехъ убненъ бысть, або згинжлъ, за превратность а расколъ законж святаго, иже мждровалъ надъ Словяны греческимъ закономъ, не взычаючи науки ржской Словяномъ, превратилъ ихъ не ученіемъ, но мжчителствомъ и прогнанием а мордованием епископовъ и ереовъ словенскихъ“ [1]). Другой южнорусскій книжникъ XVII вѣка, авторъ „Житія св. равноапостольнаго князя Владимера, всея Россіи самодержца“, касаясь крещенія Славянъ и Руси, говоритъ, по лѣтописцу Нестору, что и св. Павелъ распространялъ христіанство въ Мисіи и Иллирикѣ, а „Мисія и Иллирикъ словенская есть земля“, потомъ св. Павелъ послалъ Словяномъ ученика своего Андроника, который училъ и крестилъ въ Иллирикѣ и Мисіи, „то есть въ Болгарѣхъ, въ Боснѣ и въ Моравѣ“; Русь же крестилась первый разъ при апостолѣ Андреѣ, а второй въ 863 г. при греческомъ царѣ Михаилѣ и патріархѣ Фотіѣ, „отъ которыхъ тежъ на прозбу князей словенскихъ Святополка, Ростислава и Коцела присланы были Словяномъ и Руси учители вѣры Христовы Меѳодій и Кириллъ, сынове чловѣка зацного Лва з Волуня (! Солуня); тіи духомъ святымъ зложили словенскіи лѣтеры, и преложили на языкъ словенскій грецкія книги“ [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 448, и Бодянскаго О времени происхожденія славян. письменъ стр. LXIII. Слова „рогъ свои възносятъ“ напоминаютъ такія же слова въ письмѣ козацкаго гетмана Конашевича королю Сигизмунду (1622 г.), чтобъ іезуиты оставили Русь въ покоѣ и чтобъ „унѣя впредь въ Русѣ своихъ роговъ не возносила“. (Максимовича Собраніе сочиненій I. 375).

[2]) Бодянскій О времени происхожденія славян. письменъ, стр. 137 и LXV. То же самое разсказывается и въ „Синопсисъ“.

Въ южнорусской лѣтописи густынской разсказывается, по начальной лѣтописи, Кромеру, Бѣльскому, Баронію, „о обрѣтеніи писмене словенска и преложеніи книгъ изъ греческаго языка на словенскій“ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, объ отправленіи ихъ съ благословенія патріарха Фотія къ западнымъ Словянамъ: „и учаху Словянъ и Ляховъ и Муравовъ; потомъ Кириллъ пойде въ Болгари а Меѳодій оста въ Муравѣ во Словянѣхъ, научая Славянъ и Ляховъ, имъ же устави словенскимъ языкомъ хвалити бога. И благослови богъ трудъ его, яко и доселѣ словянскіе народы своимъ языкомъ хвалятъ господа, и въ Краковѣ на Клепару недавно престаша словенскимъ языкомъ службу божію служити“ [1]). Но память славянскихъ апостоловъ не всегда сохранялась и у православныхъ писателей. Астраханскій архіепископъ Пахомій, въ своемъ хронографѣ (полов. XVII в.), разсказывая о крещеніи „Словянъ еже есть великія Россія“, замѣчаетъ, что къ князю Владиміру посланъ „Греченинъ философъ Кириллъ, да научитъ Владимера и прочихъ вѣрѣ христіянстеи, и преведетъ книги съ греческаго на словенскій языкъ; онъ пребывая въ Кіевѣ, книги преводя и Владимира уча“ [2]). Авторъ книги „Синопсисъ“, который съ начала выписалъ изъ Стрыйковскаго выше упомянутый разсказъ объ изобрѣтеніи „литеръ ради Славяновъ и Россовъ“, разсказываетъ потомъ о крещеніи Россовъ еще до Влади-

---

[1]) Полное собр. русск. лѣтописей II. 237, 252.

[2]) А. Попова Обзоръ русск. хронографовъ II. 241. О пребываніи Кирилла философа, крестившаго „Славяны и Болгары“ и преложившаго русскую грамоту съ греческой въ 38 словъ, у великаго князя Владиміра разсказывается тоже въ предисловіи къ московской Общей Минеѣ (1653—54). Въ книжкѣ „Тестаментъ или завѣтъ Василія царя греческаго къ сыну его Льву философу“ (издаваемой часто, 1607—1718), разсказывается, что повелѣніемъ Льва переведены Константиномъ философомъ и Меѳодіемъ братомъ его на славянскій языкъ книги св. писанія. Но уже св. Димитрій Ростовскій, въ Четьихъ-Минеяхъ, при житіи обоихъ славянскихъ апостоловъ, замѣчаетъ, „да Кирилла философа, который по нѣкимъ лѣтописямъ прибылъ къ Владиміру, никтоже мнитъ быти онаго учителя славенскаго Константина Кирилла философа“.

міра, именно при апостолѣ Андреѣ, и потомъ въ 863 г. при царѣ Михаилѣ и патріархѣ Фотіѣ; тогда же „крестися Русь второе", и царь и патріархъ, по прошенію князей славенскихъ Святополка, Ростислава и Коцела, прислали Славянамъ Меѳодія и Кирилла селунскихъ, и „они преложиша греческія книги славенскимъ языкомъ, святое евангеліе, апостолъ и прочія". Этотъ разсказъ „Синопсисъ" о второмъ крещеніи „Руси" (Славянъ) остался и въ ся изданіяхъ XVIII вѣка, не смотря на то, что онъ могъ быть исправленъ по печатнымъ Четьимъ Минеямъ св. Димитрія Ростовскаго (1689 – 1705, изданнымъ потомъ въ XVIII в. еще четыре раза); въ нихъ житіе обоихъ апостоловъ „учителей славенскихъ" (къ 11-ому мая) изложено подробно и правильно, по (канонскимъ) житіямъ, взятымъ изъ Макарьевскихъ Четьихъ Миней.

Вмѣстѣ съ разными западно-европейскими хрониками переходили на Русь и первые зачатки географическихъ свѣдѣній въ такъ наз. *космографіяхъ*. Сперва Русскіе познакомились съ космографіею М. Бѣльскаго въ его всемірной хроникѣ, которая переведена уже во второй половинѣ XVI в. на языкъ русскій; позже, въ XVII в., переведены латинская космографія Меркатора и польское изданіе географіи Ботера. Русскіе переводчики сокращали и прибавляли то или другое, но часто оставляли въ своемъ русскомъ переводѣ разные отзывы иностранныхъ писателей о Руси и о Славянахъ Въ русскихъ космографіяхъ описываются и страны славянскія, царство російское, гдѣ Волга отдѣляетъ словенскій (славенскій) языкъ отъ татарскаго [1]); королевство сербское отъ Чермнаго моря до угорскаго съ святою

[1]) Русскіе называли свое царство всегда русскимъ, россійскимъ (російскимъ); оно состояло изъ нѣсколькихъ государствъ (господарствъ), московскаго, новгородскаго, казанскаго и др., которыя составляли россійское царство (царствіе); по этому царь назывался царемъ (потомъ императоромъ) всея Руси, Русіи, Росіи (Россіи), россійскимъ, всероссійскимъ, а отнюдь не царемъ „московскимъ", какъ его называли, совсѣмъ не исторически, въ Польшѣ и въ другихъ странахъ Европы. Еще въ началѣ XVIII в. (1713) Меншиковъ пишетъ русскому послу въ Копенгагенѣ, кн. Долгорукову: „Во всѣхъ куран-

горою афонскою; царство болгарское отъ греческой земли до чешской державы, приняли крещеніе со Словяны (Славены) вкупѣ; чешское (ческое) королевство или какъ его „философи латинскимъ языкомъ нарицаютъ Богемія, тоже Иллирикъ", заселенное людьми словенскаго (славенскаго) языка, похожаго на польскій, мужественными льву подобными, крещены св. Павломъ, нынѣ же вѣрою заблудили; польское королевство и великое княжество литовское языка словенскаго (славенскаго) и вѣры лацкой (польской) папежской, гдѣ подданные своихъ государей не слушаются, и пр. Русскіе космографы интересуются славянскими странами и народами. Такъ составитель космографіи 1670-го г., описывая Чехію, помѣстилъ, по М. Бѣльскому, довольно обширную древнюю исторію чешскаго народа до X вѣка, и потомъ имена всѣхъ князей и королей чешскихъ до начала XVII вѣка [1]). Составитель краткой космографіи конца XVII в. („написана отъ древнахъ философовъ и преведена съ римского языка на словенскій") сгруппировалъ народы и страны Европы по ихъ славянскому происхожденію и православному вѣроисповѣданію. „Первое царство и великое княжество російское и словенские, и иніи и народи различны: Русь, Поляки, Литва, Угры, Чехи, Мораве, Волохи, Мутіяне, Албани, Серби, Германи и Нѣмцы и др." Всѣ европейскіе народы исповѣдывали прежде, со времени царя Константина, одну православную вѣру, но потомъ обратились къ разнымъ ересямъ, и пастали папежницы, люторы, колвинцы, гусаты (отъ Яна Гуса) и др.; только „россійскія страны содержатъ прежнее православіе, яже пріяша отъ Грекъ". Иногда русскіе космографы повторяютъ простодушно разсказы оригиналовъ, какъ на пр., что жители „росінского царства по чюжимъ государствамъ не ѣздятъ, ученыхъ людей и дохтуровъ и философовъ имѣютъ

тахъ (газетахъ) печатаютъ государство наше московскимъ, а не россійскимъ, и того ради извольте у себя сіе престеречь, чтобъ печатали россійскимъ, о чемъ и къ прочимъ ко всѣмъ дворамъ писано". (Соловьева Исторія Россіи XVII. 401).

[1]) Этотъ очеркъ чешской исторіи существуетъ и въ особой рукописи; срв. выше, стр. 425.

у себя мало, книжному писанію учени не вси“, и пр.; они съ интерессомъ отмѣчаютъ склонность Славянъ къ питью, вспоминая вѣроятно слова князя Володимера сказанныя магометанскимъ посламъ: „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти“. Такъ они сообщаютъ, что Русскіе, Поляки и Чехи „любятъ пити много, понеже воздухъ имутъ волной, ни велми горячь ни студенъ“; они знаютъ, что „людие земли російския нарицахуся Скиѳія многочеловѣчная, потомъ же избраша себѣ князя отъ нѣмецкихъ странъ прускія земли, именемъ Рюрика отъ колѣна Августа кесаря римскаго, и нарицахуся Росія великая. Російскіе народи некогда и на Царьградъ пришедше повоеваша, обладаху прежде и Литвою и Угры и Болгары“. Въ другой космографіи разсказывается, по М. Бѣльскому, что у Чеховъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ устроена „литургія словенскимъ языкомъ съ произволеніемъ и благословеніемъ папежскимъ“, что̀ противорѣчило другимъ русскимъ сказаніямъ о православіи у Чеховъ. Въ космографіи, переведенной съ латинскаго языка Епифаніемъ *Славинецкимъ*, языки Европы раздѣляются на четыре „ложесна“ (т. е. коренные языки) по словамъ: деусъ (латинскій), ѳеос (греческій), годтъ (тевтонскій), богъ (славенскій); языкъ бога на многи отрасли разсѣянъ есть, россійскую, польскую, боемскую, иллирическую, далматскую, виндикъскую и ины; начертанія (письмо)— россійская или московская изъ греческихъ, далматская, яже и Іерониміанская; священныхъ книгъ преложеніе россійское новшее, и Іерониміанское ветхъшее [1]).

Въ слѣдствіе племеннаго единства и сношеній Славянъ Русскіе долго сохранили чистыя, неискаженныя географическія названія у западныхъ и южныхъ Славянъ, Чеховъ и Ляховъ, Болгаръ

---

[1]) Космографія 1670 г., изд. Чарыковъ (Петербургъ 1878—1881); А. Попова Обзоръ хронографовъ II 87, 215, Изборникъ 459; Пекарскаго Наука и литература при Петрѣ Вел. I. 333; Буслаева Истор. христоматія, 1185. О русскомъ переводѣ географіи Ботера 1681 г. (по изд. 1659 г., срв. выше, стр. 133—134) см. Востокова Описаніе рукописей Румянцева N-го 20, и Строева Опис. рукописей Царскаго N-го 222.

и Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ, и въ землѣ угорской. Вся словѣнская письменность изъ славянскаго, болгарскаго и сербскаго юга (житія, хронографы, лѣтописи и пр.) переходила на Русь, списывалась здѣсь, и включалась въ хронографы и лѣтописи; по этому Русскіе хорошо могли ознакомиться съ разными географическими названіями тѣхъ югославянскихъ странъ въ ихъ неискаженныхъ формахъ. Польшу, землю Ляховъ, лядьскую, Русскіе хорошо знали какъ сосѣднюю славянскую страну, съ которою имѣли постоянныя сношенія; они нерѣдко измѣняли польскія названія на русскій ладъ, какъ на пр. Воротьславль (Wrocław вм. Wrocisław, по-русски тоже на польскій ладъ Вроцлавь, Вроцславль) и Середа (Środa) въ землѣ сляпской, шленской (по-поль. Ślązk, Szlązk), по тоже сляской, Слезаки-Слежане (по-чеш. Slezáci, Slezané): Судомирь (Sandomierz), Лучица (Łęczyca), Гонязь (Goniądz), и пр. [1]). О чешско-моравскихъ и угорскихъ странахъ Русскіе узнавали уже по житіямъ свв. Константина и Меѳодія, Ивана, Людмилы и Вячеслава, потомъ и въ слѣдствіе личныхъ сношеній съ тѣми странами, и при посредствѣ польскихъ книгъ. По этому и въ русскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются чистыя славянскія названія, Блатно (въ Панопіи, блатенскій князь Коцелъ), Лаба (еще въ космографіяхъ XVII в.: Албисъ, Алба, Елба, Елбъ, „а Чехи зовутъ Лаби“, т. е. Łabe), Волтава, Одра, Оломуцъ, Тиса и Цыса (поль. Cisa), Солоная, Бардуевъ (Бардѣевъ), Зъпишь (Спишь), Варадинъ, Будинъ-Будимъ, Бѣлгородъ (стольный, угорскій), Загребъ; ракусская земля, Ракушане (Австрія) [2]) и Веденъ, Веденъ, Ведня (Вѣна, по-поль и чеш. Ве-

---

[1]) Поляки измѣняли русскія названія на польскій ладъ; см. выше, стр. 133.

[2]) Если это старинное славянское названіе Австріи (срв. Archiv f. slav. Philologie VII. 612, VIII. 8), употребляемое у Поляковъ до недавна, а у Чеховъ до сихъ поръ, встрѣчается въ сѣверно-русскихъ космографіяхъ XVII в., то можно его приписать польскому вліянію; но оно встрѣчается тоже въ югозападной Руси (въ лѣтописяхъ галичско-волынской и литовско-русскихъ), гдѣ оно можетъ быть старинное общеславянское достояніе, подобно древнему Хорутане (Корѫтане, Carantani). Эти Ракоусы—древніе Ракаты и Руги;

день), з. каританская, коратинская (Каринтія, въ начальной лѣтописи Хорутане, чеш. и дрполь. Korutany, Korytany), з. лужницкая (Лужица, Лузація), з. мишенская, мышиньская (по-чеш. мишенская, Мейсенъ), и пр. Еще въ русскихъ космографіяхъ XVII в., составляемыхъ по польскимъ и латинскимъ источникамъ, замѣтны эти славянскія названія рядомъ съ латинскими, на пр. Богемія (Бохома, Бохема) сирѣчь чешское королевство, Селесія сирѣчь слянская (сляская) земля, Аустрія сирѣчь ракуская земля, Унгарія сирѣчь королевство угорское (и въ XVII в. тоже на польскій ладъ: венгерское), и пр.

Славянскія названія замѣнялись чужими, латинскими или нѣмецкими, по мѣрѣ ознакомленія Русскихъ съ греческими, латинскими и нѣмецкими книгами, или въ слѣдствіе сношеній Русскихъ уже не съ западными и южными Славянами, а съ ихъ господами, Нѣмцами, Итальянцами, Турками и др. Уже въ памятникахъ о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, рано перешедшихъ и на Русь, встрѣчается названіе Панонія во смыслѣ подунайскихъ Словѣнъ, южной „вышней Моравы“, область панонско-моравскаго архіепископа Меѳодія [1]). Начальный русскій лѣтописецъ, въ числѣ многихъ книжныхъ географическихъ названій разныхъ странъ, почерпнутыхъ изъ греческихъ источниковъ, знаетъ эту Панонію, и соединяетъ: Словѣне—Норци (Norici), Илюрикъ (Illyricum)—Словѣне, Скуѳь (Scythia)—Тиверци и Улучи, Козаре. Подобно тому Русскіе, посредствомъ болгарско-сербскихъ переводовъ разныхъ греческихъ историческихъ памятниковъ, познакомились съ книжными названіями Даки-Сербы, Куманы-Русы, Піоны (Пеоны т. е. Панонцы)-Угры, и пр. Изъ польскихъ и латинскихъ источниковъ перешли на Русь названія Сарматы, Роксоланы, Венеты-Генеты, Илиричики (Илирикъ), и много другихъ древне-греческихъ и древне-латинскихъ названій разныхъ странъ

смѣшеніе послѣднихъ (Rugi, Rugii) съ балтійскими Ругами (Ругіанами) и съ Русскими дало поводъ къ разсказамъ объ Одоакрѣ ружскомъ, русскомъ (см. выше, стр. 445), о балтійскихъ Ругахъ-Русахъ, и пр.

[1]) Панонію превратили потомъ въ „Панію“ и „Испанію“; см. выше, стр. 428. Панонією называлась часто и Угрія; см. стр. 105.

и народовъ. Послѣднее названіе, Илиры, употреблялось и на Руси XVII в. въ значеніи Славянъ вообще, и югозападныхъ въ особенности. Русскіе книжники помнили, что ихъ начальный лѣтописецъ соединилъ Илюрикъ съ подунайскими и адріатическими Словѣнами и съ Моравою (южною, Панонiею); по этому въ русскомъ Азбуковникѣ XVII в. объясняется: Иллирикъ — Словяникъ (!) еже есть въ Моравіи [1]); а въ русской космографіи 1670 г. имя „Иллирикъ" придается тоже чешскому королевству или Богеміи. Памва Берында въ своемъ славено-россскомъ лексиконѣ (1627) объясняетъ: Иллирикъ-Словакъ, латин. Далмата, чешск. Горватъ; такъ и въ космографіи переведенной Еп. Славинецкимъ (1676 — 1678) южная отрасль славенскаго языка называется иллирическою, далматскою, виндикскою. Одинъ кіевскій книжникъ (1623) радуется, что выходятъ книги „діалектомъ иллирическимъ сирѣчь славенскимъ". То что̀ русскій космографъ 1670 г. написалъ о чешскомъ королевствѣ, что „философы" его называютъ „Богемія" (а другой книжникъ написалъ „Бохома, Бохема"—Bohemia), дѣлалось мало по малу правиломъ, и старинныя славянскія названія замѣнялись латинскими и нѣмецкими: Чехи, земля чешская,—Богемцы, Бемчане (бемское стекло), Богемія (Böhmen), Угре, з. угорская — Венгрія (на польскій ладъ Węgry), з. ракусская—Австрія, з. каринтанская (Хорутане)—Каринтія, з. хорватская, Хорвате—Кроація, Кроаты, и пр., безъ прежняго: Богемія сирѣчь чешское королевство, и пр.; да составитель курантовъ (рукописныхъ газетъ) забылъ однажды и славянскую форму Морава, Моравія, которую долженъ былъ знать изъ лѣтописей и космографій, и сообщилъ какую-то странную исторію о бѣсахъ, говорящихъ по-польски, въ городѣ „Бринѣ въ меренской землѣ" (Brünn in Mähren) [2]).

---

[1]) Форма „Словѣникъ" (вм. Словѣнинъ) встрѣчается тоже въ одномъ спискѣ (Карамзинскомъ) Русской Правды.

[2]) Буслаева Истор. христоматія, стр. 1143. Любопытно, что въ древнерусской службѣ св. Вячеславу (по рукописямъ XI—XII в.) чешская земля называется „боемскою. боѥмскою" (Fontes rerum bohem. I. 138, Служебныя минеи 1095—1097 гг., изд. Ягича, стр. 0221), а Прага—„Прагъ", хотя въ житіяхъ встрѣчаются: Чехи, Прага. На-

Выше упомянутыя географическія названія превратились, въ русскихъ книгахъ и картахъ XVIII в., въ Платенъ, Эльба, Молдау, Одеръ, Бреславль, Неймарктъ, Ольмюцъ, Тейсъ, Шаіо, Бартфельдъ, Ципсъ, Вардейнъ, Офенъ, Штуль-Вейсенбургъ, Аграмъ и пр.; къ нимъ присоединили потомъ „философы“ разныя Швейдницъ (Свидница), Данцигъ (Гданскъ), Торнъ (Торунь), Кенигсбергъ (Королевецъ), даже Лембергъ (т. е. русскій Львовъ) и пр. Галичско-волынскій лѣтописецъ разсказываетъ о своемъ князѣ Даніилѣ Романовичѣ, какъ онъ въ половинѣ XIII в., помогая угорскому королю противъ чешскаго короля, воевалъ на границѣ Силезіи и Моравіи по рѣкамъ Одрѣ и Пеинѣ (Пщинѣ), около Козльяго, Опавы, Глубичичь, Особологи, Насилья; такъ записалъ русскій лѣтописецъ эти названія чисто по-славянски, нѣкоторыя даже на русскій ладъ: Особолога (Osobłaha), Глубичичи (Hlubčice) [1]. Когда же, пять столѣтій спустя, русскія войска помогали „венгерской и богемской“ королевѣ въ Силезіи, то русскіе генералы нашли бы тѣ названія и на русской картѣ подъ нѣмецкими формами: Одеръ, Ципна, Козель, Тропау, Леобшицъ, Гоцеплоцъ, Насидель, и такъ бы о нихъ и говорили, какъ они говорили, въ своихъ донесеніяхъ, о Одеръ, Нейсе, Бейтенъ, Глогау, Бреславль и пр. Русскіе послы къ римскому цесарю, королю угорскому и чешскому XVI в. ѣздили въ Прагу черезъ Оломонецъ (поль. Ołomuniec) въ муравской землѣ, Литомышль, Мето (Мейто, Мыто), Пардовице (Пардубице); но въ XVII в. ѣздили черезъ Маршинъ-Будовицъ (Mährisch-Budwitz, чеш. Моравскіе Будѣёвице), Дейчбродъ и Бембродъ (Deutsch-Brod, Böhmisch—Brod, Бродъ чешскій и нѣмецкій) [2].

званіе Боимы, Боймане, считаемъ славянскимъ; срв. Archiv f. slav. Philologie VII. 617.

[1]) Полное собр. русск. лѣтописей II. 189. Софоновичъ, въ своей русской хроникѣ (1672), повторяя этотъ разсказъ галичско-волынскаго лѣтописца, счелъ нужнымъ измѣнить слово „угорскій“ въ „венгерскій“.

[2]) См. донесенія пословъ, дневники и пр. въ Памятникахъ дипломат. сношеній Россіи; донесенія русскихъ генераловъ изъ Силезіи 1759 г. см. въ московскихъ Чтеніяхъ 1887, I.

Вмѣстѣ съ разными этими чужими формами въ XVI в. сдѣлалось на Руси извѣстнымъ греческое названіе Руси—Ῥῶς, Ῥωσσία, Росы, Росія (Россы, Россія); и, подъ вліяніемъ латинско-греческаго Slavi, Sclavi, Sclavini, старинное Словѣне, Словене, Словяне измѣнялось въ Славене, Славяне; народная этимологія объясняла первое какъ „розсѣя, разсѣя", а другое отъ „слава". Но обѣ формы, Русь и Россія, Словене и Славяне, словенскій и славенскій, славянскій (вообще, и церковный языкъ), употреблялись смѣшанно, рядомъ, у одного и того же писателя. Книги печатались языкомъ „словенскимъ" и „славенскимъ", для всѣхъ православныхъ народовъ языка словенскаго и славенскаго, народа славено-россійскаго, россійскаго, велико-россійскаго, въ Великой и Малой Русіи-Росіи, болгарскаго, сербскаго, и пр. [1]).

Въ древнерусской географической номенклатурѣ встрѣчаются тоже старинныя общеславянскія названія разныхъ иноплеменныхъ („нѣмыхъ") народовъ, на пр. Литва (Ятьвягъ, поль. Jaćvęg), Нѣмцы, Сасы, Баворы, Угры, Волохи, (Влахи, Влохи=Римляне, Итальянцы, Румуны), Половцы (чеш. Плавцы, поль. Пловцы, нѣм. Falben, по цвѣту „полòвому"—плавому, flavus, falb), и др. [2]).

---

[1]) Срв. выше, стр. 435, и часто въ приводимыхъ нами въ подлинникѣ словахъ разныхъ авторовъ.

[2]) Половцевъ называли южные Славяне, какъ и Греки, Куманы (Команы); это названіе перешло потомъ и на Русь, гдѣ, не зная о его тождествѣ съ названіемъ Половцы, соединили его даже съ Русью (срв. выше, стр. 426, 428, 434). О названіяхъ Варягъ и Фрягъ см. стр. 432. Русскіе имѣли тоже свои названія мѣстностей балтійскаго литовско-чудскаго края, замѣненныя потомъ, со времени господства Нѣмцевъ и Шведовъ въ тѣхъ краяхъ, нѣмецкими и шведскими; такъ на пр. Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Юрьевъ (Дерптъ), Володимирецъ (Вольмаръ), Кесь (Венденъ), Раковоръ (Везенбергъ), Орѣховецъ—Орѣшекъ (Шлюссельбургъ), и др. Въ космографіи XVII в. прусскій Кенигсбергъ (по-польски Królewiec, по-чеш. Královec) называется—по польскимъ источникамъ—„Королевицъ, по немецку Кинсбергъ нареченный, который король ческій (Премыслъ II Отакаръ) поставилъ". (А. Попова Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 489). О русской географической номенклатурѣ см. Як. Головацкаго Географ. словарь западнославянскихъ и югослав. земель (Вильна 1884, предисловіе).

3. *Зачатки русской славистики. Азбуковники.*

Знаніе другихъ славянскихъ языковъ на Руси относилось прежде всего къ языку словѣнскому, который распространился на Русь отъ части изъ подунайскихъ странъ, а потомъ преимущественно изъ Болгаріи. Этотъ „словѣнскій (словенскій, словянскій, славенскій, славянскій)“ языкъ сдѣлался и на Руси языкомъ церкви и литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ и звеномъ соединяющимъ культурную жизнь Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ. Посредствомъ этого словѣнскаго языка и литературы Русскіе ознакомлялись тоже съ особенностями его болгарскихъ и сербскихъ изводовъ и тѣмъ самимъ и съ особенностями живыхъ языковъ болгарскаго и сербскаго, которые—подобно русскому—повліяли на письменный языкъ словѣнскій [1]). Кромѣ этого церковно-литературнаго пути знаніе югославянскихъ языковъ на Руси распространялось и практически, въ слѣдствіе сношеній Руси съ славянскимъ югомъ. Изъ западно-славянскихъ языковъ Русь знакомилась прежде всего съ языкомъ сосѣднихъ Ляховъ, съ которыми Русскіе находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Польскій (лядьскій) языкъ распространился со временемъ во всей югозападной Руси, сдѣлался роднымъ языкомъ высшихъ ея словевъ, повліялъ на ея литературный языкъ и на ея нарѣчія, сдѣлался извѣстнымъ и въ сѣверовосточной Руси; а польская литература пріобрѣла важное культурное значеніе и на Руси, преимущественно югозападной. Чешскій языкъ былъ на Руси конечно менѣе извѣстенъ, чѣмъ польскій; больше его знали на Руси югозападной, особенно карпатской, которая посредствомъ сосѣднихъ Словаковъ могла ознакомляться и практически съ особенностями этого западно-славянскаго языка. Чешскій языкъ знали, болѣе или менѣе, и русскіе переводчики библіи и другіе книжники которымъ онъ давался тѣмъ легче, что они знали польскій

---

[1]) Обширно см. въ послѣдней главѣ о судьбахъ словѣнскаго языка у Славянъ.

языкъ. [1]) Русскіе книжники-филологи, занимаясь преимущественно словѣнскимъ языкомъ, обращали вмѣстѣ съ тѣмъ большее или меньшее вниманіе и на остальные славянскіе языки. Многочисленность буквъ въ словѣнской азбукѣ, въ сравненіи съ другими, интересовала сѣверно-русскаго новгородскаго книжника XVI в., Евдокима (во иноцѣхъ Евѳимія); онъ въ статьѣ „Бесѣда о грамотѣ и ея строеніи", на вопросъ: „чесо ради многи буквы во азбуцѣ словенскои, не како во иныхъ племенехъ"— отвѣчаетъ: „Понеже мнози усѣдци (поселенцы) языка того, по коемуждо усѣдцу и буквы изложены; Руси ради *ѣ*, а сіе ради Полящъ (Поляковъ) *ѫ* а глаголется гугниво, а сіе ради Болгаръ и Русскихъ и Полящъ *б*, *ж*, *з*, *ч*, *ш*, а сіе ради всѣхъ Словенъ *ц*, *ъ*, *ы*, *ь*, *е*, *ю*, *ѧ*; а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣніемъ была" [2]).

Русскимъ книжникамъ пришлось заниматься не только другими славянскими языками, а тоже русскими нарѣчіями. Въ слѣдствіе политическаго раздвоенія Руси на двѣ половины, на югозападную и сѣверовосточную, образовался и развивался дуализмъ русскаго языка въ письменности не строго церковной. Въ югозападной, польско-литовской Руси, на основаніи тамошнихъ нарѣчій а позже подъ вліяніемъ польскаго языка, образовался какой-то искусственный письменный языкъ для свѣтской литературы, который въ Москвѣ называли, хотя не совсѣмъ вѣрно, „бѣлорусскимъ"; подобно тому и въ сѣверовосточной, московской Руси въ свѣтской литературѣ употреблялся болѣе народный языкъ русскій. Рядомъ съ этими обоими видами русскаго языка господствовалъ старинный языкъ церкви и книжниковъ, языкъ

---

[1]) О языкознаніи въ древней Россіи см. статью Сухомлинова въ Ученыхъ запискахъ II отд. Имп. академіи наукъ 1854, I. 177—260. О польскомъ и чешскомъ языкахъ на Руси см. обширно въ III томѣ этого нашего сочиненія.

[2]) В. Григоровича: Статьи касающіяся древняго словянскаго языка (Казань 1852, стр. 29—30). Любопытно было бы ближе узнать тѣ сборники новгородской софійской библіотеки, откуда Григоровичъ сообщаетъ эту выписку, и рукопись граматикъ въ библіотекѣ Царскаго (N-го 39). Евдокимъ, какъ видно, зналъ еще значеніе *ѫ* (польскаго гугниваго ą), что тогда было уже забыто.

„словенскій, славенскій, славянскій“, который однако значительно подчинился народному русскому языку, сдѣлался „славенороссійскимъ“. Правила этого славенскаго языка установлены западнорусскимъ книжникомъ Мелетіемъ Смотрицкимъ въ его славенской граматикѣ (1619), которая принята и въ Великой Россіи и напечатана въ Москвѣ (1648). Малорусскіе книжники нерѣдко примѣшивали и въ свои славенскія сочиненія простыя слова русскія и латинско-польскія, употребляли и въ богословскихъ сочиненіяхъ (не строго церковныхъ литургическихъ книгахъ) свой „бѣлорусскій“ языкъ, перемѣшанный латинскими и польскими словами. Великорусскіе книжники освободились отъ славенскаго, славено-россійскаго языка меньше, чѣмъ малорусскіе, да они нерѣдко смѣшивали оба названія „словенскій-славенскій-славянскій“ и „русскій-россійскій“, тѣмъ болѣе, что на Руси и у другихъ Славянъ вкоренилось мнѣніе, что „русскій“ языкъ—старинный языкъ „словенскій“. Еще въ концѣ XVII вѣка иностранецъ Лудольфъ замѣтилъ, что безъ помощи славянскаго языка никто изъ Русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ; напротивъ въ домашней жизни не употребляется одинъ славянскій языкъ, потому что многихъ словъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій; по этому считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски —loquendum est russice, scribendum slavonice [1]).

При живыхъ сношеніяхъ обѣихъ половинъ Руси, югозападной и сѣверовосточной, книги западно-русской печати распространялись и въ сѣверную Русь, и перепечатывались въ Москвѣ, хотя на нихъ здѣсь нерѣдко смотрѣли съ подозрѣніемъ какъ на произведенія ополяченныхъ и олатиненныхъ „черкасниковъ, ляшенковъ, обливанниковъ“, привыкшихъ къ „латинскимъ всякимъ обычаямъ и мудрованію“; да въ концѣ XVII в. въ Москвѣ осуждены „новотворныя кіевскія книги“. Перепечатывая или списы-

---

[1]) Hen. Ludolfi: Grammatica russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam (Oxonii 1696).

вал эти книги, Великорусы, конечно, сочли нужнымъ измѣнять ихъ языкъ, который—за исключеніемъ литургическихъ книгъ—изобиловалъ полонизмами. Такъ на пр. книга южнорусскаго монаха Кирилла Транквиліона Ставровецкаго „Зерцало богословія“ (въ Почаевѣ 1618), написанная смѣсью изъ языковъ церковно-славянскаго (съставлена, въздухъ и воздухъ, чжвство!, єзеро, слана, даде), и западно-русскаго (валка, суптельного, жрждло! т. е. źródło, промень, напродъ, перегорода, солоность), понравилась и въ Москвѣ, гдѣ діаконъ Өеофанъ ее „преписа, преврати и переправи съ бѣлоросійскаго (белоросіиского) на истинный языкъ словенскій (славено-россійскій)“; Өеофанъ на пр. вмѣсто суптельного пишетъ тонькаго, вм. грубшего - дебелѣйшаго, вм. жрждла—пучины, вм. бжль (! т. е. ból)—болѣзнь, вм. солнце уставичне ходячи надъ моремъ окияпскимъ вытягаетъ променьми своими парею суптелною або мглами сладость водную – солнце присно ходя надъ моремъ влечетъ лучами своими и тонькимъ воскуреніемъ, и пр. [1]). Московскій издатель Бесѣдъ св. Іоанна златоустаго (1709, по кіевскому изд. 1623 г.) заявляетъ, что онъ передѣлалъ и исправилъ языкъ и правописаніе па „правописаніе и праворѣчіе великороссійское правильное по ученію грамматистовъ и любомудрецевъ, во училищахъ издревле и донынѣ обдержимому; а малороссійская примрачная рѣченія изъяснихомъ обыкновенными“. Этотъ дуализмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ исчезъ только въ XVIII вѣкѣ, по мѣрѣ культурно-литературнаго перевѣса сѣверной Руси, Москвы и Петербурга,

---

[1]) Рукописи 1674 г. (Буслаева Истор. христоматія стр. 1030) и 1676 г. (Строева Рукописи Царскаго, стр. 74); срв. тоже Описаніе рукописей Троицкой Сергіевой лавры I. 190. О книгахъ Ставровецкаго и его Евангеліи учительномъ (1619 г.) см. Пекарскаго Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. П. 16, Строева Описаніе старопечатныхъ книгъ гр. Толстова, N-го 64. Неправильное употребленіе юса въ книгѣ Ставровецкаго—слѣдъ волошско-болгарскаго извода словѣнскаго языка, распространившагося и въ южной Руси. См. статью Любимова: Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. (Журналъ министер. нар. просв. 1875, томы 180 и 181)

надъ южною Русью, Кіевомъ и Львовомъ, и почти полнаго ополяченья западно-русской интелигенціи, которая предпочитала говорить и писать по-польски.

Въ XVI и XVII вѣкахъ составлялись на Руси энциклопедическіе сборники, т. наз. *азбуковники* или *алфавиты*, по которымъ учились—на равнѣ съ букварями—и въ школахъ. Въ такихъ азбуковникахъ помѣщались краткія свѣдѣнія изъ разныхъ отраслей человѣческаго знанія, не только слова изъ разныхъ языковъ, записанныхъ безъ всякой системы, какъ попалось, а тоже разныя замѣтки изъ географіи, исторіи, естественныхъ наукъ, выписки изъ лѣтописей и хронографовъ, и пр. Кромѣ славянской, русской азбуки встрѣчается здѣсь тоже азбука польская; слова изъ языковъ словѣнскаго, болгарскаго, сербскаго, тоже хорватскаго, на пр. узрокъ, худогъ, цѣща, штудъ, ашутъ, жупелъ, жупица, бисеръ и др.; слова изъ языковъ польскаго и „литовскаго" т. е. западно-русскаго, на пр. гетманъ, гуфы, жартъ, жолнеръ, звитяжца, кохаю, цнота, скарга, нендзный, и пр.; тоже нѣкоторыя слова чешскія, на пр. арха, авехъ, саранча (!), „астоквучій, астхвучи, столквучій"—бѣлъ или чистъ (т. е. чешское stkvúcí, сіяющій), евнухъ—каженникъ, по-чешски коморникъ, и пр. [1]). Изъ польскаго языка приводятся тоже нѣкоторыя молитвы писанныя русскимъ письмомъ, на пр. Ойче нашъ, кутурый есть въ небесѣхъ, свенце имя твое и пр., Здрава Марія ласки божіей пелна, панъ съ тобо и пр., Верре (т. е. wierzę) въ бога ойца вше магонцего, сътворителя неба и земли, и т. д. Въ азбуковникахъ встрѣчаются географическія и историческія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ русскихъ лѣтописей, хронографовъ, космографій и другихъ источниковъ, на пр. Кривичи-Смоляне; Иллирикъ Словяникъ (!), еже есть въ Моравіи (по первоначальной лѣтописи и по словарю Берынды: Иллирикъ-Словакъ), Моравы-Иллири-

---

[1]) Послѣднее объясненіе основывается на смѣшеніи словъ сербскаго казнецъ (казнецъ—казначей, казна—camera, комора, чеш. komornik) и каженикъ, что въ азбуковникѣ и въ славено-российскомъ лексиконѣ Берынды (1627, 1655) объясняется: скопецъ, евнухъ, юноша царскій, рѣзанецъ, валахъ.

ки; Болгаре, Басани, Словяне, Сербяне, Русь, во всѣхъ единъ языкъ (изъ хронографа); Болгарская земля по Дунаю, идѣже угорская земля, въ ней же вселися прежъ Славяне; Аѳонская гора по-гречески, а по-славенски безсмертная (! т. е. по слову: аѳанатосъ—безсмертный); Роксыляне —Роксоляне, Словяне, Сарматы—Татарове, Скифъ—козарскій Татаринъ, Кавкасіяне—Угряне, а индѣ Угрянъ Венгрянами нарячутся, и пр. Въ азбуковникахъ помѣщается разсказъ начальнаго лѣтописца о раздѣленіи языковъ Сима, Хама, Афета; въ числѣ послѣднихъ были тоже Словяне, Морава, Чеси, Хорваты, Сербы. Хорутане, Ляхове, Поляне, Лютичи (Лiутицы), Мазовшане, Поморяне, Древляне, Сѣверяне, Словяне новгородскіе и др.; дальше въ азбуковникахъ находится статья болгарскаго черноризца Храбра о словенскихъ письменахъ, о ихъ изобрѣтеніи Константиномъ-Кирилломъ философомъ во время Бориса царя болгарскаго, „Растица“ князя моравска, и Коцела князя блатинска. „Такъ есть разумъ, братіе, богъ далъ Словеномъ, ему же слава и честь и держава и поклоненіе нынѣ и присно и въ безконечные вѣки, аминь“—повторяетъ за Храбромъ и русскій писецъ и потомъ и составитель азбуковника. Говоря „о словенстѣй азбуцѣ св. Кирилла“, составители азбуковниковъ прибавляютъ, по распространному съ XV вѣка мнѣнію, что Константинъ „научи Моравлянъ и Болгаръ и Славянъ, си есть насъ, вѣрѣ Христовѣ, и преложи грамоту греческую на россійскій языкъ прежде крещенія россійскія земли за 160 лѣтъ. . царь Михаилъ, по прошенію Болгаровъ и Славянъ, даде имъ архіерея, еже крестити Русы“ [1]. Къ сказанію о словенскихъ письменахъ прибавлялось тоже „толкованіе именъ человѣческихъ“, и разсказывалось, что „прежде убо Словяне еще суще погани и не имяху книгъ, понеже не разумѣяху писаній, и того ради и дѣтемъ своимъ даяху имяна: Богданъ, Баженъ, Второй, Третьякъ, яже нынѣ прозвища имянуются; добра суть и та“. Но потомъ крещенные Славяне давали себѣ имена христіанскія, но чужія, которыя „намъ Словяномъ неудобь вѣдома“,

---

[1]) См. выше, стр. 280, 431, 454.

и по этому надо ихъ толковать, „дабы разумни намъ Словяномъ были". на пр. Андрей—мужество, Василій—царство, Евѳимій—благодушіе; нѣкоторыя христіанскія имена тоже словенскія, на пр. Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ, Всеволодъ. Толкуя о разныхъ наукахъ, составители азбуковниковъ иногда приводятъ ихъ какъ-бы говорящими къ ученикамъ, на пр. *Софія*—азъ есмь премудрость, тако бо нарицаюся греческимъ языкомъ, словенскимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете, нарицаюся мудрость; *Діалектика*—по сладчайшему же ми словенскому языку Словесница нарицаюся; *Ариѳметика*—сладчайшимъ же мнѣ русскимъ языкомъ числительница, и пр. [1]). Часто узнавали учащіеся изъ этихъ азбуковниковъ удивительныя вещи. Такъ на пр. въ нихъ говорится, по выпискѣ изъ какой-то космографіи, что „великаго благочестія свѣтлосіятельное государство россійскаго царства" находится въ Азіи, а только край его въ Европѣ, что черезъ это царство протекаетъ „Катаинская рѣка" (т. е. Волга) въ „Хвалижское" море и пр.; на другомъ мѣстѣ приводятся примѣты, „какимъ способомъ можно узнать настоящаго философа", по словамъ Максима Грека, оставившаго эту ученость „въ память словеноросеійскому роду въ Афетороссіи" (т. е. Россіи Іафета): въ числѣ примѣтовъ совершеннаго философа приводится и то, если кто къ славянской азбукѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ философъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ греческаго алфавита. Одинъ изъ такихъ составителей азбуковника начала XVII в. разсуждаетъ—довольно безграмотно [2])—о разныхъ племенахъ славянскаго языка: „Понеже ини разно глаголютъ вси усѣдцы языка сего, развѣе многимъ вѣщаніемъ согласоваются и ни многими переводчиками, и сіе не до зѣло что поразумнилися, и се Русіяне иже не многіи, но

---

[1]) Въ одной рукописной ариѳметикѣ конца XVII в. въ числѣ разныхъ стиховъ предисловія сказано: Въ строкахъ считаніе Славяномъ не обычны. (Пекарскій: Наука и литература при Петрѣ Вел. I. 266).

[2]) По нѣкоторымъ формамъ кажется, что авторъ былъ Волохъ или Болгаринъ, который не умѣлъ склонять по-славянски.

на Москви, Понизове, Великій Новогородъ, Псковъ, а сѣверская страна. Азъ же многогрѣшне перебродя литовская Полша, Краковъ, Русь, Вилне, Подолія, Волыня, и другая; слышахъ Словяне, Сербы, Болгары, Волоси, а третія часть, яже азъ знаю, Чехове, Гусареве (!), Мозовляне, Подгоряне, Поляне, Меделяне (!) Поляне же и иии мнозѣ во всѣхъ частехъ и ордяхъ, зѣло знаю, поразнилися, понеже градъ, то и пословица, но паки московская рѣче особна" [1]).

4. *Славяновѣдѣніе въ русской литературѣ XVIII вѣка. Петръ Великій и его просвѣтительная дѣятельность. Копіевичъ, Поликарповъ, Манкіевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій и др. Языки славянскій и русскій. Екатерина II.*

Геніальный, по истинѣ великій царь Петръ Алексѣевичъ, стремясь всячески поднять Русь на высшую степень могущества и просвѣщенія, обратилъ свое вниманіе тоже на отечественный языкъ и исторію, и вмѣстѣ съ тѣмъ и на исторію остальныхъ Славянъ. Царь Петръ и его сподвижники знали другихъ Славянъ не только теоретически, по книгамъ, а тоже практически; они, путешествуя часто въ Польшѣ и въ средней Европѣ, могли ознакомляться, болѣе или менѣе, съ остальными Славянами, съ ихъ языкомъ и вообще съ ихъ положеніемъ; кромѣ того многіе Славяне, особенно южные, поступали на русскую службу, и царь могъ отъ нихъ услышать живую рѣчь „словинскую" (хорватско-

---

[1]) О нѣкоторыхъ азбуковникахъ см. *Востокова* Описаніе рукописей Румянцев. Музея, N-го 1—4; Азбуковникъ (по рукописямъ XVI—XVII вв.), напечатанный у *Сахарова* Сказанія русскаго народа, II. 137—191; *Карповъ*: Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки (Казань 1877). Срв. статьи Д. *Мордовцева* о русскихъ школьныхъ книгахъ (Москва 1862, изъ журнала Чтенія), *Ширскаго* о древнерусскихъ словаряхъ и *Баталина* объ азбуковникахъ (въ воронеж. Филологическихъ Запискахъ 1869 и 1873). Азбуковникъ въ сборникѣ списанномъ въ 1640 г. чернцомъ Макаріемъ въ Переславлѣ залѣскомъ (Описаніе славян. рукописей библіотеки святотроицкой Сергіевой лавры, II. стр. 238).

сербскую), равнымъ образомъ какъ онъ въ Польшѣ слышалъ польскую рѣчь, а въ Чехіи и въ Вѣнѣ, отъ приставленныхъ къ нему чешскихъ шляхтичей (на пр. графа Чернина), чешскую рѣчь. Петръ, конечно, зналъ хорошо, что всѣ эти славянскіе языки похожи, что всѣ эти западные и южные Славяне могутъ легче привыкнуть къ русскому языку, какъ онъ это самъ замѣтилъ у такихъ Славянъ на русской службѣ, у Савы Владиславича, Милорадовича, Змаевича и др. Петръ вздумалъ воспользоваться помощью свѣдущихъ людей изъ западныхъ и южныхъ Славянъ, привлечь на русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно такихъ, которые бы понимали по-польски и по-чешски [1]). Онъ—по старой памяти еще тѣхъ временъ, когда Чехія и Прага занимали почетное мѣсто среди европейскихъ странъ и народовъ—обратилъ свое вниманіе особенно на Чеховъ; они то, „Бемчане" вмѣстѣ съ Моравцами и „Шлензами" (Слезаками), которые знаютъ „пословенски", могли ему доставить опытныхъ канцеляристовъ „шрейберовъ". Петръ предполагалъ, что и чешскіе „комедіанты, которые умѣютъ говорить по-славянски или по-чешски", могли бы—вмѣстѣ съ Нѣмцами—„тѣшить" русскую публику, и не обращалъ вниманія на то, что „языкъ ихъ зѣло трудно разумѣть". Наконецъ Петръ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ нѣкоторыя полезныя книги переводились въ Прагѣ у іезуитовъ „на словенскій языкъ"; но такъ какъ „нѣкоторыя чешскія рѣчи не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ", то въ Прагу послано нѣсколько русскихъ книжниковъ, которые съ помощью пражскихъ іезуитовъ переводили—уже съ чешскаго перевода нѣмецкихъ книгъ—на русскій языкъ: одинъ, Кроликъ, „на кіевское знаменованіе языка", а другой, Воейковъ изъ Москвы, „на славянскій". Но оба они скоро убѣдились, что „чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно", и что лучше переводить прямо съ нѣмецкаго на русскій

---

[1]) Подробности у П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ (СП. 1862, 2 т.), тоже у Соловьева Исторія Россіи (тѣхъ временъ).

языкъ. О помощи разныхъ свѣдущихъ людей изъ Славянъ западныхъ и южныхъ Петръ не переставалъ помышлять до конца жизни, хотя онъ долженъ былъ рано убѣдиться, что забитые и придавленные Чехи и южные Славяне могутъ въ его реформахъ быть мало полезными помощниками; а Поляки не могли уже доставлять ни шрейберовъ и ученыхъ, ни инженеровъ и мастеровыхъ. Петръ, постоянно думая объ учрежденіи академіи наукъ въ Петербургѣ, еще въ концѣ своей жизни разсматривалъ (1724 г.) проектъ академіи (вмѣстѣ съ университетомъ), и замѣтилъ, что надлежитъ по два человѣка еще прибавить къ каждому ученому для подготовки молодыхъ людей, которые могли бы заступить ихъ мѣсто, „которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ приказалъ русскому дипломатическому агенту въ Вѣнѣ пріискать двѣнадцать студентовъ изъ Славянъ; но опять-таки оказалось, что славянскій языкъ весьма мало въ употребленіи у студентовъ, такъ какъ имъ пренебрегаютъ даже тѣ, которые происходятъ изъ Славянъ [1]). И такъ изъ западныхъ и южныхъ Славянъ немногіе могли приносить пользу Россіи, а первыми помощниками Петра въ его преобразованіяхъ въ области духовной и литературной, явились югозападные Русскіе, изъ недавно отъ части возсоединенной съ Великою Россіею Малой Россіи, сыны „малороссійскаго народа", который — какъ обязывался гетманъ Мазепа (1687 г.)—долженъ былъ „всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединяться и въ неразорванное и крѣпкое согласіе приводиться супружествомъ и инымъ поведеніемъ" [2]). Эти югозападные Русскіе, воспитанники латинско-польской учености, кіевской академіи, уже во второй половинѣ XVII в. призывались въ Москву „ради наученія славено-россійскаго народа", какъ на пр. Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и др. Эти малорусскіе дѣятели

---

[1]) Пекарскій: Исторія имп. академіи наукъ (СП. 1870, I. стр. XXX).

[2]) Маркевичъ: Исторія Малороссіи III. 315. Срв. выше, стр. 465.

и писатели,—вмѣстѣ съ славено-россійскими книгами печатаемыми въ югозападной Руси (въ Вильнѣ, Острогѣ, Львовѣ, Кіевѣ, Черниговѣ и др.) и распространяемыми изъ Бѣлой и Малой Руси въ Великую Русь,—прививали и въ послѣдней первые зачатки европейской образованности уже въ XVII в., и потомъ при Петрѣ: Стефанъ Яворскій, Өеофанъ Прокоповичъ, Өеофилактъ Лопатинскій, Палладій Роговскій, Гавріилъ Бужинскій, Іосифъ Туробойскій, Илья Копіевскій и др. Нерасположеніе великорусскаго духовенства къ малорусскому продолжалось и при Петрѣ и дольше, такъ какъ именно югозападные Русскіе помогали въ разныхъ нововведеніяхъ и преобразованіяхъ. Но эту роль раздѣляли они съ многими иностранцами, преимущественно Нѣмцами, главными помощниками Петра въ дѣлѣ преобразованія быта сѣверно-русскаго народа [1]). Славяне, живущіе внѣ русскаго царства, не могли въ области просвѣщенія тягаться съ Нѣмцами, далеко ихъ опередившими; а Россія, нуждаясь въ просвѣщеніи, должна была прибѣгнуть именно къ помощи тѣхъ Нѣмцевъ, которые такъ пугали одного изъ самыхъ усердныхъ ревнителей просвѣщенія на Руси второй половины XVII в., Юрія Крижанича [2]).

Важенъ былъ вопросъ о языкѣ, на какомъ писать новую свѣтскую литературу. Петръ, конечно, хорошо различалъ оба вида употребляемаго тогда литературнаго языка, языкъ русскій, россійскій на пр. русскихъ дипломатовъ (посольскаго приказа), народный и болѣе простой и „внятный", и витіеватый языкъ славенскій, славянскій, славено-россійскій русскихъ книжниковъ, воспитанниковъ духовныхъ академій кіевской и московской. Петръ требовалъ отъ авторовъ или скорѣе переводчиковъ свѣт-

---

1) См. выше, стр. 414—415.

2) Какой кругъ дѣятельности открылся бы Крижаничу, если бы онъ могъ дѣйствовать на Руси на полъ вѣка позже, при Петрѣ! Оба Славянина, русскій царь и хорватскій ученый, понимали бы другъ друга какъ нельзя лучше, и Крижаничъ могъ бы исполнить многія желанія и планы Петра въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и наукъ въ Россіи.

скихъ книгъ, чтобъ они писали просто, „внятно, простымъ обходительнымъ русскимъ, россійскимъ языкомъ, а не высокими словами словенскими“, внушалъ имъ, что „высокихъ словъ славенскихъ класть не надобеть, по посольскаго приказу слова употреблять“. Петръ не забылъ и о учащейся молодежи и велѣлъ издать букварь вмѣстѣ съ краткимъ катихизисомъ (1722) на болѣе простомъ языкѣ, „понеже таковыя книжицы славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія“. Объ этомъ простомъ русскомъ-россійскомъ языкѣ думалъ Петръ и тогда, когда онъ—слѣдуя общей привычкѣ—приказывалъ переводить книги свѣтскаго содержанія на языкъ „словенскій, славенскій“; о немъ думали и переводчики. По этому языкъ такихъ свѣтскихъ книгъ называется то русскимъ-россійскимъ, то словенскимъ-славенскимъ, при чемъ послѣдній такой-же какъ первый; въ такихъ книгахъ (повѣстяхъ, исторіяхъ, географіяхъ, геометріяхъ, математикахъ, календаряхъ, сочиненіяхъ по военному и морскому дѣлу и пр.), издаваемыхъ то на „россійскомъ“ то на „славенскомъ“ языкѣ, авторамъ и переводчикамъ нельзя было обойтись безъ разныхъ: абіе, аще, зѣло, градъ, брегъ, младые, отроцы, словенскаго, разверзеніе очесь, быти и будеши, азъ потщахся, издадеся, ублажиша, чтуще и пр., встрѣчающихся рядомъ съ: человѣкъ, королевство, коротчайшій, славянского, отроки, знать, и пр.

Трудно было русскимъ книжникамъ начала XVIII в. опредѣлить научнымъ образомъ характеръ простого „русскаго, россійскаго“ языка, на который царь Петръ велѣлъ переводить книги свѣтскаго содержанія. Въ школахъ господствовали славенскій букварь и славенскій словарь Федора Поликарпова, славенская граматика Мелетія Смотрицкаго, которую Поликарповъ издалъ вновь въ 1721 г., предполагая, что эта славенская граматика можетъ послужить и новымъ переводчикамъ разныхъ книгъ на славенскій діалектъ. Этотъ „славенскій“ языкъ Поликарповъ, въ своемъ славенскомъ лексиконѣ (1704), считаетъ вообще литературнымъ, который „славено-россійскіе отроки“ должны изучать, и называетъ его тоже „росскимъ“ и „великороссійскимъ“; онъ приводитъ изрѣдка тоже формы: человѣкъ, клада просто ко-

люда, градъ или городъ, бородка зри брадица, зорочекъ зри зѣница, собака зри песъ, и пр. Но славенскій словарь Поликарпова не понравился Петру; царь поручилъ Поликарпову и въ послѣдствіи составлять лексиконъ и возвращалъ его для исправленія, находя трудъ Поликарпова „не очень благоугоднымъ"; онъ требовалъ, чтобъ книжникъ составилъ, по присланнымъ ему двумъ словарямъ латинскимъ, словарь латинско-словенскій и словенско-латинскій, но чтобъ онъ и въ лексиконѣ, какъ и въ другихъ книгахъ употреблялъ не высокія слова словенскія, а писалъ простымъ русскимъ языкомъ [1]).

Граматика Смотрицкаго была для русскихъ книжниковъ источникомъ всѣхъ ихъ премудростей. По ней составилъ Илья Копіевичъ (Копіевскій) и издалъ въ 1706 г. въ Штольценбергѣ (предмѣстьѣ Гданска) свое „Руководеніе въ грамматыку славянороссійскую или московскую ко употребленію учащыхся языка московскаго — Manuductio in grammaticam sclavonico-rosseanam (russicam) seu moscoviticam in usum discentium linguam moscoviticam" Позже Федоръ *Максимовъ* передѣлалъ и сократилъ граматику Смотрицкаго (Грамматика славенская въ кратцѣ собранная, 1723), и замѣчаетъ, что „наста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней (т. е. въ прежней) обдержатся славянскія реченія, россійски вмалѣ разумѣваема". Максимовъ выпустилъ членъ, употребляемый Смотрицкимъ, но въ славенской граматикѣ совсѣмъ лишній; выпущена тоже „стихотворная просодія Славяномъ, яко не нужна и едва употребляема" [2]). Другой книжникъ того времени, Малорусъ Иванъ *Максимовичъ*, въ своемъ латинскомъ словарѣ (1724), написанномъ въ пользу россійскихъ сыновъ, объясняетъ слова на языкѣ „словенскомъ, славенскомъ, славено-россійскомъ, славенскомъ или россійскомъ, русскомъ", что все у него означаетъ письменный языкъ славено-россійскій

---

[1]) Соловьева Исторія Россіи XVI. 289—290, Пекарскій I. 317.

[2]) См. выше, стр. 363.

(азъ, гласъ, совершихъ и пр.), тотъ же языкъ славенскій Поликарпова [1]).

Русскимъ книжникамъ и вообще всѣмъ воспитанникамъ тогдашнихъ школъ, имѣвшихъ въ виду церковное образованіе на славенскомъ языкѣ, трудно было съ разу разстаться съ привычными формами и стилемъ, и дѣлать уступки „подлому" простому разговорному русскому языку. Нужно было измѣнить воспитаніе и ученіе въ школахъ, заботиться о томъ, чтобъ дѣти учились не только „азбукѣ, часословцу, псалтири" на славенскомъ діалектѣ, а тоже другимъ предметамъ, и чтобъ убѣдились, что есть и другія науки, а не только граматика, считаемая „всѣхъ наукъ основаніемъ", какъ полагалъ Поликарповъ. Надо было возрасти новому поколѣнію, которое поняло бы неудобство славенскаго языка для свѣтской литературы. Не только этотъ языкъ, а тоже старое остроконечное церковное письмо, съ своими разными сокращеніями, надстрочными знаками, титлами, оксіями, варіями и пр., показалось Петру неудобнымъ для новой свѣтской, „гражданской" литературы. Оно должно было уступить болѣе простому круглому, „гражданскому" письму, устроенному на подобіе латинскаго; и съ 1708-го года русскія (славенскія) книги свѣтскаго содержанія печатались этою гражданкою, которая позже, въ концѣ XVIII вѣка, распространилась тоже къ Сербамъ и Болгарамъ [2]).

---

[1]) Максимовичъ жалуется, что „народъ россійскій, яко во бранѣхъ и ко бранемъ рожденный, между оружіемъ далечайшіе государства своего распространилъ предѣлы, оружіемъ самодержавія своего укрѣпилъ силу и паче солнца сіяющія воинскія достиглъ есть не мерцающія славы, паче о бранѣхъ, неже о книгахъ, паче о обученіи воинскомъ, неже обученіи школьномъ тщаніе имѣяше".

[2]) См. у Пекарскаго II. 642. Петръ на одномъ образцѣ новой азбуки собственноручно написалъ (1710): „Сими литеры печатать историческіе и манифактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять". См. Азбука съ исправленіями имп. Петра В. и указомъ его о введеніи въ употребленіе гражданскаго шрифта (СП. 1877, изданіе Общества любителей древней письменности). Связи босенской кирилицы въ печатныхъ книгахъ венеціянскихъ (см. выше, стр. 273) съ русскою гражданкою, конечно, дока-

Кромѣ языка и письма надо было обратить вниманіе и на стиль, надо было писать—какъ выражается Петръ—„просто, внятно, хорошимъ штилемъ“, какъ Петръ самъ писалъ и какъ онъ это видѣлъ у писателей западной Европы [1]). Это было легко сказать, но трудно найти такихъ писателей среди русскихъ книжниковъ, воспитанниковъ академій кіевской и московской, привыкшихъ къ витіеватой риторикѣ и безконечному пустословію. Этимъ книжникамъ трудно было на пр сказать просто, что черезъ столицу россійскаго царства Москву протекаетъ рѣка Москва, а они сочли нужнымъ пуститься въ риторику, что „Москва паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха“, какъ выражается одинъ изъ такихъ книжниковъ, Копіевичъ, въ своей исторіи и географіи (1699). Другой книжникъ тѣхъ временъ, Ф. Поликарповъ, желая сказать, что русская молодежь отправляется за границу учиться и переводить разныя книги на славенскій языкъ, и что по этому онъ издаетъ вновь славенскую граматику М. Смотрицкаго (1721), не могъ этой своей мысли передать иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: „яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози нынѣ различная государства пчелоподобно облетающе, да оттуду соберутъ себѣ благовонныя различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли, себѣ и прочимъ онымъ желателемъ, сладкій на славенскомъ діалектѣ сотъ, преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представити; но основателнаго къ преводу орудія (грамматики) лишающеся, и сами множицею того не получаютъ и иныхъ не удостояютъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти“, и пр.; а все это онъ еще

зать нельзя; но въ обоихъ видахъ новой кирилицы замѣтно желаніе упростить старый видъ церковнаго письма. При этихъ измѣненіяхъ нѣкоторыя буквы принимали иногда странный видъ. Извѣстенъ споръ двухъ педантовъ въ комедіи Сумарокова: которое *твердо* правильнѣе. о трехъ ли ногахъ, или объ одной ногѣ. См. любопытныя слова П. Шафарика о кирилицѣ въ предисловіи къ изданнымъ имъ памятникамъ югославянской письменности, стр. IV—V.

[1]) Срв. выше, стр. 400, образецъ стиля Петра.

называетъ „простымъ словомъ, оставя премудрымъ о томъ витійствовати“. Понятно, что практическому уму Петра такая напыщенная риторика не могла нравиться; онъ нерѣдко высказывалъ свое неудоволствіе на такія „не очень благоугодныя“ произведенія, и самъ ихъ исправлялъ, вычеркивалъ разное пустословіе, и возвращалъ ихъ авторамъ для исправленія. Книжники старались, на сколько могли, угодить царю, и тотъ же самый Поликарповъ, издавая повелѣніемъ царя свой „россійскій“ переводъ Географіи генеральной (1718), замѣчаетъ, что онъ переводилъ „эту многотрудную и премудрую книгу съ латинска на россійскій текстъ, не на самый высокій славенскій діалектъ, но множае гражданскаго посредственнаго употреблялъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи оригинала иноязычнаго“ [1]).

Русская литература начала XVIII в. была по большей части переводная, вызванная волею Петра, который велѣлъ самъ переводить и печатать книги по разнымъ отраслямъ наукъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія и европейской науки въ Россіи разсказы и мудрствованія старыхъ книжниковъ, авторовъ лѣтопи-

---

[1]) Петръ требовалъ отъ переводчиковъ, чтобъ они переводили не все, а выпускали и ненужныя разглагольствованія оригиналовъ, особенно нѣмецкихъ книгъ, кудрявый и темный стиль которыхъ не могъ быть по вкусу Петра. „Понеже Нѣмцы“, написалъ царь въ своемъ наставленіи переводчикамъ нѣмецкой книги о сельскомъ хозяйствѣ (1724), „обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самого дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты и для вразумлѣнія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерпя негодное), и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“. Подобно тому генералъ Брюсъ, переводившій тоже книги на русскій языкъ, жалуется однажды на „зѣло спутанный нѣмецкій штиль“ одной книги. Петръ приказывая морскому офицеру К. Зотову собирать французскія книги о мореплаваніи, велитъ ему „все перевесть на славянскій языкъ нашимъ штилемъ, а за штилемъ ихъ не гнаться“ (Пекарскій I. 157, 214, 300).

сей, хронографовъ, космографій, азбуковниковъ, лѣчебниковъ, ариомосовъ (безъ арабскихъ цифръ) и др., не могли удовлетворять вкусу и потребностямъ царя и учащихся Русскихъ, которые читали „славнаго историка Пуффендорфа"—какъ выражается Петръ—и другія произведенія европейской науки и литературы на разныхъ языкахъ [1]).

Петръ уже въ концѣ XVII в. приказалъ западному Русскому, Ильѣ *Копіевичу* (*Копіевскому*), сочинять и переводить разныя полезныя книги, которыя печатались церковнымъ письмомъ въ Амстердамѣ и въ другихъ городахъ за границею, на славянороссійскомъ языкѣ въ пользу „преславнаго народа славяно-великороссійскаго — celeberrimae gentis sclavonico-rosseanae", какъ выражается Копіевичъ въ своей латинской граматикѣ (1700). Копіевичъ между прочимъ, издалъ „Введеніе краткое во всякую исторію" (въ Амстердамѣ 1699); здѣсь онъ обращается къ русскимъ читателямъ съ извѣстною гордостью Славянина: „Вѣждь, православный читателю, яко не имѣяхомъ бы дерзновенія писати варварскому какову народу: но славянороссійскій народъ славно прославися, паче всѣхъ народовъ, своимъ благоразуміемъ. Прочія народы и порубежнаго не разумѣютъ языка. Славянороссійскій же народъ сіе дарованіе божіе имѣетъ, яко едва не всю Европу о своимъ языкѣ прейдетъ: не помяну здѣ Полскія земли, Прусъ, Чеховъ, Моравовъ, Венгровъ, Волошанъ, Слова-

---

[1]) „Введеніе въ гісторію европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языцѣ сложенное, таже чрезъ І. Ф. Крамера на латинскій преложенное. Нынѣ же повелѣніемъ Велікаго Государя Царя и велікаго Князя, Петра перваго, всероссійскаго Імператора, на россійскій съ латінскаго преведенное. Печатано въ Санктъ пітербурхѣ 1718". (Второе изд. 1723 г.) Переводчикъ, Гавріилъ Бужинскій, долженъ былъ, по прямому повелѣнію царя, оставить и въ своемъ переводѣ неблагопріятный отзывъ Пуффендорфа о Русскихъ. (Пекарскій I. 326). Бужинскій восхваляетъ царя, что онъ всегда „попеченіе имѣлъ, да историческія иноязычныя книги на славенскомъ языкѣ въ Россію происходятъ". Петръ велѣлъ перевести и другой трудъ Пуффендорфа De officiis hominis et civis на „словенскій діалектъ, внятно и хорошимъ штилемъ". (Пекарскій I. 213)

ковъ, Кашубовъ, Илліріянъ, даже до Азіи Россаномъ откровенный языкъ. Извѣстно же буди, яко не о вельможахъ или благородныхъ и дарованіе божіе имѣющыхъ, но точію о людяхъ простыхъ здѣ слово есть, понеже и тіи, отъ славы и дѣлъ славныхъ, именемъ и вещію, воистинно суть Славяне и вездѣ, но выжае описанныхъ земляхъ, со всѣми бесѣдовати удобѣе могутъ. Славніи Италіяне, Французы, но точію въ своей земли, за рубежемъ варвари тщеславніи. Славяноросcійскій же народъ, славный, не тщеславный, смирено-мудренно держится, аще же паче всѣхъ тѣхъ языкъ родоязычія имѣетъ". Копіевичъ находится подъ вліяніемъ книжныхъ премудростей, и производитъ на пр. Москву отъ Мосоха, праотца россійскаго; равнымъ образомъ онъ, въ изданномъ имъ славяноросcійскомъ переводѣ сочиненія кесаря Льва о дѣлахъ воинскихъ (въ Амстердамѣ 1700), смѣшалъ „крѣпкій и можный славяно-россійскій народъ" временъ-де отца Льва, Василія, съ „Славянами" (балканскими), разсказывая о первыхъ, что собственно относится ко вторымъ, что ихъ Василій крещеніемъ просвѣтилъ и властителей имъ уставилъ.

О величіи „славенскаго" языка, отца всѣхъ славянскихъ языковъ, говоритъ тоже другой русскій книжникъ тѣхъ временъ, справщикъ потомъ директоръ московской типографіи, Федоръ

---

[1]) Копіевичъ издалъ въ Амстердамѣ тоже „Притчи Эссоповы на латинскомъ и русскомъ языкѣ" (1700). Этою книгою воспользовался однажды Петръ въ одномъ дипломатическомъ дѣлѣ. Послѣ несчастнаго прутскаго мира Петръ принималъ посланника одной державы (вѣроятно Польши-Саксоніи), которая обѣщала Россіи свою помощь въ турецкомъ походѣ, но не сдѣлала этого; посланникъ поздравлялъ царя отъ имени своего государя, что Петръ, своею мудростью и божескимъ заступленіемъ, избѣжалъ великой опасности. Выслушавъ хладнокровно рѣчь дипломата, царь, вмѣсто отвѣта, спросилъ его, знаетъ-ли онъ по-латыни? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вынесъ изъ кабинета экземпляръ басенъ Эсопа, нашелъ въ нихъ басню „Козелъ и Лиса" (которые оба попали въ колодецъ, но лиса выбралась оттуда по рогамъ козла и стала надъ нимъ же смѣяться), и, указавъ это посланнику, покинулъ его съ словами: „Желаю вамъ покойной ночи". Изъ Вебера (Das veränderte Russland II. 22) приводитъ Пекарскій (Наука и литература при Петрѣ В. I. 22).

Поликарповъ, которому Петръ поручалъ переводы и изданія разныхъ книгъ. Въ словарѣ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище" (Москва 1704), изданномъ повелѣніемъ Петра, Поликарповъ замѣчаетъ, что онъ вмѣсто языка еврейскаго помѣстилъ „нашъ славенскій, яко по истинѣ отца многихъ языковъ благоплоднѣйша; понеже отъ него аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшимъ всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюду нашъ языкъ славенскій имѣетъ почесть, яко начало воспріятъ отъ самыя славы; ибо еже Грекомъ есть δόξα, Латиномъ gloria, сіе намъ есть слава, отнюдуже чрезъ имене производство отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріяша. Тѣмже убо, юже древле божественное писаніе воспѣ похвалу Виѳлеемскому граду: И ты (рече) Виѳлееме земле Іудова, ничимже меншій еси въ владыкахъ Іудовыхъ; тую похвалу мало нѣчто измѣнше, о языцѣ нашемъ славенскомъ, славѣ сонменитомъ, можемъ провѣдати: И ты роде и языче славенскій ничимже менши еси въ началныхъ родѣхъ и языцѣхъ... Славенскій нашъ діалектъ, тако славный и пространный отъ толикихъ вѣковъ, не токмо подъ державою благочестивыхъ нашихъ монарховъ расширяемый, но и по инымъ премногимъ странамъ употребляемый, даже до днесь словоположницы или источника себѣ не имяше, откуду бы наши природніи Славяне, и приходящіи иноземцы во обиліе себѣ бесѣды славенскія непримѣсныя почерпнули, чрезъ юже иновѣрніи негли мнози и въ благочестіе приходили быша. И того ради отъ разныхъ странъ приходящіи своестранная реченія въ разговоры и въ книги привнесоша, на прикладъ сербская, польская, малороссская. И тако рѣснота и чистота славенская засыпася чужестранныхъ языковъ въ пепелъ" [1]).

Петръ желалъ имѣть „исторію россійскаго государства" съ исключеніемъ всѣхъ сказаній „о началѣ свѣта и о другихъ государствахъ", и поручилъ этотъ трудъ Поликарпову, внушая

---

[1]) См. тоже выше, стр. 474.

му „изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно“. Но Поликарповъ не былъ въ состояніи исполнить это порученіе царя, который призналъ его исторію тоже „не очень благоугодною“ (1716), и приказалъ составить по выпискамъ изъ Степенной книги краткій лѣтописецъ, и пока собирать историческіе матеріалы [1]). Иностранцы тоже не были въ состояніи написать русскую исторію, ни баронъ Гюйсенъ, ни абатъ Иванъ Крушала, Словенецъ, который съ помощью переводчиковъ долженъ былъ составить исторію, но не сдѣлалъ тоже ничего. Такъ какъ и въ иностранныхъ литературахъ не нашлось руководства по русской исторіи, то по необходимости старая кіевская „Синопсисъ“, перепечатанная гражданкою два раза при Петрѣ (1714, 1718), должна была представлять такое руководство и учебникъ. Вліяніе псевдо-ученой болтовни книги Синопсисъ сказалось и въ другихъ русскихъ хроникахъ XVIII вѣка, какъ на пр. въ рукописномъ сочиненіи „Ядро россійской исторіи“ А. *Манкіева* (1715), посвященномъ царю Петру. Въ этой книгѣ авторъ —вѣроятно Малорусъ—мудрствуетъ о происхожденіи Славянъ отъ Іафетовича Мосоха, праотца народовъ московскихъ, русскихъ, польскихъ, волынскихъ. чешскихъ, мазовскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, хорватскихъ и всѣхъ другихъ Славенъ, Славянъ, назвавшихся отъ славы (а не: склавы, невольники). Русы, Россіяне-Роксолане назвались отъ потомка Мосоха, князя Руса (а ихъ потомки Оскольдъ и Диръ). Александръ македонскій далъ Славянамъ жалованную грамоту, и римскій императоръ Августъ избѣгалъ борьбы съ храбрыми Сарматами Роксоланами-Россіянами; они позже двинулись отъ Волги (Волгаре, Болгаре) и заняли подунайскія страны, нын. Болгарію, Сербію, Боснію, Славонію, и даже завоевали Римъ („русскій“ князь Одоакръ). Болгаре, Русскіе и всѣ Славяне приняли письмо отъ греческаго кесаря въ 801 г. (о Константинѣ-Кириллѣ авторъ ничего не знаетъ); въ Кіевѣ стояли идолы Перунъ, Корсъ, Дассубъ; Варяги—балтій-

---

[1]) Повелѣніемъ Петра списана въ 1716 г. лѣтопись т. н. Нестора по рукописи Радивиловской, хранившейся тогда въ Кенигсбергѣ.

скіе Прусо-Литовцы, и Рюрикъ—потомокъ Пруса, двоюроднаго брата кесаря Августа, и т. д. Въ такомъ смыслѣ излагается русская исторія—по Стрыйковскому—безъ знанія начальной лѣтописи [1]). Такимъ образомъ оба эти руководства по русской исторіи, въ теченіе XVIII в. нѣсколько разъ издаваемыя, продолжали способствовать распространенію ложныхъ и превратныхъ разсказовъ о древней славянской и русской исторіи. Но верхъ совершенства такой „учености" о происхожденіи Славянъ представляетъ такъ назыв. Якимовская лѣтопись, которую сочинилъ неизвѣстный книжникъ первой половины XVIII в. на основаніи всевозможныхъ фантастическихъ повѣствованій. Здѣсь являются Словенъ, праотецъ Славянъ, основатель Славянска (Новгорода), его братъ Скиѳъ, и его потомки Бастарнъ и Вандалъ, которые всѣ владѣли землями восточной и юговосточной Европы. Изъ рода Вандала вышли Гардарикъ, Гунигаръ, Владиміръ, Буривой и др.; послѣдній и его сынъ Гостомыслъ воевали съ Варягами, изъ которыхъ прибылъ, по смерти Гостомысла, къ Славянамъ, Руси, Чуди и др., князь Рюрикъ, и пр. [2]).

Вліяніе „Синопсисъ" и вообще всѣхъ польско-русскихъ басенъ о происхожденіи Славянъ сказывается и въ малорусскихъ хроникахъ о козакахъ (XVII—XVIII вв.), составляемыхъ разными „славяно-козацкими" учеными, малороссійскими монахами и козацкими старшинами, о ихъ „сармато-козацкихъ" предкахъ. Въ этихъ хроникахъ являются Іафетовичи Славенъ (Словенъ), Росъ (Русъ), Мосохъ; козаки, народъ малороссійскій, происходятъ отъ славянскихъ Козаръ, которые воевали съ Греками и съ Карломъ Великимъ; этотъ истребилъ ихъ въ Панопіи (т. е. Обровъ-Аваровъ), а потомъ Нѣмцы истребили и другихъ Славянъ въ полабскихъ странахъ, такъ что съ тѣхъ поръ тамъ прекрати-

[1]) Хроника приписывалась князю Хилкову, и издана нѣсколько разъ (1770, 1784, 1791, 1799); срв. Востокова Описаніе рукописей Румянцева, стр. 391.

[2]) Якимовская лѣтопись сообщена Татищевымъ (см. ниже). См. П. Лавровскаго Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской (Ученыя записки втораго отдѣл. императ. академіи наукъ II.).

лось господство Славянъ и славянскій языкъ всячески истреблялся [1]). Другой козацкій философъ производитъ козаковъ, родъ „скиөо-славянскій“, изъ древней Гиркаліи (hircus—козелъ!), что-де Касахія Византійцевъ, или отъ каспійскаго моря: Каспіумъ-Саки=Касаки, а эти—древніе Касоги, и т. д. Такъ разсуждаютъ Боболинскій, Грабянка, Величко, Симоновскій, авторъ „Исторіи Малороссіи“ приписываемой Георгію Конискому, и др.

Петръ интересовался не только русскою исторіею, а тоже исторіею Славянъ вообще. Не удовлетворяясь сказками „ученыхъ“ въ родѣ автора „Синопсисъ“, Петръ поручилъ русскому послу въ Вѣнѣ Урбиху пріискать книги о языкѣ и происхожденіи славянскихъ народовъ; Урбихъ искалъ въ 1711—1712 гг. такія книги въ Прагѣ и въ Дрезденѣ (здѣсь онъ нашелъ книгу Авр. Френцеля о лужицко-сербскомъ языкѣ), и просилъ знаменитаго Лейбница составить такую статью. Лейбницъ, который давно интересовался русскимъ царствомъ и вообще славянскимъ міромъ, въ краткой статьѣ описалъ древнѣйшую исторію Славянъ (1712). Славяне происходятъ отъ Сарматовъ, жившихъ между Волгою и Вислою; къ нимъ принадлежали тоже Гуны и Роксоланы, позднѣйшіе Русскіе; съ VI вѣка Славяне распространились дальше на западъ до Лабы и на югъ до адріатическаго моря и за Балканъ (Болгаре отъ Волги). Лейбницъ еще два раза возвращается къ этому вопросу, и въ письмахъ Петру (1712 и 1715)

---

[1]) Мнѣніе о славянскомъ происхожденіи Козаръ было вообще довольно распространено. Этому способствовалъ тоже разсказъ житій Константина и Меөодія о ихъ дѣятельности среди Козаръ (Меөодій отправился туда съ братомъ, яко умѣяше языкъ словѣньскъ), и сближеніе „козаковъ“ съ „Козарами“. Св. Димитрій Ростовскій, помѣщая въ своихъ Четьихъ-Минеяхъ (часто издаваемыхъ съ конца XVII в. и въ теченіе XVIII в.) житіе (панонское) свв. Константина и Меөодія, прибавилъ здѣсь статью о Козарахъ, которые „бяше народъ скиөскій языка славенскаго или россійскаго; и Козаровъ имене память остася въ малороссійскомъ нынѣ воинствѣ крѣпкомъ“ (т. е. козаковъ). Еще Татищевъ, въ своей Исторіи россійской, считалъ Козаръ Славянами противъ Байера, считавшаго ихъ Турками; Тредьяковскій тоже считалъ Козаръ (косарей, гусаръ, козаковъ) Славянами.

говоритъ о распространеніи Славянъ изъ Сарматіи на югъ до Далмаціи и на западъ до Люнебурга, о Гунахъ-Славянахъ и ихъ царѣ Атилѣ [1]). Надо сожалѣть, что Лейбницъ ограничился своею коротенькою запискою, а не написалъ болѣе подробнаго изслѣдованія о древней исторіи Славянъ; онъ выпустилъ изъ нея всѣ мудрствованія о Іафетѣ и др., а считалъ ея источниками языкъ и древніе историческіе памятники [2]).

И такъ, Петръ не могъ добиться руководствъ по исторіи русской и славянской вообще. Находившійся на русской служ-

---

[1]) В. Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Вел. (СП. 1871), и Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница относящихся къ Россіи и Петру Вел (1873); о занятіяхъ Лейбница по славяновѣдѣнію см. статью Пекарскаго въ Запискахъ имп. академіи наукъ IV (1863). Лейбницъ уже въ концѣ XVII в. интерессовался вопросомъ, что это за „славянскій“ языкъ, на которомъ — по Лудольфу — пишутъ въ Москвѣ, въ какомъ отношеніи онъ находится къ языкамъ польскому, чешскому, югославянскому (около адріатическаго моря), и къ языку люнебургскихъ Славянъ (срв. нашу книгу Германизація балтійскихъ Славянъ, стр. 48). Лейбницъ знаетъ оба письма славянскія, кирилицу и глаголицу, происшедшія изъ греческаго; св. Іеронимъ не могъ изобрѣсти глаголицу, такъ какъ онъ былъ Илиръ, а древніе Илиры вовсе не были Славяне. Варяги—это славянскіе Вагры около балтійскаго моря, и „Рорикъ“ могъ быть датскій князь, отправившійся изъ Вагріи на Русь. и пр. Французскій ученый Foucher de Careil (Oeuvres de Leibniz, Paris 1862, t. IV. p. LXVIII) разсказываетъ, будто Лейбницъ, встрѣтившись съ Петромъ въ Торговѣ (1711), сказалъ царю слѣдующее: „Наше происхожденіе одинаково; оба мы Славяне; вы освободили отъ варварства самое большое государство міра, а я основалъ не менѣе обширную державу. Мы оба, виновники новыхъ вѣковъ, происходимъ изъ того народа, судьбы котораго не можетъ еще никто предсказать“. Но Фуше не сообщаетъ, откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе; у Герье не находится ничего подобнаго. Самъ Лейбницъ, на сколько знаемъ, не считалъ себя Славяниномъ, хотя онъ и зналъ, что его имя славянскаго происхожденія.

[2]) Den Ursprung und das Alterthum der sclavonischen Völker habe ich vorlängst ziemlich untersuchet und befinde, dass man zwei Mittel dazu habe: die Sprachen so die Völker reden und die alten Historien so von ihnen vorhanden. (Герье: Сборникъ, 210).

бѣ герцеговинскій Сербъ Сава Владиславичъ, зная славянскую исторію Дубровчанина Мавра Орбини, перевелъ ее на русскій языкъ; она издана потомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (1722), и Петръ интересовался ею на столько, что онъ, находясь, во время печатанія этой книги, въ Астрахани для персидскаго похода, требовалъ ея немедленной высылки [1]). Въ этомъ русскомъ переводѣ помѣщена статья „Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи, славянскихъ апостолахъ", въ которой авторъ, ссылаясь на разныхъ писателей (Нестора, Длугоша, Кромера, Гайка, Баронія и др.), возстаетъ противъ Орбини присвоившаго обоихъ апостоловъ Риму [2]). Такимъ образомъ некритическая книга Орбини, отпечатанная въ 1200 экземплярахъ, стала пособіемъ для изученія славянской, преимущественно югославянской исторіи, у Русскихъ и у Сербовъ и Болгаръ. Уже историкъ В. Татищевъ, прочитавши эту книгу скоро послѣ ея изданія, замѣтилъ, что „какъ токмо половину прочелъ, то сожалѣлъ о бумагѣ и времени туне потерянномъ, паче же и о томъ, что оная многихъ невѣдущихъ можетъ къ вѣроятію его басенъ и сущихъ лжей склонить и обмануть", такъ какъ Орбини причисляетъ къ Славянамъ и неславянскіе народы, производитъ Славянъ изъ Скандинавіи, приписываетъ имъ завоеваніе чуть не всей Европы,

---

[1]) См. выше, стр. 232; Соловьева Исторія Россіи XVIII. 193. Сава Владиславичъ, имѣя въ Дубровникѣ (Рагузѣ) домъ, назывался тоже „графомъ Рагузинскимъ". Дубровчанинъ Градичъ, посвящая Владиславичу свою оду на Петра (см. выше, стр. 387), называетъ родъ Владиславичей славнымъ властельскимъ (дворянскимъ) словинскимъ родомъ всей словинской области. Владиславичъ изучилъ хорошо тогдашній „россійскій" языкъ, но все таки сознавалъ свои ошибки противъ языка „отъ недовольнаго въ россійскомъ діалектѣ искусія". См. Пекарскій I. 252—255.

[2]) Эта статья приписывается О. Проковичу и такъ пишетъ и Татищевъ (Исторія россійская I. 468). Но Чистовичъ (О. Прокоповичъ и его время, стр. 591) приписываетъ статью Ѳеофилакту Лопатинскому.

Азіи и Африки, все на основаніи разныхъ книгъ, которыя онъ только приводитъ, но которыхъ онъ не читалъ [1]).

Просвѣтительная дѣятельность русскаго царя должна была —по словамъ Лейбница—принести пользу всему человѣчеству, преимущественно же Русскимъ и всѣмъ другимъ славянскимъ народамъ—den Russen und allen andern slavonischen Nationen [2]). Эта дѣятельность Петра возбудила среди Сербовъ желаніе, чтобъ она относилась тоже къ нимъ. Сербскій архіепископъ Мойсей Петровичъ, пріѣхавшій въ Россію поздравить Петра съ ништадтскимъ миромъ, проситъ его отъ имени своего народа прислать имъ учителей латинскаго и славянскаго языковъ и церковныхъ книгъ. „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: Гдѣ есть богъ ихъ?" Петръ послалъ Сербамъ учителей, церковныя книги, букварн и граматики [3]). Объ этой просвѣтительной дѣятельности южные Славяне вспоминали и позже, не менѣе, чѣмъ о его политической дѣятельности. Еще въ половинѣ XVIII в. одинъ сербскій старецъ монахъ въ южной Угріи восхвалялъ и прославлялъ молодому Обрадовичу великаго русскаго царя,

---

[1]) Исторія россійская I. 468. Впрочемъ упрекъ Татищева Владиславичу, („который лучше имѣлъ деньги, нежели книги читать"), что вѣроятно онъ „погрѣшилъ", а не Мавроурбинъ, несправедливъ.

[2]) Письмо Лейбница Петру 16 янв. 1712 (Герье: Сборникъ писемъ Лейбница, 207).

[3]) Соловьева Исторія Россіи XVIII. 194. Присланную тогда Сербамъ граматику М. Смотрицкаго (изданія Поликарпова 1721 г.) велѣлъ позже, въ 1755 г., митрополитъ „славено-сербскаго и валахійскаго народа" Павелъ Ненадовичъ перепечатать въ Рымникѣ (въ Валахіи), для „отроковъ сербскихъ желающихъ основательнаго наученія славенскаго діалекта"; въ этомъ изданіи перепечатано тоже напыщенное предисловіе Поликарпова, съ измѣненіемъ словъ „любомудрыхъ россійскихъ отроковъ" въ „сербскихъ", которые тоже „различныя училища пчелоподобно облетающе... могли бы сладкій на славенскомъ діалектѣ сотъ преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представити" и пр. Но это пчелоподобное облетаніе училищъ и писаніе славенскимъ діалектомъ принесло мало пользы сербскому народу; см. выше, стр. 306.

который ввелъ науки въ свое царство и чрезъ то пріобрѣлъ себѣ безсмертное имя „паче всѣхъ земледержцевъ“; онъ просилъ бога, чтобъ чаще производилъ на свѣтъ такихъ „человѣколюбивыхъ цесарей и цесарицъ“, которые бы могли „сву Европу, Сербію, Босну и Херцеговину, наши стари мило отечество, Болгаріу, Грецію и остале божіемъ раю подобне землѣ отъ тиранства, глупости и варварства избавити и освободити“. А въ то же самое время русскій посолъ въ Царьградѣ доносилъ своему правительству, что лучшія рѣчи турецкихъ Славянъ въ бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь. И дѣйствительно, исторія Петра Великаго явилась въ печати на славянскомъ югѣ раньше, чѣмъ въ Россіи, именно книга Орфелина, перепечатанная потомъ и въ Петербургѣ [1]).

Одинъ доморощенный славено-россійскій піитъ восхвалялъ царя Петра за его любовь къ наукамъ и за его могущество:

Откуду тому царю даръ таковъ явися,
 или съ народы его отъ Бога вселися—въ немъ разумъ?
Слышу, яко неученъ въ школахъ грамматики,
 а паши всѣ свободны знаетъ политики—порядно,
Во книжномъ чтеніи разумно читаетъ,
 читаемо же все благо разсуждаетъ—изрядно.
Устрашаетъ бусурманъ, агарянъ проклятыхъ,
 покоряетъ подъ нозѣ мечемъ, плѣномъ взятыхъ—всѣхъ храбро,
Паче же еретиковъ, всѣхъ богоотступныхъ
 Шведовъ, Нѣмцовъ проклятыхъ, законопреступныхъ—злодѣевъ! [2])

Піитъ забылъ еще объ одномъ, именно о необыкновенномъ обаяніи Петра Великаго среди Славянъ, которые почуяли огромное значеніе такого славянскаго царя для униженнаго славян-

---

[1]) Обрадовича Животъ и приключенія (1783, срв. Пыпина Исторія славян. литературъ 210), Соловьева Исторія Россіи XXII. 92; о книгѣ Орфелина см. выше, стр. 216.

[2]) Пекарскій I. 458.

скаго міра, прославляли его въ прозѣ и въ стихахъ, и долго благословили его память, воинственные Славяне южные не менѣе, чѣмъ забитые западные Славяне. „Да здравствуетъ нашъ славянскій непобѣдимый могущественнѣйшій царь!“—вотъ какъ привѣтствуется царь Петръ даже въ сербской Лужицѣ, въ средѣ погибающихъ уже полабско-лужицкихъ Сербовъ: истое привѣтствіе Ave caesar, morituri te salutant! [1]).

Послѣ кончины Петра Великаго, который распоряжался и языкомъ и литературою просвѣщаемаго имъ русскаго народа, эта сторона его дѣятельности должна была перейти на попеченіе академіи наукъ. Но трудно было этой корпораціи заботиться о такихъ дѣлахъ, такъ какъ она состояла по большей части изъ иноплеменниковъ, преимущественно изъ Нѣмцевъ не знающихъ русскаго языка. Нѣмецкіе академики-историки съ начала могли свой методъ тогдашней исторической критики прилагать только къ нѣкоторымъ вопросамъ русской исторіи, гдѣ знаніе русскаго языка не было крайне необходимымъ условіемъ. Такъ на пр. Готлибъ *Байеръ* писалъ о сѣверныхъ странахъ Европы, о Скиѳахъ, которыхъ онъ считалъ Финами, Чудью (Скиѳъ=Чудь), [2]) о Варягахъ-Руси, которыхъ онъ, на основаніи цѣлаго новаго ученаго апарата, считалъ Норманами. Герардъ *Мюллеръ* (Федоръ Ивановичъ Миллеръ), изучившій русскій языкъ, сталъ разработывать древнюю русскую исторію уже при помощи русской начальной лѣтописи, источниковъ византійскихъ и скандинавскихъ и др., и принесъ большую пользу русской исторіи. Для болѣе успѣшнаго занятія русскою исторіею необходимо было издавать разныя лѣтописи и другіе памятники отечественной исторіи и литературы. Но этой истины—послѣ геніальнаго Петра Великаго—многіе не понимали, а о задуманномъ академіею изда-

---

[1]) См. выше, стр. 18—20. О Петрѣ въ югославянской поэзіи см. стр. 384—393.

[2]) Съ этимъ соглашался еще Шафарикъ (Славянскія Древности §§ 13, 14). Но Скиѳы не были Чудь, а Арійцы; см. м. пр. Иловайскаго Разысканія о началѣ Руси, и Самоквасова Исторія русскаго права II.

віи такихъ источниковъ (1734) выражались, что „бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно“, что это „не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какого ущерба“ [1]).

Завѣтное желаніе Петра Великаго имѣть хорошее сочиненіе по исторіи русскаго народа, исполнила не академія, а одинъ изъ самыхъ образованныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей послѣднихъ годовъ Петра, Василій *Татищевъ*. Онъ, во время своего пребыванія въ Польшѣ, Германіи, Даніи и Швеціи, кромѣ своихъ практическихъ цѣлей по разнымъ дѣламъ, обращалъ вниманіе и на просвѣщеніе и науки тѣхъ странъ, собиралъ книги и матеріалы относящіеся къ русской исторіи, и скоро убѣдился о малой цѣнѣ разныхъ пособій по этому предмету [2]). Изучая

---

[1]) Пекарскій: Исторія импер. академіи наукъ. I. стр. LXVII.

[2]) См. выше (стр. 446 и 486) его отзывы о Синопсисѣ и о книгѣ Орбини; онъ ставитъ и польскую исторіографію низко. Татищевъ понимаетъ всю важность „временника Нестора, который здѣсь за основаніе положенъ“, и который „можетъ не токмо въ русскихъ, но и во всѣхъ славенскихъ народахъ между оставшими намъ исторіи первѣйшимъ или старѣйшимъ почитаться“ Съ временникомъ онъ познакомился по нѣсколькимъ спискамъ, въ томъ числѣ по одному списку, находившемуся въ библіотекѣ Петра Великаго и сообщенному ему Брюсомъ (1720). Брюсъ, по словамъ Татищева, тоже не особенно цѣнилъ извѣстную ему славянскую исторіографію, соображая, что „хотя Поляки, Богемы и другіе Славяне исторіи писали, но видимо, что не токмо о глубокой древности, но и о настоящей порядочно, а наименьше всего о географіи прилѣжали, и что писали, то польскіе болѣе отъ русскихъ основаній брали“: по этому и Брюсъ цѣнилъ выше лѣтопись Нестора. Приводимая у Татищева такъ назыв. лѣтопись Іоакима-Якима (см. выше, стр. 483) вовсе не историческій памятникъ, а фантастическое произведеніе книжника первой половины XVIII в. смѣшавшаго премудрости изъ лѣтописей, хронографовъ и разныхъ пособій, въ томъ числѣ и изъ статей Байера (оттуда взяты „Гунигардъ, Гардарикъ“ и др.). О Татищевѣ см. статью С. Соловьева: Писатели русской исторіи XVIII в., Манкіевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Щербатовъ, Болтинъ, Эминъ, Елагинъ, митрополитъ Платонъ (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, изд. А. Калачовымъ, Москва 1855, II. 1); Н. Поповъ: Татищевъ и его время (Москва 1861), его-же: Уче-

такимъ образомъ основательно древнюю русскую исторію, по домашнимъ и чужимъ источникамъ и пособіямъ, Татищевъ занимался тоже славянскою исторіею вообще, особенно древнею. Его „Исторія россійская", надъ которою авторъ трудился тридцать лѣтъ, до самой своей кончины († 1750) [1], представляетъ, не смотря на всѣ свои недостатки—которые она раздѣляетъ со всѣми лучшими историческими трудами европейской учености тѣхъ временъ — первую болѣе научную обработку прагматической русской исторіи. Славяне, по Татищеву, народъ древній, который, въ доисторическія времена, изъ Сиріи, Малой Азіи и Кавказа (Зихи-Чехи), переселился въ восточную и юго-восточную Европу, къ Волгѣ, Дону, Днѣпру, Вислѣ, Одрѣ, Лабѣ и Дунаю, гдѣ они были извѣстны подъ разными названіями. Скиѳовъ и Сарматовъ Татищевъ считаетъ позднѣйшими Турками и Чудью (къ „Сарматамъ" причисляетъ тоже Литовцевъ), но въ самой „Скиѳіи" и „Сарматіи" жило много славянскихъ племенъ, и въ нѣкоторыхъ ихъ названіяхъ проглядываетъ ясно славянскій характеръ, на пр. Пагорпты—горы, Костобоки, Сабоки, Суовены, Ставины—Славяне, Бесы, Бодивы, и пр.; Енеты, Генеты, Венеты, Венды-Вандалы (въ Пафлагоніи, Сарматіи, около морей балтійскаго и адріатическаго) тоже Славяне (чудское Вене=Русь), равнымъ образомъ какъ и Геты-Даки, Ѳракійцы, Македонцы, Илиры. Названіе „Славяне" встрѣчается только въ VI в. (у Прокопія); оно происходитъ отъ славы, а не отъ слова, не отъ склавовъ, противъ чего „Длугошъ, Кромеръ, Гвагнинъ, Мауроурбинъ и другіе славенскіе писатели довольно возразили"; а Славяне это свое славное имя „не перомъ, но саблею и копіемъ въ книги греческія и римскія внесли". Съ тѣхъ поръ стали извѣстны, вмѣсто древнихъ племенныхъ названій, новыя, Болгаре (не отъ Волги), Сербы, Босна, Расція, Кроація, Славонія,

---

ные и литературные труды В. Н. Татищева (Журналъ минист. нар. просвѣщ. 1886, іюнь).

[1]) Текстъ ея былъ готовъ уже въ 1739 г.; издана по смерти автора, 1768—1784 (послѣдняя часть въ 1847 г. въ московскихъ Чтеніяхъ).

Краинъ (крайній предѣлъ славенскій), Моравія, королевство чешское или богемское, Мейсенъ-Мисія, гдѣ до днесь въ поселянствѣ нѣколико славенскаго языка употребляютъ, Кашубы, Померане, Вандалы или Венды, о которыхъ подробно говоритъ Гельмольдъ, дальше Слезія или Шлонскъ, Мазовія, Польша, на востокѣ много племенъ позже русскихъ, Волыняне, Поляне, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и др. Сарматскіе (чудскіе) Угры назвались-де по-славянски „у горъ" (кавказскихъ, а не отъ сѣверной Югры); „древніе русскіе историки Венгрію всегда Угри а королей угорскіе именовали; Поляки же въ Венгрію превратили, чему и наши новые послѣдовали". Названіе соплеменныхъ Уграмъ Обровъ сохранилось въ польскомъ „обринъ" — исполинъ. Татищевъ строго осуждаетъ разныя басни, которыми забавлялись русскіе лѣтописцы и хронографы, всѣхъ тѣхъ „праотцевъ" Словена, Чеха, Ляха, Руса, Мосоха (отъ котораго Москва не назвалась), и пр., и подложную жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ. Русскіе назвались не отъ библейскаго Роса, не отъ Руса, не отъ сарматскихъ (чудскихъ) Роксаланъ; это названіе: Русь, Руссія (а только съ XVI в. Россія по греческому) не славянское, а сарматское (чудское)=чермный, красный; у Чуди былъ городъ Старая Руса; Славяне прибыли въ эти сѣверныя чудскія земли, покорили Чудь и построили Новгородъ. Варяги не балтійско-славянскіе Вагры, не Пруссы, а вообще „разбойники"; Рюрикъ, князь Русовъ-Финовъ (Чуди), прибылъ изъ Финляндіи; имена первыхъ русскихъ князей (Рюрикъ, Синеусъ, Осколдъ, Олегъ и пр.) не славянскія; потомъ русскіе князья ославянились.

Татищевъ обратилъ свое вниманіе и на нѣкоторые вопросы внутренняго быта древнихъ Славянъ вообще. Славянская миѳологія представлена у него по Нестору, Гельмольду, Саксону, и другимъ пособіямъ, разумѣется совсѣмъ некритически; по этому рядомъ съ Триглавомъ, Святовидомъ, Перуномъ, Хорсомъ и др.—кіевскія божества лѣтописи были-де сарматскія (чудскія) или варяжскія—являются „славянскіе боги" Астарте, Одинъ, Ладо, Лѣло, и пр. При томъ Татищевъ обращаетъ вниманіе на „суевѣрія" и на нѣкоторые древніе обычаи, какъ о нихъ говоритъ Несторъ, на пр. о кражѣ женъ, о погребальныхъ обычаяхъ,

и пр. Онъ полагаетъ, что у Славянъ было „задолго до Христа" свое письмо, уже съ тѣхъ поръ, когда они жили-де еще въ Сиріи и Малой Азіи, гдѣ они познакомились съ письмами другихъ восточныхъ народовъ, равнымъ образомъ какъ они въ Европѣ познакомились съ письмами греческимъ, латинскимъ, готскимъ. Онъ знаетъ о существованіи такъ назыв. письма Іеронима, глаголицы, но сомнѣвается, что Іеронимъ перевелъ библію на славянскій языкъ; а библія печатанная глаголическими буквами въ XVI в. („въ Венеціи и Моравіи") не переводъ съ вульгаты а съ библіи Лютера [1]); глаголица, по изслѣдованію берлинскаго ученаго Фриша, „тѣже Кирилловы буквы въ начертаніи испорченныя, а не Іеронимовы, которыя у всѣхъ южныхъ Славянъ доднесь во употребленіи, и нѣколико книгъ печатано, но папистами такъ истреблены, что сыскать трудно". Буквы Кирилла солунскаго сочинены при моравскихъ князьяхъ Святополкѣ, Ростиславѣ и Коцелѣ „во градѣ Равѣ". Кириллъ и Меѳодій перевели и церковныя книги на языкъ славенскій, „и эти книги печатаемыя въ Россіи каждогодно въ Болгарію, Далматію, Славонію вывозятъ". Этотъ церковный славенскій языкъ на Руси сохранился болѣе чистымъ, между тѣмъ какъ на пр. Поляки перемѣнили свой „приложеніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ или изверженіемъ гласныхъ, примѣшали много чужихъ словъ, такъ что польскій языкъ ни съ которымъ кромѣ боемскаго и то не весьма согласуетъ; русскій языкъ перемѣненъ прибавкою гласныхъ, градъ—городъ, гладъ-голодъ, и пр. Вообще въ славенскихъ языкахъ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, находится много чужихъ часто ненужныхъ словъ. Славяне уже въ глубокой древности въ языкѣ разность не малую имѣли, которая со временемъ еще умножилась; многія слова у разныхъ Славянъ, да у племенъ одного народа имѣютъ разныя значенія, какъ на пр. жито, хлѣбъ, и пр. Татищевъ—противникъ ненужныхъ чужихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, большой славянскій патріотъ и въ отношеніи именъ;

---

[1]) Изъ этого видно, что Татищевъ зналъ смутно о глаголическихъ книгахъ хорватскихъ протестантовъ.

онъ говоритъ, что у всѣхъ народовъ древній обычай—давать имена своего языка; такъ было и у Славянъ, государей и простыхъ людей, на пр. Баженъ, Богданъ, Боголѣпъ; а со времен Варяговъ или Финовъ—Рюрикъ, Олегъ, Игорь, но потомъ опять славенскія, вмѣстѣ съ христіанскими Владиміръ-Василій, Ярославъ-Георгій и др.; славенскія же имена конечно вразумительнѣе, нежели латинскія, греческія и еврейскія. Ужасному этимологизированію Татищева въ родѣ Сидонъ (въ Сиріи)=сидѣніе, Мойсей=мой сей, Амазона=сама жена, производству словъ царь и князь изъ жидовскаго языка и пр., удивляться не зачѣмъ; все это практиковалось тогда и позже во всѣхъ европейскихъ литературахъ [1]).

Татищевъ, говоря о не-русскихъ Славянахъ и о ихъ исторіи, иногда касается и нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ. Такъ на пр. онъ, говоря о южныхъ Славянахъ подвластныхъ Туркамъ и австрійскому дому, замѣчаетъ, что онъ въ 1749 г. бесѣдовалъ съ знатными людьми изъ Далмаціи о худой защитѣ христіанъ и безсиліи цесаря, и что ему сказали, что „для изгнанія Туровъ изъ всѣхъ сихъ предѣлъ силы довольно могло быть, но цесарь того учинить не можетъ, между прочимъ и потому, что весьма повинуяся папежскимъ безбожнымъ повелѣніямъ, согласныхъ съ нами въ вѣрѣ греческаго исповѣданія и протестантовъ всякими явными и тайными образы тамо утѣсняютъ, и къ принятію ихъ закона принуждаютъ, а непокорныхъ чести и имѣнія лишаютъ, книги же не токмо для богослуженія, но историческія славянскаго языка, яко безбожныя, истребляютъ и печатать запрещаютъ, и прочія утѣсненія вымышляютъ, чего и Турки не чинятъ; для того многіе отъ крайней горести лучше хотятъ подъ властію Турокъ быть, нежели для власти онаго антихриста вѣру и законъ премѣнить; а естьли бы не та трудность, то бъ конечно всѣ Славяне и Венгры вооружась, Туркамъ воспрепятствовали бъ“.

---

[1]) Славянское происхожденіе Амазонъ доказывалъ—по примѣру Орбини—Ѳ. Прокоповичъ въ особой статьѣ, поднесенной Петру Великому (1724): Амазона—сама жена, Малпадія—мала пядь, Пентасилея—пять силъ, и пр.

О Полякахъ и ихъ учености Татищевъ отзывается часто не съ большимъ уваженіемъ: польскіе историки въ наукахъ философскихъ, слѣдственно въ правильныхъ разсужденіяхъ, скудны. Говоря о томъ, что Поляки называютъ Русскихъ Москва, Московія, Москали, онъ замѣчаетъ, что „причина сему есть злость и зависть Поляковъ", которые, завладѣвъ всею югозападною Русью, не хотѣли „великимъ князьямъ русскимъ надлежащей отъ древности титулъ дать, равняя ихъ съ удѣльными князи, по Москвѣ граду престольному московскими именовали, чего мы никогда не принимали. Потомъ какъ они сего силою удержать не могли, то они употребили лестное коварство ко прельщенію, стали въ исторіяхъ выводить, яко бы сіе имя отъ Мосоха сына Аѳетова произшедшее есть старѣе, нежели отъ Росса Езекіела". Москва—это городъ и столица княжества, его жители Московичи, какъ Новгородцы, Псковичи, Рязанцы и пр., „но обаче всѣхъ есть Русь или Россія". Говоря „о умноженіи и умаленіи Славянъ и языка", Татищевъ съ гордостью вспоминаетъ о первомъ славянскомъ государствѣ, Россіи, „отъ моря ледовитаго къ югу до Меотиса, а съ запада отъ Двины и Днѣпра на востокъ до восточнаго океана и моря тихаго. Колико славенскій языкъ къ сѣверу и востоку умножился и распространился, толико въ другихъ областяхъ къ югу и западу умалился. На югъ великія и славныя государства болгарское, сербское и другія подъ власть турецкую пришедъ весьма умалились и умаляются, но не столько отъ Магомета, сколько отъ папы утѣсняемы. Въ Венгріи Сарматы (т. е. Чудь) языкъ славенскій почти совсѣмъ уже угасили. На западѣ частію отъ слабости славенскихъ государей и отъ несогласія ихъ, отъ оплошности, междоусобной ненависти и сребролюбія, болѣе же наслѣдствами, нежели силою германскихъ государей, королевства вандальское и боемское совсѣмъ подъ власть германскую пришедъ, языкъ а при томъ и имя Славянъ, купно со славою древнею погубили, и въ Германе превратились, такъ что едва слѣды оной древности языка остаются. Я сіе о прочихъ Славянахъ воспоминалъ, и ихъ области съ удобною краткостію, яко весьма нуждное къ древней славенорусской исторіи представилъ".

Татищевъ вообще интересовался славянскимъ міромъ и обращалъ на него свое вниманіе и при другихъ случаяхъ. Такъ онъ часто говоритъ о Славянахъ въ своей статьѣ „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“ (1733 и позже) [1]. Говоря о „своихъ Славянахъ, Сербахъ, Болгарахъ, Далматахъ въ Илиріи, Славонахъ, Кроатахъ, Моравахъ, Чехахъ или Богемахъ, Вандалахъ, Полякахъ и Руссіи“, авторъ замѣчаетъ, что „сіи, какъ видимо, отъ начала одного рода были; но потомъ въ реченіи такъ далеко другъ отъ друга раздѣлились, что одинъ другаго, безъ довольнаго ученія или долговременной привычки, разумѣть не можетъ; многія же совсѣмъ свой языкъ погубя чужимъ говорятъ. Славяне пришли съ востока на западъ и завладѣли многими мѣстами; потомъ они пришли изъ Вандаліи моремъ на сѣверъ, народами сарматскими, Руссами и другими овладали, сами Руссы пазвалися, которое на ихъ сарматскомъ языкѣ значитъ чермны; а при томъ изъ языка ихъ многое включили, и какъ колѣно славянскихъ князей Гостомысломъ пресѣклось, взяли себѣ князя Рюрика отъ Варягъ или Финовъ, не мало ихъ языки употребляли, какъ то въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ такихъ рѣчей находимъ, что и разумѣть не можемъ. Но блаженная Ольга, бывшая отъ рода князей славянскихъ, пріявъ владѣніе, паки славянскій языкъ нѣчто возобновила, и хотя уже давно начали реченіе исправлять и къ славянскому приближаться, однакожъ до днесь еще многіе употребляемъ, яко: вотъ, чють, эво, это, пужаю, чортъ, вмѣсто: се, едва, здѣсь, сіе, страшу, бѣсъ; позже приняты и татарскія слова, на пр. вмѣсто: стража, стрелница, одежда, шапка говоримъ: караулъ, башня, кафтанъ, колпакъ; но благодаря бога, что нынѣ болѣе того смотрятъ, какъ бы оную мерзость извергнуть. Вандалы и Боемы или Чехи отъ Нѣмецъ языкъ и имя свое совсѣмъ угасили. Венгры издревле языка славянска были, но нашествіемъ Сарматъ, Гуновъ оной весьма погубили; Даки такожъ были Славяне и Сарматы. Но цезарь Тиверій, побѣдя, Италіанцами населилъ, которые до днесь Волохи именуются, во-

[1]) Издалъ Н. Поповъ въ московскихъ Чтеніяхъ 1887, I.

лоской или италіанской испорченный языкъ употребляютъ, но службу божію отправляютъ на славянскомъ языкѣ, а мало кто изъ нихъ разумѣетъ, развѣ тѣ славянскія слова, которыя они въ свой языкъ приняли. Славяне Иллиріане по сосѣдству и обхожденію отъ Венгровъ и Италіанъ, Поляки отъ Латиновъ и Нѣмцевъ свой языкъ повредили; Поляки такъ свой языкъ скаредятъ, что иногда въ письмѣ латинскихъ и нѣмецкихъ словъ треть кладутъ, а службу божію, противъ ученія и повелѣнія Христова, для утвержденія токмо властолюбія папежскаго, на латинскомъ языкѣ отправляютъ. Мы же отъ многихъ языковъ въ нашъ языкъ безъ нужды приняли, на пр. изъ греческаго (канонъ, псаломъ, икона, тіупъ вмѣсто уставъ, пѣснь, образъ, судіа), изъ латинскаго (корона—вѣнецъ, генералъ—воевода, артилерія—снарядъ, фортеція—крѣпость), изъ французскаго (шандалъ—подсвѣчникъ, интерессъ—польза, парукъ—волосы накладные), изъ нѣмецкаго (галстукъ—шейный платокъ, шлафрокъ—спальной кафтанъ, фурманъ—извощикъ); такихъ словъ отъ хвастуновъ и неученыхъ людей весьма много наполнено. Но съ другой стороны—замѣчаетъ Татищевъ—надо оставлять принятыя чужія слова для понятій и вещей новыхъ (физика, фрегатъ, капитанъ, бомба и пр.). На фонетическія различія славянскихъ нарѣчій Татищевъ смотритъ тоже съ точки зрѣнія поврежденія. Такъ на пр. повсюду, гдѣ въ языкѣ словенскомъ (церковномъ) *де*, *ди*, Поляки говорятъ *дзе*, *дзи*, (дѣва, дѣло, диво—дзева, дзѣло, дзиво), для котораго Максимъ Грекъ въ граматикѣ написалъ, яко бы у насъ другая *з* для изглашенія оныхъ *дз* положена. Поляки, гдѣ въ словенскомъ *р* пишется, влагаютъ *ж*: рѣпа—ржепа, ревность—ржевность; часто же къ *а* и *о* прилагаютъ *н*: жондло—жало, монжъ—мужъ; иногда они гласные или цѣлые слоги выкидали: дрви—двери, лзи—слезы, мосцъ—милость. Противно же тому у насъ во многія слова гласныя буквы противъ словенскаго въ срединѣ прибавили, яко пишутъ: голодъ—гладъ, городъ—градъ, индѣ же гласныя убавили: бью—бію, любить—любити, согласные выметали: чужее—чуждее, хочу—хосчу. Много словъ стали употреблять въ другомъ разумѣніи, на пр. хлѣбъ, которымъ правильно токмо печеной въ словенскомъ языкѣ имянуется. Необходимо принять мѣры

для исправленія русскаго языка. Татищевъ говоритъ о двухъ славенскихъ азбукахъ; объ азбукѣ „Геронима“ отъ рода славенска, составленной въ 383 г. и употребляемой въ Илиріи т. е. Славоніи, Далматіи и прочихъ тамо словенскихъ народовъ; и объ азбукѣ Кирилла изобрѣтенной въ IX в. для Болгаръ, которую мы нынѣ употребляемъ; въ ней нѣсколько буквъ лишнихъ (на пр. юсы), но въ ней тоже недостаетъ нѣкоторыхъ необходимыхъ буквъ, на пр. h, которое не отличается отъ г, и j (пишется: ежъ, медъ, а произносится: іожъ, міодъ); и для того нужно новыя буквы внести [1]).

Трудъ Татищева „Исторія россійская“ положилъ основу для критической обработки русской исторіи. Татищевъ, занимаясь древнею исторіею Руси и Славянъ вообще, боролся съ многими недостатками, не имѣлъ подъ руками многихъ источниковъ и пособій; а все-таки трудъ Татищева превосходитъ подобные труды многихъ его преемниковъ, которые смотрѣли на исторію то съ чисто литературной или даже патріотической точки зрѣнія, не говоря о ихъ маломъ критическомъ чутьѣ. Опала, лежавшая по смерти Петра Великаго на русской наукѣ вообще, снята съ половины XVIII в., и въ теченіе второй половины этого вѣка, особенно въ царствованіе Екатерины II, появляются въ печати многіе источники и памятники русской исторіи и литературы, принося пользу исторіографіи не только русской а вообще славян-

---

[1]) Въ статьѣ Татищева встрѣчается много любопытныхъ мыслей. Такъ на пр. онъ совѣтуетъ учиться въ Германіи, Голандіи, Франціи, Италіи, но не въ Польшѣ, такъ какъ въ „польскихъ езувицкихъ монастыряхъ ученія мало, и учатъ тамъ только латинскому языку, поэзіи и реторикѣ, а не математикѣ, физикѣ, естественному закону, исторіи, географіи, фортификаціи и другимъ шляхетству нужнымъ наукамъ. А хотя нѣкоторые любопытные гисторіи писать трудились, да болѣе лжами, хвастаньемъ и суевѣрными чудесами наполнили; если же что хорошее кто писалъ, то конечно въ Италіи или Богеміи учились“. Относительно вражды и распрей разныхъ вѣроисповѣданій Татищевъ замѣчаетъ, что „такія распри между людьми умными произойти не могутъ, поневе умному до вѣры другаго ничто касается“, и пр.

ской. Между прочимъ изданы тоже начальная лѣтопись Нестора (1767, по Радивиловскому или кенигсбергскому списку), и выписки изъ византійскихъ авторовъ, относящіяся къ исторіи народовъ славянскихъ (Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum etc. incolentium, ed. I. Stritter, во 2 томѣ: Slavica ex scriptoribus byzantinis, 1774 г.) [1]. Значеніе начальной лѣтописи, которую столь вѣрно понималъ Татищевъ, очень хорошо оцѣнилъ Мюллеръ (въ 1755 г.): „Не беззнатное обстоятельство, для показанія важности Несторовой лѣтописи, есть то, что прочіе славянскіе народы подобной ей не имѣютъ, ни же чтобъ которая изъ нихъ лѣтописей либо древностію, либо обстоятельнымъ и внятнымъ объявленіемъ происшедшихъ дѣлъ сей нашей предпочитаема быть могла. Послѣдующіе россійскіе писатели повторяли въ продолженіяхъ своихъ описанное Несторомъ время по большей части собственными его словами". Подобно тому, издатель начальной лѣтописи, академикъ Таубертъ, тоже отзывается о „Несторѣ, отцѣ россійской исторіи и первѣйшемъ между славенскими народами писателѣ", и замѣчаетъ, что „прежде Несторовыхъ временъ не только славенская, но и всего сѣвера исторія темнотою была покрыта, и Славяне, хотя и раздѣлены уже были на многіе народы, не имѣли еще ни единаго домашняго описателя своихъ дѣяній... Прочіе славенскіе народы, яко Ляхи, Чехи, Венедицы, Иллиріяне, Хорваты и Босняки ничего такого не имѣютъ, что бы съ нашимъ россійскимъ лѣтописцемъ сравниться могло... А хотя и были нѣкоторые писатели или современные Нестору, или меньше нежели вѣкомъ его моложе, однако всѣ они писали на латинскомъ языкѣ, и ихъ сочиненія, будучи наполнены бабьими сказками, не имѣютъ въ себѣ той ясности и точности, какая требуется". Это мнѣніе о начальной русской лѣтописи раздѣлялъ и третій нѣмецкій академикъ, Августъ Шлецеръ, много трудившійся надъ критическою разработкою русской исторіи,

---

[1]) Выписками Стриттера воспользовался А. Шлецеръ, и по нимъ помѣстилъ въ своей Allgemeine nordische Geschichte (1771, стр. 345—390) исторію Славянъ 495—1222 гг.

подарившій потомъ ученому міру первое критическое изданіе начальной лѣтописи [1]).

Критическое отношеніе къ русской исторіи, преимущественно со стороны нѣмецкихъ академиковъ-историковъ, искавіе основателей русскаго государства между Норманами-Варягами (Шведами, врагами Россія) или Чудью (Русами по Татищеву): все это не понравилось нѣкоторымъ русскимъ академикамъ писателямъ патріотамъ, дилетантамъ въ области исторіи, которые этотъ недостатокъ пополняли неумѣстнымъ въ наукѣ патріотическимъ рвеніемъ. Михаилъ *Ломоносовъ*, натуралистъ и поэтъ, професоръ химіи, и Василій *Тредьяковскій*, поэтъ и професоръ элоквенціи, не желая признавать „Варягамъ-Руси-Норманамъ" — какъ утверждали нѣмецкіе историки—заслуги основанія русскаго государства, стали искать этихъ Варяговъ и Русовъ не между Шведами, а у соплеменныхъ балтійскихъ Славянъ „Вагровъ", „Руговъ", или у литовскихъ Прусовъ, считая послѣднихъ тоже Славянами. Это мнѣніе приводитъ уже Герберштейнъ, смѣшавши Варяговъ (Varęg) и Вагровъ (Vagr), и оно встрѣчается потомъ довольно часто. Въ началѣ XVIII в. Лейбницъ считалъ гнѣздомъ Варяговъ балтійско-славянскую Вагрію, откуда датскій князь Рюрикъ могъ выйти на Русь. Подобно тому неизвѣстный авторъ (рукоп.) описанія древнихъ русскихъ монетъ, поднесеннаго еще Петру Великому, считаетъ варяжскую землю балтійскою Вагріею, гдѣ—по славянской хроникѣ Гельмольда—жили „хвальнѣйшіе, храбрѣйшіе и самые знатные люди словенскаго народу", и которая тянулась далеко на востокъ; изъ этой Вагріи и ея столицы Стараграда вышелъ Рюрикъ и прибылъ въ Новградъ [2]). Эта „славянская" теорія появилась опять около половины XVIII в. (1749 г.), когда академикъ Мюллеръ приготовилъ рѣчь „О происхожденіи народа и имени россійскаго", въ которой авторъ развивалъ мнѣніе Байера о скандинавско-норманскомъ про-

---

[1]) Nestor. Russische Annalen (1805—1806, 5 т., русскій переводъ 1809—1819).

[2]) Письмо Лейбница (15 апр. 1710) Ла Крозу въ сборникѣ Герье 145; Русскій истор. сборникъ, изд. Погодина (Москва 1838, III. 111).

исхожденіи Варяговъ Руси. Но это мнѣніе не понравилось русскимъ академикамъ, и они рѣзко осудили рѣчь Мюллера. В. Тредьяковскій признавалъ возможнымъ говорить — противъ Мюллера—о разсѣяніи, русыхъ волосахъ, Мосохѣ, Роксоланахъ, Русѣ (братѣ Чеха и Лѣха) и пр., хотя всѣ эти мнѣнія только больше или меньше вѣроятныя утвержденія а не получатъ никогда математической достовѣрности, равнымъ образомъ какъ и мнѣніе Мюллера; тѣмъ не менѣе мнѣніе Мюллера о началѣ имени Россіянъ вѣроятнѣе всѣхъ другихъ. Не такъ скромно и благородно заявилъ себя М. Ломоносовъ, который Мюллера упрекалъ въ незнаніи источниковъ, недобросовѣстности, односторонности, и увидалъ въ дисертаціи что-то оскорбительное для чести русскаго народа, предосудительное для Россіи. Дисертація Мюллера „поставлена на зыблющихся основаніяхъ, его опроверженіе мнѣній, что Москва происходитъ отъ Мосоха и Россіяне отъ рѣки Росса, никакой силы не имѣютъ и при томъ переплетены непорядочнымъ расположеніемъ и темной почи подобны". Ломоносовъ упрекалъ Мюллера, зачѣмъ онъ пропустилъ лучшій случай къ похвалѣ славенскаго народа: ибо извѣстно, что мужественные Скиѳы не боялись царей македонскихъ и самихъ Римлянъ, а между тѣмъ храбрый и славный народъ славенскій преодолѣлъ и выгналъ Скиѳовъ. Дальше Ломоносовъ нападалъ на Мюллера, зачѣмъ онъ очень поздно ставитъ приходъ Славянъ въ здѣшнія мѣста, между тѣмъ какъ они въ Россіи жили еще прежде Р. Х.; зачѣмъ онъ не считаетъ Варяговъ народомъ славенскимъ, которые произошли отъ славенскихъ Роксоланъ-Руси и прошли съ Готами-Славянами отъ моря Чернаго къ балтійскому, и оттуда Рурикъ, родственникъ славенскихъ (новгородскихъ) князей, въ Россію призванъ на владѣніе; а Чухонцы вовсе не дали имени Русь Варягамъ и Славянамъ. Имена же варяжскихъ князей—славенскія, Аскольдъ—оскордъ (топоръ), Диръ—драчъ (деру), Ольга названа отъ облегченія матери своей рожденіемъ. Мюллеръ говоритъ о св. Несторѣ лѣтописцѣ весьма продерзостно и хулительно, такъ: ошибся Несторъ; и предпочитаетъ ему и вообще россійскимъ писателямъ свои неосновательныя догадки и готическія басни. Дисертація содержитъ вообще не мало опасныя раз-

сужденія: должно опасаться, чтобы не было соблазна православной россійской церкви отъ того, что авторъ полагаетъ поселеніе Славянъ на Днѣпрѣ и въ Новгородѣ послѣ временъ апостольскихъ; а церковь россійская повсягодно воспоминаетъ о приходѣ св. апостола Андрея Первозваннаго на Днѣпръ и въ Новгородъ къ Славянамъ. Наконецъ частыя надъ Россіянами побѣды Скандинавовъ недостойны и всей Россіи г едъ другими государствами предосудительны быть должны. Такъ какъ и остальные члены академіи не одобрили рѣчи Мюллера, то она не только не сказана публично, но и совѣмъ уничтожена [1]).

Ломоносовъ возвратился къ вопросу о древнеславянской и древнерусской исторіи въ своихъ двухъ историческихъ сочиненіяхъ: „Краткой россійской лѣтописецъ съ родословіемъ“ (1760), и „Древняя россійская исторія отъ начала россійскаго народа до 1054 года“ (1766). По мнѣнію Ломоносова древніе Сарматы и Скиѳы—позднѣйшіе Славяне (и Венеты-Венды) и Чудь. Славяне, народъ древвій, выселился давно изъ Азіи (Пафлагоны, Венеты—Енеты, Мидяне, Мосхи) въ Европу, однимъ путемъ по Черному морю, по Дунаю и на сѣверъ по Волгѣ и Днѣпру а другимъ по адріатическому (Венеты, Иллиры). Имя Славянъ стало извѣстнымъ только съ VI вѣка; впрочемъ можетъ быть, что Ставаны у Птолемея—Славяне, а Амазоны или Алазоны значитъ Самохваловъ т. е. славящихся, Славянъ. Въ слѣдствіе нападеній Римлянъ многіе южные Славяне Иллирика, Далмаціи и подунайскихъ странъ выселились на сѣверъ къ своимъ соплеменникамъ; языкъ южныхъ Славенъ сходнѣе съ языкомъ новгородскихъ Славенъ и вообще великороссійскимъ, нежел" съ польскимъ, не взирая на то, что Поляки живутъ съ ними ближе, нежели Русскіе. Славяне заняли и до сихъ поръ занимаютъ половину Европы и значительную часть Азіи. Ломоносовъ описываетъ тоже бытъ древнихъ Славянъ по Прокопію, Нестору, Гельмольду и др., восхваляетъ ихъ храбрость и славу, такъ что у Славянъ чешскихъ и новгородскихъ возникло „невѣроятное“ впрочемъ повѣствова-

---

[1]) Билярскій: Матеріалы для біографіи Ломоносова (СП. 1865. стр. 755—771), Соловьева Исторія Россіи, XXIII. 330—333.

ніе о грамотѣ Александра Великаго данной великому славенскому народу. Число русскихъ боговъ упоминаемыхъ у Нестора (Перунъ, Хорсъ, Дажбогъ, Волосъ, Стрибогъ и пр.) умножилъ выдуманными позже Погвиздъ-Похвистъ, Лада, Дида, Лель, Купало, Коляда. Въ VI в. Славяне стали вновь распространяться черезъ Дунай на югъ въ греческое царство, воевали тоже въ рядахъ Готовъ, Вандаловъ и Лонгобардовъ, такъ что нѣкоторые писатели считали даже эти нѣмецкіе народы Славянами; Чехи вышли отъ кавказскаго черноморья къ верхней Лабѣ, Болгаре отъ Волги за Дунай, и пр. Что касается „Варяговъ", то это общее названіе „воиновъ" у разныхъ балтійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и Славянъ и Русовъ, Россовъ, потомковъ древнихъ Роксоланъ, Россанъ, выселившихся отъ Волги (Ра) къ балтійскому морю; ихъ память сохраняютъ разныя названія Рось, Руса (Старая), и Русь, восточное „плечо" рѣки Нѣмана, т. е. Прусовъ, по мнѣнію Ломоносова—Славянъ, такъ какъ литовскій языкъ отрасль славенскаго; и ругенскіе Славяне, Ругіяне, Ране, происходятъ отъ Россановъ, а Радегастъ, завладѣвшій Римомъ, былъ Славянинъ Ружанинъ. Изъ балтійскихъ Варяговъ-Россовъ (т. е. Прусовъ) новгородскіе Славяне призвали Рурика, который могъ быть „сродникъ коего нибудь римскаго императора".

Некритическое отношеніе Ломоносова къ разнымъ вопросамъ древнеславянской и древнерусской исторіи, его удивительную филологію въ родѣ Диръ—драть, Оскольдъ—оскордъ, превзошелъ В. *Тредьяковскій* въ своихъ „Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ, о первоначаліи Россовъ, о Варягахъ Руссахъ, славенскаго званія, рода и языка" (ок. 1758 г.). Эти свои положенія професоръ „элоквенціи" старается подкрѣпить всевозможными цитатами, подходящими и неподходящими, мнѣніями разныхъ „авторитетовъ", и собственною неимовѣрною болтовнею въ родѣ: Скиѳы—Славяне „скитающіеся", Цельты—Славяне „желтые", свѣтлорусые, Геты—„Четы" (станицы), Мессягеты—„Мѣсточеты", Сарматы—„Царьметы" (превосходно метающіе изъ лука) или „За-Ра-Мати" (матери ихъ живутъ за Ра-Волгою), Амазоны—„Омужоны" (ому-

женныя, мужественныя), Иберы въ Гиспаніи—„Уперы" (упертые) въ „Выспаніи" (выспа—островъ), Гелвстія—„Головѣтія" (отъ малаго земли плодоносія), Британія—Броданія (отъ большихъ бородъ), Братанія (братъ), Каледонія—Хладонія, Германія—Холманія или Ярманія (ярмо) или Корманія, Скандинавія—Шкодынавѣя (отъ шкоды-вреда вѣющаго въ ней съ близкаго сѣвера), Италія—Удалія (удаленная отъ сѣвера), Европа—Яропа (яровый хлѣбъ), и пр. и пр. Такимъ образомъ не трудно было „доказать", что древнѣйшій языкъ всей „Яропы былъ одинъ словенскій, отецъ по прямой чертѣ славенскому, славенороссійскому, польскому, чешскому, далматскому, сербскому, болгарскому, хорватскому, расціанскому, а вотчимъ или лучше отецъ же, но съ косвенныя стороны, всѣмъ тевтоническимъ и цимбрическимъ". Словяне назвались по слову, какъ свидѣтельствуетъ старинная форма Словене (уже у Нестора), да по нимъ названъ и „Иллирикъ, нѣдро славенскихъ обиталищъ: Иллирикія=Льюрикія, Льюричія, т. е. страна, въ коей рѣчь или слово льется рѣкою". Но „Славяне назвались и по славѣ дѣлъ своихъ. Да растетъ же слово и ихъ слава до скончанія вѣковъ, всѣмъ симъ въ украшеніе!" Россы-Мосхи происходятъ отъ библейскаго Роса-Мосоха, извѣстны древнему міру какъ Роксаны, Россаны, Рошаны, жившіе по Араксу или Росу (Ра - Волгѣ), и соединившіеся потомъ съ Аланами („Елени, Олени") въ одинъ народъ Россаланы, Роксоланы; въ Византіи же съ IX в. они назывались Россы. Ихъ часть югославянскіе Рассы, Рацы (Сербы), и балтійскіе Ругіи-Руссіи. Они не были ни Шведы, ни Датчане, ни Норвежцы, ни Нѣмцы. Варяги—слово славянское: варители, предварители, жители предварившіе другихъ (абориген), Варяги-Русы—это балтійскіе Славяне Вагры-Ругіи, Руджіи поморскіе (Колбяги—гулбяги, гуляющіе); Рургикъ—мужъ ругской (русской) рѣчи, Триворъ—стиратель воровъ, Синавъ, Синеусъ—сынъ новый или сановный усъ или синій усъ, Игорь—игривый, Диръ—тыръ (богатырь), Фарлофъ—воровъ ловецъ, Руалдъ—ругатель, рыгающій, и пр. [1]).

[1]) Теорія о Варягахъ Руси балтійскихъ Славянахъ появилась въ русской исторіографіи опять недавно: Забѣлинъ и Гедеоновъ „рѣ-

О Славянахъ говорятъ, болѣе или менѣе, и другіе русскіе историки-дилетанты второй половины XVIII в., Эминъ, Елагинъ, Щербатовъ и др. Князь Михаилъ *Щербатовъ*, въ своей обширной „Исторіи россійской" (1770 г.), помѣстилъ некритическій складъ всевозможныхъ выписокъ изъ древнихъ писателей, при чемъ на пр. хроники Стрыйковскаго и Синопсисъ приводятся тоже въ числѣ источниковъ на равнѣ съ Прокопіемъ или Несторомъ, помѣщаются разныя басни въ родѣ Мосоха-Москва и пр. Скиѳы, Сарматы, Русь-Россіяне (вѣроятно Роксолане), Болгаре—всѣ они Славяне, назвавшіеся отъ славы. Такъ какъ „Славены начальниками россійскаго языка, и слѣдственно поселившими большую часть Россіи считаются, то за нужное я почи-

---

нилъ" этотъ вопросъ не хуже Тредьяковскаго; см. нашу статью „Варяги-Русь и балтійскіе Славяне" въ Журналѣ минист. народн. просвѣщ. 1877, іюль.—Вопросъ о Варягахъ-Руси интересовалъ тоже императрицу Екатерину. Она, въ своихъ „Запискахъ касательно россійской исторіи" считаетъ ихъ тоже Славянами, а въ своихъ замѣчаніяхъ на русскую исторію І. Стриттера (Журналъ минист. народн. просвѣщ. 1835, V. стр. 141, тоже у Старчевскаго Очеркъ литературы русской исторіи, стр. 232), она осуждаетъ мнѣніе этого историка (собственно уже В. Татищева) „о происхожденіи россійскаго народа отъ Финовъ", что „покажется-де соблазнительно всей Россіи". Все это, разумѣется, извѣстныя теоріи русской исторіографіи въ вопросѣ о происхожденіи Варяговъ, Руси, Славянъ и пр.; тѣмъ не менѣе ученые польской эмиграціи школы Духинскаго, стараясь „доказать" міру, что Россіяне-Москале не Славяне, а „Туранцы", ссылаются въ пользу своего мнѣнія тоже на эти слова Екатерины (срв. Duchiński: Peuples Aryâs et Tourans, Paris 1864, p. XLIX). Замѣтимъ, что эти „ученые" распространяли свое мнѣніе въ особыхъ литограф. листкахъ (вмѣстѣ съ снимкомъ замѣтокъ Екатерины, взятымъ изъ Журнала минист. народн. просвѣщ.), которые они вручали Чехамъ отправившимся въ 1868-омъ г. въ іюлѣ въ Констанцъ къ могилѣ І. Гуса; Чехи принимали такой плодъ славянской учености конечно съ надлежащимъ удивленіемъ, равнымъ образомъ какъ приняли и выше (стр. 435) упомянутую ученость о разницѣ формъ „Русь" и „Россія". Срв. нашу статью въ чешской газетѣ Národní Listy 1863, 18—24 іюля, нѣмецкій переводъ въ Slawische Jahrbücher Смолера 1864 г.

таю, о ихъ началѣ и преселеніяхъ выяснить"—замѣчаетъ Щербатовъ, и разсказываетъ исторію Славянъ преимущественно южныхъ, ихъ войны съ Византіею и занятіе ими балканскаго полуострова, до половины IX в., т. е. до пришествія Рюрика „изъ Нѣмецъ". Гораздо выше всѣхъ этихъ некритическихъ повѣствователей стоитъ Иванъ *Болтинъ*, который — послѣ Татищева — чувствовалъ необходимость исторической критики, и на сколько могъ, примѣнялъ ее къ русской исторіи. Въ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка" (1788), и въ „Критическихъ примѣчаніяхъ на 2 первые тома Россійской исторіи кн. Щербатова" (1793), Болтинъ исправляетъ многія ихъ ошибки, пользуясь часто трудомъ Татищева, который считался тогда авторитетомъ. И у Болтина Сарматы—Чудь, одно ихъ племя Русь (не Роксоланы), а „Варяги"—разбойники; Славяне жили-де прежде въ Сиріи, Малой Азіи, откуда распространились въ Европу, и пр. Болтинъ возстаетъ противъ внесенія въ исторію разныхъ „смѣшныхъ басенныхъ повѣствованій", въ родѣ праотцевъ Мосоха, Руса и пр.; онъ представляетъ себѣ древнихъ Славянъ вовсе не дикарями, а народомъ съ извѣстною цивилизаціею, законами. Славянскій (т. е. церковный) языкъ Болтинъ ставитъ очень высоко, и считаетъ его важнымъ пособіемъ для русскаго языка: отъ славянскаго языка зависитъ вся красота и важность русскаго; между тѣмъ на пр. польскій языкъ, въ слѣдствіе употребленія латинскаго языка въ церкви, отдаляся отъ славянскаго, сдѣлался бѣденъ, и въ случаѣ нужды въ помощь свою славянскаго языка призвать не можетъ. Болтинъ между прочимъ повторяетъ слова Татищева о паденіи южныхъ и западныхъ Славянъ: „И такъ остается теперь одно государство россійское, которое языкъ славянскій нынѣ лучше прочихъ сохранило, и впредь сохранить, очистить и распространить можетъ".

Древнею славянскою и русскою исторіею продолжали заниматься, болѣе критически, тоже нѣмецко-русскіе ученые, Мюллеръ, Стриттеръ, Шлецеръ и др. [1]).

---

[1]) Срв. А. Старчевскаго Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина (СП. 1845).

Вопросъ о литературномъ языкѣ русскомъ или россійскомъ, о его отношеніи къ славенскому или славянскому, продолжалъ занимать и русскихъ и иностранныхъ писателей XVIII-аго вѣка. Славянскій языкъ и его исторію болѣе критически изучалъ нѣмецко-русскій академикъ Іоаннъ *Коль* (Kohl), пробывшій въ Петербургѣ года два; возвратившись въ Германію, онъ издалъ важное для того времени сочиненіе Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram, sive historia critica versionum sclavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri (Altona 1729). Коль считаетъ, по распространенному тогда мнѣнію, мертвый церковный славянскій (slavonica) языкъ матерью другихъ живыхъ славянскихъ (slavonicarum); на него перевели библію Кириллъ и Меѳодій, а вовсе не Іеронимъ, и эта славянская библія напечатана потомъ въ Острогѣ и въ Москвѣ [1]. Русскіе писатели должны были рѣшать вопросъ объ отношеніи обоихъ языковъ, славенскаго и россійскаго, не только теоретически, а тоже практически въ своихъ книгахъ. Адодуровъ въ своей россійской граматикѣ (1731) замѣчаетъ, что „нынѣ всякій славянизмъ, особливо въ склоненіяхъ, изгоняется изъ русскаго языка". Тредьяковскій, издавая русскій переводъ французской книги „Ѣзда въ островъ любви" (1730), обращается къ читателямъ съ просьбою „не погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ; языкъ славенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мірская; языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая не разумѣютъ; языкъ славенской нынѣ жестокъ

---

[1]) Славянскою филологіею занимался тогда и берлинскій ученый Іоаннъ Фришъ; въ своей Historia linguae sclavonicae (1727 и слѣд.) онъ говоритъ о происхожденіи кирилицы, о нѣкоторыхъ старопечатныхъ кириловскихъ книгахъ, о новомъ русскомъ гражданскомъ письмѣ, о русской рѣчи, дочери славянскаго языка, и ихъ различіяхъ, о нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгахъ южныхъ Славянъ (Словенцевъ, Хорватовъ), о лужицкихъ и люнебургскихъ Славянахъ.

моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчсточцемъ хотѣлъ себя показывать". Вмѣстѣ съ тѣмъ Тредьяковскій извиняется, если онъ „еще въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ". Тредьяковскій, въ статьѣ „Разговоръ объ ортографіи старинной и новой" (1747), старался опредѣлить правила орѳографіи и отъ части тоже граматики россійскаго языка, но въ тоже самое время утверждалъ, что „славенскій языкъ есть одинъ съ нашимъ, тотже самый духъ и одна тажъ душа въ нашемъ, которая и въ славенскомъ, такъ что русскій нашъ языкъ и называется славенороссійскій, т. е. россійскій по народу и славенскій по своей природѣ", а вся разность обоихъ языковъ касается-де болѣе „поверхности языка, а не внутренности", и состоитъ въ весьма немногихъ словахъ (на пр. за славенское *аще* у насъ *ежели*), въ нововводныхъ словахъ изъ чужихъ языковъ, и въ „простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ (на пр. вмѣсто *глава—голова*)". Тредьяковскій въ этой статьѣ касается тоже единства славенскаго языка съ нашимъ, родного братства малороссійскаго и другихъ всѣхъ русскихъ въ Литвѣ языковъ, и кровнаго сродства иллирическихъ языковъ, сербскаго и болгарскаго, польскаго и чесскаго—съ нашимъ же; онъ обширно говоритъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, объ обѣихъ азбукахъ, кирилицѣ и глаголицѣ (считаетъ ее не азбукою св. Іеронима, а какимъ-то тайнописаніемъ), и пр. [1]). По мнѣнію Тредьяковскаго славенскій языкъ „нашей чистотѣ вся мѣра, а не грубый деревенскій, мужицкій бредъ", и „писать у насъ есть иное, а просто говорить по дружески, другое"; и такъ какъ онъ ставитъ выше слова: гласъ, око, ланиты, уста, чѣмъ: голосъ, глазъ,

---

[1]) Въ другой статьѣ (о первоначаліи Россовъ) Тредьяковскій говоритъ: „Россійскій языкъ есть единъ изъ словенскихъ, да еще и цѣльнѣйшій прочихъ, еслибъ его не портили; однако никогда и въ вѣки его не повредятъ: щитъ ему и утвержденіе безсмертный нашъ языкъ церковный. И такъ, будетъ онъ вѣчно и достодолжно называться славенороссійскимъ".

щски, губы, то его языкъ (особенно въ поэмахъ) испещренъ множествомъ словъ и даже формъ славенскихъ. Такъ и Сумароковъ сожалѣлъ, что русскій языкъ постепенно теряетъ прекрасныя формы славянскаго языка: видѣхъ, видѣ, и пр.

Михаилъ Ломоносовъ, изучая, кромѣ естественныхъ наукъ, и родной языкъ, обратилъ свое вниманіе и на родственные языки, и замѣтилъ, что языки южныхъ Славянъ за Дунаемъ ближе къ россійскому, чѣмъ западно-славянскіе. Онъ отдѣлялъ славянскій языкъ церковный отъ древнерусскаго гражданскаго, на которомъ писаны на пр. древніе юридическіе и лѣтописные памятники; хорошо сознавалъ разницу языка славянскаго и русскаго (великороссійскаго) въ фонетикѣ, формахъ и лексиконѣ. Отдѣляя славянскую стихію отъ русскаго языка, Ломоносовъ тѣмъ не менѣе сознавалъ и признавалъ всю важность церковнаго славянскаго языка для зараждающагося юнаго литературнаго русскаго въ отношеніи этимологическомъ и стилистическомъ; онъ считалъ „церковный языкъ какъ-бы уравнительнымъ маятникомъ, который своимъ вліяніемъ сближаетъ расходящіеся діалектическія формы и задерживаетъ слишкомъ быструю измѣнчивость языка живаго" [1]). Въ такомъ смыслѣ высказывается Ломоносовъ въ разныхъ статьяхъ по вопросамъ филологическимъ и историколитературнымъ, и въ своей Граматикѣ россійской (1755 и часто). Въ статьѣ „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ" Ломоносовъ полагаетъ, что изъ славенскаго языка „умножаемъ довольство россійскаго слова", и что „россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ имѣетъ разныя степени и штили"; изъ нихъ „высокій штиль составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма об(в)етшалыхъ", и употребляется въ высшей поэзіи, одахъ, и въ прозѣ о важныхъ матеріяхъ; въ среднемъ штилѣ надо употреблять россійскій языкъ и съ осторожностью тоже нѣкоторыя

---

[1]) А. Будиловичъ: М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ (СП. 1869, стр. 95); срв. его же сборникъ: Л. какъ писатель (1871, глава: особенности его языка и стиля).

реченія славенскія, именно въ театральныхъ сочиненіяхъ, низшей поэзіи, а въ прозѣ „въ описаніи дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ“; низкій штиль, простонародный россійскій языкъ, надо употреблять въ „подлыхъ“ комедіяхъ, эпиграмахъ, пѣсняхъ, письмахъ, въ описаніи обыкновенныхъ дѣлъ. Славенскій языкъ защищаетъ россійскій языкъ отъ вторженія въ него чужеземщины и отъ упадка, предотвратилъ его раздробленіе на много нарѣчій (какъ это замѣтно на пр. у Нѣмцевъ), и наконецъ, связываетъ до извѣстной степени всѣхъ православныхъ Славянъ; ибо отдаленные задунайскіе православные Славяне „для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность“. Всѣ эти правила, конечно, имѣютъ только теоретическое значеніе, а русскіе писатели убѣждались все больше о томъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ „требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія“, а не только въ „театральныхъ сочиненіяхъ“ и въ „описаніи дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ“, въ которыхъ, по теоріи Ломоносова, надо употреблять „средній штиль“. Практика однако показала, что „низкій штиль“, слова и реченія „простонародныя, презрѣнныя, низкія, подлыя“ не довольствовались только „обыкновенными дѣлами“, а требовали все больше права гражданства въ русскомъ стилѣ вообще [1]). Въ россійской граматикѣ Ломоносовъ опредѣлилъ наконецъ формы литературнаго языка русскаго, не смѣшивая съ ними формъ славенскаго (славянскаго) языка, установилъ правила, „какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему, разсудительному его употребленію“.

---

[1]) Иванъ Елагинъ (Опытъ повѣствованія о Россіи, 1790) возстаетъ противъ „славянскаго“ стиля: „Видимъ мы многихъ писателей, учеными красотами сіяющихъ, но принужденно ученый ихъ слогъ есть мука читателю и поношеніе учености, а украшеніе не къ мѣсту славянчизною есть зараза творцовъ несмысленныхъ“ (по изд. 1803 г., I. стр. XII).

Тѣсная связь славенскаго и русскаго языковъ и какое-то благоговѣніе къ первому въ ущербъ другому все еще замѣтны въ разныхъ филологическихъ трудахъ второй половины XVIII-го вѣка. Такъ на пр. въ сочиненіи протоіерея Петра *Алексѣева* „Церковный словарь или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ" (1773—1779, 2. изд. 1794) славенскія слова часто толкуются „простыми" русскими, на пр.: брада—просто борода, есень—по просту осень,важдь—просто дай, кощунникъ—просто смѣхотворъ, и пр. [1]). То же самое встрѣчается и въ „Словарѣ академіи россійской" (1789—1794, 6 частей), этимологическомъ словарѣ „славенороссійскаго языка", т. е. славенскаго и россійскаго. Издатели словаря полагаютъ, что „языкъ россійскій имѣетъ незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій", и—по примѣру Ломоносова — замѣчаютъ, что церковный славенскій языкъ соединяетъ всѣ православныя племена славенскія, и что онъ составляетъ ключъ въ „другія славенскія нарѣчія довольно для насъ вразумительны". По этому въ словарѣ объясняется: власъ—въ общемъ языкѣ волосъ, гласъ—въ нынѣшнемъ языкѣ голосъ, плавый (сл.)—просто же полóвый (изъ желта бѣлый), и пр. Двое изъ составителей словаря, натуралисты Румовскій и Лепехинъ, обратили вниманіе и на остальные славянскіе языки; Румовскій для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему славянскіе, а Лепехинъ утверждалъ, что академія, обязавшись торжественно издавать словопроизводный словарь, меньшему подвергнетъ себя сужденію, заимствуя корень изъ сродныхъ славянскихъ языковъ, нежели ставя слова ясно сложныя за коренныя [2]).

Сама императрица Екатерина II, интересуясь русскою исторіею, литературою и языкомъ, обратила свое вниманіе и на другихъ Славянъ. Она, подобно многимъ другимъ писателямъ (на

---

[1]) Словарь Алексѣева въ извѣстной степени тоже словарь энциклопедическій; въ немъ на пр. приводятся тоже славенорусскіе боги: Велесъ, Дажба-Дашуба Дажбогъ, Хорсъ, Ладо, Позвиздъ, и пр.

[2]) М. Сухомлинова: Исторія россійской академіи, II. 135. 283. Въ азбучномъ порядкѣ изданъ словарь въ началѣ XIX в. (1806—1822)

пр. Тредьяковскому, Ломоносову), увлекалась случайным созвучіемъ разнородныхъ языковъ, и по этому могла написать Гримму (1784 г.): „Я собрала много свѣдѣній о Славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ, и въ Америкѣ"; такъ на пр. Perigord—слово славянское, baron=бояринъ; Меровинги, Кловисъ и Хильперикъ, были-де Славяне, и неудивительно, если французскіе короли присягали въ Реймсѣ на славянскомъ евангеліи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина справедливо замѣчаетъ: „Кто бы сколько ни былъ ученъ, если не приложитъ знанію славянскаго языка, не только будетъ имѣть великій недостатокъ въ начальномъ знаніи, но сверхъ того на каждомъ шагу подвергаетъ себя ежечаснымъ ошибкамъ, предубѣжденіямъ и вѣтренности, наипаче же въ познаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальныхъ основаній народныхъ, въ чемъ безъ сомнѣнія всякій опытомъ удостовѣрится можетъ" [1]). По мысли Екатерины изданъ тоже „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій" (1787—1789, потомъ 1790—1791), гдѣ слова приводятся тоже на славянскихъ языкахъ (кириллицею), именно по-русски, славянски, славяно-венгерски, иллирійски, богемски, сербски, вендски, сорабски, полабски, кашубски, польски, малороссійски. Наконецъ, Екатерина интересуясь славянскою исторіею, велѣла перепечатать въ Петербургѣ исторію славенскихъ народовъ Серба Рача; издатель, Сербъ Новаковичъ, напечаталъ однако только первый томъ (древняя исторія славянская, исторія болгарская) „по высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію" (1795 г.) [2]). По этому Суворовъ, въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II, могъ сказать: „Вожделѣнная народа славенскаго матерь, веселящаяся быти таковою! Како любимия древности славенскія, дѣянія, повѣствованія! Все, все, при-

---

[1]) Я. Гротъ: Филологическія занятія Екатерины II (Русскій Архивъ 1877, апрѣль, 430); Сборникъ императ. русск. историч. общества (1878, т. XXIII).

[2]) См. выше, стр. 253.

надлежащее Славянамъ! Въ сихъ упражняешися, любомудрствуеши, и простираеши невѣдомый лучъ свѣтлости будущимъ писателямъ нашимъ. Коль сладостно намъ сіе, что тако чествуеши и возносиши языкъ славенскій!" [1]).

Благодаря дѣятельности Петра Великаго Россія XVIII вѣка вошла въ составъ европейскихъ державъ, восприняла европейское просвѣщеніе и образованіе; русскій народъ, посредствомъ своихъ сыновъ, вступилъ въ число другихъ европейскихъ народовъ и сталъ, на равнѣ съ ними, трудиться надъ дальнѣйшимъ развитіемъ европейской образованности, науки и литературы. Новое направленіе почувствовалось во всѣхъ отрасляхъ духовной жизни русскаго народа, между прочимъ и въ области историческихъ наукъ Русскіе и русско-нѣмецкіе историки XVIII в. изучали источники русской и вообще славянской исторіи, разработывали ее болѣе критически, исключая изъ нея стихію богословско-книжную, лѣтописную, баснословную (въ родѣ разныхъ Мосоховъ, Росовъ, Русовъ, Словеновъ и др.). Не за чѣмъ упрекать представителей русской науки, если многіе вопросы древней славянской исторіи, на пр. о Скиѳахъ и Сарматахъ, Гунахъ и Козарахъ, Варягахъ и Русахъ и пр., рѣшались разнообразно, некритически, если многіе пріемы тогдашней учености въ области исторіи и филологіи часто невозможны и смѣшны; все это встрѣчается и у болѣе опытныхъ учителей Русскихъ, у западноевропейскихъ ученыхъ, и тѣмъ болѣе понятно въ новой только что зараждающейся научной дѣятельности русской: важно то, что русскіе ученые не повторяли уже просто повѣствованій древнихъ лѣтописей и хронографовъ, и стали относиться къ научнымъ вопросамъ болѣе самостоятельно и критически [2]). Вмѣстѣ съ развитіемъ на Руси европейской

---

[1]) Эти слова знаемъ только изъ книги Шишкова „О старомъ и новомъ стилѣ“ (1803).

[2]) Вспомнимъ, что, не смотря на все развитіе историческихъ и филологическихъ наукъ за послѣднее столѣтіе, многіе вопросы древнеславянской исторіи (на пр. о Скиѳахъ, Сарматахъ, Гунахъ, Варягахъ-Руси и пр.) остаются до сихъ поръ открытыми и „рѣшаются“ разнообразно. См. выше, стр. 8.

науки съ ея методомъ и пріемами, возникла и свѣтская, изящная русская литература, по образцу другихъ европейскихъ литературъ. Наконецъ образовался органъ всей этой духовной дѣятельности русскаго народа, языкъ; русскій языкъ освобождался отъ церковнаго славянскаго, и упрочивалось все болѣе убѣжденіе, что надо писать, какъ говорятъ [1]).

Всѣ эти пріобрѣтенія и успѣхи науки и литературы у наисильнѣйшаго славянскаго народа обращали на себя вниманіе Славянъ южныхъ и западныхъ. Издаваемые памятники древнерусской исторіи и письменности, труды по русской исторіи и филологіи, приносили пользу славяновѣдѣнію вообще. Равнымъ образомъ какъ русскіе ученые, изучая свою исторію, свой языкъ, обращали вниманіе на исторію и языкъ остальныхъ Славянъ, такъ и югославянскіе и западославянскіе ученые пользовались русскою наукою. Такимъ образомъ развитіе русской науки внесло важную долю въ изученіе славянскаго міра. Но не только ученые славянскіе интересовались и пользовались русскою наукою; она возбуждала вниманіе и у другихъ европейскихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе честно потрудились надъ ея дальнѣйшимъ развитіемъ. Шлецеръ, занимаясь древнерусскою исторіею, почувствовалъ всю важность и необходимость общеславянской граматики и словаря; философъ Гердеръ, указывая на огромное пространство, занимаемое Славянами, предсказываетъ имъ лучшее будущее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ желаніе, чтобъ наконецъ написана была общая исторія этого племени [2]).

---

[1]) Срв. А. Пыпина: Русская наука и національный вопросъ въ XVIII в. (Вѣстникъ Европы 1884, май, іюнь. іюль).

[2]) Schlözer: Allg. nordische Geschichte, p. 330, Nestor I. p. 46; J. Herder: Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit (1787 г.): срв. Добровскаго Slawin, 2. изд. стр. 242, 23. Замѣтимъ, что объ общеславянскихъ граматикѣ, словарѣ и исторіи мечталъ уже въ XVII вѣкѣ Юрій Крижаничъ.

VI.

СЛОВѢНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ЕГО СУДЬБЫ У НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ [1]).

1. *Распространеніе словѣнскаго языка у славянскихъ народовъ.*

Языкъ Словѣнъ Панонів, Дакіи, Мизіи, Ѳракіи и Македоніи сталъ, первый между славянскими, письменнымъ языкомъ уже во второй половинѣ IX вѣка. На словѣнскій языкъ переведены тогда священныя и богослужебныя книги христіанства, именно по инициативѣ Солунянина Константина, который приспособилъ греческое письмо (т. наз. кирилицу и глаголицу) къ словѣнскому языку [2]). Переводъ священныхъ книгъ на словѣнскій языкъ начался еще въ предѣлахъ греческаго царства, на языкъ тѣхъ задунайскихъ Словѣнъ въ Македоніи, который Константинъ хорошо зналъ. Главный же трудъ перевода совершился среди преддунайскихъ Словѣнъ именно въ Панонів, въ области главной дѣятельности Константина, его брата Меѳодія и ихъ сподвижниковъ и учениковъ изъ Словѣнъ панонскихъ, дакійскихъ, и пожалуй тоже изъ Словѣнъ византійскихъ или даже изъ Моравянъ и Словаковъ. Преддунайскіе Словѣне Панонів и Да-

---

[1]) Помѣщено прежде въ „Меѳодіевскомъ юбилейномъ сборникѣ" (Варшава 1885): здѣсь повторяется съ необходимыми сокращеніями. О названіи „словѣнскій языкъ" см. выше, стр. 5 и 255.

[2]) См. выше, стр. 281, и т. I. стр. 204.

кіи употребляли такой же „словѣнскій“ языкъ, на какомъ говорили вышедшіе оттуда задунайскіе Словѣне Мизіи, Өракіи и Македоніи, хотя-бы и на извѣстныхъ нарѣчіяхъ; но во всякомъ случаѣ нарѣчіе Словѣнъ блатенскаго княжества (Панопіи) было такое же нарѣчіе „словѣнскаго" языка, какимъ было нарѣчіе Словѣнъ македонскихъ, заселявшихъ область солунскую (селунскую); а „Селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдують", замѣтилъ— по житію св. Меѳодія—царь Михаилъ [1]. Изъ Панопіи словѣнскія книги распространились съ одной стороны на сѣверъ къ Моравянамъ и Словакамъ, къ Чехамъ и Ляхамъ, а съ другой стороны на югъ къ Хорватамъ, Сербамъ, и особенно къ Болгарамъ, вѣроятно и къ остальнымъ Словѣнамъ въ Дакіи; наконецъ на Русь, преимущественно изъ Болгаріи, но вѣроятно еще раньше изъ Панопіи и Дакіи.

---

[1]) По прямому свидѣтельству житій свв. Константина и Меѳодія переводъ словѣнскихъ церковныхъ книгъ начался еще въ предѣлахъ греческаго царства, гдѣ переведено именно евангеліе св. Іоанна (Константинъ сложи писмена и начеть бесѣду писати евагельску: испрьва бѣ слово и пр.), и по всей вѣроятности и другія церковныя книги; немедленно послѣ прибытія обоихъ апостоловъ въ Мораву переведенъ весь церковный чинъ. т. е. часословъ и служебникъ (см. житіе св. Константина, гл. XIV, XV). Главный же трудъ совершенъ уже Меѳодіемъ, по всей вѣроятности въ Панопіи въ городѣ Блатнѣ. Архіепископъ Меѳодій, въ послѣднемъ году своей дѣятельности (884), „отъ ученикъ своихъ посажь дъва попꙑ скорописьцꙗ зѣло, прѣложи въ бръзѣ вьсꙗ книгꙑ испълнь. развѣ Макавѣи, отъ грьчьска ꙗзꙑка въ словѣньскъ. шестию мѣсꙗць, начьнъ отъ марѳа мѣсꙗца до дъвою десꙗту и шестию дьнь октꙗбрꙗ мѣсꙗца; пьсалтꙑрь бо бѣ тъкъмо и евангелиѥ съ апостолъмь и избьранꙑми службами и цьркывьнꙑими, съ философомь Константиномь прѣложилъ пьрьвѣѥ (*гдѣ? въ задунайской или преддунайской Словѣніи?*); тъгда же номоканонъ, рекъше закону правило, и отьчьскꙑꙗ книгꙑ прѣложи. Оконьчавъ же достоиную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такову благодать и поспѣхъ". (Житіе св. Меѳодія, гл. XV, перешло и въ начальную русскую лѣтопись). Объ этой дѣятельности обоихъ апостоловъ см. особенно статью Ф. Рачкаго въ сборникѣ Tisućnica slov. apostola (Zagreb 1863).

По смерти паннонско-моравскаго архіепископа Меѳодія (885) и въ слѣдствіе начавшагося тогда гоненія словѣнскихъ священниковъ и словѣнскаго богослуженія нѣмецко-латинскими епископами, многіе ученики Константина и Меѳодія ушли преимущественно въ первое тогда славянское царство, въ Болгарію, и продолжали здѣсь дѣятельность своихъ учителей. Но скоро и Моравія освободилась на время отъ нѣмецкихъ епископовъ. Въ самомъ концѣ X в. (899) папа Іоаннъ IX устроилъ вновь моравскую церковь съ самостоятельнымъ архіепископомъ и тремя епископами, и вѣроятно разрѣшилъ вновь словѣнское богослуженіе. Это возбудило взрывъ негодованія баварскихъ епископовъ, которые только что вытравили словѣнскихъ учениковъ Меѳодія изъ Моравіи при помощи „варварскихъ нѣмецкихъ солдатъ (στρατιῶται βάρβαροι Νεμιτζοί)", и все требовали отъ Моравянъ безусловнаго подчиненія: sive velint sive nolint regno nostro subacti erunt [1]). Словѣнское богослуженіе сохранилось и послѣ паденія Великой Моравіи въ подвластныхъ311грамъ славянскихъ странахъ. Вообще въ основанномъ на развалинахъ Великой Моравіи новомъ государствѣ угорскомъ въ странахъ по Дунаю, Тисѣ и Марошу, восточно-христіанская церковь существовала дальше, хотя она, послѣ присоединенія Угріи къ Риму, очутилась на второмъ планѣ передъ господствующею церковью латинскою. Нѣкоторые князья угорскіе уже въ X в. сносясь съ Царьградомъ, принимали христіанство восточнаго греческаго обряда; въ XI—XIV вв. упоминаются въ Веспримѣ, Вышеградѣ и др. „греческіе" монастыри, не столько „греческіе" (въ отношеніи языка), а скорѣе „словѣнскіе". Въ угорскомъ языкѣ нѣкоторыя слова изъ церковной терминологіи - словѣнскаго происхожденія (*пап*—попъ, *сент*—свѧтъ, *керест*—крестъ, кръстъ, *маласт*—милость, *покол*—пъкло, и др.). Въ этихъ „греческихъ" монастыряхъ Угріи и дальше въ Дакіи могли списываться церковныя книги словѣнскія, при чемъ могло быть здѣсь извѣстно греческо-словѣнское

[1]) Житіе св. Климента (Fontes rer. bohem. I. 92, Бильбасовъ Кириллъ и Меѳодій I. 289), письмо баварскихъ епископовъ папѣ 900 г. (Ginzel: Cyrill u. Method, Codex 68).

письмо въ обоихъ своихъ видахъ, глаголическое и кириловское; вѣроятно въ Угріи (Паноніи) написаны и пространныя (панонскія) житія свв. Константина и Меѳодія. Угрія представляла вообще соединяющее звено между словѣнскимъ духовенствомъ у Славянъ западныхъ, южныхъ, тоже восточныхъ [1]).

Въ Чехіи существовало словѣнское богослуженіе въ X — XI вв. рядомъ съ латинскимъ, которое однако, въ слѣдствіе присоединенія Чехіи къ Германіи и основанія въ Прагѣ латинской епископіи (973 г.), сдѣлалось господствующимъ. Еще въ началѣ X в., при постригахъ молодаго княжича Вячеслава Вратиславовича (въ 910 г.) въ Прагѣ, присутствовали епископы, очевидно не латинскіе а словѣнскіе, изъ Моравіи-ли или изъ самой Чехіи [1]). Словѣнскія книги были въ большомъ почетѣ и въ Чехіи, ихъ любила княгиня Людмила, ихъ изучалъ и ея внукъ Вячеславъ, на равнѣ съ латинскими и греческими. Словѣнскія житія свв. Ивана, Людмилы, Вячеслава и церковныя службы послѣднему составлены въ Чехіи, и распространились оттуда къ остальнымъ Славянамъ, на югъ къ Хорватамъ и на востокъ на Русь; восточная православная церковь русская причислила Людмилу и Вячеслава къ лику своихъ святыхъ. Пражская латинская епископія основана съ условіемъ, чтобъ она не была словѣнская (slavonicae linguae), и она вѣроятно и позаботилась о постепенномъ вытѣсненіи словѣнскаго богослуженія въ своемъ округѣ. Но чешскій народъ и сами многіе князья любили словѣнское богослуженіе, и еще князь Вратиславъ (1080)

---

[1]) Нѣкоторыя указанія на греческую церковь въ Угріи см. у Будиловича Очерки изъ церковной исторіи у западныхъ Славянъ I. О праж. епископѣ Войтѣхѣ, 102, Сасинка (Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska, и его статью въ Sborník Velehradský, IV. 58—68), Крха (Kritické úvahy o starších dějinách našich, II.), Пича (Abstammung der Rumänen, Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht). Замѣтимъ, что словѣнскія житія св. Константина и св. Вячеслава были извѣстны тоже Хорватамъ, куда они могли попасть скорѣе изъ Угріи, чѣмъ изъ Болгаріи.

[2]) Fontes rer. bohem. I. 127. („Нотарій" не имя епископа, а его должность - нотаріи, канцлера, или это вмѣсто: етеръ).

просилъ у папы разрѣшенія отправлять богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, но напрасно. Словѣнское богослуженіе въ Чехіи въ XI в. нашло себѣ убѣжище въ одномъ только сазавскомъ монастырѣ, управляемомъ св. Прокопіемъ; здѣсь оно совершалось до конца XI в., и только тогда, вслѣдствіе козней латинско-нѣмецкаго духовенства, словѣнскіе монахи должны были уйти въ Угрію и замѣнены латинскими. Тогда же и словѣнскія книги истреблены и растеряны—deleti omnino et disperditi, говоритъ сазавскій лѣтописецъ [1]).

Слѣды словѣнскаго богослуженія сохранились однако въ чешской церковной терминологіи, въ которой, рядомъ съ латинскими и нѣмецкими словами, встрѣчаются тоже слова словѣнскаго происхожденія: церкевь (циркевь), крест, вскрешеніе, поп и др. Чешскія формы именъ *Климент* и *Митр* указываютъ на греческія Κλήμεντ—и Δημήτρ—,а не на латинскія Clemens, Demetrius. Наконецъ раздается до сихъ поръ въ чешской церкви старинная

[1]) О словѣнскомъ богослуженіи въ Чехіи, см., кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Чехіи и Моравіи (Палацкаго, Дудика, Иречка и др.), соч. Гинцеля, Лавровскаго, Бильбасова о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, Ганки Остатки слов. богослуж. въ Чехіи, Будиловича о св. Войтѣхѣ, Срезневскаго Славяно-русская палеографія. Невоструева (Rad jugoslav. akademije. XXI). выше упомянутое сочиненіе Крха статью М. Прохазки въ Sbornik Velehradský IV. и др Преданія о словѣнскомъ богослуженіи въ сазавскомъ монастырѣ сохранились въ живой и благодарной памяти и въ послѣдствіи (до XIII в.), среди латинскихъ монаховъ сазавскихъ, но чешскихъ патріотовъ. Такъ на пр. сазавскій лѣтописецъ, разсказывая о козняхъ латинско-нѣмецкаго духовенства противъ словѣнской братіи, не могъ удержаться отъ крика негодованія: O invidia, inextricabilis maliciae zelus! O invidia detestanda, omnimoda malitia conglobata, ignis inextinguibilis! (Fontes rerum bohem. II. 246). Другой сазавскій монахъ, авторъ стихотворнаго житія св. Прокопія (на чешскомъ языкѣ), тоже съ негодованіемъ отзывается о „латинникахъ Нѣмцахъ цузоземцахъ", которые все клеветали на монаховъ „Словенъ", отправлявшихъ богослуженіе „словенскимъ глаголомъ", и наконецъ завладѣли монастыремъ. (Fontes I. 358—359). Темныя вѣсти о торжествѣ латинства надъ словѣнскимъ православіемъ у западныхъ Славянъ сохранились на Руси XV в.; срв. выше, стр. 448.

пѣснь *Господине помилуй ны*, въ словѣнскомъ происхожденіи которой не можетъ быть сомнѣнія; въ ней слова *помилуй ны* (по-чешски: смилуй се над нами), *спас* (по-чеш. спаситель), *мир* (по-чеш. свѣт), свидѣтельствуютъ о времени ея возникновенія, въ періодъ дѣятельности Мееодія и его учениковъ у западныхъ Славянъ [1]).

О словѣнскомъ богослуженіи въ Польшѣ извѣстно мало. Дѣятельность панонско-моравскаго архіепископа Мееодія распространилась и за Карпаты въ подвластную Святополку землю „сильнаго поганскаго князя Вислянъ" на верхней Вислѣ. Словѣнское богослуженіе сохранилось въ краковской землѣ несомнѣнно и послѣ распаденія Великой Моравіи и послѣ устройства латинской церкви и іерархіи въ Польшѣ, рядомъ съ господствующимъ латинскимъ, какъ это было въ Чехіи, Угріи и Хорватіи. Кончину Болеслава Храбраго оплакивали Латиняне и Словѣне (Latinorum et Slavorum incolae), и сына Болеслава, Мѣшка, упрекали Нѣмцы въ любви къ „греческому" языку въ богослуженіи [2]). Польская церковная терминологія, примыкающая къ чешской, могла образоваться и подъ вліяніемъ словѣнской, какъ на пр. слова: *церкевь* (употреблявшееся въ Польшѣ до XV в. вмѣсто kościoł изъ латинскаго castellum), *господзин* (т. е. господь богъ, до XV в.),

---

[1]) Срв. Миклошича Die christliche Terminologie der slav. Sprachen. О словахъ *спас* и *мир* замѣчаетъ уже Янъ Голешовскій (1397 г.), что эти слова не чешскія, а „хорватскія", подразумѣвая подъ Хорватами—словѣнскихъ монаховъ, отправлявшихъ тогда въ одномъ пражскомъ монастырѣ богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ хорватскаго извода; срв. выше, стр. 47.

[2]) Bielowski Monumenta Polon. histor. I. 413, 323. Мнѣніе Мацѣевскаго (Historya prawodawstw słowiań. II. 325) и Бартошевича (Arcybiskupstwo krakowskie, Encyklopedya powszech.) о существованіи словѣнской архіепископіи въ Краковѣ еще въ XI в. опровергаетъ Малэцкій (Kościelne stosunki w pierwotnéj Polsce, Przewodnik naukowy 1875, 393, и ср. 1877, 282). Монеты съ кирилловскою надписью „Болеславъ" чеканены вѣроятно въ Кіевѣ, или въ Польшѣ для Руси. (Stronczyński: Dawne monety polskie II. 28). Срв. тоже выше, стр. 74' слова Пясецкаго о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ въ Польшѣ.

поп (вообще священникъ), *крест* (крещеніе) и др.; древнеполь. форма имени *Климент*, *Климант*, *Климунт*, указываетъ тоже на греческое его происхожденіе. Латинская іерархія изгладила однако скоро всѣ слѣды дѣятельности Меѳодія и его учениковъ среди Ляховъ.

Съ конца XI в. словѣнскій языкъ замолкъ въ церквахъ чешско-моравской и польской; и если Чехи и Поляки услыхали иногда этотъ языкъ, то это было только случайно. Такъ на пр. ко двору благочестиваго чешскаго короля Вячеслава II (1283—1305) приходили священники изъ разныхъ странъ, не только изъ западныхъ, а тоже изъ восточныхъ, изъ Греціи, Руси, Угріи, Сербіи и Хорватіи, и отправляли передъ королемъ богослуженіе на языкахъ греческомъ и словѣнскомъ [1]). Только позже, съ половины XIV в., Чехи и Поляки услыхали у себя дома, въ двухъ монастыряхъ, пражскомъ и краковскомъ, опять словѣнскій языкъ, но уже не въ древнемъ его видѣ, а по изводу хорватскому, какъ онъ развился у адріатическихъ Славянъ.

Изъ Великой Моравіи, именно изъ Панонін, словѣнское богослуженіе распространялось и къ Славянамъ адріатическимъ и балканскимъ, особенно когда по смерти Меѳодія началось гоненіе его учениковъ и они разбрелись по сосѣднимъ славянскимъ странамъ. Словене-Словенцы югозападной Панонін, находясь подъ управленіемъ Меѳодія, познакомились съ словѣнскимъ богослуженіемъ; между тѣмъ ихъ ближайшіе соплеменники въ Норикѣ (хорутанскіе Словенцы) остались подъ опекою нѣмецко-латинскаго духовенства. Впрочемъ и въ древнѣйшемъ письменномъ памятникѣ хорутанско-словенскаго языка (фрейзингенскихъ отрывкахъ), писанномъ въ X - XI в. латиницею, замѣтно вліяніе словѣнской церковной терминологіи (крест, неприязн, треба, цьркъва, обѣт, цесарство, мочи, и др.). Кажется, что этотъ памятникъ или его прототипъ былъ извѣстенъ тоже въ Панонін и распространился и къ другимъ Славянамъ; въ одномъ словѣнско-русскомъ поученін XII—XIII в. встрѣчаются слѣды

---

[1]) Лѣтопись Петра Збраславскаго (Fontes rerum bohem. IV. 70).

этого древне-словенскаго памятника [1]). Если позже литургія въ словенскихъ земляхъ кое-гдѣ совершалась на словѣнскомъ языкѣ, то это было случайно и перенесено туда изъ сосѣдней Хорватіи. Такъ въ XIV в. кое-гдѣ въ австрійскихъ владѣніяхъ отправлялась литургія на словѣнскомъ языкѣ (in windischer Sprache), который-де распространенъ далеко и широко, такъ что съ нимъ не можетъ помѣриться ни одинъ языкъ въ мірѣ; такъ думаетъ записавшій это Нѣмецъ, смѣшивая здѣсь языки словенскій (windisch), словѣнскій (церковный) и общій „славянскій". Еще въ XVI—XVII вв. около Терста (Тріеста), и въ областяхъ горицкой, краньской и южной Штиріи (Windische Mark), въ нѣкоторыхъ церквахъ употреблялся словѣнскій языкъ, по всей вѣроятнокти хорватскаго происхожденія [2]).

Въ Далмаціи, т. е. въ Хорватіи и въ княжествахъ холмскомъ и діоклейскомъ или въ позднѣйшемъ королевствѣ словинскомъ (regnum Slavorum), словѣнскому богослуженію пришлось вести упорную борьбу съ латинскимъ, которое поддерживалось латинско-итальянскими епископами Далмаціи и папскою куріею. Но хорватско-сербскій народъ и его духовенство съ любовью придерживались словѣнскаго (словинскаго) богослуженія и церковныхъ книгъ греческо-словѣнскихъ писанныхъ глаголицею. Два раза, въ 924-мъ и 1059-мъ гг. на соборахъ въ Сплѣтѣ, папская курія и латинскіе епископы Далмаціи запретили словѣнскій языкъ въ богослуженіи. Но не смотря на эти запрещенія, народъ не хотѣлъ разстаться съ словѣнскимъ богослуженіемъ, а въ словинскомъ королевствѣ, въ епархіи митрополита діоклейско-барскаго, подчиненнаго Риму, еще во второй половинѣ XI в. находились рядомъ съ монастырями латинскими тоже монастыри греческіе или словѣнскіе (Graecorum sive Sclavorum), и въ половинѣ XII в.

---

1) Kopitar: Glagolita Clozianus, XXXIII, Срезневскій о малоизв. памятникахъ N-го XXVI, Miklošič: Die christl. Terminologie der slav. Sprachen, 3.

2) Radič въ Letopis Matice sloven. 1879, стр. 4, Marn: Jezičnik 1867, V. 58, Valvasor: Ehre des Herzogth. Krain VI. 272, VII. 404, Kopitar: Grammatik p. XXX.

въ городѣ Барѣ одинъ попъ перевелъ югославянскую лѣтопись съ языка словѣнскаго на латинскій. Только въ половинѣ XIII в. сама папская курія разрѣшила употребленіе словѣнскаго языка и письма (глаголицы) въ хорватской церкви, хотя самое письмо стали приписывать уже не „еретику" Меѳодію, а св. Іерониму [1]). Не смотря однако на такое разрѣшеніе папы, латинскій языкъ остался и впредь языкомъ господствующимъ въ хорватско-далматинской церкви, да онъ сталъ мало по малу вытѣснять словѣнскій языкъ изъ многихъ церквей хорватскихъ. Словѣнскій (словинскій) языкъ и словѣнское богослуженіе не пользовалось вообще особымъ уваженіемъ и расположеніемъ со стороны латинской іерархіи, которая не рѣдко относилась враждебно и къ словѣнскому богослуженію „св. Іеронима", хотя бы одобренному самимъ папою. Горько жалуется на такое презрѣніе словѣнскаго богослуженія модрушскій епископъ Николай (ок. 1470 г.); и что такія сѣтованія не были безъ основанія, видно на пр. по распоряженіямъ далматинско-сплѣтскаго архіепископа Андрея въ 1535 г., по которымъ ни одинъ священникъ словинскаго (словѣнскаго) языка (глаголяшъ) не могъ быть членомъ сплѣтскаго капитола, и священникомъ въ Сплѣтѣ, Омишѣ и другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Да еще въ началѣ нашего вѣка на островѣ Лошинѣ населеніе боролось за словѣнское богослуженіе противъ притязаній латинскаго духовенства, но безъ успѣха [2]).

---

[1]) Подробности см. въ нашей статьѣ въ Меѳодіевскомъ юбилейномъ сборникѣ, стр. 18—20.

[2]) О словѣнскомъ богослуженіи въ Хорватіи см. Assemani Kalendaria ecclesiae universae IV, Шафарика Památky hlahol. písemnictví, Гинцеля, Лавровскаго, Бильбасова о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, Ягича Ист. хорват. и серб. литер., Ткальчича въ Archiv für slav. Philologie IV. 433, Starine XVI. 123, Кукулевича въ сборникѣ Tisućnica. Любича въ Ogledalo II. 346 и въ Rad jugoslav. akademije knj 57, и др. Словѣнское богослуженіе употребляется нынѣ въ нѣкоторыхъ приходахъ приморской Хорватіи и Далмаціи, въ епархіяхъ сеньской, керцкой, задарской, сплѣтской, шибеницкой (см. у Гинцеля); между тѣмъ въ Истріи и въ сѣверной Хорватіи (епархіи загребской) оно исчезло уже въ XVII—XVIII вѣкахъ. Извѣстно, что нѣ-

Главнымъ убѣжищемъ учениковъ св. Меѳодія и словѣнскаго богослуженія, прогоняемыхъ изъ Моравіи и Панопіи, сдѣлалась Болгарія. Она тогда, при сильномъ царѣ Симеонѣ (888—927), стала первымъ царствомъ на балканскомъ полуостровѣ, угрожая самому Царьграду; но съ другой стороны, въ отношеніи церковномъ и литературно-культурномъ, она примкнула тѣсно къ Византіи. По примѣру византійско-греческой литературы развилась и въ Болгаріи словѣнская письменность, снабжая множествомъ литературныхъ памятниковъ (кирилловскихъ) не только Болгарію и примыкающія къ ней Сербію, Дакію и Панонію, а тоже Русь. Въ южной Болгаріи (Македоніи и Илиріи-Албаніи) рядомъ съ кириллицею употреблялась тоже глаголица до XIII в., имѣя здѣсь вѣроятно опору въ церкви Богумиловъ.

Такимъ образомъ послѣ ослабленія и паденія словѣнскаго богослуженія на славянскомъ западѣ, въ Моравіи и Панопіи, въ Чехіи и въ Угріи, его убѣжищемъ сдѣлалась на славянскомъ югѣ хорватско-сербская Далмація и Болгарія. Отъ церковно-литературной дѣятельности словѣнско-глаголической въ хорватско-сербской Далмаціи и болгарской Македоніи и Илиріи въ X—XII вѣкахъ уцѣлѣло не много, нѣсколько евангелій (зографское, ватиканское, маріинское), псалтирь и молитвословъ (синайскіе), слова св. отцевъ (рукопись Клоца), и нѣсколько другихъ отрывковъ церковныхъ книгъ. Рукописи Клоца и маріинская написаны, кажется, въ хорватско-сербской Далмаціи, другія въ болгарской Македоніи; но это уже не подлинники, а списки съ болѣе древнихъ рукописей временъ св. Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ. Также отъ церковно-литературной дѣятельности словѣнско-кирилловской въ Болгаріи и въ другихъ подунайскихъ странахъ сохранилось не много древнихъ списковъ, евангелія Савы и отрывки другихъ, житія святыхъ и слова (супрасльская рукопись) и др. Гдѣ и когда написаны или списаны на пр. евангеліе Савы или супрасльская рукопись, въ Панопіи или въ Дакіи, въ Болгаріи или въ Сербіи, неизвѣстно. Одно изъ такихъ сло-

---

мецко-итальянскіе епископы въ епархіяхъ словенскихъ и хорватско-далматинскихъ относятся и нынѣ къ словѣнскому богослуженію столь враждебно, какъ ихъ предшественники.

вѣнскихъ евангелій попало на Русь, и здѣсь оно списано въ сѣверномъ Новгородѣ для посадника Остромира діакономъ Григоріемъ въ 1056—1057 гг. Этотъ годъ, сопоставленный съ годами написанія кіевскихъ Изборниковъ (1073 и 1076), и Служебныхъ Миней (1095—1097), даетъ возможность приблизительно опредѣлить время написанія другихъ древнѣйшихъ словѣнскихъ памятниковъ, глаголическихъ и кириловскихъ. Во всѣхъ упомянутыхъ древнѣйшихъ памятникахъ словѣнскихъ сохранился словѣнскій языкъ, вообще говоря, очень чистъ, правильное употребленіе ѧ и ѫ, тоже ь и ъ, безъ болѣе значительной примѣси мѣстныхъ языковъ славянскихъ, хорватско-сербскаго, болгарскаго, русскаго; между тѣмъ, въ послѣдующихъ за евангеліемъ Остромира на Руси писанныхъ словѣнскихъ памятникахъ вліяніе русскаго языка болѣе значительно, даже въ памятникахъ второй половины XI в., на пр. въ Изборникѣ списанномъ въ 1073 г. въ Кіевѣ діакономъ Іоанномъ съ Изборника, написаннаго для болгарскаго царя Симеона, стало быть съ рукописи первой половины X вѣка. Вліяніе мѣстныхъ языковъ усиливалось со временемъ, такъ что словѣнскій языкъ памятниковъ второй половины XI в. и XII в., писанныхъ на Руси, въ Хорватіи, Сербіи, Болгаріи, значительно отличается отъ языка на пр. евангелій зографскаго или ватиканскаго, Савы или Остромира. По этому и древнѣйшія словѣнскія рукописи, глаголическія и кириловскія, не означенныя годами, можно отнести напозже къ второй половинѣ XI вѣка. Что касается отношенія языка словѣнскихъ памятниковъ глаголическихъ и кириловскихъ, то разница заключается не въ языкѣ, одинаковомъ въ тѣхъ и другихъ (съ незначительными отступленіями), не въ различіи текста переводимаго съ греческаго, а происходитъ отъ разныхъ редакцій и списковъ греческаго подлинника, и отъ субъективнаго взгляда того или другого писца, который могъ предпочесть другое слово, другую форму, другую фразу, находимымъ въ спискѣ, или могъ иначе перевести слова и фразы подлинника [1]).

---

[1]) Вопросъ объ отношеніи словѣнскаго текста въ древнѣйшихъ памятникахъ надо разсмотрѣть послѣ критическаго изданія памятни-

Въ Хорватіи глаголица, письмо первоначально болѣе круглое, въ XII в. стало измѣняться въ болѣе угловатое, равнымъ образомъ какъ круглое латинское письмо измѣнялось въ угловатое (готическое). Если вѣрно, что рукопись Клоца списана въ Хорватіи, а евангеліе маріинское въ областяхъ хорватско-сербскихъ, то письмо этихъ памятниковъ представляло бы древнѣйшій извѣстный почеркъ хорватско-сербской глаголицы. Угловатая глаголица встрѣчается въ словѣнско-хорватскихъ памятникахъ конца XII и XIII вв. (житіе Іоанна Богослова, житіе св. Ѳеклы, слово Іоанна Златоустаго); переходъ отъ глаголицы круглой къ угловатой замѣтенъ въ надписи на островѣ Керкѣ ок. 1100 г. и въ отрывкѣ апостола XII в. Угловатая хорватская глаголица употребляется тоже въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, начиная съ перваго изданія служебника напечатаннаго въ Венеціи въ 1483 году. Древнѣйшіе словѣнскіе памятники церковные, писанные въ Хорватіи, примыкаютъ тѣсно къ греческимъ текстамъ, какъ на пр. въ упомянутыхъ житіяхъ свв. Іоанна Богослова и Ѳеклы, въ словѣ Іоанна Златоустаго и въ апостолѣ; да одна церковная пѣснь написана глаголицею не только въ „словѣнскомъ" текстѣ, но и въ „грьчкомъ" [1]).

Послѣ исчезновенія глаголицы въ южной Болгаріи и замѣненія ея кирилицею, которая сдѣлалась господствующимъ письмомъ у всѣхъ православныхъ и богумильскихъ Славянъ, глаголица, сохранившаяся только въ Хорватіи и поставленная уже подъ опеку св. Іеронима и Рима, приняла характеръ католическаго словѣнскаго (словинскаго) письма (litterae slavicae), да ста-

---

ковъ. Срв. Шафарика Památky hlahol. písemnictví, стр. XXXI. Ursprung u. Heimat des Glagol. 25; Ягича Evangjelije u slověn. prievotu (въ Tisućnica), Четыре критико-палеографическія статьи (1884), и его изданія евангелій зографскаго, ватиканскаго и маріинскаго; введеніе Миклошича въ его Altslovenische Formenlehre (1874 г.), и др.

[1]) Срезневскій: Свѣдѣнія о малоизвѣстн. памятникахъ N. 70, 71. 74; Ягичъ въ сборникѣ Rad jugoslav. akad. II. 1, Шафарикъ Památky hlahol. písem. 57, Берчичъ Čitanka stslov. jezika 33. Срв. тоже Ягича Priměri starohrvat jezika, Берчича Ulomci sv. pisma.

ла называться часто и хорватскимъ письмомъ. По этому въ XV в. хорватскій переводчикъ разсказа діоклейскаго попа (XII в.) о дѣятельности св. Константина философа: „Constantinus vir sanctissimus ordinavit presbyteros et literam lingua sclavonica componens, commutavit evangelium Christi atque psalterium et omnes divinos libros veteris et novi testamenti de graeca litera in sclavonicam"—перевелъ такимъ образомъ: „Sveti muž Kostanc naredi popove i knjigu hrvatsku, istumači iz grčkoga hrvatsku knjigu i hrvatski istumači evangelia i sve epistule crikvene i tako staroga kako novoga zakona" [1]).

Отъ богатой литературы словѣнско-кириловской въ Болгаріи X в. не уцѣлѣло никакихъ подлинныхъ рукописей означенныхъ годами, и памятники этой литературы сохранились только въ позднѣйшихъ спискахъ, преимущественно на Руси. Рукописи Савы и супрасльская стоятъ ближе къ этой литературной дѣятельности въ Болгаріи или въ другихъ подунайскихъ странахъ; но съ другой стороны не исключена возможность, что и такія рукописи могли быть списаны и на Руси писцами, которые могли придерживаться еще болѣе тщательнымъ образомъ словѣнскаго подлинника, чѣмъ сдѣлалъ на пр. новгородскій діаконъ Григорій. Словѣнско-болгарскіе памятники, начиная съ XI—XII в., за исключеніемъ немногихъ выше упомянутыхъ глаголическихъ, написаны кириллицею, на пр. октоихъ струмицкій, евангелія рыльское, терновское, дечанское, зографское, псалтирь охридская, апостолы охридскій, слѣпченскій, струмицкій, кормчая книга, житія, службы, и др. Изъ Болгаріи словѣнскій языкъ и кириллица распространились въ Сербію, именно въ восточную (расскую), въ западную (Боснію), и наконецъ и въ югозападную (Холмъ и Діоклею). Кириллицею написаны словѣнско-сербскія евангелія Мирослава (1190), Волка (1202), шишатовацкое (1324), никольское (1404), апостолъ шишатовацкій (1324), псалтирь Бранка Младеновича (1346), и др.

---

[1]) О названіяхъ словѣнскаго письма въ Хорватіи см. книгу Рачкаго Pismo slovjensko; срв. тоже выше, стр. 267 и 281.

библейскія книги, кормчія, житія, типики, и пр. [1]). Съ конца XV в. (1494) печатались книги словѣнско-сербскія и словѣнско-болгарскія, въ Цетиньѣ, Бѣлградѣ, Римѣ, Венеціи, Търговищѣ, Брашовѣ и пр.

На Русь словѣнскій языкъ распространился главнымъ образомъ посредствомъ Болгаріи X в.; по этому Русскіе познакомились уже съ кирилицею, между тѣмъ какъ отъ глаголицы на Руси сохранились незначительные слѣды [2]). Какія книги употребляли русскіе христіане IX и X в., до окончательнаго водворенія христіанства на Руси при князѣ Владимірѣ, неизвѣстно; при давнихъ сношеніяхъ дунайскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ (Руси), послѣдніе могли съ христіанствомъ и словѣнскими книгами познакомиться еще раньше, посредствомъ Словѣнъ въ Дакіи, своихъ сосѣдей по карпатскимъ горамъ и по Днѣстру. Ничего болѣе достовѣрнаго нельзя сказать о русскихъ евангеліи и псалтири, которыя Константинъ философъ нашелъ въ Корсуни въ Тавріи на пути въ Козарію, слѣдовательно еще до приспособленія имъ греческаго письма къ словѣнскому языку. Неизвѣстно тоже, что это за „курилоца, куриловица“, изъ которой въ 1047 г. попъ Упирь Лихій въ Новгородѣ списалъ книгу пророковъ [3]). Съ X в. словѣнскія книги списывались на Руси кирилицею, евангелія Остромира и туровское (XI в.), Мстислава, галичское, Добрила (XII в.), псалтири, минеи, слова, изборники, разныя книги библейскія, богослужебныя, кормчія и пр. Съ конца XV в. (1491 г.) начинаются печатныя

---

[1]) Нѣкоторые памятники изданы Шафарикомъ, Миклошичемъ, Даничичемъ, Ягичемъ, и др., особо или въ югослав. журналахъ (Гласник, Starine), въ обоихъ сборникахъ Срезневскаго о малоизвѣстныхъ памятникахъ и о пам. юсоваго письма, и пр. Срв. тоже Новаковича Примери кньижевности и језика старога и србско-словенског**а**.

[2]) Особенно любопытна рукопись словѣнско-русская XII в., въ которой нѣкоторыя слова написаны смѣшаннымъ письмомъ, кирилицею и глаголицею (Извѣстія имп. акад. наукъ X. 580).

[3]) См. выше, стр. 430. Буслаева Истор. христоматія, стр. 143, 173, Опис. рукоп. синодальной библ. I. 87.

книги для Руси и на Руси, въ Краковѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Острогѣ, Львовѣ, Кіевѣ и пр. [1]).

2. Словѣнскій языкъ и его изводы. Изводы чешскій и хорватскій. Словѣнскій монастырь въ Прагѣ. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ.

Словѣнскій языкъ сдѣлался, первый между славянскими языками, литературнымъ, прежде всего церковнымъ, почти у всѣхъ Славянъ. Но у западныхъ Славянъ употребленіе его скоро прекратилось, у Хорватовъ онъ остался ограниченнымъ только на часть ихъ церкви. Только у Славянъ православныхъ, у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, онъ сохранился какъ языкъ церковный съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, имѣя всегда большее или меньшее вліяніе на ихъ языки. Словѣне и ихъ языкъ исчезаютъ въ своей подунайской прародинѣ, оставляя только нѣкорые слѣды въ языкахъ и учрежденіяхъ своихъ преемниковъ и господъ, Угровъ и Румуновъ; а въ задунайской Словѣніи (Болгарія) языкъ словѣнскій рано сталъ измѣняться подъ вліяніемъ языковъ волошскаго (румунскаго) и албанскаго, превращался въ языкъ болгарскій. Словѣнскій языкъ дѣлался, подобно греческому и латинскому, языкомъ мертвымъ. Мѣсто словѣнскихъ хозяевъ занимали хозяева другіе, хотя и родственные, чешско-моравскіе, хорватскіе, сербскіе, болгарскіе, русскіе, и чужіе, Волохи, которые распространялись въ Дакіи, поглощая тамошнихъ Словѣнъ. Всѣ они охраняли словѣнскій языкъ какъ дорогое наслѣдство

---

[1]) Нѣкоторые словѣнско-русскіе памятники изданы вполнѣ (евангелія Остромира, туровское, галичское, псалтирь симоновская, служебныя минеи, слова Григорія Богослова, оба изборника, и др.), другіе отъ части въ сборникахъ Срезневскаго, въ истор. христоматіи Буслаева, и пр. Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка (Извѣстія имп. акад. наукъ X) и Славяно-русская палеографія. Въ изданныхъ о. Амфилохіемъ евангеліи (галичскомъ) и псалтири (симоновской) тексты сличены съ другими рукописями XI — XVII вѣковъ.

свв. апостоловъ славянскихъ; но съ теченіемъ времени они уже не могли сохранить словѣнскій языкъ въ первобытной чистотѣ, и налагали на него печать *чешскую* (*моравско-словенскую*), *хорватскую, сербскую, болгарскую* (*и волошскую*), *русскую* [1]).

Въ IX в., когда Константинъ и Меѳодій и ихъ помощники впервые стали писать по-словѣнски, раздѣленіе славянскихъ языковъ было уже давно совершившимся фактомъ. Словѣнскій языкъ существенно отличался не только отъ языковъ западно-славянскихъ (чешскаго и ляшскаго), отъ восточно-славянскаго русскаго, но даже отъ ближайшихъ югославянскихъ языковъ, словенскаго и хорватско-сербскаго. Словѣне тонко различали глухія ь и ъ, въ серединѣ и въ концѣ словъ, и и ы (т. е. ъј), ѣ, употребляли носовыя ѧ и ѫ, *жд* и *шт*, говоря: *дьнь*, *съмрьть*, *прстъ*, *грдъ*, *влъкъ* и *плъкъ*, *вѣра*, *свѧтъ*, *мѫжь*, *межда*, *пошть*, *штуждь*, *градъ*, *глава*. Эти слова произносили западные Славяне: *день* и *дзень*, *смрьть* и *смрть* и *смерць*, *прст*, *прст* и *перст*, *грд* и *грд* и *гард*, *вльк* и *влк* и *вильк*, *плък* и *пльк* и *плук* и *пелк*, *вѣра* и *вира*, *сват* и *сват*, *муж* и *мѫж*, *меза* (*мезы*) и *медза*, *ноц*, *цуз* и *цудз*, *град* и *гард*, *грод*, *глава* и *глова*; восточные Славяне: *день*, *смерть*, *перст*, *горд*, *волк*, *вера*, *свят*, *муж*, *межа*, *ноч*, *чужь*, *город*, *голова*, *олень* (вмѣсто западнаго и южнаго іелень). Южные Хорваты и Сербы знали только одну глухую ь, которая въ концѣ словъ тоже исчезаетъ, а въ серединѣ словъ замѣняется рано чистою, или тоже исчезаетъ: *сътьникь* скоро измѣнилось въ *сьтник*, *сатник*, *сьмрьть* въ *смрт*, *вльк* (позже *вук*), *вѣра—вера—вира*; вмѣсто носовыхъ: *свет* и *муж*; ы—и: *бити* (бытп и битп, хотя Сербы долго писали бытп); вм. межда

---

[1]) Первоначальный переводъ церковныхъ книгъ предпочитаемъ называть просто „словѣнскимъ“, а не „паноиско-словѣнскимъ“, такъ какъ нѣкоторыя книги словѣнскія были переведены не въ Паноніи, а еще въ задунайской Словѣніи (см. выше, стр. 516), и книги на чисто „словѣнскомъ“ языкѣ могли быть съ начала (въ IX—X вв.) списываемы въ Моравіи и Чехіи, въ Паноніи и Дакіи, въ Далмаціи и Мизіи, въ Илирикѣ и Македоніи.

и пошть—*међа* (*међа*, *мећ*) и *ноть* (*ноћ*) [1]. Что касается подунайскихъ Словѣнъ, заселявшихъ Норикъ и югозападную Панонію (Словенцы) и задунайскія страны, Мизію, Ѳракію, Македонію и пр. (Словѣне-Болгаре), то ихъ словѣнскій языкъ рано подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Словѣне въ Норикѣ уже въ X в. (судя по фрейзингенскому памятнику) не знали ы, ѫ и ѭ (съ рѣдкими исключеніями), *жд*, *шт*, говоря какъ и нынѣ или подобно тому: *смерт* (zemirt т. е. *съмрьт*), *бити*, *свети*, *содни*, *ден*, *мо веру*, *грехи*, *жеиен* (т. жаждьнъ), *всемогочи*, *полт*. Задунайскіе Словѣне (Болгаре), которые вышли изъ подунайскихъ Словѣнъ, могли съ начала сохранить свой чистый словѣнскій языкъ; но скоро онъ подвергся вліянію языковъ румунскаго и албанскаго, которые измѣнили не только его фонетику, но и граматику. Словѣнско-болгарскій языкъ сохранилъ *жд* и *шт*, *ъ* (одинъ, смѣшиваемый съ *ь*), но потерялъ носовые звуки (съ рѣдкими исключеніями), которые замѣняются *ъ*, *а*, *е* [2]. Эти особенности словѣнско-болгарскаго языка являются уже въ его древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вв. и подъ прикрытіемъ тогдашняго письменнаго языка; въ немъ смѣшиваются *ъ* и *ь*, ѫ и ѭ, которые однако означаютъ уже не носовые звуки, а гласныя *ъ*, *а*, ы, ѩ, *е*.

Славяне западные, южные и восточные, принявъ словѣнскій языкъ въ свой церковный и литературный, должны были его изучать, равнымъ образомъ какъ въ Италіи и во Франціи учились латинскому языку. Рукописей IX в., прямыхъ свидѣтелей письменной дѣятельности Константина и Меѳодія и ихъ непосредствен-

---

[1]) Имя моравскаго князя Святополка пишется у современниковъ: *Suentopulcus*, *Szuentiepulc*, *Sfentopulchus*, *Zuentibaldus*, Σφενδοπλόκος, Σφεντόπλικος т. е. Свѧтоплъкъ, какъ его называли Словѣне. Но у другихъ Славянъ его имя произносилось вѣроятно уже тогда иначе, подобно позднѣйшему произношенію, и кънѧзь Свѧтоплъкъ Словѣнъ назывался у Чеховъ (Моравянъ и Словаковъ) кнѩзь Сватоплк, Сватоплук, у Ляховъ кнѩдзь Свѧтопелк, у Русскихъ князь Свѧтополк, у Хорватовъ и Сербовъ кнез Светоплък (Sphetopelek въ XII в.).

[2]) Объ остаткахъ носовыхъ звуковъ въ болгарскомъ языкѣ см. Миклошича Grammatik d. slav. Sprachen (2. изд., I. p. 34, 365), и статью Драганова въ варшав. Филолог. Вѣстникѣ 1888 г., I.

ныхъ учениковъ временъ царя Симеона, не сохранилось, и древнѣйшія сохранившіяся рукописи—уже списки, вторые и третьи, XI вѣка. Писцы, списывая церковныя книги въ Болгаріи, Хорватіи, Сербіи, Россіи, съ начала тщательно придерживались словѣнскаго подлинника. Такимъ образомъ сталося, что на пр. языкъ евангелія Остромира, списаннаго въ сѣверной Руси въ Новгородѣ, языкъ евангелія зографскаго, списаннаго вѣроятно въ южной Болгаріи, языкъ маріинскаго евангелія, списаннаго вѣроятно въ сербскихъ странахъ, существенно не различается и можетъ представлять первоначальный языкъ словѣнскаго подлинника X в., хотя ихъ писцы, русскій, болгарскій, сербскій, говорили уже на различныхъ славянскихъ языкахъ, и по этому русскій уже иногда смѣшивалъ ж съ своимъ *у*, болгарскій ѧ съ *е*, а сербскій часто ѫ съ *у*. Но со временемъ такіе писцы не были уже въ состояніи, освободиться отъ все усиливающагося вліянія живаго роднаго языка, который помимо воли самаго писца заявлялъ свои права, у одного менѣе, у другого болѣе.

Одинъ изъ самыхъ тщательныхъ такихъ писцовъ, русскій діаконъ Григорій, списалъ въ 1056—1057 гг., съ словѣнской рукописи, писанной вѣроятно въ Болгаріи X в., евангеліе для новгородскаго посадника Остромира, и сохранилъ въ своемъ спискѣ особенности языка словѣнскаго вѣрно; но и этотъ писецъ не могъ преодолѣть вліянія своего русскаго языка, и назвалъ свою родину *Новгородъ* и своего князя *Володимиръ*, написалъ *богомъ* вм. *богъмъ*, *порученик* вм. *поржченик*, *древо* вм. *дрѣво* и пр. Когда въ томъ же самомъ Новгородѣ, полъ вѣка спустя (до 1117 г.), писецъ Алексѣй списывалъ евангеліе для князя Мстислава, то вліяніе русскаго языка заявило свои права уже болѣе сильнымъ образомъ; Алексѣй уже не понималъ значенія ж и ѧ, употреблялъ ихъ неправильно, или смѣшивалъ ѧ съ ѩ, ж и ѭ съ *у* и *ю*; тамъ гдѣ его землякъ Григорій писалъ правильно: мжжь, придошѧ, бесѣдуѭщема, бѩахж, Симону—Алексѣй писалъ: мужь, придоша, бесѣдующема, бѧаху, Симонж; своего князя онъ конечно назвалъ: Мьстиславъ вънукъ Вьсеволожь сынъ Володимирь. Не иначе было въ Кіевѣ. Отъ дѣятельности писцовъ, переводившихъ при князѣ Ярославѣ книги съ языка греческаго на словѣнскій, не

уцѣлѣло ничего. Они могли съ начала употреблять еще болѣе правильный языкъ словѣнскій, чѣмъ діаконъ Григорій; но со временемъ словѣнскій языкъ и на южной Руси поддался вліянію мѣстнаго языка, и когда въ Кіевѣ въ 1073 году „діакъ Іоаннъ" списывалъ *Изборникъ* для великаго князя Святослава съ такого же Изборника для болгарскаго царя Симеона (начала X в.), то его русскій языкъ игралъ здѣсь уже большую роль, чѣмъ у новгородскаго діакона Григорія. Дьякъ Іоаннъ не зналъ значенія ѫ и ѧ, смѣшивая ихъ съ *у* и ѭ, *а*; онъ писалъ: лѫбо (вм. любо), чѧсъ (чѩсъ, часъ), ѧждь (ѩждь, даже по русски: ѩжь, ѣжь), глаголюшти (вм. глаголѭшти), главу сущѫ (вм. главѫ сѫщѫ), человѣкомъ, поросѧте, полоненъ, и другіе русизмы. То же самое встрѣчается и въ другомъ кіевскомъ Изборникѣ 1076 г. [1]). Но съ другой стороны въ то же самое время, когда кіевскій дьякъ Іоаннъ списывалъ Изборникъ, другой русскій писецъ могъ придерживаться строже словѣнскаго подлинника, какъ это сдѣлалъ на пр. писецъ словъ Григорія Богослова.

Такимъ способомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ славянскихъ на принятый въ письменности, преимущественно церковной, языкъ словѣнскій, образовались особыя его рецензіи или *изводы* съ своими особенностями и отличительными чертами: изводъ *словѣнско-чешскій*, съ *з* и *ц* вмѣсто *жд* и *шт*,—*дло* вм.—*ло*; изводъ *словѣнско-хорватскій* и *словѣнско-сербскій*, безъ ѫ и ѧ, которые замѣняются черезъ *у* и *е*, съ однимъ *ь*, который часто выпускается или переходитъ въ *а*, съ *ы*, который смѣшивается съ *и*; изводъ *словѣнско-болгарскій*, смѣшивающій ѫ и ѧ не только между собою но и съ другими гласными, ъ и ь; изводъ *словѣнско-русскій*, замѣняющій ѫ и ѧ черезъ *у* и ѩ (ѧ=*я*), *ѣ* черезъ *е*, ъ и ь часто черезъ *о* и *е*, *жд* черезъ *ж*, *шт* черезъ *щ* (т. е. *шч*) [2]).

---

[1]) См. изслѣдованія Козловскаго о языкѣ Остромирова евангелія (1885), Шимановскаго о языкѣ Изборника 1076 г. (1887), и др.

[2]) Языкъ свѣтской письменности (лѣтописей, законовъ, грамотъ) остался болѣе народнымъ, хотя здѣсь у православныхъ Славянъ не обошлось безъ болѣе или менѣе значительнаго вліянія языка

Словѣнско-чешскій изводъ [1]) образовался подъ вліяніемъ языка Моравянъ, Словаковъ и Чеховъ, но не могъ развиться, такъ какъ словѣнскій языкъ у западныхъ Славянъ исчезъ въ концѣ XI в. и могъ сохраниться дальше развѣ только въ подкарпатской Угріи между Словаками. Западнымъ Славяниномъ написаны въ XI в. въ Чехіи, Моравіи или въ землѣ Словаковъ, или пожалуй и въ Панононіи, словѣнско-глаголическія пѣснопѣнія (пражскіе отрывки), переведенныя съ греческаго, и словѣнско-глаголическій служебникъ римскій (кіевскіе отрывки), переведенный съ латинскаго (срв. слова: прѣфацiѣ, мьшѣ, падъ оплатъмь, Фелицита). Только западный Славянинъ, списывая словѣнскую церковную книгу, могъ написать: *модлитву* (вмѣсто молитвѫ), *свѣтидлъна* (вм. свѣтильна), *въседли* (вм. въсели), *дазь* (вм. даждь), *тузимъ* (вм. туждимъ), *ница* (вм. ништа), *помоць* (вм. помошть), *просѧце* (вм. просѧште), и пр. Можетъ быть, что словѣнско-глаголическій служебникъ римскій принадлежалъ сазавскому монастырю, находившемуся въ пражской епархіи подвластной Риму. Знали-ли Чехи (Моравяне, Словаки) кирилицу, извѣстную въ сосѣдней Угріи, не можемъ ни отрицать ни утверждать; словѣнско-кириловскіе памятники чешскаго извода пока неизвѣстны [2]).

словѣнскаго (словѣнско-сербскаго, словѣнско-русскаго). Такъ на пр. въ языкѣ русскихъ лѣтописей народный языкъ господствуетъ гораздо больше, чѣмъ въ сербскихъ лѣтописяхъ; писцы сербскихъ (кириловскихъ) грамотъ пишутъ по-сербски: грађане, помоћ, светога, но тоже по-словѣнски: граждане, помошть, светаго, и пр.

[1]) Употребляемъ здѣсь слово „чешскій" въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ этимъ тоже моравскій и словенскій (Словаковъ). Несомнѣнно существовалъ и *словѣнско-ляшскій* (*польскій*) изводъ, такъ какъ словѣнское богослуженіе сохранилось въ Польшѣ до XI в.; но за неимѣніемъ болѣе положительныхъ лингвистическихъ данныхъ надо довольствоваться однимъ фактомъ, что существовалъ и такой изводъ.

[2]) Праж. отрывки издалъ Шафарикъ, кіевскіе Срезневскій (Свѣд. о малоизвѣст. памятникахъ N. LXXVII). Возраженія Миклошича (Altslov. Lautlehre 1878, p. 219, 226, 238) противъ западно-

Хорваты, Сербы, Болгаре, Русскіе, принявъ словѣнскія книги, сохраняли ихъ языкъ съ начала въ возможной чистотѣ; что касается Словѣнъ, оставшихся въ Панонія и въ Дакіи, то, за неимѣніемъ болѣе опредѣленнихъ данныхъ, можно только догадываться, что и они относились къ принятымъ изъ Панонія или изъ Болгаріи словѣнскимъ книгамъ съ такимъ же благоговѣніемъ. По этому словѣнскій языкъ въ древнѣйшихъ глаголическихъ и кириловскихъ памятникахъ—одинъ, не говоря о нѣкоторомъ разногласіи лексикальномъ (на пр. куръ—пѣтель—петехь—кокотъ, балии—врачь, шуи—лѣвъ) [1]), и формальномъ (на пр. формъ: ведетъ -ведѫтъ и ведетъ—ведѫтъ), и о тонкихъ слояхъ мѣстныхъ языковъ, которые еще не трудно снять.

славянскаго происхожденія этихъ памятниковъ — неосновательны, мнѣніе Макушева (Чтенія о старочешской письменности)—ошибочно. Слѣды западно-славянскаго вліянія замѣтны и въ древнесловен. фрейзинг. отрывкахъ (выгнап. модлим се), въ словѣнско-глагол. псалтири синайской, списанной въ Болгаріи (выгънахъ), и др. Слова записанныя латиницею въ одной латин. рукописи пражской (Časopis Česk. Musea 1878. 536)—не словѣнскія, а старочешскія (Archiv für slav. Philologie VI. 279). Найденный въ Градцѣ отрывокъ кириловскаго евангелія—не чешскаго происхожденія, а словѣнско-русскаго извода (Ганка: Остатки слов. богослуженія въ Чехіи, стр. 1—5). Что касается кириловскаго евангелія, подареннаго Карломъ IV пражскому словѣнскому монастырю, то могли только Чехи XIV в. заблуждаться, думая, что это евангеліе писалъ „русскимъ письмомъ св. Прокопій" (по этому назвалъ его Ганка „сазавскимъ"). Языкъ этого евангелія указываетъ не на Чехію XI в., а на списокъ южнорусскій (XII в.?) сдѣланный съ словѣнско-болгарскаго, какъ думаетъ Соболевскій (въ варшав. Филолог. Вѣстникѣ 1887, III) или даже XIV в. (какъ думаетъ Билярскій, Судьбы церковнаго языка I). Къ этому разряду принадлежитъ тоже кириловская записка въ райградскомъ латин. Martyrologium, и потому не можетъ быть очень древняя, какъ кажется Галабалѣ (Sborník Velehradský III. 296).

[1]) Сюда относятся нѣкоторыя разногласія уже въ древнѣйшемъ текстѣ молитвы Отче нашь: хлѣбъ нашь настоѩшт(ъ)нꙑ, ев. зограф.), насѫщьнꙑи (св. Остром., ватик.), наставъшааго дьне (св. маріин.) и пр., напасть-искушеніе, отъ неприѣзни (неприꙗзни)—отъ лѫкаваго (лукаваго); всѣ эти варіанты встрѣчаются въ разныхъ

Если вѣрно, а не только вѣроятно, что рукописи Клоца и маріинская списаны въ областяхъ хорватско-сербскихъ (ркп. Клоца хранилась въ Хорватіи) въ XI в., съ болѣе древнихъ рукописей, то языкъ этихъ списковъ представлялъ бы словѣнскій языкъ, употребляемый въ богослуженіи хорватско-сербской церкви во время втораго сплѣтскаго собора и основанія митрополіи діоклейско-барской. Какъ бы то ни было, а уже въ XII в. словѣнскій языкъ у Хорватовъ и Сербовъ подвергся важнымъ измѣненіямъ въ отношеніи фонетическомъ. Хорваты и Сербы, не зная ѧ и ѫ, замѣнили ихъ своими *у* и *е*, употребляли одинъ *ь* (а *ъ* встрѣчается изрѣдка только въ древнѣйшихъ памятникахъ), который въ концѣ словъ только пишется по старому обычаю, но не произносится, а въ серединѣ словъ часто замѣняется *а* (словѣн. *сътьникъ* перемѣнилось въ *сьтьникь* т. е. *сьтьник*, нынѣ *сатник*); *ы* (а не ꙑ) употребляли изрѣдка по старому обычаю и замѣняли его *и*. Но иначе словѣнскій языкъ въ церковныхъ книгахъ хорватскихъ и сербскихъ сохранился съ начала довольно правильный, и Хорваты и Сербы писали и читали въ церкви все *рождьство*, *между* (*междю*), *пошть* (писали *пощь*), *идуште*, *светаго*, хотя они произносили эти слова на своемъ языкѣ иначе. Когда эти хорватско-сербскія фонетическія особенности введены въ церковныя книги словѣнскія Хорватіи и Сербіи, нельзя ближе опредѣлить, такъ какъ до сихъ поръ найденные памятники (отрывки церковныхъ книгъ) несомнѣнно хорватско-сербскаго извода—не древнѣе конца XII и начала XIII в.; а въ этихъ книгахъ тѣ особенности встрѣчаются уже повсюду. Замѣтимъ, что въ древнѣйшемъ памятникѣ хорватскаго языка, въ глаголической надписи ок. 1100 года, встрѣчается одинъ ъ (Звънимиръ кралъ хръватьскъ, црѣкъвъ), *е* и *у* (светую, кънеза), *и* (ми).

православныхъ евангеліяхъ переведенныхъ съ греческаго. См. въ изданіи галич. евангелія о. Амфилохія (еванг. Матѳея VI. 9), Описаніе слав. рукописей москов. синодальной библіотеки, I. 240, и Časopis Česk. Musea 1885, p. 187. Хорватскіе глаголяши оставили: напасть, непріязни, а перевели—по латин. quotidianus—вьседаньни, всагданни. Срв. выше, стр. 277 и 290.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ словѣнскаго языка хорватско-сербскаго извода XII в. принадлежитъ отрывокъ глаголическаго служебника, въ которомъ встрѣчаются церковныя пѣснопѣнія на словѣнскомъ и на греческомъ языкахъ, но греческія написаны не по-гречески, а глаголицею [1]. „Одинъ грьчки а други словѣньски велиемь гласомь сию пѣснь: Оте тонъ ставронъ просилосанъ паропоми тонъ кирионъ тисъ доксисъ (то есть: ὅτε τὸν σταῦρον προσήλωσαν παράνομοι τὸν κύριον τῆς δόξης)—Егда на крижи нечистиви пригвоздише господа слави“ и пр. Этотъ греческо-словѣнскій служебникъ употреблялся очевидно въ церквахъ греческихъ, въ Хорватіи (сѣверной Далмаціи), — гдѣ рядомъ съ латинскимъ богослуженіемъ существовало кое-гдѣ и греческое [2],—или въ южной Далмаціи, въ „словинскомъ королевствѣ“ діоклейскомъ, въ митрополіи барско-діоклейской; здѣсь во второй половинѣ XI в., и можетъ быть и позже, существовали монастыри латинскіе, греческіе и словѣнскіе, которые могли быть въ сношеніяхъ съ болгарскою Македоніею и Иллиріею (Албаніею).

Хорваты измѣнили фонетику своего церковнаго языка самымъ рѣшительнымъ образомъ; уже въ древнѣйшихъ ихъ церковныхъ книгахъ нѣтъ и слѣда ѧ и ѫ и ꙑ, а ъ встрѣчается только изрѣдка въ древнѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ ь, который потомъ означается простою черточкою или кавычкою, или совсѣмъ выпускается, или наконецъ мѣняется въ чистую *а*; въ одномъ и томъ же самомъ памятникѣ можно встрѣтить формы *тьште* и *дань, сьблюдеть, сьмрьти*, а позже *отаць, начань, данась*,

[1] Šafařík: Památky hlahol. písemn. 57, Berčić: Čitanka staroslovеn. jezika 33. (ъ и ь отличаются).

[2] По разсказу Ѳомы сплѣтскаго церковный соборъ 1059—1060 гг. постановилъ, ut nullus in lingua sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca. Въ 1198 г. папа Иннокентій III пишетъ задарскому капитолу: Cum in ecclesia vestra, quae sub obedientia sedis apostolicae perseverans Graecorum hactenus et ritum servaverit et linguam... non tam latinus, quam barbarus (Славянинъ?) sit intrusus, то папа велитъ избрать новаго архіепископа (Kukuljević: Codex diplomat. Croatiae II. 189). Словѣнское богослуженіе, не смотря на всѣ запрещенія, существовало въ Хорватіи кое-гдѣ и дальше.

или просто *отац*, *дан*, и пр. [1]). Также *ѣ* мѣняется иногда на хорватское *и*. Въ слѣдствіе все усиливающагося вліянія живаго языка хорватскаго на церковный языкъ словѣнско-хорватскій или скорѣе на его фонетику, въ церковныя книги входили новыя формы хорватскія, но не всецѣло, такъ какъ рядомъ съ ними оставались и болѣе древнія. Это встрѣчается и въ книгахъ рукописныхъ и печатныхъ (1483—1561 гг.). Такъ на пр. въ евангеліи реймскомъ 1395 г. встрѣчаются формы: *вьпль* и *взвапи*, *плть*, *нь* и *на*, *рождаство*, *жеждюще*, *осуждьни*, и изрѣдка *осуень*; въ служебникахъ 1368 и 1483 гг. *междю* и *мею*, *осуђение*, *нуђахота* и *нуьхота* (стар. нѫждаашете въ еванг. зограф.), гдѣ ђ = j; [2]) въ служебникѣ 1483 г.: *одѣжда*, *просмрждают*, *обѣждь*, подлѣ обыкновенныхъ *роиство* (стар. рождьство), *одѣем* (ст. одеждемъ), *прѣе* и *прие* (ст. прѣжде), *жанюште* (ст. жаждѫштии); въ служебникѣ 1528 г.: *прѣжде*, *обиждю*, *зиждуштеи*, подлѣ обыкновенныхъ: *осуѣите* (ст. осѫждаите), *одѣю* (ст. одеждѫ), *даи* (ст. даждь), *вриме* подлѣ *врѣме*, *прие* подлѣ *прѣе*; въ часословѣ 1561 г.: *семрть*, *вазмите*, *гньван*, *магла*, *мазда*, *конаць*, *времень*, *на мѣсте*, но все еще *своего*, *светаго*. Такимъ образомъ хорватско-словѣнскій языкъ глаголическихъ церковныхъ книгъ, языкъ „словѣнскій, словинскій, хорватскій", [3]) приблизился къ народному „словинскому, хорватскому". Такой словѣнско-хорватскій языкъ употребляется въ церковныхъ книгахъ и въ глаголическомъ букварѣ Azbukvidarium 1528 г.; такъ на пр. въ молитвѣ Отче нашь встрѣчаются формы: данас, ваведи, *цесараство* (но въ пѣснѣ Salve regina — Спаси *кралице* мати), и пр.

Не смотря однако на такія фонетическія перемѣны церковнаго словѣнско-хорватскаго языка, самый текстъ церковныхъ

---

[1]) Это *а* вмѣсто *ь* (дьньсь, нын. данас) болѣе позднее, такъ какъ въ латин. грамотахъ XI—XII вв. такія слова пишутся Vilcizo, Velcoz (т. е. Вьлкьць, нын. Вукац), Bratizo (т. е. Братьць, Братац), Suinimir (Звьнимир, въ глагол. надписи Зъвънимиръ, нынѣ Званимир, а не: Звонимир), setenik, setinik, setnik, sitnik (сьтьникь, нынѣ сатник), stanicum (станькь, нынѣ станак), и пр.

[2]) Срв. выше, стр. 280.

[3]) См. выше, стр. 267.

книгъ, принятыхъ изъ Панонiи и списываемыхъ съ словѣнско-панонскихъ и можетъ быть, тоже съ словѣнско-болгарскихъ (марiинское евангелiе?), остается, вообще говоря, тотъ же самый. примыкая къ греческому и тѣмъ самимъ и къ словѣнскому православныхъ Славянъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Этотъ текстъ только позже исправлялся по латинской вульгатѣ, впрочемъ болѣе въ формальномъ отношеніи. По этому въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются словѣнско-греческія слова: *цесарь* и *цесарствие*, *цесараство* (т. е. цесарьство), *архиерѣи*, *ђемунь—игемонь* (въ еванг. зограф. *иђемонъ*), *аминь* (подлѣ амень), *цесарь Ирудь* (rex Herodes), *влсви от встока* [1]), *кесарь Тиверии*, *Авраамь*, *Зоровавель*, рядомъ съ латинскими *Габриель*, *Бабилонь*, *Макабѣиские* и пр. Любопытно слово *цесарь-цесарствие* (въ рукопис. служебникѣ XV в., а *цесараство* въ печатномъ служебникѣ 1528 г.), которыя Хорваты-глаголяши употребляли—подобно православнымъ Славянамъ [2])—въ церкви, хотя они, въ обыденной жизни или въ переводахъ священныхъ книгъ съ латинскаго на чисто народный хорватскій языкъ, говорили kralj, kraljestvo. Такъ пишетъ въ своемъ хорватскомъ переводѣ евангелій и епистолъ Бернардинъ Сплѣтянинъ (1495); но этотъ католическій латинскій монахъ все таки не могъ вполнѣ освободиться отъ вліянія церковнаго словѣнско-хорватскаго языка, и въ нѣкоторыхъ молитвахъ оставилъ: cesar izraelski (Isus), bog cesaruje, cesarastvo, которыя встрѣчаются изрѣдка рядомъ съ обыкновенными: kralj židovski,

---

[1]) Такъ въ еванг. 1395 г., въ служебникѣ 1483 г. и пр.; въ ев. Остромира и въ др. *влъсви отъ въстока*, въ слов.-серб. еванг. 1404 г. *влъхвы отъ вьустока;* въ хорват. еванг. Бернардина Сплѣтянина (1495) kralji od istoka, въ нын. хорват. библіи mudarci iz iztoka, въ сербской *мударци од истока*.

[2]) Цѣсарьствие, цесарествие, цесарство, цесарьствиѥ—встрѣчается въ древнѣйшихъ рукописяхъ (зограф., маріин., ватикан., Остромир.); позже сокращено въ *царствіе*, особенно въ рукописяхъ русскихъ, но тоже въ серб. (царьство въ еванг. никольскомъ 1404 г.) и болгар. (царствіе въ рукоп. еванг. XV в. въ библіотекѣ Шафарика).

kraljevstvo nebesko; изрѣдка встрѣчаются у него тоже греческія формы: kralj Irud, Jakov, хотя онъ употребляетъ латинскія формы: Abraam, Mojzes, Gabriel, Babilon и пр. Въ молитвѣ Отче нашъ Бернардинъ пишетъ: pridi cesarastvo tvoje, izbavi nas od neprijazni, какъ это встрѣчается въ церковныхъ книгахъ словѣнско-хорватскихъ; между тѣмъ Хорваты католики и протестанты, употребляя чистый народный языкъ, писали kraljestvo, ot (od) zla [1]).

Католическіе Хорваты, подвластные Риму, который то запрещалъ то разрѣшалъ употребленіе словѣнскаго языка въ ихъ церкви, должны были довольствоваться древнѣйшими словѣнскими церковными книгами, принятыми еще изъ Паноніи,

---

[1]) Іезуитъ Алекс. Комуловичъ, въ своемъ хорват. катихизисѣ (въ Римѣ 1582), оставилъ, по примѣру Бернардина, въ этой молитвѣ тоже: cesarastvo, neprijazni; но епископъ Ф. Врანчичъ (срв. выше, стр. 290) пишетъ kraljestvo, od zla. О дѣятельности хорватскихъ протестантовъ, знавшихъ хорошо глаголицу и кириллицу и церковныя книги словѣнскія, см. обширно выше, стр. 285—293.—Приводимъ здѣсь изъ евангелія Луки XXIV. 13—17, по

словѣнско-хорватскому глагол. служебнику 1483 г.:	хорватскому лекціонарію Бернардина 1495 г.:
Два ученика Исусова бѣста идуща в дань вскр'сениѣ его вь вась отстоещу стадии .м. от Ерусолима именем Еммаусь. И та глаголахота мею собою о всѣхь приключших се о Исусѣ. И бисть бесѣдующима има мею собою, самь Исусь приближи се има и идѣше пи нима; очи же ею држаста се, да его не познаста. И рече има Исусь: Что суть словеса сиѣ, имиже стезаета се мею собою идуща и еста дресела?	Dva od učenikov Isusovih gredihu oni dan u kastio, ki se zove imenom Emaus, ki dalečе biše od Jeruzalema okolo sedam milj. I ona dva govorahu meju sobom oda vsih, ka se bihu zgodila. I oni tada razgovorajući se meju sobom, bi učinjeno, da se Isus približa i gredіše s njimi, a oči njih tada bihu zasinjeni, da ga nepoznaju. I on jim reče: Ka su to govorenja, ka raskladate meju sobom hodeći, i jeste tako žalosni?

или списываемыми уже въ самой Хорватіи до XI—XII вѣковъ. Только эти древнѣйшія рукописи и сдѣланные по нимъ списки были въ католической Хорватіи возможны; о заимствованіи Хорватами священныхъ книгъ словѣнскихъ у сосѣднихъ соплеменныхъ Сербовъ и Болгаръ, которыхъ Римъ прозывалъ „схизматиками" и „еретиками" (Богумиловъ—Патаренъ), нечего было и думать. Равнымъ образомъ и католическіе Хорваты не могли разсчитывать на распространеніе своихъ церковныхъ книгъ, писанныхъ въ добавокъ трудною глаголицею, въ сосѣднія сербскія и болгарскія страны, гдѣ считали латинянъ съ ихъ „латинскою ересью"—„полувѣрными" [1]).

Изъ Хорватіи распространилось словѣнское богослуженіе къ другимъ католикамъ Славянамъ, въ Чехію и Польшу. Въ половинѣ XIV в. Карлъ, король чешскій и императоръ римскій, великій любитель языка чешскаго и славянскаго вообще, позаботился о введеніи словѣнскаго богослуженія въ Чехіи, и просилъ — будучи еще не королемъ, а только маркграфомъ моравскимъ— папу, разрѣшить, по примѣру словѣнскихъ монаховъ Хорватіи, такое же богослуженіе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи, населеніе которой того же славянскаго языка. Папа Климентъ VI исполнилъ просьбу Карла и дозволилъ отправлять богослуженіе по-словѣнски, но только на одномъ мѣстѣ (1346 г.). Карлъ основалъ въ 1347 г. въ Прагѣ монастырь въ честь свв. Іеронима, Кирилла, Меѳодія, Войтѣха и Прокопія, „дѣдичей" (патроновъ) королевства чешскаго. Въ этомъ монастырѣ монахи должны были отправлять богослуженіе только на словѣнскомъ языкѣ, изъ котораго происходитъ и чешскій языкъ (lingua slavonica, de qua nostri regni Boemiae idioma sumpsit exordium), въ честь св. Іеронима, переведшаго священное писаніе на словѣнскій языкъ, такъ чтобъ этотъ новый чешскій дѣдичъ прославлялся посреди Чеховъ какъ между своимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ позаботился по всей вѣроятности и о канонизаціи свв. Кирилла и Меѳодія, которыхъ Чехи и Моравяне давно чествовали какъ своихъ апо-

---

[1]) Срв. серб. законъ Стефана Душана, болгар. списокъ народовъ (см. выше, стр. 328).

столовъ, зная изъ своихъ лѣтописей, что св. Кириллъ изобрѣлъ словѣнское письмо [1]).

Въ этотъ „слованскій“ монастырь пражскій прибыли хорватскіе монахи бенедиктинцы глаголяши изъ сеньской епархіи въ приморской Хорватіи и стали отправлять богослуженіе на своемъ словѣнско-хорватскомъ языкѣ, который считался тогда, хотя не совсѣмъ вѣрно, и ихъ народнымъ языкомъ (lingua slavonica, in eorum vulgari). Въ 1372 г., на второй день Пасхи, монастырскій храмъ торжественно освященъ пражскимъ архіепископомъ Іоанномъ въ присутствіи самаго императора и короля Карла. Богослуженіе отправлялось на словѣнско-хорватскомъ языкѣ, по глаголическому служебнику, и присутствовавшіе въ тотъ день въ монастырской церкви Чехи, въ ихъ числѣ императоръ и архіепископъ, слыша читаемое въ тотъ день евангеліе о путешествіи двухъ учениковъ въ Эмаусъ (Лука XXIV. 13—35), могли не понимать только очень не многія слова, на пр. *стезаета се мею собою и еста дресела, пропеше и, етерие, обрѣту, вь истину, нуђахота* (*нухота*); они услыхали въ католической церкви не латинскія а греческо-словѣнскія формы *Лука, архиереи, Исусь цесарь июдѣиски* (по-чешски: Ježíš král židovský), *цесарствие* (а не, какъ Чехи молились, královstvie), и пр. Императоръ Карлъ любилъ словѣнское богослуженіе, которое—по его словамъ—придавало большій почетъ и славу чешскому языку, всячески заботился о любимомъ монастырѣ и его монахахъ, соединенныхъ съ нимъ, Карломъ, сладкими узами родного языка, благороднаго языка славянскаго (nobilis linguae slavonicae [2]).

---

[1]) О чествованіи свв. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи см. ниже (послѣдній отдѣлъ).

[2]) Монастырь „словѣнскій“ назывался и называется тоже „эмаусскимъ“, по упомянутому евангельскому чтенію, которое, по служебнику хорватскаго князя крбавскаго Новака 1368 г., см. у Копитара Glagolita Clozianus XLIX, у Шафарика Památky hlahol. pisemn. 69 (въ реймскомъ еванг. его недостаетъ). О прибытіи словѣнскихъ монаховъ изъ Сеня говоритъ утраквистскій историкъ Бiлеёвскій (Kronika církevní, 1537). Замѣтимъ, что въ 1356 г. нахо-

Хорватскіе монахи принесли съ собою свои словѣнско-хорватскія глаголическія книги, и, благодаря щедрости императора, списывали ихъ въ монастырѣ. Но въ монастырь поступали тоже Чехи, и ихъ было уже во второй половинѣ XIV в. вѣроятно больше чѣмъ хорватскихъ. Такимъ образомъ и чешскіе монахи „Слованс“ учились церковному „словѣнскому, слованскому“ языку (т. е. словѣнско-хорватскому) и письму, по особымъ *азбукивидаріямъ*, списывали словѣнскія книги и отправляли словѣнское богослуженіе [1].

Императоръ Карлъ, большой любитель разныхъ драгоцѣнностей, досталъ откуда-то, вѣроятно изъ Угріи, кириловское евангеліе извода русско-болгарскаго, и подарилъ его новому монастырю; здѣсь приписывали это евангеліе, „русскаго письма“ св. Прокопію опату сазавскому, чешскому дѣдичу [2]. Къ этому кириловскому евангелію присоединено словѣнско-глаголическое евангеліе, написанное уже въ самомъ монастырѣ въ 1395 г.; вся книга въ богатомъ переплетѣ находилась въ монастырѣ до его уничтоженія въ началѣ гуситскаго движенія, послѣ чего она попала во Францію и хранилась въ Реймсѣ какъ Texte du sacre, въ числѣ другихъ драгоцѣнностей французской короны.

Словѣнско-хорватскія евангельскія чтенія 1395 г. списаны не монахомъ Хорватомъ, а Чехомъ. Писецъ написалъ въ концѣ

дился въ Прагѣ сеньскій епископъ Протива (Tomek: Dějepis Prahy II. 35). О разныхъ мнѣніяхъ относительно основанія словѣнскихъ монастырей въ Прагѣ и въ Краковѣ поговоримъ въ слѣдующемъ томѣ; здѣсь касаемся только вопроса о словѣнскомъ языкѣ. См. Pelzel: Kaiser Karl IV (Urkundenbuch), Kalousek: Karel IV (1878, p. 208), Ginzel: Cyrill u. Method, статьи Крижка въ журн. Památky archeolog. I, Гильфердинга (о Гусѣ), Васильева (Журн. минист. народн. просвѣщ. 1876, іюль, 114).

[1]) Срв. Томка Dějepis Prahy V. 216, и статью Крижка. О словѣнскихъ азбукахъ, глаголицѣ (azbukividarium, azbukivnak, alphabetum slavonicum, Slavorum) и кириллицѣ (alphabetum rutenicum), писанныхъ Чехами въ концѣ XIV и въ началѣ XV в., см. Hanuš: Dodavky k Jungmannově Historii literatury české, I. 5.

[2]) См. выше, стр. 535.

книги тѣмъ же самымъ глаголическимъ почеркомъ, которымъ написано евангеліе, слѣдующія слова глаголицею, но уже по-чешски: „Лѣть господнихъ ч. т. п. д. (1395) тато евангелие а епистолие, есто (т. е. ježto) су писани словѣньскимь ѣзикемь, ти гјмагји (т. е. gmagi—jmají) спиевани бити нь годи, гдижь опать подь коруну мши служи. А друга страна тиехто книжекь, гјенжь есть подлѣ русьскего закона, псаль есть свати Прокопь сву руку. А то писмо русьске даль нѣбожтикь Карель чтврьти цесарь рзимски к ославѣни томуто клаштеру, а ке цти сватему Еропиму а сватему Прокопу. Господине рачь му дати покои внечни. Аменъ". Въ самомъ текстѣ евангельскихъ чтеній чешскій писецъ замѣнилъ только два три слова словѣнско-хорватскія чешскими, именно: *умивадлница* (вмѣсто: умивалница, какъ въ служебникѣ 1483 г.), *алмужна* (вм. милостина), и вѣроятно *вь утори* (т. е. чеш. úterý—вторникъ, хотя пишетъ на пр. *втора* стража). Но въ остальномъ текстъ—обыкновенный словѣнско-хорватскій того времени, и не отличается на пр. отъ языка другой церковной книги употреблявшейся въ монастырѣ, псалтири (которая однако списана не въ Прагѣ, а еще въ Сенѣ въ 1359 г. Хорватомъ „Кириномъ жаканомъ"), или отъ служебника крбавскаго князя Новака 1368 г. [1]).

Чешскіе монахи глаголяши (Słované, Slavi) не довольствовались однако изученіемъ и списываніемъ словѣнско-хорватскихъ книгъ; они стали писать глаголицею тоже чешскія книги. Такъ на пр. написана глаголицею чешская библія въ 1416 г., „за часу книезе Крзиже опата слованского от братрзи клаштерских, але нѣ от писарзов харватских" [2]).

---

[1]) Снимокъ пражскаго евангелія (кирилов. и глагол.) издалъ Французъ Сильвестръ, текстъ тоже Ганка. Въ этомъ евангеліи есть чтенія на дни свв. „Прокопа опата, Вѣцеслава, Еронима, Курила и Метудие." Псалтирь 1359 г. хранится теперь въ Прагѣ, въ библіотекѣ князей Лобковицовъ.

[2]) Одна часть этой библіи хранится въ пражской университ. библіотекѣ; отъ другихъ частей уцѣлѣли только незначительные отрывки; срв. статьи I. Коларя въ актахъ праж. учен. общества 1866, и въ Časopis Česk. Musea 1870.

Такимъ образомъ Чехи услыхали, послѣ почти трехсотлѣтняго перерыва, опять у себя дома словѣнскій языкъ, но уже не въ старинной формѣ XI в., а въ новѣйшемъ хорватскомъ изводѣ. Словѣнскій языкъ въ служебникѣ, употребляемомъ въ эмаусскомъ „слованскомъ" монастырѣ въ концѣ XIV в., былъ для Чеховъ болѣе понятенъ, чѣмъ словѣнскій языкъ служебника употреблясмаго въ сазавскомъ „слованскомъ" монастырѣ въ XI вѣкѣ. Приводимъ здѣсь начало евангельскаго чтенія изъ Луки XXIV. 13—17, по

евангелію зограф. (и Остромира) XI в.:	служебнику Новака 1368 г.:
И се дъва отъ нихъ бѣсте (бѣста) идѫшта въ тъжде дьнь въ вьсь отстоꙗштѫѭ стадиі шестьдесѧтъ отъ И., сіже имѧ Е. И та бесѣдоваашете (бесѣдоваста) къ себѣ о всѣхъ приключьшихъ сѧ сихъ. И бꙑстъ (бꙑсть) бесѣдуѭштема има и сътазаѭштема сѧ, и самъ Исусъ приближи сѧ, и идѣаше съ нима. Очи же ею дръжаашете (дьржастѣ) сѧ, да его не познаашете (познаꙗта). Рече же къ нима: Чьто сѫтъ (сѫть) словеса си, о нихъ же сътазаета сѧ къ себѣ идѫшта, и еста дрѧсела (дрѧхла)?	Два ученика Исусова бѣста идущи въ дань вьскрсениѣ его вь вась отстоещу стадии шестдесеть от И. именемь Е. И та глаголахота мею собою о всѣхь приключшихь се о Исусѣ. И бисть бесѣдующима има мею собою самь Исусь приближи се има, и идѣше ш нима. Очи же ею држаста се, да его не познаста. И рече има Исусь: Что суть словеса сиѣ, ими же стезаета се мею собою, и еста дресела [1])?

[1]) Текстъ евангелія въ другихъ рукописяхъ существенно не отличается (срв. изданіе маріин. евангелія Ягича). Текстъ по слов.-хорват. служебнику 1483 г. см. выше, стр. 540. Срв. тоже Добровскаго Institutiones ling. slav. 680, и Копитара Glagolita Clozianus p. LI—LX.

Послѣ уничтоженія монастыря жили въ немъ гуситскіе администраторы утраквистской консисторіи и приходскіе священники, которые назывались тоже „опатами слованскими“. Словѣнскія глаголическія книги видѣли въ монастырѣ еще въ XVI в. Билсёвскій, Лупачъ, Бенешовскій, Папроцкій; но онѣ раздѣлили участь книгъ сазавскихъ, многія утрачены уже тогда, а другія послѣ возобновленія монастыря, но уже съ латинскими монахами. Самый монастырь и холмъ, на которомъ онъ стоитъ, называется до сихъ поръ „слованскимъ“ [1]).

Забота чешскаго короля Карла о введеніи словѣнскаго языка въ Чехію ставилась ему благодарными потомками въ большую заслугу и славу, не только у Чеховъ, но тоже у другихъ Славянъ. Папроцкій (Diadochus 1602 г.) разсказываетъ, что въ 1419 г. „слованскій опатъ“ Павелъ просилъ напавшую на монастырь гуситскую толпу, чтобъ она пощадила храмъ Господень, построенный въ честь славянскому народу, изъ котораго произошли тоже Чехи; толпа согласилась-де подъ условіемъ, чтобъ здѣсь введено было причащеніе подъ обоими видами. А Словенецъ Бохоричъ (въ словен. граматикѣ 1584 г.), упоминая объ этой заботѣ Карла о введеніи словѣнскаго языка въ богослуженіе въ Чехіи на славу чешскому и славянскому народу, выражаетъ желаніе, чтобъ и другіе подражали этому великому императору въ этомъ его мудромъ и благочестивомъ дѣлѣ, и не преслѣдовали нашего народа [2]).

По примѣру Чехіи скоро и Польша „удостоена особою милостію Спасителя; на великую честь славянскаго народа онъ позволилъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, чего не досталось ни одному языку кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго“—какъ разсказываетъ польскій историкъ Длугошъ. Въ 1390 году король Владиславъ Ягайло и его супруга Ядвига основали

---

[1]) Отрывки церковныхъ книгъ этого монастыря издали Добровскій (Glagolitica, Slawin), Ганка (Остатки слов. богослуженія у Чеховъ), Берчичъ (Ulomci sv. pisma), І. Коларь (отрывки добриховицкіе) и др. См. стр. 544.

[2]) См. выше, стр. 296.

въ Краковѣ, въ предмѣстьѣ Клепарѣ при церкви св. Креста монастырь, и перевели сюда словѣнскихъ монаховъ глаголяшей изъ пражскаго словѣнскаго монастыря, которые съ дозволенія папы отправляли здѣсь богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ. Еще во второй половинѣ XV в. (ок. 1470 г.) раздавалось здѣсь словѣнское богослуженіе; но тогда уже недоставало словѣнскихъ монаховъ, и церковью управлялъ латинскій священникъ — non sine scandalo et injuria dotatorum, замѣчаетъ самъ Длугошъ. Не имѣя поддержки изъ Праги, словѣнское богослуженіе въ этомъ краковскомъ монастырѣ прекратилось само собою [1]).

Такимъ образомъ изъ югославянской Хорватіи и Далмаціи, изъ католической „Словиніи", церковный языкъ словѣнскій хорватскаго извода распространился и въ Чехію и Польшу, и вмѣстѣ съ этимъ тоже чествованіе св. Іеронима, который, по мнѣнію хорватскаго духовенства и римской куріи, былъ Славяниномъ и перевелъ библію на „славянскій" (словѣнскій) языкъ, придумавши особое письмо, глаголицу. Съ другой стороны Чехи по своимъ лѣтописямъ и легендамъ (латинскимъ и чешскимъ) знали,

---

[1]) Длугоша Historia Polon. III. 487, Liber beneficiorum dioeces. Cracov. III. 220 (Monasterium slavonicum S. Benedicti in Cleparz oppido ante Cracoviam sito). Срв. Krukowski: O słowiańskim kościele św. Krzyża w Krakowie (1886). Объ этомъ „славянскомъ" монастырѣ часто вспоминаютъ и другіе польскіе писатели; нѣкоторые русскіе православные писатели XVII в. относили начало монастыря ошибочно къ времснамъ Кирилла и Меѳодія; срв. выше, стр. 452, 454. Отъ церковныхъ книгъ словѣнско-глаголическихъ, употреблявшихся въ этомъ монастырѣ краковскомъ, не нашлось пока ничего. Вообще краковскія библіотеки крайне бѣдны словѣнскими рукописями; въ университетской нѣтъ ничего важнаго, у Чарторыйскихъ только одно словѣнско-русское евангеліе 1329 г., находившееся прежде въ Лаврошевскомъ монастырѣ въ западной Руси. (Срв. нашъ *Отчетъ* 1883 г., стр. 16 и 23). Въ Варшавѣ въ библіотекѣ Замойскихъ хранится драгоцѣнная рукопись супрасльская, въ библ. Красинскихъ рукоп. библія Луки (см. ниже), въ универс. библіотекѣ листокъ слов.-русск. евангелія XI—XII в., найденный нами на переплетѣ одной книги (см. варшав. Филолог. Вѣстникъ 1882).

что словѣнское богослуженіе введено было у нихъ св. Кирилломъ, и что оно существуетъ въ югославянскихъ странахъ, преимущественно въ Болгаріи и тоже на Руси. По этому письмо Кирилла, кирилицу, Чехи называли тоже письмомъ „русскимъ", да одинъ лѣтописецъ назвалъ Кириллова брата Меѳодія „Русиномъ", который служилъ литургію „словенскимъ языкомъ" [1]. И такъ у западныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ у Хорватовъ, св. Іеронимъ считался изобрѣтателемъ глаголицы, а св. Кириллъ—кирилицы, хотя иногда оба они смѣшивались; такъ на пр. Полякъ Бѣльскій въ своей польской хроникѣ (1597) говоритъ, что славянское письмо русское (pismo słowieńskie które dziś zowiemy ruskie) одни приписываютъ св. Іерониму, а другіе св. Кириллу. Но уже Чехъ Велеславинъ (въ изданіи чешскихъ хроникъ Энея Сильвія и Кутена 1585 г.) замѣчаетъ, что св. Іеронимъ родился въ Далмаціи, и что только сто лѣтъ спустя по его смерти, при императорѣ Юстиніанѣ, Славяне перешли черезъ Дунай и стали опустошать Далмацію и Иллирію. Не смотря однако на такія сомнѣнія, въ Чехіи, со временъ основанія словѣнскаго монастыря, св. Іеронимъ какъ Славянинъ причисленъ къ другимъ „дѣдичамъ славянскаго языка", свв. Кириллу и Меѳодію, Людмилѣ, Вячеславу, Войтѣху, Прокопію. Къ Іерониму, Людмилѣ, Вячеславу, Прокопію и Станиславу, обращается неизвѣстный чешскій патріотъ въ смутное время внутреннихъ междоусобицъ (1467 г.), и проситъ, чтобъ всѣ тѣ „славянскіе дѣдичи" (haeredes Slavorum) поддержали старанія польскаго короля Казиміра относительно примиренія чешскихъ партій [2].

Изъ Славянъ католиковъ одни только Хорваты слышали всегда, если не во всѣхъ, то во многихъ своихъ церквахъ словѣнское богослуженіе. Чехи и Поляки услышали словѣнско-хорватскій языкъ у себя дома въ двухъ монастыряхъ въ Прагѣ и въ Краковѣ, и такимъ образомъ познакомились съ словѣнскимъ

---

[1]) См. легенды въ Fontes rer. bohem. I. 100, 191, 200, Výbor z literatury české I. 309; лѣтопись такъ назыв. Далимила (Fontes rer. bohem. III. 48).

[2]) Časopis Česk. Musea 1880, p. 417.

языкомъ хорватскаго извода, который мало отличался отъ сербскаго. Они знали кромѣ того, что словѣнскій языкъ употребляется не только въ церкви хорватской, а тоже въ сербской, болгарской и русской, и хорватскіе и чешскіе монахи эмаусскіе увидѣли въ одной своей церковной книгѣ письмо „русское" (кирилицу) и „словѣнское" (глаголицу). Поляки могли уже недалеко Кракова, въ церквахъ Червоной Руси, услыхать словѣнскій языкъ извода русскаго или болгарско-(волошско)-южнорусскаго, которыхъ они конечно не умѣли различать: для нихъ, равнымъ образомъ какъ и для Чеховъ, существовалъ въ церкви языкъ „славянскій" (słowieński, słowiański, słovenský, słovanský), который употребляли Хорваты католики и Бенедиктинцы монахи (Słované, Słowianie, Slavi) въ обоихъ „славянскихъ" монастыряхъ пражскомъ и краковскомъ, и „схизматическіе" Славяне, Сербы, Болгаре и Русь. Въ подробности этого вопроса о „славянскомъ" языкѣ Чехи и Поляки не входили, и называли и языкъ церковный и языки чешскій, польскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій — „славянскимъ" (словенскимъ, словянскимъ, слованскимъ, lingua slavica, slavonica, или даже slovanica). Производя Чеха и Лѣха и ихъ народы изъ югославянскихъ („словенскихъ, слованскихъ") странъ хорватско-далматинскихъ („словинскихъ"), Чехи и Поляки подумали, что извѣстный имъ церковный языкъ „словенскій" (т. е. словѣнско-хорватскій), на который свв. Іеронимъ или Кириллъ перевели священное писаніе, есть древній языкъ Славянъ вообще, и Чеховъ и Поляковъ въ особенности. Такъ разсуждаютъ Голешовскій и Гусъ, которые слышали еще словѣнскій языкъ въ пражскомъ монастырѣ „славянскомъ"; такъ думаетъ и Бенешовскій, который зналъ нѣкоторыя церковныя книги этого монастыря. Такъ разсуждаютъ и М. Бѣльскій, Горницкій, Будный, Скарга и другіе Поляки, знающіе болѣе или менѣе церковный языкъ словѣнскій [1]). Словѣнскій языкъ зналъ

---

[1]) См. выше въ отдѣлахъ о Чехахъ и Полякахъ; срв. особенно любопытныя слова Буднаго (стр. 152). Кажется, что словѣнскій языкъ былъ извѣстенъ тоже польскому переводчику псалтири (флоріанской) XIV в.; по крайней мѣрѣ слово brzemф (т. е. врѣмѧ, вре-

тоже польскій архіепископъ-примасъ Яковъ Уханскій; онъ въ половинѣ XVI в. получилъ изъ Болгаріи-Македоніи словѣнскій переводъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго, и перевелъ ихъ на польскій языкъ, и этотъ свой польскій переводъ передалъ латинскому переводчику того сочиненія, Гродецкому, канонику вратиславскому [1]).

Поляки называли словѣнскій языкъ тоже сербскимъ и болгарскимъ. М. Бѣльскій, говоря о древнепольской библіи, въ которой находится-де половина „сербскихъ“ словъ, замѣчаетъ, что эта словенская (югославянская) Сербія—прародина Поляковъ, которые сохранили-де много „словенскихъ“ словъ. Горницкій и Орѣховскій называютъ церковный языкъ словѣнскій „болгарскимъ“ [2]). Названіе „болгарскій“ имѣло извѣстное основаніе, такъ какъ тогда въ южной, карпатской Руси употреблялись тоже церковныя книги словѣнскія болгарскаго (волошскаго) извода, смѣшаннаго съ русскимъ. На такомъ словѣнскомъ языкѣ напечаталъ въ концѣ XV в. (1491) краковскій мѣщанинъ Фѣолъ Швайполтъ нѣсколько церковныхъ книгъ для Руси, которыя употреблялись во многихъ церквахъ югозападной Руси еще въ началѣ XVII вѣка [3]).

мя) не польское и не чешское. Русско-словѣнскую азбуку знали вообще многіе Поляки, и часовня св. Креста въ краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ король Казиміръ († 1492), разукрашена до сихъ поръ сохранившимися русскими надписями.

[1]) См. Cyrilli archiep. Hierosolym. Mystagogicae catecheses quinque, Grodecio interprete (Antverp. 1564 и часто, тоже въ изданіи соч. Кирилла, ed. Touttée, Paris 1720); срв. Востокова Описаніе рукоп. Румянцева, стр. 244, Григоровича Статьи касающіяся древ. слов. языка, 77.

[2]) См. выше, стр. 115, 149, 156. Слова Мѣховскаго и Вуйка (въ библіи 1599 г.), что королева Ядвига читала-де библію и толкованія св. отцевъ на „славянскомъ“ языкѣ, можно вѣроятно отнести къ разсказу Длугоша, что Ядвига читала польскую библію и другія книги. Древнепольская библія, съ обильною примѣсью чешскаго языка, могла тогда казаться и „словенскою“, и „сербскою“, какъ выражается М. Бѣльскій.

[3]) См. ниже. Рукописное напрестольное евангеліе словѣнско-болгарское хранилось въ XV в. въ польскомъ городкѣ Казимѣрѣ на

Чехи и особенно Поляки, зная объ употребленіи словѣнскаго языка въ церквахъ многихъ славянскихъ народовъ, замѣтили однако разницу между этимъ церковнымъ языкомъ и мѣстнымъ языкомъ славянскимъ, преимущественно болѣе извѣстнымъ имъ русскимъ. Такъ Матвѣй Мѣховскій въ своемъ описаніи Сарматіи и въ своей хроникѣ польской (1517, 1521), называя церковный языкъ „славянскій“ сербско-далматинскимъ (lingua slavonica, quae est Serviorum, Dalmatorum et juxta eos commorantium), замѣчаетъ, что этотъ церковный языкъ употребляется въ богослуженіи у Русскихъ, Москвитянъ, Болгаръ и Волоховъ (Bessarabes), но отличается отъ ихъ языковъ, такъ что его народъ не понимаетъ, а понимаютъ его только „владыки и батьки“ (vladicae et baytkones i. e. episcopi et presbyteri) [1]. Въ подобномъ смыслѣ высказывается іезуитъ Скарга (O jedności kościoła bożego, 1577 и 1590): нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы говорилъ на словѣнскомъ (słowieńskim) языкѣ церковныхъ книгъ Руси; у этого языка нѣтъ ни своихъ правилъ ни граматики и словарей, его теперь никто въ совершенствѣ не понимаетъ, и русскіе попы, желая его понять, прибѣгаютъ къ польскимъ переводамъ. Такъ разсуждаетъ и неизвѣстный чешскій авторъ книги Historia fratrum Bohemorum (1702); упоминая о словѣнскомъ переводѣ священнаго писанія, онъ замѣчаетъ, что народъ не понимаетъ этого языка, и по этому ихъ попы изучаютъ этотъ древній словѣнскій языкъ такъ, какъ у западныхъ Славянъ языкъ латинскій.

Когда съ конца XVI и съ XVII вв. шляхта и духовенство югозападной Руси стали все больше употреблять, вмѣсто своего русскаго языка, языкъ польскій, хотя они бы и остались православными или уніатами, то въ богословской и полемической ли-

---

Вислѣ въ тамошней католической церкви, куда его подарилъ казимѣрскій мѣщанинъ Іоаннъ Леонтіевичъ Шапникъ (или: шапникъ) съ женою, матерью и братомъ, очевидно семья русская. См. Востокова Описаніе рукописей Румянцева, стр. 185.

[1]) Львовская молодежь училась въ сосѣдней Молдавіи пѣнію греческому и „сербскому“, какъ видно изъ письма господаря Александра Львовянамъ 1559 г. (Акты южной и западной Россіи I. 142).

тературѣ русскихъ православныхъ и уніатовъ, веденной преимущественно на польскомъ языкѣ, часто приводились слова и реченія на языкѣ словѣнско-русскомъ польскимъ правописаніемъ; такъ на пр. въ сочиненіяхъ Смотрицкаго, Саковича, Кальнофойскаго, Коссова, Могилы, Жоховскаго и др. Уніатскій митрополитъ Жоховскій приводитъ, въ книгѣ Colloquium Lubelskie (1680), польскимъ правописаніемъ словѣнско-русское Ispowidanie prawosławnyja wiry ot wostocznych tworymoje, и польскій іезуитъ Кулеша, въ книгѣ Wiara prawosławna (1704), такимъ же правописаніемъ Wira prawosławnaja wostocznoj cerkwi [1]). Оказалась даже потребность переводить словѣнско-русскую литургію на польскій языкъ. Такъ уже въ концѣ XVI в. (и вторымъ изданіемъ въ 1605 г.) Янъ Павловичъ Берковскій издалъ въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ Objaśnienie albo wykład litorgiej świętéj для тѣхъ, для которыхъ „языкъ письма словенскаго“ не общеупотребителенъ; онъ приводитъ здѣсь разныя части литургіи на словѣнско-русскомъ языкѣ польскимъ правописаніемъ и съ польскимъ переводомъ. Подобно тому Огилевичъ въ книгѣ Ecphonemata liturgiej greckiéj (1671) пишетъ литургію словѣнско-русскую польскимъ правописаніемъ и въ польскомъ переводѣ; онъ возстаетъ противъ обыкновеннаго тогда употребленія словѣнско-русскихъ или русскихъ словъ въ польскомъ стилѣ для означенія разныхъ понятій и предметовъ восточной церкви, и требуетъ, чтобы *церковь* называлась и по-польски kościół, а не cerkiew, *спасъ*—zbawiciel, а не spas, *крестъ*—krzyż, а не krest, и пр. При распространеніи польскаго языка посреди западно-русскаго духовенства оказалась потребность издать особый „Лексиконъ сирѣчь Словесникъ Славенскій имѣющъ въ себѣ словеса, первѣе славенскія, азбучныя, посемъ же польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ славенскихъ обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ“ (въ Супраслѣ 1722, потомъ въ Почаевѣ 1756); издатели словаря „съ неисчетною болѣстію сердца и язвою утробы неудобьисцѣлною“ замѣтили, что „изъ поставляемыхъ въ іерейство сотный іерей едва славенскій разумѣетъ языкъ, не вѣдяй, что

---

[1]) О словѣ „православный“ см. выше, стр. 328.

четъ въ божественной службѣ", и по этому рѣшились издать этотъ словарь, „да сія вся нерадѣнія въ Россіи соединенной искоренена будутъ".

Вопросъ о церковномъ языкѣ словѣнскомъ пріобрѣлъ въ Польшѣ практическій интересъ, когда въ половинѣ XVI в., въ числѣ новыхъ вопросовъ, явилась и мысль о народной церкви польской съ разными реформами. На сеймѣ 1555 г. многіе требовали введенія причащенія подъ обоими видами, какъ это было прежде и въ католической церкви и какъ это водится у Грековъ, Болгаръ и Русскихъ, и у Чеховъ, у послѣднихъ съ разрѣшенія базельскаго собора; дальше требовали, чтобъ богослуженіе въ храмахъ отправлялось на народномъ языкѣ, что̀ „Болгарамъ" (т. е. вообще южнымъ Славянамъ, именно адріатическимъ), говорящимъ на одномъ съ Поляками языкѣ, дозволено папскою куріею (ut cultus divinus lingua vernacula publice in templis perageretur, quod Bulgaris eadem cum Polonis lingua utentibus olim a Sede Apostolica concessum esset). Такія требованія повторялись часто и въ послѣдствіи [1]). Польскіе протестанты ссылались, относительно народнаго языка въ церкви, на примѣръ другихъ Славянъ. Такъ на пр. издатель торунскаго Канціонала (1595), Кресихлебъ, указываетъ на примѣръ „нашихъ Славянъ (т. е. южныхъ), которые изъ давна, со временъ св. Кирилла, пользуются привилегіею отправлять богослуженіе на своемъ языкѣ"; подобно тому Симонъ Турновскій (Żwierciadło nabożeństwa chreściańskiego w Polszcze i Litwie, 1594) упоминаетъ о призванныхъ изъ Чехіи въ Краковъ королемъ Владиславомъ Ягайломъ священниковъ, которые „не на языкѣ латинскомъ, а на нашемъ понятномъ славянскомъ отправляли богослуженіе." Католическій священникъ Мартынъ Лащъ (Tworzydło), отвѣчая Турновскому (Okulary, 1594), признаетъ, что прежде въ Чехіи существовала славянская литургія, какъ ее испросили у папы Кириллъ и Меѳодій, и что до сихъ поръ у „Словаковъ" (т. е. южныхъ Славянъ) существуетъ такая славянская литургія, но не отличается отъ латинской.

---

[1]) Dyaryusze sejmów (Scriptores rerum polon. I, 104, Kraków 1872). Срв. Любовича Исторія реформаціи въ Польшѣ, 180, 246.

Защитники народнаго „славянскаго" языка въ церкви вмѣсто латинскаго часто смѣшивали „славянскій" языкъ вообще (въ данномъ случаѣ польскій) съ церковнымъ „славянскимъ". Ихъ противники и защитники латинскаго языка указывали на то, что и церковный „славянскій" языкъ не совсѣмъ понятенъ для тѣхъ Славянъ, у которыхъ онъ употребляется. Епископъ Станиславъ Гозій (Hosius), въ статьѣ De sacro vernacule legendo, защищалъ латинскій языкъ въ церкви, и предлагалъ, если уже считается необходимымъ замѣнить его народнымъ языкомъ, не польскій а церковный словѣнскій. Указывая на то, что Кириллъ и Меѳодій съ папскаго позволенія отправляли богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, какъ это недавно было и въ краковской церкви на Клепарѣ, Гозій замѣчаетъ, что это въ Моравіи и въ Польшѣ скоро прекратилось, принося-де больше вреда чѣмъ пользы. Нашъ славянскій языкъ —разсуждаетъ Гозій - раздается больше чѣмъ въ четвертой части Европы, и на немъ говорятъ многіе народы, Чехи, Русь, Москва, Болгаре, Сербы, Хорваты, Далматинцы и „Славяне" (т. е. южные), отъ которыхъ происходятъ Поляки. Впрочемъ эти народы отличаются другъ отъ друга своими нарѣчіями, такъ что Полякъ понимаетъ „Славянина" (южнаго) меньше, чѣмъ Швабъ или Швейцарецъ Голандца или Бургундца. Языкъ „славянскій" или далматинскій болѣе изященъ чѣмъ польскій, такъ что, если уже нужно переводить молитвы и священныя книги на простой языкъ, то слѣдуетъ переводить ихъ преимущественно на тотъ языкъ, отъ котораго произошелъ нашъ и который превосходитъ и другіе языки своимъ изяществомъ; кромѣ того на него переведены св. Іеронимомъ священныя книги, такъ что его употребленіе менѣе опасно. Но если онъ употреблялся въ богослуженіи у насъ, у Чеховъ и у Моравянъ, а потомъ исчезъ, то это случилось навѣрное не безъ причины. По этому Поляки пусть остаются съ латинскимъ языкомъ; вѣдь и на Руси церковный языкъ словѣнскій не всякій понимаетъ, да часто самъ священникъ, а все таки никто на это не жалуется. Скарга въ одной своей проповѣди защищаетъ тоже латинскій языкъ въ католическомъ богослуженіи, указывая на перемѣны живаго народнаго языка; такъ на пр. Поляки, подобно старымъ „Словакамъ"

(т. е. южнымъ Славянамъ), прежде употребляли разныя слова, которыя нынѣ слышны развѣ кое-гдѣ между поселянами, или среди Руси и Москвы. Русь отправляетъ богослуженіе на нашемъ словѣнскомъ (słowieńskim) языкѣ праотцевъ; прежде этотъ языкъ, который называется тоже болгарскимъ, былъ понятенъ; но нынѣ его ни одинъ Болгаринъ и Хорватъ, ни Москвитянинъ и Русинъ, не понимаетъ, какъ только послѣ прилежныхъ занятій [1]).

Въ польскую католическую церковь не введенъ ни языкъ польскій ни словѣнскій, а остался господствующимъ языкъ латинскій. Поляки слышали словѣнскій языкъ только въ близкихъ церквахъ русскихъ или далекихъ югославянскихъ. Чехи услышали словѣнскій языкъ только случайно, путешествуя въ странахъ русскихъ или югославянскихъ (какъ на пр. Іеронимъ пражскій, рыцари Коковецъ, Драховскій, Вратиславъ, іезуитъ Таннеръ и др.), или находясь тамъ въ качествѣ воиновъ. Съ другой стороны Чехи и другіе западные Славяне могли услышать церковный словѣнскій языкъ тоже въ богослуженіи проходившихъ черезъ ихъ земли русскихъ войскъ [2]).

3. *Словѣнскій языкъ и его изводы болгарскій, сербскій и русскій. Распространеніе русскаго извода къ Югославянамъ.*

Словѣнскій языкъ, сдѣлавшись у православныхъ Славянъ, у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, литературнымъ и церковнымъ, соединялъ ихъ какъ бы членовъ одной семьи, не смотря на то, что это соединяющее звено не сохранилось въ первоначальной чи-

---

[1]) Hosii Opera (Parisiis 1562, fol. 261), Skargi Kazania (Kraków 1600, p. 95); срв. выше, стр. 150.

[2]) Такъ на пр. когда въ 1748 г. часть русскаго войска стояла въ южной Чехіи, приходскій священникъ тамошняго города Писка, Ледецкій, замѣтилъ о ихъ богослуженіи, что оно было для него понятно. „Latinam linguam non calent, sed omnia nativa peragunt; potuimus etiam ipsos aliqualiter intelligere,“ записалъ Ледецкій въ приходской памятной книгѣ, откуда сообщилъ П. Лавровскій въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1285.

стотѣ, а, подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ, измѣняло свой видъ. Всѣ эти три славянскихъ народа находились въ постоянныхъ религіозно-культурныхъ сношеніяхъ. Словѣнскія рукописи переходили изъ Болгаріи въ Сербію и на Русь, изъ Сербіи въ Болгарію и на Русь, и потомъ изъ Руси въ югославянскія страны. Эти рукописи разныхъ изводовъ списывались, и въ слѣдствіе этого происходила нерѣдко большая путаница въ ихъ фонетической части. Сербскій писецъ, списывая съ болгарской рукописи, гдѣ ж и ѧ были уже смѣшаны, могъ написать по своему: *радуе се и молю се* (по болг. *радуѧ*, *молѫ сѧ* вм. *молѧ сѧ*), *Варуіь* (болг. *Варжіь*, а это вм. *Варѧіь*, какъ и серб. *Фруіь* изъ *Фржіь*), и пр. Русскіе писцы, списывая словѣнскія рукописи съ болгарскаго извода, не только замѣняли юсы по своему, но передавали ихъ даже неправильно, и могли написать на пр. *врѣмѧ ювлѣшуюсѧ звѣзды* (т. е. ювльшѧѧ сѧ, гдѣ было по-болг. *ювлѣшѫѫ сѧ*). Иногда русскій писецъ имѣлъ списки болгарскій и сербскій, прибавилъ къ нимъ свои русизмы, и такимъ образомъ вышла неправильная смѣсь языковъ [1]). Православные Славяне, находясь въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ, перенимали другъ у друга церковныя книги разныхъ редакцій, и часто ихъ исправляли и измѣняли. Такимъ образомъ текстъ церковныхъ книгъ, употребляемыхъ у православныхъ Славянъ, подвергался разнымъ исправленіямъ и измѣненіямъ [2]).

Сербы, подобно Хорватамъ, измѣнили словѣнскій языкъ по законамъ своего языка, выбросивъ ж и ѧ, ъ, употребляя одинъ *ь*, *ы* (вмѣсто ꙑ), который однако только писали, но произносили какъ *и*, и смѣшивали съ *и*. Православные Сербы, находившіеся

---

[1]) Ср. объ этомъ статью Пыпина въ Ученыхъ Запискахъ втор. отд. Имп. Акад. Наукъ II. 2, стр. 3—58.

[2]) Объ этихъ измѣненіяхъ въ текстѣ церковныхъ книгъ словѣнскихъ см. Горскаго и Невоструева Описаніе слав. рукописей синодальной библіотеки I (срв. тоже статью Невоструева о переводѣ евангелія въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ Погодина), изслѣдованія В. Срезневскаго о псалтири, Гр. Воскресенскаго объ апостолѣ, Гезена о символѣ вѣры, выше упомянутыя изданія и изслѣдованія Ягича, о. Амфилохія, и др.

въ постоянныхъ сношеніяхъ съ православною Болгаріею а потомъ Русью, поддались вліянію церковнаго словѣнскаго языка больше, даже въ свѣтской письменности, чѣмъ Сербы западные (католики и богумилы). По этому восточные Неманичи (въ своихъ грамотахъ, житіяхъ, типикахъ и пр.) придерживались больше церковнаго языка, между тѣмъ какъ на западѣ Босняки писали больше на народномъ языкѣ, хотя и въ этихъ западно-сербскихъ письменныхъ памятникахъ встрѣчаются иногда словѣнскія формы. Такъ на пр. сербскій великій жупанъ Стефанъ Неманя пишетъ *находещаго, мощьно, госпожда, светаго,* но тоже *велиега, помокию*; а его современникъ босенскій банъ Кулинъ (или собственно его дьякъ Радое), придерживаясь чистаго сербскаго языка (*светога, грађамь, хоке*), все таки употребилъ слово *рождство* Хрьстово.

Православные Сербы получили церковныя словѣнскія книги изъ Болгаріи, и съ этихъ словѣнско-болгарскихъ ихъ и списывали. Находя въ нихъ ѧ и ѫ, хотя уже смѣшанные, ꙃ, и не понимая ихъ значенія, замѣняли ихъ обыкновенными своими *е, у, ь*. Только въ древнѣйшихъ памятникахъ словѣнско-сербскихъ (въ евангеліяхъ Мирослава ок. 1190 г., Волка 1202 г., въ хиландарскомъ типикѣ Савы послѣ 1200 г., въ иловицкой кормчей 1262 г., въ Шестодневѣ Іоанна эксарха 1263 г. и др.), встрѣчаются изрѣдка болгарскія формы *ладіѫ, сѧ, рѫкѫ, грѧдеть,* но тоже ошибочныя *мьзѧ, сѧбе* (т. е. себе), *ѧсть, зѧмлѣ* и пр.; ꙃ встрѣчается очень рѣдко, обыкновенно только *ь*. Но все это исключенія, и словѣнско-сербскій языкъ уже въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ и тѣмъ болѣе въ позднѣйшихъ, рукописныхъ и печатныхъ „сербуляхъ", является съ своими особенностями: *е* вмѣсто ѧ, *у* вм. ѫ, одинъ *ь, ы,* вмѣсто котораго часто *и* (книги, гласи, бити—битіе и пр.); но и формы: светаго, прѣжде, рождьство, нощь (т. е. ношть), и пр. Вообще языкъ православныхъ сербулій, печатаемыхъ съ конца XV в., подчинялся больше церковному языку словѣнскому, чѣмъ языкъ словѣнско-хорватскій, на который живой языкъ хорватскій имѣлъ большее вліяніе. Только въ рукописныхъ сербуляхъ XVII—XVIII вв. живой сербскій языкъ заявляетъ большую силу, чѣмъ въ печатныхъ; въ рукопис-

ныхъ сербуляхъ нѣтъ *ы*, *ь* замѣняется *а* (а въ концѣ словъ уже на русскій ладъ *ъ*), *ѣ* простымъ *е*, и пр.: *васехъ* вмѣсто *вьсѣхь*, *мазди* вм. *мьзды*, *лагакъ* вм. *льгькь*, и пр., подобно тому, что встрѣчается въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ XVI вѣка [1]).

Словѣнскій языкъ кириловскихъ сербулій отличается очень мало отъ языка церковныхъ книгъ словѣнско-хорватскихъ глаголическихъ, какъ видно по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ (начало 23-го псалма) изъ напечатанныхъ въ Венеціи

глаголич. слов.-хорват. *часослова* 1561 года:

Господьна есть земла и исплнение ее, вселенаѣ, и вси живущеи на неи. Ѣко та на морѣхь основаль ю есть, и на рѣкахь уготоваль ю есть. Кто взидеть на гору господьню? или кто станет на мѣсте светѣемь его? ....Господь силь та есть цесарь слави.

кирилов. слов.-серб. *псалтири* 1571 года:

Господьни юсть земли испльненію, вьселюнаа, и вьси живущеи на неи. Ть на морихь основаль ю юсть, и на рѣкахь уготоваль ю юсть. Кто вьзыдеть на гору господьню? или кто станеть на мѣсте светѣмь юго? ....Господь силамь ть юсть цѣсарь славы [2]).

Въ Болгаріи вліяніе измѣняющагося языка задунайскихъ Словѣнъ (Болгаръ) на литературный словѣнскій замѣтно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, спискахъ глаголичесхихъ и кириловскихъ XI—XII вѣковъ. Такъ уже въ евангеліи зографскомъ, въ которомъ словѣнскій языкъ сохранился въ необыкновенной чистотѣ, писецъ все таки изрѣдка находился уже подъ вліяніемъ своего болгарскаго языка и написалъ *тъкъму* вмѣсто *тъкъмо*, *хвалите* вм. *хвалити*, *вь* вмѣсто *въ*, *своа* вм. *свое*, *вьземлѩ* вм. *въземлıа*; но тоже *у* вмѣсто *ж*: *грѧдуштю* вмѣсто *грѧджштю*. Болѣе замѣтно болгарское вліяніе въ синайской псалтири (часто

---

[1]) Срв. Караджича Примјери србско-славенскога језика.

[2]) Въ рукописныхъ сербуляхъ: *васи*, *та*, *вазидетъ*, и пр.

смѣшивается ж съ о), въ евангеліи ватиканскомъ (смѣшиваются *ь* и *ъ*, иногда ѧ и *е*, ж и *у*, ѧ и ж). Въ евангеліи маріинскомъ сказалось вліяніе болгарское и сербское вмѣстѣ гораздо сильнѣе, можетъ быть потому, что этотъ памятникъ списанъ либо гдѣ-то на рубежѣ болгарско-сербской народности, либо въ сербско-хорватскихъ областяхъ съ словѣнско-болгарскаго списка. Въ кирилловскихъ памятникахъ словѣнско-болгарскихъ XII—XIII вв., и тѣмъ болѣе XIV вѣка, болгарское вліяніе сказывается еще сильнѣе, смѣшиваются *ь* и *ъ*, ы (*ы*) и *и*, ж и ѧ, послѣдніе уже не носовые, а замѣняющіе тоже *ъ*, *а*, *е*, ѩ и др. Въ октоихѣ струмицкомъ, въ апостолахъ слѣпченскомъ, струмицкомъ, охридскомъ, въ псалтиряхъ Погодинской и охридской (болоньской), въ евангеліяхъ рыльскомъ, терновскомъ, царя Іоанна Александра и бѣдынскомъ (Курзона), бѣлградскомъ, въ лѣтописяхъ, синодикахъ и въ другихъ памятникахъ XII—XIV вв., встрѣчаются формы: *жзыкъ, сж* (вмѣсто ѩзыкъ, сѧ), *имжщу* и *имѧщу* (*щ=шт*), *чждо* (вм. чѧдо), *твоѧ* (вм. твоѭ) и пр., но тоже *лжвь* (т. е. левъ), *сжи* (вм. сын), *владыкж* (вм. владыка), *бждѫщжѧ* (вм. бѫдѫщаѩ), *въдржжи* (т. е. въдръжи), *мирь*, *мжжь*, *Блъгаре* и *Бльгаре, рыбарь* и *рибарь*, *слышъ*, и пр. Членъ *тъ* попадается изрѣдка уже въ XIV вѣкѣ [1]).

Этотъ словѣнско-болгарскій изводъ (юсовый) распространился тоже въ древнюю Дакію (Семиградію, сѣверо-восточную Угрію, Валахію и Молдавію), заселенную православными Волохами, которые однако употребляли въ письменности не свой

---

[1]) Срв. упомянутые сборники Срезневскаго, Ламанскаго О рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ, Вѣнѣ, Описанія рукописей синод. библ., Румянцева, Хлудова и др., статьи Билярскаго (Судьбы церковнаго языка), Лескина, Ягича, Поливки (Archiv f. slav. Philologie II. III. X.), Новаковича (Rad jugoslav. akad. 44), и др. Въ болгарскомъ спискѣ народовъ (ок. 1200 г.) пишется на пр.: Бльгаринь быкь, Срьбинь вькь, Харватинь сова, Чехь нерець, Русинь видра, Литвинь туръ, Вжгринь рись, Фржгь лжвь, и пр.; перечисляется, сколько „Азыкь православныхь, половѣрныхь, невѣрныхь“ (см. выше, стр. 328).

а, вмѣстѣ съ живущими между ними Словѣнами, словѣнскій языкъ именно болгарскаго извода. О судьбахъ языка Словѣнъ оставшихся между Волохами, не знаемъ ничего, и только очень поздно въ XVIII вѣкѣ записаны на ихъ языкѣ нѣкоторыя молитвы и пѣсни латиницею. Въ этихъ памятникахъ древнесловѣнская фонетика сохранилась однако до извѣстной степени лучше, чѣмъ въ болгарскомъ языкѣ; семиградскіе Словѣне произносили именно носовые звуки: da sa posventi tvoje svento jume, mans (мѫжь), desent (десѧть), porončenie [1]). Словѣнско-болгарскія рукописи и печатныя книги распространились въ послѣдствіи изъ волошскихъ странъ и на Русь, преимущественно южную, гдѣ возникъ изводъ болгарско-русскій. Одно евангеліе этого извода попало тоже въ Прагу въ словѣнскій монастырь, гдѣ оно называлось „русскимъ" и приписывалось св. Прокопію [2]).

Еще до паденія болгарскаго царства послѣдній патріархъ терновскій *Евѳимій* пересмотрѣлъ священныя книги, списалъ „съ еллинскаго языка на болгарскій" и исправилъ ихъ текстъ, какъ замѣчаетъ его ученикъ Григорій Цамблакъ [3]). У Евѳимія было много учениковъ Болгаръ, какъ на пр. русскіе митрополиты, Кипріанъ (1376—1406) и Григорій Цамблакъ (1415—1419), Андроникъ, учитель Константина изъ Костенчи, и др. Болгаринъ Константинъ Костенчскій отъ Тернова, который въ первой половинѣ XV в. писалъ въ Сербіи, замѣчаетъ, что въ Болгаріи „писмена тако погыбла была суть, нь царь (Іоаннъ Шишманъ) и патріархъ Евѳиміи просвѣтише", и трудъ этого „великаго художника словѣнскыихь писмень" и его учениковъ остается „до нынѣ въ трьновьскыихь странахь до рѣкы Марице и въ скѵѳскыихь странахь и Загоріи, оть Марице до Солунѣ и Бельграда, и даже и до нынѣ и окрьстнаа царствіа просвѣштаеть" [4]).

---

[1]) Срв. статьи Миклошича въ вѣнскихъ Denkschriften der k. Akademie, VII, XXXIV.

[2]) Срв. выше, стр. 535 и 543.

[3]) Гласник XXXI. 270.

[4]) Starine, izd. jugoslav. akademija I. 11; срв. тоже выше, стр. 222, слова Григорія Цамблака о дѣятельности Евѳимія.

Въ чемъ именно состоялъ трудъ Евѳимія, не легко сказать, тѣмъ болѣе, что его сочиненія найдены почти только въ спискахъ русскихъ и сербскихъ, и очень немногія въ болгарскихъ. Судя по замѣткамъ Константина Костенчскаго, послѣдователя исправленій Евѳимія, этотъ послѣдній установилъ — не говоря объ исправленіи самаго текста священныхъ книгъ—нѣкоторыя болѣе прочныя правила правописанія относительно употребленія разныхъ буквъ: з, ь, ѧ, ѫ (по установившемуся уже въ словѣнско-болгарскомъ языкѣ ихъ употребленію, а не по правиламъ чистыхъ словѣнскихъ рукописей), ӡ и ѕ, въ знакахъ надстрочныхъ, ударенія, препинанія, и пр. Эти новыя правила „терновскаго" извода встрѣчаются въ рукописяхъ до XVII в., писанныхъ въ Болгаріи, на Аѳонѣ (особенно въ болгарскомъ монастырѣ зографскомъ), въ Румыніи, и тоже въ церковныхъ книгахъ печатаемыхъ въ XVI—XVII вв. въ волошскихъ земляхъ. Такія рукописи и печатныя книги распространились тоже на Русь, гдѣ этотъ изводъ еще измѣнялся подъ вліяніемъ русскаго извода [1]).

Изъ Болгаріи терновскіе изводы распространились отъ части и въ Сербію, гдѣ въ первой половинѣ XV в. дѣйствовалъ болгарскій книжникъ Константинъ Костенчскій. Онъ, сочиняя и списывая здѣсь книги на словѣнско-сербскомъ языкѣ, установилъ, по терновскимъ книгамъ, извѣстныя правила словѣнскаго

---

[1]) О словѣнско-болгар. языкѣ патріарха Евѳимія можно судить по его проскомидіи на стѣнѣ зографскаго монастыря (Гласник XXV. 289), по списку одной его молитвы въ зографскомъ служебникѣ 1532 г. (описанномъ Плотниковымъ въ воронеж. Филолог. Запискахъ 1880 г.), и по списку зографскаго устава божественной службы св. апостола Іакова, сохранившагося въ позднѣйшемъ сборникѣ русскомъ, о которомъ см. въ статьѣ Сырку: Къ вопросу объ исправленіи книгъ въ Болгаріи въ XIV в. (Журналъ минист. народ. просвѣщ. 1886); срв. его же статьи въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію въ честь Ламанскаго, и въ Archiv f. slav. Philologie IX. 148; Качановскаго: Къ вопросу о литературной дѣятельности болгар. патр. Евѳимія (Христіанское Чтеніе 1882, N-го 7. 8.), А. Попова: Обзоръ русскихъ хронографовъ II. 26.

(словѣнско-сербскаго) правописанія именно относительно употребленія *ь* и *ъ* (въ концѣ словъ *ь*, а въ серединѣ *ъ* и *ь* по извѣстнымъ правиламъ, но съ исключеніями: стъза и стьза, србьскыи и срьбьскыи, рабь и прѣстолъ), *ѣ* и *е*, *ы* (которое часто смѣшивалось съ *и*), іотаціи (противъ прежняго ꙗ, ѥ ввелъ *ia*, *ie*, есть, коего, подобаеть), надстрочныхъ знаковъ, и пр.; относительно ж и ѧ Константинъ замѣчаетъ, что „блъгарскыи же езыкь пространнѣишіи есть срьбскаго сими глаголы и писмены" (которыя по болгарскому способу смѣшиваетъ: *уже* и *ѧже*), что онѣ „въ Блъгарѣхь начельствующе суть, а Сръблѥмь ꙗко нѣкое брѣме ꙗвише се" [1]). Эти правила Константина соблюдались болѣе или менѣе въ словѣнско-сербскихъ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ до XVII в., хотя рядомъ съ правописаніемъ Константина продолжало употребляться и прежнее правописаніе. По новому правописанію списывались рукописи особенно въ монастырѣ Ресавѣ (нын. Манасія) въ восточной Сербіи; эти „ресавскія" книги, этотъ „ресавскій изводъ не имущій ничтоже порока", цѣнились Сербами и Болгарами и въ послѣдствіи, но уже въ XVII в. составляли рѣдкость [2]).

---

[1]) Отрывки изъ статьи Константина („учителя сербскаго") издалъ Даничичъ въ сборникѣ Starine I; срв. тоже Григоровича Статьи касающіяся др. словян. языка 36, Дучича въ бѣлград. Гласникѣ LVI. 86.

[2]) Срв. статьи Ст. Новаковича о ъ въ словѣнско-серб. и слов.-болгар. книгахъ, объ акцентахъ въ старопечатныхъ книгахъ (Rad jugoslav. akad. XLIV. 150, Starine IX. 10, Гласник, XLIV. 1. XLVII. 1). О нѣкоторыхъ ресавскихъ книгахъ см. Гласник XLII. 236, XLIV. 241, Чтенія 1867, IV. (статья а. Леонида, стр. 121). Сочиненіе Константина „Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича" (напис. въ 1431 г.) извѣстно по спискамъ слов.-серб. правописанія Константина (Starine X. 46, Григоровича О Сербіи 55), и прежняго (Гласник XLII. 223), тоже по словѣнско-болгар. списку (А. Попова Изборникъ изъ русск. хронографовъ). Подобно тому житіе серб. короля Стефана Дечанскаго, соч. Болгарина Григорія Цамблака (ученика патріарха Евѳимія, игумена въ серб. монастырѣ Дечанахъ, потомъ въ Молдавіи, наконецъ русскаго митрополита 1415—1419 г.), извѣстно въ спискѣ словѣнско-сербскомъ (Гласник XI) и слов.-болгарскомъ (Arkiv za povjestnicu jugoslav. IV).

Оба извода словѣнскаго языка, сербскій и болгарскій, употреблялись Сербами и Болгарами, „сродниками, единороднымъ языкомъ“, какъ ихъ назвалъ сербскій монахъ Владиславъ, который ок. 1456—1479 гг. въ монастыряхъ сѣверной Македоніи списывалъ разныя рукописи, въ томъ числѣ и съ „болгарскаго“ языка [1]). Фонетическія отличія здѣсь не мѣшали, и равнымъ образомъ какъ Сербы читали и списывали по своему способу книги словѣнско-болгарскія, такъ и Болгаре пользовались словѣнско-сербскими книгами рукописными и печатными. Самое списыванье словѣнскихъ книгъ разныхъ изводовъ составляло для Серба или Болгарина извѣстныя затрудненія. Сербскіе монахи, списывая въ 1374 г. *Тріодь*, вѣроятно по исправленіямъ Евоимія, „извода светогорскаго правога, извода новога нь истинь бугарскога ѥзыка“, признаются, что „богь вѣсть, велма ни ѥ било усильно прѣставлѣти га на срьбскы ѥзыкь, и како смо вь изводѣ находили, тако смо писали, ни одлагали ни прилагали“. Сербскій попъ Евстратій списалъ (передъ 1434 г.) *Тріодь* „изь бугарскые книгы на срьбскы чинь“, и извиняется за возможныя ошибки, такъ какъ онъ не былъ „вѣшть слову томь“. Случалось тоже, что часть книги написана по словѣнско-болгарски (съ юсами) а другая часть по словѣнско-сербски, какъ на пр. въ синаксарѣ лѣсновскомъ (1330), въ одномъ евангеліи конца XIV в., въ литургіи св. Іоанна Златоустаго (болг., а дальше серб. евангеліе и апостолъ) XIV—XV в., въ кормчей книгѣ начала XV в., и пр. Подобно тому въ одной словѣнско-сербской печатной книгѣ Божидара Вуковича (Сьборникь, 1538) встрѣчаются изрѣдка тоже словѣнско-болгарскія статьи [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 221—222. О рукописныхъ сборникахъ Владислава и др. см. Starine I. 44, X. 44, Гласник XI. 35, 40, Христіанское Чтеніе 1882. N-го 7, 8 (статья Качановскаго).

[2]) См. Ученыя записки 2 отд. имп. акад. наукъ II. 2. стр. 102, А. Попова Опис. рукоп. Хлудова, стр. 16. 200, 277, 294. Ламанскаго Рукоп. въ Бѣлградѣ, 19, 165, Срезневскаго Свѣд. о малоизвѣст. пам. N-го III, Гласник XVI. 34. Срв. Ягича Ист. сербско-хорват. литер. 191—201. Лѣсновскій монахъ Станиславъ, который въ 1330—1332

Въ слѣдствіе усиленія сербскаго королевства, потомъ царства, къ которому въ XIV в. присоединено много южно-болгарскихъ земель, именно Македонія, распространилась и между южными Болгарами Македоніи и Албаніи (охридскаго патріархата) словѣнско-сербская письменность. Въ охридскомъ патріархатѣ процвѣтала до XIV в. словѣнско-болгарская письменность, и въ монастыряхъ и церквахъ Охриды, Слѣпча, Струмицы и др. списывались и хранились рукописи словѣнско-болгарскія. Но съ XIV в. словѣнско-болгарскій языкъ замѣняется словѣнско-сербскимъ; на немъ писали сами охридскіе патріархи, одно время (1459 - 1557) управлявшіе тоже сербскимъ патріархатомъ [1]). Словѣнско-сербскій изводъ господствовалъ, конечно, въ сербской лаврѣ Хиландарѣ на Святой Горѣ аѳонской, одномъ изъ главныхъ центровъ литературной дѣятельности православныхъ Славянъ вообще; онъ распространился и въ другіе славянскіе монастыри Аѳона, и даже въ рыльскій монастырь около Софіи, и сами болгарскіе монахи стали писать по словѣнско-сербски. Печатныя церковныя книги Болгаре получали отъ Волоховъ или отъ Сербовъ, и одинъ Болгаринъ, Яковъ Крайковъ изъ Софіи, напечаталъ въ 1569—1570 гг. въ Венеціи двѣ церковныя книги сербскаго извода [2]).

въ своемъ монастырѣ списывалъ разныя словѣнско-сербскія рукописи, въ „Синаксарѣ" списалъ первую часть по слов.-сербски, а вторую бóльшую по слов.-болгарски. Встрѣчаются примѣры, что сербскій писецъ зачеркивалъ болгарскіе юсы и замѣнялъ ихъ сербскими *е*, *у*; срв. Григоровича Очеркъ путешествія по европ. Турціи, 2. изд. стр. 42.

[1]) Такъ на пр. въ 1230—1241 гг. въ Равнѣ у Охриды списана словѣнско-болгарская псалтирь (нынѣ въ Болонѣ); а въ 1466 г. охридскій патріархъ Дороѳей, будучи въ Кратовѣ, поручилъ тамошнему дьяку Димитрію, списать для соборной церкви охридской номоканонъ „на срьбьскыи езыкь", такъ какъ въ церкви находилась эта книга только „по езыку грьчьскому, а не по езыку срьбьскому". (Starine XII. 253). Въ монастырѣ Лѣсновѣ (въ области овчепольской) ок. 1330—1350 г. писали отъ части еще по словѣнско-болгарски, но по большей части уже по словѣнско-сербски.

[2]) См. выше, стр. 304.

На Русь словѣнскій языкъ распространился преимущественно изъ Болгаріи, хотя словѣнскія книги могли распространяться на южную Русь, къ Хорватамъ, Волынянамъ, Полянамъ и др. племенамъ, еще раньше изъ Великой Моравіи, Панопіи и Дакіи, отъ тѣхъ подунайскихъ Словѣнъ, отъ которыхъ „прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ дунайскихъ“, какъ замѣчаетъ русскій лѣтописецъ [1]). Словѣнскій языкъ на Руси тоже скоро испыталъ вліяніе мѣстнаго русскаго языка, и уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, списанныхъ на Руси сѣверной и южной, это вліяніе сказывается болѣе или менѣе [2]). Уже въ памятникахъ XI в. замѣняются ѫ и ѧ русскими *у* и ꙗ, и *ъ* и *ь* пишутся передъ плавными, иногда передъ ними и за ними: *пьрстъ*, *дългъ*, *сълньце*, *бьрьвьна*, *дългы*, *мълнии*, что соотвѣтствуетъ русскимъ *перстъ*, *долгы*, *бревна*, *молнія*; но подлѣ этихъ словѣнско-русскихъ формъ встрѣчаются и словѣнскія *наплънити*, *отъврьзъ*. Въ словѣнско-русскомъ изводѣ употребляется *ь* чаще, чѣмъ въ словѣнскомъ (*ведеть*). Вліяніе русскаго языка на словѣнскій становится со второй половины XI в. и особенно съ XII в. все сильнѣе: ѫ и ѧ замѣняются все больше черезъ *у* и ꙗ (ѧ=я стало означать тоже самое), *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е*, вмѣсто *ѣ* иногда *е* (*предъ* вм. *прѣдъ*), вмѣсто *шт—щ* и *ч*, вмѣсто *жд—ж*, и пр. Съ начала эти русизмы встрѣчаются рѣдко, попадая въ словѣнскій текстъ какъ бы помимо воли писца, какъ на пр. въ евангеліи Остромира слова: *божию* (вм. божиѭ), *древо* (вм. дрѣво), *прѣже* (вм. прѣжде), и пр.; но чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ больше, какъ на пр. въ евангеліи туровскомъ, въ нѣсколькихъ псалтиряхъ, въ словахъ Григорія Богослова, въ Изборникахъ (встрѣчается часто русское полногласіе и ѧ вм. ꙗ), минеяхъ и др. памятникахъ XI вѣка. Въ памятникахъ XII в., въ евангеліи Мстислава ѫ и ѧ смѣшиваются съ ю и ꙗ,

---

[1]) Может быть, что моравскій Святополкъ княжилъ и въ части карпатской Руси. См. Петрушевича Извѣстіе о введеніи христіанства въ прикарпат. странахъ во время свв. Кирилла и Меѳодія. (Львовъ 1882).

[2]) Срв. выше, стр. 528, 532.

въ евангеліяхъ галичскомъ и Добрила ихъ нѣтъ (ѧ пишется вмѣсто ꙗ), и въ послѣднемъ *ъ* и *ь* переходятъ уже въ *о* и *е*, и пр. Въ словѣнско-русскихъ текстахъ встрѣчается вообще значительное разнообразіе, смотря по тому, какъ и насколько писецъ могъ или хотѣлъ преодолѣть вліяніе своего русскаго языка; такъ на пр. въ евангеліи галичскомъ (1144) пишется по-русски *половелъ* (плѣвелъ), *исхожаше* (исхождааше), рядомъ съ обыкновенными словѣнскими формами; въ Паремейникѣ (1271) *межю* — *междю*, *держати*, *исполънѧюще* — *твьрдь*, *съньмъ*, *древо—дрѣво*; въ евангеліяхъ Поликарпа (1307 г.) и Моисея (1355 г.): *волъхвъ*, *сотникъ*, *вопль*, *человѣкъ*, *межи*, *сонмище*—и *събирати*, *жьрновъ* и пр. Съ XV в. употребляется все больше вмѣсто ꙑ—*ы*, которое въ XVI в. господствуетъ исключительно, вѣроятно въ слѣдствіе распространенія на Русь словѣнско-сербскихъ и словѣнско-болгарскихъ книгъ. Въ полной библіи 1499 г. *ъ* и ь въ срединѣ словъ встрѣчаются рѣдко (*създа*, *дъсцѣ*), а замѣнены почти вездѣ чистыми *о* и *е* (*досцѣ*, *полкъ*, *поверже*). Въ словѣнскихъ книгахъ списываемыхъ на Руси замѣтны слѣды русскихъ нарѣчій. На южнорусскія нарѣчія указываютъ *жч* вм. *жд* (дъжчь, дожчь вм. дъждь), смѣшиваніе *у* и *в* (усему—всему, всѣчену—усѣчену) и др., встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ книгахъ писанныхъ въ XII—XV вв. въ южной Руси (евангелія галичскія, типографскія, Добрила, Поликарпа, луцкое, лаврошевское, октоихъ вѣнскій, Пандекты Антіоха черноризца, Поученія Ефрема Сирина, и др. [1]).

Въ первой полной печатной словѣнско-русской библіи острожской (1581 г.) текстъ во многомъ согласенъ съ текстомъ библіи 1499 года, и составляетъ переходъ отъ древнѣйшихъ текстовъ къ новѣйшему; *ъ* встрѣчается еще въ срединѣ словъ (*сътворити*, по обыкновенно *исполнь*, *первѣе*). Наконецъ въ исправленной библіи московской (1663 г.) *ь* и *ъ* въ срединѣ словъ замѣнены черезъ *о* и *е* или совсѣмъ выпущены; юсовъ нѣтъ, и ѧ

[1]) Срв. между прочимъ Отчетъ проф. Кочубинскаго 1876, Ягича Четыре критико-палеограф. статьи 85. Житецкій Очеркъ звук. исторіи малорусск. языка, Соболевскій Очерки изъ исторіи русскаго языка, и др.

означаетъ ѫ въ срединѣ словъ (*прѧмо*), а въ началѣ пишется ѭ; *ѣ* и *е* смѣшиваются (*брегъ* вм. *брѣгъ*), *и* и *ы* (*мнози, рцы*) на русскій ладъ, по полногласія нѣтъ; *ж* вмѣсто *жд* встрѣчается очень рѣдко (*вижу*); склоненія и спряженія приблизились болѣе къ русскимъ, и пр. [1]).

Такимъ образомъ словѣнскій переводъ библіи, сдѣланный еще свв. Константиномъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками, хотя и подвергся разнымъ измѣненіямъ преимущественно въ фонетической своей части, сталъ общимъ достояніемъ всѣхъ православныхъ Славянъ и тоже католическихъ Хорватовъ. Къ выше приведенному началу евангелія отъ Луки (XXIV. 13—17), по древнѣйшимъ словѣнскимъ спискамъ (глагол. и кирилов.) и по словѣнско-хорватскому XIV в., прибавляемъ здѣсь то же самое начало изъ словѣнско-русскаго евангелія, которое списалъ въ Новгородѣ Алексѣй сынъ Лазаря презвитера „Мьстиславу сыну Володимирю князю Новъгородьскуому“ ок 1117 г., и изъ печатныхъ библій острожской (1581 г.) и нынѣшней (1872 г.); изъ словѣнско-сербскаго евангелія 1202 г., которое списалъ мнихъ Симеонъ „у градѣ Расѣ велиему жупану Вльку“, и изъ словѣнско-болгарскаго евангелія 1273 г., которое списалъ „въ цариградѣ Трьновѣ“ презвитеръ Драгыня [2]).

Евангеліе русск. Мстислава (1117 года):

И се дъва отъ нихъ бѣста идѫща въ тъ же дьнь въ вьсь отъстоѩщюю стадии шестьдесѧтъ отъ І., ѥи же имѧ Е. И та бесѣдоваста къ себѣ о вьсѣхъ приключьшиихъ сѧ сихъ. И бысть бесѣдующема има и сътѧ-

Острожская библія (1581 года):

И се два отъ нихъ бѣста идуща в тойже день в весь отстоащу стадіи шестьдесѧтъ отъ І., еиже имѧ Е. И та бесѣдоваста к себѣ о всѣхъ сихъ приключшихсѧ. И бысть бесѣдующема има и съвопрашающима-

[1]) Срв. Буслаева Истор. Христоматія, стр 259.

[2]) Срезневскій въ Извѣстіяхъ X. 88, 90, 495, и въ сборникѣ малоизвѣсти. и неизвѣсти. памяти. N. XII, XLVIII, Новаковича Примери језика србско-словен. 78. Срв. выше, стр. 540 и 545.

зающема сѧ, самъ Исусъ приближь сѧ пдѧаше съ нима. Очи же ѥю дрьжасте сѧ, да ѥго не познаѥта. Рече же къ нима: Что суть словеса си, о нихъ же стѧзаѥта сѧ къ себѣ идуща и ѥста дрѧхла?

сѧ и самъ Исусъ приближпсѧ идѧше с нима. Очи же ею дръжастасѧ, да его не познаета. Рече же къ нима: Что сўть словеса сіа, о них же стѧзаетасѧ къ себѣ идуща и еста дрѧхла [1])?

Евангеліе сербское Волка (1202 года):

И се два оть нихь бѣста идуща вь ть же дьнь вь вьсь отстоещую стади шестьдесеть оть И., ея же име Е. И та бесѣдоваста вь себѣ о всѣхь сихь приключьшихь се. И бысть бесѣдующема има и стезающема се, и самь Исусь приближь се идѣше сь нима. Очи же ею дрьжаста сѣ, да ѥго не познаста. Рече же кь нима: Чьто суть словеса си, о нихь же сьтезаѥта се кь себе идуща и ѥста дресела?

Евангеліе болгар. Драгыпи (1273 года):

И се два оть (отъ) нихъ бѣста иджща въ ть жде дьнь въ весь отстожщжѧ стадии шестьдесѧть оть (отъ) Ѥ., еи же имѧ Е. И та бесѣдоваста на пжти о всѣхъ сихъ приключьшиихсѧ. И бысть бесѣдужщема има и стѧзажщемасѧ, и самъ Исусъ приближисѧ и идѣаше сь нима. Очи же ею дръжаастесѧ, да его не познаетѣ. Рече же к нима: Чьто сжть словеса си, о них же сьтѧзаетасѧ кь себѣ иджща и еста дрѧсела?

Какъ видно по этимъ образцамъ, словѣнскій языкъ церковныхъ книгъ у Хорватовъ и Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ измѣнился только въ фонетическомъ отношеніи; а самый текстъ остался почти неизмѣненнымъ.

Чествованіе святыхъ, ихъ житія и службы, переходили изъ югославянскихъ странъ на Русь и на оборотъ. Такимъ образомъ

---

[1]) Въ текстѣ нын. библіи (изд. 1872 г.): идуща, совопрошающемасѧ, приближивсѧ, держастѣсѧ, сіѧ, идущо, Іисусъ; ъ въ концѣ словъ не выпускается.

перешло съ славянскаго юга на сѣверъ чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія (встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ мѣсяцесловахъ XI—XII вв.), Іоанна Рыльскаго, Петки, Иларіона, Симсона, Савы и др., а съ сѣвера на югъ чествованіе свв. Ольги, Бориса и Глѣба (Сербы и Болгаре часто писали это имя по малорусскому произношенію: Хлѣбь) и пр. Кромѣ книгъ библейскихъ и разнообразнаго богословскаго содержанія, Русскіе принимали изъ югославянскихъ странъ другія сочиненія греческо-византійскія, болгарскія и сербскія, апокрифы, хронографы, лѣтописи, кормчія книги, лѣчебники, травники, и пр. [1]).

Такимъ образомъ между православными Славянами, Болгарами, Сербами и Русскими, религіозно-культурныя и литературныя сношенія не прекращались, и соединяющимъ звеномъ былъ словѣнскій языкъ. Словѣнскія рукописи сербскаго и болгарскаго (и болгарско-волошскаго) извода все переходили на Русь, списывались здѣсь на болѣе или менѣе русскій ладъ или читались просто въ подлинной формѣ, какъ онѣ были написаны югославянскими писцами по заказу изъ Руси. Такъ на пр. во второй половинѣ XIII в. (ок. 1262 г.) русскій митрополитъ Кириллъ просилъ у Святослава, деспота болгарскаго, списка Кормчей (съ коментаріями Зонары); се списали трое болгарскихъ писцовъ въ 50 дней на своемъ болгарскомъ изводѣ (съ юсами), и Святославъ послалъ се Кириллу, „да сѧ просвѣтить словомъ твоимъ вселенаа русьскаа а писаниемъ сиѫ Зонарѫ“ [2]). Въ XV в. Троицко-Сергіевская лавра заказывала въ аѳонскихъ монастыряхъ

---

[1]) Апокрифъ „Хожденіе богородицы по мукамъ“ извѣстенъ въ рукописяхъ словѣнско-русской XII в. и словѣнско-сербской и словѣнско-хорватской XV в.; въ первой встрѣчается вставка о богахъ; срв. выше, стр. 424. Имя римскаго поэта Вергилія (италь. Верджиліо), этого волшебника среднихъ вѣковъ, стало и для Хорватовъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ названіемъ „вергиля, верзила, верзіула“ т. е. волшебника вообще; срв. Пыпина Исторія слав. литер. 84.

[2]) Востоковъ Опис. рукоп. Румянцева стр. 291, Срезневскій въ Извѣстіяхъ X. 203, и въ сборникѣ о малоизвѣстн. памятникахъ N. 44 и 47.

списки разныхъ книгъ. Съ другой стороны словѣнско-русскія рукописи и въ послѣдствіи печатныя книги переходили на славянскій югъ, что, послѣ порабощенія Болгаръ и Сербовъ Турками, было для этихъ двухъ славянскихъ народовъ большимъ благодѣяніемъ. Такъ на пр. въ концѣ XVI в. (1585) хиландарскій архимандритъ Григорій, побывавшій два раза на Руси, списалъ книгу Іосифа Флавія о іюдейскихъ древностяхъ „оть рускаго извода, понеже не обрѣташесе нашимь срьбьскымь езыкомь ни вь Светѣи Горѣ вь срьбскыхь монастырѣхь, ни вь срьбьсцѣи земли, ни вь блъгарскыхь земляхь, нь принесена бысть оть рускыи земли. Азь же быхь вь рускыхь землахь и тамо привикохь нашего руськаго езыка, елико ми разумѣти многаи рускыи рѣчи вь сей книзѣ и прѣписахь срьбскы рѣчьми". Въ этомъ хиландарскомъ монастырѣ хранилось тоже много рукописей и печатныхъ книгъ словѣнско-русскихъ („рушкы тыпь") вмѣстѣ съ словѣнско-сербскими („лѣпь срьбскы") и словѣнско-болгарскими (волошскими) [1].

Въ славянскихъ монастыряхъ на Аѳонѣ, въ сербскомъ хиландарскомъ, болгарскомъ зографскомъ и русскомъ св. Пантелеймона (Руссикѣ), часто встрѣчались славянскіе монахи и паломники. Объ этихъ монастыряхъ заботились православные госуда-

---

[1]) О хиландар. древностяхъ и библіотекѣ см. статьи Дмитріева-Петковича въ Запискахъ Имп. акад. наукъ VI. кн. 2. стр. 57, Леонида въ Чтеніяхъ 1867 г. IV. 118, и въ бѣлград. Гласникѣ XLIV. 232, Дучича въ Гласникѣ LVI. 56. Срв. А. Попова Обзоръ русскихъ хронографовъ I. 117, Ягича Исторія серб.-хорв. литературы 193. Рукописи и книги славянскихъ монастырей аѳонскихъ пострадали тоже отъ враговъ южныхъ Славянъ, отъ Грековъ „Грьци сажегоше книги московские, беда отъ лукаваго рода грьческаго! Веліе безчестие сатворише васем Срблем и Блгаром"—восклицаетъ одинъ хиландарскій монахъ половины XVII в. (Григоровича Очеркъ путешествія по европ. Турціи, 2. изд. стр. 82). Объ этомъ сожженіи аѳонскими греческими монахами „еретическихъ" книгъ московскихъ и одной сербской рукописи (понеже она на словеньскомъ языкѣ а не на греческомъ) съ негодованіемъ разсказывали тогда югославянскіе монахи русскому монаху Арсенію Суханову, прибавляя, что Греки отняли тѣ книги у одного сербскаго монаха „отъ ненависти, и что онъ Сербинъ а не Грекъ: Греки хотятъ, чтобъ всѣми они владѣли". (Христіанское Чтеніе 1883, II. 694, 706—707).

ри сербскіе, болгарскіе, русскіе и волошскіе. Равнымъ образомъ какъ сербскій царь Стефанъ Душанъ заботился о монахахъ русскаго монастыря „отъ Русиѥ вьсеконечно оставленихъ“, такъ послѣ паденія югославянскихъ царствъ, и „по престатіи всего господства сербскаго“, эта забота перешла къ русскимъ царямъ. Въ половинѣ XVI в. хиландарскіе монахи принесли царю Іоанну Васильевичу иконы свв. Симеона, Савы, Стефана Милютина, Лазаря и пр., прося у него помощи не только противъ Турокъ, но и противъ Грековъ, которые „наши монастыри неправдуютъ“. „Нѣтъ бо время сіе князя ни вождя въ отечествѣ нашемъ; надежды не имѣемъ ни откуда, только на Господа и его пречистую Богоматерь уповаемъ и на Твое святое и великое и благочестивое Царство. Нынѣ наши монастыри славянскаго языка въ греческой землѣ пребываютъ въ чуждостранствіи, и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ Агарянъ. Сотвори милость съ нами, да пріимешь мзду отъ мздовоздателя Бога, съ блаженно почившимъ великимъ княземъ Ярославомъ, который создалъ обитель св. Пантелеймона, и со св. Симеономъ и Савою“.

Православные Болгаре и Сербы переходили уже рано на Русь и дѣйствовали здѣсь въ области церковной и литературной; такъ на пр. митрополиты Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, сербскій монахъ Пахомій, который въ XV в. жилъ и писалъ въ Троицкой Лаврѣ, въ Новгородѣ, Москвѣ, Устюгѣ [1]). Русскіе проживали тоже между южными Славянами, особенно въ монастыряхъ аѳонскихъ, гдѣ списывали словѣнскія рукописи. Такъ въ половинѣ XIV в. въ одномъ монастырѣ царьградскомъ жили два Новгородца, Иванъ и Добрила, „списаючи отъ книгъ св. писаны, зане бо искусни зѣло книжному списанію“; въ первой половинѣ XV в. въ аѳонскихъ монастыряхъ списывали рукописи двое Русскихъ, Евсевій и Аѳанасій; въ началѣ XVI в. въ Сланкамнѣ (между Сербами въ Угріи) монахъ Андрей Русинъ изъ града Санока списалъ одну рукопись для хиландарскаго монастыря, и пр.

---

[1]) Срв. статью Некрасова въ Запискахъ одесскаго универ. 1871 г. VI., Ключевскаго: Древнерусскія житія святыхъ, стр. 78, 113, Макарія: Исторія русской церкви VII. 144, срв. 402.

Въ слѣдствіе такихъ постоянныхъ сношеній Славянъ южныхъ и восточныхъ, которые сообща участвовали въ письменной дѣятельности на словѣнскомъ языкѣ, началась путаница этого „словѣнскаго“ языка, смотря по тому, кто и гдѣ на немъ писалъ, Сербъ, Болгаринъ или Русскій. Южные Славяне, дѣйствуя на Руси, припоровились къ употребляемому тамъ словѣнско-русскому изводу, хотя они, конечно, не могли освободиться вполнѣ отъ своего сербскаго и болгарскаго извода. Митрополитъ Кипріанъ, находясь на Руси, съ начала писалъ по словѣнско-болгарски (съ смѣшанными юсами), и только позже могъ отрѣшиться отъ этого извода и писать по словѣнско-русски. Пахомій писалъ уже на русскій ладъ, но иногда смѣшивалъ по-сербски ъ и ь [1]).

Въ XIV—XV вв. распространилось много рукописей словѣнскихъ болгарско-волошскаго извода на Русь, особенно на южную карпатскую, и нашли здѣсь многихъ любителей изъ Русскихъ, которые списывая такія рукописи, примѣшивали къ нимъ свои русскія особенности, и такимъ образомъ еще больше испещряли словѣнскій текстъ. Въ югозападной Руси этотъ смѣшанный изводъ болгарско-волошско-русскій (смѣшанные юсы, ъ и ь, ѫ=ѭ) употреблялся до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Такой словѣнскій языкъ встрѣчается въ первыхъ печатныхъ церковныхъ книгахъ кириловскихъ (Осмогласникъ, Часословецъ, двѣ Тріоди, Псалтирь), которыя въ 1491 г. напечаталъ „у великомь градѣ у Краковѣ при державѣ великаго короля полскаго Казимира“ краковскій мѣщанинъ Швайполтъ Фѣолъ для Русскихъ, для которыхъ въ книгахъ есть примѣчанія на русскомъ языкѣ; словѣнскій языкъ этихъ книгъ показываетъ такія формы: *врагъ*, *душѫ моѭ*, *чъсть*, *пръсть*, *умръшаѧ*, *всѧка*, *иж*, *жзык'*, *въ землѧ*, *отъ землѧ*, *полезнѫѧ* и пр. [2]).

---

[1]) Сочиненія Кипріана и Григорія Цамблака сохранились преимущественно въ русскихъ спискахъ. Но Лѣствица Кипріана (автографъ) писана еще по словѣнско-болгарски (съ смѣшанными юсами), и такъ былъ писанъ и его служебникъ, который однако уже рано (въ концѣ XIV в.) списанъ по русскому изводу; срв. Описаніе рукописей синодальной библіотеки, Ш. 1. стр. 11—12, 203.

[2]) Книги Фѣола (такъ пишется онъ въ русскихъ послѣсловіяхъ) составляютъ нынѣ большую рѣдкость. Въ началѣ XVII в.

Кромѣ православныхъ Югославянъ бывали на Руси тоже католическіе Славяне, тѣ Хорваты, о которыхъ спутникъ русскаго митрополита Исидора, Симеонъ суздальскій, замѣтилъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская“. Оттуда прибылъ въ концѣ XV в. въ Новгородъ доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣрою латининъ“, и по порученію архіепископа Геннадія переводилъ нѣкоторыя библейскія книги, именно макавейскія, съ латинскаго языка на русскій (т. е. словѣнско-русскій); но не зная хорошо русскаго языка, онъ иногда оставлялъ даже латинскія слова безъ перевода и писалъ ихъ по-русски: *сътвориша балистасъ и махинасъ, отъ благъ земъскыхъ трактабантъ, тегумента, либаторіа*, и пр. [1]).

онѣ употреблялись въ многихъ церквахъ югозападной Руси; срв. Копыстенскаго Палинодію (стр. 991), который однако ошибочно связываетъ эти „славенскія“ книги съ „славенскимъ“ монастыремъ краковскимъ. Еще въ началѣ XVII в. въ Краковѣ хранилось въ заперти много „словенскихъ книгъ, которыхъ на свѣтъ не выпустять“. (Акты западной Росіи IV. 204); были-ли то книги Фѣола или другія, ближе неизвѣстно. Болгарское правописаніе встрѣчается въ „русской“ библіи (неполной), которую написалъ въ Тернополѣ Лука въ 1569 г. (рукопись въ библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ). Вотъ начало перваго псалма: „Блажень мѫжь иже не иде на съвѣть нечьстивыхь и на пѫти грѣшныхь не ста, и на сѣдалищи губитель не сѣде, нѫ вь законѣ Господни волѧ его, и вь законѣ его поучитьсѧ дьнь и нощь, и бѫдеть ѩко древо сажено при исходищихь водь“. Лука смѣшиваетъ ъ и ь, пишетъ ѧ (=ѩ, мовѧчи, чѧст), ѫ (тъмѫ, бѫде, мноѫ, нѫ т. е. но, нъ). Другіе примѣры южно-русскаго юсоваго извода см. выше. стр. 453, 466. Въ сѣверовосточной Руси писали тоже на такомъ изводѣ; такъ на пр. дьякъ Суровецъ списалъ (въ 1544 г.) евангеліе съ юсами, и написалъ даже „Рѫсь“ (Востокова Описаніе рукописей Румянцева, стр. 181).

[1]) Описаніе рукоп. синодальной библ. I. 128, Опис. рукоп. Румянцева, стр. 164. Въ переводѣ этой библіи 1499 г. принималъ участіе тоже югозападный Русскій (въ кн. Есфирь: приклякаа, абы и пр.). Книги пророковъ списаны съ рукописи XI в попа Упиря Лихаго (срв. выше, стр. 528), и въ нихъ сохранились многія древнія черты языка рядомъ съ новыми: мѫжи и мужь, разѫмъ, въ пещь огньмь горѧщю и пѣщи огнѧ горѫща, хрьбьтъ и твердъ, и пр.

При такомъ разнообразіи рукописей на Руси, югославянскихъ и русскихъ, переводчики и справщики церковныхъ книгъ XVI и XVII вв. часто были въ недоумѣніи и затрудненіи. Къ находившимся уже на Руси рукописямъ прибывали все новыя. Когда во второй половинѣ XVI в. князь Константинъ Острожскій собирался издать полную библію, то онъ велѣлъ отыскивать рукописи повсюду на православномъ востокѣ, на Руси, въ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ. То же самое было и въ Москвѣ, когда въ половинѣ XVII в. патріархъ Никонъ издавалъ исправленныя церковныя книги; тогда собирали въ Москву изъ греческихъ и югославянскихъ странъ, особенно изъ аѳонскихъ монастырей, много „словенскихъ (славенскихъ) и сербскихъ ветхихъ книгъ"; такія книги посылали Никону тоже патріархи печскій и охридскій. Текстъ новыхъ московскихъ церковныхъ книгъ исправлялся по этимъ „древнимъ греческимъ, сербскимъ, славенскимъ книгамъ", которыя-де больше чѣмъ 500 лѣтъ назадъ переведены съ греческаго и съ которыми употребляемыя тогда на Руси церковныя книги не согласовались; книги исправлялись „въ чинѣхъ и реченіяхъ и во орѳографіи, во именахъ же и глаголѣхъ и прочихъ частѣхъ словеснаго любомудрія". Такъ разсуждаютъ издатели московскихъ Служебника (1655) и Тріоди постной (1656) [1]. Подобно тому издатели Евангелія съ толкованіемъ св. Ѳеофилакта архіепископа болгарскаго (1698) замѣчаютъ, что это евангеліе составилъ св. Ѳеофилактъ и переведено оно на славянскій языкъ въ Болгаріи, гдѣ хотя и пишутъ по-славянски, однако въ нарѣчіяхъ русскомъ и болгарскомъ есть многія разности; въ изданіи этой книги 1648 г. найдено-де множество выраженій сербскихъ и болгарскихъ, что въ изданіи 1698 г. исправлено.

Старообрядцы, защищая текстъ старыхъ книгъ, возставали противъ новыхъ и порицали многія нововведенія въ текстѣ, язы-

---

Но въ большей части книгъ этой библіи языкъ—обыкновенный тогда словѣнско-русскій.

[1]) См. особенно любопытное предисловіе къ Служебнику; срв. тоже серб. Гласник 1869 г. (VI. 55).

кѣ и правописаніи; они указывали на то, что не нужно „съ природнаго и пространнаго своего славенскаго языка на греческой тѣсной языкъ воспящаться во многихъ рѣчахъ", и соглашались съ словами прежнихъ московскихъ справщиковъ сѣтующихъ на то, „яко мнози отъ нашихъ гордостью объяти, славенскимъ языкомъ, въ немъ же крестишася и сподобишася божія благодати, гнушаются, иже широкъ есть и великословенъ и умиленъ и имѣетъ въ себѣ велію похвалу" [1]).

Разнообразіе словѣнскаго текста замѣтили на Руси давно. Когда въ половинѣ XVI в. (1552 г.) Нилъ Курлятевъ написалъ, со словъ своего учителя Максима Грека, Псалтирь на обыкновенномъ тогда словѣнско-русскомъ языкѣ, то онъ въ послѣсловіи замѣтилъ, что „прежніи переводницы нашего языка извѣстно не знали, и они перевели ово словенскы, ово сербскы и ино болгарскы, ихъ же не удоволишася преложити на рускій языкъ. А Кипріанъ митрополитъ по гречески извѣстно не умѣлъ, и руского языка доволно не зналъ же. И наша рѣчь руская чиста и шумка, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся. И онъ мнилъ, что по нашему рускому языку поисправилъ псалмовъ; и онъ болши въ нихъ неразуміе написалъ въ рѣчехъ и въ словахъ все по сербски написалъ. И инѣ многіе у насъ въ рускомъ языцѣ книги пишутъ отъ неразумія все по сербски, и говорити по писму по нашему языку не умѣютъ прямо, и многыя неразумныя смущаются. По рускому по нашему языку, гдѣ надобетъ *а* а по сербски *ѣ* или *ж*, по руски *о* а по сербски *ж*, по руски *ы* и по сербски *и*. А рѣчи по нашему *не замедли*, а сербски или будѣтъ болгарски *не замуди*, по руски *медлѣно*-или *косно*-или *гугниво-язычень*, а сербски *мудно-язычень*; и протчіе рѣчи намъ не разумны: *бохма*, *васнь*, *рѣпотивіе*, *цѣщи*, *ашуть*, и многа иныхъ таковыхъ мы не разумѣемъ, ино сербски и ино болгарски". Максимъ Грекъ взялся за исправленіе книгъ „добрѣ умѣющій гречески и латынски и руски и сло-

---

[1]) Челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ соловецкаго монастыря (СП. 1862, стр. 35—37).

веньски и болгарски и сербски, языкомъ и грамотамъ" [1]). Издатель кіевскаго Служебника (1629), Тарасъ Земка, выражается о многихъ ошибкахъ въ церковныхъ книгахъ довольно рѣзко: „вся книги славенскія отъ колико сотъ лѣтъ преписуются невѣжами токмо черниломъ мажущими, ума же неимущими, языка неумѣющими и силы словесъ невѣдущими; Славяномъ же никто же намъ преискрънимъ языкомъ литургіи не написа и не предаде".

Эта пестрота текста церковныхъ книгъ на Руси прекращалась по мѣрѣ распространенія печатныхъ книгъ словѣнско-русскихъ, издаваемыхъ въ XVI—XVII вв. въ Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ и др. Въ этихъ служебникахъ и требникахъ, часословахъ, тріодяхъ, октоихахъ, минеяхъ, евангеліяхъ, псалтиряхъ, въ библіяхъ острожской 1581 г. и московской 1663 г., установился церковный языкъ „словенскій" или, какъ съ начала XVII в. говорилось, „славенскій, славянскій" русскаго или россійскаго извода, который распространился тоже на славянскій югъ.

На славянскомъ югѣ типографіи прекратили свою дѣятельность въ половинѣ XVII вѣка. Волохи замѣнили церковный словѣнскій языкъ своимъ румунскимъ, [2]) и Болгаре и Сербы остались безъ церковныхъ книгъ. Это было тѣмъ опаснѣе, что хорватско-боснійскіе іезуиты и францисканцы въ XVI—XVIII вв. стали печатать кирилловскія католическія книги на языкѣ „словинскомъ" или „славинскомъ", „сарпскомъ, босанскомъ", съ цѣлью католической пропаганды среди православныхъ Югославянъ и Русскихъ [3]). Такою же пропагандою занимались и русскіе уніаты, которые считались въ Римѣ важнымъ орудіемъ въ покореніи папѣ православной Руси. Папа Урбанъ VIII велѣлъ

---

[1]) Рукописи Царскаго N-го 327, Описаніе рукописей соловецкаго монастыря наход. въ библ. казанской духовной академіи, стр. 19. Курлятевъ смѣшиваетъ „по-сербски" и „по-болгарски".

[2]) Одна изъ послѣднихъ словѣнско-волошскихъ книгъ—это Требникъ, напечатанный въ Длъгомъ Поли (ок. 1632—1654) „для Молдовлаховъ, Угровлаховъ, Руссовъ, Сръбовъ и Булгаръ".

[3]) Срв. о томъ выше, стр. 275—279.

въ 1648 г. въ Римѣ напечатать словѣнско-русское „Исповеданіе православное веры отъ восточныхъ творимое—Professio orthodoxae fidei ab orientalibus facienda“. Кромѣ того русскіе уніаты, сами по себѣ и по порученію папъ, не упускали изъ виду пропаганды и посреди православныхъ Югославянъ; такъ въ концѣ XVII в. уніатскіе епископы русскіе просили одобренія со стороны римской пропаганды изданному ими словѣнскому служебнику, который долженъ служить не только для всей Руси, но тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ во владѣніяхъ римскаго цесаря и венеціанской республики [1]).

Съ другой стороны, послѣ паденія Болгаріи и Сербіи, Греки стали стремиться къ распространенію греческаго языка въ церквахъ болгарской и сербской. Они уничтожили патріархаты болгарскій и сербскій, заняли епископскія мѣста въ Болгаріи, Сербіи и Румуніи, преслѣдовали языкъ словѣнскій въ церкви и вводили повсюду греческій. Даже первые учители Славянъ, свв. седмичисленники Константинъ и Меѳодій, Климентъ, Гораздъ, Наумъ, Ангеларъ и Сава, прославлялись въ XVIII в. и раньше греческими службами и житіями.

Изъ этого опаснаго положенія выручила православныхъ Болгаръ и Сербовъ единовѣрная и единоплеменная имъ Русь, снабжая ихъ своими церковными книгами. Русскіе издавали книги не только для народа русскаго или россійскаго, но тоже для „многочисленнаго словенскаго (славенскаго) языка“. Такъ *Библіа по языку словенску* острожская (1581) издана „о Христе избраннымъ въ народѣ русскомъ, сыномъ церкве восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ“ [2]). *Библіа*

---

[1]) Theiner: Monum. Polon. et Lithuan. III. 741.

[2]) Острожскую библію напечаталъ, иждивеніемъ Константина князя Острожскаго, „Іоаннъ Ѳеодоровъ сынъ з Москвы—ἐκ τῆς μεγάλης Ῥωσίας“. Острожскою библіею пользовались и другіе славянскіе переводчики библіи, какъ на пр. Янель и Кумердей, переводчики словенской библіи (1784—1786). Ихъ землякъ В. Копитаръ высоко цѣнилъ острожскую библію, экземпляръ которой онъ получилъ уже на капу-

по языку славенску московская (1663) издана тоже „о Христѣ избраннымъ въ народѣ велико-россійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущимъ церкве восточныя и всѣмъ согласующимся языку славенскому и соединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ". Современный князю Острожскому кіевскій іеродіаконъ Іоакимъ, находясь въ 1582 г. въ Москвѣ, и не зная вѣроятно объ изданіи острожской библіи, просилъ у царя Ивана Васильевича позволенія, списать „библію по нашему языку русскому словенскому, и въ нашемъ государствѣ христіанскомъ русскомъ великомъ княжествѣ литовскомъ выдати тисненіемъ печатнымъ нашему народу христіанскому русскому литовскому да и русскому московскому, да и повсюду всѣмъ православнымъ христіанамъ, иже въ Болгарѣхъ и Сербехъ, въ Мылтянѣхъ и Волосехъ" [1]). Другой современникъ князя Острожскаго, князь Курбскій, занимался переводами на „вождѣленный и любимый праотцевъ прирожденный языкъ словенскій", не только изъ любви „къ единоплеменной Россіи, но и всему словенскому языку". Книги, печатаемыя въ Руси югозападной и сѣверовосточной, издавались для всѣхъ „Великороссовъ, Болгаръ и Сръбовъ и прочихъ подобныхъ намъ въ православіи", у которыхъ богослуженіе отправляется „богоугоднымъ языкомъ словенскимъ, въ Великой и Малой Русіи, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ"; „въ общую пользу въ благочестіи свѣтлосіяющаго, великаго и славнаго народа россійскаго и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска, божественныхъ писаній употребляющихъ и въ правовѣріи живу-

---

нѣ смерти (1844 г.). Янъ Коларъ, посѣтившій Копитара лежавшаго уже на смертномъ одрѣ, разсказываетъ, что Копитаръ указалъ ему на этотъ прекрасный экземпляръ „съ какою-то невыразимою радостью; когда же я взялъ ее со стола и принесъ ему на кровать, то его гаснущія очи еще просіяли и засвѣтились какъ огонь: Вотъ прекрасное сокровище, дорогое и милое всѣмъ Славянамъ!" (Kollára Sebrané spisy IV. 4). Библіею острожскою и др. занимался часто I. Добровскій; онъ уже въ 1792 г. въ Москвѣ въ синодальной библіотекѣ изучалъ рукописную библію XVI в. (см. его Slawin, 2. изд. 148, 212. и предисловіе къ его Institutiones linguae slavicae).

[1]) Чтенія 1883, I, смѣсь, 1.

щихъ“, всѣмъ „православнымъ, наипаче же людемъ діалекту славенскаго, егоже широкость земли широкости равна“. Для всѣхъ этихъ народовъ, у которыхъ въ богослуженіи употребляется „широкій и великославный языкъ славенскій, въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи“, издалъ тоже Памва *Берында* свой „Лексиконъ славенороссійскій“ (въ Кіевѣ 1627, 2. изд. 1653). Правила этого „славенскаго“ языка, какъ онъ употреблялся на Руси, попробовалъ установить Мелетій *Смотрицкій* „Грамматики славенскія правилное синтагма“ (1619), которая издана потомъ нѣсколько разъ для Русскихъ и тоже для Сербовъ. Смотрицкій очень любилъ церковный языкъ славенскій; когда онъ путешествовалъ въ Палестинѣ, то онъ отправлялъ литургію не на обыкновенномъ тамъ языкѣ греческомъ, а на славенскомъ, молясь za ciebię przenajmilszy mój narodzie ruski i za wszystkie te narody, które językiem słowieńskim Stworzyciela chwalą [1]).

Такимъ образомъ съ церковными книгами словѣнско-русскими распространился словѣнско-русскій или славено-россійскій изводъ тоже къ Болгарамъ и Сербамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ изводъ считался настоящимъ „словенскимъ“ или „славенскимъ“ языкомъ. Болгаре и Сербы его охотно приняли и употребляютъ въ своихъ церквахъ до сихъ поръ. Русскія изданія церковныхъ книгъ Сербы стали потомъ перепечатывать въ Венеціи, Вѣнѣ, Будинѣ. Такъ на пр. изданы въ Венеціи въ 1763—65 г. „Псалтиръ первѣе напечатанный въ Москвѣ 1761 г.“, въ 1790 г. „Псалтиръ по новоисправленной библіи на подобіе въ Москвѣ печатаннаго 1770 г.“, въ 1764—65 г. „Требникъ на подобіе въ Москвѣ печатаннаго 1761 г.“, и такъ и другія книги, Служебникъ, Часословъ, Осмогласникъ, Евангелія, Апостолъ, Катихизисъ, буквари, граматики и пр., въ Вѣнѣ и въ Будинѣ; Библіа сирѣчь книги св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта (Будинъ 1804 г., по кіевской библіи 1788 г.), и пр. Сербскіе священники, пользуясь словѣнско-русскими церковными книгами, часто читали изъ нихъ по своему обыкновенію: ва име (а въ печатной книгѣ: во имя), плть (плоть), *шт* (вм. *щ*), и пр., и вообще помимо воли боро-

[1]) Apologia peregrynacyej do krajów wschodnich (1628, p. 6).

лись съ новымъ русскимъ изводомъ, который однако вполнѣ привился въ Сербіи и Болгаріи.

Словѣнско-русскій языкъ церковный нашелъ себѣ скоро дорогу и къ католическимъ Хорватамъ, которые отправляли богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ. Въ слѣдствіе уніи одной части русской церкви съ Римомъ, здѣсь познакомились ближе съ церковнымъ языкомъ, который употреблялся во всей русской церкви и считался настоящимъ чистымъ языкомъ „славенскимъ". Русскіе уніатскіе епископы и священники часто бывали въ Римѣ и знакомились здѣсь съ хорватскими глаголяшами. Такимъ образомъ Русскіе уніаты и Хорваты глаголяши ознакомились другъ у друга съ „словѣнскимъ" языкомъ въ церковныхъ книгахъ русскихъ и хорватскихъ. Папская курія, уже въ видахъ католической пропаганды среди „схизматической" Руси, склонилась на сторону русскихъ епископовъ, считавшихъ свой славенскій языкъ настоящимъ словѣнскимъ. Это мнѣніе пріобрѣло скоро практическое значеніе. Когда въ первой половинѣ XVII в. оказалась необходимость новаго изданія словѣнскихъ церковныхъ книгъ для Хорватовъ, то папская курія поручила этотъ трудъ хорватскому монаху Рафаилу Леваковичу, который прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и въ прикарпатской Руси, познакомился здѣсь съ церковнымъ языкомъ русской церкви, и выказалъ большое усердіе въ обращеніи „схизматиковъ особенно нашего языка" [1]). Леваковичъ сталъ приготовлять новое изданіе римскаго словѣнско-глаголическаго служебника, который вышелъ въ 1631 г. въ Римѣ: *Миссал римскиј ва език словенскиј.* Языкъ этого новаго изданія служебника въ своей основѣ по большей части еще прежній словѣнско-хорватскій, но уже съ нѣкоторою примѣсью русскаго извода; по этому рядомъ съ старыми словѣнско-хорватскими *ва*, *свети*, *часть*, встрѣчаются примѣшанныя къ нимъ формы *воскре-*

---

[1]) Самъ императоръ Фердинандъ II настаивалъ на новомъ изданіи этихъ книгъ, такъ какъ католики посѣщали богослуженіе славянскихъ „схизматиковъ". Фердинандъ подарилъ тогда письмо кириловское и глаголическое конгрегаціи римской пропаганды; срв. выше, стр. 276. О Леваковичѣ см Кукулевича Književnici u Hrvatah, 136.

сеніе, воспоменутіиъ, церковъ, царствие и пр. Такъ на пр. евангельское чтеніе отъ Луки (XXIV, 13) вообще не отличается отъ текста служебника 1483 года; Леваковичъ пишетъ *вриме, дан, вас, стезающема се, мею* и *междю, силан, кнези, дресела, савкуплених*, но тоже *держаста се, пришелец* (служ. 1483 г. пришлац), *третиј, приједоше, тој* (ст. *ть, та*), *сердцем, отверзоста* (ст. отвр҄ѣста), *воставша* (ст. вставша), *возвратиста* (ст. взратиста), *воскресе* (вскресе). Въ еванг. чтеніи отъ Мат. II. 1. Леваковичъ пишетъ о рождествѣ Исуса „ва дни Ируда царьѣ, се волсви от встока приједоше... Видихом бо звезду его на востоце... И сабрав вси архиереи вопрашаше" и пр. [1]). Еще больше обрусѣлъ „словенскій" переводъ помѣщеннаго въ этомъ служебникѣ бреве папы Урбана VIII, которое переведено уже подъ вліяніемъ русскихъ уніатовъ. Папа узналъ, что „миссал езиком словенсцем иногда от честитие воспомене Ивапна папи осмаго предошастника нашего допущен, около ста лет пест бил витлачен", и что отъ этого недостатка мисаловъ „словенские церкви пострадали сут"; по этому онъ велѣлъ, „веще миссалов словенсцем езиком написаних из Далмацие в Рим донести, и тее о. Рафаилом Леваковищем и етерими ва словенсцем езице наученими поправити", и этотъ исправленный мисалъ впредь употреблять повсюду, „иде же до селѣ словенсцем езиком служено есть".

Послѣ служебника Леваковичъ взялся за исправленіе часослова (бревіарія). Текстъ его одобрили уже въ 1635 г. два русскихъ цензора въ Римѣ, но позже помогалъ здѣсь Левaковичу, по порученію папы, еще уніатскій епископъ холмскій Меѳодій Терлецкій, который познакомился съ сербско-хорватскимъ языкомъ во время своей мисіонерской дѣятельности посреди православныхъ Сербовъ въ Хорватіи (1628—1629 гг.), и въ послѣдствіи проживалъ въ Римѣ по дѣламъ уніатской церкви и распространенія уніи между православными Славянами. Леваковичъ подчинился здѣсь Терлецкому вполнѣ. Оба Славянина собрали старыя рукописи и книги словѣнско-хорватскія (illyricae linguae),

---

[1]) См. выше, стр. 545, 540, 539. Леваковичъ употребляетъ ь очень рѣдко; букву ђ въ значеніи j; срв. стр. 280.

русскія и другія словѣнскія (вѣроятно сербскія); потомъ они стали исправлять текстъ по вульгатѣ, то есть выбрасывать нѣкоторыя простонародныя слова далматинскаго языка (vulgata sermonis dalmatici vocabula), которыя-де примѣшались въ прежнія книги (въ томъ числѣ и въ служебникъ 1631 г.) по произволу издателей, и замѣнять ихъ чисто словѣнскими (pura slavonica), находящимися въ неискаженныхъ книгахъ русскихъ. Такимъ образомъ пересмотрѣнъ текстъ псалтири для часослова и „очищенъ отъ чужихъ далматинскихъ словъ", и *Часословь римский славинскимь язикомь* изданъ въ 1648 г. въ Римѣ [1]. „Славинскій" языкъ этого часослова уже не та смѣсь хорватско-русская встрѣчающаяся въ мисалѣ 1631 г., а русскій изводъ тогдашняго „славенскаго" языка, съ *й*, *ѣ=я* а *ѣ* съ точкою=*ѣ*, съ однимъ *ь* (=ь и ъ, и только изрѣдка *ь* съ точкою=*ь*), *ы*, что означается черточкою надъ *и*, но часто смѣшивается съ *и*; съ формами: *возвеселять ся*, *время*, *скорбий*, *ополчить ся*, *взалкаша*, *чада*, *удержи*, *лести*,—вмѣсто прежнихъ хорватскихъ (въ Часословѣ хрвацкомъ Брозича 1561 г.): *взвеселет се*, *вриме*, *скрби*, *ополчит се*, *взлакаше*, *чеда*, *уздржи*, *ласти*. Въ молитвѣ Отче нашъ, помѣщенной въ этомъ Часословѣ 1648 г., Леваковичъ пишетъ: да святится имя, воля, хлѣбь насущный даждь днесь, остави долгы наша, должникомь, не воведи вь искушеніе, но, оть лукаваго, аминь; между тѣмъ какъ онъ въ изданномъ имъ Азбуквидиѣкѣ словинскомъ 1629 г. эти слова пишетъ: свети се име, волѣ, хлебь всакданньи дај данась, одпусти дулги (!) наше, дулжникомь, не введи вь напасть, на, одь непріѣзни, аменъ; слово *царствие* встрѣчается и въ часословѣ и въ азбуквидиѣкѣ [2]. Такой же сло-

---

[1]) См. предисловіе Терлецкаго къ этому часослову. Терлецкій издалъ вѣроятно и выше (стр. 577) упомянутое Исповеданіе веры. Около этого времени изучалъ въ Римѣ Крижаничъ словѣнско-русскій языкъ; см. выше, стр. 310.

[2]) О словѣ *царствие* вмѣсто прежняго *цесарствие*, *цесараство* (см. выше, стр. 539) Добровскій (Institutiones linguae slavicae, p. 178, 704) могъ еще написать, что обѣ формы admodum diversae (*царъ* считалъ онъ какимъ-то восточнымъ словомъ), и одобряетъ Леваковича, что онъ вмѣсто hibrido et novo цесарство antiquum царствіе restituit. Срв. выше, стр. 247.

вѣнско-русскій языкъ употребляется и въ новомъ изданіи *Часослова славинскаго* 1688 г., которое приготовилъ Пастричъ изъ Сплѣта съ помощью русскихъ уніатовъ, между тѣмъ какъ въ изданномъ имъ служебникѣ *Миссал римскиј ва език словенскиј* 1706 г. языкъ такая же смѣсь, какая встрѣчается въ мисалѣ 1631 г.

Наконецъ третье изданіе римскаго мисала поручилъ задарскій архіепископъ Змаевичъ Сплѣтянину Матвѣю Караману (въ послѣдствіи епископу осорскому и архіепископу задарскому), пробывшему нѣкоторое время (1737—1743) въ Россіи; ему помогали четыре русскихъ уніата. Караманъ полагая, что Русскіе отправляютъ богослуженіе на настоящемъ языкѣ илирскомъ или письменномъ славянскомъ (in lingua illirica osia litterale slava), измѣнилъ языкъ новаго глаголическаго мисала вполнѣ по русскому изводу, ввелъ *і*, правильное отличіе *ь* и *ъ*, удареніе церковныхъ книгъ русскихъ, и форму *Иисусъ* (вмѣсто *Исусь* прежнихъ мисаловъ). Этотъ *Миссалъ римскиј славенскимъ языкомъ* изданъ въ Римѣ въ 1741 году. Такой славенскій языкъ употреблялся и въ послѣдующихъ за римскимъ мисаломъ церковныхъ книгахъ хорватскихъ до первой половины XIX вѣка [1]). Такимъ образомъ церковный языкъ „славенскій, славинскій, славянскій", употребляемый въ богослуженіи Славянъ православныхъ, уніатскихъ и католическихъ, принялъ повсюду одинаковый видъ. Когда у Хорватовъ появилось мнѣніе о необходимости ввести въ цер-

---

[1]) Приводимъ здѣсь изъ мисала 1741 г. евангель. чтеніе отъ Луки XXIV. 13—17 (см. выше, стр. 540, 545, 567, 581): „Во оно время два отъ ученикъ Иисусовыхъ бѣста идуща въ тойже день въ весь отстоящу стадій шестдесятъ отъ Иерусалима, енже имя Еммаусъ. И та бесѣдоваста къ себѣ отъ всѣхъ сихъ приключшихся. И бысть бесѣдующема има и совопрошающемася, и самъ Иисусъ приближся идяше съ нима: очи же ею держастѣся, да его не познаста. И рече къ нима: Что суть словеса сія, о нихже стязастеся къ себѣ идуща, и еста дряхла?" (Въ словѣ „римскиј" оставлена ј только по старому обычаю, хотя повсюду употребляется уже *й*). Примѣры изъ другихъ церковныхъ книгъ см. въ букварѣ и читанкѣ Берчича. О пребываніи Карамана въ Россіи см. Starine XV, 95—113.

ковныя книги простой языкъ словинскій (хорватскій)—это мнѣніе защищалъ особенно Стефанъ Русичъ,—то Караманъ, тогда уже архіепископъ задарскій, въ особой запискѣ Identità della lingua litterale slava e necessità di conservar la ne' libri sacri (1753), защищалъ необходимость единства церковнаго языка у всѣхъ Славянъ отъ моря адріатическаго до ледовитаго; это единство, быть можетъ, проложитъ путь къ уніи съ Римомъ другихъ пока еще „схизматическихъ" Славянъ [1]. Такимъ образомъ русскій изводъ словѣнскаго языка принятъ у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ глаголяшей.

4. *Попытки научной разработки словѣнскаго языка. Переводы св. книгъ на народный языкъ русскій.*

Словѣнскій народъ, заселявшій Панонію и Дакію, послѣ водворенія здѣсь Угровъ и распространенія Волоховъ мало по малу исчезалъ; его племена поселившіяся за Дунаемъ въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Илиріи, приняли, по своимъ господамъ, названіе Болгаръ, хотя съ начала забалканская „Словѣнія" (Σκλαβινία) отличалась отъ „Болгаріи" [2]. Языкъ подунайскихъ Словѣнъ исчезалъ съ ними, между тѣмъ какъ языкъ задунайскихъ Словѣнъ (Болгаръ) подвергался вліянію языка тамошнихъ народовъ, Волоховъ, Албанцевъ и Грековъ. Литературный языкъ „словѣнскій" сохранилъ и въ Болгаріи свою правильность довольно долго, благодаря трудамъ учениковъ Константина и Меѳодія и другихъ дѣятелей временъ царя Симеона, Іоанна экзарха, черноризца Храбра, епископа Константина, и др. Всѣ они писали „по-словѣнски", и епископъ Константинъ обращается ко всѣмъ Словѣнамъ, ко всему словѣнскому племени, внять слову буковному. Этотъ словѣнскій языкъ, употребляемый въ письменности Болгаріи, стали тамъ рано называть тоже болгарскимъ; уже

---

[1]) Engel: Geschichte von Serwien, 457. О возобновленіи словѣнско-хорватскаго текста въ церковныхъ глаголическихъ книгахъ новѣйшихъ временъ см. нашу статью въ Меѳодіевскомъ юбил. сборникѣ, стр. 77, срв. 88.

[2]) См. К. Иречка Исторія Болгаръ, 176.

съ XI вѣка въ Болгаріи разсказывали, что Кириллъ и Меѳодій изобрѣли словѣнское письмо для языка народа Словѣнъ или Болгаръ, для языка болгарскаго, что они перевели книги на языкъ болгарскій, что словѣнская или болгарская литургія введена св. Кирилломъ, что Кириллъ и Меѳодій и ихъ ученики перевели книги на языкъ болгарскій словѣнскій, что „въ цѣсарство Михаила царя кръщенъ бысть словенскыи языкъ Морава“, и что оба „философа Меѳеди и Курилъ прѣложиста въсе божьствъное писаніе греческыхъ книгъ на словенскыи языкъ на блъгарскыи“ [1]). Словѣне въ Паноніи и въ Дакіи исчезли; не мудрено, если Болгарія считалась родиною словѣнскаго языка и литературы, тѣмъ болѣе, что блестящій періодъ царя Симеона, пріютившаго прогнанныхъ учениковъ Меѳодія, затмилъ предыдущія времена дѣятельности обоихъ апостоловъ въ Панонiи и Моравіи. Съ другой стороны и Сербы XIV—XVI вв., во время процвѣтанія словѣнско-сербской письменности, подумали, что этотъ ихъ языкъ книжный—а не „простьчьскый“, народный, какъ его назвалъ одинъ книжникъ конца XIV в.—языкъ „сербскій“ [2]).

Житія Константина и Меѳодія указывали на Панонію и Моравію какъ на главную область дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Эти житія знали южные Славяне и Русскіе. На Руси знали и по другимъ преданіямъ о своихъ ближайшихъ сосѣдяхъ

---

[1]) Греческія житія св. Климента, Синодикъ царя Бориса 1211 г. (Дриновъ въ Ж. М. Н. П. 1885, апрѣль), статья Храбра о слов. письмѣ въ болгар. редакціи (у Караджича Примјери србско-слав. језика), болгар. житія, лѣтописи 1357 г. и XVIII в. и др. Паисій говоритъ тоже о болгарскомъ языкѣ Кирилла, Меѳодія и ихъ учениковъ. Въ печатной словѣнско-болгар. (волошской) псалтири 1638 г. называется „Кирилъ философъ учитель Словяномъ и Бльгаромъ“.

[2]) „Сербскимъ“ называется словѣнско-сербскій языкъ на пр. въ книгахъ царствъ (1416), въ шестодневѣ Іоанна Златоустаго (1426), въ номоканонѣ (1466), въ венеціанской псалтири 1569 г., изданной Загуровичемъ и Крайковымъ, и др. О „простьчьскомъ“ языкѣ см. Шафарика Serbische Lesekörner, p. 6. Подобно тому, и Хорваты называли церковный словѣнскій (словинскій) языкъ „хорватскимъ“; см. стр. 267.

и соплеменникахъ, подунайскихъ Словѣнахъ, откуда производили себя и нѣкоторыя поднѣпровскія племена, именно кіевскіе Поляне или Русь въ тѣсномъ смыслѣ. По этому въ Кіевѣ можно было еще въ началѣ XII в. слышать, что словѣнскій народъ и русскій— одинъ: „словѣньскыи языкъ и руськыи ѥдинъ ѥсть". Русскій лѣтописецъ называетъ всѣхъ Славянъ Словѣнами, но онъ различаетъ хорошо тоже Словѣнъ новгородскихъ и Словѣнъ подунайскихъ въ Угріи и Болгаріи. По его словамъ былъ одинъ народъ словѣнскій, Словѣне по Дунаю и въ Иллирикѣ, Морава, Чехи, Ляхи и Поляне-Русь; въ Моравѣ и Панопіи, въ областяхъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, трудомъ свв. Константина и Меѳодія, переведены церковныя книги и началась словѣнская грамота, которая распространилась тоже къ подунайскимъ Болгарамъ и на Русь [1]).

Этотъ простой и вѣрный разсказъ русскаго лѣтописца, житія Кирилла и Меѳодія, похвальныя слова и службы, на Руси часто списывались; житія вошли тоже въ Четьи-Минеи митрополита Макарія и св. Димитрія Ростовскаго. Но по мѣрѣ исчезновенія подунайскихъ Словѣнъ, словѣнскаго богослуженія въ Угріи и Моравіи (въ этой „вышней Моравѣ", какъ говорили Сербы и Болгаре, отличая нижнюю Мораву въ Мизіи), образованія изводовъ словѣнскихъ болгарскаго, сербскаго и русскаго,—вопросъ о „словѣнскомъ языкѣ" сталъ затемняться. Разница словѣнскихъ изводовъ была для каждаго очевидна, и если болгарскіе, сербскіе и русскіе книжники стали сличать эти изводы, то нерѣдко находились въ недоумѣніи, и всякій сталъ считать свой словѣнскій изводъ настоящимъ словѣнскимъ языкомъ книгъ Кирилла и Меѳодія. Во время прилежнаго списыванія книгъ въ Сербіи и Болгаріи во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в. появилась у нѣкоторыхъ тамошнихъ книжниковъ мысль, что чистый церковный словѣнскій языкъ — это изводъ словѣнско-русскій или просто „языкъ русскій", при чемъ подразумѣвали не обыкновенный, простой языкъ русскій, а языкъ церковныхъ книгъ употребляемыхъ тогда на Руси. Болгарскій патріархъ Евѳимій и его уче-

1) Срв. выше, стр. 421—422, 430.

ники искали настоящій словѣнскій языкъ въ русскихъ книгахъ, а Кипріанъ, Болгаринъ, русскій митрополитъ, назвалъ языкъ списаннаго имъ служебника „русскимъ" [1]). Другой Болгаринъ, Константинъ Костенчскій, писавшій въ первой половинѣ XV в. въ Сербіи на словѣнско-сербскомъ языкѣ, думалъ приблизительно то же самое и въ своемъ *Сказаніи о письменехъ* передалъ мнѣнія терновской школы Евѳимія. Константинъ пускается въ разныя мудрствованія о словѣнскомъ языкѣ, который онъ зналъ по всѣмъ изводамъ; онъ говоритъ, что словѣнскій языкъ, на который переведены св. Кирилломъ церковныя книги, одни хотятъ называть сербскимъ, другіе болгарскимъ, что̀ не вѣрно, такъ какъ нельзя же передать тонкость языковъ греческаго, сирійскаго или еврейскаго „дебелѣйшимъ" болгарскимъ или сербскимъ высокимъ и „тѣснымъ" голосомъ. По этому тѣ переводчики избрали „тьньчаишіи и краснѣишіи рушьскыи ıезыкь", а на помощь тоже языки болгарскій, сербскій, босенскій, словѣнскій, хорватскій и часть чешскаго; но всѣ „тончайшія рѣчи" принадлежатъ русскому языку, какъ на пр. слова достоаніе, господеви, лаеть, срачица (сорочка) и пр.; и нынѣ „Руси молеите се господеви своему моле се глаголеть: не лаи на ме хосподине", и такъ и много другихъ. Только въ помощь тончайшему русскому языку взяты нѣкоторыя слова изъ болгарскаго (нынѣ и присно), сербскаго (мужь, мьчь), босенскаго (ты, мы), хорватскаго (рѣхь, дѣлн), и тоже изъ словѣнскаго (Константинъ подразумѣваетъ здѣсь по всей вѣроятности далматинско-словинскій) и чешскаго. Кириллъ философъ какъ посланникъ Господень избралъ „оть въсѣхь сихь племень муже вѣдештіихь гръчьскаа писмена и словѣньскые ıезыкы". По этому церковный языкъ не называется ни болгарскимъ, ни сербскимъ, а „словѣньскымь, ıеже есть всѣхь сихь племень, нь обаче Русь вештьше". Но въ послѣдствіи книги искажались,

---

[1]) См. выше, стр. 572. Подлинникъ списаннаго Кипріаномъ служебника (отъ грецкыхъ-греческыхъ книгъ на русьскый языкъ) неизвѣстенъ, а только его списокъ (Опис. рукоп. синод. библ. III. 1. стр. 11); по одной запискѣ (тамже, стр. 203) кажется, что служебникъ написанъ первоначально по изводу болгарскому.

и только терновскій патріархъ Евоимій „великій художникъ словѣнскихъ письменъ" возстановилъ чистоту этихъ книгъ [1]).

„А все таки Русь больше", замѣтилъ посербившійся Болгаринъ Константинъ Костенчскій, вышедшій изъ школы терновской; а еще раньше другой обрусѣвшій Болгаринъ, митрополитъ Кипріанъ, назвалъ церковный языкъ прямо русскимъ. Это мнѣніе распространилось повсюду между православными Славянами, тѣмъ болѣе, что у Болгаръ и Сербовъ, послѣ ихъ порабощенія Турками, литературная дѣятельность упала и они должны были искать помощи у Русскихъ. На Руси тоже стали считать словѣнскій языкъ русскимъ. Уже во второй половинѣ XIII в. новгородскій писецъ кормчей книги (1283 г.) прибавилъ нѣсколько словъ жидовскаго языка, встрѣчающихся въ церковныхъ книгахъ, съ переводомъ на „рускую рѣчь", подразумѣвая подъ нею словѣнско-русскій и русскій языкъ (дъщи, гласъ, дрѣво, по тоже порохъ, воронъ). Русскіе книжники, списывая пространныя житія Кирилла и Меоодія, прочитали, что Константинъ въ Корсуни познакомился съ русскимъ письмомъ, и заключили, что „грамота русская явилася богомъ дана въ Корсуни Русину; отъ нея же научися философъ Константинъ, и оттуда сложивъ и написавъ книги русскимъ языкомъ", распространилъ ихъ и къ другимъ славянскимъ народамъ на западъ. Такъ разсуждаютъ уже въ XV в. писецъ житія Константина и русскій хронографъ, а другіе переписчики житія Константина XVI—XVII вв. часто замѣняютъ „словѣнскій" (языкъ, ученики и пр.) словомъ „русскій" [2]). Одинъ книжникъ XV в. составилъ, по образцу статьи Храбра о словѣнскихъ письменахъ, статью „Преложеніе грамотамъ", отождествилъ

---

[1]) См. выше, стр. 560. Болгарскій лѣтописецъ Паисій (1762) очевидно зналъ эту статью Константина; онъ говоритъ, что свв. Кириллъ и Меоодій и ихъ помощники „собрали речи изредни и прави и отъ Болгари, отъ Сербіе, отъ Руси, отъ Москве, отъ Словяне, отъ Лехове, то су за много время ловили речи отъ тія народа, докле су оставили псалтиръ и евангеліе и други книги, и предалъ ихъ перво Болгаромъ".

[2]) См. выше, стр. 448—449.

здѣсь „словѣнскій" съ „русскій", и разсказываетъ, что Константинъ философъ (и его братъ) сотворилъ русскую грамоту и книги преложилъ съ греческаго языка на русскій, во время греческаго царя Михаила, князей болгарскаго Бориса, моравскаго Растица, блатенскаго „Костела" и русскаго „Люрика" [1]). Русскіе книжники стали писать, что „Кириллъ философъ учитель Словеномъ и Болгаромъ преложи русскую грамоту съ греческія", и придумалъ „букву словенскую и болгарскую, еже есть русская", и наконецъ назвали и св. Меѳодія учителемъ „россимъ"; при томъ они сопоставляли даже св. Константина и св. Володимера въ дѣлѣ просвѣщенія и крещенія Руси, и обращались къ обоимъ съ просьбою, помочь отъ всякихъ бѣдъ русскимъ людямъ какъ „сродникомъ ваю". По этому и словѣнско-русскій языкъ полной библіи 1499 г. названъ русскимъ, Максимъ Грекъ переводилъ отъ греческаго языка на русскій; въ печатной московской Азбукѣ (1634 и 1637) говорится, что Кириллъ преложи многи книги на языкъ словеньскій сирѣчь русьскій, и пр. Другіе называли этотъ языкъ славено-россійскимъ, какъ на пр. въ московскомъ Букварѣ славено-россійскихъ письменъ 1693 г. Юрій Крижаничъ замѣтилъ въ своей граматикѣ (идеальнаго) „русскаго" языка, что литературный и церковный языкъ Руси слѣдуетъ называть не „словинскимъ", а русскимъ (зоветсе словинским, гди по правде морал би се зват руским); такъ какъ Крижаничъ подъ „словинскимъ" подразумѣваетъ языкъ хорватско-сербскій, то онъ и правъ, утверждая, что литературный и церковный языкъ Руси, этотъ языкъ „словинскій" (т. е. словѣнскій, славенскій), ближе стоитъ къ „обчинному" (простому) языку русскому, чѣмъ къ какому бы то ни было славянскому, въ томъ числѣ и къ „словинскому" родному языку Крижанича [2]). Такимъ образомъ утвердилось мнѣніе, что языкъ русскій, словяно-русскій, славено-россійскій—настоящій церковный „словенскій, славенскій, славянскій"; и это мнѣніе играло важную роль въ распространеніи словѣнско-рус-

---

[1]) Бодянскій: О времени происхожденія славян. письменъ, стр. 94 и LV—LVII.

[2]) См. выше, стр. 319—321.

скаго извода не только у православныхъ Болгаръ и Сербовъ, но тоже у католическихъ Хорватовъ [1]). Съ другой стороны держалось тоже мнѣніе, что этотъ церковный „словенскій-славенскій" языкъ отецъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ, при чемъ его родиною считался славянскій югъ, то адріатическая (хорватская) Словинія, то Сербія и Болгарія. Это мнѣніе о славенскомъ языкѣ, отцѣ и источникѣ остальныхъ, развилось потомъ особенно на Руси XVIII в. и считалось долго неоспоримою истиною.

Практическая потребность изученія церковнаго словѣнскаго языка, дѣлающагося мало по малу языкомъ мертвымъ, повела къ первымъ попыткамъ установить его правила въ азбукахъ, букваряхъ, граматикахъ, собрать его лексикальное богатство въ словаряхъ. При общности словѣнской письменности у всѣхъ православныхъ Славянъ такіе филологическіе труды южныхъ Славянъ переходили и на Русь и списывались здѣсь; на оборотъ такіе русскіе труды распространялись тоже на славянскій югъ. Уже во время болгарскаго царя Симеона въ Болгаріи стали заниматься теоріею словѣнскаго языка; Іоаннъ эксархъ перевелъ и приспособилъ греческую граматику Іоанна Дамаскина къ словѣнскому языку, и черноризецъ Храбръ написалъ статью о словѣнскихъ письменахъ, составленныхъ св. Константиномъ при князьяхъ Борисѣ болгарскомъ, Ростиславѣ (Растицѣ) моравскомъ и Коцелѣ блатенскомъ [2]). Въ XV в. Константинъ Костенчскій, въ сво-

---

[1]) О Руси какъ прародинѣ Славянъ говорятъ часто разные славянскіе историки (см. выше). Съ этимъ мнѣніемъ соглашается тоже Англичанинъ Флетчеръ, бывавшій на Руси, въ своей книгѣ о русскомъ государствѣ (1591): „Славянскій языкъ, какъ полагаютъ, скорѣе происходитъ отъ языка русскаго, нежели русскій отъ славянскаго .Славяне получили свое начало въ Сарматіи, и въ слѣдствіе побѣдъ своихъ присвоили себѣ имя Славянъ отъ слова слава" (русскій переводъ, 47).

[2]) Статья Храбра, извѣстная въ спискахъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, издана часто (см. выше, стр. 280 и 468). Она печаталась, съ практическою цѣлью, въ разныхъ словенскихъ или славенскихъ граматикахъ и букваряхъ; впервые напечатана въ Катихизисѣ (вѣроятно виленскомъ ок. 1575—1580), изъ котораго (по экземпляру

емъ выше упомянутомъ сказаніи о словѣнскихъ письменахъ, много мудрствуетъ объ этомъ предметѣ, показывая уже очень недостаточныя свѣдѣнія по древнему словѣнскому языку (на пр. относительно ь и ъ, ѧ и ѫ). На Руси, гдѣ кромѣ своихъ книгъ словѣнско-русскаго извода находилось много книгъ другихъ изводовъ, болгарскаго и сербскаго, оказалась потребность, отмѣчать разныя непонятныя слова въ словаряхъ и азбуковникахъ; такъ въ первой половинѣ XV в. въ Новгородѣ составлено небольшое „Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчѣмъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводниковъ ово словенскы а ино србьскы а другаа блъгарскы и грьчьскы, ихже не удовлишася преложити на рускый"; здѣсь объясняются на пр. слова *ашють*, *доблесть*, *кыченіе*, *непщуя*, *презь*, *съсужденіе*, *тризна*, *узрокъ*, *цьща*, и др. Такія слова встрѣчаются тоже въ „азбуковникахъ—въ сказаніяхъ о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ не преложены на русскій языкъ, ихъ же древніи преводницы не удовлишася преложити на русскій" [1]). При томъ и на Руси давно забыли о разныхъ явленіяхъ словѣнской фонетики; ѧ и ꙗ смѣшивались уже рано; ѫ считался *у*, *ю*, и употреблялся книжниками развѣ только какъ украшеніе (даже въ словѣ Рѫсь, рѫскій), „красоты ради а не истинно, и не умѣющимъ гораздо смутно, толико съвѣщаніе высоко и писаніе честно и изрядно", какъ учились на Руси въ XVI в. по „Надписанію словенскимъ языкомъ". Другой русскій книжникъ того времени, монахъ Евѳимій, зналъ еще значеніе ѫ, которое произносится „гугниво" какъ у Поляковъ. Авторъ одного азбуковника сожалѣетъ о томъ, что „мы Славяне много погрѣшаемъ мнози и пишуще и глаголюще, не вѣдуще истиннословія своего словенскаго языка въ глаголаніихъ различія тонкости". Въ „азбукахъ" или „букваряхъ" или „буквицахъ",

---

пражской библіотеки графовъ Ностицовъ) приводитъ нѣсколько мѣстъ Шафарикъ (Slov. Starožitnosti 996); потомъ въ виленской Граматикѣ словенскаго языка (1621), въ московской Азбукѣ Вас. Бурцова (1634. 1637, перепечатана въ 1781 г. въ Супраслѣ).

[1]) См. выше, стр. 467.

рукописныхъ и печатныхъ (эти послѣдніе появляются съ конца XVI в., въ Вильнѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Львовѣ), излагаются начальныя правила церковнаго языка словенскаго или славенскаго русскаго извода. Граматику этого языка издалъ Мелетій *Смотрицкій* (въ Евью 1619, потомъ въ Москвѣ 1648 и 1721); у него ѧ= ы, ж (древнее)=ю. Съ конца XVI в. начинаются печатные словари словенскаго или славенскаго языка; Лаврентій Зизаній издалъ въ Вильнѣ (1596) „Лексисъ сирѣчь реченія изъ словенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы"; Памва Берында издалъ въ Кіевѣ (1627, потомъ 1653) „Лексиконъ славеноросскій"; позже, въ XVIII в., изданы въ Москвѣ словари Поликарпова и Алексѣева [1]).

Въ слѣдствіе распространенія церковныхъ книгъ словѣнско-русскаго извода къ южнымъ Славянамъ распространились туда и русскіе славенскіе букварп, граматики, словари. Еще въ „букварѣ словенскихъ писменъ", составленномъ для Сербовъ въ 1717 г., встрѣчается словѣнско-сербскій языкъ сербулій; по этому формы: аште, жазло, съмрьть, дань и попть, скрьбъ, мысал, послѣдакъ, жеждет, част, срдцы, високо, дльгъ, тръпи, и пр. Но вскорѣ послѣ того прибылъ въ Бѣлградъ въ тамошнюю славенскую школу русскій учитель Максимъ Суворовъ съ нѣсколькими сотнями славено-россійскихъ букварей и граматикъ Смотрицкаго, которая издана потомъ для Сербовъ въ Рымникѣ (1755) [2]). Съ тѣхъ поръ издаются для сербскаго и болгарскаго юношества букварп церковнаго славенскаго языка русскаго извода; такъ въ 1776 г. Орфелинъ издалъ въ Венеціи „Первое ученіе хотящимъ учити ся книгъ писмены славенскими, називаемое букварь,

---

[1]) Опис. рукописей синодальной библіотеки II. 2. стр. 575, Карпова Азбуковники 163; объ Евѳиміѣ см. выше, стр. 464. О древнерусскихъ букваряхъ см. у Пекарскаго Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. I. 167. Древнѣйшіе словари перепечаталъ Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. О словаряхъ Поликарпова и Алексѣева см. выше. стр. 481, 511, о граматикѣ Смотрицкаго стр. 363, 474, 477, 487, 579.

[2]) См. выше, стр. 487.

ради употребленія сербскаго юношества изданъ"; здѣсь онъ учитъ на пр. произносить *шч*, *дь*, *ть*. Къ разряду такихъ букварей принадлежитъ изданный въ Венеціи (въ 1812 г.) „Букварь славенскій тріазбучный (т. е. кирилица, гражданка, глаголица) или первое руководство къ познанію книгъ и писаній, во употребленіе Славено-Сербомъ списанъ" Павла Соларича. По мнѣнію Соларича языкъ „славено-сербскій", „ветхій сербскій" (т. е. вообще церковный россійскій и сербскій) — „коренный языкъ свимъ (всѣмъ) нарѣчіемъ славенскимъ" [1]).

Хорваты глаголяши, принимая словѣнско-русскій изводъ, должны были перемѣнить и языкъ своихъ азбуквидняковъ. Вмѣсто словѣнско-хорватскаго языка, какъ онъ является на пр. въ Azbukvidarium 1528 г., входитъ въ употребленіе языкъ словѣнско-русскій. Левановичъ уже въ своемъ *Азбукивидньк словинскиј* (въ Римѣ 1629) примѣшалъ къ словѣнско-хорватскому языку нѣсколько формъ словѣнско-русскихъ, какъ это сдѣлалъ въ своемъ мисалѣ; по этому рядомъ съ обыкновенными формами: *ва*, *богатаство*, *дань*, встрѣчаются: *возхощеть*, *вознесетсе*, *сотвори*, *возрадовасе*, *сердце*; въ концѣ къ глаголицѣ прибавлена тоже кирилица (Azbukividarium servianum d. Cyrilli). *Букварь славенскій* Карамана (въ Римѣ 1753, глаголицею и кирилицею) чисто славено-россійскій; въ немъ объясняется произношеніе русскаго *щ* т. е. *шч*, что Болгаре и нѣкоторые Далматинцы произносятъ *шт* и ћ (хощу—хоћу), *ы*, *ѣ*, что произносятъ Славяне разнообразно (вѣра, вера, вира), и пр. Граматика Смотрицкаго переведена Совичемъ тоже для хорватскихъ глаголяшей, но осталась въ рукописи.

---

[1]) Вотъ на пр., какъ Соларичъ обращается въ букварѣ къ св. Кириллу: „Воскресни славенскій свѣте писмонаставниче нашъ святый Куріллe! ухо твое да не оскорбисе бесѣдомъ моіомъ, овако и горше говоре данась единородцы твои. Мракъ невѣжества покрыва државе, отъ куду е негда возблистало въ міръ сіяніе твое; Славено-Серби заборавили су языкъ свой и небесный даръ твой запустили свое писмо!" О сербскихъ букваряхъ см. статьи Новаковича и Ст. Поповича въ Гласникѣ, кн. 34, 38, и Кулаковскаго Вукъ Караджичъ, 126.

Въ русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ училищахъ, въ академіяхъ кіевской и московской славяно-греко-латинской, и въ другихъ школахъ, руководимыхъ духовенствомъ и служившихъ церковнымъ цѣлямъ, господствовалъ языкъ словенскій или славенскій, подобно тому, какъ въ средней и въ западной Европѣ господствовалъ языкъ латинскій, и во всѣхъ тѣхъ словенскихъ или славенскихъ словаряхъ, граматикахъ, азбуковникахъ, букваряхъ, къ ученикамъ говорила Софія-Премудрость только „сладчайшимъ словенскимъ (славенскимъ) языкомъ". Простая рѣчь русская, сербская и болгарская не пользовалась у книжниковъ особою симпатіею, служила лишь средствомъ для достиженія цѣли, да честилась названіемъ рѣчи простой, подлой, мужицкой, рѣчи простаковъ, пастуховъ (у Сербовъ: говедарска, свинярска) [1]).

Но трудно было этому словенскому или славенскому языку существовать подлѣ латинскаго и греческаго, у которыхъ были богатыя литературы, между тѣмъ какъ словенская письменность была довольно бѣдна. Это особенно чувствовалось въ югозападной Руси, и тамошнимъ школамъ „науки еллинскаго и словенскаго письма", „науки еллино-словенскаго и латино-польскаго письма", трудно было выдерживать конкуренцію съ латинскими школами. Напрасно въ концѣ XVI в. аѳонскій монахъ Іоаннъ изъ Вишни въ Червоной Руси восхваляетъ словенскій языкъ какъ „плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и богу любимѣйшій, предъ

---

[1]) Вотъ на пр. что говорится въ уставѣ луцкой школы (въ Волынѣ) 1624 г.: „Школы словенское наука починается: На первѣ научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, притомже и церковному чину учатъ, читанію, спѣванію. Также учатъ на кажды день, абы дѣти единъ другого пытали по-грецку, абы ему отповѣдалъ по-словенску, и тыжъ пытаются по-словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ. И тыжъ немаютъ з собою мовити простою мовою, ено словенскою и грецкою. А такъ нынѣ тому учатся, до большихъ приступаючи, къ діалектице и реторице, которые науки по словенску переведенные. Рускимъ языкомъ списано діалектику и р торику и иншые философские писма школѣ належачие". (Памятники кіевской комисіи, I. 114—115). Срв. выше, стр. 464 - 470, 475 и слѣд.

богомъ честнѣйшій и отъ еллинскаго и латинскаго, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочихъ же коварствъ тщеславныхъ, діавола вымѣстныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ богу приводитъ, простоту и смиреніе будуетъ и духа святого подъемлетъ" [1]). Народы русскій, сербскій и болгарскій, дорожа церковнымъ словѣнскимъ языкомъ, жаждали однако науки и просвѣщенія посредствомъ своихъ родныхъ языковъ. При усиливающемся развитіи науки и литературы, которыя переходили изъ рукъ духовенства въ руки міранъ, господство мертваго языка славянскаго (славено-россійскаго и похожаго на него славено-сербскаго) въ ущербъ живому народному языку, стало немыслимымъ, равнымъ образомъ какъ въ западной и средней Европѣ латинскій языкъ уступалъ свое привилегированное положеніе живымъ народнымъ языкамъ. Русскому народу указалъ и здѣсь путь Петръ Великій. Подобно тому, какъ въ Россіи XVIII в. народный русскій языкъ добивалъ себѣ права гражданства въ литературѣ, такъ и у Сербовъ искусственный языкъ Орфелина, Юлинца, Раича, а у Болгаръ—Паисія, не могъ на долго продержаться; надо было для народа писать, въ смыслѣ словъ Е. Янковича (1787 г.), „не у славенскомъ негъ у матернимъ езику; и то ће ми сваки опростити, кадъ помисли, да я писамъ Славянинъ негъ Србљинъ, и да не пишемъ за Славяне негъ за Србљѣ". Въ такомъ направленіи сталъ дѣйствовать у Сербовъ Обрадовичъ, и пролагалъ путь народному языку [2]).

Народный русскій языкъ уже въ XVI в. заявлялъ свое право гражданства и въ библейскихъ и другихъ церковныхъ книгахъ, именно на Руси югозападной. Въ началѣ XVI в. одинъ русскій врачъ, Францискъ (Францишекъ) Георгій Скорина изъ Полоцка, сталъ въ чешской Прагѣ издавать библію (библия руска), переведенную „на рускии языкъ людемъ посполитымъ рускаго языка,

---

[1]) Акты южной и западной Россіи II. 210.

[2]) О побѣдѣ народнаго языка надъ славенскимъ у Сербовъ см. стр. 304—309, у Русскихъ стр. 473—478, 507—511.

своеи братии Руси, къ научению", и издалъ въ „великомъ Старомъ мѣстѣ Празскомъ" въ 1517—1519 гг. двадцать двѣ книги Ветхаго Завѣта. Скорина переводилъ библію съ словѣнско-русской и вмѣстѣ съ тѣмъ и съ чешской (изд. венеціанскаго 1506 г.). По этому въ его русскомъ переводѣ встрѣчается значительная примѣсь чешскаго языка, осталось и много словѣнскихъ формъ (грады, злато, сребро, мравии, избраннаго, нець, съпротивится и пр.); языкъ Псалтири (первой книги изданной въ Прагѣ), начала книги Бытія, кн. Іовъ—вообще словѣнско-русскій, а не русскій, съ объясненіями нѣкоторыхъ словъ на русскомъ языкѣ; да въ предисловіяхъ къ другимъ книгамъ приводятся часто мѣста изъ библіи на словѣнско-русскомъ языкѣ. Въ изданныхъ Скориною позже (1526) въ Вильнѣ книгахъ „Апостолъ" и „Малая подорожная книжица" (псалтирь, часословецъ, акаеисты и др.) языкъ не тотъ посполитый русскій, а опять обыкновенный тогда словѣнско-русскій, съ нѣкоторыми словами русскими и чешскими [1]).

---

[1]) Срв. П. Владиміровъ: Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (СП. 1888). Скорина (имя „Францискъ" получилъ вѣроятно въ краковскомъ университетѣ) былъ православный Русскій и издавалъ свои книги въ пользу своего православнаго русскаго народа. Неизвѣстно, почему считали его позже „еретикомъ", на равнѣ съ Буднымъ. Книги Скорины часто списывались и были на Руси въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ. Русскій уніатскій архимандритъ Анаст. Селява говоритъ, что давно „Ruś była potruta; przed unią był Skoryna heresią hussyta, który nam księgi po rusku drukował w Pradze. Przyjmowali ich wdzięcznie, dosyć na tem, że się zwał Rusinem z Połocka, jako się podpisał. Smakowali sobie jego druki, człowiek godny mówili, a Rusin brat nasz drukował. Symon Budny i Laurency Krzyżkowski jad swój aryański po rusku drukowawszy, rozsiali między popy, przyjęli to za lekarstwo, tak iż teraz mamy jeszcze trudność z popami, odejmując im te księżczyska z rąk. Twierdzą bowiem, że to są księgi cerkiewne dawne, a zatym dobre, zbierane z pisma św., jakoż i nie dają ich aż przez mus, abo commutatią wziąwszy inszą książkę za nie". (Antelenchus to jest odpis na Elenchus, Wilno 1622, p. 49). Съ другой стороны книги Скорины считались католическими. Польскій король Сигизмундъ Ав-

Послѣ Скорины Симонъ Будный и его помощники Крышковскій и Кавечинскій, во время распространенія протестантизма въ Литвѣ и югозападной Руси, стали дѣйствовать и на тамошнихъ Русскихъ въ духѣ новаго ученія, посредствомъ русскихъ книгъ печатаемыхъ въ столицѣ Радивиловъ Несвижѣ. Здѣсь Будный издалъ въ 1562 г. протестантскій „Катихисісъ то естъ Наука стародавная христіанская отъ светого писма для простыхъ людей языка руского, въ пытаніяхъ и отказѣхъ събрана". Будный въ этомъ русскомъ катихизисѣ не могъ отрѣшиться совсѣмъ отъ извѣстнаго ему церковнаго языка, и употребляетъ, особенно въ молитвахъ, и словѣнскія слова (вътъще, церковь съборная); молитва Отче нашъ приведена не по-русски, а по-словѣнско-русски, и развѣ только форма *лукавого* (вмѣсто лукаваго) напоминаетъ русскій языкъ [1]). Цѣлямъ протестантизма (социніанства) долженъ былъ служить тоже русскій переводъ (рукоп.) Новаго Завѣта (1581 г.), сдѣланный Валентиномъ Негалевскимъ „съ польского языка (М. Чеховича) на речь рускую письма нашого" за намовою и напоминанемъ многихъ учоныхъ, богобойныхъ а слово божее милуючихъ людей, которые писма полского читати не умеютъ, а языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу з словъ его не разумѣютъ" [2]). Но въ слѣдствіе распространенія польскаго языка среди русской шляхты русскія протестантскія книги скоро оказались лишними. Только изрѣдка югозападные Русскіе, уже не протестанты а православные или уніаты,

---

густъ, въ одномъ письмѣ 1553 г., говоритъ, что, во время короля Сигизмунда I, cum quidam de subditis ejus pio studio ductus, sacram scripturam lingua russica imprimi et in lucem edi curasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros jussu principis concrematos esse, propterea quod a romanae ecclesiae addicto, et in locis ejusdem autoritati subjectis editi essent". (См. въ статьѣ Фидлера въ Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften XL, p. 110). Здѣсь говорится вѣроятно о книгахъ Скорины.

[1]) О Будномъ см. стр. 152. Замѣчаніе патріарха Адріана (Православное исповѣданіе вѣры, 1709), что катихизисъ Буднаго переведенъ „на славенскій чистый діалектъ", не вѣрно.

[2]) Архивъ югозапад. Россіи I. 6. стр. 138—140.

стали переводить нѣкоторыя библейскія книги съ словенскаго (славенскаго) на свой родной языкъ, „для лепшого вырозумленя люду христіанского", „для латвѣйшого выразумѣнья"; такъ сохранились рукописныя русскія псалтири, евангелія, постилы и др. книги XVI—XVII вѣковъ [1]. На южной Руси, гдѣ еще въ XVI в. употреблялся словѣнско-болгарскій изводъ (съ юсами), это правописаніе вошло тоже въ русскіе переводы. Такое правописаніе встрѣчается въ евангеліи, переведенномъ въ 1556—1561 гг. Григоріемъ архимандритомъ волынскаго монастыря Пересопницы и протопопомъ Михаиломъ изъ Санока „изъ языка блъгарского на мову рускую то для лепшого вырозумленя люду христіанского посполитого"; переводчики примѣшали къ русскому языку тоже слова польскія и чешскія, даже невозможныя въ русскомъ языкѣ (влодарь и владарь, моць, стропа, оскаржили, опатрьне, и пр.), вѣроятно „для людій закону римского сиречь латинянь"; кромѣ того осталось и много словѣнскихъ словъ (съвръшена, сътникъ, дъщеря, пръвѣе и пр.). Все это дѣлаетъ языкъ пересопницкаго евангелія странною смѣсью: языкъ основою своею—русскій, но съ примѣсью языковъ словѣнскаго, польскаго, чешскаго; правописаніе болгарское съ ь въ концѣ словъ и ъ въ срединѣ (пишетъ даже Чрътормйскій), ѧ употребляется въ значеніи я, а ѫ встрѣчается рѣдко (братіѫ, замѣтаѫщихъ) [2]. Такое болгарское правописаніе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ библейскихъ книгахъ XVI в., списываемыхъ на южной Руси съ книгъ Скорины [3]. Василій Тяпинскій напе-

---

[1]) См. въ Описаніи рукоп. Румянцева N. 39, 193, 194, 196, 197, 232, 233, 287, 288, 289, 335, 373, 376 и др. Западно-русская постила въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ. Срв. выше, стр. 465, и соч. Владимірова, 201.

[2]) Житецкій: Описаніе пересопницкой рукописи.

[3]) См. соч. Владимірова о Скоринѣ. стр. 218. Къ разряду такихъ книгъ принадлежитъ выше (стр. 573) упомянутая библія Луки, который, подобно Скоринѣ, своимъ „рускимъ" переводомъ желалъ „послужити посполитому люду рускаго ѩзыка"; въ его словѣнско-русскомъ текстѣ (съ болгарскимъ правописаніемъ) встрѣчаются—рядомъ съ формами: бѫдеть, бѣ, бысть, сътвори, пошаше сѧ—тоже формы: выихаль, радили сѧ, мовѧчи, малженка, змордовати, и пр.

чаталъ ок. 1570 г. евангеліе на словенскомъ и русскомъ языкахъ; на пр. въ молитвѣ Отче нашъ въ русскомъ текстѣ встрѣчается: котории (слов.: иже), нехай (да), королевъство (царствие), повъседенъныи (насущныи), дай нине (дажъдъ днесь), отпусти—отпусчаемъ (остави—оставляемъ). Тяпинскій „Русинъ своей Руси услугуючии“, конечно, придерживался особенностей церковныхъ словѣнскихъ книгъ, такъ какъ повсюду на Руси „во всихъ своихъ церквахъ чтутъ и маютъ книги словенскимъ языкомъ, и по всѣхъ церквахъ сербскихъ, московскихъ, волоскихъ, булъгарскихъ, харвацкихъ и иныхъ“.

Въ слѣдствіе повсемѣстнаго распространенія въ югозападной Руси польскаго языка, протестантизма и католицизма, „много человѣковъ обоихъ станувъ, свѣцкого такъ и духовныхъ, разными постилями противныхъ церкви божей, аріанскими и калвѣнскими, утопали“, да раздавались уже голоса, что „Русь православная згеретичала, таинъ божественныхъ не знаетъ“ [1]). Знаніе церковнаго словѣнскаго языка и письма падало, и оказалась потребность противудѣйствовать пропагандѣ польской, католической и протестантской, такими же книгами на русскомъ языкѣ. Въ началѣ XVII в. (1616) иноки братскаго монастыря виленскаго Сошествія св. Духа издали, иждивеніемъ князя Богдана Огинскаго, въ Евью „Евангеліе учительное албо казаня... з кгрецкого и словенского языка на руский переложеныи“. Словенскій переводъ этого сочиненія былъ-де „народови нашему словенскому велми потребенъ и пожиточенъ. Теперь зась пре незнаемость и неумѣетность языка словенского многихъ, многимъ мало потребенъ и не пожитеченъ ставшися, знову переложеньемъ его на языкъ нашъ простый руский, якобы з мертвыхъ вскрешонъ; а выданьемъ з друку на всѣ широкіи славного и старожитного народу россійского крайны розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ а не простѣйшихъ, а языка словенского неумѣючихъ, и для того подчасъ до заразливыхъ еретической словы поданой и шкрип-

---

[1]) Срв. предисловія къ Евангелію учительному К. Ставровецкаго (1619), и къ Требнику П. Могилы (1646).

томъ выданой науки наствискъ удаватися звыклыхъ училъ. А затымъ тотъ, который тыхъ часовъ хоть въ зацнѣйшомъ, пеникнѣйшомъ, звязнѣйшомъ, сутелнѣйшомъ и достаточнѣйшомъ язику словенскомъ, пре неспособность слухачовъ, немногимъ пожиточенъ былъ: теперь, хоть въ подлѣйшомъ и простѣйшомъ языку, многимъ албо рачѣй и всѣмъ руского языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти моглъ". Языкъ этого евангелія уже чисто русскій, употребляемый тогда въ письменности югозападной Руси.

Но не всѣ соглашались съ употребленіемъ „простаго, подлаго" языка въ области церковной; многіе предпочитали словѣнскій языкъ „зацнѣйшій, пенкнѣйшій, звязнѣйшій, сутелнѣйшій", какъ его назвали виленскіе русскіе монахи совершенно на польскій ладъ. Когда на полъ вѣка раньше Григорій Ходкевичъ собирался издать такое Евангеліе учительное, чтобъ „слово Божіе размножилося и наученіе людемъ закону греческаго ширилося", то „помыслилъ былъ есми и се, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое; и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые, иже прекладаніемъ съ давныхъ пословицъ на новые помылка учинится немалая, яко же и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу; того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ выразумѣнію нетрудна". По этому книга эта вышла на словѣнско-русскомъ языкѣ, и напечатана Иваномъ Федоровичемъ Москвитиномъ и Петромъ Тимофѣевичемъ Мстиславцемъ въ 1569 г. въ Заблудовѣ. Іоаннъ изъ Вишни въ концѣ XVI в. взывалъ ко всей православной Руси, чтобъ она придерживалась словенскихъ книгъ: „Евангелія и апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же, для вырозумѣнья людского, по просту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте. Сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва, радъ бы его до щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведеть, и што нѣкоторыи наши

на словенскій языкъ хулять и не любять". А еще раньше князь Курбскій, хотя онъ „не до конца навыкъ книжнаго словенскаго языка", считалъ переводы съ словенскаго языка невозможными: „если бы и не мало ученыхъ сошлось словенска словеса клонящіе чины граматическіе и прелагающіе въ польскую барбарію, ложити не возмогутъ" [1]). Западно-русскіе переводы священныхъ книгъ считались даже польскими; такъ на пр. на одной такой западно-русской псалтири XVI-го в. приписалъ кто-то: „книга глаголимая полская псолтыре преложена с рускогo (т. е. церковнаго словѣнско-русскаго) на полскии, нехаи по неи хвалить Господа" [2]). При повальномъ ополяченіи западно-русской интелигенціи русскіе переводы св. книгъ скоро оказались лишними.

Въ сѣверовосточной Руси одна только мысль „возводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей" считалась „лукавымъ умышленіемъ людей грубыхъ смысломъ", какъ замѣчаетъ одинъ московскій книжникъ половины XVI в., Зиновій; по его мнѣнію „приличнѣе книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными обезчещивать" [3]). У Сербовъ попытка хорватскихъ протестантовъ издавать церковныя книги на народномъ сербскомъ языкѣ—не встрѣтилась съ одобреніемъ, и чисто сербскіе переводы не замѣнили Сербамъ ихъ словѣнско-сербскихъ книгъ. Болгаре попробовали въ XVII—XVIII вв. писать на „простомъ языкѣ" и о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде писали только на церковномъ языкѣ. Для Болгаръ католиковъ издалъ имъ „бискуп" Филипъ Станиславовъ молитвенникъ (въ Римѣ 1651) кирилицею на народномъ языкѣ болгарскомъ съ примѣсью словинскаго (хорватскаго); но церковная терминологія оставлена православно-греческая: цар, царство, архиереи, попи, калугиери; въ молитвѣ Отче наш: хлеб наш васдашни, далги, далшником (!), напаст, сбави ни од лукавога [4]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи II. 210, Сказанія кн. Курбскаго, II. 165.

[2]) Опис. рукописей Румянцева, стр. 472.

[3]) Галахова Исторія русской словесности I. 128.

[4]) См. статьи М. Петровскаго въ Славянскомъ Сборникѣ II (1877), и Лескина въ Archiv f. slav. Philologie III. 518.

5. *Чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія у Славянъ.*

Память обоихъ апостоловъ, Константина-Кирилла и Меѳодія, хранилась преимущественно у тѣхъ Славянъ, которые унаслѣдовали ихъ достояніе, словѣнскій языкъ и письмо, у православныхъ Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. Константинъ и Меѳодій причислены къ лику святыхъ, несомнѣнно уже въ X в., и ихъ память праздновалась въ 14-ый день февраля (день успенія св. Кирилла) и въ 6-ой день апрѣля (день успенія св. Меѳодія); позже прибавленъ и 11-ый день мая въ память обоихъ свв. апостоловъ. Вскорѣ послѣ кончины обоихъ апостоловъ написаны ихъ ученикомъ пространныя житія,—по всей вѣроятности въ Панонін, въ области римскаго патріархата, — и распространились въ Болгарію, Сербію, Русь, и въ Хорватію. Въ Болгаріи составлены службы обоимъ апостоламъ и краткія житія, которыя стали извѣстны тоже въ Сербіи и на Руси; при томъ въ разныя такія сказанія объ апостолахъ входили разсказы болѣе или менѣе сомнительные, и оба просвѣтителя Славянъ пріурочивались все болѣе къ Болгарамъ, представлялись Болгарами, и прежде всего просвѣтителями Болгаръ, переводчиками священныхъ книгъ на болгарскій языкъ. Житія, пространныя и краткія, и похвальныя слова, читались повсюду у православныхъ Славянъ, входили въ разные сборники, Четьи-Минеи, Прологи, рукописные и печатные [1]).

---

[1]) О дняхъ памяти обоихъ апостоловъ „святыхъ" (такъ они называются въ житіяхъ, у Іоанна экзарха, Храбра и др.) см. архим. Сергія: Полный мѣсяцесловъ востока, Martynov: Annus ecclesiasticus graeco slavicus. Berčić: Dvie službe sv. Ćirila i Metoda. Житія и др. памятники часто изданы, Шафарикомъ, Бодянскимъ, Бильбасовымъ, Миклошичемъ, мною (Fontes rerum bohem. I); службы—Григоровичемъ, Горскимъ, Казанскимъ, Срезневскимъ, Сырку. Подробности см. у Воронова: Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія (Кіевъ 1877, срв. замѣчанія Ягича въ Archiv f. slav. Philologie IV), и у Ягича: Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи (СП. 1885).

Между тѣмъ, какъ память о св. апостолахъ Кириллѣ и Меѳодіѣ у православныхъ Славянъ всегда свято хранилась и праздновалась,—у югозападныхъ Славянъ примкнувшихъ къ Риму и латинской культурѣ, память о Кириллѣ и Меѳодіѣ скоро затемняется Не всѣ папы были Адріаны II и Іоанны VIII; уже по смерти послѣдняго папская курія стала смотрѣть на словѣнскій языкъ въ церкви съ точки зрѣнія латинско-нѣмецкихъ и латинско-итальянскихъ епископовъ, и начала его преслѣдовать во всѣхъ подвластныхъ ей областяхъ, въ Хорватіи и въ Чехіи, въ Угріи и въ Польшѣ. Понятно, что досталось и виновникамъ словѣнскаго богослуженія, и неудивительно, что наконецъ Меѳодій—котораго еще папа Іоаннъ въ 880 г. называетъ вполнѣ правовѣрнымъ (in omnibus ecclesiasticis doctrinis orthodoxum)—прослылъ у латинско-итальянскаго духовенства въ Далмаціи уже въ XI в. „еретикомъ и лгуномъ“ [1]), такъ что ради спасенія словѣнскаго языка и письма въ Хорватіи надо было прибѣгнуть къ помощи св. Іеронима и ему приписывать изобрѣтеніе словѣнскаго письма. Но не всѣ Хорваты раздѣляли этотъ взглядъ латинско-далматинскихъ епископовъ на Меѳодія и его брата Константина; такъ діоклейскій попъ лѣтописецъ, въ половинѣ XII в, называетъ Константина святѣйшимъ (vir sanctissimus) [2]).

Не лучше было въ Чехіи, гдѣ словѣнскій языкъ умолкъ, тоже не безъ борьбы, только въ концѣ XI вѣка. И латинскіе епископы пражскіе дѣйствовали въ духѣ нѣмецко-латинскихъ епископовъ и папы Іоанна XIII, разрѣшившаго основаніе пражской

---

[1]) Ѳома, архидіаконъ сплѣтскій (въ полов. XIII в.), разсказываетъ въ своей Historia Salonitana (cap. XVI, русскій переводъ въ Трудахъ кіев. дух. академіи 1876), что на сплѣтскомъ соборѣ 1059—60 г. firmatum est et statutum, ut nullus de caetero in lingua sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveatur ad sacros ordines. Dicebant enim, gothicas (т. е. словѣнскія) litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conscripsit: quam ob rem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus.

[2]) См. выше, стр. 527.

епископіи только подъ условіемъ ея латинскаго характера, а не по способу Болгаръ и Русскихъ съ словѣнскимъ языкомъ. Но нельзя было изгладить изъ памяти Чеховъ и Моравянъ тотъ фактъ, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ Моравіи, что архіепископъ Меѳодій „Русинъ" отправлялъ богослуженіе по-словѣнски и крестилъ чешскаго князя Боривоя во время князя Святополка [1]). Нельзя было изгладить изъ памяти церкви моравской въ ея столицѣ Оломуцѣ, и изъ памяти церкви чешско-пражской, изъ ихъ церковныхъ латинскихъ книгъ, именъ Кирилла и особенно Меѳодія, котораго всегда считали архіепископомъ моравскимъ (а съ начала XIV в. велеградскимъ). По этому Чехи и Моравяне, почитая память обоихъ своихъ апостоловъ, стали ихъ называть святыми еще до офиціальной ихъ канонизаціи Римомъ. Такъ на пр. лѣтописецъ сазавскій второй половины XII в.—въ латинской лѣтописи этого бывшаго словѣнскаго монастыря—называетъ св. Кирилла святѣйшимъ (a sanctissimo Quirillo episcopo slavonicae literae inventae sunt); а въ началѣ XIV в. въ оломуцкомъ соборѣ существовалъ алтарь святыхъ Кирилла и Меѳодія. Но съ другой стороны поклоненіе обоимъ святымъ не было у Чеховъ такъ распространено, какъ на пр. почитаніе свв. Вячеслава, Людмилы, Войтѣха, Прокопія. Именами Кириллъ и Меѳодій Чехи и Моравяне не крестились; да самыя имена „Цириль" (Cyrillus, Cirillus, а рѣдко Quirillus, что напоминаетъ греческую форму

---

1) Лѣтописецъ Косьма (Fontes rer. bohem. II. 18), несомнѣнно по преданіямъ пражской церкви, говоритъ, что Borivoy dux baptizatus est a venerabili Methodio (Methudio, Metudio) episcopo in Moravia. Такъ наз. Далимилъ, въ началѣ XIV в. (Fontes III. 48). знаетъ уже больше, именно, что Боривой просилъ крещенія

ot Metudějø, arcibiskupa velehradského;
ten arcibiskup Rusín bieše,
mšu svú słovensky słúžieše,
ten Velehradě křstil Čecha prvého,
Bořivoje kněze českého.

Странно, что словѣнское житіе св. Меѳодія ничего не знаетъ о крещеніи чешскаго князя. Срв. выше, стр. 449.

Кириллъ) и „Метудъ" (Metudius) пріурочены позже, съ XV в., къ древнечешскимъ именамъ Цргъ или Црга и Страхота (по предполагаемому производству имени Metudius отъ латин. metus—страхъ); а въ этихъ новыхъ чешскихъ именахъ „Црга (Crha) и Страхота" трудно узнать Кирилла и Меѳодія.

О канонизаціи Римомъ обоихъ апостоловъ славянскихъ вообще, и чешско-моравскихъ въ особенности, позаботился безъ сомнѣнія Карлъ IV, въ которомъ живо было сознаніе славянское. Намъ неизвѣстенъ годъ канонизаціи Кирилла и Меѳодія; но уже въ 1347 г. Карлъ, основывая въ Прагѣ „славянскій" монастырь, посвящаетъ его церковь „дѣдичамъ" чешскимъ свв. Іерониму, Кириллу и Меѳодію, Войтѣху и Прокопію [1]. Тогда составлены и житія (легенды) обоихъ святыхъ патроновъ чешско-моравскихъ (totius gentis Bohemorum), на основаніи такъ назыв. итальянской легенды и домашнихъ лѣтописныхъ и церковныхъ преданій, самостоятельная легенда (т. наз. моравская) и легенды въ связи съ житіями свв. Людмилы и Вячеслава, на латинскомъ и на чешскомъ языкахъ, и ихъ службы въ день ихъ памяти (9 марта) для мисаловъ и бревіаріевъ въ чешско-моравской церкви, съ чтеніями историческаго содержанія. Тогда составлена и молитва церкви чешско-моравской: Omnipotens piissime Deus, qui nos per beatos pontifices ac confessores tuos nostrosque apostolos et patronos, Cirillum et Metudium, ad credulitatem fidei christianae vocare dignatus es, etc. [2].

---

[1] См. выше, стр. 541.

[2] Такую службу изъ бревіарія XIV в. издалъ Дудикъ въ Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften 1880, Bd. 95, p. 341. Срв. Sborník Velehradský I. 155 и 163, III. 264. Легенды напечатаны въ Fontes rer. bohem. I, Výbor z literatury české I. Имя Кириллъ пишется Cyrillus, Cirillus, но тоже Quirillus (и въ чешской легендѣ). Замѣтимъ, что епископомъ Кириллъ не былъ, о чемъ срв. П. Лавровскаго въ Журн. минист. нар. просвѣщ. 1885, апрѣль. Почему память обоихъ апостоловъ пріурочена къ 9 марта, неизвѣстно; съ XVII в. считали этотъ день днемъ кончины Кирилла. Съ 1863 и 1880 гг. память славянскихъ апостоловъ празднуется въ католической церкви 5 іюля, тоже неизвѣстно почему. Въ римскомъ служеб-

Празднованіе свв. Кирилла и Меѳодія, ихъ житія и службы (и съ молитвою), не ограничились одною только церковію чешско-моравскою, а распространились тоже въ нѣкоторыя другія католическія церкви славянскія. Въ Польшѣ встрѣчаются житія (по моравской легендѣ) и службы въ краковскомъ насіоналѣ и въ мисалахъ и бревіаріяхъ, рукописныхъ XIV—XV вв. и печатныхъ съ XVI в., и съ молитвою чешско-моравской церкви, при чемъ слова apostoli et patroni nostri иногда выпускаются, иногда оставляются. Станиславъ Соколовскій въ Officia propria patronorum regni (provinciae) Poloniae (1580, 1596, 1603) помѣстилъ тоже краткія чтенія и службы Кириллу и Меѳодію. Чешское происхожденіе этихъ житій и службъ видно тоже по чешскимъ формамъ Swiatopluk, Swatoplug, Wielehrad, Vyele-, Welechrad, встрѣчающимся подлѣ Swantopluk, Swantopelk, Velegrad Velograd [1]).

Изъ Чехіи службы св. Курилу (а съ конца XIV в. Щурилу, Ћурилу, Ћирилу) и Метудію перешли въ Хорватію (можетъ быть посредствомъ словѣнскаго монастыря пражскаго), и въ латинскія и въ словѣнскія церкви. Въ этихъ хорватскихъ службахъ XIV—XV вв. главная дѣятельность обоихъ апостоловъ переносится тоже въ область чешскаго народа: „пику чешкому тобою свѣтлость просиѣ; се еста двѣ маслинѣ изь заградн солиньские (вѣроятно вмѣсто солуньские, но можетъ быть и Солинъ — Salona въ Далмаціи) бискупи и учитела книги словиньские (словенские) и не незнана (et non imperiti) книги грчкие и латиньские, учеща

никѣ 1880 г. молитва въ этотъ день гласитъ такъ (приводимъ ее по хорватско-глаголич. прибавленію 1881 г. къ мисалу 1741 г.): „Вьсемоги вѣковѣчьни Боже, иже блаженима исповѣдьникома своима и архиерѣома Куриломь и Метудомь словѣньские езики кь познанию имене своего прити даль еси: подаждь, да еюже праздьникомь славимь се, вь тою сьдруженние сьединимь се Господемь нашимь“.

[1]) См. Polkowski: Cześć śś. Cyrylla i Metodego w Polsce (Kraków 1885). Напрасно Польковскій относитъ на пр. краковскую легенду къ концу XIII в., а Бѣлёвскій (Monumenta Poloniae histor. I. 88) молитву къ времени дѣятельности св. Меѳодія въ Польшѣ; все это перешло въ польскую церковь изъ Чехіи и Моравіи не раньше половины XIV вѣка.

и крьстеца народи чешкие; книги словиньскѣ, ерѣи, диакони въ чесцѣи земли урѣди". Но въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ (мисалахъ и бревіаріяхъ), рукописныхъ и печатныхъ, память свв. Кирилла и Меѳодія праздновалась не 9 марта, а 14 февраля, т. е. въ день кончины Кирилла, и изрѣдка 6 апрѣля, т. е. въ день кончины св. Меѳодія. Въ нѣкоторыхъ бревіаріяхъ есть, вмѣсто чтеній (историческаго содержанія) латинскаго происхожденія, выписки изъ пространнаго словѣнскаго житія св. Кирилла, о посольствѣ моравскаго князя „Растислава кь цѣсару Михаилу", объ изобрѣтеніи „словиньскаго письма" и о переводѣ книгъ, о распространеніи ихъ въ Моравѣ, объ устройствѣ духовенства, „иже словиньскимь гласомь и ѣзикомь службп богу供вздаѣли бише", и о кончинѣ Кирилла въ Римѣ [1]).

Такимъ образомъ въ XIV в. возобновлено, благодаря чешской церкви, чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія у югозападныхъ католическихъ Славянъ, и оба апостола считались всеславянскими учителями и просвѣтителями. Болгаре, Сербы и Русскіе изъ давна читали ихъ житія, знакомились съ ихъ дѣятельностію въ Панноніи и въ Моравіи и съ ихъ борьбою съ латинскими епископами за словѣнскій языкъ; изъ давна въ церквахъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ 14 февраля и 6 апрѣля (позже и 11 мая) въ службахъ прославлялись свв. Кириллъ и Меѳодій, учители словѣньска (словеньска) языка, которые просвѣтили всю славянскую землю, „на въстоцѣ и западѣ, сѣверѣ и юзѣ, прѣлагаія-

[1]) Службы издали Берчичъ (Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu sv. Ćirila i Metuda), Месичъ (Tisućnica), Црнчичъ (Starine XIV). Срв. соч. Воронова и Sborník Velehradský I. 182. Въ одномъ глагол. словѣнско-хорват. бревіаріѣ 1443 г. (см. Fontes rerum bohemic. I. стр. XIII и 127) приводятся чтенія изъ словѣнскаго житія св. Вячеслава. Эти словѣнскія житія перешли въ Хорватію вѣроятно изъ Угріи, а не изъ православной Сербіи или Болгаріи. П. Лавровскій (Журналъ минист. народ. просвѣщ. 1886, іюль, августъ) полагаетъ, что и латинская легенда о св. Константинѣ (такъ назыв. итальянская)—латинская передѣлка словѣнскаго пространнаго (паннонскаго) житія св. Константина, сдѣланная хорватскими глаголяшами въ XIII—XIV в.

ще на словѣньскъıи ѩзыкъ отъ грьчьскаго законъ Господьнъ; тѣмъ нынѣ радуѭть сѧ словѣньсти народи, Мисиꙗ (Болгарія) и землꙗ Моравьскаꙗ и Панопьскаꙗ чьстьно тѣло Меѳодиꙗ имѫщи, великааго пастырꙗ Словѣномъ и прѣмѫдраго обратьника свѧтыимъ буквамъ. Разгнаноѥ ѥретикы стадо ваю съхраните въ вѣрѣ правовѣрьнѣи". А 14 февраля и католики Хорваты вспоминали о свв. Курилѣ (Ћурилѣ) и Метудіѣ, „дикѣ (гордости) словѣньскимь ерѣомь", учителяхъ „книги словинськие, вь чесцѣи земли и вь Моравѣ". Наконецъ и Чехи, Поляки и другіе католическіе Славяне въ 9 день марта прославляли свв. патроновъ Цирила и Метудія, пришествію которыхъ обрадовалась tota gens Bohemorum въ Моравіи и въ Чехіи, которые missas et divina officia in lingua slavonica decantabant, quod quidem in partibus slavonicis ad haec tempora observatur; св. Метудій (Метудѣй, Методѣй) крестилъ чешскаго князя Боривоя и его супругу Людмилу cum tota gente Bohemorum, предсказавши князю, quod si fidem Christi assumeret, ipse et sui successores majores omnibus principibus linguae slavonicae fierent, quod verifice est impletum usque in hodiernum diem, quia principes et reges Bohemiae majores sunt totius linguae slavonicae [1]). А въ чешско-моравскихъ и въ польскихъ церквахъ чествовались свв. Цирилъ и Метудій какъ апостолы и патроны, обратившіе Чеховъ и Поляковъ ad credulitatem fidei christianae. Въ легендахъ латинскихъ и чешскихъ, Чехи и Поляки читали не только о крещеніи Моравлянъ и Чеховъ, но и Болгаръ, и о томъ, какъ sv. Quirillus boží službu słovenským jazykem zřiedił, a všeckno písmo starého i nového zákona słovensky přełožił, a ten pořád ve słovenských vłastech držie až do dnešnieho dne.

---

[1]) Въ легендахъ разсказывается только, что св. Меѳодій предсказывалъ Боривою, quod ipse et sui successores potentiores omnibus principibus et regibus fierent, что̀ въ службахъ расширено; вѣрно, что императоръ и чешскій король Карлъ былъ тогда первый славянскій государь. Въ польской передѣлкѣ легенды (Polkowski p. 19) тоже разсказывается, что св. Меѳодій предсказывалъ Боривою, что successores ejus potentiores omnibus principibus et regibus linguae sclavonicae fierent.

Дѣятельность свв. апостоловъ Кирилла и Меѳодія описана въ житіяхъ словѣнскихъ, греческихъ, латинскихъ и чешскихъ, которыми пользовались и лѣтописцы и другіе писатели, прибавляя по своему усмотрѣнію разныя свои выдумки, и не заботясь объ исторической критикѣ. Всѣ Славяне хотѣли быть крестниками и учениками любимыхъ своихъ апостоловъ, просвѣтителей, учителей. Въ Болгаріи уже въ XI в., а тѣмъ болѣе позже, стали утверждать, что свв. апостолы окрестили Словѣнъ или Болгаръ, перевели священныя книги на языкъ словѣнскій или болгарскій, что св. Кириллъ былъ Болгариъ, распространялъ христіанство въ Болгаріи, въ Терновѣ и въ македонско-словѣнской Брѣгальницѣ, да что онъ богомъ посланъ именно для крещенія Болгаръ, князей болгарскихъ, и тоже Десиміра моравскаго. Въ концѣ XIV в. составлено по словамъ пространнаго (панонскаго) житія о посольствѣ моравскаго Ростислава—болгарское повѣствованіе, какъ болгарскій царь Михаилъ просилъ у греческихъ царей Михаила и Василія болгарскихъ учителей, и какъ Кириллъ изобрѣлъ болгарское письмо, отправился въ Болгарію и здѣсь вмѣстѣ съ двумя монахами, Меѳодіемъ и Дамаскиномъ, переводилъ священныя книги съ языка греческаго на болгарскій или словенскій. Этотъ разсказъ повторяли въ Болгаріи еще въ XVIII в.; а Паисій тоже называетъ Кирилла и Меѳодія прежде всего апостолами болгарскими, и полагаетъ, что они съ помощью другихъ перевели въ Охридѣ священныя книги для Болгаръ и вообще для Словенъ, и пр. Въ югозападной Македоніи, въ областяхъ охридской и др., память свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ седмичисленниковъ чествовалась съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ [1]). Разсказъ о крещеніи Болгаръ свв. апостолами, особенно Константиномъ, распространился рано, въ XI—XII вв., на Русь, къ адріатическимъ Славянамъ и къ Чехамъ. Но и адріатическіе „Словине" уже въ XII в. представляли себѣ главною областью дѣятельности философа Константина свое „словинское" королевство (т. е. хорватско-сербскую Далмацію), и здѣсь, въ го-

[1]) О чествованіи свв. апостоловъ славянскихъ у Болгаръ см. обширно въ статьѣ Сырку въ варшав. Филолог. Вѣстникѣ 1887, I. стр. 73—107.

сударствѣ словинскаго короля Святополка, Константинъ устроилъ словинскія или хорватскія священныя книги. И такъ моравскій князь Святополкъ измѣнился въ югославянской лѣтописи діоклейскаго попа въ словинскаго короля Далмаціи, а въ Болгаріи онъ принялъ другое сербско-болгарское имя Десиміръ, являясь вмѣстѣ съ болгарскими князьями, именно съ Радивоемъ; Коцелъ же, князь блатенскій въ Панопіи, названъ въ Болгаріи княземъ „лѣшскимъ". Подобно тому въ позднѣйшей передѣлкѣ пространнаго житія св. Константина, сдѣланной въ XVII в. въ югозападной Руси, Святополкъ названъ княземъ моравскимъ, туровскимъ и всей Россіи; перенесеніе Святополка на Русь имѣетъ извѣстную связь съ разсказомъ объ изобрѣтеніи „русскаго" письма св. Константиномъ, и съ позднѣйшими изъ польскихъ хроникъ почерпнутыми сказаніями о господствѣ Святополка на Руси. Русскіе читатели имѣли впрочемъ хорошія свѣдѣнія о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ и въ печатныхъ Четьихъ-Минеяхъ [1]).

Чешскіе лѣтописцы, и по нимъ польскіе, разсказывали разныя подробности о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, о введеніи словѣнскаго языка въ богослуженіи у западныхъ Славянъ. Одинъ Длугошъ вспомнилъ объ этомъ вкратцѣ но вѣрно, придерживаясь русской лѣтописи, которая почерпнула свое извѣстіе изъ пространнаго житія св. Меѳодія. Другіе лѣтописцы, чешскіе и польскіе, смѣшивали исторію съ своими фантазіями; эти ихъ разсказы переходили, посредствомъ польскимъ (особенно хроники и космографіи М. Бѣльскаго), тоже на Русь и оттуда и къ южнымъ Славянамъ. Такимъ образомъ фантастическій разсказъ чешскихъ лѣтописцевъ Пулкавы и Гайка о крещеніи чешскаго князя Боривоя перешелъ въ Польшу, на Русь и въ Сербію: Боривой крещенъ-де Грекомъ Кирилломъ (по Гайку Црготою), въ слѣдствіе внушенія Святополка моравскаго короля, который въ то время владѣлъ и русскою землею; у него-де были однажды въ гостяхъ Боривой чешскій, Семовитъ польскій и рус-

---

[1]) О русскихъ повѣствованіяхъ о славянскихъ апостолахъ см. обширно выше, стр. 430—431, 447—455.

скій бояринъ, а Святополкъ съ русскимъ бояриномъ были воспріемниками Борнвоя [1]).

Съ введеніемъ восточнаго христіанства въ Чехіи и въ Моравіи свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ связывали чешскіе гуситы (утраквисты и братья) важный символъ своей церкви, причащеніе подъ обоими видами, утверждая, что этотъ общій гуситскимъ Чехамъ и восточной православной церкви обычай существовалъ у Чеховъ со временъ св. Цирила или Црги до возникновенія гуситства [2]). Въ такомъ смыслѣ пишутъ Билеёвскій, Яфетъ, Странскій, Коменскій и др. писатели XVI—XVII вв., и въ 1525 г. чешскіе утраквистскіе послы говорили папскому легату, что св. Црга, епископъ моравскій и чешскій, испросилъ у папы разрѣшеніе для Чеховъ причащенія подъ обоими видами [3]). Чешскіе лѣтописцы и историки XIV—XVII вв., Пулкава, Гаекъ, Дубравскій, Папроцкій, Пешина, Бальбинъ и др. разсказываютъ разные факты изъ жизни свв. апостоловъ „архіепископовъ моравскихъ“, болѣе или менѣе достовѣрные и выдуманные, при чемъ историки XVII в. пользовались изданною тогда въ собраніи Болландистовъ легендою итальянскою. Пулкава и послѣ него и другіе разсказываютъ, что оба апостола скончались и похоронены въ Римѣ [4]). Обширно говоритъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія католическій священникъ моравскій Іоаннъ *Средовскій*: Sacra Moraviae historia sive vita ss. Cyrilli et Methudii... Welehradensium

---

[1]) См. выше, стр. 449, 565.

[2]) См. выше (стр. 543) упомянутую статью Васильева.

[3]) Bartošova Kronika pražská (XVI в.), стр. 182.

[4]) По этому въ XVI в. оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій хлопоталъ о возвращеніи ихъ мощей изъ Рима въ Моравію. Ossa divorum Cyrilli et Metudii episcoporum sacra, qui fidem catholicam primi in marchionatu nostro Moraviae docuerunt, Romae delitescere accepimus—пишетъ императоръ и король чешскій Рудольфъ папѣ Григорію XIII (12 ноября 1580). Письмо (изъ ватикан. архива) сообщилъ Ѳ. Вержбовскій въ чеш. журн. Koleda 1881, p. 285, и въ варшав. Ateneum 1881, III. 573. Въ началѣ XVIII в. Средовскій выразилъ желаніе, чтобъ мощи обоихъ апостоловъ моравскихъ были перенесены изъ Рима въ Моравію. Замѣтимъ, что еще Добровскій думалъ, что Меѳодій скончался въ Римѣ.

archiepiscoporum, meritis Moraviae, Bohemiae, superioris Silesiae, Gazariae, Serviae, Croatiae, Mengrelliae, Circassiae, Bulgariae, Triballiae, Bosniae, Russiae, Dalmatiae, Pannoniae, Daciae, Carinthiae, Carnioliae et universae pene Slavoniae zelantissimorum apostolorum (1710). Стредовскій смѣшалъ здѣсь нѣкоторые достовѣрные факты съ многими фантазіями и выдумками книжниковъ и своими; но съ другой стороны избранный предметъ далъ ему поводъ коснуться разныхъ вопросовъ по исторіи Славянъ, ихъ крещенія, перевода св. книгъ на словѣнскій языкъ (Іеронимомъ и Кирилломъ) и пр.; при томъ Моравія (Велеградъ) выставляется какъ-бы центромъ, откуда, стараніемъ обоихъ апостоловъ, христіанство распространилось во всѣхъ славянскихъ странахъ (въ томъ числѣ и на Руси), и куда часто собираются князья чешскіе, польскіе, русскіе и др. славянскіе.

Болѣе критическая разработка дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ въ чешской исторіографіи началась только со второй половины XVIII вѣка. Любопытно, что тогда между двумя главными представителями критической разработки древней чешской исторіи, Добнеромъ и Добровскимъ, завязался споръ о словѣнскомъ богослуженіи въ Чехіи, при чемъ Добнеръ защищалъ—противъ Добровскаго—участіе Меѳодія въ обращеніи Чеховъ и бо́льшую древность глаголицы а не кирилицы. Вопросъ о дѣятельности славянскихъ апостоловъ могъ быть рѣшенъ только съ помощью словѣнскихъ житій и другихъ памятниковъ, которыми славянская наука воспользовалась уже послѣ Добровскаго [1].

Западные Славяне, Чехи и Поляки, имѣли—по своимъ легендамъ (моравской и краковской)—извѣстныя свѣдѣнія о борьбѣ Константина изъ-за словѣнскаго языка въ богослуженіи и о его спорѣ о томъ съ папою и латинскими епископами въ Римѣ; а Хорваты, зная словѣнское (паннонское) житіе св. Константина, могли подробнѣе познакомиться съ этою борьбою апостола съ нѣ-

---

[1]) Важность словѣнскихъ житій понялъ уже Шлецеръ, хотя онъ ихъ зналъ только по печатнымъ Четьимъ-Минеямъ. Срв. выше упомянутую статью Ягича: Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи.

мецкими и итальянскими „тріязычниками“—защитниками привилегіи въ богослуженіи только трехъ языковъ, еврейскаго, греческаго и латинскаго. Національная вражда Нѣмцевъ и Итальянцевъ противъ Славянъ западныхъ и южныхъ сказалась и въ этой борьбѣ, и латинско-нѣмецкіе и латинско-итальянскіе епископы, со времени Константина и Меѳодія, не переставали презирать и свирѣпо преслѣдовать словѣнское богослуженіе у западныхъ и югозападныхъ Славянъ [1]).

Подобную тому борьбу пришлось выдержать и южнымъ Славянамъ, именно Болгарамъ, съ Греками, которые всегда стремились къ политическо-національному и церковному порабощенію южныхъ Славянъ на балканскомъ полуостровѣ. Болгаре, принявъ христіанство, молились, находясь подъ властію Грековъ, на греческомъ, а находясь подъ властію папы, на латинскомъ языкѣ; Греки смотрѣли на словѣнскій переводъ богослужебныхъ книгъ почти тѣми же самыми глазами, какъ и латиняне, и встрѣтили появленіе словѣнскихъ книгъ въ Болгаріи весьма недружелюбно [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 518, 522, 603. Какъ прекрасно отдѣлалъ, „посрами“ этихъ ограниченныхъ тріязычниковъ просвѣщенный Константинъ уже въ Венеціи, гдѣ итальянскіе епископы, попы и черноризцы напали на него, какъ вороны на сокола, какъ выражается авторъ его житія (гл. 16): Како вы ся не стыдите, три языки токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпымъ велящe быти и глухымъ? Скажите ми, бога творяще немощна, яко не могуща сего дати, или завистлива, не хотяща дати? Мы многы роды знаемъ книгы умѣюща, богу славу въздающе своимъ языкомъ кождо, явѣ же суть си: Ормени, Перси, Авазги, Иверп, Сугди, Готои, Обре, Турци, Козаре, Аравляне, Египтяне, Сури и ини мнози. Аще ли не хощете отъ сихъ разумѣти, поне отъ книгъ познайте судію, и пр.

[2]) По словамъ Е. Голубинскаго: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской (Москва 1871, стр. 33). Странно, что ни Фотій ни Константинъ Порфирогенъ ни другіе византійско-греческіе писатели IX—X вв. ничего не говорятъ о Константинѣ и Меѳодіѣ. По словамъ житія св. Меѳодія (гл. 13) греческій императоръ Василій, познакомившись съ Меѳодіемъ въ Царьградѣ (882 г.), похвалилъ его ученіе и оставилъ у себя изъ его духовенства попа и діакона съ книгами (словѣнскими); императоръ и патріархъ Фотій приняли и проводили Меѳодія съ большимъ

Они—какъ свидѣтельствуетъ болгарскій черноризецъ Храбръ—еще во время учениковъ и преемниковъ Константина и Меѳодія въ Болгаріи порицали подвигъ обоихъ апостоловъ, хотя такихъ же Грековъ, и упрекали ихъ, что не нужно было придумать особыя буквы для словѣнскаго языка, а можно было писать по-словѣнски просто греческимъ письмомъ „безъ устроенія"; что словѣнскія книги (письмо) не нужны, такъ какъ „богъ повелѣлъ быти книгамъ трими языкы, жидовьскы и римьскы и еллиньскы, а словѣньскы нѣсть". Такія возгласы „окаянныхъ и безумныхъ" тріязычниковъ не имѣли въ самостоятельной Болгаріи никакихъ практическихъ послѣдствій, но приняли болѣе осязательный видъ послѣ покоренія Болгаріи Греками, и водворенія господства греческаго элемента въ охридскомъ патріархатѣ. Греческій авторъ житія св. Климента XI в. старался доказать Болгарамъ, что напрасны ихъ ссылки на то, будто словѣнское богослуженіе введено у нихъ первоучителями Константиномъ и Меѳодіемъ; болгарскаго князя Бориса оба отцы обратили въ христіанство посредствомъ проповѣди на прекрасномъ греческомъ языкѣ, но потомъ, видя скотоподобную тупость болгарскаго народа, они нашли необходимымъ изобрѣтеніе азбуки и переводъ не богослужебныхъ книгъ, а священнаго писанія; а богослуженіе въ Болгаріи совершалось-де при Климентѣ на греческомъ языкѣ, и пр. [1]) Господство греческаго элемента въ рядахъ іерархіи охридскаго патріархата продержалось до его уничтоженія (1767); это господство, конечно, не исключало существованія словѣнскаго церковнаго языка рядомъ съ греческимъ, и его употребленія самими патріархами [2]). Болгарскій патріархатъ терновскій исчезъ въ концѣ XIV в., а сербскій печскій одновременно съ охридскимъ; всѣ они присоединены къ греческому патріархату, и такимъ образомъ греческій элементъ восторжествовалъ повсюду въ церквахъ болгарской и сербской. Борьба между Славянами и Греками, прекратившаяся по-

---

почетомъ. Объ этомъ путешествіи Меѳодія въ Царьградъ см. у Малышевскаго Свв. Кириллъ и Меѳодій (Кіевъ 1886, стр. 273—283).

[1]) По словамъ Е. Голубинскаго: Свв. Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе (Москва 1885, стр. 54—57).

[2]) См. выше, стр. 564. Срв. Голубинскаго Очеркъ.

слѣ появленія Турокъ на аренѣ политической, велась дальше въ области церковной, повела къ преслѣдованію словѣнскихъ книгъ Греками и отразилась между прочимъ и на памяти Константина и Меѳодія [1]). Въ половинѣ XVII в. славянскіе (сербскіе и болгарскіе) монахи монастырей аѳонскихъ и другихъ разсказывали: Греки горды и намъ Сербамъ изъ давныхъ вѣковъ ненавистны, какъ мы Сербы и Болгары крестились и государи наши посылали къ нимъ Грекамъ, чтобъ они намъ преложили книги на словенскій языкъ и они намъ отказали, ненавидя насъ, и чтобъ имъ Грекомъ у насъ быть во власти; и какъ богъ далъ намъ Кирилла философа, родился отъ отца Болгарина и отъ матери Грекини, и навыкъ грамотѣ греческой и латинской и словенскому языку. И тотъ Кириллъ ходилъ во Царьградъ, докладывалъ, чтобъ ему поволили сложить словенскую грамоту, и они ему не поволили и запретили; и онъ ходилъ въ Римъ къ папѣ Адріану благочестивому и папа ему благословилъ. И какъ Кириллъ грамоту словянскую сложилъ,—и Греки много искали, гдѣ бъ сыскавъ его убить,—и Кириллъ то свѣдавъ, укрывался въ дальнихъ Словянахъ, что нынѣ живутъ подъ цесаремъ и тамъ и преставился, и папа повелѣлъ мощи его взять въ Римъ и погребъ его въ Римѣ въ церкви святыхъ апостоловъ; и брата его Меѳодія папа Адріанъ поставилъ епископа въ Паноніи, иже нынѣ тѣ Словене подъ кесаремъ и въ Венграхъ; да и до сѣхъ мѣстъ насъ ненавидятъ Греки, что мы по словенскимъ книгамъ чтемъ, и архіепископа и митрополитовъ и епископовъ и поповъ своихъ имѣемъ, а имъ хочется, чтобъ всѣ они у насъ владычествовали [2]).

Кириллъ и Меѳодій—личности всѣмъ Славянамъ въ высшей степени симпатичныя. Всѣ Славяне безъ различія вѣроисповѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 204 и 570.

[2]) По словамъ русскаго монаха Арсенія Суханова, путешествовавшаго въ Турціи (1650 г.) и передавшаго этотъ разсказъ славянскихъ монаховъ одного молдавскаго монастыря-метохіи аѳонскаго монастыря зографскаго (Христіанское Чтеніе 1883, II. 695). Монахи разсказывали Суханову тоже о сожженіи славянскихъ книгъ на Аѳонѣ Греками; см. выше, стр. 570. Сырку (Служба святителю Меѳодію, въ варшав. Филолог. Вѣстникѣ 1887, I. 96) напрасно приписываетъ этотъ разсказъ православныхъ славянскихъ монаховъ вліянію Болгаръ ка-

данія, православные, уніаты, католики, гуситы, протестанты, съ рѣдкимъ въ славянскомъ мірѣ единодушіемъ, считали ихъ своими апостолами, учителями, просвѣтителями; всѣ хотѣли быть ихъ учениками, не только тѣ, которые, исповѣдуя православную вѣру восточную, сохранили ихъ наслѣдіе—словѣнское письмо и богослуженіе, но тоже Славяне западные, католики и протестанты. Всѣ Славяне смотрѣли съ одинаковымъ благоговѣніемъ на дѣятельность обоихъ своихъ просвѣтителей въ дунайскихъ областяхъ, всѣхъ ихъ тянуло въ завѣтную Панонію, въ ту „мать и колыбель славянскихъ народовъ", откуда, по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, вышли разные народы славянскіе. Всѣ Славяне хотѣли бы, чтобъ эта Панонія принадлежала имъ всѣмъ, а Святополкъ былъ не только княземъ Великой Моравы, а тоже княземъ словинско-далматинскимъ (хорватско-сербскимъ), болгарскимъ и русскимъ, чтобъ письмо изобрѣтенное св. Кирилломъ было не только „словѣнское", а тоже болгарское, сербское, хорватское, русское. Многіе Славяне производили себя отъ подунайскихъ Словѣнъ, и разсказывали, какъ они разошлись съ береговъ Дуная на востокъ и на западъ, на сѣверъ и на югъ. Давно миновали тѣ времена, когда еще „бѣ единъ языкъ словѣнескъ, Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, Морава, Чеси, Ляхове и Русь, Хровате, Серебь и Хорутане"; давно уже „разидеся словѣнескъ языкъ", и очень многое разъединило Славянъ въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ. Подвигъ и память свв. Кирилла и Меѳодія единили разошедшихся и разъединенныхъ Славянъ, и они сходились подъ примиряющимъ и соединяющимъ ихъ священнымъ по истинѣ всеславянскимъ знаменемъ своихъ великихъ просвѣтителей.

толиковъ; антагонизмъ между Славянами и Греками могъ породить такой разсказъ и среди православныхъ южныхъ Славянъ, знавшихъ пространныя (панонскія) житія обоихъ апостоловъ; житіе св. Константина они могли удобно прочитать и въ хиландарскихъ словѣнско-сербскихъ Четьихъ Минеяхъ 1623 г. (срв. Труды кіев. дух. академіи 1877, IV. 92—110). Срв. тоже выше, стр. 338, неблагопріятный отзывъ одного Грека о Кириллѣ.

Цѣна 2 рубля 50 коп.

2007051275